

у отца юрты, лицомъ на полночь, и нач
бубенъ—сначала рѣже и тише, потомъ
изрѣдка свиститъ глухо и протяжно, п
свистомъ ду-
ховъ, причемъ
слышатся по-
перемѣнно два
различные сви-
ста: внутрен-
ній, произво-
димый при
вдыханіи воз-
духа, и на-
ружный — при
выпусканіи его
изъ груди
сквозь губы;
поетъ закли-
нанія, вызы-
вая или пере-

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXVIII. — ТОМЪ CCCXCIX. — 1/14 ЯНВАРЯ 1904.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

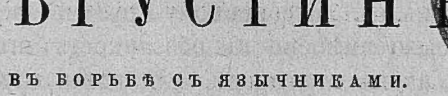
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1904

3299

БЛАЖЕННЫЙ

АВГУСТИНЪ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЯЗЫЧНИКАМИ.

„Наша главная забота—разбивать идолы въ ихъ *сердцахъ*".

I.

Новый міръ отдѣленъ отъ древняго величайшимъ культурнымъ событіемъ, совершившимся въ IV вѣкѣ,—торжествомъ христіанства надъ язычествомъ. Наиболѣе видная роль въ этомъ переворотѣ принадлежитъ Блаженному Августину; она принадлежитъ ему потому, что его дѣятельность въ борьбѣ съ язычествомъ не ограничилась предѣлами его собственной жизни, но выразилась въ творческомъ замыслѣ, озарившемъ новымъ свѣтомъ прошлое человѣчества и послужившемъ свѣточемъ длинному ряду поколѣній. Возводя борьбу христіанства съ язычествомъ къ идеѣ вѣчнаго антагонизма *Божьяго* и *земного* града, Августинъ далъ потомству первую философію исторіи и руководящіе принципы для воззрѣній на церковь и государство.

Личная жизнь Августина сплетена самымъ тѣснымъ образомъ съ судьбою язычества. Воспитанный въ язычествѣ и обязанный ему своимъ образованіемъ, Августинъ сталъ христіаниномъ послѣ мучительной внутренней борьбы, переживъ въ самомъ себѣ антагонизмъ двухъ міровоззрѣній и торжество христіанства. Въ своей долгой жизни онъ былъ очевидцемъ всѣхъ перипетій, испытанныхъ отживавшимъ язычествомъ. Годъ его

рожденія совпадаетъ съ нанесеніемъ язычеству государственною властью перваго рокового удара—изданіемъ сыномъ Константина, Констанціемъ, закона, предписавшаго закрытіе храмовъ, воспрещавшаго жертвоприношенія и угрожавшаго смертною казнью за поклоненіе идоламъ. Въ раннемъ дѣтствѣ Августинъ былъ свидѣтелемъ кратковременнаго возстановленія господства язычества при Юліанѣ; но первое важное событіе въ жизни Августина—его посвященіе въ пресвитеры,—снова совпадаетъ съ смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ язычеству. Въ 391 г., въ новой императорской столицѣ, въ Миланѣ, былъ изданъ указъ, „чтобы никто не оскверналъ себя жертвоприношеніями, никто не убивалъ невинныхъ жертвенныхъ животныхъ, никто не входилъ въ храмъ, никто не поклонялся сотворенному руками человѣка идолу". Магистратамъ было вмѣнено въ обязанкость штрафовать нарушителей этого закона въ городѣ, или вдали отъ жилищъ, пеней въ 15 ф. золота—подъ страхомъ собственныхъ денежныхъ пеней. Примѣненіе этого закона въ Африкѣ было задержано обстоятельствами,—въ особенности могуществомъ Гильдона. Этотъ вождь языческихъ мавровъ примкнулъ къ узурпатору Евгенію, замѣнившему на миланскомъ престолѣ несчастнаго юношу—Валентиніана II, именемъ котораго былъ изданъ законъ 391 г. Но побѣда Ѳеодосія I надъ Евгеніемъ и подавленіе возстанія Гильдона въ 397 г. поддержали и въ сѣверной Африкѣ ревнителей христіанства. Въ 399 г., какъ сообщаетъ самъ Августинъ, императорскіе графы (военные командиры) Гауденцій и Іовій закрыли въ самомъ Карѳагенѣ языческіе храмы. Съ цѣлью успокоить язычниковъ, правительство прислало изъ Падуи, отъ 20 августа, разъясненіе, что оно не имѣло въ виду отмѣнить праздничныя сборища (solemnitates) гражданъ и всеобщее веселье, а воспретило лишь „спасительнымъ закономъ" языческія жертвоприношенія. Христіане были этимъ недовольны: на праздничныхъ сборищахъ совершались жертвоприношенія — хотя и не кровавыя, но—что всего хуже—въ всеобщемъ весельи принимали участіе, какъ мы увидимъ, и христіане.

Въ виду этого соборъ африканскихъ епископовъ въ Карѳагенѣ, въ 401 г., ходатайствовалъ—при участіи, конечно, Августина—о воспрещеніи такихъ празднествъ. Строгія мѣры, принятыя въ это время противъ донатистовъ, повлекли наконецъ за собой катастрофу также и для африканскихъ язычниковъ, и 9 іюня 408 былъ объявленъ въ Карѳагенѣ указъ, касавшійся какъ донатистовъ, такъ и язычниковъ: доходы языческихъ храмовъ были отобраны въ казну и обращены въ пользу „вѣрнаго воинства"; идолы

подлежали истребленію; храмы въ императорскихъ владѣніяхъ— обращенію на общественныя надобности, въ частныхъ—разрушенію; алтари—повсемѣстному уничтоженію; всякаго рода пиршества и празднества „съ нечестивой цѣлью и въ зазорныхъ мѣстахъ" совершенно воспрещались. Язычество было оффиціально похоронено. Такимъ образомъ, императорское законодательство сдѣлало все, отъ него зависящее; дальнѣйшая борьба съ язычествомъ—въ *сердцахъ* и убѣжденіяхъ—оставалась дѣломъ африканскаго духовенства, среди котораго Августинъ занималъ руководящее положеніе.

Борьба съ язычествомъ беретъ въ перепискѣ Августина и въ его личныхъ сношеніяхъ гораздо меньше мѣста, чѣмъ борьба съ ересью, и отсюда можно заключить, что первое представлялось Августину и менѣе опаснымъ противникомъ. По сочиненіямъ Августина, поэтому, трудно составить себѣ полное представленіе о положеніи язычества и о постепенномъ исчезновеніи его въ сѣверной Африкѣ. Но тѣмъ больший интересъ вызываютъ въ насъ мимоходомъ набросанныя Августиномъ яркія сцены, въ которыхъ проявились послѣднія судороги вымирающаго язычества. Гораздо больше мѣста отведено въ перепискѣ *духовной* борьбѣ съ язычествомъ, въ которой Августинъ проявляетъ всю силу своего убѣдительнаго краснорѣчія при обращеніи язычника въ христіанство и все мастерство своей діалектики, сокрушавшей доводы противниковъ христіанской догматики и ихъ апологію язычества.

Какъ же жили и уживались между собою африканскіе христіане и язычники при измѣнявшихся условіяхъ, въ которыя ставило ихъ императорское законодательство? Сочиненія Августина представляютъ намъ интересный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса. Мы видимъ, напр., какъ, особенно въ деревняхъ и на границѣ римскаго и варварскаго міровъ, житейскіе интересы связываютъ христіанъ и язычниковъ, и какъ отсюда, при отвращеніи христіанъ къ язычеству и ихъ страхѣ *оскверниться*, возникаютъ для нихъ различныя затрудненія и казуистическія сомнѣнія. Съ цѣлымъ рядомъ такихъ недоумѣній обращается, напр., къ Августину нѣкій Публикола, одинъ изъ африканскихъ помѣщиковъ.

Помѣстье Публиколы находилось въ Арзугахъ, близъ римской границы; жившія за рубежомъ племена оставались язычниками, но римскіе христіане поддерживали съ ними постоянныя сношенія: то римскіе помѣщики, или ихъ крупные арендаторы, нанимали язычниковъ, чтобы сторожить ихъ поля, т.-е. за-

щищать ихъ отъ грабежей другихъ кочевниковъ; то командовавшій на границѣ дэкуріонъ или военный трибунъ подряжалъ кочевниковъ для перевозки казеннаго провіанта или другихъ тяжестей; то купцы или другіе путники нанимали себѣ изъ язычниковъ *конвойныхъ*; во всѣхъ этихъ случаяхъ съ язычниковъ брали клятву вѣрности, которую тѣ давали именемъ языческихъ боговъ. У Публиколы и зародилось сомнѣніе—не грѣхъ лм это? Еще болѣе его безпокоило то, что, какъ ему передавали, его собственные арендаторы нанимали язычниковъ для охраны полей и брали съ нихъ клятву. Не оскверняется ли этимъ самая жатва и не согрѣшитъ ли христіанинъ, который будетъ ѣсть хлѣбъ съ этого поля, согласно со словами апостола, или воспользуется деньгами, вырученными отъ продажи этого хлѣба? Правда, другіе его увѣряли, что его арендаторы не берутъ такой клятвы. Такъ кàкъ же ему быть: не опросить ли самому свидѣтелей, чтобы узнать, кто изъ нихъ говоритъ правду, а до тѣхъ поръ воздерживаться отъ припасовъ, или дохода съ этого имѣнія? Публикола просилъ скораго и точнаго отвѣта, чтобы ему не впасть въ еще бòльшую тревогу.

Августинъ былъ не особенно радъ выпавшей на его долю обязанности, и далъ понять Публиколѣ, что не раздѣляетъ его тревогъ и едва ли съумѣетъ его успокоить, такъ какъ „дать совѣтъ еще не значитъ—убѣдить, что онъ хорошъ". Августинъ находитъ, что тотъ, кто пользуется услугами язычника, поклявшагося ложными богами, и пользуется не на дурное дѣло, не беретъ на себя грѣха, заключающагося въ языческой клятвѣ. Что же касается до вопроса, слѣдуетъ ли брать съ язычниковъ клятву, то это разрѣшается свидѣтельствами Ветхаго завѣта, напр., о томъ, что Лаванъ поклялся Аврааму богомъ Нахора. Правда, въ Новомъ завѣтѣ сказано, что не слѣдуетъ давать клятвы. Но, по объясненію Августина, это сказано вовсе не потому, что клятва есть грѣхъ, а потому, что преступить клятву есть большой грѣхъ, отъ котораго насъ хотѣлъ избавить Тотъ, Кому принадлежатъ тѣ слова. Затѣмъ, нигдѣ въ священномъ писаніи не запрещается принимать клятвы отъ другихъ. „Если бы мы, пока живемъ на землѣ, уклонялись отъ этого обычая, то заручились бы сомнительнымъ миромъ. Ибо не только для пограничныхъ, но для всѣхъ римскихъ провинцій миръ обезпечивается клятвами варваровъ. Поэтому думать, что такими клятвами оскверняются всѣ блага, вытекающія изъ этого мира, было бы величайшею нелѣпостью".

Публикола осыпалъ Августина еще цѣлымъ рядомъ вопро-

совъ, характерныхъ для умственнаго склада тогдашнихъ христіанъ:—Если на границѣ будетъ командовать язычникъ, и онъ дастъ варварамъ языческую клятву, то не оскверпитъ ли онъ тѣхъ, ради которыхъ даетъ клятву? Если съ гумна, или точила, или изъ рощи возьмутъ пшеницу, или масла, или дровъ для принесенія жертвы богамъ, то не согрѣшитъ ли христіанинъ, пользуясь остальнымъ? Если кто купитъ на рынкѣ мяса, которое не было принесено въ жертву богамъ, и ему придетъ на умъ сомнѣніе, не было ли оно принесено въ жертву, и онъ все-таки отвѣдаетъ отъ него, то не согрѣшитъ ли? Если кто ложно скажетъ, что это—жертвенное мясо, а потомъ признается, что это ложь, то можетъ ли христіанинъ ѣсть, или продавать такое мясо?

Августинъ отвѣтилъ, что если христіанинъ дозволитъ принести что-нибудь въ жертву богамъ съ своего гумна, то согрѣшитъ: но если *послѣ* узнаетъ, что это случилось, или если не имѣетъ возможности помѣшать этому, то онъ можетъ свободно пользоваться своимъ добромъ. Вѣдь черпаемъ же мы воду изъ источниковъ, изъ которыхъ завѣдомо брали воду для жертвъ; вѣдь дышемъ же мы воздухомъ, въ который поднимается дымъ съ алтарей язычниковъ. Предостерегая Публиколу отъ излишней мнительности, Августинъ замѣчаетъ, что если бы кто-нибудь сталъ брезгать овощами, выросшими на огородѣ языческаго храма, то осудилъ бы апостола, который принималъ пищу въ Аѳинахъ, хотя это былъ городъ, посвященный Минервѣ.

Публикола досаждалъ Августину и другими вопросами, не имѣвшими отношенія къ язычникамъ: можетъ ли христіанинъ для защиты своего владѣнія окружить его стѣной, и если нападутъ на эту стѣну враги и произойдетъ кровопролитіе, то не будетъ ли построившій эту стѣну виновникомъ убійства? Августинъ доводитъ до абсурда вопрошателя, осыпая его самого вопросами: слѣдуетъ ли, чтобы быки въ стадѣ христіанина были безъ роговъ, лошади его безъ копытъ, дабы не причинить кому-либо смерти? Слѣдуетъ ли христіанину не держать въ домѣ желѣзныхъ орудій, которыми можно себя поранить,—или не имѣть въ саду деревьевъ и веревокъ, такъ какъ на нихъ можно повѣситься, или не имѣть въ домѣ оконъ, такъ какъ изъ нихъ можно выскочить?

Всего болѣе, повидимому, Августина затруднялъ вопросъ: если христіанинъ въ пути будетъ страдать, въ теченіе многихъ дней, голодомъ и, уже чувствуя приближеніе смерти, найдетъ въ уединенномъ капищѣ мясо, то долженъ ли онъ воздержаться отъ него? Чтобы выйти изъ затрудненія, Августинъ воспользовался

неопредѣленностью вопроса; Публикола не сказалъ, что мясо въ капищѣ было жертвеннымъ мясомъ: оно могло быть, разсуждаетъ Августинъ, забыто другими путниками, совершавшими тамъ свою трапезу, или оказаться тамъ по другой причинѣ. Отсюда три возможности: или это несомнѣнно жертвенное мясо; или несомнѣнно, что—нѣтъ; или неизвѣстно, какое это мясо. Въ первомъ случаѣ лучше, если христіанская доблесть побрезгаетъ имъ; въ остальныхъ—оно безъ всякаго угрызенія совѣсти можетъ быть употреблено въ пищу.

Но такъ какъ путникъ Публиколы былъ одинъ, и ему не отъ кого было узнать, какое передъ нимъ мясо, то, слѣдуя указанію Августина, онъ былъ бы спасенъ отъ голодной смерти.

Въ этой перепискѣ заслуживаетъ вниманія еще одно мѣсто, касающееся разрушенія языческихъ храмовъ. Когда,—говоритъ Августинъ, — „*съ разрѣшенія* закона ниспровергаются храмы, идолы и священныя рощи, мы не дожны при этомъ воспользоваться чѣмъ-либо для нашихъ частныхъ нуждъ для того, чтобы было очевидно, что мы разрушаемъ ихъ не изъ корысти, а изъ благочестія. Если же эти предметы обращаются не на частныя нужды, а на общія, или на прославленіе истиннаго Бога, тогда съ ними совершается то, что бываетъ съ людьми, когда изъ нечестивыхъ они обращаются въ истинную вѣру". Здѣсь нужно отмѣтить то, что Августинъ допускалъ разрушеніе идоловъ только съ разрѣшенія властей — и что онъ, ссылаясь на священное писаніе, одобрялъ превращеніе языческихъ храмовъ въ христіанскіе.

Совершенно иначе складывались отношенія язычниковъ и христіанъ въ городахъ: тамъ другіе интересы сближали поклонниковъ враждебныхъ религій, и другіе соблазны грозили христіанамъ. Главнымъ соблазномъ были общественныя зрѣлища — предметъ всеобщаго страстнаго увлеченія въ разрушавшемся античномъ мірѣ.

И по своему происхожденію изъ языческаго богослуженія, и по своему содержанію, игры и зрѣлища были предметомъ страстныхъ обличеній со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ. Но насколько они достигали цѣли? Интересныя данныя относительно этого представляетъ собой одно изъ поученій Августина:—„Случается, что при окончаніи зрѣлищъ въ театрѣ или въ циркѣ, когда *толпа погибшихъ* начинаетъ выходить оттуда съ душой, полной суетныхъ образовъ, храня въ памяти не только пустыя, но и пагубныя мысли, находя наслажденіе въ томъ, что приноситъ смерть,—эта толпа видитъ проходящихъ мимо слугъ Божіихъ,

узнаётъ ихъ по одеждѣ, или головному убору, или знаетъ въ лицо, и начинаетъ говорить: „о, несчастные, сколько они потеряли!"—братья, будемъ молиться Богу за нихъ, за ихъ доброжелательство къ намъ, ибо они считаютъ то благимъ. Но все-же это доброжелательство, если такъ его называть, превратное, пустое и суетное; они жалѣютъ, что мы лишаемся того, что̀ они любятъ; будемъ же молиться, чтобъ они не потеряли того, что̀ *мы* любимъ".

Служители Божіи, о которыхъ сожалѣютъ язычники, по описанію Августина, очевидно—монахи. Они, конечно, не посѣщали театра. Но этого никакъ нельзя сказать о прочихъ христіанахъ, которые часто бывали жадны до зрѣлищъ не менѣе язычниковъ.

Впрочемъ, не одни театры съ ихъ языческими воспоминаніями составляли соблазнъ для христіанъ—связь съ язычествомъ сохраняли и празднества, глубоко укоренившіяся въ нравахъ населенія. Отъ празднествъ въ честь какого-нибудь языческаго бога христіане воздерживались, но бывали празднества, которыя имѣли общій гражданскій характеръ,—какъ напр., празднество *новаго года*,—отъ которыхъ христіанамъ не хотѣлось отказываться,—а между тѣмъ и такія празднества поддерживали живую связь между христіанами и язычниками, какъ видно изъ сказанной по этому поводу въ Карѳагенѣ проповѣди Августина на 1-ое января.

„Вы сейчасъ пѣли псаломъ, и звукъ божественной пѣсни, конечно, еще звучитъ въ ушахъ вашихъ. Вы пѣли: „спаси насъ, Господи, и собери насъ отъ языковъ" (Пс. 105, 47). Примѣняя эту древне-еврейскую молитву къ христіанамъ, Августинъ продолжалъ: „если сегодняшнее торжество язычниковъ, совершающееся съ мірскимъ и плотскимъ веселіемъ, при шумныхъ, пустыхъ и неприличныхъ пѣсняхъ, съ пиршествами и позорными плясками, если это ложное празднество и то, что̀ на немъ творится язычниками, вамъ не нравится, — тогда вы „соберетесь (отдѣлитесь) отъ язычниковъ".

„Никто не можетъ отдѣлиться отъ язычниковъ, если онъ не спасенъ;—а тотъ, кто водится съ язычниками, не спасенъ: спасается же тотъ, кто отдѣляется отъ язычниковъ, кто вѣруетъ не въ то, во что̀ вѣруютъ язычники, надѣется не на то, на что̀ надѣются язычники, и любитъ не то, что̀ любятъ язычники.

„Пусть васъ не смущаетъ тѣлесное общеніе при духовномъ разобщеніи; пусть они вѣрятъ, что демоны—боги, вы же вѣрьте въ единаго, истиннаго Бога; пусть они возлагаютъ надежду на суету мірскую, вы же надѣйтесь на вѣчную жизнь съ Христомъ; пусть любятъ они міръ, вы же любите Творца міра. Но тотъ,

кто имѣетъ иную вѣру, иную надежду и иную любовь, чѣмъ язычники, пусть докажетъ это дѣлами. Если вы будете дѣлать новогодніе подарки, какъ язычники, играть въ кости, напиваться, какъ они, вы не разобщитесь съ ними. Но вы должны разобщиться съ ними нравами и дѣлами. Пусть они дѣлаютъ подарки, вы—подавайте милостыню; пусть они ищутъ развлеченія въ играхъ и пѣсняхъ; вы—ищите его въ проповѣди священнаго писанія; они бѣгутъ въ театръ, вы—бѣгите въ церковь; они напиваются, вы—поститесь, а если сегодня не можете поститься, по крайней мѣрѣ будьте умѣренны въ пищѣ.

„Многихъ огорчатъ мои слова, ибо я говорю: не давайте подарковъ, а подавайте милостыню бѣднымъ; мало этого, давайте имъ больше. Не хотите давать *больше*, дайте столько, сколько вы прежде тратили на подарки. Но вы мнѣ скажете: когда я даю новогодній подарокъ, я также получаю за это что-нибудь. Какъ?! а развѣ, когда ты подаешь бѣдному, ты ничего не пріобрѣтаешь взамѣнъ? Апостолъ сказалъ: „я не хочу, чтобы вы были приспѣшниками демоновъ"; это значитъ, онъ хочетъ, чтобы вы отличались нравами и жизнью отъ тѣхъ, кто служитъ демонамъ. Демонамъ же угодны суетныя пѣсни, позорныя зрѣлища въ театрѣ, безуміе цирка, изувѣрство амфитеатра, горячіе споры тѣхъ, кто изъ-за поганыхъ людей доходятъ до вражды—изъ-за мима или пантомима, изъ-за возницы или гладіатора. Тѣ, кто это дѣлаетъ, они возносятъ ѳиміамъ демонамъ изъ сердца своего".

Общее празднованіе новаго года представляло собой сравнительно невинную забаву, даже если въ этомъ случаѣ знакомые или родственники между язычниками и христіанами обмѣнивались подарками. Но нѣкоторые христіане увлекались многими языческими обычаями, гораздо болѣе для нихъ опасными въ смыслѣ соблазна—пиршествами, которыя давались язычниками въ храмовые дни. Конечно, настоящій христіанинъ не принялъ бы участія въ пиршествѣ въ честь какого-либо изъ миѳологическихъ боговъ; но кромѣ такихъ боговъ, язычество знало, такъ сказать, еще гражданскія божества—олицетворенія городовъ или государства—подъ именемъ *геніевъ*, и поклонялось имъ. Отчего было не принять участія въ такомъ патріотическомъ празднествѣ? Интересный примѣръ такого участія указываетъ намъ проповѣдь Августина, повидимому сказанная въ Карѳагенѣ. Упрекая христіанъ за участіе въ языческихъ празднествахъ, Августинъ видитъ въ этомъ камень преткновенія для обращенія язычниковъ. Уже готовые принять христіанство, язычники, при видѣ такихъ зрѣлищъ, останавливаются въ недоумѣніи и возвращаются къ

язычеству. Ибо, говорятъ они въ своемъ сердцѣ, зачѣмъ же мы проклянемъ боговъ нашихъ, если христiане имъ поклоняются? „Ты возразишь:—я и не думалъ почитать ихъ боговъ; да, конечно,—отвѣчаетъ Августинъ,—ты знаешь, что это идолы, и ты душою позналъ Господа, а все-таки возсѣдаешь въ ихъ капищѣ? Чему ты тамъ научаешься?—отрицать Христа! Развѣ язычники не толкуютъ тамъ, что Христосъ—человѣкъ? Вотъ къ чему ведутъ вредныя пиршества, вотъ какъ дурныя бесѣды портятъ благiе нравы! Ты тамъ объ Евангелiи говорить не посмѣешь, а слушаешь толки объ идолахъ. Ты грѣшишь противъ истиннаго Бога, возсѣдая у ложныхъ боговъ.

„Ты опять скажешь: это—не богъ, это—*генiй* Карѳагена. А еслибы это были Марсъ или Меркурiй, то развѣ они—боги? Но ты прими во вниманiе то, чѣмъ ихъ считаютъ *язычники*, а не толкуй о томъ, что̀ такое они на самомъ дѣлѣ! Если генiй есть украшенiе города, пусть граждане Карѳагена ведутъ честный образъ жизни, тогда они сами будутъ генiемъ Карѳагена. И я такъ же, какъ и ты, знаю, что это—лишь простой камень: но хорошо бы было, еслибы и *они* это знали; однако, поставленный генiю алтарь свидѣтельствуетъ о томъ, что язычники принимаютъ его статую за божество. Зачѣмъ алтарь, если это—не божество? Пусть мнѣ не говорятъ: вѣдь это—не божество! Алтарь обличаетъ всѣхъ поклонниковъ этого идола; такъ развѣ этотъ алтарь не служитъ обличенiемъ присутствовавшихъ на пиршествѣ христiанъ“?

Но не весельемъ только и развлеченiями смущало язычество христiанъ; оно опутывало ихъ на каждомъ шагу и становилось особенно опаснымъ, когда подступало къ нимъ въ трудныя минуты жизни: заболѣетъ христiанинъ—сейчасъ передъ нимъ искуситель, который сулитъ ему исцѣленiе цѣною нечестиваго жертвоприношенiя, кощунственнымъ заклинанiемъ или перевязкой, или магическимъ обрядомъ, шепча ему: „такой-то былъ боленъ опаснѣе тебя, и этимъ способомъ выздоровѣлъ. Сдѣлай то же, если хочешь жить; если же не захочешь сдѣлать, то умрешь“.

Сближала христiанъ съ язычниками также и ихъ совмѣстная дѣятельность въ мѣстныхъ курiяхъ и въ управленiи городами. Такъ какъ въ это время выборъ въ дэкурiоны былъ не столько почетомъ, сколько бременемъ, то къ этому званiю безразлично привлекались какъ зажиточные христiане, такъ и язычники, независимо отъ религiозныхъ убѣжденiй большинства избирателей.

Образчикъ такого совмѣстнаго участія въ муниципальной жизни представляетъ намъ Мадаура въ Нумидіи, городъ, въ которомъ учился Августинъ, и дэкуріоны котораго обратились къ нему съ какой-то просьбой, когда онъ уже былъ епископомъ. Въ письмѣ ихъ Августинъ былъ названъ *отцомъ*, и оно заключало въ себѣ христіанскую формулу обращенія: „Спаси тебя, Господи". Въ отвѣтномъ письмѣ Августинъ выражаетъ удивленіе, почему, если письмо отъ христіанъ, они писали не отъ своего имени, а отъ имени куріи; если же оно отъ имени всѣхъ или почти всѣхъ дэкуріоновъ, то почему оно заключаетъ въ себѣ христіанскую формулу, такъ какъ ему, къ его великому горю, извѣстно ихъ поклоненіе идоламъ, „которыхъ легче удалить изъ храмовъ, чѣмъ изъ сердецъ". Затѣмъ, онъ пользуется случаемъ, чтобы призвать своихъ „любезнѣйшихъ братьевъ мадаурійцевъ къ Христу", указывая имъ на предстоящій Божій судъ. Этотъ судъ предсказанъ пророчествомъ, и это пророчество исполнится, какъ и всѣ прочія, заключающіяся въ Священномъ Писаніи. Въ числѣ уже совершившихся пророчествъ Августинъ указываетъ на судьбу евреевъ, оторванныхъ отъ своей колыбели и расселенныхъ по всей землѣ, и на торжество христіанства. Эта часть письма заканчивается величественною картиною паденія язычества: „Вы видите, что храмы идоловъ частью распадаются, оставаясь безъ исправленія, частью разрушены, частью заперты, частью получили другое назначеніе; самые идолы или разбиты, или сожжены, или заперты, или разрушены; вы видите, что власти сего міра, которыя когда-то изъ-за идоловъ преслѣдовали христіанскій народъ, побѣждены и укрощены не ратовавшими, а умиравшими христіанами, и что они направили свою силу и законы противъ тѣхъ же идоловъ, изъ-за которыхъ убивали христіанъ, и что благороднѣйшій обладатель высочайшей власти молится у гроба рыбака Петра, снявъ съ себя вѣнецъ".

Ученые издатели „Патрологіи" помѣстили это замѣчательное письмо въ разрядъ тѣхъ, годъ которыхъ неизвѣстенъ. Мы полагаемъ, что приведенныя выше слова даютъ точку опоры для опредѣленія времени этого письма. Римскій міръ тогда очевидно находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ посѣщенія Рима побѣдоноснымъ Ѳеодосіемъ, который, сразивъ убійцъ своего молодого зятя, Валентиніана II, ненадолго и въ послѣдній разъ соединилъ въ своихъ рукахъ единовластіе надъ римской имперіей на всемъ ея громадномъ протяженіи. Давно Римъ не видалъ императора въ своихъ стѣнахъ, и это посѣщеніе римскихъ святынь императо-

ромъ вслѣдъ за послѣдней, подавленной вспышкой языческихъ надеждъ ознаменовало окончательное торжество христіанства.

Если письмо Августина къ мадаурійцамъ относится къ предполагаемому нами времени, то изображенное въ немъ полное торжество христіанства, вѣрное по отношенію къ общему положенію дѣла въ имперіи, не вполнѣ приложимо къ тогдашней римской Африкѣ. Здѣсь въ послѣднее десятилѣтіе IV-го вѣка идолы еще не были разбиты, и во вниманіе къ могущественному положенію язычника Гильдона не всѣ власти направляли противъ язычества силу общихъ законовъ, а попытки самого христіанскаго населенія разрушать идоловъ встрѣчали со стороны язычниковъ рѣшительный и успѣшный отпоръ. О такомъ кровавомъ столкновеніи изъ-за идоловъ мы узнаёмъ изъ писемъ Августина.

Исторія религіозныхъ преслѣдованій вездѣ представляетъ проявленіе двоякаго фанатизма—фанатизма гонителей и фанатизма угнетенныхъ. То же находимъ мы и въ исходѣ IV-го вѣка, когда разыгрывался послѣдній актъ въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. То мы видимъ христіанскихъ епископовъ во главѣ гладіаторовъ, солдатъ или монаховъ: они разрушали языческіе храмы, „все опустошая и уравнивая съ землей“; то – фанатизмъ доведенныхъ до изступленія язычниковъ. Съ подобной выходкой въ сѣверной Африкѣ знакомитъ насъ письмо Августина къ сенату города Суфектаны. Письмо дышетъ негодованіемъ по случаю гибели шестидесяти христіанъ, убитыхъ во время нападенія христіанской толпы на храмъ Геркулеса, признанныхъ затѣмъ мучениками и внесенныхъ въ римскіе святцы на 30-ое августа. Во время этого нападенія былъ уничтоженъ христіанами идолъ Геркулеса. Судя по тону письма, христіане не могли оправдывать свой поступокъ ссылкой на какой-нибудь законъ, разрѣшавшій или предписывавшій истребленіе идоловъ,—иначе сенатъ Суфектаны не обратился бы къ Августину съ просьбой возстановить идола, и Августинъ не выразилъ бы своего согласія на это. Несмотря на это, онъ выступаетъ грознымъ обвинителемъ за пролитую христіанскую кровь. „Вопіющія преступленія вашего изувѣрства и невѣроятная жестокость ваша потрясли землю, и небо содрогнулось при видѣ крови, засвѣтившейся на вашихъ улицахъ и храмахъ, и отъ зрѣлища убійствъ. У васъ похоронены римскіе законы, боязнь предъ справедливымъ судомъ попрана; нѣтъ ни уваженія къ императорамъ, ни страха предъ ними. У васъ пролита невинная кровь 60-ти братьевъ; —и чѣмъ кто больше убилъ, тѣмъ громче его прославляли и тѣмъ большій почетъ ему оказывали въ вашемъ сенатѣ. Но обратимся къ главному дѣлу.

Если вы Геркулеса признаете своимъ богомъ, мы, конечно, отдадимъ его вамъ; есть у насъ металлъ, окажется и камень, найдутся разноцвѣтные мраморы, не будетъ недостатка и въ мастерахъ. Богъ вашъ будетъ со всею тщательностью высѣченъ изъ камня, отдѣланъ и разукрашенъ. Мы помажемъ его и краской, чтобы онъ могъ краснѣть отъ стыда при вашихъ священныхъ жертвоприношеніяхъ. Если вы признаете Геркулеса своимъ богомъ, мы, собравъ деньги, купимъ вамъ у вашего художника—бога. Такъ возвратите же и намъ души, загубленныя вашей рукою, и когда нами будетъ возстановленъ вашъ Геркулесъ, воскресите намъ эти души"!

Кровавое столкновеніе въ Суфектанѣ находится, повидимому, въ связи съ другимъ событіемъ, о которомъ мы узнаемъ изъ проповѣди, сказанной Августиномъ въ Карѳагенѣ. И тамъ идетъ рѣчь о сверженіи идола Геркулеса; этого требовала возбужденная толпа христіанъ съ криками: „какъ Римъ, такъ и Карѳагенъ", и—„это боги римскіе, римскіе". Но во главѣ карѳагенскихъ христіанъ стояли люди, умѣвшіе съ страстной враждой къ язычеству соединять благоразуміе пастырей. За обѣдней карѳагенскій епископъ Аврелій, уважаемый за личныя достоинства *примасъ* Африки, воздерживалъ свою паству отъ насильственныхъ дѣйствій, а послѣ него Августинъ сказалъ проповѣдь въ томъ же духѣ. Онъ началъ съ того, что похвалилъ карѳагенцевъ за ихъ рвеніе къ дѣлу Божію, которое они доказали своими кликами, „свидѣтельствовавшими о томъ, что у нихъ на душѣ". Примѣняя къ нимъ слова псалма, Августинъ называетъ ихъ „народомъ Божіимъ и овцами стада Его". Но онъ напоминаетъ имъ, что у нихъ есть пастыри. Толпа высказала свою волю кликами—на обязанности пастырей теперь доказать *на дѣлѣ* свое попеченіе о народѣ. „Мы васъ одобрили; одобрите и насъ, если въ осуществленіи того, что должно быть сдѣлано, мы не окажемся нерадивыми. Не дай Господь, чтобы вы оказались благочестивы, а мы нечестивы; ваша воля и наша воля едины; но нашъ способъ дѣйствія не можетъ быть одинаковъ; пусть отъ васъ исходитъ починъ; исполненіе же вашей воли предоставьте намъ для того, чтобы между членами Христова тѣла не было разногласія". Въ виду этого Августинъ привѣтствуетъ карѳагенскихъ христіанъ за то, что они послушались словъ, сказанныхъ имъ утромъ ихъ мѣстнымъ епископомъ.

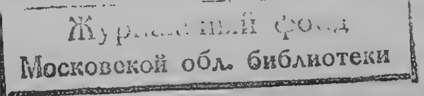
„Я не требую,—продолжаетъ Августинъ,—чтобы вы отступились отъ вашего желанія. Нисколько; я даже благодарю васъ за то, что вы хотите того, чего хочетъ Господь. Господь хочетъ,

Господь приказалъ и предсказалъ уничтоженіе суевѣрій язычниковъ, и во многихъ мѣстахъ земли это уже въ значительной степени осуществилось; еслибы вы захотѣли начать разореніе демоновъ съ *этого* города, такая затѣя была бы, можетъ быть, вамъ не по силамъ, но теперь предъ нами образецъ. Вы рѣшительно требовали, чтобы въ Карѳагенѣ все было, какъ и въ Римѣ: если глава языческаго міра показала примѣръ, развѣ члены его не послѣдуютъ за нею"?

Ссылаясь на собственныя заявленія и литературу язычниковъ, Августинъ подтверждаетъ, что боги Карѳагена — *римскіе* боги. „Да, это боги римскіе, римскіе, римскіе! Во времена преслѣдованія христіанъ кровь мучениковъ проливалась за то, что они не хотѣли поклониться *римскимъ* богамъ, отвергали обрядъ *римскихъ* боговъ, не хотѣли молиться *римскимъ* богамъ. А если римскіе боги пали въ Римѣ, почему имъ быть здѣсь? Еслибы они могли двигаться, то сказали, что бѣжали сюда; но они не ушли оттуда, а остались тамъ".

Изъ проповѣди можно заключить, что поводомъ къ смутѣ послужило желаніе язычниковъ Карѳагена вызолотить бороду бронзовой статуи Геркулеса; проконсулъ, однако, не дозволилъ этого, а напротивъ, велѣлъ снять бороду у идола. Августинъ по этому поводу торжествуетъ и съ ироніей восклицаетъ: „Братья, я считаю, что для Геркулеса бо́льшее безчестіе остаться безъ бороды, чѣмъ безъ головы; ибо этотъ богъ именуется богомъ силы, а вся сила его въ бородѣ".

Августинъ совѣтуетъ довольствоваться этимъ посрамленіемъ язычниковъ и успокоиваетъ своихъ слушателей ссылкой на слова псалма: „Боже, не безмолвствуй и не пребывай въ покоѣ"... „Да, Господь не смягчится въ своемъ гнѣвѣ, но не противъ людей, а противъ заблужденій. Ибо у Бога и гнѣвъ, и милость: гнѣвъ, чтобы поразить; милость, чтобы исцѣлить; онъ гнѣвается за заблужденія и милуетъ по исправленіи. Къ одному и тому же человѣку онъ бываетъ и гнѣвенъ, и милостивъ; такъ было съ Савломъ, который сталъ Павломъ; онъ его простеръ на землю и поднялъ, простеръ его, какъ гонителя, и поднялъ, какъ апостола. Еслибы Господь не гнѣвался на идоловъ, развѣ Геркулесъ оказался бы безъ бороды? А сдѣлалъ это Господь чрезъ христіанъ, чрезъ посредство властей, имъ поставленныхъ и уже несущихъ на себѣ иго Христово. Итакъ, братья, — заключаетъ Августинъ свою проповѣдь, — примите слова мои съ добрымъ сердцемъ и, уповая на помощь Господа, разсчитывайте на лучшее будущее".

Эта проповѣдь Августина интересна не только для исторіи паденія язычества въ Африкѣ, но и въ самомъ Римѣ. Еще недавно, новый историкъ города Рима и папъ, іезуитъ Гризаръ, возражалъ въ своемъ ученомъ и прекрасно изданномъ сочиненіи противъ „безусловно ложнаго представленія“, будто въ Римѣ, въ эпоху перехода отъ язычества къ христіанству, языческіе храмы разрушались и „идолы уничтожались“. Свидѣтельство Августина въ приведенной проповѣди противорѣчитъ утвержденію Гризара и служитъ доказательствомъ того, что на грани IV и V вѣковъ въ Римѣ произошло возстаніе христіанъ для истребленія языческихъ идоловъ, настолько сильное, что вызвало подражаніе и въ провинціи. Подтвержденіемъ этому можетъ служить мѣсто еще и изъ другой проповѣди Августина, гдѣ онъ, возражая противъ мнѣнія, будто бы сверженіе идоловъ было причиной взятія Рима готами, проситъ своихъ слушателей вспомнить, что, несмотря на сверженіе „всѣхъ идоловъ въ городѣ Римѣ“, язычникъ Радагайсъ, пришедшій въ Италію съ войскомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ готы Алариха, былъ чудеснымъ образомъ побѣжденъ. „Вѣдь это было недавно“,—заявлялъ при этомъ Августинъ,— „лишь немного лѣтъ тому назадъ“. Съ этимъ свидѣтельствомъ нельзя не поставить въ связь интересный фактъ, обнаруженный раскопками въ Римѣ, въ 1864 г. Тогда была найдена колоссальная статуя Геркулеса изъ золоченой бронзы, находящаяся нынѣ въ римскомъ музеѣ Піо-Клементино. Ее нашли тщательно уложенною среди стѣнъ, принадлежавшихъ къ театру Помпея. И такъ какъ у статуи недоставало ногъ и палицы, а на затылкѣ были замѣтны слѣды удара при паденіи статуи на землю, то это подаетъ поводъ предположить, что статуя подверглась насильственнымъ дѣйствіямъ и затѣмъ была убрана язычниками и скрыта отъ христіанъ.

Изъ того, что карѳагенскіе христіане, желавшіе ниспровергнуть идола Геркулеса, кричали: „это *римскіе* боги“, можно заключить, что культъ Геркулеса въ Карѳагенѣ — въ противоположность финикійскому Мелькарту-Геркулесу—былъ перенесенъ туда изъ Рима. На это указываетъ и извѣстіе, что карѳагенскіе язычники вздумали вызолотить бороду своему Геркулесу; очевидно, его статуя была, какъ и въ Римѣ, изъ золоченой бронзы.

Что же касается до Рима, то тамъ Геркулесъ былъ въ большомъ почетѣ: у него было нѣсколько храмовъ, въ которыхъ совершалось служеніе по двумъ различнымъ культамъ—древне-италійскому и греческому. Геркулесу древне-италійскому, носившему прозвище *Побѣдоносный* или *Непобѣдимый*, самъ преторъ

приносилъ обычную жертву, и это продолжалось до эпохи Константина. Культъ греческаго Геркулеса въ Римѣ продолжался еще дольше. Причины высокаго почета и популярности Геркулеса въ Римѣ были очень разнообразны. Прежде всего культъ Геркулеса былъ связанъ съ оракулами, которые давались самой статуей. Въ затылкѣ вышеупомянутой колоссальной статуи оказалось отверстіе, которое вѣроятно служило для этой цѣли. Когда ее нашли, черезъ это отверстіе спустили ребенка внутрь статуи, голосъ котораго раздавался оттуда, какъ изъ другого міра. Древніе высоко цѣнили оракулы, и если и неправъ Макіавелли, который всю древнюю религію основывалъ на потребности людей угадывать будущее и знать судьбу свою, то несомнѣнно, что при паденіи язычества послѣднее держалось во всей римской имперіи преимущественно этой потребностью, и всего дольше удерживались повсюду культы тѣхъ боговъ, которые были связаны съ оракулами или отвѣчали на вопросы обращавшихся къ нимъ паціентовъ, какъ, напримѣръ, культъ Сераписа въ Египтѣ или Марнаса въ Сиріи [1]). Кромѣ того, Геркулесу приносили обѣты купцы и вообще люди, задумавшіе какое-нибудь рискованное предпріятіе, съ обѣщаніемъ, въ случаѣ успѣха, пожертвовать ему десятую часть своего барыша; эта часть бывала очень значительна, и пожертвованная сумма нерѣдко предназначалась на угощеніе народа. Наконецъ, алтарь Геркулеса стоялъ въ Римѣ около цирка Фламинія, и служеніе Геркулеса было до такой степени тѣсно связано съ зрѣлищами въ циркѣ, что Витрувій совѣтовалъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ *гимназій* (для атлетическихъ упражненій), строить храмъ Геркулеса около цирка.

Всѣмъ этимъ объясняется перенесеніе культа Геркулеса изъ Рима въ римскую Африку и его популярность тамъ. Онъ, несомнѣнно, и тамъ былъ связанъ съ оракулами и зрѣлищами въ циркѣ, а можетъ быть и съ угощеніемъ народа. Поэтому и тамъ этотъ культъ долженъ былъ быть особенно ненавистенъ христіанамъ.

Вышеуказанныя проповѣди Августина даютъ возможность опредѣлить самое время низверженія идоловъ въ Римѣ, повлекшее за собою подобныя происшествія въ Африкѣ. Августинъ говоритъ, что это случилось за нѣсколько лѣтъ до вторженія Радагайса, которое было въ 406 г. Нападенія христіанъ на храмы Геркулеса въ Суфектанѣ и въ Карѳагенѣ случились, вѣроятно, вслѣдъ за полученіемъ тамъ извѣстія о происшествіи въ Римѣ.

---

[1]) См. Dräseke. Zum Untergang d. Heidenthums въ Zeitschr. f. w. Theol. 1901.

Успокоивая возбужденную карѳагенскую толпу, Августинъ утѣшалъ ее надеждой на лучшее будущее. Весьма вѣроятно, что карѳагенскіе пастыри, на которыхъ, по словамъ Августина, лежала обязанность исполнить волю народа, требовавшаго сверженія идоловъ, не забыли объ этомъ и воспользовались возмущеніемъ христіанъ, чтобы исходатайствовать у римскаго правительства давно желанную христіанами мѣру—„закрытія храмовъ и разбитія идоловъ" въ Карѳагенѣ,—которая и была приведена въ исполненіе императорскими графами Гауденціемъ и Іовіемъ въ 399 году.

Съ этимъ согласно и предположеніе издателей „Патрологіи", отнесшихъ письмо Августина къ сенату Суфектаны къ 399 г. А если это такъ, то и сверженіе идоловъ Геркулеса въ Римѣ случилось незадолго предъ тѣмъ. Конечно, слова Августина, что въ Римѣ были свержены *всѣ* идолы, заключаютъ въ себѣ патетическое преувеличеніе, но что многіе идолы были тогда свержены, это подтверждается криками карѳагенской толпы. Можно даже объяснить, почему при этомъ особенно пострадалъ Геркулесъ. Узурпаторъ Евгеній опирался на языческую партію и водрузилъ на своихъ знаменахъ изображеніе „Геркулеса Непобѣдимаго". Ему противопоставилъ Ѳеодосій знамена съ водруженнымъ на нихъ крестомъ. Побѣда креста на полѣ брани была окончательнымъ пораженіемъ язычниковъ въ Римѣ, и при такомъ положеніи дѣла легко объяснить раздраженіе римскихъ христіанъ именно противъ Геркулеса.

Несмотря, однако, на разрушеніе языческихъ храмовъ и идоловъ въ Африкѣ, язычество продолжало жить. Его жизнь въ особенности поддерживали такъ называемыя Solemnitates—языческія празднества, сопровождавшіяся пиршествами и плясками. Въ такіе дни взаимное возбужденіе между язычниками и христіанами, конечно, сильно возростало и приводило нерѣдко къ столкновеніямъ. Наконецъ, въ 407 году были воспрещены закономъ и празднества. Несмотря, однако, на это, они продолжались въ разныхъ мѣстахъ, и въ слѣдующемъ году [1]) подали поводъ въ нумидійскомъ городкѣ Каламѣ, гдѣ епископомъ былъ Поссидій, ученикъ Августина, къ кровавому столкновенію между язычниками и христіанами. Это событіе мы знаемъ только со словъ

[1]) О времени столкновенія въ Каламѣ можно судить, по выраженію Августина, что язычники совершили свое торжество „вопреки новѣйшимъ законамъ", а подъ этимъ, вѣроятнѣе всего, надо разумѣть законъ Гонорія, отъ ноября 407 года.

Августина, который, впрочемъ, самъ ѣздилъ въ Каламу, вѣроятно, чтобъ придти на помощь своему другу и тамошнимъ христіанамъ.

По разсказу Августина, язычники Каламы праздновали наступившее 1-аго іюня какое-то свое торжество съ такимъ нахальствомъ, какого не обнаруживали даже во времена Юліана. Съ музыкой и плясками они прошлись по городу и, какъ бы для вызова, мимо самыхъ дверей христіанской церкви. Когда же духовенство воспротивилось „незаконнѣйшему и позорнѣйшему дѣлу", язычники стали бросать камнями въ церковь. Дней же черезъ восемь, когда епископъ потребовалъ отъ мѣстной думы примѣненія закона, церковь вторично подверглась нападенію; а когда на третій день послѣ этого христіане бросились въ думу съ жалобой и требованіемъ, чтобы она была внесена въ городской журналъ, имъ въ этомъ было отказано. Въ этотъ самый день выпалъ градъ, „для устрашенія свыше нечестивыхъ" и „въ отместку за каменья", какъ полагали христіане; но язычники по-своему истолковали знаменіе: они въ третій разъ стали камнями громить церковь и, наконецъ, зажгли ее и сосѣдніе дома духовенства; клерики частью бѣжали, частью попрятались; одинъ изъ нихъ, случайно попавшійся разъяренной толпѣ, былъ убитъ ею; самъ епископъ слышалъ изъ мѣста, гдѣ скрывался, голоса людей, искавшихъ его съ бранью и угрозами смерти. Все это продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и однако никто изъ мѣстныхъ властей и вліятельныхъ лицъ не пытался остановить безчинство, за исключеніемъ одного „иногороднаго", которому удалось спасти нѣсколькихъ служителей Божіихъ изъ рукъ людей, хотѣвшихъ ихъ убить— и „отобрать много имущества" изъ рукъ грабителей. Августинъ приводилъ это въ укоръ властямъ и мѣстнымъ гражданамъ—и въ доказательство того, какъ легко было предотвратить или прекратить безчинство.

Язычники Каламы не могли разсчитывать, что такое дѣло останется безнаказаннымъ; римскіе законы были весьма суровы, а исполненіе ихъ безпощадно; въ этомъ же случаѣ можно было, кромѣ того, опасаться мести за святотатство со стороны христіанскихъ чиновниковъ, еслибы, какъ это было вѣроятно, дѣло было передано въ ихъ руки. Кромѣ того, отвѣтственности подлежало почти все языческое населеніе города, и такъ какъ трудно было бы отыскать наиболѣе виновныхъ, то всѣмъ язычникамъ Каламы грозила страшная бѣда.

При такомъ положеніи дѣла понятно, что къ Августину, вліятельнѣйшему и образованнѣйшему изъ африканскихъ епископовъ, обратился съ просьбой о заступничествѣ за городъ одинъ

изъ жителей Каламы, почтенный старецъ-философъ Нектарій. Письмо его написано прекрасно и съ большимъ достоинствомъ: „Не стану говорить, — пишетъ Нектарій Августину, — какъ сильна любовь къ отечеству, такъ какъ ты самъ это знаешь... Только за ней за одной по справедливости признается преобладаніе надъ любовью къ родителямъ“... Нектарій ссылается на слова Цицерона, что желаніе оказать пользу отечеству не знаетъ у добрыхъ людей ни мѣры, ни предѣла, и въ этомъ ищетъ себѣ оправданія. У такихъ людей съ каждымъ днемъ ростутъ любовь и благодарность къ городу, и по мѣрѣ того, какъ его жизнь близится по его возрасту къ концу, усиливается и его желаніе оставить свое отечество цвѣтущимъ и невредимымъ. Поэтому онъ радуется, что ему приходится вести бесѣду съ человѣкомъ вполнѣ просвѣщеннымъ. „Городъ Каламу, — пишетъ Нектарій, — я по справедливости за многое люблю: и потому что въ немъ родился, и потому что несъ въ немъ немаловажныя обязанности. Вотъ этотъ мой городъ гибнетъ по немалой винѣ своего населенія; а если къ намъ будетъ примѣнена вся суровость государственнаго закона, городъ будетъ подлежать строгой карѣ. Но на епископѣ лежитъ обязанность приносить людямъ лишь спасеніе, быть посильнымъ заступникомъ за нихъ и испрашивать у всемогущаго Господа прощеніе за преступленія другихъ. Поэтому, умоляю тебя всеусерднѣйшею мольбой, если есть какая-либо на то возможность, о томъ, чтобы неповинные нашли защиту и пощаду. Причиненный христіанамъ ущербъ можетъ быть возмѣщенъ по справедливой оцѣнкѣ, но объ одномъ молю, чтобы никто не былъ казненъ“...

Не легко было Августину отвѣчать на это письмо. Въ этой бесѣдѣ двухъ противниковъ предъ нами воскресаетъ происходившая тогда историческая драма, борьба двухъ противоположныхъ міровъ, изъ которыхъ одинъ торжествовалъ, другой угасалъ. Борецъ за міръ торжествующій находился въ положеніи менѣе выгодномъ, потому что стоялъ на сторонѣ побѣдителей, требовавшихъ кроваваго возмездія, и однако въ то же время былъ представителемъ религіи любви и прощенія; но этотъ борецъ былъ Августинъ, унаслѣдовавшій отъ языческой культуры всю ея изворотливую діалектику, все ея мастерство въ благозвучномъ ораторствѣ и въ то же время вложившій въ эти старые мѣха весь пылъ новой сильной вѣры и всю искренность новообращеннаго, предъ которымъ раскрылась вѣчная, божественная истина. „То, что ты, — отвѣчаетъ онъ Нектарію, — хотя и старецъ съ хладѣющимъ тѣломъ, пламенѣешь любовью къ отечеству, я одобряю

и не дивлюсь этому; а также охотно привѣтствую и то, что ты не только помнишь, но самою жизнью подтверждаешь, что хорошіе люди не знаютъ мѣры и предѣла въ своихъ заботахъ объ отечествѣ". Но, похваливъ Нектарія, Августинъ тутъ же даетъ дѣлу совершенно неожиданный для Нектарія оборотъ. „Вслѣдствіе этого и я, одержимый по мѣрѣ силъ своихъ святою любовью къ горней отчизнѣ и трудясь надъ тѣмъ, чтобы помочь моимъ согражданамъ достигнуть ея,—желалъ бы и въ тебѣ видѣть такого гражданина, который не зналъ бы ни мѣры, ни предѣла въ исканіи выгодъ для той частицы этой отчизны, которая еще блуждаетъ на этой землѣ". До этого дѣло, правда, еще не дошло. Нектарій еще чуждается этого настоящаго отечества, но Августинъ не хочетъ отчаяваться въ томъ, что Нектарій будетъ въ состояніи обрѣсти его и уже благоразумно помышляетъ объ обрѣтеніи пути къ нему. А пока это не совершится, Августинъ проситъ Нектарія простить, „если мы ради нашего отечества, которое не желаемъ когда-либо покинуть, нанесемъ ущербъ твоему отечеству, которое ты желаешь оставить въ *цвѣтущемъ* состояніи". Затѣмъ Августинъ переноситъ вопросъ на эту почву и, какъ искусный діалектикъ, выражаетъ увѣренность, что его „проницательный" противникъ согласится съ нимъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать процвѣтаніе города. Припоминая слова знаменитаго у язычниковъ поэта о процвѣтаніи Италіи, Августинъ противопоставляетъ имъ состояніе отечества Нектарія: „Мы сами были свидѣтелями того, какъ оно процвѣтало не столько доблестными мужами, сколько зажженными огнями. Если такое злодѣяніе останется безнаказаннымъ, то мнишь ли ты оставить свое отечество цвѣтущимъ? Это будутъ цвѣты, богатые не плодами, а шипами. Такъ сравни и рѣши, предпочитаешь ли ты, чтобы твое отечество процвѣтало благочестіемъ или нечестіемъ, исправленіемъ нравовъ или безнаказанностью дерзкихъ дѣяній? Взвѣсь это и рѣши, превосходишь ли ты меня въ любви къ своему отечеству? Ты ли болѣе ему желаешь истиннаго процвѣтанія, или я"?... Августинъ предлагаетъ Нектарію вникнуть въ тѣ книги о республикѣ (Цицерона), откуда онъ почерпнулъ свою патріотическую страсть: „Вникни въ нихъ, прошу тебя, и посмотри, какъ тамъ превозносится отсутствіе роскоши, цѣломудріе и вѣрность въ бракѣ, и какъ тамъ то государство признается по истинѣ цвѣтущимъ, въ которомъ господствуютъ честные нравы. Эти-то нравы проповѣдуются въ церквахъ, по всему міру распространяющихся, какъ бы въ священныхъ аудиторіяхъ для народовъ, и въ особенности въ нихъ

прославляется то благочестіе, которымъ чтится истинный и правдивый Богъ, поучающій и приспособляющій духъ человѣка для божественнаго сожительства въ вѣчномъ небесномъ градѣ. Вотъ почему Господь и предсказалъ и приказалъ сокрушеніе идоловъ — ложнаго многобожія; ибо ничто не дѣлаетъ людей такъ мало способными къ общежитію, какъ подражаніе тѣмъ богамъ, которыхъ изображаетъ и прославляетъ ваша литература". Искуснымъ полемическимъ пріемомъ Августинъ переноситъ вопросъ на самую невыгодную для язычниковъ почву. Онъ аппелируетъ къ ихъ высшему авторитету въ вопросахъ политики, философіи и морали, къ великому патріоту и мученику за республиканскую свободу, чтобы доказать, какое неизгладимое противорѣчіе существуетъ между моралью и религіей язычниковъ, и что вслѣдствіе этого никакое процвѣтаніе языческаго государства невозможно.

Упрекнувъ мимоходомъ Цицерона указаніемъ, что ученѣйшіе мужи язычниковъ болѣе занимались тѣмъ, что въ частныхъ бесѣдахъ изображали идеальную республику, вмѣсто того, чтобы дѣйствительно существовавшую укрѣплять общественными мѣрами, — Августинъ обращаетъ вниманіе своего собесѣдника на то, что языческіе моралисты для воспитанія юношества увѣщевали ихъ слѣдовать не столько примѣру боговъ, сколько тѣхъ людей, которыхъ они считали превосходными и достойными похвалъ. „И конечно, — иронически продолжаетъ Августинъ, — тотъ юноша у Теренція, — который, увидѣвъ на стѣнѣ картину, изображавшую продѣлки царя боговъ, подъ вліяніемъ такого авторитетнаго примѣра, воспламенился страстью, — не поддался бы своему увлеченію и не впалъ бы въ преступленіе, если бы предпочелъ слѣдовать примѣру Катона, а не Юпитера! Но какъ же это было для него возможно, когда въ храмахъ его заставляли поклоняться Юпитеру, а не Катону? Правда, — оговаривается Августинъ, — мнѣ, можетъ быть, не слѣдовало бы приводить такой примѣръ изъ комедій, въ которыхъ обличается распутство и кощунственное суевѣріе нечестивыхъ! Но прочти или припомни, какъ въ тѣхъ же книгахъ о государствѣ, авторъ умно разсуждаетъ о томъ, что сюжетъ комедій и изображенныя въ нихъ сцены никогда не имѣли бы успѣха у публики, еслибы имъ не соотвѣтствовали нравы самой публики. Итакъ, — заключаетъ Августинъ, — авторитетомъ знаменитѣйшихъ и первенствующихъ въ государствѣ людей подтверждается, что негодные люди становятся еще хуже отъ подражанія богамъ, конечно, не истиннымъ, а ложнымъ и вымышленнымъ".

Но Августинъ имѣлъ дѣло не съ простымъ язычникомъ, а

съ философомъ, которому было привычно аллегорическое пониманіе политеизма. Поэтому, чтобъ отрѣзать своему собесѣднику этотъ выходъ, Августинъ оговаривается. Конечно, все то, что издревле написано о жизни и нравахъ боговъ, должно быть совершенно иначе понято и истолковано свѣдущими людьми. „Я самъ недавно еще слышалъ, какъ такого рода спасительныя толкованія оповѣщались собравшемуся въ храмѣ народу. Но скажи на милость, неужели человѣческій родъ такъ слѣпъ, чтобы не понять ясной и простой истины? Если многочисленныя прелюбодѣянія Юпитера повсюду изображаются посредствомъ живописи и ваянія, отливаются въ бронзѣ, описываются, читаются, воспѣваются, представляются въ театрѣ и въ балетѣ; если это развращающее зло безъ всякой помѣхи проникаетъ въ народъ; если Юпитеру поклоняются въ храмахъ и его осмѣиваютъ въ театрахъ; если въ честь его приносятся жертвенныя животныя и истребляются стада даже бѣдныхъ; если на представленія и пляски актеровъ, его изображающихъ, даже разоряются достоянія богатыхъ,—то это ли значитъ — процвѣтаніе отечества? Такое процвѣтаніе не вызывается ни плодородіемъ земли, ни обиліемъ доблестей; достойной его матерью не даромъ считается та богиня Флора [1]), въ честь которой даются такія распущенныя и позорныя сценическія представленія, что всякій легко догадается, какого достоинства то божество, въ честь котораго приносятся въ жертву не птицы, не животныя, не даже кровь человѣческая, но что гораздо преступнѣе—послѣднія искры человѣческаго стыда“!

Въ своемъ пылкомъ обличеніи языческой безнравственности Августинъ далеко отвлекся отъ вопроса, разрѣшенія котораго съ такой тревогой ожидали отъ него Нектарій и язычники Каламы.

Какъ будто сознавая это, Августинъ нашелъ нужнымъ оговориться и оправдаться. „Все это я сказалъ,—продолжаетъ онъ,— потому, что ты хотѣлъ бы на исходѣ жизни оставить отечество въ цѣлости и процвѣтаніи. Такъ пусть же въ немъ погибнетъ все суетное и зловредное, пусть его граждане обратятся къ почитанію истиннаго Бога и къ нравамъ цѣломудреннымъ и благочестивымъ; тогда ты узришь свое отечество цвѣтущимъ не по понятіямъ глупцовъ, а на самомъ дѣлѣ—и въ глазахъ мудрецовъ; тогда это твое отечество по плоти, т.-е. твоя родина, станетъ частью той отчизны, въ которую мы вступаемъ не тѣлеснымъ

---

[1]) Игра словъ: florere—процвѣтать, и Flora—богиня весны и цвѣтовъ.

рожденіемъ, а вѣрою, и гдѣ всѣ святые и вѣрные служители Божіи, послѣ понесенныхъ въ здѣшней жизни земныхъ трудовъ, будутъ пребывать въ безпредѣльномъ и вѣчномъ процвѣтаніи. Мы же позаботимся о томъ, чтобы христіанская кротость не была забыта, но чтобъ и городъ вашъ не представлялъ примѣра, опаснаго для подражанія другимъ. Какъ намъ этого достигнуть— въ этомъ намъ поможетъ Господь, если Онъ, впрочемъ, не слишкомъ негодуетъ на жителей Каламы. Ибо и кротость, которую мы желаемъ соблюсти, и умѣренность наказанія, о которой мы хлопочемъ, могутъ не найти себѣ мѣста, если Господу угодно иное, и если въ невѣдомомъ намъ промыслѣ Онъ разсудитъ, что это злодѣяніе подлежитъ болѣе суровому наказанію, или въ еще большемъ гнѣвѣ захочетъ его оставить на время безнаказаннымъ, безъ исправленія и безъ обращенія виновныхъ. Отвѣчая затѣмъ на слова, которыми Нектарій взывалъ къ милосердію *епископа*, Августинъ пишетъ: „Ты даешь намъ мудрое наставленіе относительно роли епископа! Мы на самомъ дѣлѣ стараемся, чтобы никто не былъ наказанъ слишкомъ строго ни нами, ни кѣмъ-либо инымъ при нашемъ заступничествѣ, но мы пытаемся доставить людямъ то спасеніе, которое заключается въ блаженствѣ праведной жизни, а не въ безопасности злодѣяній. Прощенія мы желаемъ заслужить не только нашимъ, но и чужимъ проступкамъ, но добиться его мы, конечно, можемъ только для исправившихся“.

Съ цѣлью показать Нектарію всю тяжесть вины его согражданъ, Августинъ излагаетъ дѣло, какъ оно было. Выводъ, къ которому пришелъ Августинъ, былъ крайне неутѣшителенъ для старика: Гиппонскій епископъ признавалъ всѣхъ язычниковъ Каламы отвѣтственными за случившееся; онъ считалъ невозможнымъ проводить какое-либо различіе между невинными и виновными—и развѣ только между болѣе или менѣе виновными. Къ такимъ менѣе виновнымъ Августинъ относитъ тѣхъ, кто, изъ страха обидѣть вліятельнѣйшихъ гражданъ и враговъ церкви, не пришелъ на помощь христіанскому духовенству; Августинъ признаетъ преступными всѣхъ, кто хотя и не участвовалъ въ нападеніи на церковь и не подстрекалъ къ этому другихъ, но сочувствовалъ тому, что творилось; болѣе преступными—тѣхъ, кто участвовалъ въ нападеніи; наиболѣе преступными—тѣхъ, кто *подстрекалъ*. Относительно подстрекателей Августинъ допускалъ, что подозрѣніе не есть еще улика, но отклонялъ отъ себя обсужденіе дѣла, которое могло быть установлено лишь посредствомъ пытки привлеченныхъ къ розыску людей. Епископъ Гиппонскій готовъ

былъ простить тѣхъ, кто, страха ради, предпочелъ молиться за епископа и его служителей, чѣмъ вступиться за нихъ и оскорбить могущественныхъ враговъ церкви. „Что же касается до остальныхъ, то неужели они не должны подвергнуться никакой карѣ и примѣръ такого изувѣрства долженъ остаться безнаказаннымъ? Не гнѣву дать удовлетвореніе отместкой за прошлое желаемъ мы, но милосердно обезпечить миръ въ будущемъ.

„У нечестивыхъ есть то, на чемъ христіане могутъ ихъ наказать, не только соблюдая кротость, но и съ пользою, и спасительно для самихъ язычниковъ. Ибо у нихъ есть жизнь, у нихъ есть *чѣмъ* жить, и есть чѣмъ *дурно* жить. Пусть они сохранятъ жизнь и то, что необходимо для самой жизни; пусть они живутъ, дабы было кому раскаяться; этого мы желаемъ; этого, насколько то въ нашихъ силахъ, мы, не щадя трудовъ, будемъ добиваться. Что же касается до лишняго въ жизни, то если Господь захочетъ отнять его, какъ гнилое и вредное, то это будетъ еще очень милосерднымъ наказаніемъ. Если же Онъ потребуетъ большей кары, или наоборотъ, даже и этой не допуститъ, то причина такого болѣе высокаго и справедливаго промысла будетъ Ему одному вѣдома. Намъ же надлежитъ приложить нашу заботу и наше вліяніе, насколько намъ дано на то разумѣніе, и молить Его одобрить наше намѣреніе быть всѣмъ полезнымъ и не допустить, чтобы чрезъ насъ сотворилось что-либо вредное для Его церкви,—а это Ему извѣстно лучше, чѣмъ намъ“...

Въ заключеніе Августинъ сообщаетъ Нектарію, что онъ самъ ѣздилъ въ Каламу, чтобъ утѣшить тамошнихъ христіанъ въ ихъ великой скорби, и что пока онъ тамъ находился,—язычники, руководители и виновники ужаснаго бѣдствія, просили его, чтобы онъ ихъ принялъ. Онъ на это согласился, чтобы имѣть случай наставить ихъ относительно того, что имъ надлежитъ дѣлать не только для устраненія настоящей ихъ заботы, но и для обрѣтенія вѣчнаго спасенія. „Многое они отъ насъ услышали, о многомъ и сами просили; но не такіе мы служители, чтобы намъ было въ радость принимать просьбы тѣхъ, которые не хотятъ обращаться съ просьбами къ нашему Господу. Отсюда ты усмотришь съ свойственной тебѣ проницательностью, что при соблюденіи христіанской кротости и умѣренности намъ надлежитъ имѣть въ виду—или страхомъ воздерживать другихъ отъ подражанія негодному, или склонять ихъ слѣдовать примѣру исправившихся“. Лишь въ самомъ концѣ письма Августинъ коснулся предложенія Нектарія отъ имени язычниковъ вознаградить

христіанъ за понесенный ими при пожарѣ и грабежѣ матеріальный ущербъ. Августинъ отклонилъ это предложеніе: „Убытокъ будетъ понесенъ потерпѣвшими христіанами или возмѣщенъ другими христіанами; мы добиваемся не денежной выгоды, а прибыли душъ; ихъ мы желаемъ пріобрѣсти хотя бы съ опасностью для жизни; *такой прибыли,* и какъ можно болѣе обильной, мы ищемъ и въ вашемъ городѣ, и хотимъ, чтобы вашъ примѣръ не послужилъ ей препятствіемъ и въ другихъ мѣстахъ".

Изложенное выше письмо Августина не могло, конечно, успокоить Нектарія. Если такъ на дѣло смотрѣлъ христіанскій епископъ, въ которомъ онъ надѣялся найти заступника за провинившихся, то чего же было ожидать отъ христіанскихъ властей и судей? Письмо Августина сулило мало хорошаго: въ его глазахъ всѣ язычники Каламы были виновны; имъ всѣмъ грозило лишеніе состоянія не для возмѣщенія убытка, который не трудно было покрыть, но какъ средство принужденія къ благочестивой жизни; всѣмъ же подозрѣваемымъ въ подстрекательствѣ грозила безжалостная пытка съ ея роковыми послѣдствіями. Поэтому Нектарій рѣшился еще разъ обратиться къ Августину. Онъ пишетъ ему, что при чтеніи его посланія, которымъ онъ разрушалъ поклоненіе идоламъ и обряды храмовъ, ему послышался не голосъ философа изъ тѣнистой академіи, а грозная рѣчь консулара Цицерона противъ преступниковъ и враговъ республики. Характерно для язычника послѣдней эпохи признаніе Нектарія, что онъ съ удовольствіемъ принялъ призывъ преклониться предъ верховнымъ Богомъ и стремиться къ небесному отечеству, о которомъ Нектарій отзывается не какъ философъ, а какъ вѣрующій; но онъ не хочетъ допустить, чтобы это стремленіе понуждало забыть интересы родины. Обращаясь къ послѣдней, Нектарій утверждаетъ, что лишеніе имущества будетъ наказаніемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ казнь, ибо смерть отнимаетъ всякое сознаніе несчастья, жизнь же въ нуждѣ есть постоянное несчастье. Нектарій ссылается въ доказательство этого на заботы христіанъ о бѣдныхъ и больныхъ. Онъ возражалъ также противъ того, что Августинъ различаетъ виновныхъ по степени вины и размѣру наказанія; причемъ Нектарій ссылался на философовъ (стоиковъ), не признававшихъ различія въ винѣ: Нектарій проситъ для всѣхъ одинаковаго прощенія. „Представь себѣ,—пишетъ онъ Августину,—городъ, изъ котораго выводятъ гражданъ на казнь; плачъ матерей, женъ и дѣтей; настроеніе тѣхъ, которымъ будетъ разрѣшено вернуться въ городъ на свободѣ, но съ искалѣченными пыткою членами; представь себѣ горе и стоны, по-

стоянно возобновляемые зрѣлищемъ ранъ и рубцовъ". Нектарій выставляетъ на видъ, сколько жестокости въ привлеченіи къ уголовному суду невинныхъ, какъ трудно спасти ихъ отъ злобы обвинителей и какъ часто послѣдніе виновныхъ выпускаютъ, а невинныхъ задерживаютъ.

Письмо Нектарія встревожило Августина. Оно было получено имъ 27 марта 409 г., почти восемь мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Августинъ отправилъ ему отвѣтъ на его первое письмо. Почему это случилось? Былъ ли отвѣтъ Августина поздно доставленъ Нектарію, или послѣдній не находилъ нужнымъ ему отвѣчать? Почему же онъ теперь написалъ? Не выжидалъ ли онъ результатовъ поѣздки, которую предпринялъ епископъ Каламы, Поссидій, въ Италію, къ императорскому двору, съ жалобой на язычниковъ Каламы? и не дошли ли теперь до него извѣстія, что жалоба Поссидія увѣнчалась успѣхомъ, и что изъ Равенны пришелъ приказъ привлечь виновныхъ язычниковъ къ строгой отвѣтственности? Августину ничего объ этомъ не было извѣстно, но приглашеніе Нектарія представить себѣ картину города, жителей котораго ведутъ на казнь, какъ будто подтверждало такое его предположеніе. Поэтому Августинъ, въ новомъ отвѣтѣ, прежде всего требуетъ, чтобы Нектарій какъ можно яснѣе написалъ, дошелъ ли до него какой-нибудь слухъ о судьбѣ, предстоящей Каламѣ, для того, чтобы ему, Августину, знать, какъ поступить, если это такъ, или что отвѣтить тѣмъ, которые этому слуху вѣрятъ.

Мрачная картина казней и пытокъ, изображенная Нектаріемъ, безпокоитъ Августина: онъ спѣшитъ увѣрить Нектарія, что „далекъ отъ того, чтобы навлечь что-либо подобное на кого-либо изъ враговъ—или лично, или черезъ кого-нибудь другого. Подозрѣніе, что Августинъ причастенъ бѣдствіямъ, которыя постигнутъ язычниковъ Каламы, было для него тѣмъ болѣе тяжело, что Поссидій, передъ путешествіемъ въ Италію, побывалъ у него въ Гиппонѣ, и суровыя кары, еслибы онѣ обрушились на язычниковъ Каламы, могли бы быть приписаны его, Августина, настоянію.

Какъ самое начало, такъ и все письмо Августина, весьма пространное, представляетъ собой попытку оправдаться и доказать, что Нектарій впалъ въ недоразумѣніе, приписывая Августину болѣе жестокія чувства и болѣе жестокія намѣренія по отношенію къ язычникамъ Каламы, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Нужно сказать, что оправданіе написано искусно и хорошо выясняетъ истинную точку зрѣнія Августина, но зато пер-

вое его письмо давало Нектарію полное основаніе понимать Августина такъ, какъ онъ его понялъ.

Августинъ, прежде всего, оспариваетъ утвержденіе Нектарія, что смерть предпочтительнѣе разоренія, и что жизнь въ нуждѣ есть непрерывное бѣдствіе. Августинъ возражаетъ, что „трудящаяся бѣдность не грѣхъ, а часто удерживаетъ отъ грѣха“. Что же касается до утвержденія, будто „смерть есть конецъ всѣхъ золъ“, то оно, правда, встрѣчается у языческихъ писателей, но далеко не у всѣхъ; это—мнѣніе эпикурейцевъ и другихъ, признающихъ, что душа смертна. Тѣ же философы, которыхъ Цицеронъ величаетъ почетнымъ прозвищемъ „консуларовъ“, полагаютъ, что „въ послѣдній день жизни душа не умираетъ, а удаляется изъ тѣла и, по своимъ заслугамъ, обрѣтаетъ благо или зло“. Но Августинъ, по его словамъ, вовсе и не имѣлъ въ виду довести язычниковъ Каламы до такой бѣдности, которую можно назвать нуждой. Онъ вовсе не желалъ путемъ взысканій навязать имъ плугъ Цинцинната или скромный очагъ Фабриція, хотя эти мужи, въ свое время, изъ-за своей бѣдности не только не утратили уваженія своихъ согражданъ, но казались имъ наиболѣе способными управлять государствомъ. „Даже того я не желаю,—пишетъ Августинъ Нектарію,—чтобы у богачей твоей родины оставалось не болѣе десяти фунтовъ серебра, какъ у того консула Руфина, котораго тогдашній цензоръ за это справедливо подвергъ порицанію, признавая это излишнимъ богатствомъ“. Августинъ не хотѣлъ бы только, чтобы у каламскихъ язычниковъ оставались средства создавать серебряные идолы, изъ-за поклоненія которымъ они сожигаютъ христіанскія церкви и разоряютъ безчеловѣчнымъ образомъ бѣдное достояніе христіанскихъ клериковъ.

Значительная часть письма Августина посвящена опроверженію взглядовъ Нектарія на преступленіе и наказаніе. Нектарій утверждалъ, что когда требуется прощеніе—нѣтъ нужды входить въ оцѣнку рода преступленія или степени вины. Августинъ на это замѣчаетъ, что это справедливо, когда рѣчь идетъ о наказаніи, а не объ исправленіи. Желаніе мести не должно служить христіанину побужденіемъ къ наказанію; онъ не долженъ ненавидѣть обидчика, не долженъ желать воздать ему зломъ за зло, не долженъ поддаваться страсти нанести обидчику вредъ; но прощеніе не должно препятствовать попеченію о благѣ обидчика и отвлеченію его отъ зла. Однимъ словомъ, Августинъ настаивалъ на религіозно-педагогическомъ значеніи наказанія.

Съ этой точки зрѣнія Августинъ не могъ согласиться и съ

другимъ утвержденіемъ Нектарія,—что такъ какъ всѣ проступки равны, то и прощеніе ихъ должно быть одинаковое. Августинъ опровергалъ Нектарія собственными его словами, указывая на самопротиворѣчіе его. Свой парадоксъ о равенствѣ преступленій онъ заимствовалъ у стоиковъ; но стоики, признавая всѣ проступки равными, обнаруживали въ этомъ свою жестокость, ибо они отсюда вовсе не выводили, что всѣ проступки должны подлежать прощенію, а напротивъ, что всѣ должны быть наказуемы. Затѣмъ, возвращаясь къ конкретному случаю и признавая различныя степени виновности язычниковъ Каламы, Августинъ, на этотъ разъ, высказываетъ точнѣе свой взглядъ на степень ихъ отвѣтственности: онъ допускаетъ невиновность тѣхъ, кто отсутствовалъ или былъ безсиленъ, физически или нравственно, пріостановить насилія: въ особенности же важно то, что онъ уклоняется сказать что-либо о подстрекателяхъ на томъ основаніи, что ихъ вина, вѣроятно, не можетъ быть обнаружена безъ посредства пытки, а это „противорѣчитъ его намѣреніямъ".

Поэтому онъ имѣлъ право писать Нектарію: „Такъ не опасайся же, чтобы мы замышляли гибель невинныхъ; мы не желаемъ казни даже тѣхъ, кто ея достоинъ, ибо этому препятствуетъ то милосердіе, которое мы полюбили въ Христѣ вмѣстѣ съ истиной. Но кто щадитъ пороки и способствуетъ ихъ развитію, съ тѣмъ, чтобы не огорчить виновныхъ, того нельзя назвать милосерднымъ, какъ и того, кто не хочетъ вырвать ножъ изъ рукъ ребенка, чтобы не слышать его плача".

Нельзя не благодарить судьбу за то, что она подала Августину поводъ написать это письмо. Это — важный документъ не только для біографіи Августина, но и для культурной исторіи. Безъ него, мы могли бы впасть относительно Августина въ такое же недоразумѣніе, въ какое впалъ и Нектарій, при чтеніи перваго письма Августина, написаннаго сгоряча, подъ первымъ впечатлѣніемъ совершенныхъ въ Каламѣ буйствъ. Разъясняя точнѣе свою мысль, Августинъ получилъ возможность опредѣленно высказать, что онъ съ отвращеніемъ отвергаетъ способъ устанавливать виновность посредствомъ *пытокъ*. Еслибы такого же взгляда держалась средневѣковая церковь, то этотъ ужасный бичъ — примѣненіе пытки въ уголовномъ судопроизводствѣ—не перешелъ бы отъ римской имперіи къ христіанскимъ государствамъ Европы. Интересенъ также взглядъ Августина на значеніе денежныхъ пеней. Этотъ вопросъ составляетъ проблему и въ современномъ уголовномъ правѣ, и неодинаково разрѣшается различными законодательствами. Въ большинствѣ изъ

нихъ денежная пеня является „эквивалентомъ“ заключенія въ тюрьму, т.-е. отъ послѣдняго можно откупиться денежнымъ штрафомъ, притомъ, по общей таксѣ, т.-е. безотносительно къ состоянію. Въ этихъ случаяхъ денежная пеня заключаетъ въ себѣ привилегію для наиболѣе состоятельныхъ, которымъ она наименѣе чувствительна. Августинъ подходитъ къ разрѣшенію этого вопроса съ этической стороны. Онъ отвергаетъ даже граждански-правовой характеръ денежной пени, какъ уплаты за причиненные христіанамъ убытки: пусть христіане понесутъ эти убытки; съ аскетической точки зрѣнія потеря земныхъ благъ не есть убытокъ. Съ этой именно точки зрѣнія должны понести наказаніе и виновные язычники. Они должны понести тяжелыя денежныя пени не для того, чтобы сдѣлаться нищими, но чтобы лишиться возможности тратиться на пагубныя для нихъ языческія торжества и приблизиться къ состоянію, не представляющему соблазновъ.

Переписка Нектарія съ Августиномъ интересна еще и потому, что заключаетъ въ себѣ ясное признаніе со стороны язычника великихъ и благихъ усилій тогдашней церкви для облегченія участи бѣднѣйшаго населенія. „Вы поддерживаете бѣдныхъ, —говоритъ Нектарій, — возстановляете силы болящихъ, больнымъ даете лекарства“; здѣсь указана раздача денежныхъ пособій, санитарное и больничное дѣло, но къ этому присоединяется еще общая забота о благѣ страждущихъ: „вы всѣми способами стараетесь, чтобы несчастные не чувствовали продолжительности бѣдствія“.

Вся эта приведенная переписка подала одному изъ послѣднихъ историковъ „паганизма“ поводъ къ невѣрному освѣщенію дѣятельности и взглядовъ Гиппонскаго епископа. Шульце [1]) почему-то извѣстно, что Августинъ отправился въ Каламу для разслѣдованія дѣла „въ величайшемъ раздраженіи“. Приглашенный быть посредникомъ между язычниками и христіанами, Августинъ отказался отъ этого, по словамъ Шульце,—и послѣдній строитъ на этомъ предположеніе, что происшествіемъ въ Каламѣ воспользовались для того, чтобы тамъ окончательно сломить силу язычества. Эту догадку Шульце подкрѣпляетъ вопросомъ: „Развѣ возможно, чтобы Августинъ промолчалъ?“ —т.-е. не обратился съ жалобой къ императорскому правительству. А въ доказательство того Шульце ссылается на письмо Августина къ Олимпію, содержаніе котораго сводитъ къ настоянію серьезно

---

[1]) V. Schultze. Gesch. d. Untergangs d. gr.-röm. Heidenthums. I, 364; II, 158.

отнестись къ исполненію законовъ противъ язычниковъ, недостаточно примѣнявшихся къ дѣлу вслѣдствіе утвержденія язычниковъ, что они изданы безъ вѣдома и даже противъ желанія императора. Дѣло же обстоитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ 408 года былъ убитъ въ Равеннѣ Стилихонъ, знаменитый вандальскій вождь, приставленный императоромъ Ѳеодосіемъ къ его малолѣтнему и слабовольному сыну, Гонорію. Замѣстителемъ его, т.-е. правителемъ государства, сталъ главный изъ заговорщиковъ, азіатскій грекъ Олимпій, котораго христіане прославляли за благочестіе, а язычники считали лицемѣромъ. Два мѣсяца спустя, въ Карѳагенѣ собрался съѣздъ епископовъ, постановившій, 13 октября, отправить къ императору депутацію изъ двухъ епископовъ, Реститута и Флоренція, съ жалобой на язычниковъ и еретиковъ (донатистовъ). На этомъ съѣздѣ, вѣроятно, присутствовалъ также и Августинъ. Но еще прежде, чѣмъ эти епископы достигли столицы, Августинъ лично обратился къ Олимпію. Августинъ еще раньше ему писалъ, какъ только въ Африку дошелъ слухъ о его возвышеніи, и ходатайствовалъ по дѣлу одного африканскаго епископа съ казной; убѣдившись, изъ отвѣта Олимпія, въ его расположеніи къ нему, Августинъ пишетъ ему вторично, упоминая при этомъ, что въ первый разъ онъ не имѣлъ свѣдѣній о тѣхъ важныхъ дѣлахъ, которыя его теперь сильно волнуютъ; объ этихъ дѣлахъ и о мѣрахъ, необходимыхъ для устраненія или исправленія подобныхъ случаевъ, ему доложатъ епископы, съ этою цѣлью посланные за-море. Августинъ же не хотѣлъ упустить случая снестись съ нимъ при помощи священника, который былъ принужденъ, для блага одного изъ своихъ согражданъ, отправиться въ столицу среди самой зимы; этотъ священникъ былъ направленъ своимъ епископомъ черезъ Гиппону (на берегу моря), такъ какъ Августинъ, претерпѣвая большія волненія и непріятности по дѣламъ церкви, желалъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Олимпія и не находилъ оказіи.—О чемъ же проситъ Августинъ?—о томъ, чтобы Олимпій принялъ, какъ можно скорѣе, мѣры для освѣдомленія враговъ церкви, что присланные, еще при жизни Стилихона, въ Африку законы о разрушеніи идоловъ и исправленіи еретиковъ „были изданы по волѣ благочестивѣйшаго и благовѣрнѣйшаго императора"—для того, чтобъ эти враги не хвастали, будто бы это было сдѣлано безъ его вѣдома или противъ его воли, и сами бы этому не вѣрили, смущая и возбуждая этимъ неопытныхъ людей и вызывая такимъ способомъ сильную вражду противъ церкви и большую для нея опасность. Августинъ настаиваетъ на томъ, что отнюдь не слѣ-

дуетъ откладывать объявленія въ провинціи, что законъ въ защиту церкви есть дѣло сына Ѳеодосія, чѣмъ Стилихона, и, въ виду этого, Августинъ проситъ Олимпія издать подобный указъ еще до пріѣзда въ столицу отправившихся туда епископовъ.

Изъ анализа этого письма вытекаетъ, что оно, ни хронологически, ни по своему содержанію, не стоитъ въ связи съ сожженіемъ язычниками церкви въ Каламѣ. Событіе это произошло уже 1 іюня — слухи о возвышеніи Олимпія должны были дойти до Гиппоны не позднѣе сентября,—а между тѣмъ Августинъ, въ написанномъ тогда первомъ письмѣ къ Олимпію, не жалуется на язычниковъ Каламы; тогда—какъ сказано во второмъ письмѣ—онъ еще не получилъ свѣдѣній о тѣхъ дѣлахъ, которыя его встревожили. Слѣдовательно, эти дѣла не имѣли отношенія къ Каламѣ.

Во второмъ письмѣ также не упоминается о Каламѣ. Цѣль его ясна: если и справедливо, что заговорщики, чтобы привлечь на свою сторону императора, приписывали Стилихону и его сыну Евхерію намѣреніе произвести реставрацію язычества, то объ этомъ въ Африкѣ не знали, а наоборотъ,—тамъ смерть Стилихона возбудила среди язычниковъ и донатистовъ надежду, что вмѣстѣ съ нимъ пали и изданные при немъ суровые противъ нихъ законы. Августинъ же проситъ Олимпія не о какихъ-либо репрессивныхъ мѣрахъ, а объ объявленіи, что изданные при Стилихонѣ законы сохраняютъ свою прежнюю силу.

Для того, чтобы вѣрно оцѣнить отношеніе Августина къ язычникамъ, не слѣдуетъ опредѣлять ихъ только на основаніи его писемъ по поводу языческихъ насилій въ Суфектанѣ и Каламѣ. У насъ для этого есть другой обильный источникъ—проповѣди Августина и его поученія на псалмы. Тѣ и другіе занимаютъ по два тома въ изданіи „Патрологіи“ Минье, т.-е. составляютъ около третьей части всѣхъ сочиненій Августина. Нельзя не подивиться при громадномъ количествѣ поученій и проповѣдей—первыхъ 150, вторыхъ дошло до насъ 396—тому, что въ нихъ такъ рѣдко идетъ рѣчь о язычникахъ. Изъ этого можно, кажется, заключить, что въ самой Гиппонѣ язычниковъ осталось немного,—но во всякомъ случаѣ относящагося къ язычникамъ матеріала въ проповѣдяхъ Августина достаточно для сужденія о его отношеніяхъ къ нимъ. Прежде всего нужно отмѣтить то, что Августинъ, въ своихъ проповѣдяхъ и поученіяхъ никогда не возбуждаетъ слушателей противъ язычниковъ—на подобіе нѣкоторыхъ изъ своихъ совре-

менниковъ. Чрезвычайно рѣдко касается онъ нареканій, возводившихся язычниками на христіанство и оскорблявшихъ христіанъ. Такъ напр., онъ упоминаетъ объ утвержденіи язычниковъ, что Христосъ для совершенія чудесъ пользовался магіей. Августинъ опровергаетъ это ссылкой на пророчества о Христѣ до его появленія, и спрашиваетъ: „Развѣ эти пророчества также плодъ магіи? если это такъ, то нужно думать что Христосъ былъ магомъ еще до своего рожденія“! Въ поученіи на 80-ый псаломъ Августинъ опровергаетъ „злословіе“ язычниковъ, утверждавшихъ, что бѣдствія стали изобиловать со времени христіанства,—и указываетъ, что среди язычниковъ давно уже установилась поговорка: „Господь не даетъ дождя, веди насъ на христіанъ“.

„Предки ихъ такъ вопили,—восклицаетъ Августинъ,—а они продолжаютъ такъ кричать даже когда Богъ посылаетъ дождь“ и исполняются еще бо́льшей „гордыней вмѣсто того, чтобы глубже смириться“.

Чаще, чѣмъ язычниковъ Августинъ обличаетъ языческихъ боговъ и идоловъ. Подводя язычниковъ подъ текстъ: „Гнѣвъ Господень постигнетъ нечестивыхъ“, Августинъ спрашиваетъ: „За что же? вѣдь имъ не былъ данъ законъ, какъ евреямъ, которые имъ пренебрегли! Но,—возражаетъ на это Августинъ,—имъ была дана возможность познать Господа изъ природы. „Воззри,—восклицаетъ онъ,—на плодородную землю, воззри на море обильное жизнью, воззри на воздухъ, полный птицъ, на блескъ звѣздъ—и развѣ ты не спросишь, чье это дѣло? Ты скажешь мнѣ:—я все это вижу, но не вижу того, чье это дѣло.—Но, чтобы все это видѣть, Господь далъ тебѣ глаза, а чтобы узрѣть Его самого—Онъ далъ тебѣ разумъ. Если бы язычники такъ поступили и смиренно пребывали въ блаженномъ созерцаніи Господа, они имѣли бы оправданіе. Но они возгордились, и тогда ихъ ввелъ въ искушеніе лживый гордецъ и сдѣлалъ ихъ поклонниками демоновъ. Отсюда возникли обряды, совершаемые язычниками, необходимые, по ихъ словамъ, для очищенія ихъ души. Отсюда же произошли и идолы, не только въ образѣ бреннаго человѣка, но, какъ у египтянъ, въ образѣ животнаго, птицы и змѣя. Они скажутъ намъ: мы не идоламъ поклоняемся, а тому, что̀ они изображаютъ. Но кто почитаетъ идола, тотъ божественную истину подмѣниваетъ ложью: ибо море существуетъ по истинѣ, Нептунъ же—ложный вымыселъ человѣка. Господь сотворилъ море, человѣкъ же—идола Нептуна. Что̀ такое Юнона?—говорятъ: воздухъ; намъ предлагали почитать море въ образѣ Нептуна, а теперь—

воздухъ въ образѣ Юноны. Но все это лишь стихіи, составляющія міръ, сотворенный Господомъ. Пусть же намъ не говорятъ:—мы поклоняемся не идоламъ, а тому, что они изображаютъ.—Но это значитъ поклоняться твореніямъ—паче Творца".

Въ поученіи на 134-ый псаломъ самый текстъ наводитъ Августина на обличеніе идоловъ: „идолы язычниковъ—серебро и золото,—дѣло рукъ человѣческихъ; есть у нихъ уста, но не говорятъ, есть у нихъ глаза, но не видятъ".—„Духъ Божій,—объясняетъ Августинъ,—поноситъ идоловъ и глумится надъ ними; но надъ идолами смѣются уже сами поклонники ихъ". Августинъ обращаетъ вниманіе на то, что текстъ не говоритъ объ идолахъ изъ камня или дерева, изъ гипса или глины или подобнаго малоцѣннаго матеріала. Нѣтъ, рѣчь идетъ объ идолахъ изъ золота и серебра, т.-е. изъ того, что люди считаютъ наиболѣе цѣннымъ. Но и такіе идолы—не что иное, какъ дѣло рукъ ремесленника. Развѣ вы не видите,—обращается Августинъ къ язычникамъ,—что тѣ, кого вы возвели въ боги, ничего не видятъ; что имъ сдѣланы уши, но они не слышатъ? О, человѣкъ! ты безъ сомнѣнія смѣялся бы надъ дѣломъ рукъ своихъ, еслибы позналъ, чьею рукою ты самъ сотворенъ"!..

Одно изъ замѣчательныхъ проявленій Августиновскаго краснорѣчія—это слова, въ которыхъ онъ противопоставляетъ ничтожеству прославленныхъ на весь міръ языческихъ боговъ величіе слабыхъ тѣломъ христіанскихъ мучениковъ, своими страданіями побѣдившихъ могущество языческаго міра. Эти слова находятся въ проповѣди Августина въ день памяти епископа Фруктуоза и дьяконовъ Аугурія и Эвлогія, пострадавшихъ въ 259 г., при императорѣ Галліенѣ въ Тарраконѣ.

Ставши на точку зрѣнія тѣхъ язычниковъ, которые видѣли въ богахъ—обоготворенныхъ людей, Августинъ восклицаетъ: „что же сказать о людяхъ, которыхъ язычники почитаютъ за боговъ, которымъ они строютъ храмы, алтари, ставятъ жрецовъ, приносятъ жертвы? Я скажу, что ихъ нельзя и равнять съ нашими мучениками, даже самое сопоставленіе съ ними обидно для мучениковъ. Не будемъ поэтому сравнивать нечестивыхъ боговъ съ самыми слабыми изъ вѣрующихъ, даже съ тѣми, которые еще живутъ во плоти и не достигли зрѣлости. Что значитъ Юнона въ сравненіи съ какой-нибудь вѣрующей христіанской старушкой? чего стоитъ Геркулесъ противъ слабаго и дрожащаго всѣмъ тѣломъ старца-христіанина? Геркулесъ побѣдилъ Кака, убилъ льва, одолѣлъ пса Цербера—Фруктуозъ же побѣдилъ цѣлый міръ! тринадцатилѣтняя дѣвочка Агнеса побѣдила дьявола; это

дитя одолѣло того, кто именемъ Геркулеса многихъ ввелъ въ обманъ".

Съ такимъ же торжествомъ прославляетъ Августинъ совершавшееся на его глазахъ обращеніе язычниковъ.

„Сколько языковъ,—восклицаетъ Августинъ, — пришло къ намъ съ вѣрою; изъ сколькихъ помѣстій, изъ сколькихъ пустынь приходятъ они! приходитъ ихъ оттуда, невѣдомо сколько, искать вѣры. Мы говоримъ имъ: чего вамъ надо?—они отвѣчаютъ:—хотимъ познать славу Божію.—Мы удивляемся и радуемся этимъ словамъ сельчанъ. Приходятъ они, неизвѣстно откуда, невѣдомо, по чьему зову.—Нѣтъ, я знаю, по чьему зову! Вѣдь сказано:—Никто не приходитъ ко Мнѣ, кого Отецъ не позвалъ.—Приходятъ они къ церкви изъ лѣсовъ, изъ пустынь, съ отдаленнѣйшихъ и недоступныхъ горъ, и всѣ почти говорятъ одно. Чего вамъ надо?—спрашиваемъ мы ихъ. А они:—хотимъ видѣть славу Божію. Они вѣрятъ, идутъ подъ благословеніе и требуютъ, чтобы имъ поставили священниковъ". Иногда у Августина къ этому торжеству примѣшивается горечь сознанія, что оно стоило такъ дорого, и нѣкоторое пренебреженіе къ бывшимъ врагамъ: „Гдѣ теперь тѣ, кто кричалъ: да исчезнетъ съ земли имя христіанъ? Одни изъ нихъ обратились, другіе погибли, немногіе остались и робѣютъ. Какъ свирѣпствовала ненависть враговъ нашихъ, когда они проливали кровь мучениковъ! А теперь тѣ самые, кто преслѣдовалъ мучениковъ, разыскиваютъ ихъ могилы, чтобы имъ поклониться, или чтобы на нихъ упиться допьяна!" (ubi se inebrient).

Никогда, однако, въ торжествующихъ кликахъ побѣды не слышится у Августина фанатизмъ: его радуетъ не столько пораженіе враговъ и ненавистниковъ христіанъ, сколько проявленіе Божьяго промысла. Паденіе языческихъ царствъ было предсказано пророками. Августинъ вспоминаетъ о видѣніи Даніила, о камнѣ, который былъ свергнутъ съ горы безъ рукъ человѣческихъ и разбилъ всѣ царства земныя. Этотъ камень—Христосъ. А какія же это царства земныя разбиты Христомъ?—Это царство идоловъ, царство демоновъ. „Царствовалъ Сатурнъ (африканскій Ваалъ) во многихъ сердцахъ: гдѣ же теперь его царство? Царствовалъ Меркурій надъ многими людьми; гдѣ его царство? Оно разбито, а тѣ, надъ которыми онъ царствовалъ, покорились царству Христа. Какъ величественно было царство Целесты (Астарты) въ Карѳагенѣ! Куда дѣлось теперь царство Целесты"?

Такія торжествующія заявленія у Августина, какъ и у современныхъ ему христіанскихъ писателей, не слѣдуетъ понимать

буквально. Закрытіе храмовъ и запрещеніе жертвоприношеній еще не означало гибели язычества. Подавляемое въ городахъ, язычество крѣпко держалось въ деревняхъ и усадьбахъ (откуда и названіе: pagani—сельчане). Въ проповѣдяхъ самого же Августина мы находимъ этому подтвержденіе и притомъ интересное указаніе на то, какъ онъ относился къ вопросу объ уничтоженіи идоловъ въ частныхъ владѣніяхъ,—къ вопросу, такъ сказать, индивидуальной религіозной свободы.

„Язычники,—говоритъ Августинъ въ 62-ой проповѣди,—называютъ насъ врагами идоловъ своихъ. Да поможетъ намъ Господь и дастъ ихъ намъ во власть, какъ отдалъ тѣхъ, которые уже разбиты. Но вотъ что я скажу вамъ, любезные братья: не дѣлайте этого, пока не получите на это власть. То — обычай дурныхъ людей, бѣшеныхъ циркумцелліоновъ, свирѣпствовать тамъ, гдѣ они не имѣютъ на то права. Мы же, когда не имѣемъ на то власти, не дѣлаемъ этого; когда же получимъ ее, то никогда, не упустимъ случая. Многіе язычники хранятъ эту мерзость въ усадьбахъ своихъ; развѣ мы проникаемъ туда, чтобы разбивать идоловъ? Наша главная забота въ томъ, чтобы разбить идоловъ въ ихъ *сердцахъ*. Когда они станутъ христіанами, они или пригласятъ насъ на это хорошее дѣло, или сами предупредятъ насъ. Только молиться нужно за нихъ, а не гнѣваться на нихъ. Мы испытываемъ особенное скорбное чувство, но оно направлено противъ христіанъ, противъ братьевъ нашихъ, которые желаютъ быть членами церкви, но такъ, чтобы тѣло ихъ принадлежало церкви, сердце же было бы не тамъ“.

Воздерживая христіанъ отъ истребленія идоловъ въ частныхъ владѣніяхъ, Августинъ въ то же время защищаетъ ихъ отъ несправедливыхъ нареканій. „Еретики, евреи и язычники,—говоритъ Августинъ,—соединились противъ единой церкви (unitatem fecerunt contra unitatem). Если случится, что гдѣ-нибудь евреи понесутъ наказаніе за какую-нибудь свою неправду, они обвиняютъ насъ и подозрѣваютъ, и воображаютъ, что мы всегда противъ нихъ замышляемъ. Если случится, что еретики подвергнутся карѣ законовъ за свое нечестіе или насиліе, они говорятъ, что мы только и хлопочемъ о ихъ истребленіи. Когда издается законъ противъ язычниковъ — еслибы они были благоразумны, то поняли бы, что онъ изданъ на *пользу* имъ,—они полагаютъ, что мы вездѣ ищемъ идоловъ, и гдѣ находимъ, тамъ разбиваемъ ихъ. Зачѣмъ ихъ искать? Развѣ не на лицо мѣста, гдѣ находятся идолы? Развѣ мы не знаемъ, гдѣ они? И все-таки мы этого не дѣлаемъ, такъ какъ Господь не предоставилъ намъ власти на

это. Когда же Господь дастъ намъ эту власть? Тогда, когда владѣлецъ имѣнія сдѣлается христіаниномъ... Развѣ въ томъ, что стало достояніемъ церкви, могутъ оставаться идолы? Братья, вотъ что и не нравится язычникамъ: имъ мало того, что мы изъ ихъ усадебъ не удаляемъ идоловъ, не разбиваемъ ихъ; они хотятъ, чтобы мы сохранили идоловъ и въ христіанскихъ имѣніяхъ. Мы проповѣдуемъ противъ идоловъ, мы удаляемъ ихъ изъ сердецъ, мы преслѣдуемъ идоловъ!—я признаюсь въ этомъ. Намъ ли охранять ихъ? Но я не уничтожаю идоловъ тамъ, гдѣ не могу, тамъ, гдѣ владѣлецъ будетъ этимъ недоволенъ; тамъ же, гдѣ онъ самъ этого пожелаетъ, гдѣ онъ поблагодаритъ за это,—я былъ бы виновенъ, еслибъ этого не сдѣлалъ".

Отсюда видно, что, какъ ни страстно Августинъ желалъ уничтоженія идолопоклонства, онъ воздерживалъ христіанъ отъ поголовнаго истребленія идоловъ. Для него главнымъ дѣломъ было не насильственное уничтоженіе презрѣнныхъ изображеній, а обращеніе самого язычника, которое повлекло бы за собой и уничтоженіе идола. Этотъ взглядъ свой онъ облекъ въ замѣчательную, безсмертную формулу въ своемъ поученіи на 80-ый псаломъ:

„Многіе еретики и язычники выдумали и натворили себѣ разныхъ боговъ, и воздвигли ихъ, если не въ храмахъ, то—что еще хуже—въ сердцѣ своемъ, такъ что сами превратились въ обиталища ложныхъ и смѣхотворныхъ идоловъ. Поэтому великое дѣло—разбивать этихъ идоловъ въ сердцахъ" (magnum opus est intus haec idola frangere)... Паденіе язычества должно сопровождаться нравственнымъ подъемомъ христіанъ: „Взгляните, братія,—восклицаетъ Августинъ въ одной изъ своихъ проповѣдей,—какъ улучшается наша земля: одни изъ языческихъ храмовъ сами разрушаются, другіе—разбиваются, иные—обращены на лучшее дѣло; такъ должно быть и съ нами". Затѣмъ перечисливъ рядъ пороковъ, Августинъ провозглашаетъ: „все это должно, подобно идоламъ, быть уничтожено въ насъ".

Августину пришлось поэтому продолжать свою борьбу съ язычествомъ на почвѣ христіанства. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Африкѣ, переходъ, иногда и вынужденный, языческихъ массъ въ христіанство порождалъ извѣстнаго рода *двоевѣріе*: сдѣлавшись христіанами, многіе продолжали молиться своимъ прежнимъ богамъ... У Августина встрѣчаются интересныя въ этомъ отношеніи указанія, подтверждающія политическія обвиненія пресвитера Сальвіана противъ африканскихъ христіанъ. Такъ, Августинъ убѣждаетъ въ одномъ поученіи своихъ слуша-

телей, что „даже тогда, когда плоть ощущаетъ въ чемъ-либо нужду, надо это испрашивать молитвою у Бога, а не у демоновъ и идоловъ, или иныхъ какихъ-либо силъ сего міра. Ибо бываютъ такіе люди, которые, когда голодаютъ, покидаютъ Бога и молятъ Меркурія или Юпитера, чтобы послалъ имъ хлѣба, или ту, кого они называютъ *Небесною* (матерью), или какихъ-нибудь подобныхъ демоновъ—плоть ихъ не алчетъ Господа".

Изъ словъ Августина видно, что среди полуязыческихъ христіанъ сложилась даже какая-то теорія, признававшая извѣстное раздѣленіе труда между христіанскимъ богомъ и языческими, и утверждавшая, что отъ Бога зависитъ все необходимое для вѣчной жизни, демонамъ же нужно поклоняться ради благъ земныхъ. „Не хочетъ Господь, чтобы имъ поклонялись вмѣстѣ съ Нимъ, хотя бы Его чтили гораздо больше ихъ. Но ты спросишь, неужели демоны не нужны для земной жизни?—Нѣтъ!—А развѣ не слѣдуетъ опасаться прогнѣвить ихъ?—Нѣтъ; они не могутъ повредить, если Господь того не допуститъ. Демоны всегда полны желанія вредить,—хотя бы ихъ умилостивляли, хотя бы ихъ умоляли, они никогда не перестанутъ желать вреда людямъ".

Въ порокахъ ложныхъ христіанъ Августинъ видитъ главное препятствіе къ обращенію язычниковъ. Примѣняя къ нимъ слова 30-го псалма, Августинъ восклицаетъ: „Какъ велико число тѣхъ, которые пожелали быть христіанами, но оскорблены дурными нравами христіанъ? Это—тѣ *сосѣди,* о которыхъ сказано, что они приблизились къ намъ, но мы стали страшилищемъ для нихъ". Поэтому Августинъ восклицаетъ: „Кто враги церкви? язычники, евреи?—Нѣтъ, хуже всѣхъ худые христіане! Сколько дурного говорится о дурныхъ христіанахъ, а всѣ проклятія противъ нихъ падаютъ на всѣхъ христіанъ. Главные гонители церкви тѣ христіане, которые не хотятъ жить по-христіански".

Изъ приведенныхъ нами справокъ видно, насколько неосновательно обвиненіе Августина въ какомъ-то *двуличіи* [1]) въ его борьбѣ съ язычествомъ. Указавъ на письма его къ Олимпію, съ просьбой о мѣрахъ противъ идоловъ, Шульце прибавляетъ: „Въ другой же разъ Августинъ воздерживалъ пламенное рвеніе своимъ увѣщаніемъ, что идолы должны сначала быть ниспровергнуты въ сердцахъ. Этотъ двойной совѣтъ сообразовался съ обстоятельствами. Гдѣ въ городахъ магистраты и руководящія фамиліи пользовались своимъ вліяніемъ для поддержанія стараго культа, тамъ онъ находилъ нужнымъ обращаться за помощью къ государствен-

[1]) Schultze. Gesch. d. Untergangs d. gr. röm. Heidenthums. II, 161.

ной власти. Гдѣ у язычниковъ не было этой заручки, тамъ Августинъ считалъ возможнымъ расправиться собственными силами".

Такая характеристика дѣлаетъ изъ знаменитаго христіанскаго богослова и моралиста какого-то кардинала-дипломата временъ реформаціи. Августинъ, конечно, пламенно желалъ паденія язычества и сверженія идоловъ. Онъ видѣлъ въ идолопоклонствѣ не только *суевѣріе*, почитаніе твореній вмѣсто творца, но поклоненіе демонамъ, т.-е. отпавшимъ отъ Бога нечистымъ и злымъ духамъ. Августинъ, современникъ императоровъ Граціана и Ѳеодосія, горячо привѣтствовалъ всѣ государственныя мѣры, направленныя къ уничтоженію язычества, и опасался всяческихъ колебаній въ этой политикѣ, такъ какъ они поддерживали язычество;—отсюда и его письмо къ Олимпію. Но Августинъ, въ отличіе отъ такихъ епископовъ, какъ современные ему Ѳеофилъ Александрійскій и Маркелъ Апамейскій, которые во главѣ фанатизированной толпы шли на бой съ язычниками, воздерживалъ толпу отъ самоуправства, ссылаясь на текстъ „Второзаконія", и убѣждалъ своихъ слушателей воздерживаться отъ разбиванія идоловъ, пока они не получатъ на это разрѣшенія. Отъ кого? Отъ самихъ владѣльцевъ, которые, сдѣлавшись христіанами, или сами разобьютъ идоловъ, „или васъ пригласятъ на доброе дѣло".

Къ чему же обвинять въ жалкомъ оппортунизмѣ именно того, кто призналъ „великимъ дѣломъ разбивать идоловъ прежде всего въ самомъ человѣкѣ"?

В. Герье.

БРАТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

I.

Одинъ изъ швейцаровъ, въ поддёвкѣ съ голубымъ воротомъ рубашки, поднялъ кверху голову и крикнулъ корридорному:

— Бабичевъ дома—въ семнадцатомъ номерѣ?

— Дома!—донесся голосъ корридорнаго.—Только они приказывали до завтрака не принимать.

— Карточку возьми... доложи... Можетъ, и примутъ!

Въ сѣняхъ „Большой Московской гостинницы" остался дожидать отвѣта господинъ въ котиковой шапкѣ и пальто съ мѣховымъ воротникомъ—средняго роста, очень худощавый. Подстриженная борода и черные глаза съ густыми бровями придавали ему видъ скорѣе иностранца, чѣмъ русскаго.

Но онъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ спросилъ швейцара:

— Иванъ Степановичъ давно здѣсь стоитъ?

— Никакъ съ недѣлю,—отвѣтилъ тотъ.

— Просятъ!—раздался сверху голосъ корридорнаго.

— Пожалуйте!—пригласилъ швейцаръ.—Налѣво, по корридору, семнадцатый номеръ. Тамъ укажутъ. Одёжу здѣсь оставите?—предложилъ онъ.—Подниматься слободнѣе будетъ.

Безъ пальто, въ темно-сѣромъ пиджакѣ, гость смотрѣлъ еще худощавѣе.

Онъ сталъ быстро подниматься по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступеньки. На носу его уже сидѣло pince-nez, въ золотой оправѣ.

— Третья дверь налѣво,—указалъ ему корридорный.

Гость постучалъ въ дверь. Оттуда очень звонкій голосъ тотчасъ же отвѣтилъ:—Прошу!

— Руженцовъ! Ты ли это?—встрѣтилъ его Бабичевъ, подходя къ нему съ раскрытыми широко руками. — Дай обнять и облобызать.

Въ Бабичевѣ его товарищъ по университету—Руженцовъ—нашелъ только одну перемѣну: онъ пополнѣлъ и въ лицѣ, и въ станѣ, но такой же все свѣжій, видный изъ себя блондинъ, съ лихими усами и густой бородой, съ блескомъ голубыхъ глазъ, съ тѣмъ же молодымъ высокимъ голосомъ и легкой картавостью.

Онъ былъ уже одѣтъ, какъ всегда, старательно, но безъ франтовства, въ темную пару.

— Садись, садись! Дай на тебя взглянуть.

Бабичевъ усадилъ гостя на диванъ, не выпуская его руки изъ своей.

— Неказистъ, а?—спросилъ своимъ хриповатымъ, низкимъ голосомъ Руженцовъ и улыбнулся, показавъ твердые, но пожелтѣлые зубы.—Особенно теперь! Всю осень провалялся въ инфлуэнціи.

— Откуда ты?

— Съ юга.

— Работалъ тамъ? по своей части?

— Ха, ха! Ты это такъ сказалъ, Бабичевъ, точно я коммивояжеръ по части устройства новѣйшихъ газовыхъ кухонныхъ плитъ?

— У тебя была... какая-то заминка? Ты тогда писалъ мнѣ. Но ты вѣдь не долго находился безъ мѣста?

— Все это, братецъ мой, не суть важно! Неизбѣжный ходъ вещей: ежели ты самъ не желаешь быть щукой—поступай въ караси! Состоялъ въ услуженіи у тамошнихъ кошатниковъ...

— Какъ ты называешь — „кошатники"? — перебилъ Бабичевъ. — Это какъ наши мужики называютъ мелкихъ прасоловъ и барышниковъ?

— Тѣ—другихъ размѣровъ! А теперь я попалъ въ услуженіе къ здѣшнему паевому товариществу... уже настоящихъ московскихъ идоловъ. И вотъ меня сюда вытребовали... форменной бумагой... за такимъ-то номеромъ.

— Ты вѣдь все по той же спеціальности—химикъ?

— Пачкунъ. Химія самая низменная. Краски придумывать для ихъ степенствъ.

Бабичевъ также не нашелъ сильной перемѣны въ своемъ товарищѣ, Викторѣ Руженцовѣ, кромѣ еще бо́льшей худобы. Такъ же

онъ прищуривалъ глаза, изъ-за стеколъ pince-nez, и встряхивалъ головой съ жесткими, торчащими вверхъ волосами. Тонъ его былъ все съ тѣми же нотами человѣка, находящагося всегда „при особомъ мнѣніи“.

Онъ и въ студентахъ считалъ Руженцова „башкой“—и думалъ, что изъ него пожалуй выйдетъ ученый европейской репутаціи. Но тогда, тотчасъ по выходѣ, съ Руженцовымъ случилась серьезная „заминка“—его любимое слово,—и онъ оставался нѣсколько лѣтъ „подневольнымъ обывателемъ“ какой-то сѣверной трущобы.

— Что же! Ты будешь, стало быть, почаще наѣзжать сюда? А по дорогѣ и ко мнѣ?

Бабичевъ назвалъ губернскій городъ южнѣе отъ Москвы.

— Ужъ не знаю, другъ! Видѣть тебя всегда душевно радъ. Читаемъ про тебя, читаемъ... Дѣлаешься всероссійскимъ земцемъ! А?

— Ужъ и всероссійскимъ?!

— Не унываешь! На что-то надѣешься! Чего-то взыскуешь!..

И, перебивая себя, Руженцовъ всталъ, весь какъ-то передернулся и прищурился вбокъ на Бабичева.

— Ты въ которомъ часу пріемлешь пищу?

— Завтракаю въ полдень.

— А теперь уже половина двѣнадцатаго, кажется? Я съ утра въ разговорахъ съ ихъ степенствами. Приглашали они меня въ „Славянскій“, да мнѣ хотѣлось поскорѣе тебя видѣть.

— Превосходно! Мы прямо пройдемъ въ ресторанъ, на галерею. Тамъ свободно.

— Чисто по-московски! Безъ трактира нѣтъ разговора по душѣ... Я, быть можетъ, помѣшалъ тебѣ... если что спѣшное?

— Ничего нѣтъ! До трехъ я свободенъ.

— А въ Москвѣ долго ли пробудешь?

— Еще съ недѣлю.

— Съ такими же, какъ ты, ретивыми земцами?

Бабичевъ ничего не отвѣтилъ и только тихо разсмѣялся.

— Ну, такъ идемъ,—ѣсть смертельно хочется!

Они вышли на площадку лѣстницы и оттуда поднялись наверхъ и заняли одну изъ арокъ съ видомъ на большую залу, въ два свѣта, въ этотъ часъ еще почти пустую.

Половые — кучками и въ одиночку—бѣлѣли на фонѣ стѣнъ и мебели, между рядами столовъ.

Бабичеву пріятно было видѣть передъ собою, черезъ столъ, такого товарища, какъ Руженцовъ, умницу, убѣжденнаго, безусловно честнаго.

Какъ бы онъ былъ доволенъ, еслибъ ему удалось перетащить его въ свои края и сдѣлать изъ него мѣстнаго дѣятеля. Сколько бы они вмѣстѣ надѣлали хорошаго дѣла! И какъ такіе люди нужны именно теперь!..

Но онъ не сталъ сразу говорить съ Руженцовымъ на эту именно тему.

Тотъ успѣлъ выпить рюмку рябиновки и вкусно закусывалъ провѣсной бѣлорыбицей. Завтракъ былъ уже заказанъ.

Заглянувъ внизъ, въ залу, Руженцовъ повелъ на особый ладъ губами.

— Все та же Орда и Византія!

— Много и новаго есть,—мягко замѣтилъ Бабичевъ.

— Что ново — такъ только для близиру... а внутри все та же червоточина.

Бабичевъ зналъ давно, что его товарищъ „во все извѣрился“. Не одна только та „заминка“, которая вышибла его изъ колеи,— сдѣлала это.

На свою личную судьбу онъ всегда смотрѣлъ довольно-таки равнодушно. Съ тѣхъ поръ онъ много жилъ „на міру“, и его огорченность происходила вовсе не отъ личныхъ неудачъ.

И точно въ подтвержденіе его мысли, Руженцовъ, мѣняя тонъ, выговорилъ спокойнѣе и съ юморомъ:

— Ты, пожалуйста, не думай, Бабичевъ, что я тебѣ съ оника буду въ жалобномъ тонѣ про себя разсказывать? Какъ видишь, выплылъ. И еслибъ хотѣлъ измѣнить тактику, то лѣтъ черезъ пять былъ бы директоромъ или членомъ того паеваго товарищества, гдѣ принципальствуетъ нѣкоторый архикультурный купецъ Хаевъ...

— Хаевъ?—остановилъ Бабичевъ.—Захаръ Захарычъ?..

— Несомнѣнно!

— Да это мой сосѣдъ. У него прекрасная усадьба, въ десяти верстахъ. Бывшее имѣніе графа Кудашева...

— Онъ, онъ! Представляетъ своей персоной эволюцію перетасовки двухъ сословій.

— И жену его знаешь?—спросилъ Бабичевъ.

— Не имѣю удовольствія.

— Особа оригинальная.

— Не спорю. Такъ вотъ, другъ, я и говорю, что жалиться на свою судьбу не стану; что, собственно, она нисколько не повліяла на мои итоги... не какъ обывателя, которому надо пить-ѣсть, а какъ сына своей родины, какъ человѣка, который не перестаетъ размышлять о томъ, что вокругъ него дѣлается

и силится дать отвѣтъ на тотъ же избитый и неотразимый вопросъ: куда идемъ?

— Во всякомъ случаѣ, куда-то идемъ.

И тихая усмѣшка появилась на полныхъ, свѣжихъ губахъ Бабичева.

— Въ лѣсную дичь или въ затяжное болото? — подсказалъ Руженцовъ.

— Зачѣмъ такія сказочныя прибаутки?

— Не нравится?

— А все-таки идемъ!—повторилъ Бабичевъ.

— Да вѣдь и все идетъ! И процессъ гніенія имѣетъ свои законы. Безъ ферментовъ и онъ не происходитъ!..

— Оставь, Руженцовъ, твою химическую номенклатуру!

Тонъ у Бабичева оставался все такимъ же благодушнымъ и даже ласковымъ; и это начинало раздражать Руженцова.

— И ты вотъ—Иванъ Степановичъ Бабичевъ, мой коллега и однолѣтокъ, жившій не въ щели, а на міру, не менѣе меня,—мнишь, что ты представляешь собою какое-то... какъ бы это сказать... начало?...

— Прекрасно сказано, Викторъ Павловичъ! Именно начало. Я не представляю его собою—такой у меня претензіи нѣтъ,—но я его держусь, я его исповѣдую.

— И оно называется?

— Хоровое начало.

— Ха, ха!

Смѣхъ Руженцова раздался по галереѣ.

— Что же тутъ особенно смѣшного?—сказалъ Бабичевъ, и его красивые голубые глаза взглянули съ выраженіемъ тихаго упрека на пріятеля.

— Я вспомнилъ... Мы уже съ тобой были первокурсниками. Хоронили того старца, который выдумалъ это самое „хоровое начало". Помнишь, у насъ былъ одинъ медикъ. Мы съ нимъ посѣщали пивную, тамъ, на Никитской... Онъ удивительно передразнивалъ старца... хаживалъ въ одно семейство, куда тотъ часто ѣзжалъ и произносилъ свои монологи до разсвѣта.

Руженцовъ взъерошилъ и безъ того торчащіе, уже сѣдѣющіе волосы, опустилъ подбородокъ и, поведя какъ-то бровями, произнесъ хриплымъ басомъ:

— Вселенское чувство... хоровое начало...

Потомъ опустилъ сначала кисть правой руки подъ столъ, повернулъ ладонь, поднялъ ее изъ-подъ стола, указательнымъ пальцемъ вверхъ, и еще гуще протянулъ:

— Идея!

И Бабичевъ разсмѣялся.

— Такихъ старцевъ уже нѣтъ!—выговорилъ онъ грустно.— У нихъ были идеалы. И въ томъ, что онъ такъ часто повторялъ,—сидитъ великая идея.

— Это твой конекъ!—остановилъ Руженцовъ.

— Не конекъ, — отвѣтилъ еще серьезнѣе Бабичевъ, а коренное и руководящее вѣрованіе.

Тонъ у него былъ особенный—мягкій и проникновенный. Чувствовалась привычка складно и красиво говорить. Высокій голосъ пріятно вибрировалъ.

Но Руженцовъ и прежде находилъ, что у его пріятеля есть наклонность къ „лирическому доктринерству", къ хорошимъ словамъ и пріемамъ краснорѣчія.

— Ну, да... Я тебя узнаю, Бабичевъ! Но скажи мнѣ, другъ, неужели ты желалъ бы кончить жизнь свою въ роли этого запоздалаго славянофила съ безконечными варіаціями на одну и ту же тему? Что̀ отъ всего этого осталось, скажи на милость? Шумиха словъ! И неужели кто-нибудь изъ насъ, знающихъ жизнь, способенъ на такое словоизверженіе?

— Позволь! И про этого старца грѣшно было бы сказать, что онъ только говорилъ—сегодня на Плющихѣ, завтра на Чистыхъ-Прудахъ. Онъ и дѣйствовалъ, какъ писатель и другъ просвѣщенія, журналистъ и защитникъ дорогихъ для него принциповъ.

— Но что̀ же осталось изъ его хорового начала, которое ты желаешь теперь воскресить изъ мертвыхъ, какъ нѣкоторую драгоцѣнную мумію?

На высокомъ и бѣломъ лбу Бабичева намѣтилась морщина. Тонъ Руженцова ему не нравился, больше, чѣмъ когда-либо. Онъ не ожидалъ даже, чтобы такой умный и испытанный жизнью человѣкъ могъ держаться такого тона.

— Оставимъ мы того старца,—заговорилъ онъ еще искреннѣе, сдерживая самый звукъ голоса.—Но его пароль, его обобщающую идею—нельзя, ни подъ какимъ видомъ, считать пустой фразой и еще менѣе муміей, которую я желаю гальванизировать! Ты считаешь это старьемъ? А какая идея лежитъ въ заглавіи романа, которымъ мы съ тобой зачитывались студентами: „In Reih' und Glied" Шпильгагена, такъ неудачно переведенное: „Одинъ въ полѣ не воинъ"?

— А ты господина Шпильгагена не сдавалъ еще въ архивъ?

— Его самого мы оставимъ.

— Другими словами: ты признаешь, что его пѣсенка спѣта?

— Прекрасно. Но что это такое за изреченіе: „In Reih' und Glied“? Откуда оно взято?

— Отъ солдатчины.

— Это—символъ такого строя, такого уклада жизни, при которомъ все ладится и вершится только общей работой.

— Новое открытіе... нечего сказать!

— Прошу тебя, Руженцовъ, не возражай мнѣ въ такомъ тонѣ. Ты не можешь же не признавать, что безъ этого начала хоровой, т.-е. мірской солидарности немыслимо общественное возрожденіе.

— Блаженъ, кто вѣруетъ!

Руженцовъ выпилъ рюмку вина и махнулъ рукой.

— Говори! Говори! Ты привыкъ на засѣданіяхъ къ монологамъ.

— Не студентомъ, а уже сложившимся умомъ и характеромъ ты любилъ приводить въ нашихъ спорахъ формулы и оцѣнки Огюста Конта. Ты этого не станешь отрицать?...

— Ну и что же?

— А что̀ онъ считалъ самымъ образцовымъ, въ смыслѣ общаго лада, идеаломъ соціальнаго устройства?

Руженцовъ прищурилъ одинъ глазъ.

— Мало ли онъ что̀ изрекъ!

— Однако... ты знаешь, да не хочешь сказать.

— Скажи за меня, если у тебя память свѣжѣе.

— Такой идеалъ—военный строй... полкъ.

— Какой... пѣшій или конный?

— Оставь свои прибаутки, Викторъ! Или прекратимъ разговоръ на эту тему.

— Вонъ ты какой строгій сдѣлался... Привыкъ предсѣдательствовать! Смотри, Бабичевъ, какъ разъ въ генералы отъ земства попадешь.

— Прекрасно; но Огюстъ Контъ все-таки находитъ, что военный строй—символъ общественной организаціи, гдѣ каждый сознательно и добровольно служитъ коллективному дѣлу. А что̀ же это такое, какъ не Шпильгагенское заглавіе: „In Reih' und Glied“?

— И тебѣ надо непремѣнно, чтобы я согласился?—спросилъ въ шутливомъ тонѣ Руженцовъ.

— Нельзя не считаться съ очевидностью.

— Я и не спорю. Но все это одно прекраснословіе, другъ Иванъ Степановичъ! Чтобы идти „In Reih' und Glied“,—„нога въ ногу“, нуженъ строй, фаланга, рота тамъ что-ли... А гдѣ

онъ у насъ—этотъ строй? Побойся Бога! Не то, что фаланги—взвода не наберешь, которымъ командуетъ субалтернъ-офицеръ.

— Онъ *долженъ* быть! — съ мягкой убѣжденностью вскричалъ Бабичевъ.

— Долженъ! Такъ?! По щучьему велѣнью, по моему прошенью?

— Все дѣло въ насъ, въ каждой отдѣльной личности,—заговорилъ Бабичевъ, не горячась, тономъ оратора, который попадаетъ на свою любимую тему. — Ни въ чемъ и ни въ комъ больше! Пускай каждый изъ насъ—какое бы ни занималъ скромное положеніе—забудетъ о своихъ личныхъ притязаніяхъ, перестанетъ возиться съ своимъ „я" и пойдетъ нога въ ногу съ товарищами, вправо и влѣво.

— Не спрашивая, куда они идутъ... на бой? Съ кѣмъ? Или на собственную бойню? Ха, ха!

— Оставь свои софизмы. Разъ отдѣльная личность поставитъ себя въ добровольное подчиненіе къ цѣлому—идея образуется сама собою.

— Ой-ли?—вырвалось у Руженцова, и онъ началъ закуривать сигару.

— Не нужно ее выдумывать—она для всѣхъ ясна и у всѣхъ на виду. Никакого особаго уговора или еще менѣе комплота не надо. Но чего не хватаетъ и не хватало, это—строевого чувства, болѣе живого сознанія, что тамъ, гдѣ кто въ лѣсъ, кто по дрова—тамъ не будетъ ничего, кромѣ неурядицы и жалкой траты силъ.

— Но вѣдь это *буки-азъ-ба*... то, что ты проповѣдуешь, милѣйшій Иванъ Степановичъ?

— Нужды нѣтъ.

— И ты прекрасно знаешь, что въ вашей фагангѣ, или даже въ вашемъ взводѣ, такихъ, какъ ты—два-три и обчелся. Нельзя же, другъ, въ наши съ тобой годы предаваться иллюзіи, впадать въ маниловщину? Ну, ты будешь преисполненъ преданности афоризму: „in Reih' und Glied", ну, ты возведешь въ догматъ оцѣнку, сдѣланную основателемъ позитивизма военному строю, какъ высокому прототипу общественнаго лада, но ты-то и окажешься одинъ въ полѣ воинъ! Или, много-много, васъ будетъ трое-четверо... а противъ васъ десять, двадцать, сто обывателей, у которыхъ одинъ принципъ—шкурное чувство и вѣковое наслѣдство — холопство во всемъ: во взглядахъ, привычкахъ, нравахъ, складѣ натуры, во всемъ!

Все это Руженцовъ выговорилъ съ особой внутренней горечью, но безъ задора, замедляя обычный темпъ своей рѣчи.

Бабичевъ слушалъ съ опущенной головой, отпивая маленькими глотками изъ чашки съ кофеемъ.

Въ лицѣ его было такое выраженіе: „слыхали-молъ мы эти возраженія десятки разъ, и новаго ты ничего, любезный другъ, не сказалъ“!

— Ты не такъ смотришь на вещи,—промолвилъ онъ съ той же убѣжденностью.

— Надо имѣть особые очки, чтобы иначе смотрѣть. Или у тебя явился другой аршинъ, другіе вѣсы? Тогда—дѣло десятое!

— Вовсе нѣтъ... Если ты думаешь, что я подамся въ сторону, намъ съ тобой антипатичную — ты глубоко ошибаешься.

Выраженіе глазъ Бабичева измѣнилось и въ голосѣ зазвучали другія ноты.

— Это—дѣло твоей совѣсти, Бабичевъ!.. И я не хочу и не считаю себя вправѣ исповѣдывать тебя. Но если ты все еще такой, какимъ я тебя зналъ два-три года назадъ—твой оптимизмъ меня крайне изумляетъ. Ты мѣстный дѣятель, на виду теперь у всей грамотной Россіи. Превосходно! Но ты не можешь же не знать — къ чему сводится, даже и въ передовомъ уѣздѣ— число людей, съ которыми бы ты пошелъ „нога въ ногу“. Вопой! Тебѣ и книги въ руки! А я послушаю.

— Ты берешь вопросъ слишкомъ прямолинейно, Викторъ. Это—нетерпимость, это—если позволишь другое слово — якобинство!

— Якобинцемъ никогда не бывалъ!

— Да, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но я называю „якобинствомъ“ всякую непримиримость въ общественныхъ дѣлахъ. Какъ будто всѣ должны быть одного credo? Это—дѣтство! Это прилично дикимъ. Да и у дикихъ такой нетерпимости нѣтъ.

— Вижу, куда ты пробираешься. Путь скользкій. Онъ ведетъ...

— Къ чему?—живо остановилъ Бабичевъ.

— Да къ оппортунизму,—ужъ если держаться французскаго жаргона.

— Нисколько!—такъ же живо воскликнулъ Бабичевъ.—Не поступайся тѣмъ, что̀ для тебя дорого. Одни—свободные мыслители, другіе—вѣрующіе...

Взглядъ Руженцова остановилъ его.

— Да, вѣрующіе... Но есть оттѣнки: одни—вѣрные сыны господствующей церкви... другіе...

— А мы всегда были склонны къ нѣкоторому россійскому протестантству, — перебилъ съ юморомъ Руженцовъ, не отводя отъ пріятеля своего прищуреннаго косвеннаго взгляда.

— Мои вѣрованія—тутъ ни при чемъ! Но я беру то, что̀ для человѣка—самое дорогое.

— Не для всякаго, другъ.

— Положимъ. Но тогда онъ—свободный мыслитель.

— И эту формулу пора бы бросить; очень она обща̀.

— Я продолжаю! Позволь мнѣ досказать. Вижу, что ты совсѣмъ не признаешь порядка преній.

— А въ тебѣ уже черезчуръ чувствуется и ораторъ, и предсѣдатель.

— Можетъ быть. Но, съ твоего позволенія, я все-таки докажу мои доводы. Итакъ, въ извѣстной группѣ есть оттѣнки взглядовъ, отвѣчающихъ различію лагерей.

— Партіи ты—небось—не признаешь? Это вѣдь наша россійская прибаутка. У гнилого Запада—тамъ партіи; а у насъ нѣтъ. У насъ—хоровое начало. Вѣдь ты, до сихъ поръ, еще не отдѣлался отъ славянофильскаго привкуса.

— Меня пока оставимъ, умоляю тебя, Викторъ. Партіи! Я ихъ не отвергаю. И у насъ складываются двѣ главныхъ партіи—какъ я ихъ разумѣю.

— Любопытно послуша̀ть!

— Одна смотритъ впередъ; другая — назадъ. Онѣ рѣзко очерчены; отрицать это нелѣпо, и смѣшно повторять прибаутку о томъ, что у насъ, видите ли, нѣтъ партій.

— А твое хоровое начало?

— Оно должно объединять людей съ однимъ главнымъ credo. Но въ предѣлахъ одной партіи—положимъ, той, что̀ глядитъ впередъ—есть десятокъ оттѣнковъ. И вотъ тутъ-то оно и спасительно, то начало, надъ которымъ ты такъ жестоко прохаживаешься. Вотъ передъ нами X или Y. Иксъ—дворянинъ съ извѣстными традиціями, но честный и благожелательный, способный нести хорошую земскую службу. Неужели я буду его раздражать, тыкать ему въ глаза: „ты дворянинъ, а я—демократъ, ты—аглицкихъ идей, а я—французскихъ“. Я его привлеку къ общему дѣлу: вотъ мой долгъ и моя душевная отрада. Полажу и съ Игрекомъ. Онъ—купецъ, нынѣшній коммерсантъ, съ образованіемъ...

— Какъ мой Хаевъ?

— Именно, какъ твой Хаевъ! Лучше примѣра ты не могъ привести. Я знаю, что ихъ степенства считаютъ себя теперь царями положенія, что охранительныя пошлины раздули вхъ мошну; но назадъ ходу уже нѣтъ. У него нѣсколько тысячъ душъ рабочихъ въ моемъ уѣздѣ. Онъ—крупнѣйшій землевладѣ-

лецъ, у него образцовый хуторъ; онъ пожертвовалъ капиталъ на ремесленное училище.

— Да! но, какъ главный пайщикъ, онъ выжимаетъ сокъ изъ своихъ ткачей и присучальщиковъ, и не уступитъ имъ копѣйки мѣдной на кускѣ миткаля, и чуть что—военную команду!

— Совершенно вѣрно! Но нелѣпо было бы требовать, чтобы онъ, какъ ты говоришь, по щучьему велѣнью превратился въ соціаль-демократа, въ высокаго альтруиста. Какъ обыватель, какъ крупная единица въ уѣздѣ—онъ можетъ быть пріуроченъ къ общему дѣлу. Изъ самолюбія, изъ чванства, или чего другого, но онъ дѣлается членомъ того меньшинства, которое глядитъ впередъ. И я его не пріобрѣту для моего лагеря? И я буду тыкать ему въ носъ, что онъ въ сущности...

— Дворянящійся купчикъ!

— Именно! И позволь мнѣ сказать тебѣ, Викторъ, по-товарищески, что ты поступишь крайне легкомысленно и вредно, въ нашемъ съ тобою смыслѣ, если ты, состоя на его заводѣ главнымъ химикомъ, не съумѣешь довести своихъ пайщиковъ до тѣхъ уступокъ въ интересахъ рабочихъ, какія ты считаешь нужными...

— Ни въ какіе компромиссы съ этимъ народомъ входить не желаю!

— Твое дѣло!

— И рабочіе—кто поумнѣе—не очень-то поддаются на разныя подачки и лакомства, которыя ихъ степенства удѣляютъ имъ изъ ихъ же каторжнаго труда. Всѣ эти школы, больницы, клубы, театры, азили и кассы! Въ прошломъ году я ѣздилъ въ Англію и завернулъ въ Шеффильдъ. Не мало я походилъ по рабочимъ и нашелъ тамъ настоящее, здоровое и боевое отношеніе къ патронамъ. Тамъ они не желаютъ принимать отъ нихъ никакихъ благодѣяній. Слышишь, *никакихъ*! Плати мнѣ задѣльную плату. А не хочешь—мы заставимъ! И патроны, по крайней мѣрѣ, не ломаютъ комедіи, а аттестуютъ себя какъ заядлые представители капитала.

— Это—другой вопросъ. Но все-таки твой Хаевъ—у насъ, въ хорошемъ углу нашей земской избы, выражаясь символически, — и ужъ конечно не я буду его отваживать изъ-за неумѣстной прямолинейности.

Бабичевъ посмотрѣлъ на часы.

— А который? — спросилъ его Руженцовъ, кладя окурокъ сигары въ пепельницу.

— Четверть второго.

— Вонъ сколько времени. Вѣдь мнѣ, какъ разъ, пора въ

амбаръ, гдѣ я буду бесѣдовать еще разъ съ твоимъ передовымъ земцемъ.

— И мнѣ пора. Но мы видимся не въ послѣдній разъ?

— Еще бы! Боюсь только, Иванъ Степановичъ, какъ бы намъ съ тобой не побраниться.

— Съ моей стороны опасности не будетъ.

— Въ добрый часъ. Ты больше по вечерамъ свободенъ?

— Всего лучше, въ часъ обѣда... по-московски.

— А позволь спросить: кто же это будетъ твой *Иксъ*? Благожелательный дворянинъ? Секретъ? Или ты такъ привелъ, какъ въ алгебраической задачѣ?

— Нѣтъ, это нашъ предводитель, князь Мироновъ. Онъ теперь, какъ разъ, въ Москвѣ. И я у него сегодня обѣдаю.

— Онъ только начинаетъ службу?

— Да, онъ всего второй годъ.

— А вотъ посмотримъ, чѣмъ кончитъ. Эволюція такихъ земцевъ извѣстна, при нынѣшнемъ фарватерѣ. Ха, ха!

Они вмѣстѣ сошли и на площадкѣ дружески обнялись. Руженцовъ сбѣжалъ въ швейцарскую; Бабичевъ вернулся въ свой номеръ.

II.

Часа черезъ два съ половиной—на дворѣ уже стояли сумерки—Руженцовъ вошелъ въ большую галерею „Верхнихъ-Рядовъ", идущую параллельно фасаду, по Красной площади.

Онъ попадалъ сюда едва ли не въ первый разъ.

Пустили электрическій свѣтъ.

Руженцовъ остановился и сталъ глядѣть и на верхъ, гдѣ высился стеклянный сводъ, и вдаль.

Виднѣлось немного народу. Нѣсколько низменные створы лавокъ освѣщались неярко. Снаружи видно было, что и въ лавкахъ пустовато.

Руженцовъ не любилъ толпы, и этотъ просторъ ему нравился. Въ самой галереѣ было что-то величавое, совсѣмъ не отвѣчающее той мелкой торговлѣ, какая ведется въ ней съ утра до вечера.

Тутъ можно было уйти отъ того, чѣмъ живетъ весь этотъ „городъ"—отъ ненавистной ему торгашеской и кулаческой суетни,—все равно на рубли или на милліоны рублей.

Вотъ сейчасъ, въ великолѣпныхъ чертогахъ паеваго товарищества, съ мраморными лѣстницами и обшивками стѣнъ изъ

маіолики, въ кабинетѣ, какихъ не мало и на *Чипсайдѣ* въ Лондонѣ, и на *Бродуэй* въ Нью-Іоркѣ, со всевозможными тонкостями дѣлового комфорта,—онъ прощался съ Хаевымъ, фабрикантомъ-землевладѣльцемъ, котораго милѣйшій Бабичевъ—доктринеръ и оптимистъ, съ своимъ „хоровымъ началомъ" думаетъ завербовывать въ „партію смотрящихъ впередъ, а не назадъ".

И сколько разъ, во время дѣловой конференціи съ его степенствомъ, у него внутри закипала желчь.

Насквозь видѣлъ онъ всю психологію такого представителя третьяго сословія самоновѣйшей формаціи.

Кто бы сказалъ, что онъ—внучекъ того Захара Евстигнѣева Хаева, который тутъ же на Варваркѣ, но въ дѣдовскомъ невзрачномъ амбарѣ, пилъ чай, держа стаканъ безъ блюдечка и подувая, въ сапогахъ бутылками, въ потертой сибиркѣ и съ серьгой въ правомъ ухѣ?

А его принципалъ! Фу, ты, Боже мой! Не то молодой лордъ, не то англійскій актеръ, не то англизированный баринъ, берущій милліонные куши на эпсомскихъ скачкахъ и на парижскихъ Grand Prix. Весь бритый, съ хохолкомъ рыжеватыхъ волосъ, съ вылощеннымъ лицомъ и колеромъ щекъ, какой дается только отъ особой холи, гимнастики и ежедневыхъ душей, въ шевьётовомъ сьютѣ—разумѣется, отъ Pool'я, въ узѣйшихъ брюкахъ и ботинкахъ съ завязушками, въ высочайшихъ воротникахъ, съ маленькимъ бантикомъ внизу ихъ.

И что за тонъ! И что за прононсъ! Тоже—съ англійскимъ сюсюканьемъ. И какая тонкость обращенія—нестерпимо вѣжливаго, подъ которымъ есть что-то мерзостно-высокомѣрное.

Ни къ чему нельзя было придраться—и это вливало лишнюю каплю горечи въ „фіалъ гнѣва",—такъ Руженцовъ самъ выражался,—заполнившій его грудь въ этотъ послѣдній „коллоквій".

Ни къ чему!

Руженцова вызвали въ Москву, потому что въ ближайшемъ совѣщаніи пайщиковъ—ихъ счетомъ пятеро, въ томъ числѣ и супруга Хаева — будетъ рѣшаться капитальный вопросъ: расширять ли химическое отдѣленіе, т.-е. строить ли совсѣмъ новое зданіе, или сдѣлать только пристройку? Онъ стоялъ за коренную перестройку.

Хаевъ выслушалъ его доводы—все время молчалъ, сидѣлъ съ опущенными рѣсницами своего актерскаго лица и сказалъ въ видѣ заключенія:

— Весьма радъ. Это была и моя мысль. Детали—уже ваше дѣло, Викторъ Павловичъ.

Другими словами: „и безъ тебя мы все это разсудимъ, а ты только нашъ приказчикъ, и твое дѣло—детали“.

И въ деталяхъ онъ выказывалъ себя европейцемъ, самъ подсказалъ нѣкоторыя новыя приспособленія, въ смѣтѣ попросилъ „не стѣсняться“, давая понять, что онъ—самый образованный и самой широкой натуры изъ всѣхъ пайщиковъ.

Строить будетъ архитекторъ ихъ семейства, тотъ самый, который вывелъ для него хоромину въ новомъ стилѣ, не виданную даже на Москвѣ. Разумѣется, архитектору отъ подрядчиковъ будетъ хорошій процентъ, кромѣ того, что онъ затребуетъ съ товарищества.

Руженцову придется провести все лѣто на фабрикѣ, не воспользуясь и ежегоднымъ отпускомъ, который выговоренъ въ контрактѣ.

И тутъ опять Хаевъ далъ ему почувствовать, что этотъ дополнительный трудъ будетъ оплаченъ „соотвѣтственно“. Но вся эта комедія корректности такъ мозжила его, что онъ довольно безцеремонно заявилъ: при расширеніи дѣла и такомъ „закабаленіи“ себя на все лѣто, его гонораръ долженъ быть вообще повышенъ—и въ значительной мѣрѣ.

Тотъ даже не поморщился, а выговорилъ съ кончика губъ:

— Я самъ думалъ сдѣлать предложеніе моимъ сотоварищамъ въ такомъ точно смыслѣ.

Ни къ чему не придерешься!

А Бабичевъ все-таки провалится съ своимъ „хоровымъ началомъ“, если онъ будетъ вдаваться въ благородныя иллюзіи.

Всѣ—одного поля ягода, и хозяева, и приказчики, и рабочіе, и чиновники, и разночинцы, включая въ нихъ и тѣхъ, что причисляютъ себя къ „интеллигенціи“.

Вотъ какая мысль являлась у него каждый разъ, когда онъ резюмировалъ какое-нибудь впечатлѣніе отъ настоящей, *ходовой* жизни. И это чувство было въ немъ не итогомъ личнаго раздраженія, не воркотней и злобой неудачника, а глубоко печальнымъ и все разростающимся чувствомъ.

И ему стало полегче оттого только, что онъ—въ этой мягкоосвѣщенной галереѣ—могъ уйти немножко отъ своихъ назойливыхъ итоговъ.

Не заходя никуда, прохаживался онъ такъ изъ одной галереи въ другую, потомъ вышелъ на площадь, гдѣ вдоль фасада уже выплывали изъ вечерней мглы шары нѣсколькихъ столбовъ.

Но эти шары тотчасъ же напомнили ему такіе же точно, тамъ, на мануфактурѣ паеваго товарищества, гдѣ на дворѣ, всю

ночь, горитъ электричество и ряды оконъ въ пяти этажахъ главнаго зданія точно манятъ въ чертогъ, гдѣ все сіяетъ, зоветъ на пиръ ихъ степенствъ.

„А гдѣ теперь Сундучный рядъ?“—спросилъ онъ себя, присѣвъ на диванчикъ. Онъ еще помнилъ, въ студенческія времеиа, знаменитую квасную лавку въ старомъ Гостиномъ дворѣ.

Кажется, съ тѣхъ поръ онъ больше не попадалъ сюда.

Слышалъ отъ кого-то, что внизу, въ подвальномъ этажѣ, есть цѣлый ресторанъ; сохранилась и квасная лавка.

Идти туда одному не хотѣлось, да и жажды не было. Время близилось къ обѣденному часу. У себя, на фабрикѣ, онъ привыкъ обѣдать не позднѣе пяти. Обѣдать гдѣ-нибудь надо. Въ Москвѣ не обойтись безъ усиленной трактирной ѣды.

Вечеромъ онъ попадетъ къ своему пріятелю — такому же близкому, какъ и Бабичевъ; но ѣхать къ нему обѣдать запросто— рискованно. Тотъ стѣснится. Живетъ онъ бѣдно. Хозяйство у него, навѣрно, плохое, съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣлъ.

Руженцовъ сообразилъ, что онъ—въ двухъ шагахъ отъ ресторана „Славянскаго Базара“, и вспомнилъ, что тамъ обѣдаетъ всегда мало народу, а цѣна обѣда дешевле, чѣмъ въ другихъ трактирахъ.

Ему будетъ гораздо пріятнѣе сидѣть въ огромной храминѣ, на полномъ просторѣ. Обывательская толпа дѣлалась для него, съ годами, все противнѣе. Ѣсть надо; но слушать вокругъ чавканье и пошлые разговоры, смотрѣть на повальное „жранье“ и „опрокидыванье“ рюмокъ водки — отъ всего этого не уйдешь здѣсь, въ другихъ бойкихъ трактирахъ.

По Никольской ѣзда еще не ослабѣвала. Пѣшеходы шлепали по мокрому снѣгу троттуаровъ. Рѣзкія полосы свѣта отъ магазиновъ пересѣкали улицу. Лихачи, начиная съ дома синодальной типографіи, съ его ярко-зеленой краской—ждали тароватыхъ сѣдоковъ, въ своихъ армякахъ, съ косонашитыми на спинахъ рядами пуговицъ, по московской модѣ. Нищенки останавливали его; зазывали разносчики съ яблоками и сластями.

Все та же купецкая суетня, та же смѣсь азіатчины съ грубыми приманками рекламы на американскій манеръ. Никакой связи не чувствовалъ Руженцовъ съ этимъ городомъ, гдѣ когда-то онъ такъ многому вѣрилъ въ ближайшемъ будущемъ, такъ гордился тѣмъ, что онъ учится въ старѣйшей русской „alma mater“.

Вотъ это только и осталось: купля-продажа, захватъ рынковъ, усиленное производство, прибираніе къ своимъ рукамъ всѣхъ окраинъ, насажденіе культуры, въ видѣ дешевыхъ ситцевъ...

„Вотъ оно — хоровое начало!“ — почти вслухъ выговорилъ Руженцовъ передъ подъѣздомъ ресторана.

И опять швейцаръ въ шапочкѣ, поддёвкѣ и высокихъ сапогахъ—нѣчто неизбѣжное и символическое.

— Много обѣдаетъ?—спросилъ Руженцовъ.

— Нѣтъ-съ... не больше, какъ человѣкъ десять. У насъ завтраки процвѣтаютъ.

Слабовато освѣщенный залъ стоялъ совсѣмъ почти пустой. Оффиціантъ предложилъ Руженцову занять одинъ изъ среднихъ дивановъ, около колоннъ.

Въ одной изъ боковыхъ нишей, куда Руженцовъ поглядѣлъ, въ эту минуту сидѣлъ кто-то одинъ.

— Корневъ! — окликнулъ онъ, узнавъ молодого мужчину, только-что сѣвшаго за столъ.

— Викторъ Павловичъ!—отозвался тотъ, тотчасъ же всталъ и вышелъ изъ-за стола.—Какъ я радъ!

Они обнялись.

— Давно ли?—возбужденно спрашивалъ Руженцова красивый брюнетъ, высокаго роста, съ тонкими усами и бородой, не похожій ни на купца, ни на чиновника, ни на молодого барина.

— Вчера пріѣхалъ.

— А мнѣ не дали знать!

— Да вѣдь я думалъ, что вы, голубчикъ, еще за границей.

— Я уже читаю съ осени.

— Доцентствуете?

— Да, Викторъ Павловичъ. Дерзаю. По нынѣшнимъ временамъ и на это надо имѣть порядочную смѣлость.

Корневъ молодо разсмѣялся и показалъ свои крупные и бѣлые зубы.

— Вы сбираетесь обѣдать?—спросилъ Руженцовъ.

— Поджидаю одного пріятеля.

— Не хочу вамъ мѣшать.

— Помилуйте! Будетъ очень радъ!

— Коллега?

— Нѣтъ... онъ работаетъ въ газетѣ, публицистъ,—съ юморомъ выговорилъ Корневъ.—Садитесь, пожалуйста... Еще приборъ!—крикнулъ онъ лакею.

Никакъ не ждалъ Руженцовъ этой встрѣчи съ своимъ „ученикомъ", когда онъ еще проживалъ въ мѣстахъ „не столь отдаленныхъ". Коля Корневъ былъ гимназистъ, по болѣзни оставшійся на второй годъ въ пятомъ классѣ, и Руженцовъ репетировалъ съ нимъ по математикѣ.

А теперь онъ—уже магистрантъ, кончилъ курсъ, года два тому назадъ по физико-математическому факультету и выбралъ себѣ

спеціальностью одну изъ самыхъ интересныхъ областей. Они видѣлись здѣсь, въ Москвѣ, когда Корнева оставили при университетѣ и онъ готовился къ поѣздкѣ за границу.

— Такъ вотъ какъ, Коля... Вы позволите такъ звать васъ?

— Помилуйте! Это замолаживаетъ. А то какъ разъ состаришься, попавъ въ „господина профессора". Вѣдь нынче всякій первокурсникъ, какъ только изъ гимназической блузы облекся въ тужурку, не иначе величаетъ другихъ такихъ же юнцовъ, какъ—*коллега.*

Руженцову пріятно было, что его бывшій ученикъ сохранилъ свой молодой тонъ и не напускалъ на себя ничего профессорскаго.

— А вашъ пріятель... котораго поджидаете... изъ университетскихъ?

— Да!.. Юристъ! Толкнулся въ адвокатуру; да скоро его стало „воротить съ души". У него бойкое перо, есть задоръ, сталъ заработывать хорошія деньги. Я ему даже завидую.

— Будто?

— Конечно!.. Чистая наука?! Согласитесь, Викторъ Павловичъ, такое ли теперь время, чтобы предаваться ей?

Руженцовъ посмотрѣлъ на него искоса.

— Развѣ вы не знаете, что у насъ творится?

— Какъ не знать!

— Какъ-то даже и смѣшно дѣлается: залѣзать на возвышеніе, раскладывать свои конспекты, отпивать изъ стакана казенной воды и, откашлявшись, начинать: „Милостивые государи"! Даже это сакраментальное слово: „милостивый государь" превратилось теперь въ прибауточное. Кончится тѣмъ, что мы всѣ-то будемъ на себя смотрѣть, какъ на милостивыхъ государей—въ такомъ вотъ жаргонномъ смыслѣ. И все перемѣшалось! Нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ, ни руководителей, ни руководимыхъ. Каша какая-то и сумбуръ.

Руженцовъ взялъ Корнева за локоть и подмигнулъ ему.

— И это слышу я отъ молодого ученаго?

— Ну, ужъ и ученаго! Пощадите!

— А какъ же назвать? Магистранта, занявшаго каѳедру?

— Не каѳедру, Викторъ Павловичъ, а помѣщеніе, называемое аудиторіей; да и слово это соотвѣтствуетъ только четыремъ стѣнамъ и старымъ изрѣзаннымъ скамейкамъ и партамъ, а не собранію вибрирующихъ съ вами въ униссонъ слушателей.

Тонъ Корнева, игра его темныхъ, очень красивыхъ глазъ, игра лица, все это говорило Руженцову о чемъ-то совершенно

новомъ, о раннемъ скептицизмѣ такихъ вотъ питомцевъ средней и высшей школы, какъ Корневъ—несомнѣнно способный малый, не даромъ пошедшій по „ученой“ дорогѣ.

Но въ немъ—какъ будто—нѣтъ уже вѣры въ то, что онъ призванъ къ этой дорогѣ. И не столько онъ извѣрился въ себя, сколько все вокругъ него настроиваетъ его на этотъ разъѣдающій складъ мыслей и выраженій.

И дѣйствительно, какъ-то смѣшно дѣлалось говорить въ подвинченномъ тонѣ объ „alma mater“, о высокихъ университетскихъ идеалахъ, о тѣхъ душевныхъ силахъ, какія сладко и доблестно было бы положить на своемъ посту.

„Такъ и должно быть“,—подумалъ безъ горечи, но почти злорадно Руженцовъ. И въ то же время ему страстно захотѣлось уйти отъ всей этой „злободневности“—хотя бы и самой интеллигентной — въ тѣ сферы знанія, откуда можно посмотрѣть на все чисто земное, человѣческое, временное и безцѣльно-тревожное, какъ на микроскопическую величину, какъ на незамѣтную дробь въ бытіи великаго космическаго цѣлаго.

На вопросъ о темѣ его диссертаціи Корневъ сначала отвѣчалъ нѣсколькими шуточками въ томъ же тонѣ; но не выдержалъ его и сталъ образно и блестяще излагать два объекта, положенные имъ въ основу его изслѣдованія.

И черезъ пять минутъ Руженцовъ очутился въ надзвѣздныхъ сферахъ, гдѣ дѣйствуютъ однѣ энергіи, гдѣ рѣютъ безконечные міры, гдѣ изъ хаоса могучихъ силъ слагаются вѣчные законы міровой эволюціи.

А кругомъ была почти полная тишина; гдѣ-то, съ другой стороны колоннъ, легко постукивали посудой и беззвучно пробѣгалъ лакей... И врядъ ли эта трактирная зала, съ размѣрами желѣзнодорожнаго вокзала, слышала когда-либо такія рѣчи.

— Прости, голубчикъ! Запоздалъ!—раздался молодой голосъ за спиной Руженцова.

— А! Это ты!.. Садись!

Оба они привстали. Къ столу подходилъ короткими шажками коренастый блондинъ, средняго роста, на полголовы ниже Корнева, бритый, съ усами, остриженный подъ гребенку, въ смокингѣ и съ широкимъ вырѣзомъ жилета.

— Вотъ мой коллега, Тороповъ! — выговорилъ дурачливо Корневъ, представляя его Руженцову.

— *Ка*ллега!—подхватилъ тотъ.

— Руженцовъ.. когда-то мой репетиторъ. О немъ ты немало слыхалъ отъ меня.

— Какъ же, какъ же! Прошу у Виктора Павловича извиненія. Задержала корректура воскреснаго фельетона. А вы еще не начинали обѣдать, господа? Неужели изъ-за меня?

— Вашъ пріятель увлекъ меня въ міровыя пространства.

— Ой-ли! Правда, Николай? Это на него не похоже. Онъ, въ нормальномъ настроеніи, стѣсняется своего оффиціальнаго званія. Мы вѣдь съ нимъ—только любители жизни, и никакого ни доктринерства, ни мандаринства не признаемъ.

Корневъ кивнулъ головой въ сторону Руженцова и потише прибавилъ:

— Носимъ, Викторъ Павловичъ, особую кличку: *филозди!*

— Какъ? Какъ? Я по-гречески давно забылъ; да и въ студенты-то поступилъ съ тройкой.

— Мудрость не большая! — пояснилъ въ тонъ пріятелю Тороповъ.—*Филео* —люблю, *зоэ*—жизнь. Ergo—жизнелюбы.

— По нынѣшнимъ временамъ—довольно трудная спеціальность!—замѣтилъ, поводя плечами, Руженцовъ.

— Очень ужъ намъ обоимъ опротивѣло всеобщее нытье... гнилой, пустяковый пессимизмъ...

— А чѣмъ же подбадривать себя?—остановилъ Руженцовъ.— Такимъ же пустяковымъ натаскиваньемъ себя на сверхчеловѣковъ или на идеализацію молодцовъ съ Хитрова рынка?

— Ни того, ни другого, Викторъ Павловичъ, — вмѣшался Корневъ. — Ни того, ни другого! Брать жизнь, какъ она есть, ловить моментъ, ничего не бояться и ничего не ждать, ни отъ кого и ни отъ чего. А главное—никакихъ прописей.

— Штука не новая, друзья мои! Это—варіантъ на измышленія все того же нѣмца, кончившаго безуміемъ.

— Нѣтъ-съ!—громко вскрикнулъ Тороповъ.—Мы съ Николаемъ все это сдали въ архивъ. Мы только *филозди.* Никакой проповѣдью не зашибаемся. Не хотимъ коверкать свою жизнь изъ-за разныхъ глупыхъ прописей и добродѣтельныхъ общихъ мѣстъ и сентенцій. Вотъ и все!

— Филозди, филозди!—выговорилъ раздѣльно Руженцовъ.— Были когда-то „филареты" въ виленскомъ университетѣ. Мицкевичъ принадлежалъ къ этому сорту.

— Ха, ха!—раздался смѣхъ Торопова.—Мы въ праведники не лѣземъ... А это прозвище не отъ слова *зоэ* — жизнь; а отъ слова *аретэ* — добродѣтель. Мы—грѣшники и думаемъ, что всѣ такъ называемыя добродѣтели—при ближайшемъ анализѣ—окажутся минусами... отрицательными величинами. Это — любимая формула Корнева.

Руженцовъ взглядывалъ на обоихъ и прислушивался къ ихъ рѣчамъ, безъ удивленія и безъ горечи. Они оба, какъ очень молодые люди, съ талантомъ, знающіе себѣ цѣну,—тѣшили себя; но въ ихъ отношеніи къ жизни было нѣчто, отвѣчающее и на его итоги.

Иначе и быть не можетъ. Такъ *должно* было выйти!

Съ какой стати будутъ тѣ, кто изъ нихъ умнѣе и даровитѣе — надѣвать на себя иго разныхъ воздержаній, строгихъ правилъ и безусловныхъ принциповъ, когда они знаютъ, что они—въ концѣ концовъ—останутся въ дуракахъ, что жизнь подсидитъ ихъ, что ни на что твердое, цѣнное, настоящее они разсчитывать не могутъ?

И начни онъ самъ и ему подобные—изъ его поколѣнія—съ такого же болѣе смѣлаго критицизма—онъ не нажилъ бы въ себѣ такого душевнаго маразма, какой сидитъ въ немъ.

— Вы, быть можетъ, и правы, по своему, друзья мои, — началъ онъ, къ половинѣ обѣда, и, поднимая стаканъ, добавилъ:— Пью за успѣхъ вашей новой философіи!

Всѣ трое чокнулись.

— Только,—продолжалъ онъ, — нуженъ все-таки основной камертонъ. Точное знаніе, анализъ, законы природы и общества! А всякая метафизика—бунтъ противъ науки, подогрѣтыя блюда моднаго идеализма!

— Мы ничему этому не подвержены, Викторъ Павловичъ,— отвѣтилъ за двоихъ Корневъ.—Все это не суть важно! Изъ-за направленій, лозунговъ, формулъ измѣняютъ жизни и одуряютъ себя куревомъ, который годенъ только на то, чтобы раздувать свою личность, не видѣть того, что дѣлается кругомъ васъ, воображать себя идеалистомъ, какъ дѣти воображаютъ себя атаманами разбойниковъ или фельдмаршалами. Все это для насъ съ Тороповымъ—жалкій водевиль съ переодѣваньемъ.

Прежде, лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ, Руженцовъ огорчился бы, услыхавъ такія рѣчи, и отъ кого!—отъ молодого ученаго и его единомышленника, журналиста съ университетскимъ образованіемъ!

Но теперь все это не только возможно, но и понятно. И юнцы „поумнѣли", и у нихъ спали съ глазъ всѣ плёнки. Они, навѣрное, еще въ студенческіе годы, уже познали тщету всѣхъ самообольщеній и иллюзій насчетъ того, что зовется „обществомъ" и „интеллигенціей".

— Что же, господа,—спросилъ Руженцовъ,—у васъ цѣлый уставъ что ли?

— Wein, Weib und Gesang! — пѣвуче выговорилъ Тороповъ. — На то мы и философы.

— А на женщинъ не распространяете вашего ранняго критицизма?

— Не идеализируемъ ихъ. О, нѣтъ! — сказалъ Корневъ. — Мы въ рыцари не мѣтимъ. Тѣ, вѣдь, были продукты средневѣковаго христіанства, а мы — язычники или, если хотите, послѣдователи пророка, бѣжавшаго изъ Мекки въ Медину.

— Единобрачія не признаете?

— Ха, ха! пока нѣтъ! — откликнулся дурачливо Тороповъ. — Человѣкъ, должно быть, не созданъ для моногаміи.

— Другими словами, — остановилъ Руженцовъ, — вы признаете себя женолюбами?

Впадать въ серьезный тонъ Руженцовъ уже не хотѣлъ. Подъ этимъ отрезвленнымъ отношеніемъ къ жизни обоихъ молодыхъ людей онъ не чуялъ ничего злобно-задорнаго или банальнаго виверства, желанія развязать себѣ руки во всемъ, что̀ отзывается какимъ-нибудь запретомъ. Но они хотѣли жить *по своему*, и онъ ихъ оправдывалъ.

— Что̀ же новаго въ университетѣ, въ городѣ? — спросилъ онъ, чувствуя, однако, потребность перемѣнить разговоръ.

— Насчетъ города, Викторъ Павловичъ, его спросите! — указалъ Корневъ на пріятеля, съ той же вышучивающей миной. — Онъ у насъ злобистъ.

— Какъ? — переспросилъ Руженцовъ.

— Это ихъ жаргонное слово въ газетныхъ лавочкахъ: грамотный злободневникъ.

— А вотъ готовится грандіозная банковая Панама, — сказалъ Руженцовъ и назвалъ банкъ.

— Теплые ребята! — добавилъ онъ. — И всѣ ваши звѣзды адвокатуры будутъ ихъ, конечно, обѣлять, какъ нѣмцы выражаются: „gegen mässiges Honorar“?.

— Почему же и не обѣлять? — возразилъ серьезно Корневъ. — Чѣмъ же они хуже тѣхъ милостивыхъ государей, которые скупаютъ теперь, на милліоны, полетѣвшія книзу акціи? Все одно и то же хищничество! Да и что̀ въ теперешнемъ обществѣ называть честнымъ и что̀ — жульническимъ?

— Этотъ вопросъ мы съ Николаемъ рѣшили признать лишнимъ — все равно, что метафизическую проблему о свободѣ воли.

— Да-а? — нѣсколько недоумѣвающе выговорилъ Руженцовъ.

— А насчетъ того, что̀ дѣлается въ дорогой „alma mater“ — Тороповъ указалъ головой на пріятеля — онъ больше въ курсѣ, чѣмъ я.

— Завели говорильни по всѣмъ спеціальностямъ.

— Студенческія общества съ рефератами?—подсказалъ Руженцовъ.

— Да-съ, добрѣйшій Викторъ Павловичъ. Знаете, я вамъ что скажу... Навѣрно, вы помните, лѣтъ этакъ шесть-семь тому назадъ, въ газетахъ безпрестанно появлялась переводная реклама, съ французскаго, такой спецификумъ: „замѣненное средство трескового жира".

— Это надо записать!—вскричалъ Тороповъ.

— То-есть средство, замѣняющее жиръ?—спросилъ Руженцовъ.

— Конечно! Ну, такъ всѣ эти говорильни, по моему, тоже немножко—замѣненное средство трескового жира,—предохранительный клапанъ.

— Однако, любезный другъ,—возразилъ построже Руженцовъ,—это все-таки лучше, чѣмъ сидѣть въ пивной или на Тверскомъ бульварѣ ловить дѣвицъ...

— Не знаю,... ничего не знаю, Викторъ Павловичъ! Все это—игра, забава, суррогатъ, отъ котораго настоящей жизни ни въ научномъ, ни въ философскомъ смыслѣ быть не можетъ. Все тоже топтанье на одномъ мѣстѣ.

— И тоже показыванье либеральнаго кукиша въ карманѣ!—прибавилъ Тороповъ.

— Знаете...—нервно продолжалъ Корневъ:—я съ этого сезона пересталъ бывать гдѣ бы то ни было, гдѣ говорятся спичи... особенно на юбилейныхъ обѣдахъ и на всякихъ годовщинахъ.

— И я не бываю,—добавилъ Тороповъ,—ибо могу, сидя въ редакціи или у себя въ комнатѣ, изобразить всякое меню здравицъ и рѣчей, съ сохраненіемъ, для каждаго оратора, особенностей стиля, жестикуляціи и интонаціи.

— А вы здѣсь поживете, Викторъ Павловичъ?—спросилъ вдругъ Корневъ.

— Можетъ, съ недѣльку.

— Такъ, вѣроятно, не уйдете отъ какой-нибудь годовщины. Нынче вѣдь десять лѣтъ есть уже время для чествованія заслугъ. Если попадете—попомните меня. И хоть бы что-нибудь свѣжее, талантливое! Все тѣ же клишé, которыя завязли у всѣхъ въ зубахъ... тотъ же самообманъ и дѣтскій задоръ намэковъ и упрэковъ—выговорилъ онъ по-московски, съ открытымъ „э".

— И съ тѣмъ же символическимъ жестомъ трехъ пальцевъ въ карманѣ!—подтвердилъ Тороповъ.

Обѣдъ, между тѣмъ, близился къ концу. Онъ прошелъ очень

быстро. Руженцовъ старался не перебивать своихъ собесѣдниковъ; изрѣдка только ставилъ какой-нибудь вопросъ.

Все, *что* и *какъ* они говорили, и раньше, и подъ конецъ—было дѣльно, часто ново. Рисовки онъ въ нихъ не подмѣчалъ. Не хотѣлъ онъ думать—особенно о своемъ бывшемъ ученикѣ,—что этотъ складъ ума и житейскихъ наблюденій идетъ отъ сухости сердца, отъ склонности къ тому, что въ его время называли презрительно „безпринципіемъ".

Развѣ онъ самъ не то же чувствуетъ—правда, послѣ многихъ лѣтъ опыта? А они—еще юнцы. Корневу не можетъ быть больше двадцати-пяти лѣтъ, и его товарищу также; а ему стукнетъ уже сорокъ, постомъ. Но личный опытъ—это ариѳметическія цифры; а опытъ собирательный—алгебраическія величины. Съ каждымъ поколѣніемъ люди умнѣютъ, и то, что бралъ на вѣру кончавшій курсъ въ университетѣ—теперь каждый гимназистъ старшаго класса разгрызаетъ, какъ орѣхъ, и показываетъ, что онъ—пустышка.

Тороповъ торопилъ лакея съ кофеемъ и раза два посмотрѣлъ на часы.

— Вы спѣшите?—спросилъ Руженцовъ.

— Мы съ нимъ—Тороповъ кивнулъ на пріятеля—присутствуемъ сегодня на большомъ торжествѣ—на премьерѣ...

Онъ назвалъ театръ.

— Попасть невозможно!—подумалъ вслухъ Руженцовъ.

— Помилуйте!—воскликнулъ Тороповъ.—Безъ ночевки на улицѣ нечего и думать. Или барышнику два золотыхъ за стулъ.

— И скажите,—обратился Руженцовъ къ Корневу,—вы, господа филозои... подвержены тому же стихійному увлеченію?

— Не зашибаемся этого вида хмельной горечью!—откликнулся первый Корневъ.—Мы съ нимъ вообще не выносимъ толпы, стадныхъ движеній, хотя бы они исходили и отъ молодой интеллигенціи.

Его пріятель подался впередъ, и его глаза заискрились.

— И ты увидишь сегодня,—заговорилъ онъ въ сторону Корнева,—что это будетъ за гоготанье послѣ третьяго акта. Безъ настоящихъ двухъ истерикъ въ зрительной залѣ также не обойдется.

— Вы знаете пьесу?—спросилъ его Руженцовъ.

— Читали... мы оба. И то, что для насъ нестерпимо—слащавыя прибаутки въ лже-евангельскомъ тонѣ, то зала, охваченная запойнымъ исканіемъ вѣщихъ словъ, будетъ ѣсть, какъ манну небесную.

— И такъ пойдетъ еще долго.

— Выдохнется одинъ флаконъ—объявится другой,—продолжалъ за пріятеля Корневъ.—Какая-то куриная слѣпота мѣшаетъ видѣть, что вѣдь все это—поддѣлка. Исходите вы всѣ трущобы Хитрова рынка—вы не найдете такихъ поддѣльныхъ резонеровъ, за которыхъ авторъ говоритъ, какъ въ театрѣ маріонетокъ. Но если толпа увѣровала — вы безсильны! Перемѣните мѣсто дѣйствія. Вотъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. До города Казани все идетъ нормально. Но тутъ — чистая перемѣна декораціи. „Батюшка Петръ Ѳедоровичъ“ сидитъ за столомъ съ своими министрами и чинитъ расправу. Да вѣдь это яицкій казакъ Емельянъ Пугачевъ? Какъ бы не такъ!—А вонъ въ андреевской лентѣ, съ платкомъ поперекъ лица... Вѣдь это бѣглый каторжный? Нѣтъ, это графъ Чернышевъ! Попробуйте усомниться!

— Вы, кажется, голубчикъ, хватили черезъ край, въ вашемъ сравненіи,—остановилъ Корнева Руженцовъ.

— Сравненіе рѣзкое, но чрезвычайно мѣткое. И я у тебя его возьму, Николай, смягчивъ немножко!

И, обращаясь къ Руженцову, Тороповъ прибавилъ:

— Вотъ попадете, можетъ быть, на одно изъ слѣдующихъ представленій, отпустивъ должную мзду барышнику. Но разница, беря сравненіе Николая—та, что тамъ, на засѣданіяхъ военнаго совѣта Пугачева, его подручные были переряжены въ фельдмаршала и министровъ, а тутъ интеллигенція переряжена въ хитровцевъ. Но правда и иллюзія—для насъ однѣ и тѣ же!

Кофе былъ допитъ. Руженцовъ пожалъ имъ обоимъ руки и сказалъ Корневу, идя съ нимъ рядомъ къ передней:

— Мы не въ послѣдній разъ видимся?

— Если хотите меня застать, — завтракаю я здѣсь почти-что каждый день—вотъ съ Тороповымъ.

Всѣ трое вышли вмѣстѣ въ сѣни. Молодые люди поспѣшно спустились къ входной двери, и Корневъ, обернувшись, еще разъ поклонился, на ходу, своему бывшему учителю.

Тихо было въ просторныхъ сѣняхъ. Сквозь стекла подъѣзда мелькали ѣздоки, и фигуры пѣшеходовъ двигались взадъ и впередъ по троттуару.

Возбужденно настроенъ былъ Руженцовъ, послѣ разговора за обѣдомъ, и вдругъ—точно у него внутри что перевернулось и острое чувство одиночества заныло въ груди.

Эти „филозои“ чужды ему, и онъ имъ чуждъ. Некуда ему съ ними идти и нечего звать ихъ ни на какое общее дѣло. А

вѣдь они точно его духовныя дѣти. То, чѣмъ онъ кончаетъ, тѣмъ они начали.

III.

Когда Руженцовъ ѣхалъ на Патріаршіе-Пруды къ своему давнишнему пріятелю Мосягину — „горе-педагогу“, — какъ онъ его звалъ,—другой его пріятель, Бабичевъ, сидѣлъ въ гостяхъ, въ угловой маленькой гостиной деревяннаго особняка, въ приходѣ Успенья-на-Могильцахъ.

Чета Мироновыхъ—предводитель его уѣзда съ женой—гостила у родственниковъ княгини, уѣхавшихъ на нѣсколько недѣль въ Петербургъ.

За обѣдомъ была еще какая-то молодая дама и тотчасъ послѣ обѣда уѣхала на то же первое представленіе, что и оба „филозоя“.

Княгиня Марья Ѳедоровна второй день, какъ не выѣзжала —оступилась и еще прихрамывала на ходу.

Она сидѣла у камина въ глубокомъ креслѣ—съ лѣвой ногой, положенной на высокую табуретку.

Ее укутывало платье, сшитое какъ длинный мѣшокъ, съ кружевной широкой полосой, цвѣта морской воды.

Княгинѣ не больше двадцати-восьми лѣтъ. У нея всего одинъ ребенокъ, оставленный въ деревнѣ, при боннѣ-англичанкѣ. Княгиня очень большого роста, почти такого же, какъ князь, а въ шляпѣ и выше. Лицо крупное, съ длиннымъ оваломъ, лицо-маска, красивое и очень значительное, безъ гримировки. Многіе считаютъ ее красавицей, и дѣйствительно, она,—одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ губерніи, можетъ быть—и во всей Москвѣ.

Но въ этомъ крупномъ лицѣ, съ черными бархатными глазами и тонкими дугами приподнятыхъ бровей, съ бѣлымъ высокимъ лбомъ — есть что-то негармоничное книзу, къ подбородку. Ротъ свѣжій; но улыбка немного вбокъ и на щекахъ появляются не ямочки, а складки, которыя къ ней не идутъ,—и она это знаетъ.

Матовый блескъ густыхъ, совсѣмъ черныхъ волосъ еще больше оттѣняетъ бѣлизну лба и шеи. Вокругъ головы точно цѣлый тюрбанъ волосъ. Прическа эта напомнила Бабичеву статую одной изъ Агриппинъ. Сидя глубоко въ креслѣ, княгиня держится головой впередъ. И при ходьбѣ она какъ бы немного гнется. Грудь у нея низкая и менѣе роскошная, чѣмъ бы можно было ждать отъ ея фигуры и роста.

Ея гость сидѣлъ болѣе въ тѣни, чѣмъ она. Свѣтъ лампы подъ длиннымъ абажуромъ шелъ ему въ спину. На немъ былъ сюртукъ. Мироновы принимали его за-просто. Съ княземъ они были съ прошлаго года „на *ты*“, пили брудершафтъ на обѣдѣ, который давали тому, послѣ его выбора въ уѣздные предводители.

— Вамъ очень хотѣлось на этотъ вечеръ, княгиня? — спросилъ Бабичевъ, улыбнувшись слегка.

Онъ держался съ ней самаго простого тона, который ей не особенно нравился. Въ немъ не было тѣхъ нотъ, къ какимъ она давно привыкла, съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ.

Вотъ уже сколько лѣтъ съ того времени, какъ Бабичевъ живетъ въ провинціи, у себя въ имѣніи и въ губернскомъ городѣ, за нимъ установилась репутація „charmeur“'а. И этого charmeur'а она, до сихъ поръ, не можетъ притянуть къ себѣ.

— Очень ли хотѣлось на раутъ?—переспросила она своимъ лѣнивымъ, низковатымъ голосомъ, съ особой какой-то вибраціей. Не скажу. Жаль только, что туалетъ остался... im Stiche!..

Княгиня любитъ нѣмецкія выраженія. Дѣвицей она нѣсколько сезоновъ провела съ матерью въ Висбаденѣ.

— За Борисомъ, кажется, очень ухаживаютъ теперь въ Москвѣ? — съ той же тихой усмѣшкой выговорилъ Бабичевъ.

— Ничего особеннаго.

Она выпятила немного красивыя губы, какъ будто чуть-чуть подведенныя, и съ родинкой на верхней губѣ.

— Я его буду торопить домой. Время горячее... А здѣсь проходитъ день за днемъ.

— Еще успѣется. Вы, Бабичевъ, слишкомъ уже усердствуете.

Она закурила папиросу и стала щурить глаза, выпуская струи дыма.

— Такъ ли еще работаютъ?!—возразилъ Бабичевъ.

— Ахъ, Боже мой! Все придетъ въ свое время... и дѣло, и отличія... Борисъ совсѣмъ не честолюбивъ. Если онъ будетъ имѣть не сегодня-завтра ce qu'on lui doit—это вполнѣ естественно... съ его именемъ.

— То-есть, что же это: „ce qu'on lui doit“?

Княгиня чуть замѣтно повела плечами.

— Enfin, une charge honorifique.

— Не думаю, чтобы онъ ея добивался.

— Кто говоритъ: „добивался“!

— И совсѣмъ бы не желательно было этихъ приманокъ.

— Какъ вы сказали?

— Приманокъ. Съ такой системой немыслима никакая самостоятельность. Въ той или иной степени это—подкупъ.

— Allons donc!

Бабичевъ тотчасъ же сдѣлалъ себѣ внутренній выговоръ. Зачѣмъ онъ ей—или даже въ ея присутствіи — высказывается? Онъ желалъ бы своему молодому пріятелю совсѣмъ не такую подругу. Такая женщина, какъ Марья Өедоровна, плохая поддержка человѣку, способному служить общественному дѣлу, безъ всякихъ приманокъ и подачекъ.

— Знаете, что я вамъ скажу, Бабичевъ...—начала княгиня, повернувъ голову въ его сторону и продолжая курить.—Борису нельзя и, по-моему, не слѣдуетъ увлекаться вашимъ примѣромъ. Pardon за откровенность,—но мы вѣдь друзья.

И свободную руку—бѣлую, съ крупными пальцами, въ перстняхъ—она протянула ему.

Онъ слегка пожалъ.

Ея глаза, можетъ быть противъ воли, выговорили:

„И съ какой стати ты играешь роль прекраснаго Іосифа“?

— Борисъ и не думаетъ подражать мнѣ,—замѣтилъ Бабичевъ.

— Да и не долженъ,—значительно выговорила княгиня.—У него нѣтъ вашихъ талантовъ. Вы теперь извѣстный дѣятель, у васъ бойкое перо, вы можете играть роль... d'un chef de parti. А ему не слѣдуетъ быть никакой партіи.

— Значитъ, оставаться чѣмъ-то безличнымъ, или стоять на недосягаемой высотѣ? Полноте, княгиня!

Этотъ возгласъ Бабичева задѣлъ княгиню, какъ женщину, сильнѣе всего остального.

Такъ воспитанный человѣкъ можетъ воскликнуть только тогда, если *женщина* не имѣетъ для него ни малѣйшаго обаянія. И это не игра, не фатовство?

Точно будто онъ говоритъ съ ея мужемъ или съ первымъ попавшимся мужчиной? Раньше, въ первые мѣсяцы ихъ знакомства, онъ былъ съ ней любезенъ на извѣстный манеръ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ считается другомъ ея мужа и немного руководителемъ, она для него—все равно, что младшій пріятель—не болѣе.

— Повторяю... ему этого ничего не надо.

Бабичевъ чуть слышно разсмѣялся.

— А мнѣ что же надо, княгиня?

— Вы... имѣете право быть честолюбивымъ... мечтать... que sais-je...

— О министерскомъ портфелѣ, выражаясь по-западному?

— Обо всемъ. Но Борисъ просто—un gentilhomme campagnard. Онъ попалъ въ предводители — прекрасно. Выслужитъ свое трехлѣтіе. Можетъ быть, попадетъ и въ губернскіе, со временемъ, но все это безъ всякихъ особыхъ заслугъ. И ему нечего ни предъ кѣмъ краснѣть. Ce qu'on lui doit — on le doit.

— Другими словами, — шутливо замѣтилъ Бабичевъ, взглянувъ на ея туалетъ, — княгинѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ желательно поскорѣе надѣть кокошникъ.

— Нисколько! Если буду имѣть право—надѣну.

Помолчавъ, она сдунула пепелъ съ папиросы и продолжала другимъ тономъ:

— Мнѣ и васъ часто жаль, Бабичевъ. Простите, не обижайтесь.

— Меня?

— Разумѣется. Одно изъ двухъ: или вы не уйдете отъ того же... какъ бы это сказать... engrenage... назовите это какъ вамъ угодно: приманками, подачками, подарками,—или васъ съумѣютъ ограничить.

— На здоровье!

— Полноте! Къ чему это фрондёрство? Мой Борисъ можетъ, пожалуй, потянуться за вами. И конечно, его вызовутъ для разговора. А если онъ начнетъ что-нибудь противъ шерсти, ему скажутъ; „Князь, я вашего тона не понимаю!“ N'est-ce pas la formule consacrée par le temps qui court?

— Лично меня это мало интересуетъ.

— Но все-таки оно *такъ* будетъ? Зачѣмъ стали бы вы втягивать Бориса въ то, къ чему онъ совсѣмъ не призванъ?

Бабичевъ такъ же тихо разсмѣялся. Княгиня оглянула его.

— По совѣсти,—выговорилъ онъ въ полголоса,—я былъ бы радъ, еслибы вашему Борису выпало что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Изъ духа... интриги, Бабичевъ?

— Есть и другія страшныя слова, Марья Ѳедоровна.

Ей пріятно было слышать, какъ онъ произноситъ ея имяотчество; но онъ все-таки ускользалъ отъ нея.

И она, точно вслухъ думая, выговорила, съ другимъ выраженіемъ:

— Vous m'échappez!

— Въ какихъ смыслахъ?—произнесъ онъ съ извѣстной интонаціей, которую употреблялъ еще въ студенческія времена.

— Вы прекрасно понимаете, въ какихъ.

— Другими словами... я въ родѣ апокалипсической книги за семью печатями? Въ первый разъ слышу это. Довольно мнѣ

приходилось выслушивать разныхъ, несовсѣмъ пріятныхъ вещей... и прямо въ упоръ; но лукавымъ царедворцемъ или фальшивымъ мужичёнкой, смотря по жаргону, никто еще не называлъ меня.

— И вы думаете, Бабичевъ, что вы весь какъ на тарелкѣ, поставленной подъ стеклянный колпакъ? Ничего на душѣ?

— Вы чуть не сказали: за душой!

— Вы начинаете придираться!

Она повела своими тонкими, красивыми бровями. И все это была игра—игра очень неглупой, избалованной и холодной по натурѣ женщины, которой съ ея Борисомъ уже давно становилось скучно. Но еще сильнѣе дѣйствовалъ инстинктъ привлеченія подъ свою холеную и крупную руку, изукрашенную кольцами.

Сколько лѣтъ Бабичевъ, которымъ увлечены всѣ ихъ дамы и въ губернскомъ городѣ, и въ уѣздѣ, знакомъ съ нею, въ послѣдній годъ сошелся съ мужемъ, они „на *ты*", онъ считается другомъ дома. Можетъ быть, всѣ и считаютъ его уже въ ея власти; но она-то прекрасно знаетъ, что этого нѣтъ.

До сихъ поръ княгиня не вѣрила, что этотъ „beau blond" живетъ такъ, въ полномъ одиночествѣ. Слышала она, что по сосѣдству у него завелась какая-то „интересная" молодая женщина, пріѣхала прямо изъ-за границы, кажется—„разводка". Но это только съ осени. А раньше?

Не можетъ быть, чтобы онъ такъ „соблюдалъ" себя, цѣлыми годами. И окажется на повѣрку, что есть что-нибудь весьма „низменное" здѣсь, въ Москвѣ, куда онъ часто наѣзжаетъ, или въ деревнѣ.

Есть такая легенда, что будто онъ, больше десяти лѣтъ назадъ, потерялъ любимую женщину, въ родѣ какъ у Тургеневскаго Павла Кирсанова.

Это ее не трогало, а напротивъ, раздражало. Она, за глаза, позволяла себѣ слегка подсмѣиваться надъ нимъ—въ разговорахъ съ мужемъ. Она, полегонечку, работала надъ тѣмъ, чтобы престижъ Бабичева—прежде всего на ея Бориса—въ чемъ только возможно—посбавлять.

— Вы все ищете какой-то воображаемый Иксъ, княгиня,— сказалъ Бабичевъ,—и понапрасну теряете время.

Это отзывалось уже дерзостью, на ея оцѣнку. Подъ такими словами можно было подписать двоякое толкованіе: „напрасно, молъ, уловляете меня, княгиня, я врядъ-ли поддамся".

Изъ гостиной, по ковру, раздались мягкіе и скорые шаги.

Въ дверяхъ стоялъ князь Борисъ Кирилловичъ, въ вицмундирномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и жилетѣ, съ значкомъ

подъ лацканомъ, бывшаго слушателя одной изъ академій. Его тонкая и чрезвычайно стройная фигура выплывала на темномъ фонѣ двери, драппированной съ обѣихъ сторонъ портьерами.

Онъ смотрѣлъ моложе жены, а былъ на два года старше. Небольшая голова, съ гладко причесанными темнорусыми волосами, некрупныя черты красиваго военнаго лица, разрѣзъ большихъ глазъ—вся его наружность была вылита по очень знакомой и благообразной модели. Представительность породистаго дворянина и воспитанность еще недавно блестящаго гвардейца отнимали у него всякую своеобразность, но дѣлали чрезвычайно пріятнымъ всѣмъ, кто его зналъ.

— Ты уже на отлётъ?—спросила его княгиня.—Развѣ пора?

— Пора, мой другъ. Неловко опоздать.

И голосъ у него былъ вполнѣ гармониченъ съ лицомъ, станомъ, походкой и жестами.

Онъ подошелъ къ нимъ и на минутку присѣлъ на уголъ дивана.

— А ты еще посидишь?—спросилъ онъ Бабичева.—Мэри... бѣдная... должна быть въ одиночествѣ...

— Ко мнѣ хотѣла завернуть Ольга.

— Я уже извинился передъ княгиней,—отвѣчалъ Бабичевъ:—У меня тоже вечеръ... хоть и совсѣмъ не такой, какъ у тебя.

— Тайное совѣщаніе?—спросилъ князь, подмигнувъ ему.

— Почему же непремѣнно тайное?

— Твой пріятель Бабичевъ,—заговорила княгиня, вытягивая ногу, лежавшую на табуретѣ—и въ Москвѣ не хочетъ терять времени на такой вздоръ, какъ всѣ мы, профаны. У него все какіе-то кружки. Интеллигенція!

— И онъ гораздо разнообразнѣе и толковѣе живетъ, чѣмъ всѣ мы,—отозвался князь, ласково взглянувъ на пріятеля.

„И какъ онъ передъ нимъ млѣетъ! Точно передъ особой какой!“—сказала про себя княгиня, и ей захотѣлось сейчасъ же обдать холодной водой этотъ смѣшной—на ея оцѣнку—лиризмъ.

Но мужъ ея всталъ, быстро подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ такимъ же ласковымъ тономъ:

— Бѣдная ты моя Мэри!

Обернувшись къ пріятелю, онъ прибавилъ:

— Ты не уходи... до Ольги.

И, крѣпко пожавъ ему руку, такъ же быстро вышелъ.

Когда легкіе и скорые шаги смолкли въ гостиной, княгиня, повернувъ голову къ Бабичеву,—спросила, кидая слова:

— Vous accepterez une tasse de thé?

— Я тоже боюсь запоздать.

— Куда? Ахъ!.. Я и забыла—на тайное совѣщаніе.

— Почему же непремѣнно тайное? Это, княгиня, языкъ изъ „Горе отъ ума“. Репертуарныхъ традицій хорошо держаться, но не въ такомъ смыслѣ.

— Это уже иронія, Бабичевъ?—остановила она.

— Только цитата. Репетиловъ говоритъ: „по четвергамъ—секретнѣйшій союзъ“.

— Merci... Очень польщена сравненіемъ.

— Вы сами его вызвали, княгиня.

— Еще немножко, и я попаду — какъ бишь ее... старуха, свояченица Фамусова?

— Хлестова.

— Вотъ! Вотъ! Васъ сравнивали у насъ, тамъ, съ Гамбеттой. Это льститъ вамъ, скажите?—спросила княгиня.

— Я не слыхалъ.

— Будто?

— Увѣряю васъ.

— Но все-таки пріятно щекочетъ?

— Прозвище совершенно нелѣпое.

— Вы сердитесь?

— Что же общаго между нами? Тотъ—трибунъ, диктаторъ во время войны, глава цѣлой партіи, первый министръ, президентъ, политикъ. А вашъ сосѣдъ—просто земецъ, который, какъ всѣ мы, поворачивается въ нашей клѣткѣ.

— Гамбетта—по вашему цвѣту.

— Какому?

— Красному Что это вы нынче, Бабичевъ,—точно въ бирюльки играете?

— Красный... Надо бы что-нибудь поновѣе. Такія прозвища были хороши тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ... когда дѣйствовали губернскіе комитеты, а потомъ посредники перваго призыва. Только и тогда красные стояли за великую реформу, данную свыше.

Она немного снизу поглядѣла на него.

— Можно вамъ правду говорить?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Зачѣмъ вы употребляете нѣкоторыя громкія слова? Обидно слушать, право... Вотъ какъ сейчасъ: „великая реформа“? Просто —отмѣна крѣпостныхъ. Этакъ гораздо проще и вѣрнѣе.

— А у васъ такой тонъ, княгиня, точно будто вы, до сихъ поръ, по атавизму, жалѣете объ этомъ.

— По атавизму!.. И вотъ еще страсть къ ученымъ словамъ.

— De père en fils... или, лучше, отъ дѣдовъ, какъ и показываетъ самый звукъ.

— Благодарю за объясненіе.

— Вашъ отецъ не былъ крѣпостникомъ; но дѣдъ—конечно.

— И вы хотите сказать, что это на мнѣ отразилось?

— Нисколько. Объ *этомъ*, дорогая княгиня, намъ нечего говорить.

— То-есть, какъ же это нечего?

— Это разговоръ... почти что неприличный или, по крайней мѣрѣ, запоздалый до жалости,—возразилъ Бабичевъ.

Она тихо захлопала въ ладони.

— Ха, ха! Какъ я рада, какъ я рада!

— Чему?

— Вы разозлились, Бабичевъ! Сошли съ вашего пьедестала. А то мой Борисъ безпрестанно все повторяетъ, когда читаетъ вамъ акаѳисты,—и это бываетъ по три раза на дню: „Посмотри, какое у него самообладаніе! Никогда онъ не измѣнитъ себѣ! И что за терпимость къ людямъ противной стороны! Идеальный предсѣдатель! А произноситъ рѣчь—никогда не горячится, не позволитъ себѣ ни малѣйшей колкости; но говоритъ всегда съ чувствомъ, увлекаетъ собраніе“. Et patati, et patata!

— Попрошу Бориса и даже поставлю ему условіемъ нашего пріятельства: никогда, въ вашемъ присутствіи, ничего не говорить обо мнѣ.

— Хорошо, хорошо! Вы все сводите къ шуткѣ. А еще правду дозволили говорить!

— Безъ всякаго ограниченія.

— Ваши рѣчи и статьи, когда онѣ появляются въ печати —стали слишкомъ... какъ бы это сказать... trop fleuris. Все торжественныя и кудрявыя слова. Когда вы говорите—это не замѣтно; а на бумагѣ это въ родѣ... Все равно, я скажу —обижайтесь или нѣтъ—точно проповѣди.

Бабичевъ опустилъ голову.

— За это спасибо!

— Искренно?

— Совершенно. Я самъ это чувствую, Марья Ѳедоровна. Все, что записывается съ экспромпта—выходитъ гораздо проще; но надъ чѣмъ я сижу,—то тяжело, витіевато.

— Бросьте эту манеру!

— Легко сказать! Мнѣ ужасно трудно дается писаніе фразы.

Я сижу-сижу надъ ней. Хочется все выразить какъ можно убѣдительнѣе.

— И красивѣе?

— Нѣтъ, увѣряю васъ,—а сильнѣе или вразумительнѣе. И получается...

— Des guirlandes!

Онъ добродушно разсмѣялся.

Княгиня приласкала его взглядомъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, умѣете выслушивать правду. Другой бы обидѣлся... съ вашей славой.

— Полноте,—остановилъ онъ ее нервнѣе и даже слегка покраснѣлъ.—Не употребляйте, пожалуйста, этого слова!

— Какъ же сказать?

— Никакъ! Какая слава можетъ быть у насъ съ нашими порядками... при вѣчномъ топтаньи на одномъ мѣстѣ?

— Ну, хорошо! Ну, хорошо! У каждаго свой конекъ.

— У меня?

— Скромность! А все-таки вы не хотите просидѣть съ калѣкой какихъ-нибудь два-три часа... Вамъ до зарѣзу нужно куда-то... навѣрное въ какой-нибудь кружокъ, гдѣ будутъ говорить въ извѣстномъ тонѣ или читать что-нибудь такое...

— Успокойтесь... дозволенныя вещи.

— Рефератъ? Непремѣнно рефератъ.

— Повѣрьте, княгиня, еслибъ меня не ждали, еслибъ я не далъ слова... Бориса я еще вчера предупредилъ.

— Не буду больше приставать.

Игривый тонъ ей всегда удавался; но этотъ „образцовый гражданинъ"—она такъ звала его за глаза—оставался все въ тѣхъ же чувствахъ къ ней.

Немножко она было-разсердилась; но тотчасъ же опять овладѣла собою. Да и зачѣмъ же она будетъ дразнить его? Это было бы безтактно. Ссорить съ нимъ мужа—тоже не слѣдуетъ, до поры до времени.

Но вѣдь и у нея не мало выдержки—можетъ быть больше, чѣмъ у этого губернскаго Гамбетты. Или онъ разссорится съ нею, или будетъ сидѣть вотъ такъ около нея, но уже въ другой позѣ и говорить съ другими вибраціями голоса.

— Вы меня хотите сдать съ рукъ на руки Ольгѣ Хлѣстиной?

— Если позволите.

— Впрочемъ... вамъ было бы рискованно долго оставаться... вдвоемъ... При ея темпераментѣ. Elle est tout ce qu'il y a de plus intraitable! Развѣ вы не встрѣчали ее и ея сестеръ?

— Сивцевъ-Вражекъ и Поварскую я очень мало знаю.

— Онѣ отсюда, съ Молчановки...

— Одна фамилія чего стоитъ. Это уже по звуку прямо напоминаетъ belle-soeur Фамусова, Хлестову.

— Ха, ха! Пожалуй! Ихъ три сестры—и всѣ дѣвы. Старшая уже, какъ Борисъ выражается, „пала на ноги". Принимаетъ, но почти никуда не выѣзжаетъ. Эта... Ольга... она еще не очень стара. Ей лѣтъ подъ сорокъ. Типъ! И какой! Вотъ уже ни передъ кѣмъ не пассуетъ! Я думаю, она въ раю у любого угодника табачку попроситъ.

— Какъ она вамъ приходится?

— Что-то въ родѣ тетки... троюродной.

— За себя я ручаюсь.

— О! Вы себѣ не измѣните. Но васъ она, конечно, знаетъ по репутаціи. И... хотите маленькую военную хитрость?

— Какую?

— Когда она войдетъ, я васъ представлю и скажу: другъ моего мужа, а фамилію проглочу.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Авось и пронесетъ! А то можетъ быть непріятность.

— Развѣ уже до этого дошло въ старо-московскихъ сферахъ?

— А вы думаете, что всѣ васъ такъ обсахариваютъ, какъ мой Борисъ?

— Что-жъ! Это—хорошій камертонъ. Это въ родѣ сигналовъ или того градусника, который показываетъ силу давленія въ паровозѣ.

— Сравненіе—удачно. Вы настоящій импровизаторъ; также вамъ нужно и писать, совершенно такъ.

— Легко сказать!

Княгиня слегка прислушалась.

— Звонокъ. Это навѣрное Ольга. Мы еще отсюда услышимъ ея низкій, совсѣмъ мужской голосъ. Она, навѣрное, сдѣлаетъ замѣчаніе человѣку.

И менѣе чѣмъ черезъ минуту, хриповатый, баритонный голосъ загудѣлъ уже при входѣ въ гостиную.

— C'est elle, c'est elle!—полушопотомъ доложила княгиня.

Бабичевъ всталъ и повернулся къ двери въ гостиную.

Дѣвица Хлѣстина что-то говорила, на ходу, человѣку.

— Не надо докладывать! — донесся уже явственно ея зычный, хотя и хриповатый голосъ.

Лакей во фракѣ приподнялъ съ одного бока портьеру.

— Bonjour, chérie, bonjour!—забасила Хлѣстина и, не дѣ-

лая знаковъ препинанія, продолжала говорить:—Какъ вы себя чувствуете? Этакое contretemps! Надо же было случиться наканунѣ сегодняшняго раута... On en mourrait de dépit! будь кто на вашемъ мѣстѣ. Но я уже ушла отъ всѣхъ выѣздовъ.

И тутъ только княгиня успѣла, указывая на Бабичева, который уже два раза поклонился гостьѣ, сказать:

— Другъ моего Бориса.

Фамиліи и не нужно было *отчетливо* произносить. Гостья поклонилась ему въ полоборота, протянула руку рѣзкимъ движеніемъ, потрясла ее на аглицкій манеръ и тутъ же опустилась въ то кресло, гдѣ онъ сидѣлъ до того.

Бабичевъ нигдѣ не встрѣчалъ эту „московку“. А она была настоящая, коренная московка—изъ того общества, которое теперь уже доживаетъ свой вѣкъ, хотя ей было на видъ не больше сорока.

Очень высокая, худая, плоскогрудая, въ прическѣ—десять лѣтъ назадъ — она пріѣхала „посидѣть“ безъ шляпы, въ шолковомъ платьѣ неопредѣленнаго цвѣта, между песочнымъ и „масака̀“. Оно казалось еще суше и жестче отъ высокаго темнаго ошейника въ видѣ галстуха. Черные волосы съ легкой просѣдью лежали челкой на лбу. Лицо подвижное, смуглое, съ узкими, немного калмыцкими глазами — безпрестанно мѣняло выраженіе. Большой ротъ, съ выдавшимися—немного по-англійски—передними зубами, постоянно двигался, какъ бы отражая артикуляцію каждаго слова. А слова вылетали безостановочно, все тѣми же низкими, хриповатыми, нервными звуками, опредѣленно, увѣренно и съ оттѣнкомъ чисто-московскаго дворянскаго юмора.

Бабичевъ, и безъ предостереженія княгини, съ первыхъ же словъ гостьи, распозналъ бы—какого она „лагеря“, но онъ все-таки не ожидалъ чего-то до такой степени „самодовлѣющаго“,—какъ онъ тутъ же мысленно выразился. Такая точно особа, лѣтъ двадцать назадъ, была бы все-таки поосторожнѣе, позволяла бы себѣ разные намеки и шпильки, но не плавала бы такъ во вновь проснувшихся застарѣлыхъ повадкахъ, обличеніяхъ, разносахъ и сентенціяхъ, какіе въ такихъ вотъ особнякахъ полнымъ букетомъ распускались когда-то, къ шестидесятымъ годамъ.

Его это начало даже забавлять, и еслибъ не слово быть не позднѣе десяти тамъ, гдѣ его уже ждали,—онъ бы посидѣлъ еще.

— Вашъ мужъ, я слышу, chérie,—продолжала, безъ знаковъ препинанія, дѣвица Хлёстина,—очень нравится тамъ,—она подняла руку.— Въ добрый часъ! Вы его немного подтягивайте. Мнѣ Мишель Проскурнинъ говоритъ на дняхъ: „Мироновъ—ми-

лѣйшій малый... только онъ, кажется, немножко заигрываетъ съ господами либералами".

Княгиня мелькомъ взглянула на Бабичева. Онъ сидѣлъ въ тѣни и вбокъ отъ гостьи.

— Я всѣмъ и каждому говорю: надо взяться за дѣло женамъ, какъ это дѣлается вездѣ... за границей. Въ Парижѣ... въ салонахъ, высшая политика... проводитъ и въ академики. Пора нашимъ свѣтскимъ женщинамъ сказать свое слово. Онѣ образованнѣе парижанокъ, и нѣмокъ... и англичанокъ...

И безъ всякаго переходнаго мостика перескочила она къ тому, что теперь готовится въ Москвѣ.

— Я бы просто-на-просто запретила всякія совѣщанія, съѣзды, конгрессы. Это только одинъ предлогъ. Чистая комедія! Вотъ и теперь готовится что-то... ужъ не знаю—у ветеринаровъ или лекарей, или что-то въ этомъ родѣ. И графъ Дубасовъ... знаете—Витя... тотъ, что пріѣхалъ изъ Америки... какъ я его называю, шалый Витя... готовитъ какой-то докладъ.

Бабичевъ чуть-чуть воздержался, чтобы не взглянуть на хозяйку. На слушаніе этого самаго доклада графа Дубасова его и ждутъ. Но онъ не хотѣлъ уходить, не дослушавъ.

— О чемъ?—остановила княгиня.

— Est-ce que je sais?! Все одно и то же фрондёрство... чтобы какъ-нибудь, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, поиграть въ радикалы и народники. Они—друзья съ однимъ вашимъ... какъ, бишь, его фамилія.

Рѣчь, очевидно, шла о немъ. Княгиня, съ тихой улыбкой, поглядѣла на него.

Пора было уходить. Имя его не было еще произнесено.

— Вы скрываетесь, Иванъ Степановичъ,—нарочно по имени и отчеству назвала княгиня.

— Пора!

Гостья, выпрямившись, опять встряхнула его руку.

Проходя гостиной, Бабичевъ вспомнилъ Руженцова. Какую бы онъ пустилъ ноту, спрашивая его:

„И тутъ ты будешь насаждать твое хоровое начало"?

IV.

Тѣ же колонны подъ мраморъ и бѣлыя стѣны, и обивка мебели, и огромныя канделябры на столахъ, поставленныхъ покоемъ,—ничто не измѣнилось.

И рой бѣлорубашныхъ половыхъ, разсыпанныхъ по залѣ.

Затуманенные глаза Руженцова смотрѣли на все это, и въ памяти его проходили другіе банкеты, въ той же, съ бѣлыми колоннами залѣ. И дальше, въ студенческіе годы, когда въ Татьянинъ день, они, подвыпивъ, вторгались сюда, хватали любимыхъ профессоровъ и качали ихъ.

Особенно памятно ему было качанье одного толстяка—всеобщаго любимца, даже и студентовъ другихъ факультетовъ. Его огромное тѣло взлетало на воздухъ, руки и ноги—въ разныя стороны, и онъ начиналъ съ громкимъ смѣхомъ упрашивать:

— Пожалуйста, господа, не такъ сильно! Довольно! Довольно!

Все это *было*. И эти воспоминанія не тѣшили его. Въ немъ уже давала себя знать—тяжесть отъ полдюжины рюмокъ водки, неизвѣстно зачѣмъ проглоченныхъ за безконечной закуской, въ сосѣднемъ кабинетѣ.

Всѣ чокаются этой самой водкой. И зачѣмъ?

„Почему, — спрашивалъ онъ себя съ все возростающей горечью,—интеллигенція должна непремѣнно заявлять себя поголовно алкоголиками? Неужели нужно непремѣнно влить въ себя добрыхъ два стакана всякой водки: очищенной, и горько-шпанской, рябиновой и англійской горькой, и накидываться на всѣ холодныя и горячія закуски? И жевать, жевать—добрыхъ полчаса, запуская въ ротъ всевозможныя соленья, копченья, сыры, рыбы, сосиски, пельмени, почки въ соусѣ—всего не перечтешь?!

И съ перваго же блюда сидятъ они уже осоловѣлые отъ всей этой „жратвы и питьвы“—Руженцовъ мысленно употребилъ оба эти слова студенческаго жаргона.

Разговоры, правда, гудятъ; но лица уже сонныя, или возбужденныя отъ духоты, закусокъ, тѣхъ блюдъ, которыя уже появились, до этой минуты, за столомъ, и отъ всего выпитаго при закускѣ и тутъ.

Не ушелъ онъ отъ юбилейной трапезы, какъ грозили ему молодые *филозöи*. Ни одинъ изъ нихъ не явился. Они слишкомъ хорошо знаютъ цѣну такимъ обѣдамъ. Они еще ни передъ кѣмъ не обязаны надѣвать на себя личину. Гдѣ имъ скучно—тамъ они не бываютъ.

А зачѣмъ онъ подписался на этотъ обѣдъ? Юбиляра онъ, правда, когда-то знавалъ, до своего удаленія въ сѣверный захолустный городишко. Теперь онъ уже почти „маститый“. Его любятъ на Москвѣ, считаютъ однимъ изъ тѣхъ, которые высоко носятъ „стягъ“ и пр.

Уговорилъ его подписаться Мосягинъ, горе-педагогъ, задавленный жизнью, что сидитъ рядомъ съ нимъ, съ чѣмъ-то въ родѣ мяздры на голомъ черепѣ, зеленый, долговязый, съ кадыкомъ.

Для него этотъ обѣдъ — родъ „бани пакибытія". Онъ такъ себя мизерабельно чувствуетъ, такъ истязуемъ и начальствомъ, и непомѣрной обузой часовъ греческаго и латыни, и семьей, и безсодержательной жизнью, и неизлечимымъ катарромъ желудка!

Въ тотъ вечеръ, который Руженцовъ провелъ у него, послѣ обѣда съ „филозѳями"—Мосягинъ цѣлыми часами плакался ему, называлъ себя клячей, которую надо поскорѣе на живодерню, съ жестокимъ самобичеваніемъ говорилъ о полной неспособности на какой-либо „поступокъ", издѣвался—безпощаднѣе тѣхъ „филозѳевъ—надъ показываніемъ „кукиша въ карманѣ", считая себя и на это неспособнымъ въ нормальномъ ходѣ своей каторжной и безсмысленной жизни.

И вотъ, на такихъ юбилейныхъ обѣдахъ, гдѣ онъ пилъ безъ удержу и проглатывалъ рюмки водки и стаканы бѣлаго и краснаго,—послѣ чего всегда свалится въ постель,—онъ опьянялъ себя и физически, и душевно. Самъ онъ не могъ говорить публично, страдая чѣмъ-то въ родѣ косноязычія, но онъ слушалъ, заставлялъ говорить, жалъ руки, пилъ здравицы, ходилъ, безъ умолку, отъ „виновника торжества" къ тѣмъ, кто его прославлялъ. И со всѣми цѣловался и, слезливо улыбаясь, повторялъ:

— Спасибо! Спасибо! Вѣщія слова!

И все время онъ испытывалъ уколы въ свою подоплёку, приступы „шкурнаго чувства". На такихъ юбилеяхъ ему не слѣдуетъ бывать. Начальство будетъ еще сильнѣе коситься. И ничего онъ не получаетъ отъ такихъ юбилейныхъ сборищъ, кромѣ плохихъ отмѣтокъ въ „кондуитномъ спискѣ", желудочныхъ припадковъ и сильныхъ прорѣхъ въ своемъ скудномъ бюджетѣ.

Вотъ и сегодня обѣдъ обойдется по восьми рублей съ человѣка, да еще будетъ какая-нибудь складчина. Меньше зелененькой не отвертишься.

Руженцовъ обернулся къ нему лицомъ и въ упоръ спросилъ его:

— Зачѣмъ ты притащилъ меня сюда, Мосягинъ? Если такъ пойдетъ,—я сбѣгу!

А было уже съ полдюжины рѣчей. И по части краснорѣчія—все осталось по старому, что-то роковое, тяготѣющее надъ говорящей интеллигенціей. Если кто дѣйствительно говоритъ экспромптомъ, то и его рѣчь кажется заученной и пропитанной тономъ доклада въ ученомъ обществѣ или чтенія протокола въ судѣ.

— Господи! Какъ мямлитъ!..

Этотъ возгласъ вырвался у Руженцова - правда, въ полголоса.

По срединѣ залы, между двумя колѣнами большого „покоя“, журналистъ изъ провинціи, въ очкахъ, съ добродушнѣйшей наружностью—силится, отъ лица какой-то редакціи или какого-то кружка, выразить юбиляру весь тотъ порывъ чувства, которымъ онъ охваченъ въ день его чествованія.

Одинъ періодъ, съ двумя вводными предложеніями, оказался до такой степени для него непролазнымъ, что онъ растерялся, помоталъ головой и чуть не расплескалъ вино на прическу одной изъ дамъ, сидѣвшихъ противъ юбиляра.

— Довольно! — закричали изъ одного угла. — Прекрасно! Браво!

Раздалось хлопанье, совсѣмъ не двусмысленнаго характера.

— Что за шутовство!—вырвалось опять у Руженцова.

— Газета честная. Онъ, сейчасъ видать, хорошій парень,— бормоталъ около него Мосягинъ.—А не всѣмъ дано... Вотъ я бы еще выскочилъ!

И онъ снялся съ мѣста, подбѣжалъ къ злосчастному оратору и сталъ съ нимъ чокаться.

— Этому конца не будетъ!—выговорилъ уже погромче Руженцовъ.—Хоть бы поскорѣе юбиляръ отвѣтилъ.

Зазвенѣли вилки и ножи о стаканы и тарелки. Половые, только-что было двинувшіеся въ два ряда съ блюдами мороженаго, по знаку распорядителя, остановились за колоннами.

— Слушай... онъ—мастеръ,—шепталъ Мосягинъ, ёрзая по стулу.—Своя манера.

Юбиляръ усмѣхнулся глазами, полуопущенными въ бокалъ шампанскаго. Его голову Руженцовъ только и видѣлъ. Грудь и бѣлый жилетъ застилались вазой съ цвѣтами.

Началъ онъ очень тихо звукомъ и замедленнымъ темпомъ, но увѣренно въ себѣ, слегка подчеркивая нѣкоторыя слова и дѣлая короткія, но частыя паузы.

— Небось, не скажешь, что вызубрилъ?—задорно шепнулъ Мосягинъ на ухо Руженцову.

Выходило складно, тонко, съ обиліемъ прозрачныхъ намековъ, съ разными „забытыми словами“, впущенными кстати въ ткань рѣчи. Они вызвали сочувственный гулъ.

Но для Руженцова и это было „все то же“. Произнося свои „забытыя слова“, юбиляръ очень хорошо и самъ сознавалъ, что все это—„мѣдь звенящая“, какой-то спортъ, скачка съ препятствіями.

— Ничего этого не надо!—повторялъ про себя Руженцовъ.

— Что скажешь? — крикнулъ Мосягинъ. — Какъ ловко! Въ самую точку!

А Руженцову захотѣлось крикнуть:

„Довольно! Все это—водевиль съ переодѣваньемъ"!

Мосягинъ уже летѣлъ къ тому мѣсту, гдѣ ваза съ цвѣтами, и лѣзъ чокаться съ юбиляромъ, который только-что кончилъ свою отповѣдь, среди раскатовъ рукоплесканій.

Вернувшись на свое мѣсто, Мосягинъ нагнулся къ нему и взялъ за плечи.

— А! Каково?! Врядъ-ли потягается съ нимъ твой губернскій Златоустъ...

— Кто такой?—почти гнѣвно окликнулъ Руженцовъ.

— Какъ кто... Бабичевъ!

— Да развѣ онъ здѣсь?

— А то какъ же? Вонъ тамъ, на правомъ крылѣ; за колонной его не видно.

Руженцовъ привсталъ. Онъ не видалъ Бабичева ни у закусокъ, ни здѣсь. Должно быть, тотъ пришелъ прямо въ залу, когда всѣ сидѣли.

„Ну, разумѣется,—тотчасъ подумалъ онъ.—Ему нельзя было отказаться. Гдѣ же, какъ не на этихъ говорильняхъ, предаваться закрѣпленію хорового начала"?

Ему было досадно, что Бабичевъ найдетъ его здѣсь. Но не могъ же онъ уклониться отъ встрѣчи съ нимъ.

— Крикни ему, чтобы говорилъ!—подзадоривалъ Мосягинъ.

— Съ какой стати! Найдутся и безъ меня!

Не прошло и двухъ минутъ послѣ того, какъ разнесли сладкое блюдо—съ того колѣна стола, гдѣ сидѣлъ Бабичевъ, начали раздаваться все громче и громче слова:

— Иванъ Степановичъ! Бабичевъ! Просимъ! Просимъ!

И разомъ всѣ головы обернулись въ тотъ конецъ.

„Ну, да, это—онъ!"—говорилъ Руженцовъ, глядя въ ту сторону. Онъ повернулся вмѣстѣ со стуломъ и сѣлъ вбокъ, взявшись обѣими руками за уголъ спинки.

Ему и хотѣлось послушать пріятеля, и какъ бы досадно было за него: зачѣмъ онъ поддается приманкамъ своей популярности? Развѣ что-нибудь серьезное есть въ такихъ застольныхъ словоизверженіяхъ? Только поводъ къ разной болтовнѣ, а главное—все то же показыванье... кое-чего въ карманѣ.

„Эхъ, Гамбетта!"—прошепталъ онъ и взъерошилъ себѣ волосы.

Но какъ же можетъ быть иначе? Вѣдь милѣйшій Иванъ Степановичъ всюду ищетъ упора въ своей общественной дѣятельности. Онъ уважаетъ прессу, у него водятся связи съ честно думающими журналистами. Навѣрное, онъ давно знакомъ съ юбиляромъ. Этотъ обѣдъ, если не протестъ, то нѣкоторымъ образомъ—символъ.

И всѣ тутъ, и дамы, и мужчины—всѣ просятъ, стучатъ о тарелки и стаканы. Всѣмъ лестно послушать Бабичева, всѣ знаютъ Бабичева, „земца à la mode“.

Все это бурлило въ возбужденной головѣ Руженцова въ тѣ секунды, когда его пріятель поднимался и, кланяясь въ разныя стороны, собирался начать свой спичъ:

— На средину! На средину!—закричали съ разныхъ пунктовъ стола.—Слышнѣе будетъ. На средину!

Уже цѣлая кучка повскакавшихъ съ своихъ мѣстъ выбѣжала на средину каре́, образованнаго колѣнами стола.

Бабичевъ долженъ былъ протискаться сквозь эту группу, подошелъ къ срединѣ и, стоя въ полоборота, обратился, въ одно и то же время, и къ юбиляру, и ко всему собранію.

Завибрировалъ по большой залѣ его высокій, молодой голосъ съ чуть слышной картавостью—и всѣ притихли.

Руженцовъ—все въ той же перекошенной позѣ—не поворачивалъ голову въ его сторону, а напротивъ, опустилъ ее на крѣпко стиснутыя кисти рукъ.

— Ну, да, ну, конечно, — бормоталъ онъ, — такъ и надо было начать. Всѣхъ обласкать и привлечь, чтобы образовать сразу хоръ. Ха, ха!

Придраться было не къ чему: все выходило такъ искренно, сильно, такъ кстати и такъ благородно.

— А! А!—вскрикивалъ Мосягинъ.—Вотъ это—настоящій спичъ! Этотъ не мямлитъ! Пойдемъ поближе, Руженцовъ!

— Оставь меня!

Мосягинъ убѣжалъ, протискался въ группу, сплоченную вокругъ Бабичева, и сталъ тутъ же неистово хлопать.

— Тсс!—зашикали на него.

Руженцовъ, не мѣняя позы, слушалъ, продолжая бормотать, поводилъ глазами, вытягивалъ шею. На своемъ углу стола онъ остался почти одинъ. Но на него никто не обращалъ вниманія. Всѣ были захвачены импровизаціей Бабичева.

Это была, дѣйствительно, экспромптомъ сказанная рѣчь. Мотивомъ ея послужили слова, оброненныя юбиляромъ,—извѣстное старо-русское изреченіе, которое когда-то любили приводить

славянофилы: „отъ міра я не прочь; но міру я—не челобитчикъ“.

Бабичевъ переставилъ половины изреченія и сталъ говорить на тему, что міру каждый долженъ быть „челобитчикомъ“, даже если міръ и не во всемъ бываетъ правъ.

— Поѣзди, голубчикъ, на своемъ конькѣ!—уже громче проговорилъ, на своемъ стулѣ, Руженцовъ. Въ головѣ его начало шумѣть сильнѣе, чѣмъ въ началѣ обѣда.

Рѣчь лилась уже болѣе пяти минутъ. Ее сопровождали перекаты сочувственнаго гула. Врывались и „браво“, и апплодисменты.

Въ одномъ мѣстѣ, выше всѣхъ, пустилъ фистулой Мосягинъ:

— *Хиръ! хиръ!*

На каждомъ обѣдѣ онъ, дойдя до „градуса“, прибѣгалъ къ англійскому возгласу: „hear, hear!“, получавшему у него русскую окраску.

— Оттого мы и не умѣемъ ладить,—доносилась до Руженцова рѣчь Бабичева,—что свое „я“ слишкомъ часто поднимаемъ надъ общимъ хоромъ...

— „Мы слышали это, голубчикъ! Что-нибудь поновѣе“!—вырвалось у Руженцова.

Въ головѣ его туманъ какъ будто проходилъ; но его замѣняло все приливавшее къ головѣ раздраженіе.

Кругомъ уже никого не было за этимъ колѣномъ стола, и того, какъ онъ держалъ себя, никто не могъ видѣть. Всѣ стояли стѣной, къ нему спинами.

Его повлекло также въ толпу, въ ненавистную ему, съ извѣстныхъ поръ, толпу, изъ кого бы она ни состояла—изъ мужиковъ, рабочихъ, „буржуевъ“, молодежи или сливокъ образованнаго общества.

А голосъ Бабичева, высокій и пріятно вибрирующій, и голова его, съ волнистыми волосами, немного откинутая назадъ, поднимались надъ толпой, и благообразный профиль вырѣзывался на фонѣ противоположной стѣны.

— „Трибунъ! Гамбетта! Нечего сказать!“—почти уже крикнулъ Руженцовъ.

— Поднимемъ же бокалы,—текли послѣднія фразы рѣчи,—поднимемъ, господа, бокалы,—выше нотой повторилъ Бабичевъ,—за все, что „міръ“ стяжалъ въ жизни плодотворнаго и, главное, за то, чтобы каждый изъ насъ, въ самомъ скромномъ дѣлѣ, былъ за него челобитчикомъ!

— Ура!—загремѣло со всѣхъ сторонъ.

— Урра!—гаркнулъ и Руженцовъ—и такъ, что многіе обернулись.

Его никто почти не зналъ, и многіе разсмѣялись, увидѣвъ, что онъ „готовъ“ или, пожалуй, близокъ къ извѣстному „градусу“.

Но звукъ его „урра“ былъ вызывающій, саркастическій, почти шутовской.

Онъ вернулся къ столу, схватилъ рюмку, налилъ ее чѣмъ попало, перебѣжалъ опять залу и втиснулся въ ту кучку, которая обступила оратора, чокалась съ нимъ, кричала. Нѣкоторые лѣзли цѣловать и обнимать Бабичева.

— Коллега! Достолюбезный Иванъ Степановичъ!—раздался хриплый баритонъ Руженцова.—Значитъ, за хоровое начало? А! ха, ха!

Бабичевъ обернулся и развелъ руками, уже свободными.

— Ты? Здѣсь? А я и не зналъ.

— Такъ за хоровое начало? Чокнись, чокнись, душа моя! Видишь, и я тутъ случился. Какъ разъ попалъ на твой бенефисъ!

„Какъ онъ, бѣдный, однако угостился!“—сказалъ, про себя, Бабичевъ.

Впрочемъ, на такихъ обѣдахъ принято позволять себѣ всякія излишества ѣды и питья.

— Изволь, изволь!—широко улыбаясь, отозвался онъ и чокнулся съ нимъ своимъ бокаломъ шампанскаго.

Цѣлый хвостъ потянулся къ герою обѣда съ бокалами, рюмками, стаканами, кто съ чѣмъ, и Руженцова оттѣснили.

Онъ опять широко махнулъ рукой и еще довольно твердой походкой вернулся на свое мѣсто, покрикивая, въ перемежку со смѣхомъ:

— За хоровое начало!

Кто-то еще говорилъ, предлагалъ здравицы. Пили за дамъ, за какихъ-то отсутствующихъ, еще три раза за юбиляра.

— Здоровье преосвященнаго!—крикнулъ Руженцовъ и такъ, что всѣ расхохотались.

Кто знавалъ Горбунова—вспомнили его.

Стали разносить кофе. Руженцовъ налилъ себѣ рюмку ликера и сталъ его пить маленькими глотками.

Тотъ же особый задоръ и покалыванье въ рукахъ не покидали его. Голова все прояснялась, а не тяжелѣла, какъ бы слѣдовало ожидать. Теперь былъ онъ на настоящемъ „взводѣ“, чтобы произнести громовую рѣчь.

Около него опять сидѣлъ Мосягинъ, красный, потный, въ какомъ-то блаженномъ млѣніи.

— А! Каковъ твой пріятель! Онъ вѣдь и мой коллега. Мы одного времени. Я на одинъ годъ только старше васъ выпускомъ. Пойдемъ просить его еще что-нибудь сказать.

— Иди!.. Представитель добровольныхъ клячъ!

— Что ты такъ!

— Ухъ... какъ бы слѣдовало пустить на васъ душъ!

— Какой душъ! Руженцовъ, ты до чертиковъ дошелъ!

— Душъ! Въ пять градусовъ по Реомюру... или паровую баню въ пятьдесятъ градусовъ. И сдѣлать это никто изъ васъ не въ состояніи. Есть одинъ человѣкъ во всей залѣ...

— И это?

— Я!

— Что-жъ! Иди! Дѣйствуй! Но только въ униссонъ. Не умничай! Я тебя знаю!

„Говорить или не говорить?"—спрашивалъ себя Руженцовъ. —„Развѣ я трушу? Кого? Не того ли земскаго Златоуста—милѣйшаго Ивана Степановича"?

Но всѣ они, и весь этотъ банкетъ, и онъ самъ — показались ему такъ ничтожны и смѣшны, что „связываться" было бы дѣтскимъ задоромъ.

Неужели онъ уподобится имъ всѣмъ, съ Бабичевымъ во главѣ, которые вѣрятъ въ дѣйствіе... чего? Слова? т.-е. словъ, звуковъ, члепораздѣльныхъ вибрацій воздуха. И всякихъ словъ, и устныхъ, и письменныхъ, и печатныхъ.

— Пускай ихъ!—вслухъ выговорилъ онъ и всталъ.—Мосягинъ, по домамъ!

— Зачѣмъ, голубчикъ! Теперь только самый разгаръ.

— Домой!—повторилъ Руженцовъ.

И несовсѣмъ уже твердой поступью онъ сталъ пересѣкать пространство залы.

— Куда ты, милый?—остановилъ его возгласъ Бабичева.

— Домой!

— Да я тебя совсѣмъ не видалъ. А завтра ѣду. Вотъ, меня зовутъ туда, въ гостиную. Хочешь присоединиться къ намъ?

Бабичева позвали въ это время къ юбиляру.

— Уволь! Довольно! Всѣ въ восторгѣ. Чего же больше?

— Пойдемъ!—Бабичевъ взялъ Руженцова подъ-руку.

— Куда?

— Въ гостиную.

— Довольно было ѣды и возліяній!

Но Руженцовъ все-таки поплелся подъ-руку съ Бабичевымъ.

Они вошли въ гостиную, гдѣ, за первымъ же столомъ, помѣщались кружкомъ человѣкъ пятнадцать мужчинъ и дамъ.

По рединѣ—юбиляръ, окруженный дамами. Три были уже почтенныя матроны, двѣ помоложе—кажется, изъ пишущихъ женщинъ.

Руженцова никто лично не зналъ, и онъ никого.

Но юбиляръ послѣ вспомнилъ, что онъ, когда-то, еще студентомъ четвертаго курса—онъ юристомъ, а Руженцовъ естественникомъ—были членами одного кружка, вскорѣ распавшагося.

— Мой пріятель, Руженцовъ, Викторъ Павловичъ!—громко представилъ Бабичевъ.

Юбиляръ поднялся и сейчасъ же протянулъ руку.

— Мы тоже были коллеги. Помните кружокъ... въ Аѳанасьевскомъ переулкѣ? Давненько?

— Ein кружокъ!—отвѣтилъ Руженцовъ съ комическимъ жестомъ.—Что-то помню.

— Милости прошу... вотъ сюда.

Кто-то изъ мужчинъ уступилъ мѣсто Руженцову. Онъ очутился по срединѣ круга, рядомъ съ Бабичевымъ.

— А что, коллега?—спросилъ его юбиляръ и ласково подмигнулъ на Бабичева:—Иванъ-то Степановичъ? Какъ говоритъ! А?

— Златоустъ!—Одно слово!—выговорилъ тѣмъ же тономъ Руженцовъ и взъерошилъ ладонью свои и безъ того торчавшіе волосы.

Дамы переглянулись съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Одна изъ нихъ, изъ тѣхъ, что помоложе, кажется—беллетристка, въ свѣтломъ туалетѣ и старательно причесанная, приняла только-что отъ юбиляра стаканчикъ шампанскаго и стала, обращаясь больше къ Бабичеву, высказывать тѣ чувства, какія въ ней „поднялъ“ этотъ обѣдъ, то, что говорилъ юбиляръ и—въ особенности—„глубоко уважаемый и дорогой Иванъ Степановичъ“.

Всѣ дамы протянули свои стаканы къ Бабичеву. Въ ихъ глазахъ, въ раскраснѣвшихся лицахъ, все было полно восхищенія.

— Не правда ли, — заговорилъ Руженцовъ, подвигаясь къ дамѣ, говорившей свой лирическій спичъ,—нельзя устоять передъ обаяніемъ... нашего земскаго трибуна?

— Викторъ Павловичъ!—полушопотомъ вырвалось у Бабичева.

— Чего? Униженіе паче гордости, голубчикъ! Одно слово: лидэръ и надежда всей россійской интеллигенціи, помнящей такъ называемыя забытыя слова!

— А вы ихъ помните?—спросила не безъ ироніи одна изъ пожилыхъ дамъ.

— Забылъ. Каюсь! Ничего не помню. Особливо въ настоящую минуту. Но вѣдь это все равно. Вѣдь вы всѣ только воображаете, что въ словахъ—сила! Въ какихъ бы то ни было! И ты... жрецъ чистѣйшаго прекраснодушія... безцѣнный мой Иванъ Степановичъ... надежда и краса и прочее, и прочее, и прочая,—протянулъ онъ протодьяконскимъ басомъ,—той же наивной вѣры. И все будешь, какъ неутомимая труженица-пчела собирать медъ съ цвѣтовъ россійскаго радикализма, народолюбія, историческихъ судебъ и иныхъ матеріаловъ,—протянулъ онъ опять.—Потѣшай себя, душенька! Но знай, что это—мельница безъ помолу, экспериментьı въ торичелліевой пустотѣ! Такъ то!

Глаза Руженцова блестѣли, лицо было блѣдно. Онъ выговаривалъ отчетливо и громко. Изъ залы набралось еще человѣкъ двадцать. Всѣ слушали и не могли понять: въ чемъ дѣло.

Юбиляръ хотѣлъ „спасти положеніе“ и, протянувъ свой стаканъ Руженцову, сказалъ съ усмѣшкой въ умныхъ глазахъ:

— Мы стоимъ за свободу всякихъ искреннихъ мнѣній.

— Иванъ Степановичъ! Чего тебѣ еще?—крикнулъ Руженцовъ, тяжело поднимаясь.—Это ли не хоровое начало? Наше, братецъ, мнѣніе—номеръ второй; а меня уволь. Пора домой.

V.

У себя, въ „губерніи“—по туземному обывательскому термину, т.-е. въ своемъ губернскомъ городѣ,—Бабичевъ занималъ небольшой особнякъ, доставшійся ему отъ родителей, послѣ смерти матери. Домъ былъ ея, и она его завѣщала ему одному.

Черезъ два-три дня по возвращеніи изъ Москвы, онъ работалъ въ кабинетѣ, занимающемъ весь фасадъ особняка. Это обширное помѣщеніе онъ передѣлалъ изъ двухъ комнатъ. Внизу были еще столовая и билліардная, а наверху, въ мезонинѣ—двѣ спальни и уборная.

По всѣмъ угламъ шли дубовые шкапы съ книгами. Письменное бюро стояло по срединѣ, между двумя бюстами на тумбахъ, драпированныхъ темносинимъ плюшемъ.

День выдался свѣтлый, морозный. Узоры на окнахъ красиво переливались на солнцѣ.

Бабичевъ, и зимой, и лѣтомъ, вставалъ въ семь часовъ, даже когда возвращался домой поздно, что случалось часто, и

здѣсь, и въ Москвѣ. Только въ деревнѣ, особенно лѣтомъ, онъ могъ входить въ „норму"—ложиться не позднѣе одиннадцати, когда не было гостей.

На службу онъ ходилъ послѣ завтрака. По утрамъ являлся секретарь, но не каждый день. Онъ этого не любилъ. Принималъ просителей тоже въ управѣ, а не на дому. Исключенія дѣлалъ чрезвычайно рѣдко, за что, разумѣется, многіе были на него въ претензіи, называли даже „педантомъ" и „чинушкой".

Сегодня надо было приготовиться къ важному засѣданію. Предложеніе, съ которымъ онъ лично войдетъ, вызоветъ отпоръ въ авторѣ докладной записки, которую будутъ читать. Ее составилъ одинъ изъ губернскихъ гласныхъ, бывшій агрономъ, теперь директоръ отдѣленія мѣстнаго банка, Шестковъ.

У него съ нимъ, до сихъ поръ, еще не доходило —ни на съѣздахъ, ни на выборахъ, ни въ клубѣ—до настоящей схватки; но Бабичевъ чувствовалъ, что его объективность—уже на волоскѣ.

И этотъ господинъ настоялъ на томъ, чтобы онъ принялъ его именно днемъ, въ одиннадцатомъ часу, у себя, а не въ управѣ.

Отказать было рѣшительно неловко, тѣмъ болѣе, что никакого дѣлового мотива Шестковъ не предъявлялъ.

Его разбирало даже раздумье—ужъ не очень ли онъ прямолинеенъ, не впадаетъ ли онъ въ своего рода „якобинство"?

Есть вѣдь въ губерніи экземпляры куда хуже этого Шесткова во всѣхъ смыслахъ; но и они имѣютъ право играть роль, занимать мѣста. И съ ними надо находить „modus vivendi", не изъ соображеній оппортунизма, а оттого, что необходимо жить „на міру".

Этотъ визитъ Шесткова сегодня—былъ ему особенно не по вкусу. Онъ вышибалъ его изъ того настроенія, въ какомъ онъ былъ со вчерашняго дня—съ полученія депеши отъ брата своего, меньшого и единственнаго—изъ Петербурга.

Тотъ только пересядетъ въ Москвѣ въ поѣздъ и будетъ сюда въ первомъ часу.

Пріѣздъ „Пйтэра"—такъ его звали въ домѣ съ дѣтства—„скоропалительный", какъ впрочемъ всегда, сразу какъ-то замолодилъ его.

Питэръ совсѣмъ ушелъ и отъ него, и отъ русской жизни. Онъ наѣзжаетъ изрѣдка, больше лѣтомъ. На этотъ разъ Питэръ ѣдетъ по дѣлу. Но Бабичевъ никакъ не ожидалъ, что онъ явится такъ скоро,—до поста.

Предлагаетъ онъ ему соглашеніе по двумъ „пустошамъ", которыя, до сихъ поръ, онъ бралъ у него въ аренду.

Питэръ совсѣмъ не занимался своимъ имѣніемъ, получалъ арендныя деньги—съ брата аккуратно, съ другого крупнаго арендатора—не очень; съ крестьянъ, въ послѣдніе тяжелые годы, терпѣлъ долгъ.

Ему хватало... И даже очень. Въ послѣдній годъ онъ сразу, въ одинъ театральный сезонъ, сдѣлался извѣстнымъ въ обоихъ полушаріяхъ композиторомъ. Питэръ давно занимается музыкой и попробовалъ свои силы въ опереткѣ, съ англійскимъ текстомъ. И въ первый же годъ эта вещь была дана въ Англіи и въ Америкѣ—сотни разъ и принесла ему тысячи фунтовъ и долларовъ.

Но онъ готовитъ нѣчто въ серьезномъ родѣ...

И Питэръ будетъ здѣсь, въ кабинетѣ, черезъ какихъ-нибудь два часа.

До тѣхъ поръ, надо „принадлежать своимъ обязанностямъ".

Мальчикъ, въ черной курточкѣ, внесъ, на маленькомъ серебряномъ подносѣ, утреннюю почту: кромѣ газетъ, пакетъ и частную корреспонденцію.

Наверху почты лежало письмо въ конвертѣ большого формата съ напечатанной сверху строкой: „Товарищество Захаровской Мануфактуры".

Вскрывая, Бабичевъ не сразу сообразилъ, отъ кого это можетъ быть, и, только всмотрѣвшись, узналъ почеркъ Руженцова.

Тотъ писалъ съ своей фабрики.

Съ юбилейнаго обѣда, послѣ котораго вышла полушутовская сцена, они не видались. Руженцовъ уѣхалъ изъ Москвы на другой же день; Бабичевъ уже не нашелъ его въ той гостинницѣ, гдѣ тотъ стоялъ.

Ему было немножко совѣстно за товарища передъ тѣми, кто тамъ былъ; но за себя онъ не обидѣлся.

Подвыпившій человѣкъ мало ли какихъ можетъ наговорить глупостей?! Но въ задорно-ироническихъ тирадахъ Виктора онъ отлично распознавалъ извѣстный камертонъ. Онъ и въ трезвомъ видѣ, еслибы дошелъ до высшей взвинченности — говорилъ бы почти-что въ такомъ духѣ.

Этотъ разъѣдающій процессъ скептицизма огорчалъ Бабичева. И безъ того его товарищъ ведетъ жизнь одиночнаго брюзги; а съ такимъ отношеніемъ къ жизни, ко всему, что они когда-то вдвоемъ считали общимъ „credo" — онъ кончитъ безотраднымъ пессимизмомъ.

Въ конвертѣ оказался листъ большого формата и также съ бланкомъ „Товарищества".

„Любезный другъ Иванъ Степановичъ,—разбиралъ онъ мел-

кую и связную руку Руженцова,—ты теперь навѣрно уже дома и предаешься общественному служенію.

„Чувствую, что на той юбилейной говорильнѣ я повелъ себя съ тобою какъ перепустившій мѣру спирта мастеровой. Ты вправѣ поставить на мнѣ крестъ и даже отрѣшить меня отъ своей особы.

„Тому интеллигентному народу, который тебя чуть не качалъ, могло показаться, что во мнѣ закипѣла самая гнусная зависть. Два товарища... Одинъ—безвѣстный батракъ ихъ степенствъ и сочиняетъ рецепты красокъ для издѣлій Захаровской мануфактуры; а другой — звѣзда, свѣточъ, Гамбетта-Златоустъ! Словомъ, разыгралась сцена: „Моцартъ и Сальери", но въ совершенно россійскомъ вкусѣ, т.-е. пьяно и, въ концѣ концовъ, глупо. Это я сознаю и... представь себѣ — прощенія у тебя не прошу.

„Я не выставляю даже главнаго смягчающаго обстоятельства, т.-е. того, что я подпилъ, какъ послѣдній изъ нашихъ кочегаровъ".

Бабичевъ остановился и приложилъ палецъ къ щекѣ. Вѣдь это какъ разъ то, что онъ сейчасъ думалъ.

„Ты слишкомъ большая умница, любезнѣйшій Иванъ Степановичъ, чтобы не распознать въ моихъ выходкахъ основныхъ мотивовъ этой увертюры. Я и въ эту минуту, когда сижу у себя одинъ и кляну себя внутренно — способенъ былъ бы отчитать тебя такъ же, только въ другихъ нотахъ.

„Мнѣ тебя жаль, глубоко жаль,—не обижайся этимъ! Ты не можешь лишить меня права жалѣть тебя, какъ добрый товарищъ. Тебѣ, вѣдь, уже никто такихъ вещей не будетъ говорить. Ты теперь идешь по восходящей кривой. Не стану банально предостерегать тебя отъ нашихъ обывательскихъ и даже общероссійскихъ овацій; у тебя врядъ ли сильно закружится голова. Не этого бойся... а самообмана и самовнушенія, въ особенности послѣдняго. Вѣрь мнѣ, пока въ тебѣ еще будетъ копошиться, хоть чуточку, тотъ червячокъ, который подъѣлъ во мнѣ всякія иллюзіи,—ничто еще не пропало!

„А впрочемъ, въ накладѣ изъ насъ двоихъ останешься не ты, а я. Если тебѣ удастся дожить до старости въ томъ убѣжденіи, что ты служишь своему пресловутому „хоровому началу"—чего же больше?

„Но изъ этого не вытекаетъ, что внѣ тебя, въ жизни, и нашей, и всемірной, нѣтъ тѣхъ неизбытныхъ противорѣчій, той фальши, того зла и насилія, которыя тебѣ не удастся и на десятимилліонную устранить!

„Прощай, Бабичевъ! Или, лучше, до свиданія! Вѣдь еслибъ ты со мной такъ обошелся,—я бы все-таки пришелъ къ тебѣ. Вотъ подползетъ весна. Можетъ, увидимся въ твоихъ родовыхъ палестинахъ — это всего вѣдь двадцать-пять верстъ отъ мануфактуры.

„Твой Руженцовъ“.

„Онъ жалѣетъ меня,—думалъ Бабичевъ,—а я—его, и сильнѣе, если не искреннѣе, чѣмъ онъ меня. Какъ тутъ разсудить“?

Письмо онъ положилъ въ ящикъ и сталъ просматривать почту: дѣловыя письма пробѣгалъ тотчасъ же, пакеты съ печатными листами откладывалъ. Изъ газетъ развернулъ одну—московскую, и только-что прочелъ тамъ передовую статью, какъ мальчикъ, показавшись въ портьерѣ, доложилъ:

— Господинъ Шестковъ. Вы имъ назначили къ одиннадцати.

— Проси!

Бабичевъ поморщился. Въ настроеніи, какое навело на него письмо Руженцова и все, чѣмъ оно вызвано, ему всего менѣе пріятно было хотя бы и чисто дѣловое объясненіе съ этимъ Шестковымъ.

Въ дверь больше ввалился, чѣмъ вошелъ ожирѣлый, съ бѣлымъ, обрюзглымъ лицомъ, брюнетъ, лысый, въ очкахъ, съ большимъ животомъ, въ сѣромъ пиджакѣ, лѣтъ сильно за сорокъ, похожій на подрядчика гораздо больше, чѣмъ на крупнаго чиновника.

Черты лица были мясистыя, особенно носъ и нижняя губа, подъ которой торчала подбритая эспаньолетка, какія были въ модѣ лѣтъ сорокъ назадъ.

— Весьма признателенъ за то, что позволили себя побезпокоить, многоуважаемый Иванъ Степановичъ.

Голосъ у него былъ низкій, сиповатый, съ московскимъ аканьемъ и звукомъ, совсѣмъ не барскій, хотя Шестковъ весьма кичился своимъ „столбовымъ“ родомъ, тѣмъ, что онъ записанъ въ „шестой книгѣ“ мѣстнаго дворянства.

— Милости прошу!—указалъ Бабичевъ на кресло, стоявшее на углу бюро, подъ однимъ изъ бюстовъ.

Гость, грузно опустившись въ него, скосилъ свои круглые глаза съ толстоватыми вѣками на заглавіе того листа газеты, который Бабичевъ только-что положилъ на письменный столъ. И въ этихъ подхихикающихъ глазахъ можно было прочесть: „Ну, конечно, читаетъ каждое утро разглагольствованія профессорскаго органа“!

— Я къ вашимъ услугамъ, Константинъ Леонтьевичъ.

Съ такими господами, какъ этотъ Шестковъ, у Бабичева тонъ дѣлался до-нельзя вѣжливымъ, и его, обыкновенно, добродушная улыбка застывала на губахъ съ безстрастнымъ выраженіемъ.

Эту вѣжливость господа того лагеря, къ которому принадлежалъ Шестковъ, считали „высшаго сорта дерзостью", и вездѣ кричали, что Бабичевъ корчитъ изъ себя „премьера".

— Да я хотѣлъ, безъ помѣхи, объяснить вамъ нѣчто въ моемъ проектѣ, что на засѣданіи могло бы вызвать пререканія. Все дѣло въ томъ, какъ посмотрѣть на мою идею.

— Я внимательно прочиталъ вашу записку... цѣлыхъ три раза.

— Вотъ какъ! Мерси! Не ожидалъ! Но все-таки поддерживать ее не будете?

— Позвольте, Константинъ Леонтьевичъ, зачѣмъ же намъ объ этомъ уговариваться... съ глазу на глазъ?

— Вы считаете это не корректнымъ? Ась?

Шестковъ часто употреблялъ эту мужицкую прибаутку: „ась".

Отъ этого „руссака", какъ онъ называлъ самъ себя, Бабичева всего больше отталкивали складъ натуры и весь его пошибъ: языкъ, пріемы, грубость и безцеремонность, выдаваемыя за что-то коренное, настоящее, истинно-русское.

И такихъ Шестковыхъ развелось, въ послѣдніе годы, много, очень много. Прежде они были просто кулаки или „держиморды", или шелопаи; а теперь у нихъ явилась нѣкоторая подкладка.

Они подобрали крохи съ славянофильской трапезы, съ понадерганными у московскихъ корифеевъ хлёсткими словами, особенно о „средостѣніи", и тому подобными формулами.

— Не корректнымъ?—повторилъ Бабичевъ.—Не знаю. Во всякомъ случаѣ, я буду имѣть достаточный поводъ высказаться.

— Батюшка, Иванъ Степановичъ, многоуважаемый предсѣдатель!.. Да вы все въ вицмундирномъ тонѣ. А какъ будто двумъ русскимъ людямъ, преданнымъ земскому дѣлу,— нельзя столковаться? Неужели мнѣ это дѣло не близко къ сердцу? Что я — мѣчу во что-нибудь? Благодареніе Создателю, имѣю кое-какія животишки, и если состою на службѣ, то какой? Самой безобидной. И не собственную бáнку содержу,— выговорилъ онъ по-мужицки слово „банкъ".—Вы думаете, что мы такъ-таки ни въ чемъ не сойдемся? Первое — столь любезная сердцу вашему и вашихъ, такъ сказать, единомышленниковъ мелкая тамъ, что-ли, земская единица... Экое, подумаешь, пугало! Для меня совсѣмъ не страшно. Не менѣе васъ, господа честные, мы не жалуемъ бюрократическую опеку...

— Я не имѣю повода сомнѣваться... Константинъ Леонтьевичъ.

— Да полноте! Вы все въ вицмундирномъ тонѣ. Что жъ! Насильно милъ не будешь! Одначе, если вы удостоили не одинъ разъ пробѣжать мою немудрую записку—что же, такъ сказать, принципіально не вызываетъ вашего одобренія?

— Мы—въ основномъ и главномъ—люди, стоящіе на разныхъ берегахъ.

Только-что эти слова слетѣли съ его губъ, какъ Бабичевъ спросилъ себя:

„Нужно ли было, вотъ тутъ, такъ категорически высказываться? Не лишняя ли это была бравада“?

Рѣчи Руженцова—на юбилеѣ тамъ, на галереѣ „Московскаго трактира“—заслышались ему.

Ну, можно ли ему, въ чемъ-нибудь, идти съ этимъ яко бы защитникомъ земскихъ интересовъ? Если бъ они очутились съ нимъ въ такомъ собраніи, гдѣ каждый выступилъ бы съ своимъ словомъ и дѣломъ передъ лицомъ всей націи,— развѣ они не сидѣли бы—онъ, Бабичевъ—на лѣвой, а этотъ защитникъ „древнерусскихъ устоевъ“—на самой крайней правой?

И будь у него, Бабичева, желчный темпераментъ того же Руженцова,—быть можетъ, пошли бы въ ходъ и пюпитры, и чернильницы?..

Съ каждымъ годомъ онъ видитъ — и не одинъ онъ,— какъ такіе Шестковы чувствуютъ подъ собою все болѣе твердую почву. Всѣ они,—выражаясь ихъ жаргономъ,—*прутъ*. У нихъ теперь вѣчный праздникъ. Они всѣ—собирательно—изображаютъ собою торжествующее четвероногое, о которомъ такъ любилъ упоминать русскій сатирикъ.

— Тэкъ-съ...—оттянулъ Шестковъ уже съ умышленно-купеческой интонаціей.—Это маленько слишкомъ общо, многоуважаемый Иванъ Степановичъ,—то, что вы вотъ сейчасъ изволили сказать.

— Извините, Константинъ Леонтьевичъ, было бы не ко времени, откровенно говоря, пространно излагать свои коренные принципы. Если у насъ найдутся пункты, по которымъ мы очутимся въ единомысліи,— буду сердечно этому радъ. Раздора я уже, во всякомъ случаѣ, не внесу ни въ какое начинаніе, ни въ какіе дебаты.

— Знаю, знаю! Вы у насъ миротворецъ. Вотъ я читалъ вчера отчетъ о московскомъ одномъ юбилеѣ среди интеллигенціи самой чистой воды. Вы тамъ изволили какъ разъ говорить такъ

краснорѣчиво объ этомъ самомъ хоровомъ началѣ. Весьма пріятно, что вы берете формулы у презираемыхъ вами поборниковъ древнерусскихъ началъ. И то изреченіе, которое вы такъ пылко и образно изволили защищать, а именно: „міру челобитчикъ"—это тоже не господа космополиты выдумали, ась?

Гость посмотрѣлъ на часы.

Бабичевъ ничего не отвѣтилъ на эту тираду и сидѣлъ съ полуопущенными рѣсницами.

— Значитъ... „Заутра—бой"?—спросилъ Шестковъ, такъ же грузно снимаясь съ кресла.

— Зачѣмъ же непремѣнно бой, Константинъ Леонтьевичъ?

— Дипломатическій! Съ вами какъ же иначе?

Взявшись за мѣсто бокового кармана, Шестковъ сказалъ:

— Надо бы папиросу выкурить, да боюсь. Вы вѣдь какъ красная дѣвица, ни курева, ни спиртнаго.

— Почему же... дозволяю себѣ и то, и другое.

— Поди, и вегетарьянецъ?

— Мяса не люблю, это правда.

— Одно къ одному. И въ другомъ прочемъ... лестно пойти по стопамъ одного изъ великихъ писателей земли русской. Ха, ха!

Онъ какъ-то затоптался на одномъ мѣстѣ, протягивая Бабичеву свою жирную руку съ пальцами, точно перевязанными на суставахъ.

Его смѣшокъ былъ Бабичеву особенно непріятенъ. Въ немъ слышалась одна и та же нота:

„Мы-де у праздника; а васъ только терпятъ. И всѣ вы только кажете кукишъ въ карманѣ и разводите антимонію на водѣ".

Тѣ обѣ фразы, особенно первая, изъ жаргона Руженцова—какъ бы прозвучали у него въ ушахъ, когда онъ провожалъ гостя до двери въ переднюю.

— Не безпокойтесь пожалуйста... Извините, что отнялъ у васъ полчаса вашего драгоцѣннаго времени. А вы въ Москвѣ загостились! Все по умственной части?.. Не такъ, какъ мы, грѣшные, когда урвемся.

Поборникъ древнерусскаго уклада жизни извѣстенъ былъ, какъ усердный посѣтитель Омона, загородныхъ ресторановъ съ пѣвичками и другихъ „злачныхъ" мѣстъ, какъ онъ самъ называлъ. Жену его—больную женщину—никто никогда не видитъ. Дѣти воспитываются дома.

На Шесткова мальчикъ натягивалъ шубу, когда раздался звонокъ.

— Это Питэръ!—радостно вскричалъ Бабичевъ, увѣренный, что это братъ съ желѣзной дороги.

Питэръ просилъ, въ депешѣ, не выѣзжать его встрѣчать. Онъ не любилъ этого.

Мальчикъ бросился отворять.

Въ заграничномъ пальто съ мѣховой отторочкой и въ какой-то странной шапкѣ стоялъ Питэръ.

— Братъ мой!—указалъ Шесткову Бабичевъ.

— Братецъ? Семейная радость! Имѣю честь кланяться!

Дверь захлопнулась за гостемъ.

Братья молча пожали другъ другу руку, а потомъ обнялись.

— Вотъ это славно, что ты самъ пожаловалъ!—радостно и тихо воскликнулъ старшій братъ, осматривая меньшого.

VI.

Угли потрескивали въ каминѣ. Въ кабинетѣ стояли полусумерки. Только изъ столовой достигалъ свѣтъ.

Братья пили кофе. Питэръ лежалъ на кушеткѣ съ ногами; Иванъ глубоко опрокинулся въ большое кресло.

— Развѣ ты, Jean, отказался отъ куренья?—спросилъ меньшой братъ, закуривая длинную и толстую, очень дорогую сигару.

— Да, отстаю.

— Tolstoï!—съ юморомъ воскликнулъ Питэръ.

— Пожалуй... Въ этомъ, да и не въ одномъ этомъ, онъ безусловно правъ.

— Не знаю,—протянулъ Питэръ.—Смыслъ жизни, ея краса и суть—не въ упрощеніи, а въ осложненіи; другимъ словомъ: въ дифференціаціи—это внѣ всякаго сомнѣнія!

Онъ говорилъ по-русски свободно, но съ какимъ-то трудно уловимымъ акцентомъ—полу-англійскимъ, полу-нѣмецкимъ.

Дикція была отчетлива, но суховатая, нѣсколько однообразная; иной сказалъ бы: „скрипучая“.

— Не знаю,—помолчавъ, выговорилъ Иванъ, вообще не любившій споровъ съ своимъ братомъ...

Ихъ отношеніе къ жизни было совсѣмъ не одного сорта; но Иванъ любилъ брата, каковъ онъ есть; искренно признавалъ его умственное превосходство, его яркую даровитость, оригинальность всего склада души, необычайную начитанность, вкусъ, знаніе жизни, хотя онъ и слылъ вѣчнымъ дилеттантомъ.

Ему хотѣлось теперь же начать съ братомъ дѣловой разго-

воръ насчетъ имѣнія. Онъ зналъ, что Питэра надо захватывать на первыхъ порахъ, а то онъ вдругъ „улетучится", или увлечется разговоромъ на свои любимыя темы.

Съ братомъ Иванъ посовѣтовалъ бы дѣйствовать съ такимъ натискомъ, разъ дѣло идетъ о матеріальныхъ выгодахъ; но онъ хотѣлъ предложить ему: уступить ему, по справочной цѣнѣ, урочище, межа съ межой съ его усадьбой, глѣ онъ могъ завести земледѣльческую школу съ фермой для женщинъ, преимущественно изъ крестьянства.

На „феминизмъ" у Питэра свой взглядъ, мало похожій на то, что въ ходу въ передовыхъ кружкахъ русскаго общества; но враждебно онъ не можетъ быть настроенъ противъ такой „затѣи" своего брата.

По его главной формулѣ—жизнь есть осложненіе, дифференціація; стало быть, и тутъ женщина, выросшая въ деревнѣ, не должна оставаться съ тѣми же скудными знаніями и навыками.

— Такъ какъ же, Питэръ?—мягко заговорилъ Иванъ, вглядываясь въ лицо брата, лежавшаго къ нему вбокъ.—Прости, что я тебѣ тотчасъ послѣ обѣда хочу надоѣдать дѣловой бесѣдой.

— Если нужно... я готовъ,—съ комическимъ вздохомъ сказалъ Питэръ и вытянулъ ноги.

— Ты знаешь, въ чемъ дѣло. Твое урочище Власово запущено, хотя оно у тебя въ большой твоей арендѣ. И твой арендаторъ пользуется ею совершенно даромъ, да и самъ ничего особенно нужнаго изъ нея не дѣлаетъ.

— Пускай его!

Питэръ махнулъ свободной рукой.

— Срокъ аренды, если не ошибаюсь, подойдетъ черезъ два года.

— Кажется.

— Но если земля или часть ея будетъ отчуждена?..

— Отчуждена,—повторилъ Питэръ:—какое красивое слово!

— Дѣйствіе контракта прекращается. Вѣроятно, такъ?

— Право, не знаю. Но я захватилъ бумаги.

— Положимъ, что такъ.

— Все это для меня,—какъ это говорилъ отецъ дьяконъ у насъ въ Пузихѣ, который обучалъ меня первоначально азбукѣ?..

И Питэръ сталъ припоминать.

— Темна вода... темна вода...

— Во облацѣхъ...

— Да, да! Такъ и для меня... вся эта дѣловая часть.

Онъ подложилъ одну ногу подъ другую, поднявшись туловищемъ на подушкахъ, и выпустилъ струю благовоннаго дыма.

— Kurz und gut... my dear fellow?

Иванъ особенно любилъ, когда Питэръ называлъ его, по своей оксфордской привычкѣ: „my dear fellow"—мой дорогой товарищъ.

— Какъ видишь, я предлагаю тебѣ продать мнѣ урочище. Но я бы не сталъ приставать къ тебѣ, милый Питэръ, еслибъ не цѣль этой покупки.

— Цѣль? У тебя не можетъ быть никакихъ цѣлей, кромѣ альтруистическихъ.

— Спасибо! Я еще съ прошлаго года живу идеей—построить училище съ фермой для женщинъ.

— Для дамъ или дѣвицъ, не нашедшихъ счастья въ гименѣ или потерявшихъ надежду на оный?

— Ни того, ни другого. Просто для крестьянокъ. Или дочерей бывшихъ дворовыхъ... мѣщанокъ... въ видѣ исключенія.

— Это оригинально. Что-жъ! Душевно радъ!

Питэръ перемѣнилъ позу и отложилъ сигару на столикъ.

— Ты ничего не имѣешь противъ такой продажи?

— Но зачѣмъ продавать? Прими отъ меня въ даръ это... какъ, бишь, оно называется? Квасово...

— Власово,—поправилъ Иванъ.

— Власово, а далѣе? Есть какая-то прибавка...

— Займище, то-есть урочище.

— Какія все вкусныя и звонкія слова!

— Съ какой же стати ты будешь дарить мнѣ такой клинъ?

— Вѣдь все равно... Ты самъ же говоришь, что онъ мнѣ ничего не приноситъ.

Иванъ задумался и не сразу заговорилъ.

— Въ такомъ случаѣ, если ты хочешь сдѣлать это пожертвованіе, я желалъ бы, чтобы школа носила твое имя.

— Почему мое? Вѣдь ее надо содержать.

— Это ужъ мое дѣло!

— Ха, ха! — тихо разсмѣялся Питэръ. — Еслибъ мы были съ тобой спириты и допускали присутствіе духовъ, то какой-нибудь духъ—Александра Македонскаго или философа Канта—подумалъ бы: какое трогательное единоборство двухъ родныхъ братьевъ! одинъ былъ великодушнѣе другого; другой былъ еще великодушнѣе одного.

— Милый Питэръ!

Иванъ подсѣлъ на край кушетки и потрепалъ брата по колѣну.

— Все со своими шуточками... Но подъ этимъ душа есть.

— Не знаю,—все такъ же дурачливо протянулъ Питэръ.— Не вѣдаю, да и все тутъ. Дѣлай какъ знаешь! Но зачѣмъ намъ купчую, когда я отдаю такъ? А если ты непремѣнно хочешь, чтобы школа носила имя, назови ее: „Братьевъ Бабичевыхъ“. Это все равно, что на чашкахъ и блюдечкахъ: „Фабриканты братья Корниловы“ или на шеффильдскихъ ножахъ: „Smith brothers“—„Братья Смитъ“.

— Ну хорошо, ну хорошо! Merci, l'affaire est baclée. Спасибо, милый!

Иванъ наклонился и поцѣловалъ брата.

Тотъ не любилъ вообще „нѣжничать“, но Иванъ зналъ, что онъ чувствительнѣе къ ласкѣ, чѣмъ это кажется.

— Ну вотъ... мы тебя здѣсь и задержимъ, Питэръ. Вѣдь это требуетъ нѣкоторыхъ формальностей. А то ты—фюить, и былъ таковъ!.. Поживешь? Хочешь пожить?

— Поживу. Я думаю даже, что я здѣсь поработаю.

— Возьми мою спальню... Та комната, гдѣ мы тебя устроили —мала. Но вѣдь все въ твоемъ распоряженіи. Я—съ завтрака до обѣда—въ управѣ. И нѣсколько вечеровъ въ недѣлю также уходитъ на дѣла...

— Мнѣ твой домъ...

— *Нашъ* домъ,—поправилъ Иванъ.

— Опять... Одинъ былъ великодушнѣе другого...

— Ну, хорошо.

— Этотъ мамашинъ особнякъ очень симпатиченъ, и ты прекрасно сдѣлалъ, что сломалъ стѣну. У тебя цѣлый hall—зало. Здѣсь можетъ прекрасно писаться.

— Конечно, конечно!

Иванъ, все еще сидя на краю кушетки, не отнималъ руки отъ плеча Питэра. Ему опять стало немного стыдно, что онъ не далъ ему говорить о себѣ, о своей оперѣ, о заграничныхъ успѣхахъ.

Въ городѣ никто еще не зналъ, что онъ, Петръ Степановичъ Бабичевъ, прогремѣлъ на оба полушарія, въ Англіи и Америкѣ, какъ композиторъ „фурорной“ оперетки, которая еще не была переведена по-русски. О ней появлялись только извѣстія въ газетахъ. Какъ композиторъ, Питэръ взялъ псевдонимъ: „Питэръ Бичъ“—съ анлизированнымъ окончаніемъ своей русской фамиліи.

Когда онъ ее ставилъ—это было прошлой весной въ Англіи,— онъ писалъ брату, что желалъ бы остаться для своихъ „компа-

тріотовъ", какими считалъ и москвичей—нѣкоторымъ „таинственнымъ незнакомцемъ". О томъ же просилъ онъ его и послѣ того, какъ сразу добился самаго громкаго успѣха.

„Не изъ дворянскаго гонора не желаю я разоблачать свой псевдонимъ Питэра Бича,—писалъ онъ ему,—а потому что хочу быть свободнымъ, какъ дикій бедуинъ во всемъ томъ, что связано съ репутаціей, какой бы то ни было. Публика глупа—вездѣ и всегда! Я не удержу за собою этого псевдонима, когда выступлю съ моей серьезной оперой".

Иванъ былъ и самъ радъ, что Питэръ не хотѣлъ являться сюда какъ опереточный композиторъ съ англизированнымъ псевдонимомъ.

Зондируя свою совѣсть и въ этомъ, Иванъ сознавалъ, что ему было бы чувствительно хоть въ чемъ-нибудь замѣтить—какъ „прохаживаются" надъ опереточной славой его брата.

— Прости, милый Питэръ!—заговорилъ Иванъ.—Я ничего не спросилъ тебя о твоемъ главномъ дѣтищѣ? Какъ оно подвинулось?

— Еще многое не стоитъ на своихъ ногахъ.

— Но какъ говоритъ тебѣ внутренній голосъ... въ этомъ высшемъ родѣ труда нашелъ ли ты свой истинный путь?

— Это все очень громко, my dear fellow. Видишь... три года назадъ, когда я принялся за теорію, въ особенности за фугу—я еще колебался. Были и разные литературные замыслы... Тянуло и туда, и сюда. Музыкальную муштру я сталъ проходить какъ искусъ. Если мнѣ вся эта цыфирь не опротивѣла хуже горькой рѣдьки,—выкрикнулъ онъ,—значитъ, меня тянетъ къ композиторству. Оперетта вылилась, какъ проба пера. Посыпались мелодіи, оркестръ не Богъ-знаетъ какой. Но и въ немъ я уже пускалъ болѣе сложные пріемы, старался придавать всему извѣстный складъ... пошибъ—какъ у васъ теперь любятъ выражаться. Но во мнѣ еще шла борьба. Знаешь, какъ нашъ дядюшка Остушевъ любилъ декламировать...

— Помню, помню,—весело подхватилъ Иванъ.

— „То сей, то опый на бокъ гнется"?

— Да, да! И конецъ я вспомнилъ:—„Крутятся—и Ермакъ сломилъ"!

Питэръ долго хохоталъ. Смѣхъ у него былъ совершенно дѣтскій.

— Не хочешь ли ликеру? Я совсѣмъ забылъ.

— Нѣтъ... лучше зельтерской воды.

— Съ чѣмъ? Съ виски? Прости, я не могъ достать здѣсь.

— Довольно и бранди, alias: коньяку.

Иванъ всталъ, позвонилъ, распорядился, когда вошелъ мальчикъ,—вернулся въ свое кресло, сѣлъ еще удобнѣе, протянулъ ноги и сталъ съ особымъ чувствомъ душевной отрады слушать Питэра.

У него всегда было къ нему нѣчто въ родѣ отеческой и даже материнской нѣжности. Отецъ ихъ умеръ, когда Питэру было всего девять лѣтъ. Матери они лишились—шесть лѣтъ назадъ. Между ними было около девяти лѣтъ разницы, и старшій Бабичевъ привыкъ еще до смерти матери—она въ послѣдніе годы почти не вставала съ постели — смотрѣть на меньшого брата какъ на свое кровное „чадо", быть его попечителемъ, заниматься его дѣлами, высылать ему деньги за границу, гдѣ Питэръ съ перерывами пробылъ около десяти лѣтъ.

Съ этой осени ему пошелъ уже тридцать-четвертый годъ. Ивану было сорокъ-три.

— Итакъ, Питэръ: Ермакъ сломилъ?

— Да. Сломилъ. Но тотъ... какъ бишь его, сибирскаго-то царя, звать?..

— Кажется, Кучумъ.

— Кучумъ не сдавался. Особенно—страстишка къ стихоплётству... Погоня за формой.. въ связи съ нѣкоторымъ философскимъ дилеттантствомъ.

— Будто ты забросилъ эту область, Питэръ?—уже серьезнѣе спросилъ Иванъ.

— My dear fellow, мыслителемъ надо родиться. Это все равно, какъ во французской поговоркѣ: „on devient patissier, on naît rotisseur". Я это распозналъ. Да и прославленные нѣмецкіе профессора?.. Когда-то я—какъ ты помнишь—вмѣстѣ съ моими пріятелями изъ англичанъ и американцевъ увлекался старикомъ Куно-Фишеромъ. Виноватъ! Excellenz Cuno-Fischer! И вотъ, въ прошломъ году, заѣхалъ я, по старой памяти, въ Гейдельбергъ. Остановился въ томъ же пансіонѣ... помнишь, гдѣ ты у меня былъ... недалеко отъ того дома, гдѣ когда-то жилъ профессоръ Куссмауль?

— Онъ, кажется, умеръ?

— Да. Послѣ Либрейха, у него всегда толкались русскіе.

— Ну, и что же?

— Пошелъ къ Excellenz на лекцію, въ ту старую большую аудиторію. Онъ разбиралъ библіографію подлинныхъ сочиненій Аристотеля... навѣрное, уже разъ въ тридцатый на своемъ вѣку,

если не больше. Но это не бѣда. Очень отчетливо, сочно, съ прекрасной дикціей—„за первый сортъ“, какъ наши пузихинскіе мужички говорятъ... Для старца подъ-восемьдесятъ лѣтъ—даже изумительно! Но,—Питэръ высоко поднялъ указательный палецъ,—on naît rotisseur. „Excellenz“—профессоръ философіи, древней и новой, но не мыслитель. Гдѣ же у него *система...* какъ у Гегеля, какъ у Огюста Конта, какъ у Шопенгауэра, даже какъ у Гартмана? А безъ этого ты весь свой вѣкъ будешь только комментаторомъ, гелертеромъ. Ими я никогда не мечталъ быть. Дилеттантство въ философіи—это уже самое послѣднее дѣло.

— А твой интересъ къ психологіи?

— Онъ не заглохъ, нѣтъ. Но психологія, мой милый Jean, это—хлѣбъ насущный! Это въ родѣ камертона, безъ котораго нельзя сдѣлать шагу ни въ инструментальной, ни въ вокальной музыкѣ. У меня, до сихъ поръ, личная связь съ разными психологами больше въ Англіи. У Сэлли бываю всегда на лекціяхъ. Есть нѣсколько интересныхъ французовъ. Разработка идетъ по всѣмъ частямъ. Но это—повторяю—хлѣбъ насущный, все равно какъ изученіе красоты.

Иванъ зналъ, что еще недавно Питэра считали „отчаяннымъ декадентомъ“, хотя самъ онъ находилъ, что это—преувеличенная репутація. Но ему не хотѣлось ставить брату слишкомъ категорически такого рода вопросъ.

— Въ искусствѣ все держится одно за другое,—выговорилъ онъ въ неопредѣленномъ тонѣ.—Ты остановился на такой его формѣ, какъ музыка,—истинное искусство нашего вѣка,—вѣчное и безпредѣльное...

Въ этихъ словахъ послышались даже лирическія ноты.

— Да, но съ жестокой цыфирью тамъ, внутри... въ томъ, что французскіе скульпторы называютъ: „les dessous“,—съ той разницей, что эти „dessous“ въ скульптурѣ должно чувствовать, а въ музыкѣ—ни-ни! Вся цыфирь, вся суть фуги, контрапункта и всякихъ пріемовъ гармонизаціи и оркестровки должна быть переварена, превращена въ питательный сокъ, которому слѣдуетъ свободно течь по жиламъ и тканямъ организма.

— Браво, Питэръ! Это удачное сравненіе!

— Но и тутъ... on naît rotisseur... А иначе и будешь производить то, что называется капельмейстерской музыкой. Это рѣшительно все равно, что философъ и профессоръ философіи.

— Какъ язвительно сказалъ, первый, Фейербахъ, если не ошибаюсь!

Въ такихъ разговорахъ Иванъ, хотя и былъ очень начи-

танъ и съ прекрасной памятью, всегда оговаривался, точно онъ говоритъ съ авторитетнымъ ученымъ.

— Идея! Чувство того, что можно и должно передавать звуками и ничѣмъ больше.

— Будто у Вагнера это всегда такъ?

Питэръ, не мѣняя позы, поглядѣлъ на него искоса.

— Мой культъ творца „Парсифаля“—уже въ прошломъ,— выговорилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ и сдѣлалъ маленькую паузу.—Черезъ Вагнера должно было пройти музыкальное творчество. Но онъ воображалъ себя великимъ драматургомъ.. трагикомъ, ставилъ этого трагика выше музыканта. На это есть подлинные факты. А драмы свои—хотя онъ и былъ великій франкофобъ—строилъ, какъ блаженной памяти трагедіи Расина.

— Будто?

— А какъ же? Возьми „Тристана и Изольду“. Что это? Герой, героиня, царь, наперсникъ и наперсница. И цѣлый актъ мы должны слушать мелодекламацію Изольды, всякія изліянія передъ ея Kammerjungfrau. И каждому, не одержимому вагнеробѣсіемъ — хочется крикнуть: „да позвольте вы этой Амальхенъ подойти къ борту корабля, подышать свѣжимъ воздухомъ“!

— Ха, ха! А вѣдь это въ самомъ дѣлѣ немножко такъ?

— Я теперь уже не могу бывать въ Байрейтѣ... и слушать все ту же болтовню разныхъ салонныхъ caillettes... въ Лондонѣ, Ниццѣ, Римѣ, Вѣнѣ, гдѣ хочешь. Это сдѣлалось банально. Это *экспортъ*, какъ шампанское „Cristal“, какъ прически à la Micado, какъ таблетки Maggi—универсальная приправа суповъ!

— Вотъ ты какъ?

— Но не думай, что я ренегатъ. Вовсе нѣтъ! Огромный, если хочешь, геніальный талантъ сказалъ свое слово. Но то, что для него было идеаломъ—уже позади. Онъ—послѣдній могиканъ нѣмецкаго романтизма. У насъ—другая душа, другія упованія, другіе протесты. По крайней мѣрѣ для меня музыка— тотъ чудный даръ небесъ, который долженъ освѣщать будущее, а не возвращать къ легендамъ и миѳамъ, главное же—не долженъ унижать себя звукоподражаніемъ, не смѣть — скажу я продерзостно—умышленно производить гипнозъ на мою барабанную перепонку десятками тактовъ трескотни духовыхъ или пиликанья скрипокъ, какъ бы это ловко и даровито ни было!..

Въ это время вошелъ въ кабинетъ мальчикъ и прервалъ бесѣду братьевъ, тихо окликнувъ:

— Иванъ Степановичъ!

— Что нужно?

— Записку принесли. Ждутъ отвѣта.
— Подай.
— Прикажете пустить лампу?
— Пусти.
Мальчикъ щелкнулъ кнопкой одной изъ электрическихъ лампъ.
— Отъ кого?—спросилъ мальчика старшій Бабичевъ.
— Человѣкъ принесъ отъ госпожи Сулиной.
— А-а! Хорошо. Сейчасъ.
Иванъ раскрылъ цвѣтной надушённый конвертъ, прочелъ и сейчасъ же отвѣтилъ.

П. Д. Боборыкинъ.

А. П. ЧЕХОВЪ

и

ЕГО РАЗСКАЗЫ.

ЭТЮДЪ.

I.

А. П. Чеховъ своими многочисленными сочиненіями давно уже овладѣлъ общественнымъ вниманіемъ. Его разсказы и повѣсти вызвали значительную критическую литературу, стали предметомъ горячихъ споровъ и самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко діаметрально противоположныхъ сужденій. Эпитетъ „чеховскій" сдѣлался нарицательнымъ именемъ для извѣстнаго рода умственныхъ и душевныхъ состояній и настроеній. Пьесы Чехова не сходятъ съ репертуара театровъ, ставящихъ своей задачей преслѣдованіе новѣйшихъ теченій въ искусствѣ и жизни. Произведенія Чехова переведены на иностранные языки и за границею привлекаютъ вниманіе критики. Нельзя потому не признать, что, судя по всѣмъ такимъ внѣшнимъ признакамъ, мы имѣемъ дѣло съ писателемъ далеко не заурряднымъ, хотя и не „великимъ" и не „европейскимъ", какъ его величаютъ у насъ не въ мѣру усердные отечественные хвалители.

Интересно и необходимо разобраться въ основныхъ причинахъ такого успѣха, насколько онѣ освѣщены критикой и обнаруживаются въ идейномъ и художественномъ содержаніи произведеній. Въ данномъ очеркѣ мы ограничиваемъ свою задачу

указаніемъ существенныхъ чертъ, образующихъ индивидуальность этого своеобразнаго писателя, въ связи съ господствующими тонами его міровоззрѣнія и значеніемъ его общественнаго вліянія. Соглашаясь далеко не со всѣми выводами предшествующей критики, мы понимаемъ всю трудность предпринимаемой нами работы, и если и беремся за нее, то лишь потому, что постановка вопроса о пересмотрѣ литературныхъ сужденій о Чеховѣ представляется намъ своевременной и важной.

Но прежде—нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Давно уже признано ходячей истиной, что писатель есть явленіе общественное, и что сужденіе о немъ должно имѣть въ виду, съ одной стороны, объемъ и характеръ его таланта, а съ другой—вліяніе идейной и художественной стороны этого таланта на дальнѣйшее развитіе общества въ томъ или другомъ отношеніи. Это и образуетъ два главныхъ направленія въ изученіи литературныхъ явленій и два метода критической разработки.

Изученіе таланта въ его сущности, какъ онъ создаетъ и вынашиваетъ образы въ себѣ, какъ ассоціируетъ внѣшнія впечатлѣнія жизни, внося въ нихъ гармонію и стройность, является всегда необходимою ступенью для опредѣленія безотносительной цѣнности писателя съ точки зрѣнія глубины производимыхъ имъ художественныхъ эмоцій и вѣрности и тонкости художнической кисти. Можно остановиться на этомъ первомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ важнѣйшемъ шагѣ изслѣдованія, можно безконечно любоваться произведеніемъ и не идти дальше лирическаго изліянія восторга передъ вдохновеннымъ созданіемъ художника, явившаго непонятную, чудодѣйственную власть надъ нашей душой. Можно признать божественное откровеніе въ искусствѣ, которое, кромѣ себя, кромѣ своей свыше одухотворенной красоты, не знаетъ иной цѣли; можно, не боясь шаблонныхъ обвиненій, допустить и даже поклониться таланту ради таланта, искусству—ради искусства, за тѣ волшебные краски и звуки изъ какого-то другого міра, которые обаятельно прекрасны, хотя не передаваемы на языкѣ будничной рѣчи людской, какъ пѣсни моря или ласкающій шопотъ цвѣтовъ.

Тончайшія краски
Не въ яркихъ созвучьяхъ,
А въ еле замѣтныхъ
Дрожаніяхъ струнъ,—
Въ нихъ зримы сіянья
Планетъ запредѣльныхъ,
Непознанныхъ свѣтовъ,
Невидимыхъ лунъ.

И если, въ минуты
Глубокаго чувства,
Мы смотримъ безгласно
И любимъ безъ словъ,
Мы видимъ, мы слышимъ,
Какъ свѣтятъ намъ солнца,
Какъ дышатъ намъ блески
Нездѣшнихъ міровъ...

Но что бы ни изображалъ современный поэтъ,—пышныя ли картины природы или убогій пейзажъ, потрясающую драму или унылую, жалкую дѣйствительность пошлаго прозябанія, можно признать за нимъ право свободно, безотчетно отдаваться порыву творческой кисти, изображать все, что подвернется подъ руку,—и затѣмъ оцѣнивать его творенія съ точки зрѣнія вѣрности рисунка, изящества и тонкости штриха. Можно не идти въ своихъ требованіяхъ дальше непосредственнаго импрессіонизма, и задача искусства будетъ исполнена, если созданіе художника вызоветъ впечатлѣніе глубокое, яркое, хотя и не влекущее къ размышленію и разгадкѣ.

Искусство давно уже перестало пониматься какъ пріятная забава, какъ возвышенное занятіе, которымъ можно наполнить часы отдыха и досуга, какъ соловьиная пѣснь безъ значенія словъ, рождающая влюбленныя грёзы и томные вздохи. Отжило свой вѣкъ и то воззрѣніе, когда на искусство смотрѣли какъ на помощь наукѣ въ ея стремленіяхъ раскрыть и освѣтить истинно полезное въ мірѣ, заставляя искусство служить посредникомъ между все новыми и новыми завоеваніями отвлеченной науки и мало развитой, но страждущей толпой. Теперь искусство—могучая свободная стихія человѣческаго духа, рождающаяся на тѣхъ же глубинахъ, откуда берутъ начало побужденія разума и вѣры и любви къ жизни, та высшая степень творческой дѣятельности, которая является однимъ изъ величайшихъ средствъ общественнаго прогресса.

Въ этомъ смыслѣ выраженіе „искусство для искусства" не заключаетъ въ себѣ ничего ужаснаго. Пусть художникъ не скажетъ намъ, зачѣмъ онъ создалъ свое произведеніе; пусть онъ сумѣетъ зажечь огонь на маякѣ скалы, не заботясь о томъ, кто будутъ тѣ пловцы на кораблѣ, которымъ онъ пошлетъ свои лучи въ непроглядную бурную ночь... Новѣйшіе художники на Западѣ любятъ разгадывать сумерки, любятъ ловить фантастическія тѣни лунныхъ ночей; они хотятъ прокрасться въ таинственные шорохи темной человѣческой души, трепетно колеблемой неустанной борьбой мгновеній, мелькающихъ въ сознаніи, и вѣч-

ности, поглощающей ихъ. У Метерлинка и Ибсена, у Родэна и Бёклина были великіе предки по духу, изображавшіе могучія, но ясныя движенія души, какъ Шекспиръ, Гёте и Байронъ, и сумѣвшіе выразить высочайшую и въ то же время доступную людскому сердцу красоту и гармонію,—напримѣръ, Рафаэль и Бетховенъ. Тамъ, на Западѣ, оставленные ими величайшіе дары духовной культуры давно уже сдѣлались общимъ достояніемъ, вошли въ плоть и кровь общественнаго самосознанія, и художественная пытливость, не останавливаясь на этихъ ступеняхъ, стремится къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ и обращается, въ новѣйшихъ теченіяхъ, къ еще невыраженному словомъ, не схваченному мыслью. Для человѣчества, только небольшая часть котораго живетъ относительно сознательной жизнью, напрягая всѣ усилія, чтобы осмыслить основныя формы стихійнаго жизненнаго процесса, такое направленіе, идущее на встрѣчу загадочнымъ символамъ, неяснымъ представленіямъ, всему, что усыпляетъ здоровое чувство реальной жизни, но будитъ своеобразныя поэтическія настроенія, можетъ показаться возвратомъ къ тѣмъ отдаленнымъ вѣкамъ, когда люди ожидали спасенія не отъ своей культурной предпріимчивости и изощренности мысли, но отъ мистическихъ откровеній и глаголовъ свыше. Но кто скажетъ, къ чему приведетъ это направленіе?

Но есть страны и эпохи, гдѣ особенно цѣнными являются тѣ стремленія художественной мысли, которыя облегчаютъ людямъ борьбу за ближайшіе идеалы свободнаго и осмысленнаго существованія. Когда зажигаютъ огонь на высотахъ мысли, какъ на высокомъ холмѣ, не съ тѣмъ, чтобы онъ озарялъ безразличныя пучины моря, но чтобы онъ служилъ знаменательнымъ лозунгомъ и, можетъ быть, боевымъ сигналомъ идущихъ сражаться и умирать, — то важно, чтобы этотъ огонь горѣлъ яркимъ свѣтомъ надъ дорогой, по которой идутъ и падаютъ люди. Чѣмъ ярче, тѣмъ знаменательнѣе будетъ этотъ огонь; чѣмъ выше вздуется пламя костра отъ горнаго вѣтра, тѣмъ ярче вспыхнетъ надежда въ душѣ сомнѣвающихся и малодушныхъ.

Литература должна не только отражать, но и освѣщать, и совершенствовать жизнь. Этотъ процессъ приведенія жизни въ болѣе совершенный видъ не заключается, какъ думали прежде, въ отысканіи новыхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ тѣ или другія явленія представлялись бы сознанію въ блескѣ поэзіи и красоты. Онъ долженъ состоять для всякаго, сочетающаго запросы совѣсти съ исканіемъ смысла въ бытіи, въ улучшеніи самыхъ формъ его, въ усовершенствованіи тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ то,

что одни люди чувствуютъ себя въ жизни такъ дурно, что имъ ничего не стоитъ отказаться отъ нея; другіе—дурно, но лучше первыхъ; третьи—еще лучше, а четвертые—сносно, или, пожалуй, хорошо. Литература должна изучать жизнь не потому только, что ея процессъ представляетъ высокій интересъ для объективнаго наблюдателя въ безконечномъ количествѣ отношеній; не потому только, что въ ней есть прекрасное и безобразное, зло и добро, что весною поютъ соловьи, а зимою бываетъ и холодно, и не на всѣхъ людей хватаетъ пріюта и хлѣба. Литература нужна жизни не потому только, что ея выраженіемъ служитъ чудодѣйственное слово, могущее охватить тончайшіе оттѣнки мысли и чувства, могущее двигать горами, созидать и разрушать реальные и волшебные міры; но литература тѣмъ дорога жизни, что она въ лучшихъ своихъ представителяхъ, помимо своего художественнаго наслажденія, заставляетъ насъ глубоко вникать въ причины нашихъ страданій, вооружаетъ насъ противъ этихъ причинъ, какъ противъ злѣйшихъ враговъ, возбуждая въ нашей душѣ протестъ, сначала пассивный, потомъ активный, и доводитъ насъ до яснаго сознанія невозможности жить безъ борьбы. Но страданія бываютъ разныя, разная бываетъ и борьба. Не дѣло литературы художественной вызывать человѣка на борьбу съ природой въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ естествоиспытатели и врачи. Не ей указывать способы вызова дождя или средства продленія жизни. Но въ ея власти то, чтобы люди, чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникались идеями правды, трудовой и общественной солидарности и добра. Сообразно съ этимъ литература должна напрягать всѣ усилія, чтобы обезпечить всѣми доступными ей способами торжество этихъ идей, но такъ, чтобы отъ этого торжества, хотя бы въ идеальномъ будущемъ, была видимая польза, становилось бы меньше людей страдающихъ, угнетенныхъ и оскорбленныхъ внѣшнимъ, отъ людей зависящимъ, укладомъ жизни. И потому, насколько былъ бы безплоденъ протестъ противъ стихійныхъ явленій жизни, не поддающихся учету человѣческаго разума, настолько великъ и благотворенъ возбуждаемый ею протестъ противъ тѣхъ внѣшнихъ условій, измѣненіе которыхъ находится во власти человѣческихъ массъ. Нельзя не бороться человѣку за признаніе той объединяющей идеи, что солнце всѣмъ равно свѣтитъ, а земля предлагаетъ свои дары всѣмъ людямъ безъ ограниченій и жизнь можетъ быть прекрасной, если люди перестанутъ держать другъ друга за горло и обратятъ свободныя руки на общую, а стало быть, и свою собственную пользу. Развитіе этого рода идей, восходящихъ къ радостному культу

разумно-свободной и духовно-просвѣтленной жизни, идей, содѣйствующихъ реальному благу человѣчества,—является прямою обязанностью литературы въ обширномъ значенiи этого слова. Въ частности, у каждой изъ литературъ, создаваемыхъ генiемъ различныхъ народовъ, есть свои особыя спецiальныя обязанности, и въ ряду ихъ едва ли не самыя трудныя и отвѣтственныя задачи взяла на себя наша русская литература.

Судьба русской литературы замѣчательна во многихъ отношенiяхъ. Длинный рядъ вѣковъ прошелъ въ мучительныхъ попыткахъ освободиться отъ чуждыхъ путъ, навязанныхъ ей роковою игрою историческихъ условiй, и сбросить съ глазъ пелену, мѣшавшую ей вглядѣться въ дѣйствительность, кипучую, яркую, полную своеобразнаго драматизма, пестрѣвшую могучими характерами и умами. Бредя ощупью, съ трудомъ разбираясь въ элементарныхъ вопросахъ общественнаго и народнаго самосознанiя, она уже съ самаго начала историческаго существованiя должна была стать добрымъ генiемъ нашего младенческаго просвѣщенiя и культуры. Ставъ, наконецъ, самобытною по кореннымъ источникамъ своего содержанiя и нацiональной по духу, она расцвѣла дивными художественными дарованiями и не уклонилась въ сторону отъ исторически завѣщанныхъ цѣлей, принимая подъ свою охрану все болѣе и болѣе широкiе круги интересовъ гуманной мысли и общественнаго улучшенiя, являясь генiальной проповѣдницей равенства людей, любви и правды. Учительный и проповѣднический тонъ лучшихъ представителей нашей литературы прошлаго вѣка, столь органически связанной подготовительными умственными теченiями съ произведенiями Л. Н. Толстого, во второй перiодъ его творчества, явился въ семьѣ европейскихъ литературъ даже отличительнымъ признакомъ, объясняемымъ изъ расовыхъ особенностей славянскаго духа. Объясняется это, можетъ быть, и тѣмъ, что наша литература, въ отличiе отъ европейской, по тѣмъ элементамъ знанiя, которые входили въ нее, шла впереди русской науки, и многiя отрасли историческихъ и гуманитарныхъ изученiй исходятъ корнями своими изъ общаго содержанiя литературы въ прошломъ.

Но съ развитiемъ русской науки, когда литература въ собственномъ смыслѣ опредѣлилась въ границахъ своего содержанiя и поставила вопросы историческаго смысла и цѣли литературнаго развитiя, передъ ней сама собой, благодаря постепенному сближенiю съ жизнью, опредѣлялась величайшая задача служить освободительнымъ идеаламъ въ самомъ широкомъ значенiи. Пониманiе этой задачи вошло, съ одной стороны, въ служенiе вы-

сочайшимъ общечеловѣческимъ принципамъ добра, любви и правды, а съ другой—въ страстное желаніе блага многомилліонной народной массѣ. Аннибалова клятва, которую давали благородные идеалисты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, посвящая свои силы служенію закрѣпощенной родинѣ, стала къ шестидесятымъ годамъ лозунгомъ честно выполняемаго гражданскаго долга русскаго писателя, воплотившаго въ звукахъ и образахъ прекрасной русской рѣчи завѣтнѣйшіе идеалы русскаго общественнаго блага. Безконечными звеньями уходя въ историческую даль, развивалась общественная стихія въ литературѣ, сверкая блёстками вольнодумной сатиры въ Екатерининскую эпоху, развертываясь во всю ширину народной мысли и чувства у Пушкина, уходя въ глубину въ исканіяхъ идеальныхъ путей у Бѣлинскаго, Тургенева, Некрасова, Добролюбова, Толстого. Въ шестидесятые и семидесятые годы, все глубже и глубже проникая въ тайники русской жизни, уяснялась та историческая преемственность литературно-общественныхъ явленій, которая съ положительностью закона открывала скрытый ходъ развитія, предшествовавшаго появленію того или другого писателя; всякій изъ нихъ естественно укладывался въ одно изъ направленій, обусловленныхъ историческимъ ходомъ и современными формами русской жизни. Литературныя случайности, которыя попытались бы создавать новыя направленія, не имѣвшія связей съ интересами реальной жизни, были бы столь же непонятны въ ту эпоху, какъ существа четвертаго измѣренія, какъ онѣ непонятны теперь съ ихъ потугами проникнуть путемъ поэтическихъ галлюцинацій въ потусторонній міръ.

Теперь уже можно судить по историческимъ итогамъ о томъ, какую роль сыграла литература въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Но этимъ освободительная задача ея еще далеко не кончена; продолжая бороться за идеи справедливости и личной свободы, за принципы общественнаго достоинства и равноправности, литература вложила много участія въ созданіе того высокаго типа интеллигенціи, основнымъ признакомъ котораго явилось такое горячее рвеніе къ вопросамъ общественнаго и народнаго блага, готовность жертвовать собою за меньшого брата во имя протеста противъ всяческаго стѣсненія и произвола. Въ современной неразборчивой прессѣ зачастую можно встрѣчать недостойныя и пошлыя выходки противъ русской интеллигенціи, упреки ея въ равнодушіи и оппортунизмѣ. Голоса эти принадлежатъ или представителямъ низкихъ общественныхъ побужденій, или невѣждамъ, которые не видали истинной русской интеллигенціи

и приняли за нее столь расплодившееся въ наше смутное время интеллигентное „мѣщанство“. Истинная интеллигенція—та, въ которой сосредоточивается фокусъ нашей общественной совѣсти, которую уважаютъ даже ея враги, но о которой нельзя говорить, прежде чѣмъ дѣянія ея не отойдутъ въ область историческихъ фактовъ. Эта интеллигенція, болѣе чувствуемая по своему вліянію, чѣмъ играющая роль на поверхности моря житейскаго, была создана по преимуществу освободительной литературой шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Въ ней чувствовалась сдавленная мощь, крѣпкая убѣжденность и непоколебимая вѣра въ лучшее будущее.

Обстоятельства 80-хъ годовъ оказались сильнѣе вліянія этой интеллигенціи. Начался разбродъ общественной мысли, яркіе идеалы задернулись мутной пеленой безвременья и безвѣрья. Жизнь словно остановилась въ своемъ теченіи, запросы просвѣщенія не получали исхода, запросамъ художественной мысли недоставало простора и свѣта. Голоса интеллигентовъ предыдущаго десятилѣтія естественно и неестественно замолкали, въ литературѣ водворялась анархія въ смыслѣ руководящихъ политическихъ и общественныхъ принциповъ. Голосами въ обществѣ и литературѣ завладѣли новые люди, отрекшіеся отъ литературныхъ традицій отцовъ и дѣдовъ и водворившіе въ литературѣ торжество новыхъ вѣяній въ сферѣ пониманія искусства, его общественной роли, содержанія и формы.

Къ концу 80-хъ годовъ, когда разрывъ литературы съ жизнью сдѣлался фактомъ, на литературномъ поприщѣ появился А. П. Чеховъ.

II.

Какъ мы уже замѣтили выше, произведенія Чехова вызвали обширную критическую литературу. Эта литература поражаетъ больше количествомъ, чѣмъ глубиной, обстоятельностью и разнообразіемъ сужденій. Почти всѣ критики сходятся на признаніи Чехова великимъ, даже европейскимъ писателемъ, придаютъ ему высокое идейное и художественное значеніе, какъ художнику сѣрыхъ, безпросвѣтныхъ сторонъ русской дѣйствительности, слагающихся въ общую картину такой томительной скуки и безъисходной пошлости, обывательскаго переползанія изо дня въ день, которое совершенно поглощаетъ личность и дѣлаетъ безплодными ея попытки вырваться изъ заколдованнаго круга.

Въ частности же для характеристики Чехова интересны

два-три мнѣнія, касающіяся вопроса по существу и сдѣлавшіяся исходными пунктами для большинства журнальныхъ статей, принадлежащихъ авторамъ, которые пуще всего боятся упрека въ отсталости и въ непониманіи новѣйшихъ литературныхъ теченій.

По мѣткости и сжатости опредѣленія основныхъ свойствъ Чеховскаго таланта первое мѣсто занимаетъ, по нашему мнѣнію, статья Н. К. Михайловскаго по поводу сборника разсказовъ Чехова, подъ заглавіемъ: „Хмурые люди". Писатель, художественная прозорливость котораго можетъ не признаваться только тѣми, кто не читалъ его блестящихъ статей, отмѣтилъ въ Чеховѣ его несомнѣнную талантливость, берущую свои соки изъ того литературнаго поколѣнія, для котораго власть дѣйствительности была выше всего. Дѣйствительность не вообще, въ міровомъ или философскомъ смыслѣ, но ея сегодняшній день, ея конкретная сущность, потому что даже ближайшее прошлое этой дѣйствительности уже не удостоивалось признанія со стороны людей этого поколѣнія, заявлявшихъ, что идеалы отцовъ и дѣдовъ были надъ ними безсильны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикъ указывалъ въ этой статьѣ, что, исключая „Скучной Исторіи", прочіе разсказы этого сборника отличаются случайностью въ выборѣ темъ и отсутствіемъ жизни и теплоты въ содержаніи. Г. Михайловскій поставилъ бы, по его словамъ, въ заглавіи сборника не „хмурыхъ людей", но „холодную кровь": это символизировало бы, что Чеховъ съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ его. Жизненность „Скучной исторіи", въ противоположность прочимъ разсказамъ, г. Михайловскій объясняетъ тѣмъ, что въ него вложена „авторская боль". Г. Чеховъ талантливъ, а талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость дѣйствительности, долженъ ущемляться тоской по тому, „что называется общей идеей или богомъ живого человѣка". И критикъ высказываетъ пожеланія, что если Чеховъ не можетъ выработать своей собственной общей идеи, то пусть онъ останется хотя поэтомъ тоски по общей идеѣ, поэтомъ мучительнаго сознанія ея необходимости.

„Палата № 6" и такіе разсказы, какъ „Черный монахъ", „О любви", показали г. Михайловскому, что поэзія тоски возобладала въ Чеховѣ, произведенія котораго начинаютъ возбуждать другое чувство, далекое отъ прежняго добродушно-веселаго смѣха, чувство вдумчивой грусти или досады на нескладицу жизни, въ которой нѣтъ „ни нравственности, ни логики".

Гораздо рѣшительнѣе становится на сторону Чехова г. Ска-

бичевскій. Онъ сосредоточиваетъ вниманіе преимущественно на художественной сторонѣ произведеній г. Чехова и приходитъ къ выводу, что это—писатель замѣчательный по глубинѣ и художественности таланта. Онъ горячо защищаетъ г. Чехова отъ упрека въ томъ, будто г. Чеховъ увлекался, подчасъ, „лазурью небесъ" или „соловьиными трелями", а главное, будто у него нѣтъ идеаловъ. Такое обвиненіе по отношенію къ писателю представляется г. Скабичевскому отрицаніемъ „святая святыхъ" человѣка, всего его внутренняго содержанія,—отрицанію самого человѣка.

Г-ну Скабичевскому кажется невозможнымъ даже сомнѣваться въ отсутствіи идеаловъ у г. Чехова. „У г. Чехова,—говоритъ онъ,—найдете вы свои фальшивыя страницы, каковы, напримѣръ, концы его произведеній „Дуэль" и „Жена", но эти концы страдаютъ вовсе не художественнымъ индифферентизмомъ и эпикурействомъ и не отсутствіемъ идеаловъ, а напротивъ того, тѣмъ крайнимъ идеализмомъ, который полагаетъ, что вѣра и любовь въ буквальномъ смыслѣ двигаютъ горами, и что самому отпѣтому негодяю ничего не стоитъ, подъ ихъ вліяніемъ, обратиться въ рыцаря безъ страха и упрека".

Утверждая крайній идеализмъ г. Чехова, г. Скабичевскій не столько доказываетъ, сколько пространно цитируетъ его произведенія, чтобы заставить читателя прочувствовать и понять, что подобныхъ страницъ не могъ написать писатель безъ идеаловъ. Но какимъ бы восторженнымъ поклонникомъ г. Чехова ни являлся г. Скабичевскій, самая возможность постановки вопроса о томъ, есть или нѣтъ идеалы у писателя, ясно показываетъ, что по этому вопросу у г. Чехова не все обстоитъ благополучно. Вѣдь кому же придетъ въ голову сомнѣваться въ отсутствіи идеаловъ у Гоголя или Салтыкова? И не представляетъ ли опасности вообще возможность двоякаго отношенія къ идеализму г. Чехова? Вѣдь безотносительная цѣнность идеаловъ въ томъ и заключается, что писатель дѣлаетъ ихъ яркими какъ солнце, разгоняетъ передъ ними туманъ и тучи, застилающіе ихъ блескъ въ глазахъ обыкновеннаго человѣка. Къ чему они, если они не ясны, не свѣтятъ намъ и не грѣютъ, не поднимаютъ нашего взора къ далекимъ, пусть даже недостижимымъ, небесамъ, гдѣ бы духъ нашъ, хотя бы на время, озарился вѣчнымъ сіяніемъ красоты и стряхнулъ съ себя томленіе и копоть повседневной обывательской жизни? Къ чему они, если они не освѣтятъ передъ нами ни одной пяди земли, которую мы не могли бы отвоевать у темныхъ силъ жизни, чтобы положить на нее хотя бы одинъ камень для будущаго маяка человѣческаго счастья,—мы гово-

римъ — маяка, потому что людямъ самимъ, не разсчитывая на помощь извнѣ, приходится устроивать свою жизнь, а солнце попрежнему недосягаемо высоко, а тучи будутъ попрежнему надолго скрывать его отъ нашего взора, и вселенной, съ ея миріадами звѣздъ и міровъ, попрежнему не будетъ никакого дѣла до того, какія страданія разрываютъ человѣческое сердце, какая братоубійственная война ведется на убогомъ, удаленномъ отъ источника жизни, грязномъ комочкѣ земли! И, наконецъ, дѣло вовсе не въ томъ, есть или нѣтъ идеалы у писателя, а въ томъ, какія идеальныя стремленія, сознательно или безсознательно, вызываетъ онъ своими произведеніями въ душѣ читателя. Онъ — одинъ, а читателей — тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ. И если окажется, что — никакихъ, или неясныя, двойственныя, ведущія чувство жизни къ ущербу, то это значитъ, что такой писатель не нуженъ или мало нуженъ для общества, что его вліяніе поверхностно, скоропреходяще, а успѣхъ основанъ на неразборчивости читателей.

Критикамъ приходилось возводить, по поводу идеализма г. Чехова, сложныя и затѣйливыя построенія. Г-нъ Волжскій, въ своей интересной книгѣ о г. Чеховѣ, потратилъ много таланта и вдумчивости на изученіе внутренняго смысла его произведеній. Г-нъ Волжскій признаетъ г. Чехова тоже крайнимъ идеалистомъ, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ полагаетъ г. Скабичевскій. По терминологіи г. Волжскаго, г. Чеховъ не оптимистическій идеалистъ, а пессимистическій, или, какъ бы сказалъ г. Андреевичъ, „героическій пессимистъ". Лучшія произведенія г. Чехова представляются г. Волжскому глубоко проникнутыми настроеніемъ безнадежнаго идеализма, который признаетъ нравственную цѣнность идеала, но не находитъ путей къ его осуществленію въ дѣйствительной жизни. „Еслибы у Чехова не было этого чрезвычайно высокаго идеала, съ недосягаемой высоты котораго онъ расцѣниваетъ дѣйствительность, онъ не могъ бы видѣть всей пошлости, тусклости, сѣрости, всей мизерности ея. Поэтому, вполнѣ правъ Скабичевскій, когда онъ говоритъ: „подумайте, развѣ есть какая-нибудь возможность выставить всѣ безобразія какихъ-либо явленій и вопіющее отступленіе ихъ отъ идеаловъ, разъ художникъ не хранитъ этихъ идеаловъ въ душѣ своей, не проникнутъ ими?"

Это говоритъ г. Волжскій и, вслѣдъ за г. Скабичевскимъ, указываетъ у г. Чехова на „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка", какъ на одно изъ лучшихъ произведеній, въ которомъ сказался этотъ пессимистическій идеализмъ. Прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ мы-

слей г. Волжскаго. По его словамъ, г. Чеховъ не выдерживаетъ своего пессимистическаго идеализма, и настроеніе это очень часто смѣняется у него прямо противоположнымъ. Непримиримый идеализмъ, протестующій противъ пошлости дѣйствительности, переходитъ у него въ пантеизмъ, рабски поклоняющійся ей. Оба настроенія уживаются рядомъ въ г. Чеховѣ и, по своей рѣзкой противоположности, сказываются то борьбой, то возобладаніемъ одного настроенія надъ другимъ. Пантеистическое оправданіе дѣйствительности критикъ отмѣчаетъ у г. Чехова и въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, причемъ выражается оно не только уже въ безразличіи темъ, на что указывалъ еще г. Михайловскій, называвшій по этому поводу г. Чехова „даромъ пропадающимъ талантомъ", но—„что гораздо важнѣе, въ общемъ тонѣ разсказовъ, заключительныхъ авторскихъ вставкахъ, раскрывающихъ основные мотивы настроенія писателя, наконецъ, въ многочисленныхъ тирадахъ героевъ, представляющихъ собой подчасъ цѣлые гимны во славу всеоправдывающаго пантеизма".

Въ подтвержденіе этого пантеистическаго теченія въ міросозерцаніи г. Чехова авторъ приводитъ нѣсколько цитатъ и, между прочимъ, изъ монолога „Чайки"—одно изъ наиболѣе фантастическихъ мѣстъ. Тамъ Чайка говоритъ о себѣ: „тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахѣ, и вѣчная матерія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, а души ихъ всѣхъ слились въ одну. Общая міровая душа—это я... я... Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней піявки. Во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой я переживаю вновь..." Заключительныя слова Сони („Дядя Ваня"), въ послѣднемъ актѣ, о томъ, что слѣдуетъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя: „а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ, и тамъ, за гробомъ, мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалился надъ нами...",—эти слова критикъ разсматриваетъ точно также, какъ доказательство авторскаго пантеизма, съ точки зрѣнія котораго въ природѣ нѣтъ ничего лишняго, все имѣетъ смыслъ и нравственную цѣнность. Отсюда и вся пошлость и безсмыслица жизни, всѣ жестокости, и страданія, и обиды—все находитъ себѣ моральное оправданіе. Но время отъ временн,—такъ думаетъ г. Волжскій,—въ г. Чеховѣ просыпается обостренный героическій пессимизмъ, поднимается протестъ противъ власти дѣйствительности, является тоска по далекому, но безсильному богу. Такимъ образомъ, „скептикъ по

натурѣ, онъ (Чеховъ) все время колеблется между двухъ смутныхъ идеаловъ, то отдаваясь крайнему идеализму своего непримиримаго протеста противъ дѣйствительности, то увлекаясь радостнымъ пантеистическимъ поклоненіемъ существующему. Обѣ крайнія точки, два нравственныхъ полюса, между которыми варьируетъ общій тонъ повѣстей, разсказовъ и драмъ г. Чехова, образуютъ какъ бы его десницу и шуйцу, подобно десницѣ и шуйцѣ, указанной г. Михайловскимъ у гр. Л. Н. Толстого. Десница—это пессимистическій идеализмъ г. Чехова; но даже и десница его безсильна и безпомощна; идеалъ г. Чехова, „живой богъ" его—недосягаемо высокъ, потому-то и дѣйствительность, изображаемая въ произведеніяхъ г. Чехова, такъ ничтожна — жалка, убога, сѣра и безцвѣтна. Ее обезцвѣчиваетъ, обезцѣниваетъ именно высокій идеалъ, въ виду котораго она кажется такой жалкой и убогой..." Словомъ, г. Чеховъ десницы имѣетъ идеалъ, но не вѣритъ въ его фактическое могущество.

Всеоправдывающій пантеизмъ г. Чехова, являющійся его шуйцей, вызывалъ, однако, иное отношеніе со стороны другихъ критиковъ. Г-нъ Оболенскій видѣлъ въ этой сторонѣ творчества г. Чехова величайшее достоинство художника, который любитъ и жалѣетъ все и вся на свѣтѣ: изображаетъ, молъ, Чеховъ все мелкое, маленькое, обыденно-страждущее, неслышно-плачущее— и испытываетъ самъ любящую жалость ко всему на свѣтѣ, а глядя на него, и мы жалѣемъ и любимъ это. Но любить всѣхъ— значитъ—не любить никого, и г. Волжскій справедливо замѣчаетъ, что эта любящая жалость ко всему на свѣтѣ весьма часто переходитъ просто въ нравственное равнодушіе, къ которому такъ примѣнимы слова Писанія: „Знаю твои цѣли, что ни холоденъ ты, ни горячъ. О, еслибы ты былъ или холоденъ, или горячъ. Но такъ какъ ты тепловатъ, и ни горячъ, ни холоденъ,—извергну тебя изъ устъ моихъ".

Этюдъ г. Волжскаго написанъ, повторяемъ, вдумчиво и увлекательно, но мы не будемъ слѣдить за ходомъ его мыслей въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ не будемъ останавливаться на многочисленныхъ оцѣнкахъ другихъ критиковъ, такъ какъ онѣ не даютъ для нашей цѣли ничего особенно существеннаго. Не легко разобраться и въ этихъ положеніяхъ. А разобраться нужно, чтобы подойти, наконецъ, къ г. Чехову безъ предубѣжденія и апріорныхъ взглядовъ. Итакъ, за исключеніемъ сдержаннаго отзыва г. Михайловскаго, послѣдующая критика дружно и съ разныхъ сторонъ вознесла Чехова на завидную для писателя высоту. Г-нъ Чеховъ—великій писатель обыденной, пошлой дѣйствитель-

ности, картины которой такъ неотразимо дѣйствуютъ на читателя въ извѣстномъ направленіи, что онъ, въ конечномъ итогѣ, неминуемо долженъ воскликнуть: „нѣтъ, больше такъ жить невозможно!“ Такихъ картинъ не можетъ создавать художникъ, не имѣющій въ душѣ высокихъ идеаловъ,—слѣдовательно, эти идеалы у него есть. Они проявляются въ томъ теченіи творчества г. Чехова, которое исключаетъ возможность пантеистическаго примиренія съ жизнью и проникнуто глубокимъ „героическимъ“ пессимизмомъ. Источникъ его кроется въ безсиліи того живого бога, въ котораго вѣритъ г. Чеховъ...

Критика построила прекрасное зданіе, но едва-ли оно продержится долго. Главная техническая ошибка этой критики заключается въ томъ, что она примѣнялась къ тому матеріалу, который давалъ ей писатель, а не исходила изъ общихъ требованій искусства, соціологіи, этики, прогресса. Не положивъ основанія, она занялась отдѣлкой фасада и устремилась вверхъ, вслѣдъ за воздушными башнями, готовыми убѣжать въ небеса... И незамѣтно для себя она стала частной, „чеховской“ критикой, утративъ точку зрѣнія широкаго историко-литературнаго изслѣдованія и сопоставленія.

Критика эта говоритъ: г. Чеховъ написалъ поразительную (пусть такъ) картину пошлости и скуки, слѣдовательно—у него есть идеалы въ любомъ пониманіи этого слова. Безусловенъ ли этотъ выводъ? Едва ли. Вѣдь если разсуждать такъ, то придется, во всякомъ творчествѣ, отбросить ту часть, которая относится на долю непосредственнаго отраженія дѣйствительности, того подражанія природѣ, которое находится въ прямой зависимости отъ наблюдательности художника и нерѣдко сказывается безсознательнымъ техническимъ мастерствомъ. Чѣмъ обыденно-реальнѣе изображенія, чѣмъ ближе охватываютъ они конкретныя формы жизни, чѣмъ тоньше техническіе навыки, тѣмъ труднѣе становится наблюдать высоту духовнаго подъема въ творчествѣ художника. Иногда о ней можно судить еще по степени типичности, какъ, напримѣръ, у Гоголя, Диккенса, Салтыкова; но мы затруднились бы сказать это относительно г. Чехова, изображенія котораго конкретно-жизненны, но въ поражающемъ большинствѣ случаевъ отнюдь не типичны. Развѣ большей невѣроятностью будетъ допустить, что процессъ творчества г. Чехова напоминаетъ собою, mutatis mutandis, то, какъ создавалъ Обломова или Сашеньку Адуева Гончаровъ, рисовавшій просто потому, что рисовалось, не задумываясь надъ тѣмъ, что изъ этого выйдетъ? И когда выходило то, чего не ожидалъ художникъ, когда получалась произвольно выли-

вавшаяся и не менѣе „чеховской“ (во всякомъ случаѣ) поразительная картина пошлости и скуки, то о чемъ должна была прежде всего подумать критика: о самой картинѣ, идейномъ и общественномъ значеніи ея, объ особенностяхъ таланта, или же о томъ, были ли въ душѣ художника идеалы, *которыми онъ мучился*, и если были, то каковы? Кажется, двухъ отвѣтовъ тутъ быть не можетъ, и въ частности, на примѣрѣ Гончарова, можно наглядно убѣдиться, насколько предпочтительнѣе заниматься его картинами, оставивъ въ покоѣ тѣ изъ его идеаловъ, которые были неразборчивы, неясны и, можетъ быть, весьма непривлекательны при ближайшемъ знакомствѣ. И всѣ ли писатели, изображающіе пошлость жизни, мучаются своими идеалами, т.-е. ихъ несоотвѣтствіемъ съ изображеніемъ дѣйствительности, какъ мучился когда-то Гоголь? Мы не побоимся спросить: напримѣръ, г. Лейкинъ, писатель, безспорно, умный и не безъ таланта, мучится ли онъ „конфликтомъ идеала съ дѣйствительностью“, и почему не возникаетъ вопроса объ его идеалахъ? А что, если онъ отъ души самъ же смѣется надъ своими изображеніями и думаетъ больше о мѣткости и остротѣ, чѣмъ объ идеалахъ, что весьма похоже на правду?

Нѣтъ, лучше оставить въ покоѣ душу художника съ ея идеалами, которые не раскрываются отчетливо и самопроизвольно уму и сердцу читателя. Лучше, не мудрствуя лукаво, вглядѣться въ конкретную сущность его произведеній, вдуматься въ жизнь и людей, изображенныхъ имъ, и дать себѣ посильный отвѣтъ: чѣмъ являются эти произведенія въ художественномъ отношеніи и каково заключающееся въ нихъ зерно нравственнаго и общественнаго прогресса?

III.

Итакъ, рѣчь пойдетъ о художественномъ и общественномъ достоинствѣ произведеній г. Чехова.

Охватить содержаніе его произведеній нелегко. Чѣмъ бы это ни объяснялось,—миніатюрностью ли изображеній, или монотонностью колорита, но разсказы г. Чехова, если ихъ читать подрядъ, сливаются, въ концѣ концовъ, въ одно сѣрое пятно, безъ опредѣленныхъ очертаній, безъ рельефныхъ образовъ, безъ волнующихъ настроеній и неожиданно вдохновенныхъ штриховъ. Нужно большое усиліе памяти, чтобы запомнить огромную галерею портретовъ и удержать въ головѣ хотя бы наиболѣе характерныя черты изъ внутреннихъ и внѣшнихъ положеній, сюжетовъ

и деталей обстановки. Критики любятъ сравнивать г. Чехова съ Мопассаномъ. Мопассанъ любилъ прибѣгать къ формѣ новеллъ, говорятъ они, между прочимъ; новелла же является и излюбленной формой литературнаго повѣствованія у Чехова. Но за этой внѣшней чертой, которая, сама по себѣ, слишкомъ ничтожный мотивъ для сопоставленія, критики упускаютъ другую, которая дѣлаетъ это сопоставленіе невозможнымъ. У Мопассана, въ прямую противоположность г. Чехову, несмотря на единство настроенія, разсказы никогда не сливаются въ одну общую массу, образы колоритны и ярки, положенія индивидуальны, и обстановка настолько тѣсно сливается съ героями разсказовъ, что воспоминаніе о нихъ даетъ не одинокіе портреты, но цѣльныя картины жизни съ мельчайшими подробностями, которыя какъ бы составляютъ часть ихъ самихъ. О г. Чеховѣ этого нельзя сказать.

Одинъ изъ критиковъ, говоря о г. Чеховѣ, употребилъ выраженіе: „мягкій карандашъ“. Удачнѣе этой характеристики трудно что-нибудь придумать. Этимъ выраженіемъ опредѣлилась вся литературная манера Чехова—мягкость тоновъ, неясность контуровъ, тщательная отдѣлка однѣхъ деталей, капризная незаконченность другихъ, и все это тонетъ въ столь же мягкой дымкѣ какой-то необъяснимой меланхоліи и безразличія, которая забирается въ душу читателя, какъ вечернія сумерки крадущейся осени, какъ напоминаніе о неизбѣжной старости и смерти...

Это—первое свойство таланта г. Чехова, таланта, отрицаніе котораго было бы такимъ же заблужденіемъ, какъ и господствующее въ настоящее время неумѣренное преувеличеніе его размѣровъ. Въ образованіи этого таланта на долю органической способности, самородной артистической „жилки“ приходится, кажется, столько же, сколько нужно отнести къ изумительной выработкѣ, упорному многолѣтнему труду въ опредѣленномъ направленіи, въ тщательной заботѣ о томъ, чтобы придать штрихамъ законченность и округлость. И каждый новый томъ произведеній Чехова доказываетъ, что эта работа еще продолжается, что техника владѣетъ еще писателемъ больше, чѣмъ писатель ею, и только съ того момента, когда она перестанетъ стоять между художникомъ и жизнью, его талантъ и міросозерцаніе свободно и всесторонне выльются въ искусствѣ.

Этотъ моментъ еще, кажется, не наступилъ, но онъ приближается, судя по тому, насколько г. Чеховъ ушелъ впередъ отъ первоначальныхъ, можно сказать—ученическихъ набросковъ и рисунковъ. Къ настоящему же моменту, почти всѣ произведенія г. Чехова,

не исключая и самыхъ прославленныхъ, представляются намъ массой эскизовъ, среди которыхъ есть превосходно сдѣланные, но ни одинъ еще не перешелъ въ законченную художественную картину. Мы сказали бы, что талантъ Чехова эскизенъ по самой природѣ своей, еслибы не придавали этому эпитету его буквальнаго значенія, естественно понижающаго качество таланта до невозможности вывести писателя на дорогу настоящаго художественнаго мастерства, и еслибы не предполагали, что такое опредѣленіе могло бы оказаться преждевременнымъ, и потому невѣрнымъ.

Въ этомъ отношеніи г. Чеховъ далеко не единственное явленіе въ русской литературѣ, но онъ счастливѣе многихъ изъ своихъ современниковъ. Уже при самомъ появленіи своемъ на литературномъ поприщѣ, онъ встрѣтилъ внимательную и снисходительную критику своихъ произведеній, которая должна была помочь ему глубже вникнуть въ свои изображенія и свойства таланта. Но самому писателю слѣдовало быть строже къ себѣ при изданіи впослѣдствіи полнаго собранія своихъ сочиненій и многое изъ первыхъ томиковъ оставить на долю литературной извѣстности г. Антона Чехонте. Г-нъ Чеховъ не могъ бы сказать, относя къ себѣ слова Пушкина о художественномъ твореніи:

„Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ“...

Разница слишкомъ большая въ исторической обстановкѣ читателей и художниковъ. Въ наши дни толпу скорѣе можно обвинять въ большой подчасъ неразборчивости художественныхъ вкусовъ, а художниковъ — въ излишнемъ самодовольствѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ признаніемъ своихъ заслугъ въ знаменитой Гораціевой одѣ.

Но, какъ бы ни было, изъ полнаго собранія г. Чехова нельзя выбросить тѣхъ разсказовъ, наполняющихъ первые томы, которые съ несомнѣнной наглядностью убѣждаютъ, что юморъ и остроуміе не подъ силу таланту г-на Чехова. Мы могли бы привести сотню примѣровъ, насколько тяжеловѣсенъ и зачастую грубъ юморъ г. Чехова, насколько его стремленіе быть остроумнымъ оказывалось безсильной и жалкой претензіей. Но раньше насъ это было уже указано въ превосходной статьѣ К. К. Арсеньева, напечатанной на страницахъ „Вѣстника Европы“ при появленіи первыхъ сборниковъ разсказовъ г-на Чехова. Въ ней былъ отмѣченъ преимущественно анекдотическій элементъ „Пестрыхъ раз-

сказовъ", легковѣсность, неправдоподобіе. „Невозможное бываетъ иногда смѣшнымъ—и ради смѣшного г. Чеховъ не отступаетъ передъ невозможнымъ,—говоритъ г. Арсеньевъ.—Понятно, что комизмъ получается въ такихъ случаяхъ очень невысокій". Главное—комизмъ не внутренній, а чисто внѣшній. Товарищъ прокурора, надѣвшій въ потемкахъ вмѣсто халата шинель пожарнаго, котораго спрятала кухарка; ораторъ, произносящій надгробную рѣчь, не зная, кто лежитъ въ гробу, и называя его именемъ присутствующаго здѣсь сослуживца покойнаго; пресловутый пошлый романъ съ контрабасомъ; бракъ по разсчету; „Канитель", „Произведеніе искусства", „Средство отъ запоя",—безполезно пересказывать ихъ сюжеты,—вотъ тотъ комизмъ, которымъ заявилъ себя г. Чеховъ въ первоначальной своей литературѣ.

Убѣдившись, вѣроятно, въ отсутствіи глубокаго и тонкаго юмора, какимъ долженъ быть истинно художественный юморъ, г. Чеховъ перешелъ къ другому, прямо противоположному освѣщенію изображаемыхъ сторонъ жизни, сосредоточивъ свое вниманіе на ея унылыхъ и скучныхъ явленіяхъ. Разсказъ за разсказомъ, повѣсть за повѣстью стали раскрывать гнетущія картины безпросвѣтныхъ будней человѣческой души, гдѣ страданія и радости, стремленія и интересы—все мелко, пошло,—и отъ картинъ этихъ повѣяло на читателя дѣйствительно невыносимымъ уныніемъ и скукой. Но въ этой специальной „чеховской" скукѣ слились нераздѣльно два начала, которыя давно слѣдовало разграничить для пониманія писателя: скуку жизни въ качествѣ объекта художественнаго наблюденія—въ сферѣ самой сущности жизненныхъ явленій, и скуку, такъ сказать, самого художника, соединеніе его личнаго пессимизма съ извѣстнымъ направленіемъ художнической кисти и сознательнымъ подборомъ красокъ.

Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду изображенія жизни русской интеллигенціи, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ чисто-бытовыми картинами. О нихъ будетъ рѣчь особо.

Итакъ, извѣстная группа разсказовъ г. Чехова повела къ образованію особаго литературно-общественнаго понятія — „чеховской" скуки. И для этого были свои мотивы. Конечно, изображать скуку жизни еще не значитъ изображать ее скучно. У Чехова же это именно такъ. Изображаетъ ли онъ несчастнаго гимназиста, кончающаго самоубійствомъ, доктора ли, который ударилъ фельдшера и мучится противорѣчіями жизни; описываетъ ли тягучій степной пейзажъ, рисуетъ ли вздорную свѣтскую куклу,—ото всего вѣетъ на читателя не скукой самихъ описаній и картинъ, не апатіей безлюдья и холодомъ безвѣрья, но тяжестью рамъ, сдавившихъ

картины, уныніемъ авторскаго настроенія, существующаго какъ-то отдѣльно, и потому не мотивированнаго, и тяжелой тучей вися щаго надъ описаніемъ. Оттого самыя картины кажутся читателю далекими, безжизненными и холодными. Въ пейзажѣ нѣтъ движенія, человѣческія фигуры остановились, застыли въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ оставилъ художникъ, и не оживаютъ въ душѣ читателя, не вмѣшиваются властно въ міръ его чувствъ и идей, а мыслятся имъ какъ-то отдѣльно, теоретично, безъ участія сердца. Мертвенность жизни, пошлость и скуку можно изображать жизненно. Русская литература знаетъ примѣры, когда художники неистово смѣялись надъ своими произведеніями, хохотали надъ тѣмъ, что составляло предметъ ихъ изображенія, но послѣ въ душѣ читателя ихъ смѣхъ отдавался горькими слезами: передъ читателями выступала изъ рамокъ авторскаго смѣха горькая правда жизни, поражавшая трагизмомъ, своей безнадежной удаленностью отъ идеала. И чѣмъ глубже вдумывался читатель въ эту жизненную правду, тѣмъ больше видѣлъ въ ней недававшійся ему, какъ отдѣльной личности, философскій смыслъ жизни и тѣмъ болѣе забывалъ о присутствіи автора, сближая разстояніе, при которомъ творчество переходитъ въ жизнь.

Таковы послѣднія произведенія Толстого. Но далеко не то у г. Чехова: въ изображаемой имъ скукѣ не чувствуется того высшаго трагизма, который призываетъ къ суду человѣческую совѣсть; жизнь рисуется передъ нимъ не въ своей непосредственной сущности, но сквозь густую сѣть личнаго унынія. Конечно, и само по себѣ грустно, когда г. Чеховъ напоминаетъ намъ, что на свѣтѣ есть много обездоленныхъ и нищихъ духомъ, что въ жизни бываетъ много огорченій и неудачъ, что есть въ ней неумные и пошлые люди, циники и черствые эгоисты, но за ихъ черствость, пошлость, глупость, за ихъ страданія, за ихъ тоску и уныніе намъ не становится совѣстно передъ самими собою, мы отвлеченно страдаемъ отъ обще-мірового несовершенства вещей, но не отъ того ближайшаго, частнаго, которое было создано нашими руками, за которое мы могли бы считать себя повинными, которое мы хотѣли бы исправить.

Этого высшаго трагизма нѣтъ въ мотивахъ творчества г. Чехова, какъ не было и истиннаго юмора,—и это коренная черта.

Возьмемъ одно изъ произведеній г. Чехова, которое въ этомъ отношеніи должно быть самымъ яркимъ—по замыслу автора. Это— „Скучная исторія“, изъ записокъ стараго человѣка. Старый человѣкъ—здѣсь разсказъ ведется отъ его имени—лѣтъ тридцать профессорствовалъ въ столичномъ университетѣ, пріобрѣлъ популяр-

ное имя въ Россіи и заграницей, былъ счастливъ въ своей дѣятельности, увлекался наукой и чтеніемъ лекцій, но на старости лѣтъ съ нимъ произошло нѣчто для него странно-непонятное. „Во мнѣ происходитъ нѣчто такое,—жалуется онъ своей воспитанницѣ Катѣ,—что прилично только рабамъ: въ головѣ моей день и ночь бродятъ злыя мысли, а въ душѣ свили себѣ гнѣздо чувства, какихъ я не зналъ раньше. Я и ненавижу, и презираю, и негодую, и возмущаюсь, и боюсь. Сталъ не въ мѣру строгъ, требователенъ, раздражителенъ, нелюбезенъ, подозрителенъ. Даже то, что прежде давало мнѣ поводъ сказать лишній каламбуръ и добродушно посмѣяться, родитъ теперь тяжелое чувство. Измѣнилась во мнѣ и моя логика: прежде я презиралъ только деньги, теперь же питаю злое чувство не къ деньгамъ только, а къ богачамъ, точно они виноваты; прежде ненавидѣлъ насиліе и произволъ, а теперь ненавижу людей, употребляющихъ насиліе, точно виноваты они одни, а не всѣ мы, которые не умѣемъ воспитывать другъ друга. Что это значитъ? Если новыя мысли и новыя чувства произошли отъ перемѣны убѣжденій, то откуда могла взяться эта перемѣна? Развѣ міръ сталъ хуже, а я лучше, или раньше я былъ слѣпъ и равнодушенъ? Если же эта перемѣна произошла отъ общаго упадка физическихъ и умственныхъ силъ — я вѣдь боленъ и каждый день теряю въ вѣсѣ,—то положеніе мое жалко: значитъ, мои новыя мысли ненормальны, нездоровы, я долженъ стыдиться ихъ и считать ничтожными“...

Старый профессоръ добирается до истины: онъ утомленъ жизнью, недугъ овладѣлъ имъ, существованіе окрашивается мрачнымъ цвѣтомъ, появляется старческое брюзжаніе: „мнѣ кажется почему-то,—говоритъ онъ,—что если я поропщу и пожалуюсь, то мнѣ станетъ легче“.

Всѣ признаки на лицо, но Катя успокоиваетъ его: по ея мнѣнію—болѣзнь тутъ ни при чемъ, у Николая Степановича просто открылись глаза на то, что творится у него въ семьѣ. Она ненавидитъ его жену и дочь и совѣтуетъ окончательно порвать съ семьей. Николай Степановичъ резонно возражаетъ ей, что она говоритъ нелѣпость, но не замѣчаетъ, что нелѣпости эти не случайны, и что Катя, вообще говоря, и сама человѣкъ не особенно умный. Послушайте, что она говоритъ объ университетѣ человѣку, который сроднился съ нимъ и тридцать лѣтъ чувствовалъ себя въ немъ полезнымъ и счастливымъ: „Что онъ вамъ? Все равно никакого толку. Читаете вы уже тридцать лѣтъ, а гдѣ ваши ученики? Много ли у васъ знаменитыхъ ученыхъ?

Сочтите-ка. А чтобы размножать этихъ докторовъ, которые эксплоатируютъ невѣжество и наживаютъ сотни тысячъ, для этого не нужно быть талантливымъ и хорошимъ человѣкомъ. Вы лишній". По отношенію къ старому профессору эти слова безсмысленны и жестоки, если только говорящій ихъ не отрицаетъ въ корнѣ науку, врачей, пользу общественной дѣятельности. Но Катя, взбалмошная и нервозная бездѣльница, далека отъ общаго отрицанія, какъ и утвержденія чего-нибудь; она просто не отдаетъ себѣ отчета и говоритъ, что взбредетъ въ голову, чаще всего недоброе и злобное, потому что сама она нездорова и озлоблена пустотой и безцѣльностью своей, Катиной, жизни.

Разсказъ продолжается неровно, съ отвлеченіями въ сторону; интересъ основной темы не можетъ угнаться за внѣшнимъ ходомъ повѣствованія. Старый профессоръ продолжаетъ анализировать себя, но, не добираясь до причинъ, проявляетъ все болѣе и болѣе признаки болѣзненнаго старческаго недовольства. Современная литература представляется ему не литературой, а своего рода кустарнымъ промысломъ, будто бы существующимъ для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его издѣліями. Французскія книжки лучше, но и въ нихъ рѣдко можно найти главный элементъ творчества—чувство личной свободы. „Одинъ (авторъ) боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя и по рукамъ, и по ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно теплое отношеніе къ человѣку, четвертый нарочно цѣлыя страницы размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозности"... Николай Степановичъ не замѣчаетъ, насколько неопредѣленны и безпочвенны эти обвиненія, подсказанныя болѣзненной тревогой души, готовой предъявить къ литературѣ невозможное требованіе—вернуть ему здоровье, силы и молодость. Лѣтъ двадцать-пять назадъ Николай Степановичъ съ удовольствіемъ бы прочелъ у одного изъ писателей о голомъ тѣлѣ, другого похвалилъ бы за психологическій анализъ; теперь же все это не нужно ему, а то, что ему нужно—чувство здоровой жизни—это ускользаетъ отъ него. Недоволенъ Николай Ивановичъ былъ и „*теперешними* своими учениками". Ему не нравилось, что они курятъ табакъ, употребляютъ спиртные напитки и поздно женятся; что поддаются вліянію писателей новѣйшаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно равнодушны къ такимъ классикамъ, какъ Шекспиръ, Маркъ Аврелій, Эпиктетъ, Паскаль. Всѣ затруднительные вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе общественный характеръ (напр. переселенческій), они, эти ученики его, рѣшаютъ—кажется Ни-

колаю Степановичу—только подписными листами, но не путемъ научнаго изслѣдованія и опыта,—хотя послѣдній путь находится въ полномъ ихъ распоряженіи...

Требуя такого серьезнаго образованія отъ молодыхъ людей, заслуженный профессоръ, нѣсколькими страницами ниже, даетъ поводъ предположить, что его собственное общее образованіе находится въ большомъ противорѣчіи съ этими требованіями. Онъ, видите ли, испытывалъ съ ранняго дѣтства неопредѣленный страхъ передъ „серьезными статьями“ по соціологіи, искусству и т. д., а въ старости находилъ оправданіе въ томъ, что „русскія“ серьезныя статьи, безъ всякихъ оговорокъ, казались ему невозможными для чтенія, потому что онѣ всѣ, будто бы, пишутся въ высокомѣрномъ и вообще въ дурномъ тонѣ, напоминавшемъ профессору швейцаровъ и театральныхъ капельдинеровъ, надменныхъ и величаво невѣжливыхъ. Уже эта ассоціація идей, соединявшая въ чувствѣ непонятнаго страха злополучныхъ русскихъ авторовъ съ театральной челядью, говорила за то, что если Николай Степановичъ и читалъ, по его собственному заявленію, „французскія книжки“, то эти книжки не относились ни къ соціологіи, ни къ искусству, ни къ наукамъ общеобразовательнымъ въ широкомъ смыслѣ. Напротивъ, въ немъ можно видѣть довольно заурядную личность узкаго спеціалиста, предпочитавшаго всѣмъ остальнымъ сочиненія писателей врачей и естествоиспытателей,—между прочимъ потому, что имъ были, будто бы, исключительно присущи скромность и джентльменскій покойный тонъ. Такимъ образомъ, и въ этихъ огульныхъ обвиненіяхъ представителей русской науки несомнѣнны признаки того же болѣзненнаго старческаго брюзжанія, которое стремится перенести причины своего пессимизма на окружающій міръ и получить отъ того облегченіе.

И вотъ въ этомъ состояніи, когда къ человѣку подкрадывается смерть, онъ забываетъ все, что у него было хорошаго въ жизни, трудъ и успѣхъ, т.-е. нравственное удовлетвореніе, благопріятныя внѣшнія условія и счастливые годы семейной жизни, и ему начинаетъ казаться, что прежніе шестьдесятъ-два года нужно считать пропащими, что въ его пристрастіи къ наукѣ, въ его стремленіяхъ (немножко запоздалыхъ) познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ не было чего-то общаго, что связало бы все это въ одно цѣлое. И онъ формулировалъ это такъ: „каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое

воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка.

„А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего".

Вѣренъ ли этотъ выводъ не только абсолютно, но даже по отношенію къ Николаю Степановичу? Конечно, нѣтъ. Что въ самомъ дѣлѣ перевернуло вверхъ дномъ міросозерцаніе стараго профессора, то, въ чемъ онъ многіе годы видѣлъ смыслъ и радость своей жизни? Какая-нибудь новая идея, или извнѣ возбужденная нравственная причина, или, наконецъ, разочарованіе, вызванное сильной работой критическаго ума? Нѣтъ, исканія новой идеи, можетъ быть къ счастью Николая Степановича, не было въ его жизни, и міровой вопросъ наивно и логически-неумѣло ставился слишкомъ поздно. Вопросъ о смыслѣ жизни могъ показаться безсмысленнымъ передъ раскрытой могилой, но едва ли эту постановку вопроса должны и захотятъ принять тѣ, которые живутъ и хотятъ жить во имя чего бы то ни было.

Пока у нихъ есть силы и сознаніе жизни, они не скажутъ, что пока нѣтъ *этого*, т. е. бога живого человѣка, то, значитъ, нѣтъ ничего. Они будутъ искать, сомнѣваясь и надѣясь, вѣря и разочаровываясь, и не всѣ придутъ къ тому отрицательному выводу, къ которому пришелъ изнервничавшійся, больной старикъ.

Конечно, грустно видѣть, какъ на вашихъ глазахъ мучается и умираетъ человѣкъ, но смыслъ поставленнаго Чеховымъ вопроса—не въ трагизмѣ смерти, а напротивъ, въ *трагизмѣ жизни*.

Но глубокъ ли этотъ трагизмъ, прочно ли онъ обоснованъ, абсолютенъ ли и обязателенъ ли для насъ? И можно ли выводить какое-либо общее заключеніе изъ того, что умирающій Николай Степановичъ на дикіе вопли Кати о томъ, что ей дѣлать и какъ жить дальше, отвѣчаетъ конфузливо, но по совѣсти: „не знаю". Отвѣтъ на наши вопросы могли бы намъ дать только тѣ, кто не на порогѣ смерти, а всю жизнь искали истины и наконецъ—нашли, а найдя, перестали жить такъ, какъ они прежде жили.

Еслибы Катя обратилась не къ Николаю Степановичу, а къ кому-нибудь изъ этихъ людей, то кто-нибудь, можетъ быть, отвѣтилъ бы ей такъ же, какъ отвѣчалъ всѣмъ ищущимъ истины удивительный старецъ нашихъ дней, повѣдавшій объ этой истинѣ всему міру. Онъ сказалъ бы Катѣ, что жизнь есть благо, что свѣтъ жизни находится въ ней самой, что все ея несчастье заключается въ ея исключительности, замкнутости, въ отсутствіи живыхъ органическихъ связей съ безконечнымъ міромъ человѣческихъ существъ. Онъ могъ бы указать ей на свое рѣшеніе

вопроса, и въ этомъ рѣшенiи Катя могла бы увидѣть, еслибы захотѣла понять, нѣчто невольно подчиняющее, нѣчто абсолютное, нужное и важное для жизни. „Я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ такихъ, понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, не трехъ, не десять, а сотни, тысячи, миллiоны. И всѣ они, безконечно различные по своему нраву, уму, образованiю, положенiю, всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣдѣнiю знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенiя и страданiя, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро“.

И дальше онъ могъ бы сказать Катѣ: „Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то, что происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившiя во мнѣ умиранiя и оживленiя. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ него, и я умираю“.

И,—кто знаетъ,—можетъ быть, Катя пошла бы за нимъ?

А старый профессоръ, вмѣсто всякаго отвѣта на запросы взбаламученной души, могъ предложить Катѣ только „завтракать“. Мертвый онъ былъ человѣкъ.

IV.

Интеллигенты у г. Чехова—умирающiе и мертвые люди не потому, что они много страдаютъ и не находятъ ничего радостнаго въ своемъ существованiи, но потому, что у нихъ нѣтъ именно этой общей идеи, что они сами заслоняютъ отъ себя истинное понятiе о жизни и даже въ яркiе дни не могутъ оторваться отъ своей тѣни, чтобы хоть на мигъ взглянуть на ясное, всѣмъ равно улыбающееся солнце. Всѣ они—близкiе родственники Николаю Степановичу, который, по словамъ г. Чехова, принадлежалъ къ поколѣнiю не восьмидесятниковъ, а шестидесятниковъ, дружилъ съ Пироговымъ, Кавелинымъ, Некрасовымъ, а на дѣлѣ ничѣмъ не отличается отъ всей сѣренькой галереи „чеховскихъ“ портретовъ: безхарактернаго, но черстваго инженера специалиста Павла Андреевича, доктора, который, ударивъ фельдшера, никакъ не справится съ своимъ настроенiемъ и повторяетъ только, что—„все устроено глупо, глупо, глупо“, даже студента Васильева, умѣвшаго отражать въ своей душѣ чужую боль, но дальше припадковъ и слезъ не шедшаго въ своемъ

протестѣ. И снова г. Михайловскій былъ тысячу разъ правъ, когда указывалъ, что имена знаменитыхъ шестидесятниковъ ничего не объясняли въ Николаѣ Степановичѣ. Стоитъ только, дѣйствительно, припомнить автобіографію Пирогова, литературную дѣятельность Кавелина, Некрасова, біографіи другихъ русскихъ людей того завѣтнаго времени—Бѣлинскаго, Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, чтобы видѣть, что отсутствіе общей идеи было для нихъ всего менѣе характернымъ. „Люди—всегда люди,—писалъ по этому поводу г. Михайловскій.—Они и въ тѣ времена падали, уклонялись отъ своего бога, становились въ практическое противорѣчіе сами съ собой, но они всегда, по крайней мѣрѣ, искали „общей идеи", и никоимъ образомъ нельзя сказать о нихъ, какъ говоритъ о себѣ Николай Степановичъ, — что они только передъ смертью опомнились. Пусть ихъ общія идеи, эти нынѣ по-дѣтски отвергаемые идеалы отцовъ и дѣдовъ были на тотъ или другой взглядъ ложны, неосновательны, недостаточно выработаны, все, что хотите, но они были или же составляли предметъ жадныхъ поисковъ". Итакъ, напрасно Чеховъ старческимъ возрастомъ Николая Степановича думаетъ скрасить преждевременную хилость мысли и чувства тѣхъ современниковъ автора, которые являются излюбленными героями его произведеній. Изображенія ихъ раннихъ старческихъ немощей, ихъ преждевременныхъ умираній, вѣроятно, весьма любопытны для медицинской и, въ частности, психіатрической науки, но для дѣла жизни, для раскрытія основныхъ нравственныхъ пружинъ нашего существованія они едва ли нужны, потому что эти люди думали не о томъ, какъ жить, но о томъ, какъ они будутъ умирать и, такимъ образомъ, облегчали работу не жизни, а смерти.

Вѣроятно, превосходный психіатрическій анализъ представляетъ собою столь прославленная „Палата № 6". Въ ней много грустнаго, но ничего трагическаго въ смыслѣ столкновенія идеала съ дѣйствительностью. Гнетущее впечатлѣніе производитъ больница для сумасшедшихъ, описанная съ такой обстоятельностью и даже любовью, какъ это можетъ сдѣлать только писатель-врачъ. Въ эту больницу попадаетъ страдающій маніею преслѣдованія чиновникъ Иванъ Дмитріевичъ Громовъ. Шагъ за шагомъ, мелочь за мелочью, разсказываетъ г. Чеховъ о томъ, какова была обстановка, предшествовавшая болѣзни—вырождающаяся семья, наслѣдственное предрасположеніе,—затѣмъ первыя проявленія, затѣмъ дальнѣйшее развитіе, дѣлавшее пребываніе Громова среди здоровыхъ людей невозможнымъ. Въ этомъ разсказѣ, методичномъ и дѣловито послѣдовательномъ, для врача драгоцѣнна, по

всей вѣроятности, всякая подробность: и то, что братъ Ивана Дмитріевича, Сергѣй, умеръ отъ скоротечной чахотки, и то, какъ появились первые признаки болѣзни, когда онъ встрѣтилъ закованныхъ арестантовъ въ сопровожденіи конвойныхъ съ ружьями, и ему вдругъ почему-то показалось, что и его тоже могутъ, ни съ того, ни съ другого, заковать въ кандалы и отвести въ тюрьму, —но для обыкновеннаго читателя этотъ, въ своемъ родѣ превосходный, разсказъ не заключаетъ такого спеціальнаго интереса, и, читая его, онъ можетъ безконечно жалѣть бѣднаго Ивана Дмитріевича и думать вслѣдъ за поэтомъ: „не дай мнѣ Богъ сойти съ ума: нѣтъ, легче посохъ и сума, нѣтъ, легче трудъ и гладъ"...

На свѣтѣ бываетъ не мало странныхъ совпаденій; одно изъ нихъ имѣло мѣсто и въ томъ городишкѣ, гдѣ была описанная больница, съ палатой № 6 и съ Иваномъ Дмитріевичемъ въ этой палатѣ. Лечившій Ивана Дмитріевича врачъ Андрей Ефимовичъ сходитъ и самъ съ ума и самъ попадаетъ въ ту же палату. Опять-таки, врачамъ не безъинтересно прослѣдить разновидность психической болѣзни Андрея Ефимовича и то, насколько мастерски разсказаны ея проявленія и развитіе. Дѣтство у него было „противное"; готовясь поступить въ духовную академію, онъ уже тогда, можетъ быть, носилъ въ себѣ скрытые задатки тихой меланхоліи. Отецъ заставилъ его измѣнить дорогу, и Андрей Ефимовичъ вошелъ въ жизнь съ званіемъ врача, которое было ему не подъ силу, съ больною душой и явнымъ ущербомъ нормальнаго чувства жизни. Объ этомъ говорила уже его наружность: суровое лицо, неуклюжее мужицкое сложеніе, громадныя руки и ноги. Но, вопреки ожиданіямъ, поступь у него была тихая, походка осторожная, вкрадчивая, голосъ тонкій и мягкій, характеръ безвольный, конфузливый и ко всему апатичный. Но еще больше объ этомъ ущербѣ чувства жизни говорила его страсть къ резонерству и къ отысканію оправдательныхъ мотивовъ собственной бездѣятельности и тряпичности. Это оправданіе было нужно ему, потому что онъ любилъ умъ и честность; оно давалось ему безъ труда, потому что основной и характерной для такихъ субъектовъ чертой міросозерцанія являлось убѣжденіе, что все въ мірѣ вздоръ и чепуха, что „на землѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, что въ своемъ первоисточникѣ не имѣло бы гадости".

Сообразно съ этимъ, разсужденія его были послѣдовательны и логичны. Когда Андрей Ефимовичъ охладѣлъ къ медицинской практикѣ, онъ сталъ думать о томъ, что дѣятельность его была безполезна или ничтожна сравнительно съ ежедневнымъ числомъ

больныхъ: сегодня примешь тридцать больныхъ, а завтра ихъ придетъ тридцать-пять, послѣ-завтра сорокъ—и такъ круглый годъ... Выходитъ одинъ обманъ. Не стоитъ серьезно относиться и къ больнымъ въ палатахъ, такъ какъ, все равно, заниматься ими по правиламъ науки нельзя, потому что правила есть, а науки нѣтъ: „если же оставить философію и педантически слѣдовать правиламъ, какъ прочіе врачи, то для этого, прежде всего, нужны чистота и вентиляція, а не грязь,—здоровая пища, а не щи изъ вонючей кислой капусты, и хорошіе помощники, а не воры".

Андрей Ефимовичъ не замѣчаетъ, что изъ его разсужденій ускользаетъ одна весьма существенная черта—его собственная роль, какъ человѣка, на обязанности котораго и лежитъ устранять эти элементарные недостатки больницы, а не разводить въ нихъ грязь, грубость и воровство, — и продолжаетъ философствовать дальше: „да и къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Что изъ того, что какой-нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лекарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству, и во-вторыхъ, если человѣчество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ не только находило защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему же не поболѣть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матренѣ Савишнѣ, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амебы, еслибы не страданія?"

Убогая патологическая мудрость подобныхъ умствованій, напоминавшая собою классическія слова Гоголевскаго Артемія Филипповича, что больныхъ лечить нечего: „если умретъ, то и такъ умретъ, если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ", являлась исконнымъ оправданіемъ россійской распущенности и халатности. Но можно ли извлекать отсюда какую-либо „общую идею", можно ли и стоитъ ли оспаривать выводы Андрея Ефимовича о томъ, что все вздоръ и суета на томъ основаніи, что если онъ и представляетъ собою зло въ томъ уголкѣ жизни, куда онъ заброшенъ судьбой, то виноватъ въ этомъ не онъ, а время; что въ конечномъ итогѣ разницы между лучшею вѣнскою клиникою и его

больницей, въ сущности, нѣтъ никакой, и что родись онъ двумя стами лѣтъ позже, онъ былъ бы другимъ?

Иванъ Дмитричъ, котораго Андрей Ефимовичъ столь часто посѣщаетъ въ палатѣ № 6, далъ ему на эти разсужденія основательную и вполнѣ здравую отповѣдь: „Во всю вашу жизнь,—говорилъ Иванъ Дмитричъ,—до васъ никто не дотронулся пальцемъ, никто васъ не запугивалъ, не забивалъ; здоровы вы, какъ быкъ. Росли вы подъ крылышкомъ отца и учились на его счетъ, а потомъ сразу захватили синекуру. Больше двадцати лѣтъ вы жили на безплатной квартирѣ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, имѣя притомъ право работать, какъ и сколько вамъ угодно, хоть ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ лѣнивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь такъ, чтобы васъ ничто не безпокоило и не двигало съ мѣста. Дѣла вы сдали фельдшеру и прочей сволочи, а сами сидѣли въ теплѣ да въ тишинѣ, копили деньги, книжки почитывали, услаждали себя размышленіями о разной возвышенной чепухѣ и (Иванъ Дмитричъ посмотрѣлъ на красный носъ доктора) *выпивахомъ*. Однимъ словомъ—жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно, а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета суетъ, внѣшнее и внутреннее презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо, все это философія, самая подходящая для россійскаго лежебоки“. Но эта отповѣдь пропала даромъ, потому что Андрей Ефимычъ уже не могъ разсуждать здраво.

Опять-таки, какъ психіатрическій этюдъ, разсказъ объ Андреѣ Ефимычѣ производитъ впечатлѣніе тонкой и глубоко-аналитической работы. Андрей Ефимычъ, философствуя съ Иваномъ Дмитричемъ на тему о томъ, что между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и палатой № 6 нѣтъ никакой разницы, что покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ, или воображая, какъ черезъ милліонъ лѣтъ мимо земного шара пролетитъ въ пространствѣ какой-нибудь духъ и увидитъ только глину и голые утесы, приходилъ къ заключенію, что и культура, и нравственный законъ, и долгъ лавочнику, и человѣческая дружба — все это вздоръ и пустяки. Но скоро и такія разсужденія уже не помогали. Въ немъ началось уже разобщеніе со средой, можетъ быть, ничтожной и пошлой, но здравомыслящей. Когда почтмейстеръ посовѣтовалъ ему лечь въ больницу, Андрей Ефимычъ сталъ разувѣрять его въ своей болѣзни: „Болѣзнь моя только въ томъ,—говорилъ онъ,—что за двадцать лѣтъ я нашелъ во всемъ

городѣ одного только умнаго человѣка, да и тотъ сумасшедшій"... Ему казалось, что болѣзни не было никакой, а просто онъ попалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. О дѣйствительности Андрей Ефимычъ подумалъ только тогда, когда его посадили въ больницу, и ему стало страшно. Когда стало вечерѣть, онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на больничный заборъ, на тюрьму, на то, какъ всходила на небо холодная, багровая луна,— и все это было страшно. „Сзади послышался вздохъ. Андрей Ефимычъ оглянулся и увидѣлъ человѣка съ блестящими звѣздами и съ орденами на груди, который улыбался и лукаво подмигивалъ глазомъ. И это показалось страшнымъ.

„Андрей Ефимычъ увѣрялъ себя, что въ лунѣ и въ тюрьмѣ нѣтъ ничего особеннаго, что и психически здоровые люди носятъ ордена и что все со временемъ сгніетъ и обратится въ глину, но отчаяніе вдругъ овладѣло имъ, онъ ухватился обѣими руками за рѣшетку и изо всей силы потрясъ ее. Крѣпкая рѣшетка не подалась.

„Потомъ, чтобы не такъ было страшно, онъ пошелъ къ постели Ивана Дмитрича и сѣлъ.

„— Я палъ духомъ, дорогой мой,—пробормоталъ онъ, дрожа и отирая холодный потъ.—Палъ духомъ.

„— А вы пофилософствуйте,—сказалъ насмѣшливо Иванъ Дмитричъ.

„— Боже мой, Боже мой!.. Да, да... Вы какъ-то изволили говорить, что въ Россіи нѣтъ философіи, но философствуютъ всѣ, даже мелюзга. Но, вѣдь, отъ философствованія мелюзги никому нѣтъ вреда, — сказалъ Андрей Ефимычъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ заплакать и разжалобить"...

Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда читаешь этотъ діалогъ двухъ сумасшедшихъ, когда входишь въ ихъ положеніе и думаешь, что никто не поручится за то, что съ тобою самимъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ твоихъ близкихъ, не сдѣлается того же. Это жестоко, это, можетъ быть, безсмысленно посылать такія страданія міру, которыя не зависятъ отъ сознанія и воли человѣка, корни которыхъ уходятъ въ такія глубины человѣческаго прошлаго, передъ которыми блѣднѣетъ сама библейская древность. Въ сочиненіяхъ Гаршина и Достоевскаго, въ „Запискахъ Сумасшедшаго" Гоголя—литература наша имѣетъ превосходнѣйшіе образцы произведеній этого рода, но съ тою огромною разницею, что у Гаршина подобныя произведенія проникнуты обаяніемъ дивной художественности, Достоевскій въ галлюцинаціяхъ безумнаго человѣка ищетъ откровеній, у Гоголя въ сумасшед-

шемъ Фердинандѣ VIII мы видимъ тысячи живыхъ, настоящихъ, не сумасшедшихъ Поприщиныхъ, жизнь которыхъ даже не скрашивается и безумною грезою. У г.-же Чехова находимъ холодный, спокойный анализъ болѣзни, посѣщающей человѣка, но самого человѣка подъ этимъ анализомъ не видимъ.

Разница тутъ и въ томъ, между прочимъ, что Гоголь, Достоевскій и Гаршинъ—громадные художники, постигшіе чувство жизни до высшихъ предѣловъ сознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ душевно-надломленные люди, а г. Чеховъ—наблюдательный и вдумчивый врачъ, тонкій изслѣдователь и уже затѣмъ — художникъ. Онъ можетъ превосходно описать ходъ разсужденій больного Андрея Ефимыча, разсказать, какъ его ударилъ Никита, какъ онъ потомъ умеръ и его хоронили, но никогда онъ не могъ бы вложить въ слова Андрея Ефимыча такой сверхчеловѣческой муки и дьявольской насмѣшки надъ всей міровой жизнью, какою отравляетъ читательскую душу послѣдній вопль несчастнаго Фердинанда VIII, когда въ вихрѣ горячешныхъ мыслей передъ нимъ мелькало и море, и родимый домъ, и матушка, которой уже не спасти своего бѣднаго сына: „Посмотри, какъ мучатъ они его. Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку. Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ, его гонятъ. Матушка, пожалѣй о своемъ бѣдномъ дитяткѣ...

„А знаете ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка?“

Трагизмъ художественный тѣмъ и отличается отъ трагизма житейской прозы, къ которому мы всѣ такъ привыкли, что онъ не только поражаетъ и ужасаетъ, но и трогаетъ, умиляетъ до слезъ и этими слезами смываетъ съ нея грязную накипь жизни. До этихъ слезъ трагизму разсказовъ г. Чехова, какъ до неба, далеко.

V.

Нетрудно замѣтить, что интеллигенты произведеній г. Чехова весьма родственны между собою. Роднитъ ихъ прежде всего то, что мы назвали ущербомъ нормальнаго чувства жизни. Они не живутъ полною жизнью — не потому, что не могутъ жить при тѣхъ или иныхъ общественныхъ условіяхъ, не потому, чтобы имъ было совѣстно жить во всю ширь своей натуры, когда рядомъ умираютъ отъ голода и холода, но просто потому, что они или больны, или настолько наслѣдственно слабы и неспособны, что борьба за существованіе является для нихъ совершенно не по силамъ. „Нехорошій, жалкій и ничтожный я человѣкъ,—го-

воритъ Ивановъ, одинъ изъ „чеховскихъ“ интеллигентовъ.—Какъ я себя презираю, Боже мой! Какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, свою одежду, свои мысли. Ну, не смѣшно ли, не обидно ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ добръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ, или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о Боже мой, утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги“... Въ другомъ мѣстѣ Ивановъ разсказываетъ, что онъ испытываетъ такое чувство, какъ будто онъ надорвался въ родѣ рабочаго Семена, взвалившаго во время молотьбы себѣ на спину непосильную тяжесть.

Подобныя разсужденія чрезвычайно характерны для „чеховскихъ“ неврастениковъ, а таковыми неизмѣнно являются у этого писателя всѣ интеллигенты. Одни изъ нихъ страдаютъ поражающей слабостью воли, но эта слабость нисколько не похожа на ту, которая отличала Шекспировскаго Гамлета или нашихъ Тентетникова и Обломова. У послѣднихъ болѣзнь воли сводилась скорѣе къ ея переутомленію, реакціи, которая сказывалась на потомкѣ вслѣдъ за періодомъ могучихъ волевыхъ аффектовъ у избалованныхъ жизнью отцовъ и дѣдовъ. Эта слабость воли была, если можно такъ о ней выразиться, психологическая, и бороться съ ней можно было духовнымъ возбужденіемъ, призывомъ къ идеалу, возвышенной одухотворенной любовью, въ которой была бы поэзія, и лунный блескъ, и романтическое томленіе. Но болѣзнь воли „чеховскихъ“ героевъ (надо признаться, къ нимъ мало подходитъ это слово) возникаетъ на почвѣ физіологической: въ большинствѣ случаевъ отцы и дѣды ихъ либо безнадежные алкоголики, либо отъ разныхъ прочихъ причинъ физически и нервно расшатанные люди, и не удивительно, что дѣтища ихъ не дѣйствуютъ, т.-е. не живутъ, а только ноютъ въ своемъ безсиліи справиться съ жизнью и просятся не на арену жизненной борьбы, а въ больницу. И потому ихъ столь же безполезно звать на подвиги, на сознаніе долга, даже на пиръ жизни, на глубокую, сильную страсть, какъ пораженныхъ неизлечимымъ ревматизмомъ или параличемъ звать къ утопающему на помощь, или танцовать. Тѣмъ не помогутъ ни добрый конь, ни мечъ-кладенецъ, ни

Офелія, ни Іоанна д'Аркъ, кому нужны больничная рѣшетка, сидѣлка да хорошій врачъ.

Ставить эту интеллигенцію въ связь съ интеллигенціей шестидесятыхъ годовъ по крайней мѣрѣ смѣшно. Еслибы представить себѣ, что именно имъ, этимъ безумнымъ и больнымъ людямъ, достались по наслѣдству огромныя умственныя и нравственныя сокровища, накопленныя лучшими умами и идеальнѣйшими натурами своего вѣка, то пришлось бы признать, что въ двадцать или тридцать лѣтъ все такъ измѣнилось на Руси, а можетъ быть, и въ цѣломъ мірѣ, что здравый умъ можно найти только за больничной рѣшеткой, и только сумасшедшіе пользуются свободой. А признавъ это, можно будетъ, конечно, впасть въ самый идеальный пессимизмъ и разсуждать съ точки зрѣнія какого-нибудь духа, которому вздумается пролетѣть, милліонъ лѣтъ спустя, мимо земного шара и улыбнуться самой мефистофелевской улыбкой, не увидѣвъ на ней и слѣда человѣческаго существованія.

Но если взять вопросъ съ простой человѣческой точки зрѣнія, то дѣло съ интеллигенціей обстоитъ совсѣмъ не такъ плохо. Она далеко не укладывается своими идеалами, мыслями и настроеніями въ тѣ рамки, въ которыя пытается уложить ее г. Чеховъ. Дѣло въ томъ, что у насъ, когда рѣчь заходитъ объ интеллигенціи, на сцену выступаютъ тѣ „независящія“ обстоятельства, благодаря которымъ ряды ея настолько рѣдѣютъ, что является рѣшительно невозможно говорить о ней, какъ о чемъ-то единомъ и цѣльномъ. Очевидно, что эта часть интеллигенціи, весьма разнообразная по происхожденію и степенямъ образованія, которая не поддается оффиціальному признанію, являясь законнѣйшимъ дѣтищемъ поколѣнія шестидесятыхъ годовъ,—никоимъ образомъ, однако, не можетъ быть поставлена въ связь съ измельчаніемъ того поколѣнія, къ которому принадлежитъ писатель. Въ то время, какъ отличительнымъ признакомъ тѣхъ невидимыхъ силъ ума и таланта являлись несомнѣнно широкія альтруистическія побужденія и вытекающій изъ нихъ обостренный борьбою идеализмъ, герои г. Чехова, наоборотъ, цѣпко держатся за блага растительной жизни, совершенно индифферентны къ стремленіямъ общественнаго характера и страдаютъ не отъ невозможности вырваться на свободу, не отъ сознанія безплодности борьбы, но отъ собственной дрянности, вырожденія и болѣзней. Эта интеллигенція патологическая, судьбой обреченная на преждевременное умираніе, и свобода ей такъ же ненужна, какъ зеркало—пребывающимъ во мракѣ. Можно какъ угодно относиться къ стремленіямъ тѣхъ рядовъ интеллигенціи, дѣятельность которыхъ

происходитъ гдѣ-то вдали, и въ глубинѣ, куда не достигаетъ нашъ глазъ, но едва ли кто-либо подыщетъ основаніе, по которому можно было бы не считаться съ ихъ наличностью и игнорировать ихъ, устанавливая связь одного поколѣнія съ другимъ. Даже той ничтожнѣйшей частицы восьмидесятниковъ, которой удалось вернуться къ прерванной общественной дѣятельности и проявить себя стойкостью прежняго убѣжденія на различныхъ поприщахъ умственной, художественной и чисто-практической жизни, слишкомъ достаточно, чтобы снять съ поколѣнія восьмидесятниковъ огульный упрекъ въ индифферентизмѣ и измельчаніи.

Такимъ образомъ, приходится съузить тотъ кругъ явленій, который подходитъ подъ понятіе „чеховской интеллигенціи". Въ нее войдутъ люди, которыхъ нельзя приписать какой-нибудь опредѣленной эпохѣ, они существовали всегда и вездѣ на земномъ шарѣ. Ихъ недовольство въ жизни объясняется столько же, какъ мы видѣли, ихъ слабостью въ общей борьбѣ за существованіе, сколько и болѣзненными претензіями, которыя они предъявляютъ къ жизни. Они смотрятъ на нее какъ на что-то организованное, что должно одѣвать, кормить и развлекать ихъ, и если это „что-то" исполняетъ по отношенію къ нимъ свои обязанности дурно, они жалуются и хнычутъ, или же свыкаются и окончательно опошляются. Они забываютъ главное, — что сами они призваны быть не зрителями, но устроителями жизни, которымъ слѣдовало бы раньше общихъ нападокъ на жизнь оглянуться на себя и отнестись критически къ собственному „я". Герои г. Чехова весьма мало вносятъ въ жизнь не только радости или красоты, но даже просто поступковъ, а между тѣмъ, посмотрите, сколько предъявляютъ они требованій къ ней. Жизнь для нихъ не просто человѣческое существованіе въ союзѣ себѣ подобныхъ, гдѣ во всякой средѣ, независимо отъ сословія или образованія, можно найти и душевный интересъ, и осмысленную работу, и— открой сердце только—глубокій родникъ живого участія и добрыхъ чувствъ, но непремѣнно жизнь столицъ, большихъ городовъ, съ суетой, шумомъ и всякаго рода столичными затѣями. Докторъ, попавшій въ провинціальную глушь, непремѣнно клянетъ свое существованіе, потому что эта глушь оказалась несоотвѣтствующей той дѣйствительности, о которой онъ мечталъ въ университетѣ. Въ университетѣ же онъ мечталъ не о помощи ближнимъ, но о театрахъ, вечерахъ, карточной игрѣ и пирушкахъ. Чиновникъ или слѣдователь будутъ бранить провинцію за то, что въ ней изъ рукъ вонъ скверныя дороги, на земскихъ станціяхъ клопы, среди населенія воры и убійцы. Инженеръ,

наживающій капиталъ на постройкѣ дороги, станетъ брюзжать о томъ, что на глухой станціи его заѣдаетъ тоска одиночества и что за порядочнымъ шампанскимъ ему приходится посылать за нѣсколько сотъ верстъ. И г. Чеховъ, къ примѣру скажемъ, любовно займется анализомъ настроеній и доктора, и чиновника, и инженера, но совершенно не обратитъ вниманія на то, каково живется населенію съ докторомъ, который опустился до послѣдней степени, съ чиновникомъ, каждый проѣздъ котораго сопровождается большими и малыми жертвами въ честь ненасытнаго Молоха, объ инженерѣ же и говорить нечего: обывателю не высчитать, насколько лучше жилось бы ему въ его родной излюбленной глуши, еслибы подобныхъ инженеровъ было, вообще говоря, поменьше... Замѣтимъ кстати, — рисуя своихъ интеллигентовъ, г. Чеховъ обнаруживаетъ большое пристрастіе къ врачамъ: послѣдніе фигурируютъ у него во многихъ разсказахъ; назовемъ, напримѣръ: „Непріятность“, „Дуэль“, „Іонычъ“, „Бабье царство“, „Скучная исторія“, „Случай изъ практики“, „По дѣламъ службы“ и др. Изображенія врачей въ этихъ разсказахъ, въ общемъ, довольно сходны между собой: ихъ занятіе является для нихъ не любимымъ живымъ дѣломъ, но ремесломъ или служебнымъ орудіемъ. Къ человѣческимъ страданіямъ они совершенно равнодушны, никакимъ высшимъ интересамъ не служатъ и на окружающую среду не оказываютъ никакого вліянія.

Отсутствіе высшихъ умственныхъ интересовъ въ „чеховскихъ“ интеллигентахъ нельзя считать чѣмъ-то органическимъ, фатально падающимъ на русскую общественную почву. Оно—явленіе, вызванное внѣшними обстоятельствами, явленіе если и не случайное, то, хочется думать, временное; по крайней мѣрѣ, по отношенію къ ближайшимъ поколѣніямъ въ настоящемъ и прошломъ оно имѣетъ опредѣленныя историческія причины. Въ Россіи такъ или иначе приходится въ общемъ понимать подъ интеллигенціей, не исключительно, но главнымъ образомъ, ту массу дѣятелей, которая прошла сквозь строй университетской науки, даже не столько науки, сколько идейнаго возбужденія и гуманитарнаго вліянія. Но на пути университета стоитъ—horribile dictu—такъ называемая классическая школа, созданная для того, какъ это уже обнаружилось въ исторіи, чтобы остановить слишкомъ большой ростъ умственнаго возбужденія въ русской молодежи и отвлечь молодую мысль отъ настоятельныхъ запросовъ русской жизни къ красотамъ той рѣчи, на которой изъяснялся въ древности величавый, мужественный Римъ и прекрасная, женственная Эллада. Параллельно съ этой спеціальной подготовкой бу-

дущихъ слушателей университета въ составѣ университетскихъ преподавателей совершался обусловленный тѣми же причинами процессъ обнищанія духовныхъ силъ, ряды профессоровъ гуманистовъ рѣдѣли все больше и больше. Послѣ Грановскихъ, Кудрявцевыхъ, Буслаевыхъ, Кавелиныхъ оставались лишь ихъ каѳедры, какъ послѣ славныхъ пировъ старые кубки, что хранятъ еще память о драгоцѣнномъ винѣ, бившемъ изъ нихъ черезъ край, но сдѣлать дурное вино хорошимъ они не въ силахъ. Университетское образованіе, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по существу, стало нуждаться въ значительныхъ дополненіяхъ, которыя пришлось заимствовать со стороны, иногда издалека. Дополненія эти и составляли именно тѣ порыванія къ общимъ вопросамъ жизни и духа, которыхъ не возбуждало програмное чтеніе лекцій, ударившихся, за немногими счастливыми исключеніями, въ узкую спеціализацію и мелкое, но въ то же время умѣренно аккуратное букводство.

Страждущіе и ноющіе интеллигенты г. Чехова — подлинныя дѣтища „толстовско-катковской“ ложно-классической системы, безъ общихъ идей, безъ идеаловъ и вѣры. Если лучшіе изъ нихъ и томятся по тому, что писатель удачно назвалъ „богомъ“ живого человѣка, то преобладающее большинство—или самодовольные потребители жизни, или люди съ непомѣрно развитыми аппетитами, или же просто ограниченные и тупые люди. Ихъ, положительно, вѣрнѣе было бы назвать представителями интеллигентнаго „мѣщанства“, потому что въ нихъ нѣтъ основныхъ признаковъ истинно-интеллигентнаго человѣка—сочетанія ума, благородства и общественной совѣсти.

Не угодно ли взглянуть на типичнѣйшаго разночинца „чеховской интеллигенціи“ — Лаевскаго изъ „Дуэли“, или, пожалуй, даже лучше — Іоныча. Въ нѣсколько растянутомъ и скучноватомъ, несмотря на хорошенькія отдѣльныя мѣста, разсказѣ того же имени изображается молодой врачъ Дмитрій Іонычъ Старцевъ, который поселяется въ провинціи, въ глуши, и постепенно врастаетъ въ эту глушь всѣми интересами своего ума и сердца. О немъ нельзя сказать, что онъ опускается въ тины провинціальной обыденщины, что среда заѣдала его. Входя въ эту среду, онъ не вносилъ съ собою никакого идейнаго подъема, или какихъ бы то ни было общественныхъ стремленій, и если заговаривалъ иногда, уже раздобрѣвши на городской практикѣ, о политикѣ или наукѣ, то случалось это при закускѣ или между двумя роберами винта. Пытался еще Старцевъ заводить разговоры на ту тему, что человѣчество, слава Богу, идетъ впередъ

и скоро будутъ обходиться безъ паспортовъ и смертной казни, а за ужиномъ или чаемъ проповѣдывалъ, что нужно трудиться, что безъ труда жить нельзя,—и этимъ истощались всѣ рессурсы его образованія, если не считать его медицинскаго ремесла, доставлявшаго ему по вечерамъ удовольствіе вынимать изъ кармана бумажки, добытыя практикой, затѣмъ закуски, лафитъ № 17, карты—вотъ и вся жизнь „заѣденнаго средою" и въ то же время отъѣвшагося на счетъ этой среды человѣка.

Въ этой жизни было одно маленькое романическое приключеніе. Оно не оставило почти никакого слѣда на деревянной душѣ Іоныча, но зато показало его во весь его дрянненькій ростъ. Романическое приключеніе его вначалѣ ничѣмъ не отличалось отъ тысячи подобныхъ же романическихъ приключеній. Зажиточная провинціальная семья съ претензіей на литературные и артистическіе вкусы, а въ семьѣ, какъ водится, дочь, и тоже съ претензіей на музыкальный талантъ. Іонычъ не то, что влюбился въ нее, но не прочь жениться. И онъ мечтаетъ,—но не такъ, какъ мечтали когда-то при соловьяхъ и лунѣ, а иначе, по своему: „Если ты женишься на ней,—размышлялъ онъ,—то ея родня заставитъ тебя бросить земскую службу и жить въ городѣ. Ну, что же,—думаетъ онъ:—въ городѣ, такъ въ городѣ. Дадутъ приданое, заведемъ обстановку"...

Но ни романа, ни свадьбы не вышло. „Котикъ" уѣхала въ консерваторію, а когда вернулась, Іонычъ вошелъ уже въ ту колею, когда устройство семейнаго очага понимается исключительно какъ безпокойство, и похвалилъ себя за то, что не женился прежде.

Разсказано такъ, что читатель рѣшительно не можетъ понять: радоваться ли ему вмѣстѣ съ Іонычемъ, что все обошлось благополучно и человѣкъ остался жить, хотя и по прежнему скучновато, но безъ семейнаго безпокойства, или горевать о томъ, что Іонычъ и провинціальная среда оказались безъ вліянія другъ на друга, или же покорно склонить голову передъ властью дѣйствительности, съ которой ничего не подѣлаешь... Можно морализировать на эту тему во всѣхъ трехъ направленіяхъ вмѣстѣ и порознь, и все-таки не добраться до той простой истины, что въ созданіи Іонычей, этой одной изъ многочисленныхъ разновидностей „чеховскаго интеллигента", играютъ роль не столько роковыя обстоятельства, протестъ противъ которыхъ безплоденъ, сколько разныя другія условія и, на первомъ планѣ, нашими же руками заботливо устроенныя особенности нашей школы, словно спеціально направленной на выработку ту-

пыхъ, самодовольныхъ и пошлыхъ потребителей жизни. Эту сторону Чеховъ совершенно опускаетъ изъ виду, сваливая все въ одну кучу, за счетъ якобы мудреной, сложной и стихійно-непонятной жизни. Оттого-то и поднимается такой протестъ въ душѣ противъ общей картины жизни у г. Чехова, что пессимизмъ его не объективный, не вытекающій изъ цѣльнаго философскаго міросозерцанія, а какой-то смутный, частичный, едва ли не объясняемый во многихъ случаяхъ преобладаніемъ унылыхъ настроеній въ душѣ автора. И потому иной разъ самого писателя какъ-то скорѣе хочется пожалѣть, чѣмъ тѣхъ, кто страдаетъ въ его разсказахъ отъ нескладицы и жестокости жизни.

Въ то время, какъ все вниманіе разсказа сосредоточивается на томъ, какъ Іонычъ толстѣетъ и откладываетъ деньги въ банкъ (мы бы сказали—пошлѣетъ, еслибы авторъ далъ намъ понятіе о томъ, что въ молодости у Іоныча были задатки высшихъ стремленій), г. Чеховъ проходитъ мимо двухъ страшныхъ драмъ, которыя должны были разыграться въ семьѣ Туркиныхъ: одна—въ эпизодѣ борьбы за обманчивый призракъ музыкальной славы, другая—въ послѣдней попыткѣ вернуть утраченный идеалъ семейнаго счастія. Но г. Чеховъ указываетъ на нихъ вскользь, мимоходомъ,—и то какими-то жесткими и сухими чертами. Блѣдно и шаблонно очерчены фигуры отца и матери Котика. Мать на протяженіи всего разсказа, съ промежутками по нѣскольку лѣтъ, только и дѣлаетъ, что читаетъ романы собственнаго сочиненія; у отца авторъ подмѣтилъ только одну черту—коверканье языка: „здравствуйте, пожалуйста“, „не дурственно“, „бонжурте“, „это съ вашей стороны весьма перпендикулярно“...

Личность дѣвушки намѣчена самыми общими штрихами.

VI.

Въ художественномъ отношеніи въ произведеніяхъ г. Чехова много недостатковъ, и рѣдкіе изъ нихъ не бросаются въ глаза читателю при мало-мальски внимательномъ чтеніи. Если не останавливаться на мелочахъ въ родѣ не разъ уже отмѣчавшейся критикой недостаточной мотивировки сюжета, неестественности внѣшнихъ положеній и манерности языка, то едва ли не самыми крупными отрицательными свойствами явятся крайняя сухость, почти протоколизмъ изложенія и полное отсутствіе жизненной типичности въ изображеніяхъ фигуръ. Оба эти недо-

статка выражаются преимущественно въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ г. Чеховъ является не столько художникомъ, сколько публицистомъ русской интеллигенціи, какъ бы задавшимся цѣлью доказать на массѣ примѣровъ ея безсодержательность, пошлость и тупость.

Отчасти эти недостатки объясняются тѣмъ особымъ свойствомъ таланта г. Чехова, которое открываетъ въ его натурѣ наблюдательность особаго рода. Мы бы назвали ее *наблюдательностью логической*, выражающейся въ томъ, что писателю свойственно умѣнье входить не въ чувства и ощущенія, но въ мысли другого человѣка. Еслибы у г. Чехова была способность оріентироваться, такъ сказать, въ психологической обстановкѣ, угадывая то, что чувствуютъ его герои, то его разсказы не были бы такъ утомительно бѣдны настроеніями, зависящими не только отъ общаго угла зрѣнія писателя, но и отъ возможнаго разнообразія чувствъ и ощущеній созданныхъ имъ людей. Однако то, что мы называемъ логической наблюдательностью, достигало во многихъ разсказахъ г. Чехова высокихъ степеней развитія; оно выражалось у него нерѣдко въ искусной, чрезвычайно отчетливой формулировкѣ различныхъ сложныхъ жизненныхъ явленій. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, какими тонкими штрихами передаетъ старый профессоръ чтеніе лекціи, цѣлью которой является, по его словамъ, побѣдить многоголовую гидру, сидящую передъ нимъ. Безподобно также сдѣлана характеристика Ивана Ивановича въ разсказѣ „Жена“, этого человѣка, который всюду, куда ни войдетъ, вноситъ съ собою какую-то духоту, гнетъ, что-то въ высшей степени оскорбительное и унизительное, который ненавидитъ вѣрующихъ, на томъ основаніи, что вѣра есть выраженіе неразвитія и невѣжества, и въ то же время ненавидитъ и невѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ. Но лучше всего г. Чеховъ ведетъ разсужденія о слабыхъ, безвольныхъ и тряпичныхъ людяхъ. Иногда эта наблюдательность переходитъ у г. Чехова въ такія сплошныя разсужденія, всегда безотносительно вѣрныя, но слишкомъ ужъ отвлеченныя, что люди начинаютъ казаться какими-то мыслящими аппаратами, подъ умственностью которыхъ совершенно исчезаютъ самопроизвольные инстинкты жизни. Въ разсказѣ „Княгиня“ г. Чеховъ набрасываетъ эскизъ пустой и богатой свѣтской барыни, ни дурной, ни хорошей, но влюбленной въ самоё себя. У г. Чехова явилось намѣреніе высказать рядъ весьма поучительныхъ и не лишнихъ для нашего времени соображеній, какъ отзываются на маленькихъ людяхъ богатство и исключительное положеніе избранниковъ судьбы. Для этой цѣли онъ сопоставилъ съ фигурой княгини фигуру служив-

шаго у нея когда-то доктора, въ уста котораго вложилъ длиннѣйшій и мѣстами сильный монологъ на тему о скудости и богатствѣ. Публицистическій замыселъ настолько овладѣлъ авторомъ, что онъ не замѣтилъ крайней неестественности сцены разговора доктора съ княгиней, предъ которой расточать перлы краснорѣчія было немногимъ больше, чѣмъ метать бисеръ по извѣстному евангельскому изреченію. Фигура доктора осталась совершенно въ тѣни, и разсказъ много потерялъ въ своей художественности, но это не помѣшало морали остаться моралью, весьма полезиой для тѣхъ, кто и въ наши дни забываетъ притчу о „Богатомъ и Лазарѣ“.

Въ зависимости отъ указаннаго нами свойства наблюдательности г. Чехова, находится и преобладаніе описательнаго элемента надъ драматическимъ и субъективно-лирическимъ, и выборъ признаковъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ *разсказываетъ* о жизни, людяхъ, природѣ, какъ о чемъ-то, что по отношенію къ разсказчику уже отошло на извѣстное, болѣе или менѣе далекое разстояніе, и онъ вспоминаетъ не самыя картины жизни, но то, какъ онъ ихъ наблюдалъ. Разсказываетъ г. Чеховъ въ „Степи“, какъ везутъ девятилѣтняго Егорушку отдавать въ гимназію. Этотъ Егорушка ничѣмъ не отличается отъ десятковъ и сотенъ дѣтскихъ типовъ, изображенныхъ у различныхъ писателей; его можно было бы очертить нѣсколькими характерными штрихами, но это не входитъ въ планы писателя: онъ посвятитъ два-три штриха Егорушкѣ и затѣмъ сольетъ его со степью, съ загорѣлыми холмами, съ знойнымъ небомъ, съ полетомъ коршуна, который останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлой несется надъ степью, и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно... Потомъ Егорушка появляется снова на мгновеніе и снова уступаетъ мѣсто развертывающейся картинѣ степного пейзажа, и такъ много разъ, словно съ намѣреніемъ показать читателю, что Егорушка нуженъ здѣсь лишь какъ подробность, идущая къ изображенію степи. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря вольному или невольному подбору чертъ, которыми характеризуется въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ эта наблюдательность, теченіе мыслей Егорушки, дѣтскій мірокъ послѣдняго такъ и не раскрывается передъ читателемъ—такъ, какъ онъ могъ бы раскрыться подъ перомъ Тургенева или г. Короленки. Это потому, что г. Чеховъ не былъ въ душѣ у Егорушки, а только мелькомъ взглядывалъ на него, любуясь привольной, но однообразной картиной степи. Возьмемъ наудачу нѣсколько признаковъ, относя-

щихся къ Егорушкѣ. „Бричка бѣжитъ, а Егорушка видитъ все одно и то же небо, равнину, холмы"... „Егорушка нехотя глядѣлъ впередъ на лиловую даль, и ему уже начинало казаться, что мельница, машущая крыльями, приближается"... „Егорушка, задыхаясь отъ зноя, который особенно чувствовался теперь послѣ ѣды, побѣжалъ къ осокѣ и отсюда оглядѣлъ мѣстность. Увидѣлъ онъ то же самое, что видѣлъ и до полудня: равнину, холмы, небо, лиловую даль"... И такъ много разъ Егорушка глядитъ то зоркими, то сонными глазами и видитъ передъ собой не болѣе того, что видитъ самъ художникъ. Когда же послѣдній пытается передавать внутреннее созерцаніе Егорушки, попытки эти терпятъ нерѣдко полнѣйшую неудачу. Судите сами: „въ то время, какъ Егорушка смотрѣлъ на сонныя лица", вдали послышалось тихое пѣніе. И вотъ Егорушкѣ „стало казаться, что это пѣла трава; въ своей пѣснѣ она полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красива, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя..." „И въ торжествѣ красоты,— говоритъ онъ далѣе,—въ излишкѣ счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнутъ даромъ для міра, никѣмъ не воспѣтыя и никому ненужныя, и сквозь радостный гулъ слышишь ея тоскливый, безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!" Все это могло и должно было казаться художнику. Но едва ли подобныя представленія могли рождаться въ головѣ маленькаго степного дикаря: что-то ужъ очень неестественно.

Мало естественнымъ является и тотъ пріемъ, при помощи котораго, г. Чеховъ пытается иногда изображать природу, стараясь навязать ей отдѣльныя человѣческія настроенія, не стоящія ни въ какой связи съ олицетвореніемъ. Г-нъ Чеховъ создаетъ иногда такіе нехудожественные образы: „Но, вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго". Или: „вся степь пряталась во мглѣ, какъ дѣти Моисея Моисеича подъ одѣяломъ". Но рядомъ съ этими несообразностями встрѣчаются описанія, проникнутыя нѣжной и грустной поэзіей.

У г. Чехова есть еще одинъ искусственный пріемъ, мѣшающій внутренней цѣльности и сжатости впечатлѣнія. Онъ выбираетъ

одну какую-либо черту, часто несущественную, но почему-либо полюбившуюся ему, и начинаетъ повторять ее въ разныхъ сочетаніяхъ съ другими мелкими и, зачастую, нехарактерными чертами. Онъ такъ заботится о томъ, чтобы окрасить этою чертою впечатлѣнія читателя, что не замѣчаетъ, насколько получающіяся при этомъ повторенія и задержки становятся утомительны и прямо не нужны. Наименѣе требовательные изъ нашихъ критиковъ, подмѣтивъ этотъ пріемъ г. Чехова, увидѣли въ немъ новый поводъ къ восхваленію писателя и рѣшили, что индивидуальность творческой манеры г. Чехова въ томъ-то именно и состоитъ, чтобы изучать не цѣлаго человѣка, но опредѣленную черту въ немъ, чтобы въ этой чертѣ отразилась вся человѣческая душа. Этотъ пріемъ давно былъ извѣстенъ міру: имъ пользовались трагики античной жизни, къ нему обращался геніальный Шекспиръ, утрировали лже-классики, у Гоголя онъ достигалъ высочайшаго совершенства; но разница между ними и г. Чеховымъ та, что предшественники его дѣйствительно умѣли уловить наиболѣе характерныя черты человѣческой души и умѣли находить для нихъ естественныя и въ высшей степени жизненныя выраженія, а г. Чеховъ останавливается на чертахъ случайныхъ, мало характерныхъ для того или иного образа.

Мы понимаемъ всю высшую самоличность образа Отелло, который въ то же время не перестаетъ быть для насъ живымъ человѣкомъ, безъ малѣйшаго ущерба для своей внутренней цѣльности; мы понимаемъ, что одной фразой:—„прошу,—сказалъ Собакевичъ—и наступилъ гостю на ногу“—можно до конца исчерпать внѣшнюю типичность образа. Но намъ непонятно, какое значеніе имѣютъ банальныя повторенія одного и того же штриха въ большинствѣ „чеховскихъ произведеній“.

Это сказывается не только на какихъ-нибудь мелочахъ, въ родѣ того, напримѣръ, какъ, въ разсказѣ „Степь“, гдѣ „лиловая даль“ въ описаніяхъ повторяется, по крайней мѣрѣ, разъ десять; „три бекаса“ попадаются навстрѣчу путникамъ цѣлыхъ три раза; комната на постояломъ дворѣ дважды названа мрачной; злополучная поговорка: „хоть прудъ пруди“—повторяется чуть не въ каждомъ разсказѣ; или же—Ольга Ивановна Рябовская, въ разсказѣ „Попрыгунья“, по волѣ автора, если и выходитъ изъ дому на протяженіи довольно долгихъ промежутковъ времени, то лишь затѣмъ, чтобы съѣздить къ портнихѣ или къ знакомой актрисѣ, похлопотать насчетъ билета, или еще Иванъ Петровичъ (въ „Іонычѣ“) выступаетъ съ своимъ „недурственно“ всякій разъ, какъ на него обратитъ свое благосклонное вниманіе художникъ.

Есть цѣлый рядъ произведеній, гдѣ такой основной чертой, своего рода лейтмотивомъ, является настолько не-типичная черта, что она дѣлаетъ даже подробное описательное изображеніе мало понятнымъ. Въ разсказѣ „Холодная кровь“, прозаическомъ донѣльзя и словно спеціально написанномъ для путейскаго вѣдомства, купецъ Малахинъ везетъ съ товарнымъ поѣздомъ гуртъ быковъ. Оберъ-кондукторъ съ машинистомъ, съ цѣлью поприжать купца и поживиться на его счетъ, везутъ быковъ настолько уже по-россійски—то съ безконечными остановками, то съ такими рѣзкими толчками, что быки рискуютъ разстаться съ жизнью раньше, чѣмъ прибудутъ по назначенію. Начинается тягучій разсказъ о томъ, какъ на каждой остановкѣ купецъ вынимаетъ деньги и безъ всякаго сожалѣнія, не только внѣшняго, но и внутренняго, даетъ въ качествѣ взятки то оберъ-кондуктору, то начальнику станціи, то смазчику, и испытываетъ при этомъ даже какъ будто удовольствіе. Послѣ „подмазки“ начальника станціи, „старикъ очень доволенъ только-что бывшимъ разговоромъ; онъ улыбается и оглядываетъ все зало, какъ бы ища, нѣтъ ли тутъ еще чего-нибудь пріятнаго?“ Такъ же неестественно разсказывается сцена о томъ, какъ хладнокровный Малахинъ составляетъ съ хладнокровнымъ жандармомъ протоколъ о хладнокровіи желѣзнодорожныхъ служащихъ, благодаря которому долготерпѣніе хладнокровныхъ быковъ можетъ истощиться и нанести убытокъ хозяйскому карману. Но быки выдерживаютъ испытаніе, и Малахинъ продаетъ ихъ, хотя несетъ при этомъ по четырнадцати рублей убытка. Но онъ такъ хладнокровенъ, что самъ же подшучиваетъ надъ своей неудачей и по всему видно,—говоритъ писатель,—что понесенный имъ убытокъ мало волнуетъ его... Эта послѣдняя черточка такъ же неестественна въ россійскомъ купцѣ, какъ неестественъ и весь подборъ чертъ для характеристики роли этой „холодной крови“ въ различныхъ сферахъ обывательской жизни.

Тенденціознымъ подборомъ чертъ, весьма мало типическихъ, отличается и разсказъ „Человѣкъ въ футлярѣ“. Учитель греческаго языка, Бѣликовъ, выказывалъ „постоянное непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ внѣшнихъ вліяній“. Какъ же это выражалось у него помимо внѣшности, въ которой онъ, очевидно, былъ неповиненъ? Боясь дѣйствительности, онъ хвалилъ прошлое, разсказываетъ г. Чеховъ: „О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ!—говорилъ онъ (Бѣликовъ), со сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство

своихъ словъ, прищуривъ глазъ и поднявъ палецъ, произносилъ:— антропосъ".

Этого Бѣликова, несмотря на его явную ограниченность, переходившую въ прямую глупость, будто бы всѣ боялись въ гимназіи, такъ какъ онъ угнеталъ всѣхъ своей мнительностью и соображеніями о томъ, какъ бы чего не вышло; подъ его вліяніемъ учителя, „все мыслящіе, глубоко порядочные, воспитанные на Тургеневѣ и Щедринѣ" люди, сбавляли ученикамъ баллы за поведеніе, сажали подъ арестъ и даже исключали... Бѣликова боялась не только гимназія, но и весь городъ, въ которомъ людей, подобныхъ Бѣликову, было нѣсколько: боялись громко говорить, посылать письма, читать книги, помогать бѣднымъ, учить грамотѣ.

Экая напасть этотъ Бѣликовъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, и питавшійся судакомъ на коровьемъ маслѣ на томъ основаніи, что постное ѣсть вредно, а про скоромное, пожалуй, скажутъ, что Бѣликовъ не исполняетъ постовъ,—экое горе принесъ онъ городу! Ни писемъ не пишутъ, ни грамотѣ не учатъ, еще немного—и чего добраго, разучились бы говорить по-русски и стали бы выражать свои мысли въ прекрасныхъ звукахъ греческаго языка... Однако, читатель, мыслимо ли это? Возможно ли, чтобы педагогическая корпорація, состоявшая изъ людей развитыхъ и въ особенности читавшихъ Щедрина, да еще во главѣ съ директоромъ, могла пятнадцать лѣтъ подчиняться вліянію этой каррикатуры на тѣнь Щедринскаго Іудушки? И можно ли допустить, чтобы люди, подобные Бѣликову, держали въ осадѣ весь городъ, не будучи ни помпадурами, ни агентами прежняго третьяго отдѣленія?

Дальнѣйшее теченіе разсказа проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на фигуру Бѣликова. „Ложась спать,—разсказываетъ г. Чеховъ отъ лица товарища Бѣликова по гимназіи,—онъ (Бѣликовъ) укрывался съ головой; было жарко, душно, въ закрытыя двери стучался вѣтеръ, въ печкѣ гудѣло, слышались вздохи изъ кухни, вздохи зловѣщіе...

„И ему было страшно подъ одѣяломъ. Онъ боялся, какъ бы чего не вышло, какъ бы его не зарѣзалъ Аѳанасій, какъ бы не забрались воры, и потомъ всю ночь видѣлъ тревожные сны, а утромъ, когда мы вмѣстѣ шли въ гимназію, былъ скученъ, блѣденъ и было видно, что многолюдная гимназія, въ которую онъ шелъ, была страшна, противна всему существу его, и что идти рядомъ со мной ему, человѣку по натурѣ одинокому, было тяжко". Очевидно, Бѣликовъ былъ боленъ: въ скрытомъ видѣ у

него была манія преслѣдованія. Человѣкъ онъ былъ вообще хилый и слабый, и умеръ онъ, если повѣрить автору, отъ того, что на него нарисовали „пасквиль“, изъ-за котораго онъ поссорился съ товарищемъ. Стало быть, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ патологическимъ, которое уже по одному этому не можетъ имѣть обобщающаго типическаго значенія.

Повидимому, и самъ писатель чувствовалъ это, и, боясь, что читатели не поймутъ истинной тенденціи, вложенной въ разсказъ, принялся разъяснять ее самъ устами нѣкоего Ивана Ивановича: „а развѣ то, что мы живемъ въ городѣ, въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?“

Несомнѣнно, мы дѣлаемъ много ненужнаго, лишняго, и не дѣлаемъ того, что нужно и важно для жизни, мы теряемъ дорогое время, но, право же, не такъ, какъ изображаетъ это г. Чеховъ своимъ Бѣликовымъ. Мы, наоборотъ, слишкомъ, можетъ быть, жалуемся на футляръ, который давитъ насъ откуда-то извнѣ, но, порываясь сбросить его, мы не дѣлаемъ достаточно усилій, опускаемъ руки и только думаемъ мучительную Гамлетовскую думу, которой мучился еще Илья Ильичъ Обломовъ на своемъ диванѣ. Дальнѣйшія разсужденія Чеховскаго резонера нехарактерны даже для Бѣликова: „видѣть и слышать, какъ лгутъ, и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться и все это—изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно“.

VII.

Нѣтъ, больше жить такъ невозможно!—таковъ рецептъ г. Чехова современному читателю. Это онъ, современный читатель, насмотрѣвшись разныхъ несчастныхъ случаевъ, бывающихъ въ жизни, и наслушавшись разсказовъ о душевныхъ и нервныхъ болѣзняхъ, поражающихъ человѣчество, долженъ вдругъ остановиться и сказать: нѣтъ, больше жить такъ невозможно. И сказавъ,—или повѣситься на первомъ попавшемся крюкѣ, или обратиться къ г. Чехову и спросить: а какъ жить, уважаемый

маэстро? Неизвѣстно, какъ бы отвѣтилъ этому читателю г. Чеховъ, еслибы тотъ на дѣлѣ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ; но въ сочиненіяхъ своихъ онъ этого отвѣта не даетъ...

И что дѣлать бѣдному читателю, котораго судьба не создала ни неврастеникомъ, ни душевнобольнымъ, и который ищетъ смысла и разумной цѣли въ жизни, если г. Чеховъ отвѣтитъ ему, подобно старому профессору въ „Скучной исторіи": „не знаю", и, чтобы замять непріятный разговоръ, предложитъ позавтракать?

Это будетъ, дѣйствительно, скучная, очень скучная исторія... Писатель безъ міросозерцанія, относительно котораго самые благожелательные цѣнители не могутъ столковаться, есть или нѣтъ у него идеалы... куда онъ поведетъ за собой, когда онъ самъ не знаетъ истинной дороги? Раскроетъ ли онъ глубину испытанія жизни? Обнаружитъ ли онъ тѣ внутреннія общія причины, которыя отражаются на поверхности безпорядочнымъ разнообразіемъ явленій?

Да и отраженія эти являются у г. Чехова неполными, односторонними, часто невѣрными, и этими отраженіями, нигдѣ не сведенными въ одно, нигдѣ не достигающими той высоты художественности, за которую ему можно было бы простить все остальное, г. Чеховъ хочетъ заставить читателя самого додуматься до коренныхъ основъ жизни. И читатели додумываются —до той мысли, что въ основѣ и „героическаго пессимизма", и „примиряющаго пантеизма" лежитъ одно: все скверно; Богъ хоть есть, но Онъ безсиленъ; дѣйствительности не побѣдишь, а стало быть, желать, стремиться, бороться, вѣрить и любить—все напрасно.

Неврастеники и вырождающіеся, конечно, примутъ этотъ выводъ, и, въ частности, разсказы г. Чехова будутъ доставлять имъ удовольствіе еще на томъ основаніи, что больные любятъ, когда съ ними говорятъ о болѣзняхъ. Но безъ идеаловъ оздоровленія это вѣчное изображеніе болѣзней и страданій можетъ только усилить и безъ того повышенную мнительность больного, а инымъ можетъ показаться тою проповѣдью отвращенія къ жизни, о которой говорилъ, устами своего Заратустры, философъ, постигшій всѣ язвы современнаго человѣчества.

„Есть проповѣдники смерти,—говорилъ онъ,—и земля полна людьми, которымъ нужна проповѣдь отвращенія къ жизни.

„Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмѣрнымъ множествомъ людей. О, еслибы можно было „вѣчной жизнью" сманить ихъ изъ этой жизни!

„Вотъ они—эти чахоточные душою: едва родились они, какъ

уже начинаютъ умирать и мечтаютъ объ ученіи, которое проповѣдывало бы усталость и отреченіе.

„Имъ встрѣчается или больной, или старикъ, или трупъ, и они тотчасъ же говорятъ: „жизнь опровергнута“.

„Но опровергнуты только они и глаза ихъ, видящіе только одну сторону въ бытіи“...

О, какъ мы понимаемъ страстное восклицаніе современнаго критика, обращенное ко всѣмъ „чеховцамъ“: „Лжете вы, слышите, вы лжете! Свѣтлая, прекрасная жизнь существуетъ, но ея условіемъ является борьба! Готовность рисковать, бороться— вотъ ключъ, котораго у васъ нѣтъ, жалкіе вы людишки. Не смѣйте клеветать на жизнь!“ [1])

И по истинѣ г. Чеховъ былъ бы этимъ проповѣдникомъ смерти, еслибы въ творчествѣ его не было стихіи, которая самобытнѣе и шире тенденціи изображать безцвѣтными тонами сѣрую и вялую жизнь интеллигентнаго мѣщанства. Стихія эта—подлинная десница г. Чехова: къ ней мы теперь и обратимся.

VIII.

Итакъ, мы видѣли, что въ тѣхъ разсказахъ, сюжеты которыхъ основывались на тенденціозномъ изображеніи жизни русской интеллигенціи, не было многихъ данныхъ, характеризующихъ то соотвѣтствіе между талантомъ и предметомъ изображенія, которое свидѣтельствуетъ, что талантъ нашелъ самого себя и находится на вѣрномъ пути: не было истиннаго комизма, страдало чувство художественной мѣры, не было яркости красокъ и свободнаго розмаха кисти. На разсказахъ отражалась та особая вымученность, когда художникъ пишетъ больше отзываясь больными нервами на тревожные запросы жизни, чѣмъ повинуясь влеченію творческой натуры. Не образами мыслитъ г. Чеховъ, но больными вопросами современной жизни, и это отразилось въ его разсказахъ упомянутой категоріи слишкомъ большой отвлеченностью задуманныхъ фигуръ. Внимательно вчитываясь въ нихъ, можно замѣтить постоянную борьбу между стремленіемъ къ образу, къ законченности сюжета,—и настойчивымъ, иногда почти страстнымъ желаніемъ высказаться по поводу тѣхъ или другихъ темныхъ сторонъ современной дѣйствительности. Иногда тяготѣніе къ образу брало верхъ, и тогда творчество

[1]) Луначарскій, „Русская Мысль“, 1903, февраль.

стремилось безъ всякой тенденціи отражать дѣйствительность, подобно фотографической камерѣ, равнодушно схватывающей все, на что направляется объективъ: въ этомъ видѣ творчество Чехова соотвѣтствовало тому опредѣленію, которое выражалось формулой: „всепримиряющая, всеоправдывающая власть реальной жизни“ или „пессимистическаго пантеизма“. Въ другихъ случаяхъ выступало на первый планъ стремленіе высказаться, порывъ, исходившій изъ возвышеннаго альтруистическаго начала, уяснить людямъ то, что имъ непонятно, обнажить явленіе, обнаружить его скрытые мотивы. Сильнѣйшія по впечатлѣнію въ этомъ смыслѣ произведенія отличаются явнымъ сатирическимъ характеромъ. Таковъ, напримѣръ, „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“. Орловъ—не только психологическая задача, подобно „неизвѣстному человѣку“, но и петербургскій чиновникъ, со всѣми свойствами черстваго столичнаго бюрократа. Несмотря на то, что обрисовка характера Орлова удалась Чехову гораздо лучше многихъ изъ его попытокъ и отъ разсказа вѣетъ живой душой, сатира, независимо отъ того, насколько она входила въ планы художника, вышла блѣдной и не вносила въ литературныя изображенія петербургскихъ чиновниковъ ни одной новой черты. Можно думать, что въ этомъ жанрѣ творчества сатира не въ числѣ лучшихъ средствъ Чеховскаго таланта.

Но въ чемъ же съ наибольшей полнотой выразился талантъ г. Чехова?

По нашему мнѣнію, истинный жанръ г. Чехова—бытовой разсказъ безъ всякой тенденціи или, лучше сказать, претензіи на философскую глубину смысла. Какъ ни наблюдателенъ г. Чеховъ, но наблюдательность эта, какъ мы уже замѣтили выше,—свойство тонко мыслящаго человѣка, но не психолога,—для этого она слишкомъ холодна. Отсюда понятно, отчего г. Чехову сравнительно лучше удаются тѣ фигуры, въ которыхъ душевныя движенія проявляются внѣшнимъ, легко поддающимся описанію, образомъ; напротивъ, драматизмъ состоянія, скрытая мощь духа или глубокая внутренняя борьба требуютъ отъ г. Чехова большого и неблагодарнаго труда. Это преобладаніе описательной стороны творчества надъ психологической наглядно выражается въ одной изъ лучшихъ повѣстей г. Чехова—„Въ оврагѣ“. Здѣсь вполнѣ обнаружилось и глубокое знаніе Чеховымъ различныхъ сторонъ мѣщанскаго и народнаго быта.

Передъ нами—семья сельскаго богача и мѣстнаго кулака Григорія Цыбукина: въ живо переданной обстановкѣ полу-мѣщанскаго, полу-купеческаго быта живутъ и дѣйствуютъ нѣсколько

человѣкъ, изъ которыхъ одни такъ и врѣзываются въ память; другіе же, дѣйствія которыхъ должны были основываться на душевныхъ движеніяхъ, остаются блѣдны и не вполнѣ понятны. Изъ числа первыхъ, невѣстка Цыбукина, Аксинья,—лучшій бытовой типъ повѣсти; живо нарисованъ и старикъ, и старшій сынъ его, Анисимъ. Старикъ—типичный деревенскій торговецъ всѣмъ, что ему можетъ дать выгоду, но съ большой склонностью къ семейной жизни, выражавшейся въ томъ, что онъ любилъ свое семейство больше всего на свѣтѣ, особенно старшаго сына, Анисима, и невѣстку. Народъ называлъ его кровопійцей за тотъ постоянный обманъ, который сдѣлался обычнымъ въ его торговлѣ. „Ужъ очень народъ обижаемъ, — говоритъ по этому поводу жена его, Варвара,—сердце мое болитъ, обижаемъ какъ— и, Боже мой. Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что̀, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ—горькое, тухлое, у людей—деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?"—На это Анисимъ, служившій въ сыщикахъ и почитавшій себя чѣмъ-то въ родѣ философа, можетъ только отвѣтить: „кто къ чему приставленъ, мамаша".

Но въ семьѣ своей старикъ Цыбукинъ—добрый или, пожалуй, безвольный человѣкъ. Когда Варвара, это страшное существо съ односторонней совѣстью, добрая и ограниченная женщина, стала помогать мужикамъ деньгами, хлѣбомъ, старой одеждой, а потомъ начала таскать и изъ лавки, старикъ какъ будто понялъ, что̀ у нея таилось въ душѣ. „Разъ глухой (сынъ Цыбукиныхъ) видѣлъ, какъ она унесла двѣ осьмушки чаю,—и это его смутило.

„— Тутъ мамаша взяли двѣ осьмушки чаю,—сообщилъ онъ потомъ отцу.—Куда это записать?

„Старикъ ничего не отвѣтилъ, а постоялъ, подумалъ, шевеля бровями, и пошелъ наверхъ къ женѣ.

„— Варварушка, если тебѣ, матушка,—сказалъ онъ ласково, —понадобится что̀ въ лавкѣ, то ты бери. Бери себѣ на здоровье, не сомнѣвайся.

„И на другой день глухой, пробѣгая черезъ дворъ, крикнулъ ей:

„— Вы, мамаша, ежели что̀ нужно,—берите.

„Въ томъ, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадкахъ и красныхъ цвѣточкахъ".

Но дальше милостыни, вздоховъ и аховъ протестъ ея не шелъ, а между тѣмъ въ семьѣ Цыбукина творились по истинѣ возму-

тительныя вещи; Варвара даже ни словомъ не перечитъ Аксиньѣ, которая стала главнымъ рычагомъ обманной торговли Цыбукина. Почти на ея глазахъ происходитъ дикая сцена, въ которой разъяренная Аксинья обвариваетъ кипяткомъ ребенка своей снохи Анны, но Варвара только стонетъ и ничѣмъ не высказываетъ своего отношенія ни къ самому факту преступленія, ни къ участи несчастной Липы.

Аксинья—сама жизнь: жестокая, злобная, страстная, бойкая той особой смышлёностью русскаго ума, которая вооружаетъ человѣка для борьбы хитростью лисицы и наглостью волка; зоркостью, съ которой она умѣла намѣчать и вырывать лакомые кусочки жизни, она могла напомнить хищнаго ястреба. Наружность ея была замѣчательна: „У Аксиньи были сѣрые, наивные глаза, которые рѣдко мигали, и на лицѣ постоянно наивная улыбка. И въ этихъ немигающихъ глазахъ, и въ маленькой головѣ на длинной шеѣ, и въ ея стройности было что-то змѣиное; зеленая съ желтой грудью, съ улыбкой она глядѣла, какъ весной изъ молодой рѣки глядитъ на прохожаго гадюка, вытянувшись и поднявъ голову“. Старику любо-дорого было видѣть, какъ она торговала въ лавкѣ, смѣялась и кричала, какъ вела тайную торговлю водкой и какъ сердились покупатели, которыхъ она обижала. Впослѣдствіи она, сдѣлавшись уже вліятельнѣйшей купчихой въ околоткѣ, будетъ выгонять его изъ собственнаго дома и не давать ему ѣсть, и за спиной глухого мужа не постѣснится принимать „пожилого щеголя“ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Все это естественно, жизненно такъ, какъ понимаютъ эту жизненность герои Максима Горькаго; все это идетъ къ мастерски очерченному образу красивой и счастливой „гадюки“. Но психологія Варвары мало обоснована и не вполнѣ понятна, какъ при всемъ строѣ жизни, заведенномъ Анисьей, Варвара могла „еще больше пополнѣть и побѣлѣть“ и попрежнему творить добрыя дѣла. Еще болѣе удивительно, какъ могла Аксинья помириться съ ея присутствіемъ въ домѣ. Образъ Липы едва намѣченъ. Въ мало-естественной сценѣ, гдѣ убиваютъ ея ребенка, она не бросается на Аксинью, какъ разъяренная львица, у которой отняли дѣтеныша, а только вскрикиваетъ такъ, какъ никогда еще не кричали въ Уклеевѣ. И вся она какая-то „окаменѣлая“ во всей пьесѣ.

Несообразность сюжета, столь обычная у г. Чехова, въ родѣ эпизода съ фальшивыми деньгами, которыя развелъ въ Уклеевѣ сыщикъ Анисимъ, или та сценка, гдѣ Анисимъ проявляетъ свои сыскныя способности у себя же па свадьбѣ, совершенно пропа-

даютъ въ превосходной картинѣ Цыбукинскаго быта. Читая ихъ, не замѣчаешь, какъ натянуты разсужденія Анисима о совѣсти и Богѣ, насколько самъ Анисимъ является искусственнымъ, несмотря на то, что замыселъ этого образа съ точки зрѣнія художественной техники былъ весьма удаченъ. При иной постановкѣ онъ долженъ былъ бы столкнуться съ Аксиньей и или вступить съ нею въ борьбу, или заключить съ ней союзъ на томъ основаніи, что имъ обоимъ была присуща чуткость и зоркость низменныхъ животныхъ тварей. Если въ разсужденіяхъ Анисима о совѣсти сдѣлать необходимую постановку понятій, опредѣляемыхъ его профессіей, ему можно повѣрить, когда онъ говоритъ, что видитъ и понимаетъ „насквозь". „Ежели у человѣка рубаха краденая, я вижу. Человѣкъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, будто онъ чай пьетъ и больше ничего, а я, чай-то чаемъ, вижу еще, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина потому, что не знаютъ, есть ли Богъ или нѣтъ"... Такой же прозорливостью отличалась и Аксинья.

Не станемъ подробно останавливаться на характеристикѣ всѣхъ разсказовъ, гдѣ бытовая сторона и бытовые типы обличаютъ въ г. Чеховѣ настоящаго, а иногда и превосходнаго художника; для этого нужно было бы написать не одну, а нѣсколько статей. Если такой разсказъ его, какъ „Бабье царство", можетъ быть разсматриваемъ рядомъ съ предыдущимъ въ томъ отношеніи, что въ немъ изъ-за попытки, довольно наивной, раскрыть ложную психологію молодой купчихи-милліонерши выглядываетъ яркая картина купеческаго быта, то, напримѣръ, такіе разсказы, какъ „Бабы" или „Мужики", обличаютъ въ г. Чеховѣ уже настоящаго мастера и, несмотря на нѣсколько однотонное освѣщеніе, производятъ впечатлѣніе истинно-художественныхъ произведеній. Въ этихъ разсказахъ все естественно, живо, все бываетъ и можетъ быть; образы запоминаются сразу и цѣльности впечатлѣнія не мѣшаетъ никакой скучающій или умствующій интеллигентъ. Въ разсказѣ „Бабы" два дѣйствія, и оба глубоко интересны съ чисто человѣческой точки зрѣнія. На постоялый дворъ Кашина, по прозванію „Дюдя", заѣзжаетъ какой-то мѣщанинъ съ мальчикомъ, и вотъ между хозяиномъ и проѣзжимъ завязывается разговоръ. Проѣзжій разсказываетъ любовный эпизодъ изъ своего прошлаго, въ который заключена была потрясающая драма съ гибелью молодой жизни, страданіями и слезами, мѣщанской моралью догматичной, жестокой и темной. Онъ полюбилъ жену своего сосѣда, когда того забирали въ солдаты, и

до такой степени привязалъ къ себѣ молодую женщину, что та на всю жизнь отдала ему свое сердце. Между тѣмъ приходитъ вѣсть о возвращеніи мужа. Письмо развязываетъ руки мѣщанину, ему становится выгодно стать на сторону своей мѣщанской морали, но въ душѣ его любовницы поднимается страшная борьба. „Она побѣлѣла, какъ снѣгъ, а я ей говорю:—Слава Богу, теперь, говорю, значитъ, ты опять будешь мужняя жена.—А она мнѣ: „Не стану я съ нимъ жить“.—Да вѣдь онъ тебѣ мужъ? говорю—„Легко ли... я его никогда не любила и неволей за него пошла. Мать велѣла“.—Да ты, говорю, не отвиливай, дура, ты скажи: вѣнчалась ты съ нимъ въ церкви или нѣтъ?—„Вѣнчалась, говоритъ, но я тебя люблю и буду жить съ тобой до самой смерти. Пускай люди смѣются... Я безъ вниманія“...—Ты, говорю, богомольная и читаешь писаніе, что тамъ написано?“

Ссылка на писаніе весьма характерна. Никто такъ часто не хватается за него, какъ тѣ, которые вольно или невольно искажаютъ его истинный смыслъ и прикрываютъ имъ свои скверные поступки, заплаты на рубищѣ своей совѣсти.

Но баба, по выраженію мѣщанина, не слушаетъ, уперлась на своемъ и хоть ты што: „тебя люблю“—и больше ничего. Пріѣхалъ мужъ, она и мужу заявила, что ему не жена, что съ нимъ не хочетъ жить—„и всякія глупости“. Мѣщанинъ увѣрялъ тогда, что дѣло не ладно, поклонился мужу въ ноги, повинился передъ нимъ, а Машенькѣ прочиталъ въ его присутствіи по внушенію отъ ангела небеснаго такое чувствительное наставленіе, что самого даже слеза прошибла. И мужъ, Вася, простилъ и его, и жену. И простилъ такъ, какъ только умѣютъ прощать истинные самородные христіане изъ здоровой крестьянской среды. Особымъ прозрѣніемъ любви взглянулъ онъ на происшедшее: „Я, говоритъ, прощаю, Матюша, и тебя, и жену, Богъ съ вами. Она солдатка, дѣло женское, молодое, трудно себя соблюсти. Не она первая, не она послѣдняя. А только, говоритъ, я прошу тебя жить такъ, какъ будто между вами ничего не было, и виду не показывай, а я, говоритъ, буду стараться ей угождать во всемъ, чтобы она меня опять полюбила“. Руку мнѣ подалъ, чайку попилъ и ушелъ веселый“. И мѣщанину стало весело, что все обошлось такъ хорошо. Но не тутъ-то было: Машенькѣ не давали проходу. Ее выгоняли, били и мужъ, и бывшій любовникъ; читали ей наставленія и стращали геенной огненной, куда Машенькѣ предстояло идти заодно со всѣми блудницами... И въ концѣ концовъ—Вася заболѣлъ и померъ, а по мѣщанству пошли разговоры, что Вася померъ не своей смертью, что извела его

Машенька. Машеньку судили и сослали въ каторгу на тринадцать лѣтъ. На судѣ она не признавалась, но мѣщанинъ въ свидѣтеляхъ былъ и объяснилъ все по совѣсти: „ея, говорю, грѣхъ. Скрывать нечего, не любила мужа, съ характеромъ была"... Но она не дошла до Сибири, а умерла гдѣ-то по дорогѣ въ тюрьмѣ. Дюдя, слушающій его разсказъ, весь на сторонѣ мѣщанина: „Собакѣ собачья смерть", говоритъ онъ по поводу смерти Машеньки. Послѣ Машеньки остался трехлѣтній Кузька, и вотъ въ душѣ мѣщанина зашевелилось какое-то жесткое и, нѣкоторымъ образомъ, профессіональное чувство жалости: онъ рѣшилъ взять къ себѣ это „арестантское отродье". Этотъ Кузька и былъ тѣмъ мальчикомъ, съ которымъ мѣщанинъ заѣхалъ на постоялый дворъ. Не трудно себѣ представить, каково жилось сиротѣ подъ опекой милосерднаго дяденьки.

И въ то время, какъ мѣщанинъ и Дюдя обмѣнивались впечатлѣніями по поводу разсказаннаго эпизода и житейской морали вообще, за ними жизнь вышивала на той же канвѣ новый узоръ, исполненный глубокаго драматизма и неразрѣшимыхъ противорѣчій. Молодая, красивая Варвара, сноха Дюди, слышала повѣсть мѣщанина, но отнеслась къ ней совершенно иначе: у нея былъ свой „грѣхъ". Она „гуляетъ" съ поповичемъ и на замѣчаніе другой снохи, Софьи, говоритъ: „А пускай... Чего жалѣть? Грѣхъ, такъ грѣхъ, а лучше пускай громъ убьетъ, чѣмъ такая жизнь. Я молодая, здоровая, а мужъ у меня горбатый, постылый, крутой, хуже Дюди проклятаго. Въ дѣвкахъ жила, куска не доѣдала, босая ходила и ушла отъ тѣхъ злыдней, польстилась на Алешкино богатство—и попала въ неволю, какъ рыба въ вершу".

Въ это время гдѣ-то за церковью запѣли печальную пѣсню, отъ которой потянуло свободной жизнью, и сама Софья стала смѣяться: „ей было и грѣшно, и страшно, и сладко слушать"...

Здѣсь дана только завязка новой драмы, но она и не нуждается въ развитіи: одна изъ вѣроятныхъ развязокъ ея уже разсказана въ повѣсти мѣщанина. Пьеса заканчивается грустнымъ эпизодомъ: у Кузьки пропала шапка, дяденька его „осерчалъ" и погрозилъ „оборвать уши поганцу". У Кузьки уже перекосило лицо отъ ужаса, но, къ счастью, шапка нашлась на днѣ повозки. „Кузька рукавомъ стряхнулъ съ нея сѣно, надѣлъ и робко, все еще съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, точно боясь, чтобы его не ударили сзади, полѣзъ въ повозку".

Правдивымъ бытовымъ реализмомъ проникнута и повѣсть г. Чехова „Мужики". Въ ней нѣтъ яркихъ, типичныхъ фигуръ,

нѣтъ сложныхъ психологическихъ узоровъ, краски во многихъ мѣстахъ сильно сгущены, но, въ общемъ, отъ картины мужицкаго житья-бытья, которое развертывается въ этой повѣсти, вѣетъ такой жизненной правдой, передъ которой не можетъ не остановиться въ раздумьи самый равнодушный человѣкъ. Такое впечатлѣніе получается больше отъ цѣлой картины, отъ общаго фона, чѣмъ отъ конкретнаго изображенія дѣйствующихъ лицъ,— послѣднія слабо выдѣляются на общемъ фонѣ: Ольга и Саша обрисованы нѣсколько слащаво. Николай едва намѣченъ, Кирьякъ появляется на сцену только затѣмъ, чтобы крикнуть свое „Ма-арья", съ намѣреніемъ прибить ее; мало типичнаго и въ остальныхъ образахъ. Все происходитъ въ какихъ-то сгущенныхъ сумеркахъ невыносимой тяготы, фатальной жестокости жизни, и только прорывающіяся тамъ и сямъ картинки деревенской природы въ мягкихъ и нѣжныхъ тонахъ смягчаютъ это впечатлѣніе и вносятъ въ разсказъ оживляющую и примиряющую струю.

Когда Николай умеръ, Ольга съ дочерью разстались съ деревней и пошли въ городъ. Она шла исполненная самыхъ грустныхъ впечатлѣній отъ пережитаго, она припоминала такіе часы и дни, когда казалось, что всѣ эти люди, которыхъ она оставила, живутъ хуже скотовъ: они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, ссорятся, дерутся, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. По ея мнѣнію, жить среди мужиковъ было страшно, хотя и они были люди, страдали и плакали, изнемогали отъ тяжкаго труда и совершенно оставались безъ помощи. Но непосредственнымъ виновникомъ этой нескладицы жизни является, по мнѣнію Ольги, только мужикъ. „Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя и церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджогъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ". Наѣзжающіе изъ города интеллигенты—сами люди корыстолюбивые, жадные, развратные, лѣнивые, которые и въ деревню являются лишь за тѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать,—какая отъ нихъ можетъ быть польза?

Читатель такъ и разстается съ разсказомъ на этихъ грустныхъ мысляхъ Ольги, и авторъ ни однимъ штрихомъ не обнаруживаетъ ихъ наивности и односторонности, конечно, вполнѣ простительной и понятной съ точки зрѣнія бывшей горничной меблированныхъ комнатъ. Отъ этого выигрываетъ, можетъ быть, внѣшняя объективность разсказа, но зато несомнѣнно проигрываетъ „общая идея". Въ данномъ случаѣ „общая идея"—не въ

смыслѣ идеала, но въ смыслѣ того пониманія общаго порядка вещей, которое, разсуждая о видимостяхъ, принимаетъ въ соображеніе и тѣ причины, вліяніе которыхъ отразилось на нихъ. Вѣдь не мужикъ держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ, а что-то другое, какая-то отвлеченность, которую трудно выразить русскимъ словомъ: не то схема, не то система, не то эксплоатація. Не мужикъ растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія деньги, а скорѣе наоборотъ—мужицкія деньги идутъ на потребы, ничего общаго съ нимъ, мужикомъ, не имѣющія. А мужику изъ этихъ денегъ достаются то вершки, то корешки, по извѣстной сказкѣ о томъ, „какъ мужикъ съ медвѣдемъ пшеницу и рѣпу сѣяли", съ тою лишь разницею, что въ сказкѣ существо мужику доставалось, а медвѣдь оставался въ дуракахъ, въ жизни же какъ будто наоборотъ выходитъ. Что и говорить, случается мужику украсть у сосѣда, поджечь или дать ложную клятву, но вѣдь на то онъ темный, неразвитой человѣкъ, у котораго ни въ душѣ, ни за душой ничего нѣтъ такого, за что онъ могъ бы держаться, какъ за ясно сознаваемый принципъ: религія, вѣра? Но развѣ онъ не видитъ, что люди, которыхъ онъ считаетъ вѣрующими и религіозными, прикрываютъ формулами этой вѣры ту же сущность: обкрадыванье, бездушіе, черствый эгоизмъ? Винить въ этомъ интеллигенцію было бы и неправильно, и безсмысленно, но заставить читателя пофилософствовать на кое-какія жизненныя темы бываетъ, право, не лишнее... художники умѣютъ это дѣлать безъ всякаго насилія съ ихъ стороны. Какой-нибудь штрихъ, точка—и толчокъ данъ. Г-ну Чехову это рѣшительно не удается.

IX.

Мы ограничимся этими повѣстями, совершенно достаточными для того, чтобы показать лучшія свойства таланта г. Чехова, какъ бытописателя. Нужно ли говорить, что это мѣстами тонкое художественное мастерство проявляется вездѣ, гдѣ разсказъ переноситъ читателя въ обстановку давно сложившейся, отстоявшейся жизни, преимущественно въ области народнаго и мѣщанскаго быта? Мы останавливались на примѣрахъ съ сюжетами глубоко драматическими, но у г. Чехова не мало произведеній, проникнутыхъ грустной задумчивостью, красотой осеннихъ сумерекъ въ мягкихъ очертаніяхъ родного русскаго пейзажа. Изъ такихъ произведеній отмѣтимъ, напримѣръ, „Счастье" и „Свирѣль", гдѣ импрессіонизмъ творческой манеры г. Чехова достигаетъ высокой степени

развитія. Какъ и слѣдуетъ ожидать, природа даетъ богатыя средства для выраженія этого импрессіонизма, но сама она въ рукахъ художника—послушное орудіе, отражающее всѣ оттѣнки его настроеній. „Мелитонъ плелся къ рѣкѣ и слушалъ — такъ кончается разсказъ „Свирѣль", —какъ позади него мало-по-малу замирали звуки свирѣли. Ему все еще хотѣлось жаловаться. Печально поглядывалъ онъ по сторонамъ, и ему невыносимо становилось жаль и небо, и землю, и солнце, и лѣсъ, и свою Дамку, а когда самая высокая нотка свирѣли пронеслась протяжно въ воздухѣ и задрожала, какъ голосъ плачущаго человѣка, ему стало чрезвычайно горько и обидно на непорядокъ, который замѣчался въ природѣ.

„Высокая нотка задрожала, оборвалась—и свирѣль смолкла".

Въ другихъ, позднѣйшихъ разсказахъ, эта тихая грусть соединяется съ такой теплотой души, что изъ-за эпическаго спокойствія пробиваются струйки задушевнаго мечтательнаго лиризма, и въ бытовую картину вплетаются, лаская и украшая ее, искреннія поэтическія нотки. Такова маленькая пьеска „Архіерей", заканчивающаяся трогательнымъ описаніемъ смерти преосвященнаго, послѣ котораго осталась старушка-мать; она стѣснялась его при жизни, но потомъ любила „разсказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ... И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили".

Удаются г. Чехову и маленькія картинки изъ дѣтской жизни, въ родѣ разсказовъ: „Гриша", „Событіе" или „Ванька", хотя и въ этомъ жанрѣ, рядомъ съ ними, встрѣчаются разсказы натянутые и грубоватые, какъ „Дѣтвора" или „Кухарка женится". Въ разсказѣ „Ванька" трогательно изображена непривѣтная жизнь сиротки-мальчика въ подмастерьяхъ; онъ самъ разсказываетъ ее въ письмѣ къ дѣдушкѣ. „Пріѣзжай, милый дѣдушка,—писалъ Ванька,—Христомъ-Богомъ тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалѣй ты меня, сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ, и кушать хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А намедни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка, пріѣзжай"... Окончивъ письмо, Ванька вложилъ его въ конвертъ, написалъ адресъ: „На деревню дѣдушкѣ" и опустилъ письмо въ ящикъ. Безъискусственная, милая повѣстушка эта возбуждаетъ чувство живѣйшаго участія къ бѣдному маль-

чику и серьезную, заботливую думу о тысячахъ такихъ мальчиковъ, ежегодно забрасываемыхъ народной нуждой въ гибельныя городскія трущобы.

Лучше дается Чехову и юморъ въ бытовыхъ разсказахъ, но мы ихъ характеризовать не будемъ—пора кончать, да и говорить о нихъ не особенно хочется, хотя среди этихъ разсказовъ есть несомнѣнно забавные, отразившіе на себѣ тонкую бытовую наблюдательность автора, а порой и такіе, которые возбуждаютъ грусть, въ родѣ разсказа „Злоумышленникъ", о мужичкѣ, отвинчивавшемъ гайки съ рельсъ, нужныхъ ему въ качествѣ грузилъ при рыбной ловлѣ. Особо пришлось бы говорить и о пьесахъ, которыя было бы односторонне разсматривать независимо отъ ихъ сценическаго исполненія, тѣмъ болѣе, что образовалась особая труппа, сдѣлавшая исполненіе пьесъ Чехова какъ бы своей спеціальностью. Кое-гдѣ мы отмѣтили, впрочемъ, что по настроеніямъ онѣ не вносятъ новыхъ чертъ въ общее пессимистическое, мрачное и тусклое освѣщеніе жизни.

Пора кончать... но, разставаясь съ писателемъ, хотѣлось бы найти въ его настроеніяхъ какой-нибудь свѣтлый лучъ, хотя слабую надежду на то, что жизнь не всегда будетъ казаться ему непобѣдимо-властной и безъисходно-мрачной; хотѣлось бы вѣрить, что она улыбнется ему, какъ художнику, одной изъ тѣхъ обольстительныхъ улыбокъ, которыя разливаются въ творчествѣ солнечнымъ свѣтомъ радости жизни во имя жизни, радости борьбы во имя высшихъ идеаловъ человѣчества. И, намъ кажется, такіе проблески есть у г. Чехова. Въ одномъ изъ разсказовъ, сюжетъ котораго взятъ, какъ и слѣдовало ожидать, изъ области народнаго быта, мы встрѣчаемъ здоровое отношеніе къ жизни, съ которой люди борются, которую побѣждаютъ сильнымъ духомъ и бодрою мыслью. Въ разсказѣ „Въ ссылкѣ" перевозчикъ Семенъ, по происхожденію дьячковскій сынъ, совѣтуетъ татарину, своему товарищу, отказаться отъ матери и жены, отъ всего человѣческаго. Семенъ довелъ себя, по его собственнымъ словамъ, до такой „точки", что можетъ „голый на землѣ спать и траву жрать: и дай Богъ всякому". И онъ приводитъ случай изъ своихъ житейскихъ наблюденій, какъ одинъ господинъ, изъ ссыльныхъ, изводитъ себя изъ-за больной любимой женщины—изводить, по его мнѣнію, напрасно, потому что она все равно помретъ. А помретъ она,—продолжаетъ Семенъ,—человѣкъ этотъ повѣсится съ тоски, или въ Россію убѣжитъ, а тамъ его, дѣло извѣстное, поймаютъ, судить будутъ, каторга, плетей попробуетъ... Но татарина не убѣдить этимъ примѣромъ. Пусть каторга, пусть

тоска, за то господинъ этотъ живетъ, какъ человѣкъ; у него есть жена и дочь, онъ знаетъ, зачѣмъ живетъ. Какъ разъ во время этой бесѣды съ противоположнаго берега раздается требованіе перевоза; оказывается, что это ѣдетъ въ поиски за докторомъ тотъ самый ссыльный, о которомъ разсказывалъ Семенъ. Когда тарантасъ перевезли и проѣзжій ускакалъ, Семенъ пустилъ ему въ догонку насмѣшку: ищи, молъ, настоящаго доктора, догоняй вѣтра въ полѣ... Но татарину эти слова показались уже слишкомъ отвратительными, и онъ далъ Семену такую отповѣдь на своемъ ломаномъ языкѣ: „Онъ хорошо... хорошо, а ты—худо. Ты худо. Баринъ хорошая душа, отличный, а ты звѣрь, ты худо. Баринъ живой, а ты дохлый... Богъ создалъ человѣка, чтобъ живой былъ, чтобъ и радость была, и горе было, а ты хочешь ничего, значитъ, ты не живой, а камень, глина. Камню надо ничего и тебѣ ничего... Ты камень—и Богъ тебя не любитъ, а барина любитъ".

Чеховскій татаринъ оказывается на сторонѣ дѣятельной любви къ жизни, вѣрности нравственнымъ устоямъ. И въ пьесѣ М. Горькаго („На днѣ") подобный же татаринъ является живымъ воплощеніемъ народнаго здраваго смысла и здороваго отношенія къ упорядоченной внутреннимъ закономъ жизни. Это случайное совпаденіе довольно любопытно. Отъ него одинъ шагъ къ признанію этихъ чертъ въ русскомъ мужикѣ, которому онѣ болѣе къ лицу, при всемъ хаосѣ его понятій и безтолковости въ жизненномъ укладѣ. Въ таинственной глубинѣ темнаго народнаго чувства сверкаютъ искры глубокой любви къ жизни и вѣра въ возможность ея совершенства. Богъ народныхъ массъ—Богъ живой, жизнедѣятельный, Богъ труда, терпѣнія и любви. Подъ какой бы грубой оболочкой ни теплилась эта вѣра, она не вызываетъ отчаянья и безнадежной скорби у того, кто сочувственнымъ и непредубѣжденнымъ взоромъ вглядывается въ сложныя извилины народной души. Онъ самъ проникнется этой вѣрой и скажетъ, что у такого народа есть будущее, ради котораго стоитъ помочь ему выйти изъ темноты и убожества...

Мы должны вернуться къ той исторической перспективѣ, въ которой г. Чеховъ занялъ по настоящее время, волею судебъ русской литературы и своего таланта, свое особое мѣсто. Сильнѣйшая—бытописательная—сторона этого таланта заставляетъ скорѣе отнести г. Чехова къ тому направленію, которое до него и при немъ создавалось художниками, посвящавшими свои силы изобра-

женіямъ различныхъ сторонъ жизни народнаго и народно-буржуазнаго быта. Не говоря о давнихъ попыткахъ, направленіе это, сказавшись высокими образцами живописи у Тургенева, Некрасова, Льва Толстого, мрачными красками у Григоровича и Никитина, перешло въ новую фазу своего развитія въ произведеніяхъ Глѣба Успенскаго, Рѣшетникова, Златовратскаго, Левитова, Петропавловскаго, подчинявшихъ свое творчество идеямъ о народномъ благѣ и о путяхъ къ его достиженію; наконецъ, безъ крайнихъ увлеченій народнической тенденціей, въ смягченной формѣ болѣе непосредственной художественности оно вылилось въ группѣ такихъ писателей, какъ Короленко, Маминъ-Сибирякъ, г-жа Дмитріева, и продолжаетъ законно существовать въ жизни, вѣрное старымъ завѣтамъ добра, свободы и правды. Г-нъ Чеховъ принадлежитъ къ этой послѣдней группѣ писателей, но и здѣсь у него особое положеніе. Его дарованіе по блеску, конечно, никто не станетъ сравнивать съ талантомъ Тургенева или Льва Толстого. По глубинѣ вдумчивости въ народную жизнь его едва ли можно ставить на одну доску съ Глѣбомъ Успенскимъ; по части знанія быта онъ, конечно, уступитъ мѣсто и Рѣшетникову, и Левитову, хотя обоихъ далеко превосходитъ чувствомъ художественной мѣры и изяществомъ кисти. Своими наблюденіями надъ жизнью низшихъ слоевъ русской интеллигенціи онъ возбуждаетъ много вопросовъ, если можно такъ выразиться, интимно-общественнаго свойства, но среди нихъ едва ли найдутся такіе вопросы, которыхъ не ставила бы предшествовавшая г. Чехову публицистика въ обобщенныхъ или конкретныхъ формахъ. Достаточно указать на одного Салтыкова,—въ колоссальномъ наслѣдствѣ котораго мы не разобрались до сихъ поръ,—чтобы видѣть, какъ мало новаго вноситъ г. Чеховъ, въ этомъ публицистическомъ смыслѣ, своими изображеніями всяческаго убожества, худосочія, разныхъ золъ и бѣдъ нашей общественной жизни. Даже изображенія процессовъ различныхъ душевныхъ болѣзней и всяческихъ видовъ неврастеніи и безволія, обусловленнаго чаще физіологическими, чѣмъ иными причинами, г. Чеховъ далеко не представляетъ собою исключительнаго явленія, такъ какъ и въ этомъ отношеніи у него были предшественники, гораздо дальше его ушедшіе—Достоевскій и Гаршинъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, уступая каждому изъ этихъ писателей порознь въ основномъ мотивѣ ихъ дѣятельности, г. Чеховъ каждому изъ нихъ отвѣтилъ той или иной стороной своего таланта, душевныхъ симпатій, склонностей и общечеловѣческихъ стремленій. Однако, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ въ своемъ творчествѣ, г. Чеховъ почти не коснулся тѣхъ мучительныхъ

вопросовъ общественной совѣсти, которыми болѣли его могучіе духомъ предшественники, и то настроеніе, которое господствуетъ въ его поэзіи, далеко не явилось итогомъ, подведеннымъ (какъ полагали нѣкоторые) ихъ мучительнымъ и страстнымъ попыткамъ приблизиться къ идеалу общественнаго блага. Лишь въ одномъ случаѣ можно признать въ г. Чеховѣ—„уже историческое явленіе",—если понимать творчество его какъ фокусъ, вобравшій въ себя косые лучи разочарованія, сомнѣнія, утомленія русской прогрессивной мысли.

Въ такомъ случаѣ это историческое явленіе, этотъ фокусъ—только этапъ для больныхъ, малодушныхъ и отставшихъ, и мы на немъ не остановимся долго. Жизнь ушла впередъ, и волны ея начинаютъ безпокойно биться о прибрежные камни. Подъ грозой и непогодой, онѣ поютъ бурную пѣсню борьбы и приволья, поютъ о томъ, что въ нихъ много несокрушимой мощи, и что мертвая зыбь вчерашняго штиля прошла навсегда безвозвратно...

Не устоять „чеховскимъ" настроеніямъ передъ этимъ порывомъ жизненныхъ силъ, окрыленныхъ надеждой, озаренныхъ блѣдными лучами занимающейся зари.

Евг. Ляцкій.

СЕРЬГИ

Парижскій разсказъ.

Les Boucles d'Oreilles, conte parisien.

Изъ Франсуа Коппе́.

I.

Поденщица-швея, вставъ на зарѣ съ постели,
Въ туманѣ утреннемъ по улицѣ спѣшитъ
Къ привычному труду у герцога въ отэлѣ,
Гдѣ грифы у воротъ съ короной держатъ щитъ.
Въ дешевомъ платьицѣ, богатомъ вкусомъ женскимъ,
Въ перчаткахъ, съ зонтикомъ, летитъ она стрѣлой
Среди мастеровыхъ, предмѣстьемъ Сэнжерменскимъ
Идущихъ медленно тяжелою стопой.
Вотъ во дворѣ она. Скрипитъ подъ каблучками
Сырой песокъ. Въ верблюжьей курткѣ грумъ,
Съ собакой на цѣпи, съ сигарой межъ зубами,
Ей улыбается; но не идутъ на умъ
Ребенку скромному любезности и взгляды
Нахаловъ конюховъ, и не тая досады,
Не гля́дя на него, съ разсерженнымъ лицомъ
Поденщица шаги къ подъѣзду ускоряетъ.

Здѣсь мѣсяцъ шьетъ она и, право, не желаетъ
Условій выгоднѣй... Три франка со столомъ!
Въ отдѣльной комнатѣ, съ глядящимъ въ садъ окномъ,
Работа ждетъ ее и кофе ароматный.

Все здѣсь ей говоритъ о жизни благодатной,
Не знавшей бѣдности, не вѣдавшей тоски.
Въ каминѣ огонекъ. На мраморѣ доски
Красуется фарфоръ китайскихъ бездѣлушекъ.
Въ багетахъ золотыхъ на расписныхъ панò
Съ цвѣтами пастушки у ногъ своихъ пастушекъ.
Обои бѣлые. Глядитъ весна въ окно.
Конецъ пришелъ зимѣ. Ужъ молодой травою
Украсился лужокъ. Сквозь сѣть нагихъ вѣтвей
Приходскій виденъ храмъ, вознесшійся стрѣлою,
И носятся надъ нимъ десятки голубей.
Все свѣтитъ дѣвочкѣ улыбкой и привѣтомъ,
Когда она сидитъ съ иголкой за столомъ,—
Все свѣтитъ въ комнатѣ, включительно съ портретомъ:
Носатымъ предкомъ, скачущимъ верхомъ,
Въ кирасѣ, съ лентою, и золотымъ жезломъ
Какъ бы войскамъ дающимъ повелѣнье—
Побѣдой завершить немедленно сраженье!

А были для нея крутыя времена!
Работа долго ей нигдѣ не находилась.
Какъ хорошо, что наконецъ рѣшилась
Поговорить съ сестрой Агатою она!
Пришлось имъ исповѣдоваться вмѣстѣ.
Она повѣдала свою нужду сестрѣ;
Та видѣла швею не разъ въ монастырѣ,
Прослушала ее. И вотъ—она на мѣстѣ.
Уже съ второго дня ей велѣно ходить
На ежедневную работу къ герцогинѣ.
Какъ къ ней добры! Какъ стали съ нею нынѣ
Здѣсь, въ мірѣ роскоши, богатства, говорить:
Словами „барышня“ и „если вамъ угодно“!
Въ ней робости ужъ нѣтъ, ей хорошо, свободно
Въ просторной комнатѣ, у этого окна.
По временамъ на садъ, на церковь взоръ бросая,
Погружена въ свой трудъ, шьетъ ревностно она,
Наперсткомъ иглы тонкія ломая.
Къ ней герцогиня входитъ иногда
И дочери ея, бывающія въ свѣтѣ,
Другъ съ другомъ схожія, готовыя всегда—
Поговорить съ швеей о туалетѣ.
Простушка бѣдная—въ восторгѣ отъ господъ.

„А, здравствуйте, Эмэ!.. Ну, какъ шитье идетъ?
Что, подвигается отдѣлка пенюара?“
И, заколовъ иглу въ ткань блѣднаго фуляра,
Двумъ сестрамъ-барышнямъ, склоненнымъ надъ столомъ,
Дать объясненіе готовится гризетка,
Какъ рюшкой обошьетъ имъ пенюаръ кругомъ.
И увлекаются бесѣдою нерѣдко
О женскихъ тряпкахъ дѣвушки втроемъ.
Съ любовью барышенъ гризетка ожидаетъ.
И тонкій ароматъ ихъ дорогихъ духовъ,
И нѣжный цвѣтъ лица, и звукъ ихъ голосовъ—
Все нѣжитъ вкусъ ея и чувства услаждаетъ.
А сестры говорятъ: „Она—искуснѣй фей!
Мамаша, посмотри! Вотъ—прелесть! И какъ скоро!“
Тепломъ согрѣтое привѣтливаго взора,
Дитя работаетъ все лучше, все быстрѣй.
Вниманье и любовь портниху окружаютъ.
Съ прислугою ее на кухнѣ не сажаютъ.
Въ ливреѣ и чулкахъ со скатертью лакей
Въ часъ завтрака несетъ треножникъ круглый ей.
Сѣвъ за накрытый столъ съ гербами на приборѣ,
Здѣсь ѣстъ она на дорогомъ фарфорѣ;
И вкусная ѣда, и крупныхъ фруктовъ видъ
Удвоиваютъ въ ней здоровый аппетитъ.
Ей хорошо. Она довольства цѣну знаетъ.
Бездѣлка всякая и каждый уголокъ
Въ палатахъ роскоши простушку занимаетъ.
Такъ въ темной комнатѣ хирѣющій цвѣтокъ,
Лишь солнце видѣвшій весною въ отдаленьи,
Когда іюньскій лучъ въ окошко на мгновенье
Въ полдневный часъ его обитель навѣститъ,
Изъ мрачнаго угла улыбкою даритъ.

II.

Но вечеръ подошелъ. Отложена работа.
Пора въ обратный путь поденщицѣ домой.
Пройдя съ гербомъ и грифами ворота,
Она смѣшалась вновь съ шумящею толпой.
Газъ въ фонаряхъ зажженъ; въ зеленоватомъ небѣ
Легъ желто-розовый заката нѣжный тонъ.
Спѣшатъ прохожіе къ домамъ со всѣхъ сторонъ
Съ мечтой объ очагѣ, объ ужинѣ, о хлѣбѣ.
Она торопится,—далекъ ея конецъ,
Не меньше мили ей до бѣднаго жилища,
Гдѣ ждетъ изъ школы мальчиковъ отецъ
И незатѣйливо состряпанная пища.
Швея задумалась объ общемъ ихъ отцѣ,
Двухъ женъ во цвѣтѣ лѣтъ утратившемъ вдовцѣ.
Подъ лямкой станъ его немолодой согнулся.
Да дома ль онъ теперь? Не пьяный ли вернулся?
Какъ бы опять дѣтей-малютокъ не побилъ!
Онъ буенъ во хмелю. Сегодня день получки.
Не разъ случалось съ нимъ—по двое сутокъ пилъ!..
И, выбраться стремясь скорѣе изъ толкучки,
Въ заботахъ о семьѣ идетъ швея домой,
Похвалъ красѣ своей не слыша за собой.
У погребка замѣтивъ на порогѣ
Гуляку, на ногахъ нетвердаго, она
Спѣшитъ испуганно сойти съ его дороги,
Внизъ опустивъ глаза, вся въ мысль погружена.
Впередъ бѣжитъ дитя средь общаго движенья,
Солидностью къ себѣ внушая уваженье.
Пяти-этажный домъ въ концѣ ея пути;
На отдаленной онъ окраинѣ столицы,
Гдѣ у людей—разбойничія лица.
Взбѣжавъ на самый верхъ, она спѣшитъ войти
Къ себѣ. Ну, такъ и есть! Тревожила забота
Не даромъ дѣвушку. Справлялась вновь суббота
Ея отцомъ, столь падкимъ на вино!
Изъ школы мальчики, которымъ замѣняла
Сестра ихъ мать, вернулися давно,
И одиночество въ квартирѣ ихъ страшило.

Она управилась поспѣшно съ очагомъ
И, успокоивъ братьевъ, столъ накрыла,
Дала поѣсть и лампу имъ зажгла.
Когда, насытясь поздно, у стола
Они надъ школьными тетрадями заснули,
Эмэ задумалась...

О, Боже, какъ скучна
Ей эта комната! Пропитана она
Вся ѣдкимъ запахомъ плохого керосина.
Оборванное кресло у камина
Съ торчащимъ волосомъ; на немъ—облѣзлый котъ;
Съ отодраннымъ угломъ дешевая картина,
Къ стѣнѣ прибитая: Гамбетта-патріотъ
Въ одеждѣ мѣховой, съ открытой головою,
Ведетъ войска въ аттаку за собою.
Въ лохмотьяхъ дѣти спятъ. Какая нищета!
Къ роскошному дворцу влечетъ ее мечта,
Къ просторной комнатѣ изъ атмосферы душной,
Къ прекраснымъ завтракамъ, къ заманчивымъ сластямъ,
Къ супругѣ герцога любезной и радушной,
Къ ея молоденькимъ, прелестнымъ дочерямъ,
Входящимъ весело, держась за талью,
Не озабоченнымъ до вечера съ утра,
Не ознакомленнымъ съ нуждою и печалью,
Счастливымъ ныньче, завтра и вчера.
Сравнить ихъ жизнь съ ея существованьемъ!
Какъ будто зависть въ ней! Гризетка съ содроганьемъ
Изъ сердца гонитъ это чувство прочь...
Усталость голову къ плечу ея склоняетъ.
Такая тишина Эмэ здѣсь окружаетъ,
Что долѣе со сномъ бороться ей—не въ мочь...
Она проснулася отъ грохота паденья:
То пьянаго отца свершалось возвращенье.

III.

Недѣля протекла въ трудѣ безъ перемѣнъ.
Вокругъ Эмэ, какъ прежде, все сіяетъ.
Весна въ саду въ права свои вступаетъ.
Все тѣ же пастушки въ цвѣтахъ глядятъ со стѣнъ

И въ лентахъ розовыхъ ихъ бѣлыя овечки,
И предокъ, приподнявъ высоко на уздечкѣ
Ретиваго коня, какъ прежде, надъ врагомъ
Побѣду одержать приказъ даетъ жезломъ.

Швея работаетъ. Къ ней въ новомъ туалетѣ
Заходятъ барышни. Какъ сестры эти
Другъ съ другомъ схожи платьемъ и лицомъ!
„Мы вамъ подарокъ маленькій несемъ",—
Съ улыбкой говоритъ ей старшая:—„мы носимъ
Все одинаково, какъ знаете, съ сестрой
И раздаемъ бездѣлицы порой.
Одну изъ паръ серегъ принять васъ просимъ,
Другую пару мы ужъ отдали Жюли".
И на щекахъ Эмэ піоны расцвѣли;
Въ смущеніи она еще похорошѣла;
Не знаетъ, что̀ сказать, не вѣря и глазамъ.
Но прежде, чѣмъ найти слова она успѣла,
Онѣ ей говорятъ: „Отдайте ушки намъ!"
Шалуньи милыя готовы въ восхищеньи
Отъ выдумки своей скакать до потолка.
Вотъ покраснѣвшія, какъ пурпуръ, два ушка
Счастливой дѣвушки—въ ихъ временномъ владѣньи.
Въ одно мгновеніе, какъ ни была сложна,
Задача ихъ успѣшно рѣшена.
Гдѣ было стеклышко, товаръ дешевый рынка,—
Голубоватою сіяющей звѣздой
Дрожалъ сапфиръ на вѣткѣ золотой.

„Какъ ей къ лицу! Восторгъ! Она—блондинка!
Скорѣе зеркало! Пусть смотрится сама!"
И бѣдное дитя не сходитъ чуть съ ума:
Во снѣ-ль она иль въ мірѣ дивныхъ сказокъ?
Себя-ль гризетка видитъ предъ собой?
Какъ блещетъ свѣтъ каменьевъ голубой
Вблизи сіяющихъ лазурью неба глазокъ!
Глядитъ изъ зеркала дѣйствительно она!
Ей отъ волненія—то холодно, то жарко.
А для виновницъ этого подарка—
Ему такая же дешевая цѣна,
Какъ вишнямъ, собраннымъ въ саду фруктовомъ лѣтомъ
И на уши дѣтьми взамѣнъ серегъ надѣтымъ.

IV.

Подходитъ ночь. Прошло еще семь дней.

Эмэ идетъ домой поспѣшными шагами.
Сегодня сестры надавали ей
Коробокъ, свертковъ разныхъ со сластями.
Ихъ младшая съ крестинъ богатыхъ принесла.
Однако бѣдная швея не весела.
Ея отецъ исчезъ на трое сутокъ
И пропилъ все, что въ домъ успѣлъ принесть.
Она оставила сегодня двухъ малютокъ,
Не зная, будетъ ли имъ къ ночи что поѣсть.
Пропойца—такъ къ стыду она отца ругаетъ—
Просить на фабрикѣ въ счетъ будущихъ работъ
Хотѣлъ хозяина. Получитъ ли? Кто знаетъ!
Пришла домой—отца не застаетъ.
Ахъ, онъ неисправимъ! Безъ хлѣба—мальчуганы,
Въ холодной комнатѣ. А у нея карманы
Конфектами полны. Эмэ, открывъ буфетъ,
Глядитъ въ него напрасно: хлѣба нѣтъ.
„Мы ѣсть хотимъ!"—ей старшій заявляетъ.
Уныло ждетъ голодный младшій братъ.
Случайно въ зеркало разбитое бросаетъ
Она растерянный въ безпомощности взглядъ
И видитъ, какъ горятъ въ ушахъ ея сережки,
А мальчикамъ на ужинъ нѣтъ ни крошки!
Ломбардъ открытъ еще... Она бѣжитъ за дверь.
Не лягутъ дѣти спать голодными теперь.

Но ей—какая ночь! Сна не было въ поминѣ!
Что дѣлать дѣвочкѣ? Какъ по утру идти
Рѣшится безъ серегъ бѣдняжка къ герцогинѣ!
Какъ взгляды барышенъ швеѣ перенести!
Все что-ли высказать? Признаться имъ въ закладѣ?
Повѣдать о нуждѣ голодныхъ богачамъ,
О пьяницѣ-отцѣ, о всемъ домашнемъ адѣ!
Вдругъ вѣры не дадутъ они ея словамъ!
А коль повѣрятъ ей,—пожалуй, хуже будетъ!
Ей подаянье вдругъ предложатъ! Никогда!

Нѣтъ, нѣтъ! Эмэ дорогу навсегда
Въ радушный домъ скорѣе позабудетъ,
Но въ добрыя сердца сестеръ, такъ милыхъ къ ней,
Принявъ въ нуждѣ отъ нихъ благотворенье,
Боится заронить къ себѣ пренебреженье...
О, выносите ей, счастливцы, приговоръ!
Не въ мѣру гордою, до крайности стыдливой
Швею признайте вы,—народъ счастливый!
А я ее люблю, жалѣю безъ конца.—
Для мальчиковъ-сиротъ, для пьянаго отца,
Какъ то еще зимой холодною бывало,
Когда ей продавать матрацъ и одѣяло
Случалось для семьи, увидите ее
Вновь шьющею за франкъ солдатское бѣлье!

V.

Съ сестрой Агатою пришлося герцогинѣ
За мессой встрѣтиться вчера въ монастырѣ.
При дочеряхъ она передала сестрѣ,
Что по невѣдомой ни для кого причинѣ
Ея любимица покинула ихъ домъ,
Гдѣ были къ ней добры и, кажется, ласкали.
Сестра отвѣтила въ смущеніи большомъ:
„О, какъ неблагодарны люди стали!“

Перев. Н. Б. Хвостовъ.

ИЗЪ
АМЕРИКИ ВЪ ЯПОНІЮ

I.

На Сандвичевы острова.

13 мая 189... года мы вышли изъ Санъ-Франциско на пароходѣ „Gaelic“, принадлежащемъ извѣстной компаніи „Пиэндо“ (P. and O.), какъ сокращенно называется „Peninsula and Oriental Company“. На „Gaelic“ намъ предстояло переплыть Тихій океанъ, съ заходомъ на Сандвичевы острова и въ нѣсколько портовъ Японіи. „Gaelic“ дѣлался нашимъ жилищемъ почти на мѣсяцъ. Поэтому, только-что скрылась изъ глазъ земля, пассажиры начинаютъ устроиваться и знакомиться съ пароходомъ.

Несмотря на то, что, по размѣрамъ своимъ, пароходъ нашъ гораздо меньше пассажирскихъ гигантовъ Атлантическаго океана, несмотря на то, что обстановка пассажирскихъ помѣщеній далека отъ пресловутой роскоши „Lucania“ и другихъ подобныхъ плавучихъ отелей Атлантическаго океана, „Gaelic“ производитъ на насъ пріятное впечатлѣніе, которое лишь усиливается и дѣлается болѣе сознательнымъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нимъ. Его умѣренные размѣры исключаютъ необходимость тщательной изоляціи пассажировъ отъ судовой службы, которая проходитъ на „Gaelic“'ѣ на глазахъ публики. Невольно у пассажировъ является интересъ ко всему, что касается парохода, и процессъ плаванія становится для пассажира болѣе или менѣе сознательнымъ. Капитанъ и офицеры не имѣютъ особой жилой

палубы и, за исключеніемъ вахтеннаго времени, находятся все время среди пассажировъ.

Внимательное отношеніе къ пассажирамъ пошло дальше заботъ о комфортѣ данной минуты: для спасенія пассажировъ, на случай аваріи, на „Gaelic“ приняты такія разумныя мѣры, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. На второй день плаванія, капитанъ и офицеры предупреждаютъ пассажировъ, каждаго отдѣльно, что черезъ часъ будетъ произведена пожарная тревога и спускъ спасательныхъ ботовъ, и затѣмъ предлагаютъ, если угодно, принять участіе въ маневрѣ; при этомъ раздаютъ списокъ всѣхъ шлюпокъ на пароходѣ, списокъ офицеровъ и матросовъ по каждой шлюпкѣ; пассажиры также расписаны по шлюпкамъ. Послѣ маневра, въ которомъ охотно всѣ приняли участіе, каждый пассажиръ уже точно зналъ шлюпку, въ которой ему пріуготовлено мѣсто, зналъ офицера—командира своей шлюпки, и даже матросовъ. Маневръ среди плаванія былъ повторенъ, причемъ пассажиры ознакомлены съ мѣстами нахожденія пожарныхъ крановъ, рукавовъ, спасательныхъ круговъ, буйковъ и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ на пароходахъ Атлантическаго океана, да и не можетъ быть при нынѣшнемъ положеніи вещей, такъ какъ на пароходахъ-гигантахъ нѣтъ и не можетъ быть спасательныхъ средствъ въ количествѣ, достаточномъ для поднятія многотысячной толпы. Помимо того, что пассажиры большихъ пароходовъ, въ случаѣ аваріи съ пароходомъ, лишены возможности спастись внѣ своего парохода, громадная опасность грозитъ имъ даже въ случаѣ ложной тревоги отъ паники, неизбѣжной въ скученной толпѣ самихъ пассажировъ.

Тотчасъ по отходѣ парохода, раздаютъ списки пассажировъ. Съ нами ѣдутъ 65 пассажировъ перваго класса, изъ нихъ 46—до Гонолулу. Относительная немногочисленность общества, съ другой стороны—продолжительность плаванія по неволѣ заставляютъ всѣхъ перезнакомиться. Въ противоположность нивеллированной толпѣ пассажировъ между Европой и Америкой, общество „Gaelic“'а отнюдь нельзя назвать безцвѣтнымъ: попадаются весьма яркіе оригиналы мѣстныхъ типовъ. Такъ, напр., недалеко отъ меня за обѣденнымъ столомъ сидитъ обитатель Гонолулу, m-r N. Разговоръ съ нимъ, по началу, идетъ туго, такъ какъ онъ говоритъ на такомъ исковерканномъ англійскомъ языкѣ, что его съ трудомъ понимаетъ сосѣдъ мой, m-r M., прирожденный англичанинъ, занимающій на пароходѣ должность завѣдывающаго грузовой частью. Напротивъ насъ сидитъ супруга m-r'a N., молодая дама, еще не утратившая цвѣтной окраски

кожи, съ курчавыми, черно-синяго цвѣта, волосами, со сверкающими бѣлками глазъ, съ ослѣпительно-бѣлыми зубами, въ общемъ представляющая яркій типъ уроженки Сандвичевыхъ острововъ. Для перваго дня, пока общество еще не перезнакомилось, разговоръ за столомъ не клеится; разговариваютъ больше офицеры парохода и добродушный, симпатичный капитанъ. Разговаривая съ капитаномъ, я задаю ему, очевидно, животрепещущій вопросъ: какой національности нашъ пароходъ? „О, англійскій, конечно; въ случаѣ войны, мы дѣлаемся транспортомъ англійскаго военнаго флота". Всѣ офицеры сочувственно киваютъ головами, кромѣ одного, m-r Ch., который, послѣ обѣда, отведя меня въ сторону, говоритъ: „Пароходъ принадлежитъ акціонерной компаніи, въ которой преобладаютъ американцы, и, въ случаѣ войны, онъ будетъ американскимъ, а не англійскимъ транспортомъ".

Среди пассажировъ много молодежи, ѣдущей на вакантное время въ Гонолулу, и они шумятъ не мало, и шумомъ своимъ вносятъ не мало оживленія въ монотонную пароходную жизнь. По утрамъ всѣ они одѣты въ разныя фуфайки своихъ колледжей и клубовъ и усиленно занимаются гимнастикой и спортомъ. Здоровая, толстощекая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, одѣта въ синюю фуфайку, съ громадными бѣлыми буквами ABC на груди. На вопросъ, какъ называется школа, форму которой она носитъ, она отвѣчаетъ, что носитъ форму гребного клуба, членомъ котораго она состоитъ.

Самымъ оригинальнымъ пассажиромъ, безспорно, является master Max A. L., четырехъ лѣтъ отъ роду, ѣдущій самостоятельно изъ С.-Франциско въ Іокогаму и гуляющій по палубѣ съ вагончикомъ на веревочкѣ. Ему купили билетъ и сдали его на пароходъ въ С.-Франциско, а въ Іокогамѣ его встрѣтятъ родители. Конечно, капитанъ и горничныя присматриваютъ за нимъ, но избѣгаютъ дѣлать это очень открыто, такъ какъ самостоятельный джентльменъ при этомъ сердится. Какъ-то попросили его уйти изъ курительной комнаты, сказавъ, что мальчикамъ тутъ не мѣсто. Выйдя изъ курительной, онъ сейчасъ же предупредилъ другого карапуза: „Не ходите въ курительную комнату, тамъ можете имѣть непріятности".

Пассажирская жизнь на пароходѣ начинается рано; ежедневно, въ семь часовъ, надъ головами пассажировъ убираютъ палубу, обильно поливая ее водой и вытирая гравіемъ. Все это съ шумомъ стекаетъ по наружнымъ стѣнамъ каюты; швабры и щетки, которыми при этомъ энергично вытираютъ палубу, на-

столько жестки, что, съ непривычки, при первомъ пробужденіи, намъ грезились петербургскіе дворники, сгребающіе съ панелей снѣгъ. Временемъ до восьми съ половиной часовъ, когда подается первый завтракъ, пассажиры пользуются, чтобы взять морскую ванну. До перваго завтрака у англичанъ постановлено не быть знакомыми съ дамами; поэтому, не взирая на присутствіе дамъ, по палубѣ проходятъ босикомъ мужскія фигуры, завернутыя въ простыни или купальные халаты, идущія купаться или возвращающіяся изъ купальни къ себѣ въ кабины. При этомъ предполагается, что босые кавалеры не видятъ встрѣчающихся въ коридорахъ дамъ, не должны видѣть, а тѣмъ болѣе замѣчать, узнавать и здороваться. Этотъ англо-американскій порядокъ наблюдался нами и въ Атлантическомъ океанѣ, и на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ онъ весьма существенно восполнялъ неудобства спальныхъ вагоновъ.

На нижней палубѣ устроенъ водяной резервуаръ изъ парусовъ. Длина бассейна около трехъ саженъ, ширина—тоже, глубина—по плечи взрослому человѣку. Надъ бассейномъ устроенъ трамплинъ для ныряній. Вода постоянно пополняется сильнымъ насосомъ прямо изъ океана. Едва проснувшись, еще не совсѣмъ проснувшись, вы вскакиваете съ постели, натягиваете на себя купальную фуфайку, набрасываете халатъ и босикомъ бѣжите черезъ весь пароходъ на трамплинъ, и только въ водѣ просыпаетесь окончательно. Надо оговориться, что не вездѣ близъ тропиковъ возможно такое купанье. Въ Индійскомъ океанѣ, даже въ Красномъ морѣ, при высокой температурѣ воздуха, такое купанье въ холодной морской водѣ не только не освѣжаетъ, но, по мнѣнію врачей, вредитъ. На тѣхъ же широтахъ въ Тихомъ океанѣ, при умѣренной температурѣ воздуха, благодаря вѣчному ровному бризу, купанье—очаровательно. Въ восемь съ половиною часовъ всѣ собираются въ столовой; всѣ одѣты, поэтому всѣ видятъ другъ друга и здороваются между собою. Завтракомъ оффиціально начинается день на пароходѣ. Послѣ перваго завтрака на палубѣ большой шумъ: пассажиры занимаются играми и гимнастикой. Приборовъ для игръ и гимнастики много. Есть качели, трапеціи, висячія кольца, резиновые шнуры для вытягиванія. Рядомъ съ пожилымъ пассажиромъ, съ серьезнымъ видомъ методически вытягивающимъ резиновые шнуры, еще болѣе пожилой пассажиръ съ еще болѣе сосредоточеннымъ видомъ накидываетъ веревочныя кольца на шестъ. Подъ низкимъ потолкомъ коротко подвѣшенъ крѣпко надутый кожаный мячъ, величиною больше человѣческой головы, для упражненія

въ боксѣ. Нѣкоторые студенты очень ловко дерутся съ этимъ мячомъ, для чего надѣваютъ на кулаки особыя перчатки; стукъ при этомъ поднимается страшный.

Ко второму завтраку всѣ переодѣваются изъ гимнастическихъ фуфаекъ въ обыкновенные „тропическіе“ костюмы. Послѣ завтрака на палубѣ тише. Большинство погружено въ чтеніе. Подъ вліяніемъ попутнаго легкаго бриза, голубого моря и синяго неба, а иногда синяго моря и голубого неба, около двухъ часовъ дня, замѣчаются усиленное дремота и сонъ пассажировъ на верхней палубѣ.

Иногда, передъ обѣдомъ, устроиваются общественныя состязанія на скорость бѣга, на ловкость. Особенно большое веселье доставляетъ такъ называемый „обезьяній бѣгъ“ (monkey race). Съ потолка надъ палубой спущены двѣ веревочныя петли, не доходящія до полу вершка на четыре. Состязающіеся становятся на четвереньки, вкладываютъ ноги въ петли и, пятясь на рукахъ, должны провести мѣломъ на полу черту. Выигрываетъ тотъ, кто дальше проведетъ черту. Обыкновенно, какъ подниметъ такая „обезьяна“ руку, такъ ее и повернетъ ногами впередъ.

Затѣмъ слѣдуетъ „картофельный бѣгъ“ (potatoes-race). Ставятъ рядомъ столько ведеръ, сколько состязающихся, и отъ каждаго ведра, въ разстояніи двухъ шаговъ одна отъ другой, раскладываютъ десятка полтора картофелинъ. Надо собрать ихъ въ ведро, но нельзя приносить болѣе одной картофелины за-разъ.

Въ програму obstacle-race входятъ разныя препятствія, напр., въ одномъ мѣстѣ каждый состязающійся долженъ остановиться, откупорить лежащую бутылку лимонада, изъ горлышка выпить весь лимонадъ, и только тогда продолжать путь; въ другомъ мѣстѣ состязающійся долженъ пролѣзть сквозь положенную для того на палубѣ полотняную вентиляціонную трубу, длиною до пяти саженъ, далѣе—сквозь желѣзную трубу, на ходу откусить кусокъ отъ подвѣшенной на высотѣ рта булки, пролѣзть сквозь подвѣшенный спасательный кругъ и окончить состязаніе прыжкомъ въ бассейнъ для купанья. Состязаніямъ предшествуютъ выборы комитета и предсѣдателя, обсуждается программа, которая затѣмъ печатается; вечеромъ, послѣ состязаній, устроивается собраніе, говорятся спичи, раздаются призы.

Остановившись такъ подробно на описаніи этихъ игръ, я имѣлъ въ виду отдать хотя нѣкоторую дань уваженія той серьезности, съ которой здѣсь относятся къ организаціи общественныхъ игръ и непосредственные участники, и зрители.

Всякій веселится по своему. На нижней палубѣ въ III-мъ классѣ

съ утра до вечера идетъ азартная игра въ кости. Банкъ держатъ китайцы. Иногда,—должно быть, когда какой-нибудь обыгрываемый ими „бѣлый дьяволъ“ начинаетъ находить, что его проигрышъ требуетъ объясненія,—среди играющихъ поднимаются шумъ и драка. При крупной дракѣ въ дѣло вмѣшивается пароходная администрація и разгоняетъ игроковъ,—иногда помпой. Въ нашей курительной комнатѣ тоже образовалась постоянная игра въ кости. Компанію, очевидно, обыгрываетъ банкометъ, но здѣсь обыгрываемые довольствуются своимъ проигрышемъ, и дѣло обходится безъ вмѣшательства пароходной администраціи.

Ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ подается обѣдъ, проходящій неизмѣнно въ одной и той же обстановкѣ, съ одними и тѣми же сосѣдями, съ однообразными консервами, съ неизмѣнно подаваемыми тропическими дессертами изъ разныхъ lychees-nuts и alligators-pears и, наконецъ, съ неизбѣжными цыплятами-акробатами, прозываемыми такъ за мускулатуру, развитую ими за счетъ мяса, подъ вліяніемъ акробатическихъ упражненій въ клѣткахъ во время качки.

Послѣ обѣда на палубѣ образуются разныя группы; слышны молодые голоса въ дружныхъ хоровыхъ пѣсняхъ; поются серенады подъ аккомпаниментъ разныхъ бандуръ, сандвичевыхъ балалаекъ. Иногда появляется граммофонъ и организуются танцы; въ вечерней обстановкѣ Тихаго океана веселье молодежи пріобрѣтаетъ какой-то особый, поэтическій оттѣнокъ.

Послѣдній вечеръ наканунѣ прихода въ Гонолулу былъ особенно хорошъ и подарилъ насъ сначала двойной полной радугой, а затѣмъ картиной пурпурныхъ облаковъ, кидавшихъ красные рефлексы на черно-синее море. Вмѣстѣ съ быстро наступившей ночью вызвѣздилось южное небо, и мы до глубокой ночи оставались на носу парохода, любуясь фосфоресценціей воды и самосвѣтящимися моллюсками; иногда точно электрическій фонарь плыветъ мимо парохода громадная медуза; иногда точно ракета изъ-подъ носа парохода разсыплются сотни искръ въ морской бѣлой пѣнѣ; иногда же—кто знаетъ, почему—загорается прозрачнымъ зеленоватымъ свѣтомъ гребень волны безъ пѣны и зигзагомъ убѣгаетъ въ море, какъ прозрачная, блестящая змѣя...

II.

День въ Гонолулу.

Раннимъ утромъ пароходъ нашъ медленно движется между бѣлыми бурунами рифовъ, проходитъ мимо прибрежнаго маяка и, миновавъ буруны, вступаетъ на рейдъ города Гонолулу, расположеннаго на островѣ О-а-hu Гавайскаго архипелага. На пристани, къ которой мы причаливаемъ, насъ ожидаетъ разноплеменная толпа: англичане, американцы, темнокожіе туземцы канаки, китайцы и японцы.

Практика путешествій научаетъ многому; еще вчера я воспользовался бесѣдой съ однимъ изъ пассажировъ нашего парохода, мѣстнымъ сахарнымъ плантаторомъ, mr. Sch. Вооруженные почерпнутыми изъ бесѣды съ нимъ немногими, но практическими указаніями, мы смѣло сошли съ парохода, получивъ „отпускъ" до десяти часовъ вечера, когда пароходъ долженъ былъ уйти изъ Гонолулу. Аттакованные мѣстными извозчиками, мы говоримъ имъ нашъ маршрутъ и, поглядывая въ свою записную книжку, не сходимся съ ними въ цѣнѣ, такъ какъ извозчики требуютъ 15 долларовъ и приходятъ въ ужасъ отъ предлагаемыхъ 5-ти долларовъ. Mr. Sch. предвидѣлъ этотъ случай, рекомендовалъ намъ не смущаться и пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Тотчасъ около пристани мы проходимъ мимо крытаго базара, пріятно поражающаго своей чистотой. Мѣстныя темнокожія матроны, очевидно, лишь подъ давленіемъ полицейскихъ требованій, имѣютъ на себѣ широчайшія бѣлыя кисейныя блузы-капоты; кромѣ того, у нѣкоторыхъ въ рукахъ вѣеръ. Къ мужскому костюму полиція относится, очевидно, менѣе требовательно; мы встрѣчаемъ мѣстныхъ джентльменовъ, единственный костюмъ которыхъ состоялъ изъ купальной culotte. Нѣсколько такихъ босыхъ кавалеровъ очень умѣло пользуются велосипедами, исполняя обязанности посыльныхъ. Среди этой полу-райской обстановки мы идемъ по улицамъ, придерживаясь конножелѣзныхъ рельсъ. Первый же попавшійся намъ извозчикъ соглашается исполнить требуемую отъ него экскурсію за 5 долларовъ. Экипажъ—четырехмѣстный шарабанъ съ зонтикомъ, запряженный долговязой гнѣдой клячей; кучеръ—китаецъ, говорящій на такъ называемомъ „pigeon-englisch", представляющемъ исковерканный англійскій языкъ, исковерканный при томъ настолько, что англичане, слышащіе его въ первый разъ, не сразу понимаютъ. Но въ то же время pigeon-english

является вполнѣ установившимся однообразнымъ языкомъ для всего Востока, отнюдь не допуская разнообразія въ способѣ коверкать англійскій языкъ. Существуютъ даже путеводители съ вокабулами на pigeon-english, ставшемъ натуральнымъ воляпюкомъ Дальняго Востока. Разсказываютъ, что къ помощи pigeon-english прибѣгаютъ китайцы даже для взаимнаго объясненія между собою, такъ какъ различныя нарѣчія китайскаго языка настолько отличаются другъ отъ друга, что китайцы сѣверныхъ провинцій плохо понимаютъ китайцевъ съ юга.

Утро жаркое, немного душное. Начинается не то что дождикъ, а что-то въ родѣ тумана. По городу дорога сносная, но тотчасъ за городомъ мостовая кончается; дорога чѣмъ дальше, тѣмъ больше начинаетъ напоминать наши степные проселки; кляча едва вытягиваетъ легкій шарабанъ изъ распустившейся глины. Вѣтеръ усиливается, съ каждымъ порывомъ нагоняя туманъ, заволакивающій кругомъ насъ виды на окрестности. Иногда порывъ вѣтра разорветъ туманную завѣсу, предъ нами откроется на минуту уголокъ окружающаго пейзажа, но слѣдующій порывъ вѣтра нагоняетъ опять туманъ. Мы, очевидно, въ центрѣ циклона. Кучеръ въ отчаяніи. По его словамъ, такая погода была здѣсь десять лѣтъ тому назадъ. На какомъ-то небольшомъ подъемѣ рвется упряжь. Кое-какъ связываемъ ее веревкой, пробуемъ ѣхать дальше; кляча не тянетъ на гору, пятится, и мы рискуемъ быть опрокинутыми въ придорожную канаву. Кучеръ заявляетъ, что надо вернуться, прибавляя, для вящшаго соблазна, что онъ готовъ за это уступить намъ долларъ. Мимо насъ, совершенно какъ тюль въ театрѣ, несутся по землѣ облака. Порывъ вѣтра приподнимаетъ кусочекъ этого занавѣса и показываетъ заманчивый видъ на горы, куда мы стремимся. Мы забываемъ всѣ дорожныя невзгоды, забываемъ, что на насъ нѣтъ сухой нитки, что насъ обдуваетъ при этомъ вѣтеръ, забываемъ, что кучеръ соблазняетъ насъ возможностью нажить долларъ, — и распоряжаемся ѣхать впередъ. Еще часъ мученія, и мы пріѣзжаемъ въ Pali. Кучеръ останавливается у скалы и говоритъ, что дальше онъ не можетъ ѣхать, такъ какъ вѣтеръ можетъ перевернуть экипажъ. Идемъ провѣрить его. Вѣтеръ сшибаетъ съ ногъ, но что ни шагъ впередъ, тѣмъ интереснѣе. Обогнувъ скалу, вы вдругъ видите океанъ на большой глубинѣ подъ вами; на громадное разстояніе вы видите разбросанные по океану острова архипелага; на нѣкоторыхъ дымятся вулканы. Кругомъ тѣснятся высокія, причудливыхъ формъ, скалы; въ дикихъ пропастяхъ и ущельяхъ клёкчутъ орлы. При безоблачномъ небѣ

надъ океаномъ реветъ буря. Въ тѣсную долину, по которой мы проѣхали, бѣшено врывается холодный вѣтеръ, сталкивается съ теплымъ воздухомъ, и съ нашей открытой площадки, залитой солнечнымъ свѣтомъ, мы любуемся пляской облаковъ въ долинѣ.

Назадъ мы ѣдемъ гораздо веселѣе, безъ пререканій съ кучеромъ: и дорога идетъ подъ гору, и вѣтеръ дуетъ попутно, да и погода улучшается; при подъѣздѣ къ городу вѣтеръ стихаетъ, туманная завѣса испаряется. Долина, по которой мы ѣдемъ, вся разработана подъ плантаціи. Культивируются, главнымъ образомъ, кофе и сахаръ, но попадаются и бананы, и кокосовыя пальмы, и прочіе представители мѣстной флоры. Въ городъ мы въѣзжаемъ уже при совершенно ясномъ небѣ и легкомъ тепломъ бризѣ, среди ярко сверкающей, только-что напоенной субтропической растительности. Проѣхавъ городомъ нѣсколько кварталовъ, мы круто сворачиваемъ влѣво и, выѣхавъ изъ города, начинаемъ подниматься на потухшій вулканъ Punsh-bow-hill. Довольно пологая и отлично укатанная дорога нѣсколько разъ винтомъ огибаетъ песчаный холмъ. Панораму, открывающуюся съ вершины кратера на утопающій въ зелени городокъ, на дикое ущелье Pali, на гору Diamond-Head, на океанъ и архипелагъ—трудно забыть тому, кто ее видѣлъ. Въ порту и на рейдѣ, за бѣлой линіей буруновъ, видно много судовъ и пароходовъ. Городокъ—какъ на ладони. Примирившійся со мною кучеръ разсказываетъ намъ всѣ достопримѣчательности и указываетъ нынѣшнее мѣсто пребыванія ех-королевы.

По той же дорогѣ, кружась около вершины кратера, спускаемся въ городъ и ѣдемъ завтракать въ „Hawaian-Hôtel". Завтракъ происходитъ въ изысканной, не лишенной своеобразности, обстановкѣ. Многіе джентльмены—въ черныхъ визиткахъ, но въ бѣлыхъ панталонахъ. Дамы—въ легкихъ лѣтнихъ туалетахъ, но въ громадныхъ шляпахъ, которыя, очевидно, не могутъ быть легкими. Прислуга, вся въ бѣломъ, не служитъ, а священнодѣйствуетъ. Maître-d'hôtel — индусъ, въ богато расшитой шелками фескѣ. Вездѣ масса цвѣтовъ. Надъ головами, подъ потолкомъ, летаютъ легкіе вращающіеся вѣера, напоминающіе стрекозиныя крылья.

Послѣ luncheon мы пошли по городу пѣшкомъ. Главныя улицы города застроены чудесной архитектуры церквами, дворцами, школами. Всѣ зданія стоятъ особнячками и окружены садами. Металлическія рѣшетки садовъ щеголяютъ изысканностью рисунковъ и исполненія; цвѣтники за рѣшетками стоятъ рѣшетокъ. Особенно красиво смотрятъ пальмовыя аллеи: стройные, бѣ-

лые стволы красавицъ пальмъ, разсаженныхъ симметричными рядами, образуютъ величественную колоннаду съ естественнымъ полупрозрачнымъ сводомъ изъ зеленыхъ гигантскихъ листьевъ. Вообще, съ внѣшней стороны городъ безукоризненъ. Въ теченіе двѣнадцати часовъ не пришлось, конечно, познакомиться съ организаціей городского общественнаго хозяйства, но нельзя обойти молчаніемъ впечатлѣнія отъ случайнаго посѣщенія пожарнаго депо. Признавъ въ насъ иностранцевъ, остановившихся передъ открытыми дверями пожарнаго депо, одинъ изъ агентовъ депо весьма любезно показываетъ намъ его устройство. Въ случаѣ тревоги электрическій проводъ освобождаетъ одну скобку съ пружиной, вслѣдствіе чего всѣ лошади автоматически выводятся изъ стойлъ, автоматически подводятся къ дышламъ, сбруя автоматически запрягается на лошадяхъ—и обозъ готовъ къ выѣзду.

Чтобы добраться до общественнаго парка, „Ка-пі-о-ла-ни“, мы сѣли въ вагонъ, запряженный ослами. Въ вагонѣ нѣсколько цвѣтныхъ дамъ въ широчайшихъ капотахъ, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ пальцы ногъ—большею частью босыхъ. Дамы преуморительно жестикулируютъ, съ весьма выразительной мимикой. Сидящая напротивъ насъ дама оживленно бесѣдуетъ съ такимъ же, какъ она, цвѣтнымъ кавалеромъ, на непонятномъ для насъ языкѣ. Но вдругъ эта дама сгребла свой носъ въ кулакъ, опустила голову на бокъ и стала конфузливо пофыркивать; кавалеръ ея въ то же время, запрокинувъ назадъ голову, весьма самодовольно хохоталъ, испуская отрывистые гортанные звуки. И весь вагонъ принялъ участіе въ мимической сценѣ,—нельзя было не понять ея.

Пара осликовъ бодрой рысью катитъ нашъ вагонъ по рельсамъ Nu-u-a-nu Avenue. Кондукторъ вагона предупредительно указываетъ намъ зданіе бывшаго дворца, занятое нынѣ присутственными мѣстами. Нѣсколько далѣе мы проѣзжаемъ мимо резиденціи нынѣшняго американскаго генералъ-губернатора. Площадь передъ этимъ дворцомъ украшена черной статуей короля Ka-me-ha-me-ha, изображеннаго въ туземномъ нарядѣ; такъ какъ черное тѣло короля изображается черной бронзой, и только одежды условно изображены золоченой бронзой, то статуя въ общемъ не грѣшитъ избыткомъ позолоты. На выѣздѣ изъ города расположено зданіе больницы, окруженное пальмовой рощей, лучшей изъ видѣнныхъ нами. Непосредственно за городомъ мы проѣзжаемъ черезъ обширную болотистую мѣстность, обращенную въ плантацію банановъ. Среди плантаціи виднѣются шалаши сторожей; иныхъ жилищъ нѣтъ. За этой, очевидно, нездоровой мѣст-

ностью, дорога выходитъ на благоустроенное прибрежье, застроенное виллами и дачами. Вагонъ останавливается у общественнаго парка Ka-pi-a-la-ni; пассажиры оставляютъ вагонъ и спѣшно направляются въ паркъ. Пѣшеходовъ обгоняютъ нарядные экипажи, управляемые бо̀льшею частью дамами, иногда и темнокожими; среди экипажей галопируютъ на великолѣпныхъ лошадяхъ всадники, одѣтые въ рубашки, большія соломенныя шляпы, широкіе кушаки и бѣлые ботфорты со шпорами. Увлекаемые общимъ потокомъ, торопимся и мы вмѣстѣ со всѣми по этому тропическому парку съ гигантской растительностью, но съ умѣреннымъ климатомъ, благодаря вѣчному бризу. Попадаемъ на скаковой кругъ, врядъ ли имѣющій въ свѣтѣ соперниковъ по красотѣ обстановки. Еще пять минутъ—и мы радуемся, что не опоздали, пріѣхавъ какъ разъ во̀-время — къ началу. Выѣзжаютъ два жокея: нарядный, въ красномъ, на красивой, нарядной, горячащейся гнѣдой лошади; второй — жокей въ зеленомъ — на рыжей лошади. Дистанція—$^3/_4$ мили, около версты. Зеленый разъ десять останавливается передъ стартомъ, истомляетъ краснаго и затѣмъ приходитъ первымъ въ 1 минуту $18^3/_4$ секунды. Скачки окончены безъ протестовъ со стороны публики, при шумныхъ апплодисментахъ зеленому побѣдителю. Толпа стремится къ выходу; мы рѣшаемъ сдѣлать прогулку по парку. Паркъ тщательно содержится и изобилуетъ водой, но на всѣ многочисленные островки можно попасть по изящнымъ мостикамъ. На берегу одного изъ озерковъ, поближе къ выходу изъ парка, мы присаживаемся въ ожиданіи вагона. Въ неподвижныя, тихія воды задумчиво смотрятся плакучія ивы. Въ отличіе отъ сѣверныхъ, мѣстныя ивы отличаются особенно тонкими побѣгами, отчего очертанія ихъ гораздо легче и воздушнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Надъ всѣмъ тихимъ пейзажемъ сквозь кружево листвы сіяетъ ярко-синее небо; не жарко, вѣтеръ дуетъ мягко, безъ толчковъ. Не хотѣлось уходить изъ этого мирнаго, поэтическаго уголка, но пришелъ вагонъ; исполняя программу, заданную намъ m-r Sch., мы ѣдемъ на морскія купанья въ мѣстность, называемую Wai-ki-ki-Beach. Выйдя изъ вагона противъ Wright's Villa, мы входимъ въ ворота виллы и, пройдя черезъ садъ и террасу, попадаемъ на великолѣпный песчаный берегъ, о который тихо плещется океанъ; далѣе, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега, ревутъ буруны. Берегъ и тихія воды до буруновъ оживлены купающимися; на берегу подъ тѣнью пальмъ раскиданы кабины; между ними возвышается терраса ресторана, по мѣстному—lanais. Слѣва берегъ круто загибаетъ, и на мысу виденъ паркъ Ka-pi-o-la-ni,

въ которомъ мы только-что были. Среди купающихся и зрителей много пріѣзжихъ американцевъ и даже европейцевъ, отдыхающихъ и набирающихся силъ въ этомъ курортѣ, въ которомъ лечебный сезонъ продолжается круглый годъ.

Послѣ купанья, причемъ, конечно, мы держались въ приличномъ разстояніи отъ буруновъ, мы садимся на террасѣ lanaïs'а пить чай и смотримъ, какъ вѣчно ревущіе бѣлые буруны экплоатируются купающимися для оригинальнаго спорта. Мѣстная молодежь, канаки, бросается на бурунъ, имѣя въ рукахъ нѣчто въ родѣ гладильной доски; бурунъ съ головокружительной быстротой несетъ ихъ нѣсколько десятковъ саженей и бережно выбрасываетъ въ тихія прибрежныя воды. Эта игра съ океанскимъ буруномъ такъ соблазнительна, что является желаніе снова раздѣться и принять въ ней участіе. Но это мѣстное народное катаніе съ горъ требуетъ очевидно особой сноровки и ловкости: нѣсколько „бѣлыхъ" джентльменовъ своими неудачными попытками избавили насъ отъ желанія попробовать это удовольствіе и доставили большое удовольствіе толпѣ зрителей. Вообще, на берегу царятъ веселье и непринужденность: въ этой обстановкѣ не мѣсто сплину и чопорности.

Послѣ обѣда мы провели вечеръ въ „Hawaian-Hôtel" на концертѣ, даваемомъ мѣстнымъ правительствомъ. На громадной эстрадѣ-галереѣ гостинницы, весьма комфортабельно обставленной разноцвѣтными электрическими лампіонами, мы встрѣтили двухъ нашихъ спутницъ-американокъ, пріѣхавшихъ провести два-три мѣсяца въ Гонолулу. Встрѣча съ обѣихъ сторонъ была искренно радостная; вотъ что значитъ встрѣча послѣ совмѣстной продолжительной скуки при сознаніи, что врядъ ли эта совмѣстная скука можетъ повториться. Оркестръ игралъ на особой эстрадѣ городского сада въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей галереи. Среди тропическаго сада, подъ темнымъ, ярко вызвѣздившимся тропическимъ небомъ, великолѣпный оркестръ артистически исполнилъ „Ночь" Рубинштейна. Опять не хотѣлось уходить отъ этой „Ночи", но намъ пора на пароходъ. Ночь такъ хороша, что я устроился на палубѣ, проспалъ нашъ отходъ отъ пристани и проснулся уже въ открытомъ морѣ.

III.

Въ Японію.—Нагасаки.

Утромъ слѣдующаго дня пароходъ нашъ шелъ еще среди архипелага, и мы любовались островомъ Ка-u-a-i; затѣмъ вышли

въ океанъ на двѣнадцатидневное плаваніе на томъ же „Gaelic", въ той же обстановкѣ, которая достаточно пріѣлась намъ за семидневный переходъ изъ С.-Франциско въ Гонолулу. Число пассажировъ поубавилось, такъ какъ взамѣнъ сорока-шести, оставшихся въ Гонолулу, вновь сѣло человѣкъ десять. Нѣкоторое развлеченіе внесъ англичанинъ m-r M., недурной пѣвецъ-любитель, успѣвшій заявить намъ, что его мать—русская графиня М. Такъ ли это—остается на совѣсти m-r M. Но поспѣшность его заявленія еще показала, что—какъ пришлось наблюдать за все время пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ—къ Россіи тамъ относятся далеко не съ презрѣніемъ, и если не съ любовью, даже далеко не съ любовью, то съ большою боязнью и даже съ уваженіемъ, насколько уваженіе можетъ проистекать изъ боязни.

Параллельно поспѣшности англичанина m-r M. приписаться въ родство къ русской націи, умѣстно привести разговоръ, который мнѣ пришлось имѣть въ тотъ же день вечеромъ. Облокотившись на бортъ, я засмотрѣлся на море. Со мной заговариваетъ сосѣдъ, сѣвшій на пароходъ въ Гонолулу. На мой вопросъ, не англичанинъ ли онъ, судя по его выговору, онъ отвѣчаетъ, что онъ британецъ, но не англичанинъ, а шотландецъ.

Вскорѣ послѣ отхода изъ Гонолулу, умеръ китаецъ-пассажиръ третьяго класса. Вопреки нашимъ ожиданіямъ, его не похоронили въ морѣ, а запаковали въ одну изъ пароходныхъ шлюпокъ и повезли на родину въ Шанхай. Китайцы такъ дорожатъ погребеніемъ на родинѣ, что изъ Америки періодически отправляются въ Китай пароходы, наполненные тѣлами китайцевъ.

Самымъ выдающимся событіемъ монотоннаго плаванія была пропажа цѣлаго дня. На четвертый день плаванія полуденный бюллетень показываетъ 176°46′ западной долготы отъ Лондона и 29°14′ широты. До завтрашняго полудня мы должны пересѣчь 180° меридіанъ отъ Лондона и перейти съ учета западной долготы на учетъ восточной. На этомъ меридіанѣ англійскіе пароходы, плывущіе на западъ, теряютъ день; поэтому на лѣстницѣ, ведущей въ салонъ, вывѣшено слѣдующее объявленіе: „Пароходъ Gaelic. Понедѣльникъ 5 іюня 189*. Завтра будетъ Среда 7 іюня". Объявленіе подписано командиромъ парохода.

По мѣрѣ приближенія къ Японіи, мы выходимъ изъ области ровнаго бриза. Становится жарко, иногда слишкомъ вѣтрено и начинаетъ покачивать. Наканунѣ подхода къ Японіи ко всей духотѣ и скукѣ прибавился еще и дождь. Но зато въ четыре часа изъ-за вдругъ прояснившагося тумана мы увидали берега Японіи.

Первый разъ намъ пришлось побывать въ Японіи четыре года ранѣе описываемаго путешествія на „Gaelic". Въ послѣднихъ числахъ декабря, на четырнадцатый день бурнаго плаванія изъ Сингапура, на добровольцѣ „Владиміръ", причемъ насъ особенно трепало около Формозы, насъ разбудили извѣстіемъ, что виденъ берегъ острова Кіу-Сіу и входъ въ Нагасакскую бухту. Несмотря на декабрь, на палубѣ всѣ пассажиры—безъ пальто. За скучное плаваніе перечитано объ Японіи все, что было подъ рукой, пересмотрѣны всѣ гравюры. Большинство находится подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ описанія Японіи Pierre Loti въ его „M-me Chrysanthème". Впечатлѣнія отъ окружающей насъ оригинальной обстановки являются поэтому какъ бы предчувствованными, но дѣйствительность все-таки превосходитъ ожиданія. Глубоко вдающаяся въ материкъ, въ очень крутыхъ берегахъ извилистая Нагасакская бухта усыпана миніатюрными гористыми островками вулканическаго происхожденія. Чѣмъ дальше идемъ по заливу, чѣмъ ближе подходимъ къ Нагасаки, тѣмъ оживленнѣе становятся и рейдъ, и берега. Безжалостный судовой режимъ требуетъ въ одиннадцать часовъ къ завтраку. Но никто не высиживаетъ за столомъ до конца завтрака, такъ какъ нельзя же пропустить миніатюрный островокъ-горку Pappenberg, съ котораго когда-то топили въ морѣ христіанъ. Островокъ оригиналенъ своей компактностью, своими рѣзкими формами и темной, почти до черноты, листвой ростущихъ на немъ деревьевъ. Въ общемъ островокъ не лишенъ своеобразной прелести.

Едва пароходъ нашъ отдалъ якорь среди какъ бы закрытаго озера, со всѣхъ сторонъ окруженнаго панорамой горъ, на палубу полѣзли японцы, облѣпившіе пароходъ своими „фунэ", т.-е. лодками, съ крошечными каютами, какъ у венеціанскихъ гондолъ. Приводится въ движеніе такая фунэ однимъ весломъ, причемъ гребецъ, стоя на кормѣ, не вынимаетъ весла изъ воды, а дѣйствуетъ имъ на подобіе пароходнаго винта, отчего на ходу лодки сильно раскачиваются. За это раскачиваніе русскіе матросы мѣтко прозвали ихъ „юли-юли". Капитанъ парохода объявляетъ намъ, что предполагаетъ сняться съ якоря не ранѣе, какъ завтра вечеромъ, и мы съѣзжаемъ на берегъ, имѣя въ своемъ распоряженіи тридцать-шесть часовъ на знакомство съ Японіей. На пристани мы садимся въ кресла-одноколки (дженерикши), которыя мчатъ рысью люди, взявшись за оглобли. Послѣ пяти минутъ ѣзды рысью, причемъ въ Японіи всѣ держатся лѣвой стороны, мы пріѣхали въ „Hôtel Belle-Vue", содержимый какой-то француженкой. За двухдневное пребываніе въ Нагасаки, только съ этой

француженкой, да въ парикмахерской, пришлось говорить по-французски; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Нагасаки международнымъ языкомъ былъ русскій языкъ, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ англійскому. И на рейдѣ—по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту—между военными судами преобладалъ русскій андреевскій флагъ.

Дорожа каждой минутой, отпущенной намъ на Японію, мы заняли въ гостинницѣ номеръ и тотчасъ же, всей съѣхавшей на берегъ компаніей пассажировъ, поѣхали на джenерикшахъ за двѣнадцать верстъ отъ Нагасаки, въ рыбацкую деревню Моги, дорога въ которую славится своей красотой. Проѣзжать пришлось черезъ весь городъ, который въ этотъ день имѣлъ праздничный видъ, такъ какъ японцы праздновали Новый годъ, такъ называемый „gan-jitzu". Японцы чтутъ пять большихъ праздниковъ въ году: 1, 3, 5, 7 и 9 числа 1, 3, 5, 7 и 9 мѣсяцевъ; изъ этихъ праздниковъ первое число перваго мѣсяца чтится наиболѣе.

Странно, непривычно чувствуемъ мы себя. Гуськомъ тянется нашъ поѣздъ; всѣ восемь дженерикши бѣгутъ въ ногу, налегая на оглобли, согнувшись; на всѣхъ одѣты одинаковыя бѣлыя грибообразныя шляпы, съ черными нумерами. Бѣлый грибъ шляпы на четырехъ стойкахъ прикрѣпленъ къ обручу, надѣваемому на голову; такимъ образомъ, между головой и шляпой свободно циркулируетъ воздухъ. Извиваясь змѣей, пробѣгаемъ мы по европейскому предмѣстью и далѣе катимся по узкимъ улицамъ торговыхъ кварталовъ. Всѣ лавки помѣщаются въ первыхъ этажахъ; во вторыхъ этажахъ лѣпятся японцы, задвинувшись отъ холода своими бумажными ширмами: это и есть стѣны домовъ. По случаю праздниковъ карнизы свѣсовъ надъ лавками украшены соломенными жгутами, съ которыхъ свѣшиваются, на аршинъ одна отъ другой, соломенныя метелки, придавая однообразный видъ всему городу. На соломенныхъ же жгутахъ, перекинутыхъ черезъ улицы, развѣваются національные японскіе флаги: бѣлое поле съ краснымъ шаромъ, изображающимъ восходящее солнце. Такіе же флаги украшаютъ двери и окна зданій; древки флаговъ—изъ легкихъ бамбуковыхъ тростей. Въ каждомъ домѣ, въ каждой лавкѣ выставлена новогодняя японская „ёлка", т.-е. два хлѣба, одинъ на другомъ, окруженные разными эмблемами, деревцо съ бонбоньерками и японскими фонариками, уродцами, свѣжія вѣтки съ какими-то красными ягодами, такія же вѣтки съ мандаринами и обязательно вездѣ красный ракъ, обозначающій, будто бы, престарѣлый возрастъ. Вездѣ праздничное настроеніе, праздничныя рожицы, очевидно, принаряженныхъ японцевъ и японокъ;

чудесный безоблачный день и чисто японскій пейзажъ мѣстности, очень живописный, но точно сокращенный, миніатюрный, вполнѣ отвѣчаютъ и толпѣ, и настроенію. Среди оживленной толпы поминутно встрѣчаются „батюшки“ съ причтомъ, ходящіе съ новогодними поздравленіями изъ дома въ домъ, причемъ рѣзко отличаются своими рясами представители религій „синто“ и „будда“. У всѣхъ веселыя лица, какъ это и должно быть въ Японіи, въ Новый годъ. Дѣти японцевъ-куколъ смотрятъ еще болѣе куклами—маленькими куклами, одѣтыми совсѣмъ такъ же, какъ и взрослые, и замѣчательно ловко играютъ въ мячъ, въ воланъ и запускаютъ змѣя. Дѣвочки съ шести-семи лѣтъ напудрены, затѣйливо причесаны и ловко обмахиваются вѣеромъ; еще бы, и пора: въ двѣнадцать лѣтъ онѣ выходятъ замужъ за шестнадцатилѣтнихъ японцевъ, чѣмъ нѣкоторые и объясняютъ миніатюрность, въ которую выродилась японская нація. Вотъ среди такой обстановки, слегка покачиваемые нашими рысаками, мчимся мы за городъ, гдѣ красота, а главное оригинальность пейзажа превосходятъ самыя сильныя ожиданія. Приходится подниматься по отличному, но очень узкому шоссе, что, впрочемъ, не представляетъ неудобствъ, такъ какъ въ Нагасаки иныхъ экипажей, кромѣ дженерикши, нѣтъ. Попадаются по дорогѣ свирѣпые на видъ бычки, зануздaнные кольцомъ черезъ ноздри, и низкорослыя лошадки, но исключительно какъ вьючныя животныя; очень рѣдко можно видѣть верховую лошадь. Всѣ эти животныя не подкованы, но зато обуты въ соломенныя сандаліи. При каждомъ поворотѣ дороги открывается новый видъ, но всегда безъ особыхъ далей: то на городъ, то на рейдъ, то на рисовыя плантаціи, то на гору, съ боками чуть не отвѣсными, но разработанными террасами подъ рисовыя плантаціи, какъ не всегда въ Европѣ раздѣлываются и виноградники. Вообще каждый крошечный кусочекъ земли разработанъ и утилизированъ. Даже кладбища занимаютъ, по возможности, мало мѣста, для чего японцевъ хоронятъ въ сидячемъ положеніи.

На выѣздѣ изъ города, у подножія крутой каменной лѣстницы, ведущей въ буддійскую пагоду, кортежъ нашъ остановился принанять припряжку, т.-е. по японцу на кресло, чтобы подталкивать кресла въ гору и придерживать ихъ на веревкѣ при крутыхъ спускахъ. Пользуясь остановкой, всѣ отправляются въ пагоду. Отъ этого намѣренія меня отклоняетъ одинъ изъ пароходныхъ нашихъ, японецъ Иванъ Акимовичъ К—асо, окончившій курсъ въ духовной академіи въ Россіи и направляющійся въ Токіо, чтобы занять мѣсто „профессора нравственности“ въ та-

мошней духовной семинаріи. По мнѣнію Ивана Акимовича, пагоду я могу видѣть и завтра, а сегодня надо воспользоваться праздникомъ Новаго года и сдѣлать визитъ въ первый попавшійся домъ, что будетъ очень „по-японски". Подъ предводительствомъ профессора нравственности я вошелъ въ ближайшія ворота, прошелъ черезъ миніатюрный садикъ съ карликовыми деревьями и попалъ въ гости къ кому-то: хозяйка, очевидно замужняя женщина, такъ какъ зубы у нея вычернены, а брови выбриты, въ отвѣтъ на нашъ поклонъ очень радушно присѣласложилась, вынула изъ-за кушака и подала намъ свои визитныя карточки, потребовавъ отъ насъ—наши; повертѣвъ мою карточку въ рукахъ, поудивлявшись на непонятные для нея іероглифы, японка, съ поклонами, положила наши карточки на блюдо передъ домашнимъ алтаремъ. Вся сцена происходила какъ въ театрѣ: хозяйка была въ домѣ, какъ на эстрадѣ; передняя стѣна дома, какъ театральная занавѣсь, была раздвинута; мы стояли въ саду, какъ въ партерѣ. Щадя безукоризненную чистоту домовыхъ циновокъ, мы не рѣшились подняться на нихъ въ обуви, несмотря на любезныя приглашенія хозяйки, которая сама ходила по циновкамъ, снявъ сандаліи.

За городомъ, по дорогѣ въ Моги, мы проѣзжали мимо чайныхъ домовъ, мимо бамбуковыхъ рощъ, мимо миніатюрныхъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе миніатюрнымъ ручейкомъ. Черезъ часъ съ чѣмъ-то пріѣхали въ Моги, проѣхали черезъ рыбацкую деревню и остановились у японскаго ресторана. Зданіе ресторана, какъ и всякій японскій домъ, состоитъ изъ деревяннаго, покрытаго циновками, пола, изъ столбовъ, поддерживающихъ потолки и крышу, и изъ потолка и крыши. Всѣ наружныя и внутреннія стѣны состоятъ изъ легонькихъ деревянныхъ рамъ, обтянутыхъ бумагой. Всю меблировку одного изъ отдѣльныхъ кабинетовъ, куда мы заглянули, составляли циновки на полу и жаровня съ углями. Забравшись въ такой кабинетъ, чувствуешь себя какъ въ шкатулкѣ; войти и выйти можно черезъ любое мѣсто въ любой стѣнкѣ,—стоитъ только отодвинуть раму, ходящую въ пазахъ, расположенныхъ на полу и по потолку. Впрочемъ, для европейцевъ въ ресторанѣ въ Моги сдѣлана большая уступка: имѣется комната со столомъ и стульями. За завтракомъ прислуживали двѣ японки, непрерывно кланявшіяся и безъ устали присѣдавшія. Какъ европейскій завтракъ, подали намъ огромныхъ, невкусныхъ устрицъ съ апельсинами, вмѣсто лимоновъ, что, впрочемъ, оказалось безразличнымъ, такъ какъ и апельсины, и лимоны лишены въ Японіи какого бы то ни было вкуса.

Какъ будто и справедливо замѣчаніе объ Японіи, что „цвѣты тамъ безъ запаха, фрукты—безъ вкуса“... Профессоръ-японецъ спросилъ себѣ національный обѣдъ. Ему подали теплую рисовую водку, сакки, которую онъ пилъ изъ маленькой фарфоровой чашки. Затѣмъ подали уху въ мисочкѣ, но безъ ложки: уху полагалось пить изъ миски; для кусочковъ же рыбы, плавающихъ въ ухѣ, подали двѣ тоненькія точеныя палочки, замѣняющія наши ножикъ и вилку. Послѣ ухи внесенъ былъ большой подносъ, уставленный маленькими тарелками, которыя предлагаются въ извѣстной постепенности: за котлетой изъ рѣпы съ сахаромъ слѣдуютъ строганная сырая рыба, леденецъ, лукъ, котлета изъ рыбы, просахаренные бобы, цыпленокъ и т. д., безъ конца. Отдохнувъ и полюбовавшись, какъ ловко Иванъ Акимовичъ управлялся при помощи двухъ палочекъ съ рисомъ, который онъ ѣлъ сначала со сладкими бобами, потомъ—съ соей и, наконецъ, съ ухой, мы отправились обратно въ Нагасаки, причемъ почти всю первую половину дороги, идущую въ гору, съ удовольствіемъ прошли пѣшкомъ. Обогнали какую-то японку-крестьянку съ ребенкомъ за спиной, какъ принято здѣсь носить дѣтей; только-что мы взглянули на нее, тотчасъ же на лицѣ ея показалась привѣтливая улыбка, и, пріостановившись, она сдѣлала намъ граціозный поклонъ-книксенъ.

Всѣ японки, безъ различія классовъ общества и состоянія, весьма замысловато причесаны и шляпъ не носятъ. Чтобы не портить причесокъ, онѣ спятъ на особыхъ подставкахъ, съ крошечной, вогнутой по формѣ шеи, подушкой, на которую онѣ и опираются затылкомъ, голова—на-вѣсу. Не носятъ шляпъ и мужчины; бо̀льшая часть японцевъ низшаго класса выходитъ на улицу безъ шляпъ, волоса на головѣ острижены бобромъ, физіономіи гладко выбриты, въ глазахъ свѣтятся юморъ и добродушіе; въ общемъ получается большое сходство съ французскими актерами-комиками. Но если такой японецъ одѣнетъ шляпу, то ужъ непремѣнно европейскій котелокъ; при этомъ на ногахъ у него бѣлые короткіе чулки, сшитые съ выдѣленнымъ большимъ пальцемъ, которымъ онъ держитъ перевязь отъ уродливыхъ деревянныхъ сандалій на высокихъ подставкахъ; надѣтый прямо на тѣло, узкій халатъ, стянутый кушакомъ и доходящій до щиколотки, оставляетъ открытой волосатую грудь. Сверхъ халата иногда одѣвается пиджачокъ съ широкими рукавами-мѣшками, въ которые японецъ прячетъ свои руки, широко разставляя локти и растопыривая на нихъ рукава. Нельзя не признать въ этой фигурѣ большого сходства съ вороньимъ пугаломъ. Объ-

европеивающійся японецъ охотно украшаетъ себя очками, и такая фигура медленно идетъ, подвигаясь мелкими шажками, громко стуча по мостовой шлепающими сандаліями и не стѣсняясь тѣмъ, что изъ-подъ полъ узкаго „киримона“ мелькаютъ голыя колѣни.

Обѣдъ въ „Hôtel Belle-Vue“ былъ поданъ по принятому въ экзотическихъ странахъ обычаю, т.-е. состоялъ изъ полутора десятка микроскопическихъ блюдъ. Рисъ и ѣдкія приправы играли существенную роль.

Послѣ обѣда намъ не повезло: пошелъ дождь—и не состоялся вечерній праздникъ на набережной, знаменитая новогодняя иллюминація нагасакскаго рейда. Чтобы какъ-нибудь убить время, поѣхали по магазинамъ, гдѣ разсматривали всякую японщину. Нѣсколько крупныхъ магазиновъ существуютъ, очевидно, лишь безпошлиннымъ ввозомъ во Владивостокъ. Особенно въ спросѣ дешевая деревянная мебель, покрытая блестящимъ японскимъ лакомъ. Мебель эта прекрасно выдерживаетъ сырое владивостокское лѣто, но съ наступленіемъ зимы, отличающейся во Владивостокѣ особой сухостью, всѣ японскіе драконы и цвѣты вздуваются и отваливаются, и пресловутая японская лакировка оказывается лакированнымъ картономъ, наклееннымъ на дерево. Весь этотъ товаръ, на языкѣ бывалыхъ людей, окрещенъ „японскими дровами“. Несмотря на предупрежденія, и между нашими спутниками нашлись люди, увлекшіеся блескомъ этой дряни.

Вечеромъ, ложась спать, пришлось затопить чугунную печурочку, чтобы поднять температуру въ комнатѣ хотя до десяти градусовъ по Реомюру. Къ утру печурочку выдуло, оставивъ немножко угару и еще меньше тепла. Открывъ настежь дверь на балконъ, мы впустили въ комнату болѣе теплаго воздуха и наслаждались видомъ на рейдъ.

Послѣ завтрака, состоявшаго изъ чашки кофе и семи блюдъ, въ сущности изъ семи маленькихъ тартинокъ, мы поѣхали по городу исполнять програму туристовъ. Сегодня не праздникъ, всѣ лавки открыты и городъ имѣетъ совсѣмъ другой, чѣмъ вчера, видъ. Намъ особенно рекомендовали посѣтить японскій базаръ Хакусанба, на которомъ, по установленнымъ цѣнамъ, продается всякая дрянь на половину европейскаго происхожденія. Зубочистки — по копѣйкѣ десятокъ, почтовая бумага — по пятачку сотня, деревянные подстаканники — по двугривенному дюжина, раскупаются на-расхватъ. Судя по покупателямъ, которыхъ мы видѣли, базаръ живетъ, главнымъ образомъ, матросами иностранныхъ судовъ. Побывали мы, затѣмъ, и въ лучшихъ магазинахъ, и во очію убѣдились,—о чемъ, впрочемъ, насъ предупреждали,—что въ Нагасаки нельзя найти истинно-хорошихъ

японскихъ произведеній. Исключеніе составляетъ лишь Іезаки, такъ называемый „черепаха-человѣкъ“, артистическія издѣлія котораго изъ черепахи и слоновой кости имѣютъ чуть не всесвѣтную извѣстность.

Благодаря любезности одного изъ членовъ русской колоніи, для насъ былъ заказанъ обѣдъ съ гейшами въ японскомъ чайномъ домѣ „Мару́-я́му“. Не довѣряя японскимъ обѣдамъ, мы пообѣдали у себя въ гостинницѣ, и затѣмъ отправились въ „Мару́-я́му“. Съ нами были супруги Т. и двое молодыхъ людей, спутниковъ нашихъ по пароходу. Хозяинъ празднества уѣхалъ, по дѣламъ службы, въ Токіо, и, вмѣсто себя, прикомандировалъ къ намъ европейски-образованнаго молодого японца, сына одного изъ своихъ мѣстныхъ пріятелей. Хотя къ „Мару́-я́му“ мы подъѣхали еще за̀свѣтло, но двухъ-этажный домикъ былъ обвѣшенъ уже зажженными фонариками. При входѣ насъ попросили снять сапоги, и вся компанія прослѣдовала по циновкамъ, въ носкахъ и чулкахъ, въ назначенную намъ комнату, гдѣ мы встрѣчены были хозяйкой и прислужницами чуть не земными поклонами. Въ нѣкоторую уступку европейскимъ обычаямъ, на полу разложены семь подушекъ, на которыхъ мы усѣлись полукругомъ. Вслѣдъ затѣмъ, вышли семь гейшъ, отчетливо продѣлали церемонію привѣтствія съ боковыми, низкими поклонами и усѣлись передъ нами на корточкахъ. Всѣ гейши одѣты были однообразно въ шолковые свѣтло-голубые халаты (киримоны) съ широкими, яркими кушаками, завязанными сзади громадными бантами. Всѣ вычу̀рно причѐсаны, всѣ напоминали немножко куколъ съ оригинальными, но симпатичными рожицами. Внесли въ комнату и поставили на полъ, по угламъ, четыре высокихъ подсвѣчника съ нагорающими пальмовыми свѣчами, зажгли электрическую лампочку въ потолочномъ фонарѣ—и началось угощеніе. Обѣдъ вносили встрѣтившія насъ служанки и ставили его на маленькіе, круглые столики, между каждымъ гостемъ и его хозяйкой-гейшей. Каждое блюдо намъ подавали гейши, дѣлавшія очень огорченный видъ, если гость не до чиста справлялся съ блюдомъ. Остатки угощенія гейши завертывали въ мягкую японскую бумагу, которую онѣ доставали изъ широкихъ рукавовъ своихъ киримонъ и передавали гостю; этикетъ не позволялъ отказываться, и я привезъ къ себѣ почти весь обѣдъ, кромѣ ухи и сакки. Нѣкоторые спутники наши доставляли видимое удовольствіе гейшамъ, съѣдая весь обѣдъ дочиста и громко хваля и уху, и карамель, и строганную сырую рыбу, и маринованную рѣдьку. На дессертъ былъ поданъ рисъ, подававшійся, впрочемъ, ко

всѣмъ блюдамъ, какъ у насъ подается хлѣбъ, и совершенно несъѣдобныя конфекты, имѣющія видъ рыбъ, птицъ, драконовъ, цвѣтовъ. Сервировка, т.-е. палочки и бумажныя салфетки, тоже переданы намъ въ собственность. Разговоръ во время обѣда шелъ при помощи нашего японца. Если при этомъ недостаточно выяснялась степень умственнаго развитія гейшъ—на выясненіе чего, впрочемъ, мы и не разсчитывали,—всѣ мы единогласно признали благовоспитанность гейшъ и ихъ свѣтскій тактъ, обличавшіе принадлежность ихъ, до извѣстной степени, къ культурѣ. Наконецъ, обѣдъ кончился; всѣ чашечки, мисочки, бутылочки и подносики убраны, гейши разсаживаются по стѣнкѣ, между нами; три изъ нихъ берутъ свои трехструнныя гитары (самусѝнь) и настроиваютъ ихъ, ударяя костяными лопаточками (бàти). Двѣ маленькія дѣвочки-гейши берутъ барабанъ (цузумѝ), и начинается концертъ; поютъ гейши сквозь зубы и въ носъ; музыкальныя фразы очень коротки и однообразны. Послѣ двухъ-трехъ пѣсенъ начинаются танцы. Самая маленькая гейша, Томикò, дѣвочка лѣтъ десяти, одѣтая, конечно, какъ взрослая, причесанная также съ шиньономъ и шпильками, съ серьезной, набѣленной рожицей, начинаетъ какой-то пластическій танецъ, становясь въ чисто японскія, на нашъ взглядъ, уродливыя позы. Но, вглядываясь въ эти позы, мы начинаемъ находить въ нихъ какую-то своеобразную грацію, несмотря на вывернутые внутрь носки. Танецъ полонъ мимики, только рожица остается неподвижной. Поглядѣли мы на танецъ, и въ одинъ голосъ рѣшили, что передъ нами танцуетъ дитя, замаскированное взрослой дамой. Но то же впечатлѣніе осталось, когда вмѣсто десятилѣтней Томикò стала танцовать шестнадцатилѣтняя Кукихà, изображая ссору ревниваго мужа съ оправдывающейся женой, кончающуюся примиреніемъ супруговъ, благодаря вмѣшательству молодого друга дома. Всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ изображала одна и та же гейша, передъ началомъ всякой отдѣльной сцены становившаяся спиной къ зрителямъ и мѣнявшая въ это время характерныя маски. Затѣмъ двѣ гейши изображали бѣленье холстовъ, искусно работая полотенцами на подобіе серпантинъ. Гейши проводили насъ до прихожей, и пока мы обувались, предварительно подогрѣвая обувь на жаровняхъ, гейши оставались колѣнопреклоненными въ прощальномъ привѣтствіи.

Возвратясь домой, получили извѣстіе, что „Владиміръ" на сутки откладываетъ свой отходъ.

Утромъ мы поѣхали въ японскій театръ „Сибайя". Весь партеръ раздѣленъ невысокими стѣнками на небольшіе квадратики, въ

которыхъ и помѣщаются зрители, сидящіе на корточкахъ по четыре человѣка въ ложѣ. Въ отличіе отъ китайскаго театра, гдѣ преобладаетъ пѣвучая декламація, актеры японскаго театра играютъ весьма реально, за исключеніемъ суфлёра, перебѣгающаго по сценѣ за спинами актеровъ, но въ знакъ невидимости одѣтаго въ черное платье. Въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ, когда актеры замерли въ своихъ позахъ, изъ особой ложи рядомъ со сценой раздается гнусавый речитативъ, очевидно поясняющій душевное состояніе героевъ. На сцену актеры появляются не изъ-за кулисъ, а изъ зрительнаго зала, двигаясь черезъ весь партеръ по особымъ мосткамъ, двигаясь каждый традиціоннымъ, присущимъ роли шагомъ. Въ сильные моменты раздается звукъ какого-то деревяннаго инструмента. Перемѣна декорацій производится безъ опусканія занавѣса, поворачиваніемъ всей сцены на извѣстную часть окружности. Зрители ведутъ себя непринужденно: ходятъ, ѣдятъ, поправляютъ лампы.

Изъ театра мы поѣхали въ буддійскую пагоду Оссува. Къ храму ведетъ широкая, но очень крутая каменная лѣстница въ нѣсколько сотъ ступеней. У подножія лѣстницы и на всѣхъ площадкахъ ея стоятъ характерной формы ворота—безъ полотнищъ, съ приподнятыми кверху концами верхней перекладины. Около воротъ помѣщаются разныя выставки съ молитвенными дощечками, разные каменные и бронзовые чудища и идолы. На среднихъ площадкахъ появляются японки, всучающія свои визитныя карточки. Чѣмъ ближе къ храму, тѣмъ этихъ японокъ больше: храмъ окруженъ чайными домиками, расположенными въ священной рощѣ. Чѣмъ выше, тѣмъ очаровательнѣе видъ на городъ, рейдъ и горы. На послѣдней площадкѣ стоитъ знаменитая бронзовая статуя коня въ натуральную величину, отвратительно отлитая. Около ногъ коня лежитъ громадное ядро—трофей послѣдней японо-китайской войны. Поднимаемся по лѣстницѣ пагоды вплоть до того мѣста, гдѣ надо снимать обувь. Передъ нами площадка, за площадкой—алтарь подъ вычурной крышей. Мы останавливаемся у края площадки среди японскихъ сандалій. Здѣсь японцы снимаютъ обувь, въ однихъ носкахъ входятъ на площадку и, приблизившись къ пагодѣ, хлопаютъ въ ладоши; разбудивъ спящаго бога, кидаютъ ему мѣдную монетку черезъ всю комнату въ ящикъ. На наше счастье появляется жрецъ, весь въ бѣломъ, съ фригійскимъ колпачкомъ на головѣ; за нимъ двое ребятъ, тоже въ бѣломъ. Жрецъ благоговѣйно распростирается передъ алтаремъ, одинъ ребенокъ бьетъ въ тамъ-тамъ, другой маршируетъ справа налѣво и обратно, очень серьезный

и позванивая побрякушками. Одинъ изъ спорныхъ религіозныхъ вопросовъ, на какомъ языкѣ совершать богослуженіе, на понятномъ для паствы, или на непонятномъ, у японцевъ разрѣшенъ блистательно: у нихъ богослуженіе нѣмое, пантомимное.

Кругомъ пагоды и выше ея раскинута тѣнистая роща камфорныхъ деревьевъ со стволами въ нѣсколько обхватовъ. Среди рощи около пагоды тѣснятся чайные дома. Выше чайныхъ домовъ камфорная роща имѣетъ нѣсколько видъ вѣкового, заброшеннаго парка, въ которомъ мы почти не встрѣчали гуляющихъ, хотя трудно придумать лучшія условія для санитарной станціи: роща расположена почти внѣ жилья, вблизи моря, на большой высотѣ надъ нимъ, со всѣхъ сторонъ прикрыта горами отъ сильныхъ вѣтровъ; подъ раскидистыми вѣтвями камфорныхъ деревьевъ всегда можно укрыться отъ солнца.

Только при спускѣ познали мы, насколько крута лѣстница, ведущая въ пагоду. Надо положительно удивляться ловкости японцевъ, спускающихся съ этой лѣстницы на сваливающихся съ ногъ высокихъ сандаліяхъ, да еще иногда съ ребенкомъ на спинѣ.

Смотрѣть въ Нагасаки, кажется, болѣе нечего. Но въ нашемъ распоряженіи еще нѣсколько часовъ. Открываемъ записную книжку, находимъ запись: „Эноси“. Наши дженерикши что-то намъ говорятъ, но мы ихъ не понимаемъ, упорно повторяемъ:—„Эноси“; они покорно становятся въ оглобли, привозятъ насъ на какую-то небольшую пристань и садятся съ нами въ лодку, оставивъ кресла на набережной; мы переплываемъ рейдъ и причаливаемъ у ресторана „Ойе-асанъ“, расположеннаго въ предмѣстьѣ Нагасаки—Эноси. Послѣ сквернаго „русскаго“ чая мы идемъ прогуляться по Эноси и сейчасъ же натыкаемся на цѣлый рядъ русскихъ вывѣсокъ, весьма откровенно перечисляющихъ все, что можно получить гдѣ за тридцать, гдѣ за сорокъ копѣекъ. Тутъ даже русскія деньги въ ходу. На встрѣчу намъ движется толпа пьяненькихъ „иностранцевъ“ въ сапогахъ бутылками и въ мѣховыхъ шапкахъ. Не признавъ въ насъ русскихъ, компанія пускаетъ по нашему адресу задорное: „и чего это иностранцы шляются въ русскую Яносу“. Съ открытія Нагасакскаго порта иностраннымъ судамъ матросики размежевали себѣ городъ, и такъ какъ-то само собой, по молчаливому соглашенію командировъ судовъ, установилось, что русскіе матросы съѣзжаютъ только въ Эноси, и больше въ Нагасаки никуда. Французы имѣютъ свое мѣсто для съѣзда, и т. д. Въ Эноси, разсказываютъ, основались нѣсколько бѣглыхъ русскихъ матросовъ, которые затѣмъ

поженились на японкахъ и обзавелись хозяйствомъ; на улицахъ Эноси можно видѣть дѣтей русско-японскаго типа, свободно болтающихъ на обоихъ языкахъ. Только-что мы отвалили отъ пристани, сокративъ нашу прогулку по Эноси, съ берега раздалась лихая хоровая; пѣли не японцы, пѣли не черезъ зубы, а прямо горломъ, какъ поютъ гуляющіе россіяне. По возвращеніи на бортъ „Владиміра", выслушавъ отъ бывалыхъ людей разсказы объ Эноси, мы особенно оцѣнили деликатность и предусмотрительность нашихъ дженерикши, по собственному почину сопровождавшихъ насъ и неотступно, какъ тѣлохранители, ходившихъ за нами по пятамъ во время рискованнаго визита нашего въ Эноси.

Разбираясь въ „японскихъ" впечатлѣніяхъ послѣ перваго посѣщенія Нагасаки, мы не могли не придти къ заключенію, что по Нагасаки настолько же можно судить объ Японіи, насколько по С.-Франциско можно было бы судить объ Америкѣ, или насколько Портъ-Саидъ изображаетъ Египетъ. Въ Нагасаки, какъ во всякомъ большомъ портовомъ городѣ, „интернаціональные" нравы порта затираютъ, затушевываютъ мѣстную жизнь страны. Взаимное сходство между большими международными портами— большее, чѣмъ сходство между такимъ портомъ и его страной. Впрочемъ, изъ трехъ перечисленныхъ портовъ пальму первенства въ этомъ отношеніи по справедливости надо отдать египетскому Портъ-Саиду, не даромъ прозванному мусорнымъ ящикомъ всего свѣта.

Ѳ. Кнорингъ.

ВЪ
ИЗБРАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Когда Анна Дмитріевна Вязмина овдовѣла, ей было уже за пятьдесятъ. Она расплылась, посѣдѣла и начала испытывать ревматизмъ. Отъ ея былой выдающейся красоты осталась только горделивая осанка, капризное очертаніе губъ, властный холодный взглядъ свѣтлыхъ глазъ и привычка повелѣвать, распоряжаться...

Первые дни она была огорчена, много плакала, ходила немного сгорбившись, съ покраснѣвшими, точно испуганными глазами. Видѣть кого бы то ни было она не желала.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло!—говорила она.—у меня свое горе.

Было отдано распоряженіе никого не принимать. При случаѣ швейцаръ передавалъ цѣлыя груды карточекъ, оставленныхъ посѣтителями, пріѣзжавшими выразить свое сочувствіе.

Вдова внимательно перебирала карточки съ строгимъ, пренебрежительнымъ лицомъ, точно провѣряла списокъ своихъ должниковъ.

— Князь Медынскій не былъ!—удивленно спрашивала она дочь.

— Не знаю, maman.

— Я тебѣ говорю: не былъ,—раздраженно подтверждала старуха.—А не мѣшало бы, кажется... И еще не были Пазухинъ и Завидловъ.

— Все равно—вѣдь вы никого не принимаете.

— Это мое дѣло. А пріѣхать—ихъ дѣло. Они должны были быть! О чемъ ты разсуждаешь?

Дочь умолкала, и обѣ онѣ часто подолгу сидѣли другъ противъ друга, ничего не дѣлая, безмолвныя, почти неподвижныя. Лицо вдовы было раздраженно и капризно, лицо дѣвушки—вяло и апатично. Быть можетъ, онѣ долго, мѣсяцами, могли бы жить въ этомъ оцѣпенѣніи, каждая съ своими думами, обособленныя отъ всего міра, но такъ какъ онѣ все-таки жили, то жизнь стала напоминать имъ о себѣ. Предстояли хлопоты о введеніи въ права наслѣдства, объ усиленной пенсіи. Ея превосходительство Анна Дмитріевна Вязмина ровно ничего не понимала въ дѣлахъ.

— Мнѣ надо самой, что-ли, думать обо всемъ этомъ?.. хлопотать?.. быть можетъ—прикажете даже—просить!..—широко раскрывая свои свѣтлые холодные глаза, спрашивала она знакомаго ей юриста.

— Да... кое-что... придется,—съ замѣшательствомъ отвѣтилъ ей молодой человѣкъ, съ которымъ она совѣтовалась, такъ какъ онъ былъ юристъ и казался Аннѣ Дмитріевнѣ подходящей партіей для ея дочери.

— Но я не могу... Я не хочу!

— Пугаться особенно нечего. Вы возьмете повѣреннаго...

— А если онъ меня обманетъ и обворуетъ? Я никогда не имѣла дѣла съ этими людьми. Скажите, неужели нѣтъ никакого закона, охраняющаго права женщинъ въ моемъ положеніи?

— Законъ всегда охраняетъ права...—началъ-было объяснять юристъ.

— Ахъ, нѣтъ! вы меня не понимаете,—перебила его Анна Дмитріевна.—Что мнѣ ваши законы! Они не избавляютъ меня отъ хлопотъ и безпокойствъ. Для „насъ“ можно было бы устроить все это какъ-нибудь иначе.

И она сама постаралась устроить свои дѣла такъ, какъ считала это возможнымъ и справедливымъ. Она рѣшила написать нѣкоторымъ, самымъ сановнымъ, знакомымъ и пріятелямъ мужа, и заставить ихъ похлопотать за себя.

Она усѣлась за свой миніатюрный письменный столикъ, вынула изъ кармана платокъ и положила его рядомъ съ собой. Потомъ она позвонила и приказала подать стаканъ воды и позвать барышню.

Barbe, вялая и апатичная, сейчасъ же пришла и сѣла.

— Ты знаешь, что мнѣ приходится просить о томъ, чтобы намъ дали кусокъ хлѣба?—строго спросила Анна Дмитріевна.

— Какой кусокъ хлѣба?—слегка удивилась Barbe.

— Тотъ, на который мы имѣемъ право,—съ горькой усмѣшкой объяснила мать.—„Мы имѣемъ право", но мы, все-таки, должны кланяться и просить. По завѣщанію мужа я—его полная наслѣдница, но для нихъ это еще ничего не значитъ. Нужны какія-то формальности.

— Для кого „для нихъ"?—равнодушно спросила дѣвушка.

— Для какихъ-то чиновниковъ, у которыхъ мы теперь въ полной зависимости. Какіе-то чиновники!.. Да, они чиновники, мелкія сошки, а я, жена генерала, должна у нихъ заискивать. Развѣ это не возмутительно?

Она стукнула кулачкомъ по столу, выпила глотокъ воды и вытерла платкомъ глаза.

— Maman,—нерѣшительно сказала дѣвушка,—можетъ быть, вы преувеличиваете. Хлопотать и заискивать—разница. Отцу тоже иногда приходилось хлопотать.

— Что?—спросила генеральша и широко раскрыла свои свѣтлые глаза, устремивъ на дочь холодный, властный взглядъ.

— Я говорю, что отцу...

— Отцу!—чуть не крикнула Анна Дмитріевна.—Отецъ былъ мужчина, а я... Женщина въ моемъ положеніи могла бы быть избавлена отъ удовольствія имѣть дѣло со всякими учрежденіями, гдѣ сидятъ люди... люди не нашего круга. И вотъ я обязана съ ними разговаривать. За что?

Barbe вздохнула и замолчала.

— Я могу уйти?—немного спустя, спросила она.

— Не стѣсняйся!—сердито отвѣтила мать.—Я тебя не задерживаю. Конечно, у тебя болѣе важныя дѣла...

Дѣвушка опять вздохнула, но не ушла. Она глядѣла, какъ Анна Дмитріевна нервно писала что-то на гладкихъ, небольшихъ листкахъ почтовой бумаги съ широкими черными каймами, какъ она отхлебывала воду и вытирала платкомъ сухіе глаза.

— Они обязаны для меня это сдѣлать,—наконецъ громко заключила она, надписывая конверты.

— Ты даже не интересуешься знать, кому я пишу?

Barbe думала о постороннемъ и невольно вздрогнула.

— Вы могли бы мнѣ отвѣтить, что это не мое дѣло.

Старуха встала, закутала одну руку шерстянымъ вязаннымъ платкомъ, такъ что она стала похожа на куклу, и потомъ, при-

жавъ эту руку къ груди и слегка покачивая ее, начала ходить по комнатѣ.

— Болитъ?—спросила дочь. Она не отвѣтила.

Губы ея горько улыбались, но осанка опять приняла прежній горделивый, величественный видъ.

„У меня своя забота, свое горе, своя боль. Что мнѣ до другихъ!"—ясно говорило выраженіе ея лица.

Вскорѣ швейцару было отдано приказаніе: докладывать о посѣтителяхъ. Вязмина рѣшила, что будетъ принимать тѣхъ, кого ей пріятно или нужно видѣть. Съ нѣкоторыхъ поръ ей перестали подавать визитныя карточки, и это немного сердило ее.

— Мужъ умеръ, но я-то жива,—разсуждала она.—Не мѣшало бы навѣдаться... Естественно, что я не приняла. Теперь естественно, что я буду принимать.

Долго ждать ей не пришлось.

— Дорогая Annette! — стремительно говорила маленькая, круглая дама, вкатываясь въ гостиную въ сопровожденіи двухъ дочерей:—дорогая... Какъ только мнѣ сказали, что ты рѣшилась открыть свои двери... Ты, конечно, не сомнѣваешься... Богъ послалъ тебѣ крестъ. Онъ всѣмъ посылаетъ.

Анна Дмитріевна подняла плечи и слегка закатила глаза, а гостья, видимо очень довольная своимъ вступленіемъ, сперва притворилась, что едва удерживается отъ слезъ, потомъ сѣла на диванъ и съ нескрываемымъ любопытствомъ оглянула хозяйку.

— Ну, скажи же: внѣшнимъ образомъ въ твоей жизни ничего не должно измѣниться? Я хочу сказать: съ матеріальной стороны, по крайней мѣрѣ, все попрежнему, не правда ли?

— Развѣ я что-нибудь знаю? Развѣ мужъ когда-нибудь говорилъ мнѣ о всѣхъ этихъ мелочахъ?..—презрительно гримасничая, сказала генеральша.

— Ахъ, Annette, а вѣдь теперь тебѣ необходимо...

Вошла Barbe, и гостьи опять стали притворяться, что едва удерживаются отъ слезъ. Дѣвицы цѣловались и жали другъ другу руки, какъ послѣ очень долгой разлуки. Наконецъ, всѣ сѣли.

— Тебѣ теперь необходимо...—продолжала маленькая круглая дама.

— „Насъ" могли бы избавить... Пусть мнѣ дадутъ то, что мое, на что я имѣю право... Если это мое право, мое имущество, то что мнѣ за дѣло до „ихъ" формальностей?

— О! вполнѣ, вполнѣ съ тобой согласна. Но, chère...

Обѣ дамы незамѣтно перешли на французскій языкъ. Дѣвицы сидѣли и слушали.

— И въ оперѣ не будете бывать?—тихо спросила старшая дочь круглой дамы.

— Не думаю... Развѣ это принято?—нерѣшительно отвѣтила Barbe.

— О, едва ли! Но у васъ абонементъ. Если захотите передать, передайте намъ. Непремѣнно намъ!

Въ гостиную вошла новая посѣтительница.

Анна Дмитріевна встала ей на встрѣчу, но та сдѣлала испуганное лицо, остановилась и замахала руками.

— Я не вѣрю, что „его" нѣтъ! я не вѣрю, что вижу васъ въ траурѣ! Я еще ничему не вѣрю! я не успѣла опомниться!—быстро, скороговоркой затараторила она.

— И все-таки это такъ. Это такъ!—съ величавой покорностью отвѣтила ей Вязмина.

Она, повидимому, вполнѣ допускала, что со дня смерти ея мужа эта барыня еще не пришла въ себя и все время держала себя такъ же странно, какъ теперь.

— Ну, да... Всѣ говорятъ: „это такъ", а я не хочу вѣрить, не хочу! Потому что это жестоко и несправедливо...

Она, наконецъ, рѣшилась поздороваться съ хозяйкой, съ Варей, быстро пожала руки гостямъ и упала въ кресло.

— Онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы жить!—заявила она. —О, я всегда говорила: такіе люди не живутъ. Но вѣдь онъ выслужилъ пенсію, Анна Дмитріевна? Я ужасно безпокоилась. Я даже надоѣла мужу; все спрашивала: да неужели Николай Ивановичъ не выслужилъ пенсіи?

— Но вѣдь онъ былъ генералъ,—снисходительно напомнила Вязмина.

— Ну, еще бы! развѣ я этого не знаю! Но я ужасно безпокоилась... Пенсіи бываютъ разныя. Я все спрашивала мужа: сколько можетъ получать Анна Дмитріевна?

— Я только-что говорила Annette, что ей теперь необходимо...—вмѣшалась маленькая круглая дама.

— А я говорю, что если это мое право, то... Vous comprenez, Наталья Алексѣевна: я согласна, я готова просить людей, стоящихъ по своему положенію выше меня. Да, я согласна ихъ просить, хотя... хотя... Но не заставляйте меня имѣть дѣло съ какими-то мелкими чиновниками, ходить по какимъ-то учрежденіямъ...

— Но что же дѣлать! Конечно, въ этомъ случаѣ наше положеніе прямо ужасно. Я вполнѣ понимаю, но... enfin, Анна Дмитріевна...

— Vous comprenez, Наталья Алексѣевна...

— Enfin, Анна Дмитріевна...

— Chère Annette...

Дамы наговорились и разошлись, очень довольныя собой и другъ другомъ. Въ гостиной сразу стало очень тихо, точно оттуда вынесли нѣсколько клѣтокъ съ канарейками. Становилось темно, но Анна Дмитріевна не приказала зажигать лампъ и, повидимому, собиралась вздремнуть, удобно усѣвшись въ большое, мягкое кресло. Ваrѣе постояла передъ окномъ, пощипала листъ финиковой пальмы и незамѣтно выскользнула изъ комнаты.

Варварѣ Николаевнѣ Вязминой было подъ тридцать лѣтъ. Она знала, что уже не молода, не красива и ей было очень скучно жить. По воскресеньямъ она ходила съ матерью въ церковь, въ удѣлѣ, дѣлала глубокіе реверансы знакомымъ дамамъ, выслушивала восторги по поводу прекрасныхъ проповѣдей священника, во время которыхъ многія дамы, и въ томъ числѣ ея мать, часто прикладывали платки къ сухимъ глазамъ. Тутъ же, въ церкви, Зуевы напоминали имъ о томъ, что ждутъ ихъ къ себѣ вечеромъ, такъ какъ воскресенье было ихъ пріемный день. Зуева была та самая маленькая, круглая дама, которая находила, что „Богъ всѣмъ посылаетъ свой крестъ". Она приходилась дальней родственницей Вязминой. Ея крестомъ были, по всей вѣроятности, ея двѣ дочери, обѣ высокія, худыя и некрасивыя. Онѣ упорно не выходили замужъ и всюду слѣдовали за матерью, такъ что могло казаться, будто madame Зуева показывается въ гостиныхъ не иначе, какъ подъ конвоемъ. Какъ-то одинъ острякъ замѣтилъ при ея появленіи:

— Вѣра Петровна Зуева и ея жандармы.

Шутка была признана дурного тона, но прозвище „жандармовъ" за дѣвицами Зуевыми осталось.

Всѣ знали и говорили о необычайныхъ стараніяхъ матери выдать дочерей замужъ.

— Вы знаете, она иногда доходитъ до... до крайнихъ предѣловъ,—перешептывались ея пріятельницы,—но надо войти въ ея положеніе: двѣ! Чтобы ѣхать куда-нибудь, имъ надо нанимать двухъ извозчиковъ или четырехмѣстную карету. C'est ridicule!

Но тѣ же пріятельницы очень охотно возили къ Зуевымъ, по воскресеньямъ, своихъ взрослыхъ дочерей и объясняли свое усердіе тѣмъ, что молодежь нигдѣ не веселится такъ, какъ на этихъ вечеринкахъ.

— Откуда только Вѣра Петровна добываетъ молодыхъ людей?—удивлялись онѣ.—У нея всегда цѣлый ассортиментъ хо-

лостыхъ мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ. Исчезаютъ одни—появляются другіе... Только... увѣнчаются ли всѣ эти труды успѣхомъ? Богъ вѣсть!

Въ этихъ замѣчаніяхъ всегда слышалась легкая иронія, но „трудами" Вѣры Петровны пользовалась не она одна: всѣ маменьки особенно тщательно наряжали и прихорашивали своихъ дочерей, когда везли ихъ къ Зуевымъ, а вечеромъ, въ будуарѣ хозяйки, почти непрерывно велись такіе разговоры:

— ...Вотъ этотъ, съ бородкой à la Henri IV?

— Штатскій, или военный?

— Штатскій.

— Такъ это же Любавинъ. Хорошаго рода, но... Отецъ—уѣздный предводитель. Есть имѣніе...

— Отчего же „но"?

— Семья—шесть человѣкъ дѣтей, изъ нихъ четыре брата. Земля заложена.

— Найдите мнѣ незаложенную землю!

— Да... И найдите мнѣ человѣка, про котораго нельзя было бы сказать „но".

— Вамъ не кажется, что въ наше время они были?

— О, несомнѣнно! Люди удивительно мельчаютъ. Приходится учиться быть необычайно снисходительной. Взгляните, chère... Этотъ толстякъ... Эта фигура еще допустима въ гостиной Вѣры Петровны при ея... жаждѣ новизны. И то я бы сказала: едва допустима, едва.

— А вы знаете, кто это? Макуринъ. Нефтепромышленникъ. Вѣра вывезла его откуда-то... чуть не изъ самаго Баку. Сорокъ тысячъ годового дохода, excusez du peu.

— Ah... Я еще никогда не возила свою дочь въ Баку. А это, должно быть, интересно. Эти фонтаны... Почему мнѣ его не представили? Надо сказать Нетѣ, чтобы она разспросила его. Она такая любознательная.

Въ то время, какъ въ будуарѣ, превращавшемся въ воскресные вечера въ своего рода справочную контору, мирно бесѣдовали матери, гостиная предоставлялась въ полное распоряженіе молодежи.

— Ну, веселитесь!—простодушно рекомендовала имъ Вѣра Петровна. А сама убѣгала въ столовую и разсылала оттуда подносы съ чаемъ, печеньемъ, тортами и фруктами. Комната была слишкомъ мала, чтобы звать туда гостей.

Въ гостиной совершенно не знали, что дѣлать. Смотрѣли альбомы, проглядывали ноты. Потомъ пили чай, ѣли фрукты.

Разговаривали только въ полголоса, но зато громко смѣялись, чтобы не оставалось сомнѣнія, что все-таки очень весело.

Дѣвицы Зуевы, Маня и Катя, обѣ одинаково одѣтыя, одинаково улыбались, стараясь казаться очень оживленными. Онѣ подходили къ подругамъ и спрашивали:

— Хотите винограду? А еще чаю?

Потомъ пожимали имъ руки и освѣдомлялись:

— Не скучно?

Кавалеры сидѣли около барышенъ и „занимали“ ихъ. Дѣлать это было чрезвычайно легко. Стоило только сказать нѣсколько словъ, какъ барышня оживлялась и начинала громко смѣяться.

— Ну, вотъ и прекрасно! Веселитесь! — подбодряла Вѣра Петровна, перебѣгая изъ столовой въ будуаръ.

Ея мужъ, Евгеній Сергѣевичъ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, и туда тоже посылался подносъ съ чаемъ, такъ какъ тамъ же находили себѣ пріютъ болѣе солидные или женатые мужчины. Въ кабинетѣ играли въ карты. Когда отворяли двери этой комнаты, оттуда доносились непринужденные возгласы и смѣхъ и цѣлые клубы табачнаго дыма. Если Вѣра Петровна была неподалеку, она морщилась, пожимала плечами и говорила:

— Удивительно!

Случалось, что въ гостиной кто-нибудь присаживался за рояль. Немножко играли, немножко пѣли. Иногда вечеръ заканчивался танцами. Тогда всѣ матери скучивались въ дверяхъ будуара, сочувственно улыбались и зорко наблюдали за тѣмъ, съ кѣмъ именно танцуютъ ихъ дочери. Изрѣдка одна изъ нихъ, съ озабоченнымъ видомъ, поспѣшно выходила въ гостиную и оправляла платье или прическу на танцующей дѣвицѣ. Ужинъ подавался à la fourchette. Кавалеры прислуживали дамамъ. Въ столовой становилось невозможно тѣсно. Евгеній Сергѣевичъ и его партнёры занимали главную позицію у стола и, не обращая вниманія ни на кого, пили водку и закусывали. Пробираясь куда-нибудь мимо мужа, Вѣра Петровна бросала ему негодующій взглядъ, пожимала плечами и шептала:

— Удивительно!

Около двухъ часовъ гости шумно расходились. Дѣвицы Зуевы стискивали руки своихъ пріятельницъ, порывисто цѣловали ихъ и говорили имъ на ухо:

— Ты не знаешь... Ахъ, ты не знаешь... Я безумно счастлива! Ты не замѣтила?..

Бѣдняжкамъ скоро самимъ приходилось замѣтить, что онѣ

опять ошиблись. И на средахъ Вязминыхъ или на пятницахъ у Вельшиныхъ онѣ шептали тѣмъ же пріятельницамъ:

— О, какъ я разочарована! Какой ударъ! Никогда не вѣрь мужчинамъ. Если бы ты знала, что я пережила!..

Вагѣе теперь вспоминала эти воскресенья, среды, пятницы. Всѣ долгія недѣли, всѣ долгіе годы своей молодости. Она даже никогда не обманывала себя и ни на мигъ не чувствовала себя безумно счастливой. Ей всегда было скучно. Она любила отца. Отецъ умѣлъ доставлять ей удовольствіе: бралъ ее съ собой, когда ѣздилъ въ деревню, училъ ее верховой ѣздѣ. Онъ одинъ зналъ, что надо было сдѣлать, чтобы стряхнуть ея вялость и апатію, онъ одинъ видѣлъ свою Варю веселой и оживленной и онъ одинъ жалѣлъ Вагѣе въ салонахъ,—жалѣлъ эту некрасивую, жалкую фигуру.

„Повернулъ бы я ее по своему!"—думалъ онъ тогда.

Но ни о какомъ вліяніи на судьбу дочери онъ не смѣлъ и мечтать: Анна Дмитріевна такъ тонко понимала требованія воспитанія молодой дѣвушки „изъ свѣта", что всякое вмѣшательство было немыслимо.

— Дѣвочка не любитъ танцовать,—говорилъ онъ женѣ,—зачѣмъ же ты принуждаешь ее, другъ мой? Дѣвочка не любитъ выѣзжать...

Анна Дмитріевна широко раскрывала свои свѣтлые глаза.

— Она должна,—говорила она.—Кто же не танцуетъ?

— Прости меня, другъ мой, но ей 25 лѣтъ. Это возрастъ... Не пора ли дать ей руководствоваться собственными вкусами? Она беретъ уроки пѣнія, рисуетъ по фарфору. Все это очень мило, но ее это не забавляетъ.

— Ее это должно забавлять. Пока она не замужемъ, она должна руководствоваться только тѣмъ, что ей прилично, что принято.

— Я не понимаю, другъ мой... Мы точно придерживаемся какого-то устава. Почему?

— А потому что мы не кто-нибудь. Дочь Вязмина должна вести себя такъ, какъ подобаетъ.

— Дочь Вязмина... — съ недоумѣніемъ бормоталъ отецъ.

Вязминъ—это былъ онъ. Ему очень весело жилось въ молодости. Не мало интереснаго могъ бы онъ разсказать и изъ того періода жизни, когда онъ былъ уже женатъ. Только, конечно, Боже сохрани, чтобы эти разсказы дошли до свѣдѣнія Анны Дмитріевны! Никогда онъ не подозрѣвалъ, что его фамилія къ чему-нибудь обязываетъ. Фамилія, правда, дворянская, старинная.

Но почему Варѣ приходится расплачиваться за нее? Почему она обязываетъ ее пѣть, танцовать, рисовать по фарфору?

Когда Николай Ивановичъ чего-нибудь не могъ понять, онъ считалъ себя некомпетентнымъ и покорялся.

— Видишь, дѣвочка: ты, оказывается, не кто-нибудь. Ты—Вязмина,—шутливо передавалъ онъ дочери о своемъ неудачномъ ходатайствѣ.—И съ этимъ, дружокъ, уже ничего не подѣлаешь. Мы съ тобой, значитъ, люди „изъ общества" и должны соблюдать уставъ. А какое это „общество" и какой уставъ — этого ты ужъ у меня не спрашивай. Это ужъ дѣло матери.

Варѣ не разъ приходилось замѣчать, что въ ихъ кругу, въ „обществѣ", о которомъ такъ сбивчиво говорилъ отецъ, мужчины играли какую-то странную роль. Жены съ гордостью носили ихъ имена, выставляли на видъ ихъ общественное положеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, личность этихъ мужей отодвигалась куда-то далеко на второй планъ. Если бы было возможно, онѣ охотно носили бы всѣ ихъ ордена и знаки отличія и считали бы это только справедливымъ: развѣ не онѣ однѣ еще высоко держатъ знамя родовитости, старыхъ традицій, условностей, нетерпимости? Развѣ не онѣ однѣ еще умѣютъ создать какую-то особую атмосферу неуязвимаго приличія? благовоспитанной посредственности? Отдай онѣ свое представительство въ руки мужей, что бы это было, Боже великій! Да вѣдь они способны были бы не понять собственнаго значенія! Традиціонный духъ могъ бы показаться имъ затхлымъ воздухомъ и они принялись бы вывѣтривать его разсужденіями, нововведеніями. Мужчины! Да это тѣ же дѣти въ своихъ понятіяхъ о томъ, какъ надо себя поставить, съ кѣмъ и какъ себя держать. Исключенія среди нихъ есть, но только исключенія. Остальные годны только на то, чтобы работать, служить, думать надъ отвлеченными вопросами. Варя хорошо знала эту точку зрѣнія на мужчинъ, такъ какъ мать ея, Анна Дмитріевна, придерживалась именно ея.

— Что это будетъ, если я умру!—иногда съ ужасомъ восклицала она, обращаясь къ Николаю Ивановичу.

— Нѣтъ, Аничка, ты ужъ не умирай, сдѣлай милость! — шутливо просилъ старикъ, чувствуя свою полную некомпетентность въ вопросахъ знамени, традицій и приличій, о которыхъ постоянно заботилась его жена. Какой это былъ бы непосильный трудъ для этого веселаго, добродушнаго и все еще легкомысленнаго человѣка!

Но умерла не Аничка. Умеръ онъ самъ, такъ и не пости-

гнувъ обязательствъ, связанныхъ съ его именемъ, которое ему самому казалось совершенно ни къ чему не обязывающимъ.

Теперь Варя осталась совершенно одинокой. Съ матерью у нея была только внѣшняя связь. Ихъ отношенія болѣе походили на то же обязательство, чѣмъ на родственную или дружескую привязанность. Мать и дочь постоянно исполняли свой долгъ. Долгъ матери былъ воспитывать, наблюдать, направлять; долгъ дочери—повиноваться, преклоняться и оказывать знаки уваженія и преданности.

Въ то время, какъ Анна Дмитріевна дремала въ гостиной, Варя сидѣла въ своей комнатѣ и думала. Никогда еще ея собственная жизнь не казалась ей такой пустой и безотрадной.

„Отца нѣтъ... — думала она. — Не забыть сказать maman, что Зуевы просили нашъ абонементъ. Теперь мы уже не будемъ у нихъ бывать по воскресеньямъ. И средъ не будетъ? Ахъ, дай-то Богъ! А что будетъ? Если бы хотя на этотъ годъ траура уѣхать въ деревню! Нѣтъ, мать не поѣдетъ. Будемъ такъ жить... Такъ и будемъ. Отца нѣтъ"...

Она сидѣла неподвижно и думала.

Стало совсѣмъ темно. Короткіе, безсвязные обрывки мыслей, въ которыхъ, въ каждомъ въ отдѣльности, не было ничего ужаснаго, складывались въ мучительное, безотрадное настроеніе. Каждое воспоминаніе о прошломъ, каждое напоминаніе о будущемъ казались тяжелыми, болѣзненными, какъ кошмаръ. А Варя даже не понимала, что дѣлалось съ ней. Она видѣла горе въ слезахъ, въ крепѣ, въ вычурныхъ фразахъ, и она не узнала его въ темнотѣ, въ тишинѣ, въ собственномъ одинокомъ чувствѣ.

Друзья и знакомые покойнаго Николая Ивановича Вязмина почти оправдали ожиданія Анны Дмитріевны и помогли ей устроить ея дѣла. Но вдова все-таки была недовольна.

— Меня хотятъ принудить жить на гроши, — съ горечью говорила она. —Если бы не имѣніе, я бы осталась чуть не нищей. А что я буду дѣлать съ имѣніемъ? Надо держать управляющаго, или сдавать землю арендаторамъ. Конечно, меня будутъ обманывать, обирать...

Эти разсужденія раздражали ее, и она вымещала свою досаду на дочери.

„Выходятъ же другія замужъ,—думала она.—Будь у меня зять, мнѣ бы не пришлось возиться со всѣми этими дѣлами".

Варя выносила раздражительныя выходки матери и отмалчивалась.

— Будь я одна, я бы уѣхала за границу, — обиженнымъ

тономъ часто говорила старуха, — въ Дрезденъ, напримѣръ... Жила бы въ отелѣ. Спокойно, удобно. Тамъ прекрасная прислуга, хорошій столъ. Никакихъ заботъ, никакихъ безпокойствъ.

— Мнѣ все равно, гдѣ жить: здѣсь или въ Дрезденѣ, — апатично замѣчала дочь.

— Тебѣ-то, конечно, все равно, но мнѣ не все равно—съ тобой или безъ тебя. Ради тебя я обязана жить въ Петербургѣ.

Варя хотѣла возразить, но мать презрительнымъ жестомъ остановила ее.

— Ужъ не думаешь ли ты меня учить?

Дни тянулись безконечно долго. Приходили гости, сидѣли въ гостиной, сострадательно и участливо выслушивали жалобы генеральши, давали совѣты... Если это были дамы, разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, слышались восклицанія ужаса и негодованія. Анна Дмитріевна десятый разъ разсказывала исторію о томъ, какъ въ одномъ учрежденіи ей не повѣрили на слово, что она—вдова генерала Вязмина, а требовали удостовѣренія ея личности.

— Они мнѣ не повѣрили. Да, да. Они мнѣ не повѣрили!..— повторяла она, очевидно считая такой фактъ совершенно невѣроятнымъ.

— Они больше вѣрятъ какому-нибудь околоточному!—иронизировала одна изъ дамъ.

— Мнѣ все равно, кому они вѣрятъ, но я была принуждена безпокоиться вторично: я отвезла имъ какой-то неопрятный лоскутъ бумаги, который мнѣ далъ дворникъ.

— Какіе у насъ порядки! Это удивительно, удивительно...

— Ахъ, chère Annette! Ахъ, я вполнѣ понимаю... Ты мученица.

Варя слушала. Мать требовала, чтобы она всегда выходила къ гостямъ и принимала участіе въ общемъ разговорѣ. Это участіе иногда выражалось одной мимикой, но и для такой нѣмой роли требовалось не мало вниманія и находчивости: надо было уловить на себѣ взглядъ гостя и отвѣтить ему, сообразуясь съ обстоятельствами, улыбкой или тѣмъ или инымъ выраженіемъ лица. Если же говорили о дѣлахъ и мученическомъ вѣнцѣ Анны Дмитріевны, необходимо было, кромѣ мимики, пустить въ ходъ нѣсколько сочувственныхъ фразъ. Тогда дѣвушка обыкновенно говорила:

— О, да! Это ужасно!

Или:

— Maman совершенно измучена!

Этого было достаточно, чтобы гости не считали ее безучастной дочерью и чтобы сама Анна Дмитріевна не сдѣлала ей строгаго выговора за то, что „она имѣетъ такой видъ, будто мать преувеличиваетъ“.

Послѣднее время Анна Дмитріевна почувствовала особенное расположеніе къ Натальѣ Алексѣевнѣ Петровой, той знакомой дамѣ, которая ни за что не хотѣла вѣрить, что Николай Ивановичъ умеръ, но затѣмъ объяснила себѣ это обстоятельство тѣмъ, что хорошіе люди не жильцы на землѣ. Николай Ивановичъ недолюбливалъ Наталью Алексѣевну и держался съ ней такъ сухо и холодно, что Анна Дмитріевна, у которой никогда не было личныхъ привязанностей, съ своей стороны нѣсколько небрежно относилась къ знакомству съ ней и не оборвала его окончательно только потому, что встрѣчалась съ Натальей Алексѣевной въ другихъ домахъ. Когда-то онѣ были подругами по институту, потомъ потеряли другъ друга изъ вида лѣтъ на двадцать, а когда встрѣтились вновь, Вязмина была уже генеральшей, а Наталья Алексѣевна — женой отставного маіора; Вязмина жила въ прекрасной квартирѣ, ѣздила въ собственной каретѣ и казалась еще молодой, красивой женщиной; Наталья Алексѣевна никогда не давала своего точнаго адреса, приходила на вечера пѣшкомъ, въ смѣшныхъ, старомодныхъ туалетахъ и прикрывала пестрыми наколками свою совершенно сѣдую и полулысую голову. Словомъ, между бывшими подругами образовалась такая пропасть, что ни той, ни другой не пришло въ голову говорить другъ другу попрежнему „ты“.

— Узнаете меня?—спросила смиренная Наталья Алексѣевна великолѣпную Анну Дмитріевну.

— Ната Борская!—съ удивленіемъ вскрикнула Вязмина.— Замужемъ, конечно? Ну, какъ? что?

Пока выяснялось, какъ и что, выяснилось и будущее отношеніе подругъ: тонъ Натальи Алексѣевны становился все льстивѣе и подобострастнѣе, тонъ Анны Дмитріевны — все болѣе снисходительнымъ.

— Одна дочь? и такая же красавица, какъ вы? О, я уже слышала, слышала! — восторженно восклицала Наталья Алексѣевна.

— А у васъ?

— Два сына и дочь. Собственно, дочерей тоже двѣ, но я отъ одной отреклась. Я прямо сказала: ты мнѣ не дочь! нѣтъ, нѣтъ!..

— Ахъ, Боже мой! Но какая же причина?

— Вы меня поймете,—торжественно заявила Наталья Алексѣевна.—Женщина изъ порядочнаго круга, свѣтская женщина, какой я всегда была и продолжаю быть, меня пойметъ. Я вамъ все разскажу.

И она разсказала. Она начала съ собственнаго замужества. Несомнѣнно, это была крупнѣйшая ошибка въ ея жизни. Фамилія ея мужа—Петровъ. Это даже не имя. Но она принесла себя въ жертву. Ахъ, молодость и наивность!—онѣ на все способны. И что же? Мужъ понялъ? оцѣнилъ? Ничуть не бывало! Онъ даже не сдѣлалъ карьеры, хотя она всегда говорила ему: „ты долженъ сдѣлать карьеру ради меня". Онъ ничего не сдѣлалъ. Онъ даже не съумѣлъ составить себѣ состоянія. Но оригинальнѣе всего—это то, что этотъ ничтожный человѣкъ постоянно вмѣшивался во всѣ семейныя дѣла. Спрашивается: развѣ это дѣло мужчины? Порядочный семьянинъ всегда такъ занятъ службой, дѣлами, что ему некогда думать о всѣхъ этихъ пустякахъ. Его обязанности—зарабатывать какъ можно больше. Остальное его не касается. Этотъ, неблагодарный, взялся, буквально, воспитывать свою жену. И надо было слышать, какія дикія вещи онъ проповѣдывалъ! Маленькій примѣръ: скажите, что можно читать, кромѣ французскихъ романовъ? Ну, такъ онъ, вообразите, кинулъ одинъ volume въ каминъ. Это былъ романъ Анатоля Франсъ. Къ счастью, перевоспитать жену онъ не могъ, но дѣтей... Боже, что онъ дѣлалъ съ дѣтьми! Кто можетъ ихъ любить больше матери? Но мать, сознавая ихъ пользу, не задумается надъ жертвой. Извѣстно, что лучшее воспитаніе для молодой дѣвушки несомнѣнно даетъ институтъ. Если родители не достаточно богаты, чтобы предоставить дочерямъ все необходимое въ смыслѣ требованій свѣта, лучшее, что можно сдѣлать — это отдать ихъ въ институтъ. Онъ, онъ одинъ даетъ еще въ образѣ дѣвушки идеалъ чистоты, поэтичности, наивности. Манеры... Кто не угадаетъ институтку по однѣмъ манерамъ? Каждый жестъ изученъ, изысканъ. Школа—во всемъ. Ничего спроста. Она знаетъ только то, что ей прилично знать; говоритъ только о томъ, о чемъ ей прилично говорить. Ея высшая забота быть привлекательной, плѣнять. Развѣ это не очаровательно, когда взрослая дѣвушка, невѣста, умѣетъ производить впечатлѣніе такой невинности... ну, такой невинности, будто она убѣждена, что между ей и ея женихомъ только та разница, что у него есть растительность на лицѣ, а у нея нѣтъ; что онъ шьетъ платье у портного, а она—у портнихи. Ахъ, не говорите! Въ наше время настоящія женщины такъ рѣдки!.. „Неблагодарный" не захотѣлъ отдать

дочерей въ институтъ. Онъ, можете себѣ вообразить, заставилъ ихъ ходить въ гимназію. И плоды сейчасъ же оказались на лицо: у старшей, Антонины, очень, очень ощутительно измѣнился prononce, можетъ быть, вслѣдствіе хроническаго насморка. Вѣдь онѣ тамъ всѣ простужаются; это не чудное зданіе милаго института... А у младшей, Викторіи, явились какіе-то странные вкусы: ни за что не хотѣла покупать себѣ башмаки на французскихъ каблукахъ. Обувь безъ каблуковъ увеличиваетъ и безобразитъ ногу. Ну, заупрямилась. А отецъ поддержалъ. „Хочу, — говоритъ, —твердо держаться на ногахъ. Глупо торчать на подставочкахъ". Дальше—хуже: сняла серьги. И, конечно, кончилось тѣмъ, что она стала бредить самостоятельностью. Гдѣ для дѣвушки начинается самостоятельность, тамъ кончается благопристойность. Пошли курсы, лекціи, бѣганіе въ публичную библіотеку... Носить имя „Викторія" и бѣгать въ публичную библіотеку!—прямо нелѣпо. Ну, и что же вышло? Надо удивляться, что она не подурнѣла. Совсѣмъ хорошенькая. Гораздо красивѣе сестры Антонины. Приложи она хотя нѣкоторое стараніе, чтобы сдѣлать хорошую партію... Но не тутъ-то было! Антонина вышла замужъ, а Викторія наняла себѣ комнату, живетъ отдѣльно отъ родителей и служитъ въ управѣ. Отецъ очень доволенъ.

— А я ей сказала: ты мнѣ не дочь. Нѣтъ, нѣтъ!—закончила свой разсказъ Наталья Алексѣевна.

— И вы не видитесь съ ней?—спросила Анна Дмитріевна.

— Я бы не хотѣла видѣться, но отецъ... Она приходитъ къ нему чуть не каждый день.

Петрова тревожно слѣдила за выраженіемъ лица Анны Дмитріевны: можно было подумать, что она ждала суда надъ собой и надъ своей преступной дочерью.

— Дорогая моя,—снисходительно сказала Вязмина,—вы сами признали, что ваше замужество было самой крупной ошибкой вашей жизни. Мы всегда платимся за наши ошибки. Вы поплатились дочерью. Она не вашего круга, точно также какъ и вашъ мужъ. Вотъ и все.

— О, да, да! Они не нашего круга!—радостно подхватила Наталья Алексѣевна, счастливая тѣмъ, что за ней признавали какое-то смутное превосходство.—Я хотѣла ихъ поднять до себя. Я говорила мужу: „ты долженъ ради меня"... Я сдѣлала все, что могла. Я умываю руки.

Николай Ивановичъ не любилъ Петрову за ея льстивость и за ея манеры.

— Это удивительно, душа моя,—говорилъ онъ женѣ:—вѣдь

она хочетъ увѣрить всѣхъ, что она еще совсѣмъ дѣвочка. А она была вмѣстѣ съ тобой въ институтѣ. У нея бѣлые волосы, а она, намедни, подобрала какъ-то юбки и побѣжала мнѣ за спичками. Вѣдь побѣжала! Положимъ, она суха, какъ вобла... И что за вѣчныя представленія! То она въ восторгѣ, то она въ отчаяніи, то она въ экстазѣ, то она еще въ чемъ-нибудь... Конца нѣтъ крикамъ, гримасамъ. Избавь ты меня отъ нея, Бога ради! Увѣряю тебя, что она со мной заигрываетъ.

— Она всегда была очень экспансивна и очень женственна, —оправдывала Вязмина свою бывшую подругу.

Теперь она почувствовала къ ней особенное расположеніе, потому что никто не умѣлъ, или не хотѣлъ такъ шумно и картинно входить въ ея положеніе, какъ дѣлала это Наталья Алексѣевна. Она, такъ сказать, иллюстрировала каждый ея разсказъ. Она наглядно выражала скорбь, безпомощность, негодованіе, точно сама переживала тѣ чувства, о которыхъ говорила Анна Дмитріевна.

Стоило генеральшѣ сказать: „я боялась"..., какъ Петрова уже стучала зубами, производя звукъ: брр... брр...

Вязмина повѣствовала:—Они—всегда чиновники—хотѣли заставить меня унизиться до просьбы...

А Петрова уже гордо выпрямлялась, поднимая вверхъ острый желтый подбородокъ.

— Я вся измучена!—говорила вдова. И тогда Наталья Алексѣевна внезапно поникала, руки ея безсильно падали на колѣни, глаза закатывались, цвѣтные банты старомодной наколки качались сверху внизъ, отвѣчая скорбному, молитвенному наклоненію головы.

— Она впечатлительна и отзывчива, — говорила про нее Анна Дмитріевна.

— Вы не находите, что она, все-таки, немного... раздражаетъ?—робко освѣдомилась какъ-то Варя.

— Я нахожу, что она любезнѣе и внимательнѣе моей родной дочери,—строго отвѣтила ей мать.—Нѣтъ никакой заслуги быть истуканомъ.

Вмѣстѣ съ матерью приходила иногда къ Вязминымъ и Антонина, жена доктора Решкова. Она была очень похожа на мать и, какъ и та, отличалась странными, претенціозными костюмами, которые она носила такъ развязно, какъ будто они были послѣднимъ словомъ моды. У нея уже было четверо дѣтей, ожидался пятый ребенокъ, но, здороваясь и прощаясь съ генеральшей, она дѣлала глубокіе реверансы, вскакивала поднимать упавшій пла-

токъ, придвинуть скамейку. Анна Дмитріевна покровительственно называла ее „моя милочка" и снабжала ее нѣсколькими бисквитами, оставшимися отъ чая, для передачи малюткамъ, которыхъ она никогда не видала, но которыя, она была увѣрена, прелестны! Сама она не бывала ни у Натальи Алексѣевны, ни у Антонины Львовны; но когда ея благосклонность къ Натальѣ Алексѣевнѣ дошла до максимума, она послала Варю сдѣлать визитъ Решковой.

— Это ее обрадуетъ и сдѣлаетъ большое удовольствіе ея матери,—объяснила она.—Купи дѣтямъ фунтъ мармеладу. Всѣ дѣти любятъ сладкое.

Когда Варвара Николаевна вошла къ Решковымъ, въ гостиной сидѣло нѣсколько молчаливыхъ фигуръ. Однѣ изъ нихъ читали, другія безцѣльно глядѣли вверхъ или внизъ. Варя вспомнила, что мужъ Антонины—докторъ. Ее провели черезъ корридоръ въ маленькій, тѣсный будуаръ съ задернутой занавѣской, за которой, вѣроятно, стояли кровати. Изъ смежной комнаты слышались звонкіе дѣтскіе голоса и чья-то тихая, монотонная пѣсня. Пѣсня вдругъ сразу оборвалась, и почти сейчасъ же изъ дверей дѣтской вышла незнакомая молодая дама.

— Вы меня не знаете,—сказала она Варѣ,—я сестра Тони, Викторія. Она очень извиняется: нянька ушла на чердакъ за бѣльемъ. Она сейчасъ вернется и возьметъ ребенка. Такой капризникъ! Я хотѣла его взять, такъ ни за что!

— Ахъ, мнѣ очень совѣстно, что я безпокою вашу сестру,—сказала Варя.

Она, дѣйствительно, чувствовала себя неловко. Когда въ ихъ большой гостиной сидѣли праздные люди и вели праздные разговоры, это выходило вполнѣ естественно, такъ какъ и комната, и люди существовали только для этого. Никому изъ нихъ не пришло бы въ голову, что странно и неприлично являться къ людямъ безъ всякой цѣли, отрывать ихъ отъ дѣла для того, чтобы сказать нѣсколько незначительныхъ, пустыхъ фразъ, никому не интересныхъ, и уйти съ такимъ видомъ, какъ будто сдѣлано очень нужное дѣло, исполненъ какой-то долгъ... Здѣсь, въ этой тѣсной комнатѣ, Варя испытала совершенно новое чувство: ей стало ясно, что она мало того, что не дѣлаетъ никакого дѣла, но мѣшаетъ другимъ; что она очень безцеремонна. Хуже всего было то, что она даже не знала, о чемъ она будетъ говорить, когда Антонина сдастъ ребенка и выйдетъ къ ней. Визитъ нисколько не обязываетъ къ содержательному разговору, но надо, чтобы люди обставляли его надлежащимъ образомъ.

— Вы любите своихъ племянниковъ? Они, вѣроятно, очень милы?—совершенно растерянно заговорила она только для того, чтобы не молчать. Она привыкла думать, что молчать въ обществѣ гораздо хуже, чѣмъ говорить пустяки.

Викторія засмѣялась.

— Очень милы,—подтвердила она. — Я ихъ очень люблю. Только ихъ слишкомъ много. Это глупо.

— Да?—удивленно замѣтила Варя.

— На мой вкусъ.

— А я ужасно люблю дѣтей!—заявила Вязмина.

— Любите ихъ цѣловать? Забавляться ихъ болтовней? Любите ихъ издали?

— Конечно, пока... мнѣ приходилось только такъ...—сказала Варя и вдругъ сильно покраснѣла.

Ей показалось, что въ темныхъ глазахъ ея собесѣдницы вспыхнулъ насмѣшливый огонекъ. Но та заговорила совершенно серьезно и спокойно:

— Тонѣ трудно. Помѣщеніе, какъ видите, маленькое, слѣдовательно и средства небольшія. Нянька одна. Надо знать, какъ сестра дорожитъ каждой свободной минутой! Когда я свободна, я даю ей отпускъ, и, увѣряю васъ, мнѣ доставляетъ большое удовольствіе думать, что она сидитъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ. У васъ, напримѣръ...

— О, это случается такъ рѣдко... и у насъ такъ невесело!..

— Это ничего. Одно то, что это даетъ ей случай заняться своимъ туалетомъ.—Викторія засмѣялась.—Вѣдь у насъ Тоня и мама—двѣ аристократки. У нихъ непреодолимое влеченіе къ „свѣту“, къ французскому языку... Ихъ хлѣбомъ не корми, а дай подышать этимъ специфическимъ воздухомъ вашихъ салоновъ. Конечно, больше всего мама...

— Вы сказали: специфическій воздухъ. Почему?

— А вы не находите? Мнѣ кажется, что вы не можете не чувствовать себя обособленными, немножко кастой, что-ли. Да, именно кастой, духовной кастой, на которую вы имѣете права по рожденію, или по положенію мужа, но къ которой вы причисляетесь только по личному вкусу. И удивителенъ мнѣ больше всего этотъ вкусъ. Какъ можно любить напыщенность, неискренность? Какъ можно довольствоваться внѣшней формой, когда знаешь, что за ней—пустота или ложь?

Варя опять покраснѣла.

— Почему же вкусъ?—пробормотала она.—То-есть, я хочу сказать: отчего вы думаете, что мы должны любить пустоту и

ложь? Съ ними, мнѣ кажется, можно только мириться, но любить ихъ...

— Нельзя? Ну, такъ смѣю увѣрить васъ, что вы ошибаетесь! Существуетъ не только любовь ко лжи, но и непримиримая ненависть къ правдѣ. И въ вашемъ обществѣ эти два чувства особенно развиты. Вы не сердитесь, что я это говорю вамъ—одной изъ представительницъ этого общества?

Вязмина собиралась отвѣтить, но въ это время изъ дѣтской вышла Антонина, облеченная въ торжественный пестрый капотъ.

— Простите, дорогая Barbe, что я заставила васъ ждать,— поспѣшно заговорила она по-французски. — Скажите же, какъ здоровье вашей maman? какъ ея бѣдная рука?

При первыхъ звукахъ ея голоса Вязмина почувствовала громадное облегченіе. Все, что было неловкаго и безцеремоннаго въ ея появленіи, сразу стушевалось, исчезло. Казалось, даже стѣны темнаго будуарчика раздвинулись, дѣлая его похожимъ на всѣ салоны въ мірѣ, гдѣ можно безъ угрызеній совѣсти болтать о пустякахъ.

— Maman вамъ очень кланяется. Она опять немного простужена.

— Да, эта петербургская погода... Мы никогда не видимъ солнца. Я желала бы жить на югѣ...

— Да, югъ. Берегъ Крыма... Очаровательно!...

Онѣ стали говорить о югѣ, о солнцѣ, о морѣ, какъ будто онѣ только и дѣлали, что мечтали о нихъ, и теперь радовались возможности высказать свои мечты вслухъ.

— Ялта? нѣтъ, Ялта слишкомъ заселена и тамъ много больныхъ. Лучше жить въ Алуштѣ.

— А мнѣ казалось, что Гурзуфъ...

Обѣ никогда въ Крыму не были, не собирались ѣхать и ровно ничего не знали о томъ, гдѣ лучше, почему лучше, и зачѣмъ этотъ вопросъ надо было обсуждать въ квартирѣ доктора Решкова въ то время, какъ нянькѣ надо было гладить бѣлье.

Когда вопросъ былъ, наконецъ, исчерпанъ, стали говорить о тѣснотѣ въ вагонахъ желѣзной дороги, и Barbe сообразила, что ей уже можно уходить.

— Я принесла немного сластей для малютокъ, — сказала она, передавая Антонинѣ коробку съ мармеладомъ.—Но вы не хотите показать мнѣ свои сокровища?

— О, вы слишкомъ добры! Вы ихъ такъ балуете! вы и ваша maman. Они этого совсѣмъ, совсѣмъ не заслуживаютъ. Конечно, я съ удовольствіемъ покажу ихъ вамъ.

Она быстро прошла въ сосѣднюю комнату, и черезъ минуту вернулась, окруженная тремя чисто вымытыми, выглаженными и причесанными дѣтьми. Всѣ они были не въ духѣ, стѣснялись незнакомаго лица и энергично протестовали противъ желанія матери подвести ихъ къ нему какъ можно ближе.

— Что за прелесть! что за ангелочки!—восхищалась Barbe.

Антонина сіяла и все уговаривала двухъ старшихъ быть любезнѣе съ гостьей. Она была бы чрезвычайно удивлена, еслибы дѣти дѣйствительно оказались не только любезными, но мало-мальски сносными, но она дѣлала видъ, что недоумѣваетъ, сердится и даже не узнаетъ своихъ дѣтей.

— Очень, очень милы!—продолжала восхищаться Варя, хотя ей не удалось разглядѣть ни одного изъ лицъ: два старшихъ были спрятаны въ складкахъ торжественнаго капота Тони; младшее ютилось на ея плечѣ, упорно поворачиваясь къ гостьѣ затылкомъ.

— Ну, я не буду васъ любить! — сказала имъ мать и отвела ихъ назадъ, въ дѣтскую.

— А бэби спитъ,—извинилась она за свое послѣднее произведеніе.

Во все это время Викторія не сказала ни одного слова, но Вязмина чувствовала на себѣ ея внимательный, любопытный взглядъ. Прощаясь, онѣ протянули другъ другу руки.

— А есть жизнь безъ лжи и безъ притворства? — неожиданно спросила Варвара Николаевна и сейчасъ же сильно смутилась.

— Не знаю,—серьезно отвѣтила Викторія.—Болѣе или менѣе, вѣроятно...

— Да, конечно... Болѣе или менѣе...

Она хотѣла еще что-то сказать, но смутилась еще больше и быстро пошла въ переднюю.

Молчаливыя фигуры все еще томились въ своихъ выжидательныхъ позахъ. Одѣваясь и разговаривая съ Тоней, которая вышла проводить гостью, Варя невольно замѣшкалась. Въ то же время маленькая, плотно закрытая дверь съ шумомъ растворилась, и въ переднюю вышелъ еще молодой, средняго роста мужчина, лысый, съ острой черной бородкой и въ золотыхъ очкахъ. Онъ хотѣлъ пройти въ противоположную дверь, но Антонина остановила его.

— Michel,—шопотомъ сказала она, — это—Варвара Николаевна Вязмина. Barbe!—обратилась она къ гостьѣ,—позвольте вамъ представить моего мужа.

— Но я въ эту минуту совершенно не представителенъ,—пошутилъ Решковъ, раскланиваясь издали.—Не смѣю даже подать вамъ руки. Надѣюсь имѣть честь въ другое время...

Онъ быстро прошелъ дальше. А когда, минуты черезъ двѣ, онъ шелъ обратно, его жены и гостьи уже не было въ передней.

Обыкновенно, въ день св. великомученицы Варвары, въ именины Ваґѣе, у Вязминыхъ было большое торжество. Приглашали тапёра, двухъ оффиціантовъ съ бакенбардами, накупали нѣсколько тортовъ. Николай Ивановичъ самъ заказывалъ ужинъ и выбиралъ вина и закуски, причемъ онъ всегда обманывалъ Анну Дмитріевну и сбавлялъ сумму расходовъ ровно на половину.

— Надо все дѣлать умѣючи, и тогда выйдетъ и дешево, и сердито,—еще поучалъ онъ, зная, что жена никогда не простила бы ему такого безразсуднаго мотовства. Старикъ любилъ и поѣсть, и угостить, и всегда возмущался, когда на званыхъ вечерахъ подавали чай съ однѣми „бездѣлушками".

— Разставятъ тарелочекъ, наложатъ салфеточекъ,—разсказывалъ онъ,—купятъ колбасы на двугривенный, а серебра выставятъ—цѣлое приданое. Глядѣть—красиво, а ѣсть—нечего. Теперь и на сценѣ эта бутафорія совсѣмъ вывелась: и ѣдятъ, и пьютъ по настоящему. Нѣтъ! ужъ ежели ты зовешь гостей, то не срамись, не отъѣзжай на однѣхъ бездѣлушкахъ. Гостю голодно, а тебѣ совѣстно.

Но Анна Дмитріевна совсѣмъ не раздѣляла взглядовъ мужа и считала издержки на угощеніе брошенными деньгами.

— У насъ—не ресторанъ,—разсуждала она,—было бы все прилично.

И она считала приличнымъ съэкономить на фруктахъ и купить такихъ грушъ, въ которыхъ было столько же соку и нѣжности, какъ въ бильярдныхъ шарахъ. Или пріобрѣсти, спеціально для гостей, такой ананасъ, что о немъ умышленно приходилось забывать. Онъ оставался нетронутымъ, но онъ все-таки былъ, онъ украшалъ вазу своимъ зеленымъ султаномъ. Это было прилично.

Въ этотъ годъ, по случаю траура, Вязмины не дѣлали никакихъ приглашеній; но такъ какъ предполагалось, что всѣ знакомые все-таки захотятъ поздравить Варю, то Анна Дмитріевна распорядилась сварить шоколадъ.

Первыми явились Зуевы: Вѣра Петровна и ея двѣ дочери. Вслѣдъ за ними почти непрерывно входили другіе поздравители,

и гостиная Вязминыхъ приняла свой шаблонно-оживленный, праздничный видъ. Каждому новому гостю предлагалось на выборъ: чашку шоколада, или чашку чая? Двое молодыхъ людей во фракахъ, оба какіе-то разслабленные, безцвѣтные и близорукіе, „вазелиновые“,—съострилъ кто-то,—ухаживали за барышнями, сохраняя на своихъ лицахъ выраженіе самой безъисходной скуки. Можно было думать, что они находятся при исполненіи сильно наскучившихъ имъ обязанностей. Барышни, поразвязнѣе, подсмѣивались надъ ними, пытались острить, но у всѣхъ былъ, по отношенію къ нимъ, одинъ и тотъ же тонъ жеманной кокетливости и снисходительнаго пренебреженія. Виртуозно владѣла этимъ тономъ Зина Вельшина, дѣвица двадцати-трехъ лѣтъ, съ очень дурнымъ цвѣтомъ лица и замѣчательно громкимъ голосомъ. Она держала себя съ молодыми людьми какъ милостивая повелительница съ вѣрными подчиненными и, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, видимо причисляла ихъ къ роду своихъ поклонниковъ. Она постоянно что-то разрѣшала, за что-то прощала или наказывала.

— Разрѣшаю вамъ очистить для меня мандаринъ...

— Вы немного разсѣянны, но я васъ прощаю, въ виду вашего раскаянія...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволяю вамъ сидѣть рядомъ со мной: вы наказаны за ослушаніе.

— До чего она мила! — говорили дамы ея матери, Софьѣ Григорьевнѣ. А та не сводила съ дочери глазъ, громко смѣялась каждому ея слову, откровенно любовалась ею и постоянно повторяла:

— Ахъ, эта Зина! она у меня еще совсѣмъ глупенькая!

Но подразумѣвалось, что Зина не только не глупа, но что у нея оригинальный, смѣлый умъ, несмотря на ея крайнюю молодость.

— Она у меня еще совсѣмъ ребенокъ!—говорила мать, руководясь какими-то понятными ей одной соображеніями, ничего общаго не имѣющими съ цифрами и метрикой. И всѣ съ готовностью соглашались съ ней, такъ какъ она съ такой же легкостью относилась къ возрасту другихъ дѣвицъ.

Было принято считать, что madame Вельшина—очень умная и обаятельная женщина, и она сама держала себя такъ, какъ будто она была вполнѣ убѣждена въ этомъ, и даже нѣсколько стѣснялась своимъ превосходствомъ надъ другими. Чтобы доказать, что она нисколько не гордится имъ, она усвоила себѣ простой, чуть-чуть грубоватый тонъ, употребляла выраженія, за

которыя считала нужнымъ извиняться, и съ чрезвычайной снисходительностью относилась къ чужимъ недостаткамъ, которые осуждались или осмѣивались при ней. Но зато никто, какъ она, не умѣлъ показать себя съ казовой стороны: начиная съ горделивой, эффектной наружности и кончая изысканнѣйшимъ французскимъ языкомъ, она могла произвести впечатлѣніе настоящей grand'-dame. Соперничать съ ней могла одна Анна Дмитріевна Вязмина. Обѣ были вдовы, обѣ—„превосходительныя", у обѣихъ было много родственниковъ и знакомыхъ генераловъ, сенаторовъ, губернаторовъ. Но Вельшина была гораздо моложе и отдавала дань времени легкимъ либерализмомъ, котораго совсѣмъ не было у Вязминой. Она ни на минуту не могла забыть о томъ, что отецъ тетки ея матери былъ министромъ, и умѣла напомнить и сообщить объ этомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда говорили о погодѣ или о Троицкомъ мостѣ, но никакого поклоненія предъ чинами или орденами она никогда не обнаруживала и даже нерѣдко высказывала къ нимъ полное презрѣніе.

— Милый старикашка, — говорила она про какое-нибудь „лицо", но, съ позволенія сказать, труха... Да у него и съ молоду въ головѣ многихъ винтиковъ не хватало. Какой же онъ администраторъ? Даже Зина, этотъ ребенокъ, по поводу одного его распоряженія, сказала мнѣ: „мама, а вѣдь нашъ дѣдко сбрендилъ".

По ея словамъ, можно было думать, что не было ни одного вопроса внѣшней и внутренней политики, о которыхъ у нея съ Зиной не было бы опредѣленнаго взгляда, причемъ этотъ взглядъ всегда оказывался самымъ мѣткимъ и благоразумнымъ.

— Что „они" дѣлаютъ? что „они" дѣлаютъ! — восклицала она.—Я говорю Зинѣ: „куда мы идемъ"? А она мнѣ отвѣчаетъ: „мамочка, мы обращаемся вспять".

Въ настоящую минуту умная Зина ѣла виноградъ, изящно оттопыривъ мизинецъ правой руки и насмѣшливо-лукаво поглядывая на молодыхъ людей.

— Я давно не видала тебя,—сказала она только-что появившейся Антонинѣ Решковой.—Скажи, что твоя сестра? упорствуетъ въ своемъ протестантизмѣ?

Антонина не отличалась догадливостью, и поглядѣла на подругу съ полнымъ недоумѣніемъ.

— Но вѣдь она же протестуетъ противъ обыкновеннаго порядка вещей,—пояснила Зина.—Она эмансипировалась. Ты знаешь, ты ей скажи, что это теперь старо. Теперь женщины уже не эмансипируются. Au rebours, mesdames! Стриженые волосы, очки,

ременные пояса—все это уже давно кануло въ Лету. Манекенъ эмансипаціи, на который было примѣрено столько костюмовъ, задвинутъ въ уголъ, забытъ и запыленъ. Скажи ей это. Можетъ быть, она еще внемлетъ голосу разсудка. Я очень жалѣю, что не могу поговорить съ ней сама.

— Съ кѣмъ бы ты желала поговорить, Зина?—громко освѣдомилась Софья Григорьевна, которая всегда прислушивалась однимъ ухомъ къ тому, что говорила дочь.

— Съ сестрой Тони, Витой, maman. Я прошу ей передать, что она очень отстала въ своемъ протестантствѣ.

— Ха, ха, ха! — неудержимо расхохоталась Софья Григорьевна.—Теперь я все понимаю... Я не могла сообразить, о какомъ „манекенѣ эмансипаціи“ ты говорила. Задвинутъ въ уголъ... запыленъ... Ха, ха! И ты совершенно права. Эмансипированная женщина—не живое явленіе, а манекенъ въ модномъ нарядѣ. Вотъ почему она задвинута въ уголъ и вотъ почему женщинѣ-женѣ, женщинѣ-матери отведено первое почетное мѣсто. Потому что она живая, потому что безъ нея не могла бы существовать основа государства—семья.

— И я думаю, maman, что женщина-жена, женщина-мать можетъ разсуждать не глупѣе другихъ, не видаясь каждый день съ чиновниками городской управы, хотя они, вѣроятно, очень остроумны.

— Ахъ, Зина! Ахъ, глупенькая!—захлебываясь отъ смѣху, говорила Вельшина.—Чиновники управы... Охъ, уморишь!

Антонина густо покраснѣла.

— О, я совсѣмъ не сочувствую сестрѣ! Ничуть, ничуть...

— Мы въ этомъ убѣждены, душечка,—успокоила ее Вельшина.—Я первая глубоко уважаю всякій трудъ. Но пусть трудятся тѣ, кому это необходимо. У насъ другія обязанности... Какая польза, если я скажу своей прачкѣ: „пусти, я за тебя стану къ корыту и буду стирать бѣлье“? Развѣ это не то же самое? Я лишу прачку заработка и испорчу свои руки. А согласитесь, что прачкѣ не нужны бѣлыя руки, а мнѣ не нужны шесть гривенъ, которыя я съэкономлю своей личной работой. Всякому свое: бѣднякамъ—честный, уважаемый трудъ; намъ, избранному сословію—умственная и духовная работа, культъ высокихъ идеаловъ, служеніе искусству, поддержаніе всего возвышеннаго и красиваго въ жизни.

— Совершенно вѣрно!—согласилась Вязмина.—Вотъ именно поддержаніе... Я сколько разъ думала: неужели мы дошли до такой утонченности чувства, до такой... изысканности вкусовъ,

впечатлѣній, только для того, чтобы стараться огрубѣть, опуститься? Неужели та культура, которая такъ дорого стоила, безполезна и не заслуживаетъ не только уваженія, но даже вниманія? А между тѣмъ, можетъ казаться, что это именно такъ. Меня увѣряютъ, что жизнь повернула въ какую-то другую сторону. Какую? Я не читаю русскихъ современныхъ романовъ, я ихъ нахожу грубыми и... простите... глупыми. Но я читала Тургенева: его поэзія въ прозѣ прямо мила. Теперь, говорятъ, модный писатель Горькій, булочникъ или сапожникъ. Его герои дерутся, плюются и пьютъ горькую. Конечно, я не стала читать, но онъ имѣетъ успѣхъ, и я нахожу, что это какъ бы знаменіе времени. Мы становимся одинокими. Мы должны крѣпко держаться другъ за друга, чтобы защитить себя и наше положеніе отъ людей другихъ понятій, другой культуры.

— А куда дѣнемъ мы нашихъ дочерей?—спросила Зуева.

Анна Дмитріевна не поняла.

— Я спрашиваю: за кого выдадимъ мы нашихъ дочерей? За кого? Если мы захотимъ ограждаться отъ людей другихъ понятій, другой культуры?

— Однако, вы обижаете насъ! — въ одинъ голосъ заявили разслабленные молодые люди.—Почему, позвольте, мы не одной культуры?

Вѣра Петровна только мелькомъ оглянулась на нихъ разсѣяннымъ, возбужденнымъ взглядомъ. Она знала, что оба вмѣстѣ не могли бы составить мало-мальски приличной партіи для одной изъ ея дочерей. Оба они принадлежали къ разряду тѣхъ жениховъ, у которыхъ, кромѣ ихъ фрака, были только очень хорошіе аппетиты и никакихъ надеждъ удовлетворить ихъ. До ихъ культуры ей не было никакого дѣла.

— Кто поручится вамъ,—продолжала она,—что эти чужіе намъ люди не войдутъ силой въ наши семьи, не возьмутъ у насъ нашихъ дочерей и не будутъ перевоспитывать ихъ на свой ладъ? Мы не ищемъ ихъ, мы не зовемъ ихъ, но они, все-таки, придутъ и оградиться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности.

— Я бы вышла только за человѣка своего круга!—увѣренно сказала Зина.

— Тебѣ еще рано объ этомъ говорить и думать, — съ напускной строгостью замѣтила ей мать.

— Но, дорогая Вѣра Петровна, я думаю, что Зина все-таки отчасти разрѣшила нашъ вопросъ. Она сказала: „я выйду только за человѣка своего круга“. Такъ скажутъ и ваши дочери, и наша Варя... Такъ скажетъ всякая дѣвушка, воспитанная

своей средой. Она ни за что не спустится, чтобы стать равной своему мужу, ни за что! А если она подниметъ мужа до себя, то тѣмъ лучше, тѣмъ больше ей заслуги.

— Поднять мужа до себя?—возбужденно повторила Зуева.— Нѣтъ! Сейчасъ Annette удивлялась, что мы становимся одинокими, что наша утонченность, изысканность чувствъ не находитъ не только поощренія, но даже уваженія. Такъ я могу васъ увѣрить, что меньше всего понимаютъ насъ наши мужья и еще меньше будутъ понимать мужья нашихъ дочерей. Мы, какъ весталки, хранимъ священный для насъ огонь, но стоитъ намъ отвернуться, наши мужья забудутъ о немъ, даже постараются затушить его нарочно...

— Ай, ай! А вотъ мы разскажемъ Евгенію Сергѣевичу...

— Пусть это правда,—съ многозначительной улыбкой сказала Анна Дмитріевна,—это только лишній поводъ еще болѣе стойко стоять на своемъ, не уступать ни одной пяди. Лишній поводъ не допускать нашихъ дѣтей общаться съ людьми другихъ взглядовъ. Жизнь повернула въ другую сторону, а намъ что за дѣло? Мы будемъ идти своимъ путемъ. Насъ будутъ презирать, но кто? Кто? Тѣ, кто даже не стоитъ нашего презрѣнія.

Она съ гримасой отряхнула платье и пальцы, какъ будто одно упоминаніе объ „этихъ людяхъ“ могло оставить на нихъ какіе-то слѣды.

— А я думаю, что мы не только пойдемъ вмѣстѣ съ жизнью, но даже во главѣ ея,—немного торжественно заговорила Софья Григорьевна.—И даже непремѣнно во главѣ. Замѣтьте: если идетъ какая-нибудь процессія, все равно какая... Я видѣла простые сельскіе крестные ходы и видѣла два въѣзда Государя въ Москву на коронацію... Такъ я говорю: если идетъ какая-нибудь процессія, впереди нея непремѣнно пробѣжитъ группа мальчишекъ. Непремѣнно пробѣжитъ и непремѣнно впереди. Такъ развѣ они что-нибудь значатъ? Развѣ въ нихъ сила и интересъ? По моему, впереди насъ, если считать, что мы подвигаемся въ жизни впередъ, выбѣжали какіе-то мальчишки и дѣвчонки и кричатъ, что мы отстали. Ихъ сейчасъ же уберутъ за крикъ и безобразіе, а мы пойдемъ. И куда бы мы ни шли, впереди насъ будутъ бѣжать и кричать, что мы отстали. А держать путь, направлять его будемъ только мы, только мы!

— Мамочка, это хорошо!—сказала Зина.—Мнѣ это нравится. Благодарю тебя.

Вельшина не съумѣла окончательно скрыть самодовольной улыбки и встала прощаться.

— Но въ такомъ случаѣ... вы думаете, что мы сами идемъ къ огрубѣнію, къ опрощенію?—дѣлая круглые глаза, спросила Анна Дмитріевна.—Сами идемъ?

— Успокойтесь!—цѣлуя ее на прощанье, сказала Софья Григорьевна:—мы не потеряемъ въ пути ни одного изъ нашихъ украшеній. Моя Зина (такая еще, право, глупенькая!) какъ-то говоритъ мнѣ: „Мамочка, отчего я не мужчина? Мы, женщины, совсѣмъ устранены отъ общественной дѣятельности!“ А я ей говорю: „Зина, твой дѣдъ былъ министромъ. Онъ не „исполнилъ“ ни одной бумаги, а дѣла его министерства процвѣтали. Ты устранена отъ исполненія бумагъ, но твой умъ всегда отведетъ тебѣ должную роль въ жизни. Къ чему это я вела?.. Ахъ, да... Опростимся ли мы? Нѣтъ. Мы захотимъ только той роли, которая присуща намъ по воспитанію, но и она будетъ велика. Идемъ же, Зина, у насъ еще два визита.

— Barbe!—сказала Маня Зуева, незамѣтно отводя Варю въ сторону.—Пройдемъ въ твою комнату; мнѣ надо сказать тебѣ кое-что.

— Неужели опять влюблена?—удивилась Вязмина.

— Ну, пойдемъ. Необходимо. Очень важно.

Онѣ прошли въ комнату Варвары Николаевны и закрыли за собой дверь.

— Ну, что же?—улыбаясь, спросила Варя.

Но Маня молча припала къ ея плечу и зарыдала.

— Я пропала!—говорила она.—Пропала... пропала...

— Что съ тобой?—испугалась Вязмина.—Маня!.. Маня!..

— Я пропала, Barbe! Знаешь... ты видала у насъ? Такой толстый, противный. Макуринъ его фамилія. Онъ—нефтепромышленникъ.

— Ну, ну...

— Maman хочетъ, чтобы я вышла за него замужъ. Онъ очень богатъ, очень. Она говоритъ, что если я не выйду, она оставитъ меня на будущую зиму въ деревнѣ у бабушки. А каково мнѣ... каково! Вѣдь ты знаешь, что я люблю другого...

— Такъ Макуринъ дѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Макуринъ? Нѣтъ.

— Такъ какъ же ты говоришь, что maman требуетъ, чтобы ты вышла за него замужъ?

— Ну, да. Maman непремѣнно требуетъ.

— А Макуринъ не хочетъ жениться?

Маня вытерла слезы и удивленно взглянула на Варю.

— Ахъ, какая ты смѣшная, право!—сказала она.—Развѣ я у него спрашивала? Развѣ о такихъ вещахъ спрашиваютъ?

Варвара Николаевна засмѣялась.

— Значитъ, ты не хочешь, онъ не хочетъ, а только одна maman хочетъ. О чемъ же ты плачешь?

— Ты не хочешь понять! Я не люблю Макурина, я люблю Любавина. О, я была бы безумно счастлива...

Въ дверь постучали.

— Маня! Maman собирается уѣзжать!—послышался тонкій голосокъ Кати.

— Иду, сейчасъ иду!—заторопилась Маня и бросилась къ зеркалу оглядывать свое лицо.

— Ахъ, какая я несчастная!—продолжала жаловаться она.—И быть вынужденной казаться веселой и оживленной... Ты счастлива, Barbe: ты не любишь и ты не принуждена выходить за Макурина.

— А Любавинъ тебя любитъ?

Маня сдѣлала серьезное, печальное лицо и опустила глаза.

— Открыть тебѣ мою тайну?—сказала она.—Такъ знай же: онъ меня любитъ. Ужасно, ужасно! Но онъ ни за что, никогда не признается. У него на это есть причины.

— Причины?

— Да. Какая-то тайна. Ахъ, если бы ты знала, какъ это интересно! Я непремѣнно вырву у него эту тайну, и тогда я буду безумно счастлива!

— Маня!—опять позвалъ голосокъ Кати за дверью.

Въ гостиной всѣ стояли, собираясь уѣзжать. У молодыхъ людей былъ еще болѣе изломанный и полинявшій видъ. Казалось, ноги отказывались имъ служить и подгибались подъ ними, спины горбились, какъ у стариковъ.

— Вотъ онѣ!—сказала Вѣра Петровна, когда Barbe и Маня вошли.

— Васъ ждали! — строго, но тихо замѣтила Анна Дмитріевна дочери.

Двинулись въ переднюю, и когда, наконецъ, входная дверь закрылась за послѣднимъ гостемъ, Вязмина нетерпѣливо дернула плечами и головой.

— Уфъ! — сказала она. — Наконецъ-то! Надо тебѣ отдать справедливость, Barbe: ты вела себя прямо неприлично. Скажи на милость, отчего это Зина Вельшина можетъ разговаривать, а ты только умѣешь шептаться по угламъ? Заперлась съ этой индюшкой... Ты заставляешь меня краснѣть! Зина трещитъ, какъ

сорока, а ты молчишь. Значитъ, ты глупа? Значитъ, всѣ мои труды, всѣ мои заботы, жертвы, все пропало даромъ? Или ты думаешь, что я принесла мало жертвъ для тебя? И принесла, и приношу.

Она закатила глаза, глубоко вздохнула и, завернувъ руку въ платокъ, стала ходить по комнатѣ между столиковъ съ пустыми, грязными чашками изъ-подъ шоколада. Варя остановилась въ дверяхъ и прислонилась къ притолокѣ.

— Maman,—сказала она чуть-чуть дрожащимъ голосомъ,— мнѣ жертвъ не надо. Для такой жизни, какъ сейчасъ... зачѣмъ жертвы? Мнѣ все равно. Умоляю васъ, дѣлайте такъ, какъ вамъ лучше. Думайте только о себѣ.

Генеральша круто повернулась къ ней лицомъ.

— Это ты говоришь мнѣ? Мнѣ?—не вѣря своимъ ушамъ, переспросила она и широко раскрыла глаза.— Тебѣ жертвъ не надо? Ты недовольна своей жизнью? Можетъ быть, я виновата, что ты некрасива и глупа? Что никто не хочетъ жениться на тебѣ?

— Maman!.. Зачѣмъ?..

— Ты недовольна... Ты позволяешь себѣ совѣтовать мнѣ думать только о себѣ. Я знаю, что когда ты шепчешься по угламъ, ты жалуешься на меня. Ты жаловалась на меня своему отцу. Но я... я? Что я видѣла отъ тебя кромѣ горя, униженія, холодности? Вѣдь ты статуя. Твоя мать страдаетъ и мучается, а тебѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Я принесла тебѣ въ жертву всю свою жизнь...

Варя стояла и слушала. Со смерти отца ей постоянно приходила въ голову одна мысль: зачѣмъ жить такъ, какъ она живетъ? Кому это нужно?

И теперь она думала о томъ же. Тоскливое, горькое чувство переполняло ея душу. Кому нужно, чтобы она всю жизнь ломала и коверкала себя? Чтобы она была связана съ этой женщиной, которая называла себя ея матерью, но не скрывала, какъ она всю жизнь тяготилась ею? Уйти... какъ Викторія. Искать—если не счастья, то хотя бы чего-нибудь, что̀ могло бы его замѣнить: свободы, личнаго мѣста въ жизни, права любить то, что̀ нравится, избѣгать того, что̀ противно. Но куда уйти? Ей, ни къ чему не подготовленной, ни къ какой работѣ не годной... Ее нарочно воспитали такъ, что она была умѣстна только среди подобныхъ себѣ.

— Позвони!—рѣзко приказала мать.

Она пошла и нажала кнопку. Ей показалось, что голосъ

Анны Дмитріевны вернулъ ее къ дѣйствительности изъ какого-то далекаго, запрещеннаго міра грёзъ.

— Отчего здѣсь не уберутъ?—гнѣвно спросила Анна Дмитріевна явившуюся на звонокъ прислугу.

Варя поняла, что разговоръ конченъ, и съ облегченіемъ удалилась въ свою комнату.

Съ Антониной Решковой случилось несчастіе: она оступилась и упала такъ неудачно, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней ея жизнь была въ серьезной опасности. Наталья Алексѣевна бѣгала ко всѣмъ своимъ знакомымъ и съ широкими драматическими жестами разсказывала о своемъ горѣ.

— Она умретъ, и ея убійцей будетъ ея мужъ!—восклицала она, яростно потрясая сжатыми кулаками.—Я ему говорила: не надо больше дѣтей! не надо, не надо! Онъ меня не послушался.

Если разговоръ происходилъ у Вязминыхъ, Варю предварительно высылали изъ комнаты.

— Незачѣмъ посвящать дѣвочку въ эту печальную сторону жизни,—объясняла Анна Дмитріевна.

— О, она у васъ ангелъ невинности!—восторженно заявляла Наталья Алексѣевна.

Вязмина посылала справляться о здоровьѣ Тони, но не скрывала своего брезгливаго, презрительнаго отношенія къ ея болѣзни.

— Какая несправедливость, какая насмѣшка судьбы—природа!—часто говорила она. — Женщина... молодая женщина— такое нѣжное, поэтическое существо. И вотъ именно на ея долю выпалъ весь ужасъ материнства. Боже! чтò мы терпимъ! Въ самый расцвѣтъ нашей красоты мы обязаны уродовать нашу фигуру, подчиняться необходимости переживать грубый, жестокій, безобразный процессъ... Въ награду мы получаемъ дѣтей, которыя портятъ намъ жизнь, требуютъ заботъ, жертвъ, а затѣмъ еще судятъ насъ...

Генеральша язвительно засмѣялась.

— Да, судятъ. А мы стараемся. Въ сорокъ лѣтъ мы почти старухи, тогда какъ наши мужья нисколько не считаются съ годами. Они не смѣшны, когда молодятся и даже мечтаютъ о побѣдахъ чуть не въ шестьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ, природа жестока! —съ горечью заключала она.—Зачѣмъ старость? зачѣмъ утрата красоты? Жизнь длится шесть-семь десятковъ лѣтъ, а изъ нея мы пользуемся только одной незначительной частью.

Наталья Алексѣевна энергично выражала свое сочувствіе каждому ея слову.

Когда Вязмина говорила о мужчинахъ, она подбоченилась, присвистнула и молодцовато топнула ногой.

Наконецъ, Тоня стала поправляться, но у нея были такъ разстроены нервы, что Наталья Алексѣевна рѣшила, что ей необходимо развлеченіе.

— Она просто скучаетъ, эта дѣвочка! — увѣряла она.—О, на ея мѣстѣ я бы давно кусалась отъ скуки. Я помню, когда я бывала въ интересномъ положеніи и мой мужъ хотѣлъ запретить мнѣ танцовать и выѣзжать, я пускалась на всякіе фокусы: одинъ разъ я притворилась сумасшедшей. Это былъ дивный припадокъ умопомѣшательства! Онъ такъ испугался, что потомъ долго не противорѣчилъ мнѣ ни въ чемъ. И знаете, когда я потомъ увѣряла его, что это было хитрость, игра, онъ не вѣрилъ. Онъ утверждалъ, что нормальная женщина не была бы способна на такую выходку.

Она объяснила, что Тоня скучаетъ, потому что ея мужъ и всѣ его друзья—настоящіе бурбоны, а она привыкла къ болѣе изысканному обществу.

— Признаюсь, что я сама не могу выдержать болѣе получаса около постели моей больной дочери. Впрочемъ, она теперь уже не въ постели. Но это все равно. Всѣ эти люди, которые окружаютъ ее—бурбоны, бурбоны!..

Анна Дмитріевна давно знала, что мужъ Антонины несомнѣнный бурбонъ, такъ какъ онъ даже ни разу не счелъ нужнымъ пріѣхать къ ней съ визитомъ. Встрѣтиться съ нимъ въ его собственной квартирѣ она не желала, но рѣшила принести жертву своей подругѣ и объявила Варѣ, что она должна навѣстить больную. Варя не привыкла выказывать матери какія-либо чувства и совершенно спокойно и равнодушно выслушала ея приказаніе, но почему-то сердце ея забилось сильнѣе обыкновеннаго, и мысль, что она, вѣроятно, опять встрѣтится съ Викторіей, преслѣдовала ее, какъ какое-то смутное указаніе судьбы.

„Еслибы сойтись съ ней!—мечтала дѣвушка.—Еслибы найти въ ней поддержку, помощь“!

Но она сейчасъ же возвращалась къ печальной оцѣнкѣ своей личности:

„Я ни къ чему не годна. Я ничего не умѣю, ничего не знаю“...

Вернулась она отъ Решковыхъ разочарованная: никого, кромѣ Антонины и дѣтей, она не видала. Больная производила жалкое впечатлѣніе. Разсказывая о томъ, какъ у нея стали падать волосы, она разрыдалась почти до истерики. По ея усиленной просьбѣ, Варвара Николаевна обѣщала вскорѣ опять навѣстить ее.

— Попросите maman отпустить васъ къ намъ вечеромъ,— просила Тоня.

Дома Варвару Николаевну ожидалъ сюрпризъ.

На своемъ письменномъ столѣ она нашла распечатанное и развернутое письмо, адресованное на ея имя и подписанное: „твоя Зина Вельшина“. Зина сперва выражала увѣренность въ искренней дружбѣ Вари, и на основаніи этой дружбы сообщала, что она только-что рѣшила свою судьбу и дала слово князю Медынскому.

„Я хочу, чтобы ты узнала объ этомъ одна изъ первыхъ,— писала она,—и чрезвычайно жалѣю, что ты и твоя maman, по случаю траура, не будете на нашемъ вечерѣ, на которомъ будетъ оффиціально объявлено о моей помолвкѣ“.

Варвара Николаевна равнодушно прочла записку, бросила ее обратно на столъ и пошла къ матери.

Анна Дмитріевна лежала въ своей комнатѣ на кушеткѣ и нюхала спиртъ.

— Антонина васъ очень благодаритъ...—начала-было Варя, но мать кинула на нее такой гнѣвный, сверкающій взглядъ, что она невольно остановилась.

— Читала?—спросила она.

— Что? Письмо Зины? Да.

— И, конечно, не поняла, почему она тебѣ первой сообщаетъ объ этой радостной новости? Княгиня Медынская!.. Но вѣдь она здѣсь, у насъ познакомилась съ нимъ. Еще бы не поспѣшить обрадовать насъ... Изъ-подъ твоего носа...

Она такъ волновалась, что не могла говорить.

— Онъ мнѣ не нравился, — сказала Варя и вспыхнула.— Я отъ души рада за Зину.

— Ну, и будешь радоваться! За всѣхъ будешь радоваться! —крикнула генеральша. — О, Боже! за что мнѣ Богъ послалъ такой крестъ! Онъ идіотъ, этотъ князь. А Софья Григорьевна и ея дочка — двѣ сороки. Вздумала утверждать, что мы куда-то идемъ. Куда мы идемъ? Къ чему намъ идти? Вѣдь это противно слушать! А завтра надо ѣхать поздравлять. Благодарю тебя за такое удовольствіе!

Извѣстіе объ этой свадьбѣ взволновало весь кружокъ. Всѣ маменьки единогласно рѣшили, что ни за что не рѣшились бы выдать одну изъ дочерей за такого человѣка, какъ князь Медынскій.

— Это какое-то ничтожество... Вы видѣли его глаза? Взгляните на его глаза—никакого выраженія.

— Кто говорилъ, что онъ богатъ? Это его отецъ богатъ, а у отца четверо дѣтей и, говорятъ, вторая, тайная семья. И онъ эту семью особенно любитъ.

— А что онъ нашелъ въ Зинѣ? Очевидно, здѣсь какой-то разсчетъ.

— Никакого разсчета! Просто его поймали.

— Вотъ чего я никогда не могла понять, это—желанія выдать дочь замужъ во что бы то ни стало.

Маня Зуева написала Варварѣ Николаевнѣ отчаянное письмо. „Мама болѣе чѣмъ когда-нибудь настаиваетъ на моей свадьбѣ съ Макуринымъ. Я пробовала выпытать у Любавина его тайну, но онъ пересталъ бывать у насъ. Помолись за меня“.

Анна Дмитріевна не переставала безъ всякой причины сердиться и дуться на дочь. Варварѣ Николаевнѣ стало такъ скучно и тоскливо, что она искренно обрадовалась повторному приглашенію Антонины, и рѣшила, что непремѣнно пойдетъ къ ней въ тотъ вечеръ, который она назначала. Такъ какъ нельзя было и тутъ обойтись безъ разрѣшенія матери, то она показала ей приглашеніе Решковой.

— Дѣлай, какъ хочешь!—сухо сказала генеральша.

Варвара Николаевна чувствовала себя очень нервной и взволнованной, когда поднималась по высокой лѣстницѣ къ квартирѣ доктора. Она боялась, что опять не увидитъ Викторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣча съ ней пугала ее. Она припоминала чувство робости и неловкости, которое она испытывала въ ея присутствіи послѣдній разъ, припоминала ея рѣшительный, немного рѣзкій тонъ, и та слабая, смутная, но настойчивая надежда, которая влекла ее къ этой смѣлой дѣвушкѣ, постепенно превращалась въ гнетущую душевную боль. Почему она вообразила, что можетъ сойтись съ Викторіей? заинтересовать ее? вызвать ея участіе къ себѣ? Какъ будто она не знала, что у нея никогда не найдется достаточно рѣшимости и умѣнья сбросить съ себя свою внѣшнюю оболочку сдержанности, вялости. Въ теченіе всей ея молодости, всю жизнь ея душу сковывала наростающая кора вынужденной скрытности, постояннаго одиночества. Эта душа привыкла молчать, и у нея не было способности проявляться внѣшними способами: ее уже не выдавали ни выраженіе лица, ни звукъ голоса. Почему бы она могла сойтись съ Викторіей? чѣмъ бы она могла привлечь ее на свою сторону?

Она уже протянула руку къ звонку, но вдругъ остановилась: у Решковыхъ играли на роялѣ. Варя была плохая музыкантша и не съумѣла бы объяснить, что именно поразило ее въ этой

игрѣ; но, слушая, она испытывала удивленіе, и это удивленіе относилось не къ невидимому, неизвѣстному исполнителю и не къ той вещи, которую онъ исполнялъ, а къ собственному впечатлѣнію, къ новизнѣ чувства, которое какъ-то разомъ пробудила эта игра. И какъ хорошо было слушать ее не на людяхъ, не думая ни о себѣ, ни о другихъ! На лѣстницѣ и на площадкѣ было тихо и свѣтло...

Когда невидимый музыкантъ кончилъ, Варя съ сожалѣніемъ вздохнула и нажала кнопку звонка.

Антонина сидѣла въ большомъ креслѣ и порывисто протянула ей руки.

— Какъ мило съ вашей стороны... — заговорила она по-французски.

— Но какіе же у васъ были трефы?!—крикнулъ сердитый голосъ изъ сосѣдней комнаты. — Я вамъ прислалъ два онера. Прислалъ, или не прислалъ?

— Michel! – позвала Тоня:—это m-lle Вязмина.

Въ открытую дверь кабинета Варя увидѣла ломберный столъ, мужскую спину и лысину; въ профиль къ двери сидѣлъ другой мужчина и тасовалъ карты.

— Какіе же у васъ были трефы? — продолжалъ сердитый голосъ. — И на кой чортъ вы не оставили ихъ на пяти безъ козырей?

— Michel! —опять позвала Антонина.

— Я его сейчасъ позову; у нихъ катастрофа, надо имъ дать опомниться.

Варя увидала Викторію и слегка смутилась.

— Это вы играли?—спросила она, здороваясь.

— Нѣтъ, это не я, это онъ,—сказала дѣвушка.

Изъ-за рояля всталъ высокій молодой человѣкъ съ волосами бобрикомъ, съ маленькими рыжеватыми усиками и блѣднымъ красивымъ лицомъ.

— Николай Николаевичъ Стружковъ,—отрекомендовала Антонина.—Варвара Николаевна Вязмина.

Молодой человѣкъ сощурилъ глаза, медленно и лѣниво сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и пожалъ протянутую ему руку.

— Я знаю васъ,—сказалъ онъ.

— Почему вы меня знаете?

— Я нѣсколько разъ сидѣлъ, въ оперѣ, въ ложѣ рядомъ съ вашей. Я обратилъ на васъ вниманіе, потому что вы, по правдѣ сказать, ужасно мѣшали мнѣ. Не вы лично... Съ вами была какая-то дѣвица, которую я возненавидѣлъ. Ей-Богу: точно

въ оперу ѣздятъ для того, чтобы обращать на себя вниманіе и болтать. Какъ ее? Я даже узналъ ея фамилію.

— Вельшина?

— Да, да. Скажите ей, пожалуйста, что она рискуетъ, что я буду въ нее стрѣлять. Обѣ онѣ съ маменькой всегда опаздываютъ, входятъ въ ложу съ шумомъ и шуршаніемъ шелковъ, и затѣмъ начинается болтовня, смѣхъ... Точно онѣ недостаточно наговорились дома.

— Онѣ никогда не могутъ достаточно наговориться!—язвительно замѣтила Викторія.

— Но онѣ такія милыя!—заступилась Антонина.

— Я ихъ ненавижу!—повторилъ Стружковъ.—Еслибы я познакомился съ ними, я сталъ бы нарочно говорить имъ рѣзкости и даже дерзости. Мнѣ было бы пріятно, чтобы онѣ хоть отъ кого-нибудь слышали, что онѣ вовсе не такъ интересны, какъ это имъ кажется, и что вниманіе, которое онѣ на себя привлекаютъ, для нихъ далеко не лестно. На какомъ основаніи вся эта самоувѣренность и самовлюбленность?

— Ахъ, Николай Николаевичъ! Развѣ въ оперу ѣздятъ только для того, чтобы слушать музыку?—взволнованно запротестовала Антонина.—Это своего рода genre... Гдѣ и показаться свѣтской женщинѣ, какъ не въ своей ложѣ? Каждая ложа—это маленькая сцена. Такихъ фанатиковъ музыки, какъ вы, очень мало.

— А я стою на томъ, что никто не имѣетъ права мѣшать тѣмъ, кто хочетъ слушать музыку. И я опять буду имъ шикать.

Вышелъ Михаилъ Викторовичъ и поздоровался съ Варей.

— Вы не прекратите вашу игру?—съ легкимъ раздраженіемъ спросила его жена.

— Почему?—удивился тотъ.—Мы только-что сѣли.

— Но я думаю, что Варѣ было бы гораздо пріятнѣе...

— Нѣтъ, Бога ради... не нарушайте своихъ привычекъ для меня!—взмолилась Вязмина.

Нѣсколько вытянувшаяся физіономія доктора сразу просіяла.

— Да мы это очень скоро...—сказалъ онъ.

Изъ сосѣдней комнаты уже слышались нетерпѣливые призывные голоса.

Михаилъ Викторовичъ быстро исчезъ. Николай Николаевичъ и Викторія отошли къ роялю, а Варя сѣла около Тони.

— А я все еще больна...—заговорила хозяйка.

„Вотъ такъ и будетъ!—съ отчаяніемъ думала Вязмина:—я не съумѣю сказать ни одного слова, которое измѣнило бы отношеніе ко мнѣ, какъ къ церемонной, досадной гостьѣ. Тоня вол-

нуется, что со мной еще недостаточно церемонны... Когда я уйду, про меня будутъ говорить, какъ про Вельшину".

По привычкѣ думать и говорить о разномъ одновременно, Варя съ условнымъ оживленіемъ поддерживала разговоръ съ хозяйкой и слѣдила за Викторіей и Стружковымъ.

„Пусть бы онъ еще съигралъ!—мечтала она.—Мнѣ кажется, это придало бы мнѣ храбрости. Но если онъ будетъ играть, Тоня все-таки не перестанетъ разговаривать. Выйдетъ еще неловкость".

— А скоро чай?—крикнулъ изъ кабинета Михаилъ Викторовичъ.

— Сейчасъ,—отвѣтила Викторія и вышла изъ гостиной.

Николай Николаевичъ подошелъ къ Антонинѣ и нагнулся, заглядывая ей въ лицо своими близорукими глазами.

— Устали?—спросилъ онъ.

— Нисколько!

— Ну, да; разсказывайте! Сейчасъ же послѣ чая мы васъ отправимъ спать, и я съиграю вамъ „Berceuse."

— M-r Стружковъ самъ сочиняетъ,—сообщила Тоня гостьѣ,—и его вещи такъ прелестны!

— Какая вы сегодня смѣшная!—сказалъ Николай Николаевичъ и ласково засмѣялся:—„такъ прелестны"! Мнѣ показалось, что это сказали не вы, а ваша мать. Отчего вы такая?

Решкова вспыхнула, и на глазахъ ея показались слезы.

— Я такая же, какъ всегда. Вы любите смѣяться надо мной.

— А вы говорите, что вы не устали,—мягко упрекнулъ ее Стружковъ, замѣтивъ, что она готова заплакать.

Онъ взялъ ея руку и, погладивъ ее, поцѣловалъ.

„Неужели я не съумѣю съ нимъ заговорить?" — мучилась Варя, съ ненавистью представляя себѣ какъ бы со стороны всю свою фигуру съ изученной улыбкой, которую она чувствовала на своемъ лицѣ. Она быстро перебрала въ умѣ съ десятокъ фразъ, которыми она начинала разговоръ съ мало знакомыми ей людьми, и убѣдилась, что въ этомъ случаѣ онѣ ровно никуда не годны.

— А m-lle Вязмина поетъ,—сказала Антонина.

— Я не пою!—почти съ отчаяніемъ возразила дѣвушка.—Maman непремѣнно хотѣла, чтобы я училась, но у меня нѣтъ никакихъ данныхъ.

„До сихъ поръ я дѣлала только то, что хотѣла maman, я была ея безгласной, покорной рабой, но теперь я рѣшила, что лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ сейчасъ",—про-

должала она мысленно, и сейчасъ же поняла, что ни за что не произнесетъ вслухъ этихъ словъ, что они у нея не выйдутъ.

Позвали пить чай. Изъ кабинета шумной, веселой группой вышли партнёры и, поздоровавшись съ Вязминой и немного присмотрѣвшись къ ней, очевидно рѣшили, что обращать на нее вниманія не стоитъ. Въ маленькой столовой застучали ножи и вилки, зазвенѣла посуда и немолчно зазвучали веселые, оживленные голоса. Всѣ мужчины, кромѣ Стружкова, были доктора. Они стали говорить о какомъ-то случаѣ въ больницѣ, постоянно упоминая имя извѣстнаго профессора. Варя не знала, въ чемъ дѣло, и никто не нашелъ нужнымъ объяснить ей. Ея сосѣдъ, большой, толстый докторъ съ лысиной во всю голову, обернулся къ ней спиной и толкалъ ее локтемъ, такъ что ей нужно было отодвинуться отъ него. Съ другой стороны сидѣлъ Стружковъ и сосредоточенно ѣлъ ветчину. Тоня угощала ее черезъ столъ, поминутно окликала мужа и приказывала ему предложить m-lle Вязминой то одного, то другого. Викторія разливала чай.

— Онъ женатъ на бывшей сестрѣ милосердія,—замѣтилъ одинъ изъ докторовъ.

— Послушайте, нельзя ли мнѣ записаться въ „сестры“?—спросила Викторія.

— Вы думаете, что всѣ выходятъ замужъ?—пошутилъ маленькій, худенькій докторишко съ рюмкой водки въ рукѣ.—Ваше здоровье, Викторія Львовна!

— А вы думаете, я непремѣнно хочу замужъ? Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я бы пошла въ сестры милосерія, если бы я могла выбирать больныхъ: за кѣмъ я хочу ухаживать, а за кѣмъ не хочу. И чтобы я могла уходить на то время, когда у меня нѣтъ ни милосердія, ни состраданія къ людямъ, когда всѣ мои добрые источники изсякаютъ.

— Это что же за время? И развѣ бываетъ оное: когда у васъ есть милосердіе и состраданіе? никогда не подозрѣвалъ!

— А я серьезно говорю, что я бы пошла.

— Но вы представьте себѣ такой случай: вамъ довѣрили больного, ему, положимъ, надо дать лекарство, а вы вдругъ почувствовали, что у васъ больше нѣтъ ни милосердія, ни состраданія и что вашъ источникъ изсякъ. Какъ же быть?

— Вы все шутите,—серьезно сказала Викторія,—а развѣ вы сами никогда не испытали такого чувства, будто въ васъ разомъ душа стала холодной, равнодушной, неспособной откликнуться на чужое горе или страданіе? Будто потухъ какой-то внутренній огонь. Не испытали? Не можетъ быть! А я такъ признаюсь,

что временами становлюсь прямо безсердечной и жестокой. И еслибы мнѣ тогда пришлось притворяться, было бы еще хуже: я бы возмутилась и стала бы настоящимъ чудовищемъ.

— И все-таки говорите, что хотѣли бы быть сестрой милосердія?

— И не только говорю, а дѣйствительно хочу. Я объ этомъ уже не разъ думала. И увѣряю васъ, я была бы не хуже другихъ. Я любила бы свое дѣло... Да, я увѣрена, что я бы любила его. А во время тѣхъ приступовъ человѣконенавистничества я уходила бы куда-нибудь подальше...

— Ахъ, Витя,—сказала Тоня,—какія у тебя всегда фантазіи! То управа, то теперь...

— Управа! — со злобой вскрикнула дѣвушка.—Управа не фантазія, а необходимость. Что же мнѣ дѣлать, если мнѣ нуженъ заработокъ? Предложили управу,—пошла въ управу. Но развѣ такое дѣло можетъ удовлетворить? Мнѣ сперва казалось, что мнѣ нужны только свобода и самостоятельность, а теперь я вижу, что вовсе не то нужно.

— А найдете что-нибудь другое, и опять будетъ не то,—смѣясь, замѣтилъ докторъ и махнулъ рукой.—Извѣстная исторія!

— Значитъ, и не искать?—упрямо спросила Викторія.

Она облокотилась о столъ и разсѣянно размѣшивала ложечкой чай.—Нѣтъ, буду искать. Я считаю, что я въ исключительно выгодномъ положеніи: одна, здорова, сильна. Чего мнѣ бояться? Отчего мнѣ не дѣлать всякіе опыты надъ своей жизнью? Вѣдь она принадлежитъ только мнѣ. И, слава Богу, мнѣ кажется, что я не люблю и не хочу ни спокойствія, ни личнаго счастья, такимъ, какъ его принято понимать...

— Да, вамъ кажется. Вамъ, именно, только кажется.

— Не думаю. У меня нѣтъ непреодолимыхъ привязанностей, какой-нибудь исключительной любви къ людямъ, къ вещамъ, къ мѣсту... И поэтому я думаю, что интересная, разнообразная жизнь для меня доступнѣе, чѣмъ для другихъ.

— Для равнодушныхъ людей не можетъ быть интересной жизни! — вдругъ отрывисто и быстро сказалъ Николай Николаевичъ.

Викторія подняла голову и пристально поглядѣла ему въ лицо.

— У меня нѣтъ исключительныхъ привязанностей, исключительныхъ вкусовъ,—повторила она,—но я не равнодушна. И въ жизни я люблю жизнь.

— Да вѣдь это фраза! — снисходительно замѣтилъ толстый

докторъ, сосѣдъ Вари, и вытеръ лысину платкомъ.—Въ жизни любятъ не жизнь, а что-нибудь одно, то-есть, такое, что можно опредѣлить другими словами: любятъ жить, любятъ деньги, карты, вино, колбасу...

Для большей наглядности онъ приподнялъ бутылку и стукнулъ ею о столъ, и потомъ, взявъ въ руку колбасу, подумалъ и отрѣзалъ отъ нея толстый кусокъ.

— А жизни въ отвлеченномъ смыслѣ нѣтъ. Жизнь любить нельзя.

Но съ нимъ не согласились.

— Ну, батенька, нѣтъ. А инстинктъ жизни? Инстинктъ— та же любовь.

— Это, знаете, будто слишкомъ матеріально...

Поднялся шумъ и споръ.

Викторія нагнулась къ Стружкову и стала говорить что-то ему одному.

— И вотъ не могу я забыть этого утра,—вдругъ ясно послышался ея голосъ среди случайно водворившейся тишины,— вышла я на берегъ рѣки...—Она немного смутилась, замѣтивъ, что всѣ ее слушаютъ, но все-таки продолжала:—Столько простора, столько солнца, столько блеску, свѣта, переливовъ, звуковъ! Такъ все прекрасно, широко и полно жизни... И тогда точно какое-то откровеніе осѣнило меня: что мы дѣлаемъ? за что мы губимъ себя въ узкихъ, шаблонныхъ рамкахъ, когда весь міръ для насъ—одна чудесная загадка, когда даже въ собственной душѣ можно найти столько неожиданнаго, заглушеннаго... Зачѣмъ одна узкая, проторенная тропинка, затоптанная, заплеванная, когда вся красота, вся свѣжесть и прелесть жизни—тамъ, гдѣ еще все ново, гдѣ люди не хватались руками за каждый придорожный кустъ, не испошлили и не изгадили все, что встрѣчается на пути. И вотъ тогда я почувствовала, что я не знаю, совсѣмъ не знаю красоты, свѣжести и прелести жизни, но что она есть, непремѣнно есть, потому что міръ великъ и широкъ и душа глубока и неизвѣдана. И такъ мнѣ захотѣлось этой жизни!.. жизни!..

— Это сонъ?—спросилъ маленькій, худенькій докторишко.

Викторія не отвѣтила.

И вдругъ послышался какой-то странный, сдавленный звукъ, и не успѣлъ еще никто сообразить, что случилось, какъ Антонина тяжело упала головой на плечо сосѣда и забилась въ истерикѣ.

— Не хочу умирать! Не хочу... болѣзни!—кричала она.—

жизни!.. ахъ!.. да что̀ же это?.. да что̀?.. вѣдь я... измучена... Ха, ха, ха... Это ничего... ха, ха... Красоты!.. жизни!..

Ее подняли и унесли на рукахъ въ спальню. Въ столовой сразу стало пусто и тихо.

Варя убѣжала въ гостиную и, вся взволнованная, дрожащая, остановилась у окна и стала глядѣть на темную улицу.

„Уйти?—думала она.—Да. Конечно уйти. Я здѣсь лишняя, чужая. Я могу только стѣснять".

Но она не уходила и ждала чего-то, напряженно прислушиваясь къ заглушеннымъ закрытыми дверями звукамъ.

Въ комнату кто-то вошелъ; она оглянулась и увидѣла Стружкова.

— Ну, что̀?—робко спросила она.—Она еще не успокоилась?

— А, вы здѣсь?—удивился Николай Николаевичъ.—Она думала, что вы уѣхали... Да, она почти успокоилась. Я видѣлъ, что она страшно утомлена. Она еще до вашего прихода все волновалась, что всѣ мы будемъ шокировать васъ своей невоспитанностью. Она все время была въ тревогѣ.

— О! — вырвалось у Вари съ искреннимъ отчаяніемъ, но сказать она ничего не съумѣла. Ей было только горько и больно.

Стружковъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Значитъ, мнѣ лучше уйти?—тихо замѣтила Вязмина.

— Нѣтъ. лучше подождите. Лучше, если вы проститесь съ ней, когда она совсѣмъ оправится. Она увидитъ, что вы не обижены и не разсержены. Она такъ дорожитъ вашей дружбой. Вамъ это не трудно?

— Нѣтъ, я съ радостью!.. Я такъ и хотѣла!.. Но я боялась.

Стружковъ удивленно поглядѣлъ на нее и продолжалъ ходить.

— Странная женщина!—заговорилъ онъ, немного спустя.— Странная! Добрая, милая и помѣшанная на какомъ-то grand mond'ѣ, на манерахъ, на приличіяхъ.

— Это не ея вина,—сказала Варя.

— Да, я знаю. Это—воспитаніе ея маменьки, жалкое, уродливое.

Въ его тонѣ слышались злоба и презрѣніе.

— Это не ея вина,—повторила дѣвушка,—и... я думаю, она, все-таки, счастливѣе другихъ... Это воспитаніе не испортило ей жизни, не... не...

Она такъ волновалась, что не находила больше словъ, чтобы выразить дальше свою мысль.

— Нѣтъ, испортило!—увѣренно сказалъ Стружковъ.—Она ужасно любитъ и мужа, и дѣтей, но спросите ее! она постоянно

недовольна, постоянно „оскорблена" жизнью и окружающимъ. У нея какіе-то феерическіе идеалы, гдѣ люди едва касаются земли, а женщины похожи на райскихъ птичекъ. Теперь ея болѣзнь угнетаетъ ее до крайности. Когда Викторія говорила, она не поняла ея. Она услыхала слова: „красота, свѣжесть, прелесть жизни"... Она уловила въ голосѣ, въ тонѣ сестры безконечную тоску по этой жизни, красивой, полной прелести, и вотъ... бацъ! истерика. А почему вы рѣшили, что она счастливѣе другихъ? На вашу оцѣнку, я, думаю, ея жизнь ужасна?

Вязмина быстро подняла голову.

— Ея? О, еслибы вы знали!.. Но у васъ столько презрѣнія къ намъ! Развѣ вы поймете? развѣ вы повѣрите?

— Я выказалъ вамъ презрѣніе?—спросилъ Николай Николаевичъ и остановился передъ дѣвушкой. — Я не знаю васъ лично. И, если хотите, меня даже удивило, что вы... вы... сравнительно такъ просты. Насъ всѣхъ такъ муштровали въ виду вашего появленія. Насъ такъ приготовляли... И, признаюсь, меня это такъ злило!..

Варя опустила глаза, и губы ея слегка подергивались, когда она заговорила вновь.

— Вотъ какъ легко быть несправедливымъ... даже... жестокимъ! Но, видите ли, я не умѣю говорить... выразить... Я такъ не привыкла...

Въ это время въ гостиную вошли другіе мужчины.

— Что же, еще одинъ роберикъ?—спросилъ толстый докторъ.

— Николай Николаевичъ!—сказалъ Михаилъ Викторовичъ:— жена говоритъ, что вы ей обѣщали „Berceuse". Она теперь требуетъ обѣщаннаго Вы извините, — обратился онъ къ Варварѣ Николаевнѣ,—Тоня прямо въ отчаяніи!..

— А вы скажите ей, что Варвара Николаевна желаетъ ей покойной ночи, но что я уговорилъ ее остаться и беру на себя ее занять,—быстро отвѣтилъ Стружковъ.—Подите, скажите, и я буду играть.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ на ломберномъ столѣ горѣли свѣчи, и въ двери изъ гостиной можно было видѣть двѣ фигуры: одну спиной, другую—въ профиль.

Стружковъ игралъ.

При первыхъ звукахъ рояля вошла Викторія и молча сѣла въ уголъ дивана, подобравъ подъ себя ноги. Она слушала, не спуская глазъ съ исполнителя, и лицо ея приняло строгое и печальное выраженіе. Вязмина сидѣла противъ нея на низкомъ мягкомъ креслѣ. Но она плохо слушала. Она никогда не съумѣла

бы припомнить, что именно игралъ въ этотъ вечеръ Николай Николаевичъ. Опять то же удивленіе, то же чувство новизны и тревоги охватило ее. Неясныя мысли, похожія на мечты, на движущіяся, расплывающіяся видѣнія, возникали и пропадали безслѣдно... Всѣ впечатлѣнія вечера... всѣ затаенныя надежды, желанія, обиды судьбы... И вдругъ она увидала себя на берегу рѣки, прекрасной, широкой, сверкающей на ослѣпительномъ солнцѣ. Волны катились и шумѣли.

„Это Викторія говорила про нее,—думала Варя.—И про жизнь, и про то, что душа такъ глубока и неизвѣданна. Это правда. Развѣ я узнаю себя сегодня? развѣ это я? Душа глубока, а жизнь давитъ и душитъ. Дать волю душѣ! Убѣжать изъ тѣсноты и духоты на свободу, на волю“...

Волны катились и шумѣли. Жадно и тревожно раскрывалась душа новымъ, захватывающимъ впечатлѣніямъ. Варя подняла глаза и увидала строгое, печальное лицо Викторіи. Еще недавно она мечтала о встрѣчѣ съ ней, она отчаявалась, что не съумѣетъ заслужить ея расположеніе. Въ теченіе всего вечера она не сказала съ ней двухъ словъ, а теперь, почему-то, она сама не хотѣла бы ни дружбы, ни ея сочувствія. Какая-то необъяснимая враждебность зародилась незамѣтно и сказалась легкимъ, непріятнымъ чувствомъ. Она отвела глаза и стала глядѣть на Стружкова. И опять возникали и расплывались мечты, душа точно ширилась и росла...

Когда Варвара Николаевна въ эту ночь вернулась домой и вошла въ свою комнату, ей показалось, что ее окружили знакомыя и ненавистныя ей стѣны тюрьмы. И, медленно раздѣваясь передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, она думала о томъ, что она ошиблась... Она ошиблась! Ничего новаго, глубокаго, удивительнаго не нашла она въ своей душѣ. Она вернулась такой же, какъ ушла: безсильной, безпомощной, робкой. Единственное, что осталось отъ всѣхъ впечатлѣній вечера, это было новое чувство враждебности къ Викторіи,—легкой, но несомнѣнной.

„Я ошиблась, — думала Варя. — Это Стружковъ... это его игра опьянила меня. Я больше никогда не увижу и не услышу его. И пусть они, онъ и Викторія, презираютъ меня. Богъ съ ними! Богъ съ ними“!

Е. Авилова.

НАШИ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ

и

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

— А. А. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1897 г. Сборникъ статей. Спб., 1903.

— М. С. Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва, 1903.

I.

Постепенный хозяйственный упадокъ крестьянства составляетъ наиболѣе характерную черту новѣйшей экономической исторіи Россіи. Такъ какъ обнищаніе сельскаго населенія идетъ рядомъ съ значительнымъ ростомъ крупной промышленности и съ огромнымъ увеличеніемъ финансовыхъ средствъ государства, то въ результатѣ получается нѣчто парадоксальное: народъ бѣднѣетъ, а казна обогащается избытками взимаемыхъ съ него денежныхъ суммъ, которыми дѣлится отчасти съ представителями излюбленныхъ отраслей отечественной промышленности. За десять лѣтъ, съ 1893 до 1903 года, государственное казначейство получило съ населенія на 1.300 милліоновъ рублей больше, чѣмъ слѣдовало по смѣтнымъ исчисленіямъ, и эти излишне поступавшія суммы брались не изъ доходовъ, а изъ имущества народа, который систематически пріучался жить впроголодь. Соблазняясь возможностью располагать неограниченными свободными средствами сверхъ установленныхъ бюджетныхъ нормъ, финансовое вѣдомство отступало отъ элементарныхъ правилъ разум-

ной финансовой политики, предписывающей прежде всего щадить платежныя силы населенія и не разорять народнаго хозяйства для обогащенія казны.

Въ оцѣнкѣ экономическихъ послѣдствій дѣйствовавшей у насъ до сихъ поръ финансовой системы сходятся всѣ знатоки и изслѣдователи нашихъ государственныхъ финансовъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали. Въ этомъ смыслѣ кажется намъ очень поучительнымъ сборникъ спеціальныхъ статей А. А. Радцига, осторожнаго и благонамѣреннаго статистика, котораго никто не заподозритъ въ тенденціозности. Г. Радцигъ приводитъ множество фактовъ и цифръ, доказывающихъ ненормальность нашего экономическаго положенія. Косвенные налоги составляли въ семидесятыхъ годахъ около 3 р. на душу населенія, а въ 1901 году они превысили 5 р.; цѣны всѣхъ товаровъ, покупаемыхъ сельскимъ населеніемъ, искусственно подняты пошлинами, а цѣны земледѣльческихъ продуктовъ значительно ниже прежнихъ; количество крестьянскаго рабочаго скота уменьшается въ громадныхъ размѣрахъ, образуется обширный сельскій пролетаріатъ, народное земледѣліе подрывается въ самыхъ своихъ основаніяхъ, и между тѣмъ съ народа добываются какіе-то излишки государственныхъ доходовъ, въ размѣрѣ болѣе полутораста милліоновъ въ годъ, которые щедро тратятся на поддержку частныхъ металлургическихъ предпріятій, на постройку убыточныхъ желѣзныхъ дорогъ, на пріобрѣтеніе акцій машиностроительныхъ заводовъ и т. п. Благополучіе роскошныхъ бюджетовъ и затратъ никого не должно вводить въ заблужденіе. „И во времена крѣпостного права,—замѣчаетъ г. Радцигъ,—помѣщики жили богато и весело, тогда какъ ихъ крестьяне часто недоѣдали. Но и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ были помѣщики, понимавшіе, что нельзя рѣзать курицу, несущую золотыя яйца"... Такихъ „понимающихъ" мало и въ настоящее время, если судить по способу обычныхъ финансовыхъ воздѣйствій на сельское населеніе.

Высокія покровительственныя пошлины и акцизы, которыми обложены многіе необходимые предметы потребленія и хозяйства, налагаютъ на страну тяжелую дань, невыгодную и для казны; устраненіе или стѣсненіе иноземнаго привоза каменнаго угля, хлопка, желѣзныхъ орудій и машинъ чрезмѣрно удорожаетъ производство и ставитъ предѣлы развитію той именно крупной промышленности, которая служитъ предметомъ правительственныхъ заботъ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ,—говоритъ между прочимъ г. Радцигъ,—наше правительство удовлетворяло всѣ ходатайства углепромышленниковъ, часто въ ущербъ интересамъ осталь-

ного населенія; пошлина на уголь, привозимый въ черноморскіе порты, увеличиваетъ стоимость вывоза нашего хлѣба за границу, такъ какъ суда, прибывающія къ намъ за хлѣбными продуктами, не могутъ привозить уголь вмѣсто балласта и должны брать съ хлѣбныхъ экспортеровъ фрахты за оба конца; поэтому доставка хлѣба на европейскіе рынки изъ Аргентины обходится дешевле, чѣмъ изъ Россіи. Добиваясь устраненія конкурренціи иностраннаго угля, наши углепромышленники въ то же время не въ состояніи обезпечивать правильное снабженіе отечественнаго рынка туземнымъ углемъ даже по повышеннымъ цѣнамъ, вслѣдствіе чего уголь замѣняется дровами и истребленіе лѣсовъ усиливается. Таможенная охрана поддерживаетъ лишь техническую отсталость русскихъ угольныхъ копей, съ ихъ первобытными способами эксплуатаціи простого физическаго труда рабочихъ. Точно такъ же не можетъ быть оправдано и одностороннее покровительство желѣзодѣлательнымъ заводамъ, путемъ ограниченія привоза соотвѣтственныхъ иностранныхъ товаровъ. И въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ г. Радцигъ,—зачѣмъ желѣзозаводчикамъ заботиться о сбытѣ своихъ произведеній, если, при цѣнѣ стальныхъ болванокъ на югѣ по 85 коп. за пудъ, казна за рельсы, стоимость которыхъ должна быть почти одинаковая, платитъ по 1 р. 25 коп. за пудъ, причемъ заказы даны на три года,—и это при самомъ дешевомъ чугунѣ на свѣтѣ? Въ Англіи, при сравнительной дороговизнѣ чугуна, рельсы стоятъ лишь 84 коп., въ Америкѣ—88 коп.; у насъ же заводы смѣло назначаютъ цѣны въ полтора раза выше, опираясь на запретительныя пошлины. Оттого и барыши заводчиковъ оказываются часто ненормальными: такъ, южно-днѣпровское металлургическое общество, на капиталъ въ пять милліоновъ рублей, выплатило въ одно пятилѣтіе, по 1900 г., десять милліоновъ рублей дивиденда; такимъ образомъ акціонеры въ пять лѣтъ два раза вернули свой капиталъ и имѣютъ громадный заводъ, стоимость котораго почти погашена. И однако до сихъ поръ, послѣ многолѣтняго существованія охранительныхъ пошлинъ, заводчики не думаютъ о производствѣ дешеваго желѣза. Пошлины „даютъ имъ возможность взимать съ населенія двойныя цѣны за желѣзо, и было бы странно ожидать, чтобы заводчики согласились продавать свои издѣлія по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Заставить ихъ продавать желѣзо дешевле—есть лишь одинъ способъ, а именно—пониженіе пошлинъ“. Высокія цѣны на желѣзо „удорожаютъ постройку желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ, мостовъ, водопроводовъ въ городахъ и самыя орудія для обра-

ботки земли". Дороговизна угля и желѣза, между прочимъ, вліяетъ и на наши желѣзнодорожные тарифы, которые во многихъ случаяхъ значительно выше заграничныхъ; напр. перевозка хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ стоитъ у насъ вдвое дороже, чѣмъ въ Америкѣ, въ виду необходимости возмѣщенія желѣзнодорожныхъ переплатъ въ цѣнахъ угля и желѣза,—и за эти переплаты приходится отвѣчать нашимъ сельскимъ хозяевамъ, тогда какъ покровительствуемые горнозаводскіе грузы перевозятся чуть ли не даромъ. Сотни милліоновъ рублей, собранныхъ съ сельскаго населенія, употреблены на постройку желѣзныхъ дорогъ, и потому,—разсуждаетъ г. Радцигъ,—было бы справедливо, чтобы дороги возили по дешевымъ тарифамъ сельскохозяйственные продукты; между тѣмъ въ дѣйствительности дешевле всего перевозятся грузы тѣхъ промышленниковъ, которые получаютъ отъ дорогъ наибольше переплатъ въ видѣ искусственно повышенныхъ цѣнъ за свои товары.

Ложно направленный протекціонизмъ, сокращая привозъ изъ-за границы, ограничиваетъ и вывозъ, и приводитъ вообще къ постоянному стѣсненію и сокращенію торговыхъ оборотовъ; наша внѣшняя торговля стоитъ теперь на томъ же уровнѣ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, несмотря на постройку цѣлой сѣти новыхъ дорогъ. Неумѣренное таможенное покровительство обогащаетъ отдѣльныхъ производителей на счетъ населенія, но рѣшительно препятствуетъ развитію отечественной промышленности. Пошлина на хлопокъ, доведенная до 4 рублей 15 копѣекъ съ пуда, составляетъ налогъ на потребителей въ размѣрѣ 60 милліоновъ въ годъ, и значительная доля этихъ милліоновъ достается не только средне-азіатскимъ и закавказскимъ, но и персидскимъ хлопководамъ, безъ малѣйшей къ тому надобности; русскіе же потребители переплачиваютъ на хлопчатобумажныхъ издѣліяхъ около двухсотъ милліоновъ рублей въ годъ, чѣмъ задерживается увеличеніе спроса на продукты бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ. Хлопковыя плантаціи процвѣтали въ Средней Азіи и въ Закавказьѣ, когда пошлина не превышала 25 коп. съ пуда; расширить производство хлопка настолько, чтобы мы не нуждались въ привозѣ его изъ Америки,—невозможно по естественнымъ причинамъ, такъ какъ безъ орошенія хлопокъ не ростетъ, а орошаемыхъ земель у насъ мало; тѣмъ не менѣе, русскій потребитель вынужденъ платить двойныя цѣны за необходимыя хлопчатобумажныя издѣлія подъ предлогомъ покровительства отечественной промышленности. Благодаря установленной у насъ высокой пошлинѣ на американскій хлопокъ, персы увеличили вывозъ къ

намъ своего хлопка по возвышеннымъ цѣнамъ и стали получать съ русскихъ потребителей до трехъ милліоновъ рублей лишнихъ въ годъ. Почти всѣ предметы потребленія непомѣрно дороги у насъ: керосинъ недоступенъ большинству населенія, такъ какъ обложенъ слишкомъ высокимъ акцизомъ (60 коп. на пудъ!); сахаръ втрое дороже у насъ, чѣмъ въ Англіи, и для поддержанія этихъ высокихъ цѣнъ въ Россіи сахарозаводчики сбываютъ свободные запасы продукта на лондонскій рынокъ по англійскимъ же цѣнамъ, въ убытокъ себѣ, лишь бы не допустить пониженія цѣнъ для русскихъ потребителей; пошлина на чай превышаетъ въ полтора раза его стоимость, и потому фунтъ чаю, стоющій въ Англіи около 85 коп., обходится намъ въ два рубля; кофе тоже обложено пошлиною въ 100%, какъ и рисъ, сельди и т. п.; обыкновенная водка продается въ винныхъ лавкахъ по семи или восьми рублей за ведро, тогда какъ при прежнихъ нормахъ акциза ведро водки стоило не болѣе пяти рублей. Въ концѣ концовъ все населеніе, преимущественно сельское, чувствуетъ на себѣ гнетъ искусственнаго промышленнаго протекціонизма. „Косвенные налоги и покровительственная политика удорожили жизнь въ Россіи въ такой степени, что пришлось повысить жалованье чиновникамъ во всѣхъ министерствахъ, такъ какъ при теперешней дороговизнѣ прежніе оклады оказались слишкомъ низкими. Но тогда какъ заработки чиновниковъ могли быть повышены, люди, работающіе въ сельско-хозяйственной промышленности, не получили компенсаціи: расходы ихъ увеличились, а доходы остались прежніе;—въ результатѣ произошло обѣднѣніе коренного населенія Россіи“ [1]).

II.

Само собою разумѣется, что обѣднѣніе главной массы народа не могло быть сознательною цѣлью финансовой политики, и если таковъ результатъ дѣйствующей системы, то послѣдняя должна быть соотвѣтственнымъ образомъ измѣнена. Въ литературѣ иногда высказывается мнѣніе, что хозяйственный упадокъ крестьянства есть неизбѣжное условіе общаго экономическаго прогресса, и что народное разореніе служитъ симптомомъ или послѣдствіемъ необходимой прогрессивной перемѣны въ общемъ строѣ народнаго хозяйства,—перемѣны, заключающейся въ насажденіи и развитіи промышленнаго капитализма взамѣнъ уста-

[1]) Радцигъ, стр. 27.

рѣлыхъ первобытныхъ формъ экономическаго быта. Но, конечно, стихійный процессъ разложенія и преобразованія крестьянскаго хозяйства могъ бы вызывать и оправдывать только извѣстныя охранительныя мѣры, а никакъ не разрушительныя;—и если суждено народному земледѣлію подвергаться тяжелымъ ударамъ судьбы, то во всякомъ случаѣ эти удары не должны исходить отъ государства. Очевидно, финансовая политика, подрывающая интересы сельскаго населенія, не можетъ быть причислена къ тѣмъ роковымъ, естественнымъ причинамъ, дѣйствія которыхъ нельзя ни устранить, ни ограничить; напротивъ, финансовое вѣдомство имѣло всѣ основанія къ тому, чтобы стремиться къ поднятію, а не къ подрыву крестьянскаго хозяйства, и оттого коренной поворотъ въ экономической политикѣ государства вполнѣ соотвѣтствовалъ бы природѣ вещей. Настоятельная необходимость такого поворота составляетъ обычную тему многочисленныхъ разсужденій и ходатайствъ, касающихся мѣстной жизни; эта тема возбуждала наименьше разногласій и въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, заключенія которыхъ по данному вопросу отличаются вообще особенною опредѣленностью.

Въ вышедшей недавно книгѣ г. Толмачева мы находимъ интересный сводъ мнѣній земскихъ и мѣстныхъ людей о крестьянскомъ вопросѣ, начиная съ губернскихъ совѣщаній 1894 года и кончая работами комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Въ этихъ мнѣніяхъ и отзывахъ мѣстныхъ людей рисуется печальная картина непрерывнаго ухудшенія быта крестьянъ подъ вліяніемъ причинъ и условій, создаваемыхъ или подерживаемыхъ одностороннею финансовою политикою. Повсюду повторяются жалобы на непосильную тягость платежей и повинностей, на несоразмѣрное обложеніе косвенными налогами предметовъ первой необходимости для народа и на усиливающееся вслѣдствіе этого разстройство крестьянскаго хозяйства. Въ тульской губерніи, напримѣръ, за послѣднее двадцатипятилѣтіе количество недоимокъ въ сельскихъ обществахъ возросло съ 3% до 244%, безлошадныхъ дворовъ—съ 18 до 35%; около 37% взрослаго мужского населенія вынуждено искать работы на сторонѣ, для пополненія хроническихъ дефицитовъ. При постоянномъ недоѣданіи, при частыхъ заболѣваніяхъ отъ голода и дурной пищи, нельзя и думать о сбереженіяхъ и серьезныхъ улучшеніяхъ. Въ московской губерніи всевозможные платежи, падающіе на крестьянскую землю, составляютъ не менѣе половины максимальнаго чистаго дохода. Въ лохвицкомъ уѣздѣ

полтавской губерніи изъ всего числа земельныхъ хозяйствъ почти четвертая часть уже отказалась отъ обработки своей полевой земли, за неимѣніемъ скота и по отсутствію матеріальныхъ средствъ; шесть седьмыхъ населенія „не извлекаютъ достаточныхъ средствъ изъ собственнаго хозяйства для сколько-нибудь сноснаго существованія; три четвертыхъ находятся въ положеніи крайне бѣдственномъ, несомнѣнно недоѣдаютъ, при существующей фискальной системѣ и широкомъ примѣненія косвеннаго обложенія платятъ еще значительныя суммы въ видѣ акцизовъ, таможенныхъ пошлинъ, государственнаго и земскаго поземельнаго налога, мірскихъ сборовъ и выкупныхъ платежей". Въ воронежской губерніи „чистый доходъ съ крестьянскихъ земель равняется въ среднемъ 3 р. 62 к. на десятину, а однихъ прямыхъ платежей, казенныхъ, земскихъ, волостныхъ и мірскихъ, падаетъ на ту же десятину 2 р. 55 к., или 70%". Только ничтожная доля собираемыхъ налоговъ идетъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Такъ, изъ поступившихъ въ 1901 году по воронежской губерніи 17½ милліоновъ было 11 милліоновъ рублей только по управленію неокладныхъ сборовъ, т.-е. главнымъ образомъ съ водки, сахара и табака. На прямыя нужды сельскаго хозяйства и косвенно съ нимъ связанныя, по министерствамъ земледѣлія, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, по почтово-телеграфному вѣдомству и по государственному коннозаводству, расходъ по губерніи составляетъ менѣе 5% взимаемыхъ налоговъ. На такую важную потребность, какъ народное образованіе, затрачивается всего 1⅓% поступающихъ сборовъ, и притомъ преимущественно на городскія школы; сельскіе же плательщики податей „остаются коснѣющими въ невѣжествѣ и нуждѣ". Въ нижегородской губерніи средняя доходность съ десятины опредѣлена въ 3 р. 21 к., и точно такую же сумму составляютъ налоги, падающіе на десятину надѣла; на дворъ приходится платежей 22 р., въ томъ числѣ 10 р. выкупныхъ; безлошадныхъ хозяевъ болѣе 40%; задолженность почти удвоилась за десять лѣтъ. Налоги съ крестьянъ часто поглощаютъ весь ихъ чистый доходъ и взыскиваются также въ тѣхъ случаяхъ, когда никакого дохода нѣтъ.

Почти всѣ сельско-хозяйственные комитеты отмѣчаютъ вредное вліяніе протекціонизма на земледѣльческую промышленность. Крестьяне-землевладѣльцы „не только обречены содержать изъ своихъ скудныхъ средствъ небольшую горсть крупныхъ промышленниковъ, но, благодаря этому, должны съуживать свой потребительный бюджетъ до минимума"; не могутъ также „проникнуть

въ земледѣльческія массы сельско-хозяйственныя орудія, такъ какъ производство ихъ обходится у насъ дорого, и покупательная способность обѣднѣвшаго, голодающаго населенія низка, а это отражается на техникѣ земледѣлія, понижаетъ производительность сельско-хозяйственнаго промысла". Всѣ выгоды и преимущества покровительственной системы „принадлежали крупной фабрично-заводской промышленности, всѣ тяготы ложились на сельское хозяйство". Изъ общей суммы прямыхъ налоговъ болѣе половины уплачивается исключительно земледѣльческимъ классомъ; сверхъ того, мірскіе расходы крестьянъ идутъ почти цѣликомъ на содержаніе сельской администраціи, которая служитъ интересамъ всего населенія. Однако,—какъ резюмируетъ г. Толмачевъ заключенія комитетовъ,—болѣе всего обременяютъ сельское хозяйство налоги косвенные и высокія ввозныя пошлины. „Облагая въ цѣляхъ фиска и поощренія отечественной промышленности самонужнѣйшіе предметы общаго потребленія, правительство переноситъ всю или наибольшую тяжесть этого обложенія на земледѣльческіе классы, которые уже по одной своей численности являются преобладающими потребителями обложенныхъ продуктовъ; между тѣмъ крупная обработывающая промышленность и торговля обложены сравнительно легко: промысловое обложеніе даетъ только 65 милл. р., тогда какъ акцизные доходы исчисляются въ суммѣ не менѣе 600 милліоновъ рублей". Нѣкоторые комитеты обращали особенное вниманіе на то, что слишкомъ малая часть государственныхъ доходовъ возвращается населенію путемъ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. По мнѣнію балашовскаго комитета, „необходимо уменьшить централизацію доходовъ, получаемыхъ съ населенія въ формѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, такъ какъ, благодаря этой централизаціи, все усиливающейся, провинція одичала и оскудѣла. Культурнаго роста въ странѣ, при всемъ желаніи, трудно ожидать, когда центры поглощаютъ большую часть народныхъ средствъ". Елецкій комитетъ напоминаетъ, что налоги можно брать только съ чистаго дохода, а у насъ этотъ основной принципъ явно нарушается относительно крестьянъ: для государственныхъ надобностей сельское населеніе должно растрачивать свой основной капиталъ. „Нужды нашей сельско-хозяйственной промышленности приносятся въ жертву индустріи. Никакія улучшенія въ области сельскаго хозяйства невозможны, если не будутъ приняты коренныя реформы въ упомянутыхъ сторонахъ государственной жизни. Необходимо измѣненіе финансовой политики,—измѣненіе, которое равномѣрно распредѣлило бы налоговое бремя между разными

экономическими группами населенія". Лохвицкій комитетъ находитъ, что всѣ щедрыя траты казны на развитіе крупной промышленности покрываются главнымъ образомъ земледѣльческимъ населеніемъ. „Если къ тѣмъ милліардамъ, которые были взяты у сельскаго хозяйства на этотъ предметъ, прибавить тѣ траты и переплаты, которыя вызваны привилегіями и затрудненіями, удороженнымъ устройствомъ (въ видахъ того же покровительства промышленности желѣзодѣлательной) огромной сѣти желѣзныхъ дорогъ, и присчитать тѣ капиталы, которые накоплены были раньше и еще накопляются на счетъ земледѣлія акціонерными и другими частными кредитными учрежденіями, благодаря ограниченности государственнаго кредита, то станетъ ясно, что именно послужило основной причиной деревенскаго разоренія". Большинство комитетовъ формулируетъ свои пожеланія въ томъ смыслѣ, что для подъема сельско-хозяйственной промышленности необходимо, во-первыхъ, прекращеніе односторонней покровительственной политики по отношенію къ фабрично-заводскимъ предпріятіямъ; во-вторыхъ, облегченіе податного бремени съ крестьянъ, преимущественно выкупныхъ платежей и косвенныхъ налоговъ; и въ-третьихъ, постепенное введеніе подоходнаго налога [1]).

Когда говорятъ о мѣрахъ къ подъему сельско-хозяйственной промышленности, то прежде всего надо имѣть въ виду, что подъемъ разумѣется здѣсь не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ: не поднимать приходится слабѣющее земледѣліе, а только способствовать уменьшенію лежащаго на немъ гнета прямыхъ и косвенныхъ обязательныхъ платежей, идущихъ отчасти на поддержаніе крупныхъ капиталистическихъ предпріятій. Сельское хозяйство не требуетъ отъ государства никакихъ особыхъ льготъ или привилегій; оно требуетъ только равноправности съ другими отраслями производительной дѣятельности, — тогда какъ въ настоящее время оно поставлено въ служебное, подчиненное положеніе относительно фабрично-заводской промышленности, пользующейся спеціальной охраной и покровительствомъ. Если денежные капиталисты-предприниматели не довольствуются своими законными выгодами и барышами, а нуждаются еще въ искусственномъ поощреніи, то это поощреніе они не могутъ и не должны добывать съ бѣднѣйшей части населенія; — по крайней мѣрѣ государство не имѣетъ основанія налагать дань на крестьянъ и землевладѣльцевъ въ пользу промышленниковъ, какъ это установлено нашими таможенными и желѣзнодорожными та-

[1]) Толмачевъ, стр. 145—154.

рифами и всею системою нашего протекціонизма. Простая равноправность съ торгово-промышленнымъ классомъ въ отношеніи повинностей предъ государствомъ была бы уже большимъ пріобрѣтеніемъ для крестьянства: прекратилось бы взиманіе съ сельскихъ обывателей значительной доли ихъ скуднаго заработка или имущества въ видѣ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, и крестьяне платили бы въ казну, подобно другимъ сословіямъ, только при извѣстной степени достатка, безъ ущерба для своего хозяйственнаго существованія. Это былъ бы первый необходимый шагъ къ возстановленію нормальнаго положенія земледѣльческой промышленности. Снявши непосильное бремя съ крестьянъ и возложивъ его на болѣе зажиточные классы промышленныхъ хозяевъ и капиталистовъ, мы сдѣлали бы возможнымъ правильное развитіе народнаго хозяйства и подготовили бы почву для будущаго культурнаго подъема, о которомъ пока безполезно и думать при данныхъ условіяхъ. Рядомъ съ финансовою равноправностью должна идти и юридическая: нельзя оставить массу крестьянства въ положеніи паріевъ, лишенныхъ права свободнаго передвиженія и тѣлесной неприкосновенности и зависящихъ всецѣло отъ произвола многочисленныхъ мѣстныхъ властей, выборныхъ и административныхъ. Отдавая огромную часть своего бюджета государству, крестьяне, сверхъ того, въ лицѣ своихъ волостныхъ правленій, несутъ на себѣ разнообразныя исполнительныя обязанности для пользы всего населенія; взамѣнъ же они едва допускаются къ участію въ выгодахъ тѣхъ общихъ учрежденій, которыя создаются и содержатся народными средствами. Устраненіе этой неправильности должно быть положено въ основу предстоящей реформы мѣстнаго деревенскаго строя.

Большинство сельско-хозяйственныхъ комитетовъ указываетъ на приниженное, „пригнетенное“ положеніе крестьянства, выдѣленное въ какое-то особое сословіе, лишенное общихъ гражданскихъ правъ. Самая принадлежность къ этому сословію „признается настолько унижающею человѣка“, что ее нельзя совмѣстить ни съ полученіемъ образованія, ни съ занятіемъ какого-либо мѣста на низшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы,— причемъ изъ крестьянской среды систематически удаляются маломальски выдающіеся и образованные элементы. Единственно справедливымъ и цѣлесообразнымъ выходомъ изъ такого положенія, какъ заявляетъ, напр., елецкій комитетъ, было бы уравненіе крестьянъ съ лицами другихъ сословій. По мнѣнію орловскаго уѣзднаго комитета, необходимо предоставить крестьянамъ право поступать въ любое учебное заведеніе, не выходя изъ со-

словія, а также свободно избирать тотъ или другой родъ занятій, включая и государственную службу. Свобода передвиженія исключается или стѣсняется для крестьянъ спеціальными правилами; получившій паспортъ крестьянинъ, какъ говоритъ нижегородскій комитетъ, „не можетъ быть увѣренъ, что его не потребуютъ въ деревню для исправленія какой-либо должности, отъ чего онъ отказаться не въ правѣ"; паспортъ отбирается полиціей при неуплатѣ недоимки; для переселенія крестьянъ въ другія губерніи требуется разрѣшеніе административныхъ властей. „Въ интересахъ преимущественно фискальнаго свойства,— по словамъ елецкаго комитета,—дѣйствующее положеніе о видахъ на жительство ставитъ выдачу паспорта крестьянину въ зависимость отъ согласія на то хозяина крестьянскаго двора и разрѣшенія сельскаго общества, къ которому приписанъ проситель, если за нимъ числится недоимка государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ. Эти условія настолько стѣснительны, что отъ строгаго ихъ соблюденія неминуемо должны страдать тѣ же фискальные интересы, которые они призваны охранять. Дѣйствительно, плательщикъ налоговъ, почему-либо ставшій неисправнымъ, матеріальное положеніе котораго пошатнулось, можетъ быть лишенъ возможности поправить свое положеніе заработками на сторонѣ и вновь сдѣлаться исправнымъ плательщикомъ налоговъ. Реформа паспортной системы настоятельно необходима, въ смыслѣ предоставленія крестьянамъ одинаковыхъ правъ съ другими сословіями на полученіе паспортовъ"...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по общему признанію, все сельское управленіе должно быть преобразовано кореннымъ образомъ. Многіе комитеты единогласно утверждаютъ, что „существующая сословная организація сельскаго управленія крайне неудовлетворительна, такъ какъ, возлагая на крестьянъ всѣ тягости и заботы по удовлетворенію общественныхъ нуждъ и общегосударственныхъ потребностей, она не предоставляетъ ему ни потребныхъ матеріальныхъ средствъ, ни соотвѣтственныхъ личныхъ силъ и надлежащей компетенціи въ завѣдываніи дѣлами. Лишенное силъ и авторитета, крестьянское сельское управленіе не имѣетъ возможности ни оказывать надлежащую помощь и защиту жителямъ, ни завѣдывать общественнымъ хозяйствомъ. Сельское управленіе необходимо преобразовать на началѣ всесословности, что соотвѣтствовало бы всесословному городскому и земскому управленію и восполнило бы то недостающее звено, которое теперь неудовлетворительно замѣняется сельскимъ и волостнымъ управленіемъ". По отзыву каменецъ-подольскаго губернскаго коми-

тета, нынѣшній строй узко-сословнаго самоуправленія, съ судомъ, совершенно не отвѣчающимъ своему назначенію, личная зависимость крестьянина отъ міра и паспорта, парализующихъ всякую иниціативу, создаютъ изъ крестьянъ ту рутинную и инертную толпу, которая при благопріятныхъ условіяхъ легко приходитъ въ броженіе, угрожающее государственной безопасности. Изолированность и замкнутость этого сословія, противопоставляющія его другимъ классамъ населенія, болѣе полноправнымъ, вырабатываетъ въ крестьянствѣ особую, вредную для общественной жизни этику, построенную на недовѣріи и непріязненномъ отношеніи къ другимъ сословіямъ государства". Притомъ „въ порядкѣ управленія крестьянская волость, оффиціально сохраняя искусственный сословный характеръ, въ дѣйствительности давно уже получила характеръ безсословный, а между тѣмъ волостное управленіе всею тяжестью своей стоимости лежитъ на однихъ крестьянахъ"; поэтому, рядомъ съ отмѣною тѣхъ правовыхъ особенностей, которыя ограничиваютъ и уничтожаютъ личность крестьянина, предлагается учрежденіе всесословной волости, вѣдающей всѣ хозяйственные интересы своего района.

Съ той же точки зрѣнія признается желательнымъ введеніе мелкой земской единицы, въ связи съ усиленіемъ представительства крестьянъ въ земствѣ и съ упраздненіемъ должности или ограниченіемъ функцій земскихъ начальниковъ. Чтобы создать настоящіе органы крестьянскаго самоуправленія, нужно, по мнѣнію воронежскаго уѣзднаго комитета, освободить выборныхъ должностныхъ лицъ сельскихъ обществъ отъ исполненія полицейскихъ обязанностей, предоставить мелкой земской единицѣ право организовать подчиненную ей стражу мѣстной безопасности, ограничить сферу крестьянскаго самоуправленія исключительно спеціальными хозяйственными дѣлами и нуждами, обезпечить населенію полную свободу какъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ, такъ и по веденію дѣлъ самоуправленія, и оградить закономъ крестьянскіе земельные порядки отъ всякаго вмѣшательства административныхъ лицъ и учрежденій, будетъ ли тамъ общинное землевладѣніе или подворное. Точно такъ же другіе комитеты высказались за то, чтобы съ сельскаго управленія и выборнаго сельскаго старосты были сняты фискальныя и полицейскія обязанности, и чтобы сельскіе сходы были всесословные; чтобы низшія полицейскія обязанности въ селахъ были возложены на особыхъ, выбираемыхъ сельскимъ обществомъ лицъ, съ подчиненіемъ ихъ общей уѣздной полиціи и отнесеніемъ содержанія ихъ на счетъ казны, и чтобы управленіе всесословной

волости состояло изъ волостного собранія и волостной управы. Что касается должностныхъ лицъ и учрежденій, вѣдающихъ крестьянскія дѣла,—земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ и др.,— то въ нихъ не будетъ надобности при равноправности крестьянъ съ лицами другихъ сословій; да и при существующемъ порядкѣ, какъ показалъ десятилѣтній опытъ, „примѣненіе на практикѣ закона 12 іюля 1889 года, — по свидѣтельству елецкаго комитета,—не принесло съ собою улучшенія крестьянскаго быта въ сферѣ имущественныхъ и общественныхъ отношеній". Самоуправленіе сельскихъ общинъ превратилось въ фикцію съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. „Выборы должностныхъ лицъ и волостныхъ уполномоченныхъ, общинно-земельные порядки, назначеніе писарей, открытіе школъ и библіотекъ, даже почтовыхъ отдѣленій, всякія вообще хозяйственныя дѣла, — говорится въ запискѣ предсѣдателя воронежской земской управы,— все это подпало опекѣ, личному усмотрѣнію, приказу и вліянію со стороны". Сельскій административный персоналъ набирается изъ самыхъ худшихъ элементовъ, развращенныхъ безправіемъ и произволомъ; волостной судъ оказывается ниже всякой критики, и „надъ всѣмъ этимъ царитъ опека земскаго начальника, который можетъ каждую минуту по своему личному усмотрѣнію посадить народнаго судью въ арестантскую. Прежде крестьянскія должностныя лица гарантированы были отъ административнаго произвола коллегіальными крестьянскими присутствіями, относившимися болѣе или менѣе корректно къ дѣйствіямъ непремѣннаго члена. Теперь же земскій начальникъ самолично можетъ временно устранить отъ должности старшину и старосту, наказать ихъ и сдѣлать представленіе съѣзду объ окончательномъ удаленіи отъ должности, а писаря можетъ уволить безъ постановленія съѣзда и безъ объясненія причинъ. Естественно, что лучшіе изъ крестьянъ бѣгутъ отъ выборныхъ должностей; на службу идутъ худшіе люди, способные на угодничество и униженіе передъ начальствомъ. Однимъ словомъ, безправіе въ деревнѣ не имѣетъ границъ, законъ обращенъ въ мертвую букву, а чувство законности совершенно вытравлено въ населеніи".

Для крестьянъ установленъ цѣлый рядъ отступленій отъ общихъ законовъ и даже отъ основныхъ началъ гражданскаго и уголовнаго законодательства; такъ, комитеты отмѣчаютъ „уголовное преслѣдованіе крестьянъ за нарушеніе договорныхъ условій о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы, вопреки гражданскому закону, по которому за такія нарушенія примѣняется только гра-

жданская отвѣтственность; особое уголовное наказаніе за мотовство и пьянство, хотя эти проступки не караются у другихъ сословій; установленіе для сельскаго населенія особаго вида ареста на хлѣбѣ и водѣ; установленіе особой облегченной уголовной отвѣтственности за преступленія противъ права собственности, съ примѣненіемъ ареста и розогъ, тогда какъ тѣ же преступленія у другихъ сословій караются тюремнымъ заключеніемъ". Почти всѣ комитеты рѣшительно отвергаютъ тѣлесное наказаніе, „самое больное мѣсто современныхъ условій крестьянской жизни", „случайный пережитокъ отмѣненнаго крѣпостного права, сильно принижающій достоинство человѣка, надъ которымъ совершается это позорящее насиліе", „имѣющее вредное и растлѣвающее вліяніе, тѣмъ болѣе ужасное, что позоръ наказанія падаетъ на всю семью наказаннаго" и т. д. Въ вологодскомъ комитетѣ выражено было убѣжденіе, что „пока жизнь крестьянина не устроена на общихъ всѣмъ сословіямъ началахъ законности и равноправности, пока административная опека не будетъ ослаблена, пока личность крестьянина не проникнется сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей, и не освободится отъ косности, апатіи и невѣжества, до тѣхъ поръ всѣ постороннія усилія къ подъему сельско-хозяйственной промышленности крестьянъ будутъ безплодны"; согласно съ этимъ, комитетъ постановилъ: „для возможности проведенія въ крестьянскую среду мѣропріятій по улучшенію сельскаго хозяйства необходимо поднять самосознаніе и самодѣятельность крестьянъ путемъ освобожденія ихъ отъ постоянной административной опеки и предоставленія имъ правъ и обязанностей, общихъ всѣмъ прочимъ сословіямъ". Самодѣятельности и почину крестьянина, — говорилось въ смоленскомъ уѣздномъ комитетѣ — негдѣ проявиться: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своею надѣльною землею крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица, не говоря уже о томъ, что такія явленія, какъ семейный раздѣлъ и уходъ членовъ семьи на сторону, подлежатъ контролю. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ о подъемѣ хозяйственной дѣятельности. Самодѣятельность, починъ, широкій кругозоръ, смѣлая инициатива и увѣренность въ своихъ силахъ, — всѣ эти условія, столь необходимыя для развитія хозяйственной дѣятельности, — могутъ ли они имѣть мѣсто при современномъ положеніи!" Тульская губернская управа находитъ, что „обособленное законодательство, въ которомъ до сихъ поръ

удерживается тѣлесное наказаніе,—шаткость и неопредѣленность имущественныхъ правъ, полная безотвѣтственность въ обязательныхъ отношеніяхъ, множество начальствъ своихъ и назначенныхъ, которыя далеко не всегда опекаютъ его въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ,—все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на правовое міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, принижаетъ въ немъ чувство личности, подавляетъ иниціативу и самодѣятельность. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ поднята личность крестьянина, всякія заботы объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія и о развитіи русской сельско-хозяйственной промышленности останутся слабо дѣйствующимъ палліативомъ; а потому совершенно необходимо ускорить коренной пересмотръ всего крестьянскаго законодательства, пригласивъ къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ людей, близко знающихъ крестьянскую среду, и пересмотръ этотъ вести въ цѣляхъ возможнаго освобожденія крестьянъ отъ административной опеки и уравненія ихъ въ правахъ и обязанностяхъ съ лицами другихъ сословій“ [1]).

Подобныя же требованія выставлялись еще двадцать лѣтъ тому назадъ Высочайше учрежденною коммиссіею статсъ-секретаря Каханова, труды которой были, однако, похоронены въ министерскихъ канцеляріяхъ; коммиссія предлагала отдѣлить общественно-административныя функціи отъ хозяйственныхъ дѣлъ сельскихъ обществъ, устранить сословность въ сельскомъ и волостномъ управленіи, отказаться отъ обложенія однихъ только крестьянъ мірскими сборами и уравнять въ этомъ отношеніи всѣхъ живущихъ въ волости и пользующихся ея услугами; допустить свободный выходъ и пріемъ членовъ въ сельскія общества, предоставить всѣмъ жителямъ въ селеніи право участія въ выборѣ должностныхъ лицъ и въ дѣлахъ сельскаго управленія. Тѣ же указанія и ходатайства повторялись и въ матеріалахъ губернскихъ совѣщаній, собранныхъ въ 1894 году, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и тѣ же старые, давно назрѣвшіе вопросы, осложненные неудачною законодательно-административною практикою позднѣйшихъ лѣтъ, вновь выступили во всей своей полнотѣ передъ Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Такъ медленно, годами и десятилѣтіями, идетъ движеніе законодательства, вращаясь около насущныхъ потребностей народныхъ и государственныхъ, подъ покровомъ негласнаго канцелярскаго дѣлопроизводства.

---

[1]) Толмачевъ, стр. 106—127.

Въ основѣ всѣхъ реформъ и улучшеній крестьянскаго быта и хозяйства лежитъ, безъ сомнѣнія, вопросъ о народномъ образованіи. „Главнѣйшая причина упадка благосостоянія крестьянскаго сословія,—говорилось въ костромскомъ уѣздномъ комитетѣ,—заключается въ народномъ невѣжествѣ, о которое разбиваются всякія попытки земства и интеллигенціи содѣйствовать улучшенію экономическаго состоянія. Легко создать програму экономическихъ мѣропріятій, легко давать совѣты, но вопросъ въ томъ, какъ осуществить ихъ, какъ перенести ихъ изъ канцеляріи въ жизнь, имѣя предъ собою такого врага, какъ народное невѣжество. Для этого нужно учрежденіе необходимаго для всеобщаго обученія количества народныхъ школъ, расширеніе въ нихъ общеобразовательной програмы, широкая организація внѣ-школьнаго образованія, учрежденіе среднихъ и высшихъ школъ, общеобразовательныхъ и спеціальныхъ, въ такомъ количествѣ, чтобы онѣ могли вмѣстить всѣхъ желающихъ, и устраненіе всѣхъ ограниченій и излишнихъ формальностей, стѣсняющихъ распространеніе просвѣщенія". Въ настоящее время, какъ напоминаетъ александровскій комитетъ, екатеринославской губерніи, „идетъ борьба на міровомъ рынкѣ между государствами, и тяжело положеніе того народа, который выступаетъ на арену этой борьбы съ неравнымъ орудіемъ — съ низкимъ уровнемъ умѣній и знаній, съ низкимъ уровнемъ общаго образованія, съ низкой производительностью труда". Невѣжество крестьянъ является главнымъ и постояннымъ тормазомъ къ улучшенію ихъ хозяйства и положенія; попытки земства въ распространеніи полезныхъ сельско-хозяйственныхъ нововведеній могутъ имѣть успѣхъ только среди грамотныхъ или при ихъ содѣйствіи. Поэтому „самая первая, основная, насущная потребность—народное образованіе и просвѣщеніе, и безъ удовлетворенія этой потребности не можетъ быть достигнуто улучшеніе народной жизни". Правительство, въ лицѣ министерства финансовъ, не жалѣло средствъ для насажденія общаго и спеціальнаго образованія, приспособленнаго къ нуждамъ фабрично-заводской и горной промышленности; оно тратило милліоны на устройство роскошныхъ политехническихъ институтовъ, основывало коммерческія училища, торговыя школы, учебныя мастерскія и ремесленные классы. Справедливость требуетъ, чтобы соотвѣтственная щедрость проявлялась и въ учрежденіи и распространеніи школъ для земледѣльческаго населенія. Слѣдуетъ, во-первыхъ, назначать на нужды начальнаго образованія несравненно больше средствъ, чѣмъ это дѣлается теперь; во-вторыхъ, — что еще важнѣе— „надо измѣнить законодательство,

касающееся народнаго образованія, въ такомъ направленіи, чтобы въ этой сферѣ возможно было самое широкое примѣненіе частной и общественной иниціативы". „Существеннѣйшимъ и краеугольнымъ вопросомъ въ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ—повторяетъ съ своей стороны предсѣдатель рузскаго комитета князь П. Д. Долгоруковъ — является вопросъ о поднятіи культурности русскаго населенія: необходимо значительное увеличеніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія для достиженія всеобщаго начальнаго обученія и для поднятія средняго и высшаго, какъ общаго, такъ и профессіональнаго образованія" [1]). Въ этой области нѣтъ разногласій между сельско-хозяйственными комитетами, какъ нѣтъ ихъ и во всемъ русскомъ обществѣ.

Поднятіе культурности населенія не достигается, конечно, одними внѣшними средствами; оно даже немыслимо при отсутствіи надлежащаго законнаго простора для личной и общественной иниціативы въ мѣстныхъ дѣлахъ, при господствѣ мертвящаго бюрократизма, заглушающаго самые источники жизни подъ предлогомъ неусыпныхъ заботъ о правительственномъ авторитетѣ. Нужно сдѣлать жизнь въ провинціи болѣе сносною и привлекательною не только съ матеріальной стороны, но и въ общественномъ и нравственномъ отношеніяхъ; а для этого требовалась бы коренная перемѣна во взглядахъ на задачи и роль администраціи, на значеніе и дѣятельность земства и на развитіе умственныхъ и культурныхъ центровъ въ провинціальной глуши. Внести жизнь въ унылое прозябаніе безотрадно скучныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ Россіи — было бы дѣломъ величайшей государственной и національной пользы; стоило бы только открыть клапаны, закупоривающіе мѣстныя общественныя силы, и наша провинція совершенно преобразилась бы въ теченіе одного поколѣнія.

Общественное и нравственное оскудѣніе несравненно важнѣе матеріальнаго; оно губитъ задатки національнаго подъема и роста, парализуетъ жизненную энергію націи и создаетъ въ обществѣ то настроеніе безнадежной пустоты и скуки, которое выражается въ разнообразныхъ печальныхъ признакахъ и фактахъ. Эта „скука жизни", отличающая насъ отъ бодрыхъ, неудержимо стремящихся впередъ народовъ Запада, имѣетъ свои причины, вполнѣ достойныя вниманія и изученія со стороны государственныхъ людей, законодателей и публицистовъ.

Л. Слонимскій.

---

[1]) Тамъ же, стр. 129—133.

„СОЮЗЪ ДУШЪ“

„Souls“. A Comedy of intentions. By „Rita“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Развѣ можетъ быть сказано что-нибудь слишкомъ рѣзкое въ осужденіе современнаго свѣтскаго общества въ Англіи? Газеты безпрестанно сообщаютъ о новыхъ скандалахъ изъ великосвѣтской жизни; въ бракоразводныхъ процессахъ раскрывается позорный образъ жизни англійской аристократіи. Что англійская знать, мужчины и женщины, проводятъ все время на скачкахъ, за азартной игрой и въ погонѣ за извращенными удовольствіями, которыя одни только и удовлетворяютъ ихъ пресыщенному вкусу— стало теперь общепризнаннымъ печальнымъ фактомъ. Каждую недѣлю чье-нибудь громкое имя публично закидывается грязью. Съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что свѣтскіе браки приводятъ только къ разводу или скандальнымъ процессамъ. Распущенность и пресыщенность свѣтскаго общества въ Англіи дошли до того, что для привлеченія аристократической паствы въ церковь пускаются въ ходъ разныя рекламныя средства. Когда вестъ-эндскій пасторъ превращаетъ свою церковь въ концертную залу, куда молящіеся являются въ бальныхъ туалетахъ (или, вѣрнѣе, въ бальномъ дезабильѐ), то казалось бы, что это—предѣлъ безвкусія. Когда одна изъ видныхъ газетъ печатно обращается къ свѣтскимъ дамамъ съ просьбой снабжать ее свѣдѣніями о скандалахъ, происходящихъ въ ихъ фешенебельномъ кругу, то можно было бы ожидать, что дерзость прессы переступила границы дозволеннаго, и что такое воззва-

ніе вызоветъ общее возмущеніе, погубитъ газету въ глазахъ свѣтскаго общества. Но въ дѣйствительности происходитъ совершенно обратное. Общество какъ бы гордится вниманіемъ прессы, и еще смѣлѣе проявляетъ свою невоспитанность, вырожденіе своихъ вкусовъ. Нужно ли искать болѣе яркаго доказательства паденія нравовъ, чѣмъ поведеніе великосвѣтскихъ женщинъ во время прошумѣвшаго недавно бракоразводнаго процесса: онѣ явились толпой въ залу засѣданія, чтобы слушать непристойныя подробности, обсуждаемыя на судѣ. И какое удручающее впечатлѣніе производили всѣ свидѣтели по этому дѣлу! Все это были свѣтскіе люди, образованіе которыхъ стоило очень дорого; у нихъ не было недостатка въ средствахъ и въ досугѣ, чтобы пополнить свое образованіе,—а между тѣмъ ихъ письма, ихъ манера выражаться поражали полной безграмотностью и тупостью. Современное высшее общество въ Англіи, повидимому, освободило себя отъ всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ порядочностью и благовоспитанностью, и желаетъ жить въ свое удовольствіе, не чувствуя никакой нравственной отвѣтственности за свое поведеніе.

Однимъ изъ самыхъ явныхъ признаковъ вырожденія свѣтскаго общества является тотъ фактъ, что дамы изъ высшаго общества ничего не имѣютъ противъ рекламы, которую имъ устроиваютъ газеты извѣстнаго рода. О нихъ часто говорятъ на столбцахъ этихъ газетъ, называя ихъ фамильярно ихъ уменьшительными именами, описываютъ ихъ туалеты и брилліанты, критикуютъ ихъ иногда очень беззастѣнчиво. Когда случайно ихъ видятъ гдѣ-нибудь въ сопровожденіи самаго неподходящаго по моднымъ понятіямъ кавалера—ихъ мужа, то этотъ фактъ отмѣчается какъ нѣчто заслуживающее особаго вниманія. И дѣйствительно, при современномъ паденіи нравовъ, это достойно быть отмѣченнымъ.

Спрашивается—какъ все это попадаетъ въ газеты? Неужели фешенебельныя дамы сами посылаютъ описанія своихъ туалетовъ или свѣдѣнія о друзьяхъ, которые сопровождаютъ ихъ въ театры и рестораны? Или, быть можетъ, фешенебельные рестораны и отели посѣщаются репортерами? Въ противномъ случаѣ очевидно, что въ каждомъ видномъ аристократическомъ домѣ имѣется оплачиваемый газетой тайный соглядатай, доставляющій свѣдѣнія, или же газета подкупаетъ прислугу и довѣренныхъ лицъ видныхъ членовъ аристократіи, и добываетъ такимъ образомъ свѣдѣнія о закулисныхъ тайнахъ свѣтской жизни.

Если въ книгѣ, которой я предпосылаю эти замѣчанія, что-нибудь можетъ показаться невѣроятнымъ или преувеличеннымъ, то я могу только сказать въ свое оправданіе, что большинство описываемыхъ мною фактовъ взято изъ реальной дѣйствительности. Это, конечно, слабое оправданіе для вымысла, потому что истина часто превосходитъ своей невѣроятностью всякій вымыселъ.

Выведенныя мною лица — не портреты, а типы, хорошо знакомые по газетамъ, которыя передаютъ свѣтскія сплетни, а также по многочисленнымъ судебнымъ процессамъ, по описаніямъ скандаловъ, героями которыхъ становятся члены аристократическихъ клубовъ. Я только изображаю ихъ какъ представителей секты — теперь уже, къ счастью, не существующей — и какъ участниковъ драмы, которая только репетировалась. — Авторъ.

I.

Въ ярко освѣщенной гостиной одного изъ домовъ на Пондъ-Стритѣ нѣсколько дамъ и мужчинъ сидѣли съ чашками чая въ рукахъ и говорили тихимъ, томнымъ голосомъ о предметахъ, не представлявшихъ большого общечеловѣческаго интереса. Отъ времени до времени они отпивали чай маленькими глотками или небрежно вертѣли въ рукахъ изящныя чайныя ложечки въ стилѣ Георга IV-го. Иногда они глядѣли другъ на друга, склоняя голову на бокъ, и въ ихъ взглядахъ выражалось взаимное и тайное пониманіе чего-то несказуемаго. Все это были очень странные люди, и многое, о чемъ они думали, было дѣйствительно несказуемо. Поэтому они и старались придать особую выразительность своимъ взглядамъ.

Общество, собравшееся въ гостиной, состояло изъ маркизы Бодезаръ, актрисы Гидеонъ Ли, одной свѣтской красавицы и двухъ мужчинъ, членовъ самыхъ фешенебельныхъ лондонскихъ клубовъ. Хозяйка дома, м-ссъ Вандердекенъ, была высокая, тонкая женщина съ моложавымъ лицомъ и старыми, выражавшими большую усталость, глазами. Всѣ присутствующіе называли ее уменьшительнымъ именемъ „Тротти“. Маркиза Бодезаръ и м-ссъ Вандердекенъ были очень дружны; обѣ онѣ пренебрегали общественнымъ мнѣніемъ и дѣлали все, что хотѣли, избѣгая только открытаго скандала. Онѣ принадлежали къ новой сектѣ, членами которой были скучающіе свѣтскіе люди, пресыщенные своимъ безцѣльнымъ существованіемъ и лихорадочной смѣной развлече-

ній, жаждавшіе покоя и возможности доставлять себѣ и другимъ тѣ немногія удовольствія, которыя ихъ еще занимали. Однимъ изъ такихъ удовольствій было исканіе родственныхъ душъ—единомышленниковъ по чувствамъ и желаніямъ,—и въ этомъ именно состояла цѣль новой секты. Въ нее могли вступать — на извѣстныхъ условіяхъ—люди, связанные общностью взглядовъ и питавшіе другъ къ другу непреодолимую симпатію.

Первымъ и главнымъ требованіемъ отъ членовъ секты было соблюденіе строгой тайны относительно ритуала тайныхъ собраній. Кандидатура людей, которые могли бы отнестись скептически къ своимъ сочленамъ, или на скромность которыхъ нельзя было безусловно положиться, безпощадно отвергалась. Въ члены принимались одинаково мужчины и женщины, молодые или старые, но отъ всѣхъ требовалось главнымъ образомъ умѣнье хранить въ тайнѣ все, что происходило и говорилось на собраніяхъ.

Таинственность секты и составляла главную причину возбуждаемаго ею интереса. Она имѣла большія средства и процвѣтала, несмотря на то, что забаллотировала многихъ американскихъ милліонеровъ, добивавшихся доступа въ нее. Секта не нуждалась въ богатыхъ ничтожествахъ. Ее интересовали только самыя высокія и благородныя стремленія духа; она жаждала самыхъ изысканныхъ ощущеній и недоступной для обыкновенныхъ смертныхъ чистоты. Отдѣленія секты существовали во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Имя основателя держалось въ глубокой тайнѣ, но были слухи, что въ жилахъ его течетъ царственная кровь. О собраніяхъ, дѣятельности и внутренней жизни секты ничего точнаго, конечно, не было извѣстно.

Общество, собравшееся въ гостиной м-ссъ Вандердекенъ въ пасмурный ноябрьскій день, восторженно внимало хозяйкѣ, говорившей очень изысканно и туманно. М-ссъ Гидеонъ Ли, мрачная, таинственная особа, обладательница недостаточно оцѣненнаго публикой таланта, казалась зачарованной словами м-ссъ Вандердекенъ. Но другая изъ присутствующихъ женщинъ, молодая, очень красивая, со злымъ лицомъ и ослѣпительными голубыми глазами, стала возражать своей пріятельницѣ.

— Зачѣмъ слѣдовать какимъ бы то ни было принципамъ, Тротти?—сказала она.—Для оригинальности нужна полная независимость воззрѣній. Внутреннее удовлетвореніе достигается лишь тогда, когда отдаешься вполнѣ своимъ настроеніямъ. Вѣдь мы всѣ это рѣшили, не правда ли?

Шопотъ одобренія пронесся по комнатѣ, какъ слабое дуно-

веніе вѣтра, которому вторило, какъ эхо, шуршаніе шолковыхъ юбокъ.

— А всякое насиліе надъ настроеніемъ или подчиненіе чужому настроенію...—Она остановилась.—Ахъ, да, я забыла параграфъ XV-й! Конечно, настроенію родственной души можно подчиниться, или, вѣрнѣе, оно такъ входитъ въ собственное настроеніе, что перестаетъ быть отдѣльнымъ. Родственныя души сливаются во едино.

— Совершенно вѣрно,—подтвердила м-ссъ Вандердекенъ.—Мысль никогда не должна быть сознательной. Непосредственное выраженіе желанія или чувства претворяетъ ихъ въ новыя ощущенія, а вѣдь только въ этомъ, въ томъ, чтобы испытывать новыя ощущенія—цѣль и стремленіе нашего союза. Конечно, создать новое ощущеніе очень трудно. Оно можетъ явиться въ очень различной формѣ—въ реальной или воображаемой,—можетъ быть вызвано матеріальнымъ фактомъ или же только духовнымъ процессомъ. Но для того, чтобы возможны были новыя ощущенія, нужна полная, безграничная свобода!

Двое мужчинъ, находившихся среди присутствующихъ, наклонились впередъ и внимательно глядѣли на м-ссъ Вандердекенъ. Одинъ изъ нихъ только недавно вступилъ въ секту и не нашелъ еще родственной души. Другой былъ уже полноправнымъ членомъ „Союза душъ".

— Будьте добры пояснить свою мысль,—попросилъ новообращенный.

М-ссъ Вандердекенъ сдѣлала отстраняющій жестъ своей бѣлой рукой.

— Всякое объясненіе банально,—сказала она.—Постарайтесь запомнить то, что вы слышите, и уяснить это себѣ при свѣтѣ собственнаго пониманія. Мы больше всего стремимся отстоять свою индивидуальность. Въ мірѣ подражателей и плагіаторовъ нужно стараться проявить хоть какую-нибудь самобытность.

— Но вѣдь нѣтъ ничего новаго подъ луной,—сентенціозно заявила лэди Бодезаръ.

— Я полагаю, что есть,—возразила актриса тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ.—Когда, напримѣръ, я исполняю какую-нибудь роль по-своему, то я какъ бы облекаю ее въ совершенно новое одѣяніе, созданное мною. И пока я не увижу совершенно такого же исполненія, какъ мое, я имѣю право считать свою игру оригинальной.

— Этого вы никогда не увидите, милая Юдиѳь,—сказала

м-ссъ Вандердекенъ, ласково взглянувъ на мрачное лицо и странный нарядъ актрисы.—Никогда, я увѣрена. Или, во всякомъ случаѣ, не въ наше время.

— Можетъ быть, вы правы, — согласилась м-ссъ Гидеонъ Ли.—Моя оригинальность признана всей прессой.

— Чего же еще желать?—замѣтилъ молчавшій до тѣхъ поръ второй молодой человѣкъ. Онъ былъ самымъ младшимъ членомъ герцогской семьи и считался геніальнымъ писателемъ. Онъ издалъ странную книгу въ какомъ-то удивительномъ переплетѣ, сдѣланномъ по его собственному рисунку, и книга эта разошлась уже въ сотнѣ экземпляровъ.

М-ссъ Вандердекенъ вдругъ поднялась съ мѣста и постучала ложечкой въ стилѣ Георга IV-го.

— Удѣлите мнѣ, пожалуйста, нѣсколько минутъ вниманія,—сказала она.—Я хочу подѣлиться съ вами сдѣланнымъ мною открытіемъ. Это—дивный сюжетъ для поэтическаго произведенія, милый Тони, еслибы вы дали себѣ трудъ разработать его. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я открыла въ глуши венгерскихъ лѣсовъ удивительную дѣвочку-сиротку. Ея родители погибли во время какой-то катастрофы—настоящей катастрофы. Я заинтересовалась ея печальнымъ положеніемъ, и когда оказалось, что у нея есть только дальніе родственники, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нея, я занялась ея воспитаніемъ и помѣстила ее въ школу—конечно, не въ обыкновенное учебное заведеніе, а въ основанную мною „Свободную школу“. Тамъ она училась, и теперь оказалось, что она не только очень талантлива, но и поразительно красива. Я рѣшила, поэтому, показать ее Лондону.

— Какъ это интересно!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ дамы, и ихъ томныя лица оживились.

— Она несомнѣнно произведетъ сенсацію, — продолжала м-ссъ Вандердекенъ, — но мы должны удержать ее въ нашемъ кругу. Она можетъ оказаться очень полезной для насъ. Вы согласитесь со мной, когда увидите ее. Странно, что ея еще нѣтъ. Она должна была придти уже съ полчаса тому назадъ, но...

Рѣчь м-ссъ Вандердекенъ прервана была появленіемъ лакея, который назвалъ съ англійскимъ выговоромъ имя, прозвучавшее какъ „фролингъ Эберррддъ“.

М-ссъ Вандердекенъ быстро поднялась и протянула обѣ руки вошедшей дѣвушкѣ. На всѣхъ лицахъ выразилось сдержанное удивленіе. Высокая, статная дѣвушка совершенно не походила на нѣмку, какъ это предполагали гости м-ссъ Вандердекенъ, по ея разсказу. Она не была блондинкой, не была ни толста, ни

неуклюжа. Ея туалетъ и манеры были изящны, но, помимо этого, въ оригинальной красотѣ ея большихъ темныхъ глазъ, ея свѣжихъ алыхъ губъ и въ прозрачной матовой бѣлизнѣ лица было какое-то таинственное очарованіе. Бѣлизна лица казалась почти неестественной на фонѣ тяжелыхъ черныхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы и прикрывавшихъ на половину ея уши.

— Я, кажется, немного запоздала,—сказала она, и легкій иностранный акцентъ придавалъ особую прелесть ея глубокому голосу.—Меня задержали послѣ урока.

— Я познакомлю тебя съ моими друзьями,—сказала м-ссъ Вандердекенъ, и назвала имена присутствующихъ съ быстротой опытной свѣтской хозяйки.—Хочешь чаю? Нѣтъ? Ну, такъ сядь подлѣ меня. Ты сегодня въ голосѣ? Нужно быть осторожной въ такую туманную погоду.

— Да, я очень берегу себя,—natürlich! Ужасная у васъ здѣсь погода. Да и вообще этотъ Лондонъ...

— Мы скоро уѣдемъ,—сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Сейчасъ же послѣ твоего дебюта, Зара.

Она обернулась къ своимъ гостямъ.

— Фрейлейнъ Эбергардъ, какъ я вамъ только-что хотѣла сказать, рѣшилась выступить во время короткаго осенняго сезона. Мы какъ разъ воспользуемся тѣмъ временемъ, когда всѣ возвращаются изъ замковъ въ городъ, проѣздомъ на югъ. Я наняла для концерта маленькую залу въ Queen's Hall, потому что есть что-то безотрадное въ St.-James's Hall, гдѣ выступаютъ всѣ обыкновенные концертанты.

— Такъ вотъ на чей концертъ вы убѣждали насъ покупать билеты,—замѣтилъ новообращенный.

Онъ не спускалъ глазъ съ загадочнаго лица дѣвушки—страстнаго и въ то же время одухотвореннаго. Какое удивительное сочетаніе огня и холода! Кто она? Почему Тротти такъ неожиданно ввела ее въ ихъ общество? Она, конечно, поразительно хороша, но... Тутъ онъ погрузился въ мысли, которыхъ еще никогда ни съ кѣмъ не дѣлилъ—вѣдь онъ еще не обрѣлъ родственной души—и забылъ о поразившей его дѣвушкѣ. Онъ снова сталъ сознавать ея присутствіе только тогда, когда она приблизилась къ роялю, чтобы пѣть.

Его очень непріятно поразило это нововведеніе. На интимныхъ собраніяхъ у м-ссъ Вандердекенъ музыка допускалась только въ исполненіи любителей. Самоувѣренность и авторитетность настоящихъ артистовъ казались вульгарными членамъ секты. Они возводили въ принципъ какой-то туманный идеализмъ, и потому

любили во всемъ неопредѣленность и незаконченность. „Лордъ Криссъ“, какъ его звали друзья, написалъ нѣсколько романсовъ, и они исполнялись нѣкоторыми его сочленами; но теперь Тротти навязывала утонченному вниманію любителей настоящую концертную дебютантку. Это приводило его въ содроганіе. Настоящій талантъ обыкновенно замѣтенъ, а все замѣтное раздражаетъ дилеттанта, какъ слишкомъ рѣзкій свѣтъ или какъ уличный шумъ. Лордъ Криссъ сѣлъ на самый конецъ залы, но всетаки подумалъ о томъ, нельзя ли включить въ программу предстоящаго концерта задуманный имъ романсъ „Бѣлый, бѣлый мотылекъ“.

М-ссъ Вандердекенъ сыграла, слегка фальшивя, интродукцію. Дѣвушка, которая стояла, наклонясь къ нотамъ, вдругъ повернулась, послѣ окончанія интродукціи, лицомъ къ слушателямъ, сжала руки за спиной и, поднявъ голову, запѣла странную венгерскую мелодію. Изумленные слушатели почувствовали странное безпокойство, когда дикіе, страстные звуки наполнили комнату. Они никогда не слышали ничего подобнаго въ салонахъ. Въ пѣніи дѣвушки звучали отголоски горъ и потоковъ, дикой природы и дикой любви, и среди всего этого одна, все время повторяющаяся, нота казалась стономъ разбитаго сердца.

Они затаили дыханіе, слушая пѣніе. Какой странный, страстный голосъ и какъ лицо дѣвушки соотвѣтствуетъ ему! Откуда она явилась? У нея былъ видъ предводительницы какого-нибудь дикаго племени, цыганской королевы, но, во всякомъ случаѣ, не концертной пѣвицы, которая собирается дебютировать передъ равнодушной англійской публикой.

Пѣсня закончилась дикимъ взрывомъ смѣха, прозвучавшимъ какъ дорого доставшаяся побѣда надъ страданіемъ; но смѣхъ былъ до того трагиченъ, что слушателямъ стало жутко. Пѣвица застыла на минуту, потомъ руки ея опустились, лицо снова приняло холодное выраженіе, и, медленно поклонившись въ отвѣтъ на аплодисменты, она спокойно сѣла на свое мѣсто.

М-ссъ Вандердекенъ обернулась къ гостямъ:

— Ну что, говорила я вамъ? Правда, что она чудесно поетъ? — воскликнула она.—А теперь, когда вы слышали ея пѣніе, я объясню вамъ планъ концерта.

Она встала изъ-за рояля и опустилась на кресло.—Помните, что она выступитъ только одинъ разъ. Нѣтъ ничего труднѣе, чѣмъ открыть нѣчто дѣйствительно новое. Но я льщу себя надеждой, что Зара произведетъ небывалую еще до сихъ поръ сенсацію. Меня осѣнила счастливая мысль. Я всегда удивлялась,

почему на сценѣ артистки мѣняютъ туалеты въ каждомъ актѣ, а концертныя пѣвицы поютъ весь вечеръ въ одномъ и томъ же платьѣ. Оригинальность концерта Зары будетъ заключаться въ томъ, что онъ будетъ раздѣленъ на двѣ части, и вторую половину программы она исполнитъ въ совершенно другомъ костюмѣ, чѣмъ первую. Вы можете себѣ представить, до чего публика будетъ поражена! Я пока еще не хочу говорить о выборѣ пѣсенъ и о костюмахъ. Скажу только, что Зара одна выполнитъ всю программу. Можно, впрочемъ, пригласить еще піаниста. Онъ будетъ играть въ промежуткѣ между двумя частями концерта. Піанисты очень полезны въ подобныхъ случаяхъ. Такъ вотъ... но что съ вами, Крисси?

Лордъ Криссъ подошелъ къ ней съ взволнованнымъ выраженіемъ лица.

— Свершилось!—пробормоталъ онъ.—Наконецъ-то!

М-ссъ Вандердекенъ слегка поблѣднѣла и встала съ мѣста.

— Неужели вы нашли?..—она не могла продолжать отъ волненія.

Но онъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Его восхищенный взоръ былъ устремленъ на матово-блѣдное лицо и алыя губы Зары Эбергардъ, и онъ подошелъ къ ней.

— Геніальное дитя,—сказалъ онъ, обращаясь къ ней,—я покоренъ вами! Молнія прозрѣнія соединила наши души. Чары вашего голоса пробудили мое вдохновеніе, и вашъ голосъ дастъ ему форму и жизнь. Я приношу вамъ его въ даръ. Я кладу мое искусство на алтарь вашего генія. Вы споете романсъ „Бѣлый, бѣлый мотылекъ", и весь міръ наполнится нашей славой— вашей и моей. Я повторяю—вашей и моей, потому что я чувствую, что вы—родственная мнѣ душа.

Никто не былъ удивленъ словами лорда Крисса. Признаніе родства душъ считалось священнодѣйствіемъ, и могло происходить или на глазахъ у всѣхъ, или тайно. Только сама дѣвушка, очевидно, не поняла лорда Крисса. Она съ изумленіемъ взглянула на него своими большими темными глазами, пробормотала: „Ach, so!"—и взглянула на свою покровительницу, какъ бы прося у нея объясненія.

М-ссъ Вандердекенъ смотрѣла на лорда Крисса. Она дрожала всѣмъ своимъ хрупкимъ тѣломъ, и ея усталые глаза засвѣтились страннымъ блескомъ.

— Какъ это изумительно!—сказала она и, сѣвъ къ чайному столику, снова прошептала:—Какъ изумительно!

Гости поднялись и собирались уходить. Каждый по очереди подходилъ къ хозяйкѣ, и выражалъ свое мнѣніе о талантѣ Зары.

— Вы сдѣлали удивительное открытіе—это несомнѣнно,—сказала лэди Бодезаръ.—Конечно, мы постараемся наполнить залу. Хотите, чтобы пришли рецензенты? Я вѣдь это могу устроить. Я такъ рада, что концертъ состоится вечеромъ. У меня какъ разъ есть прелестный туалетъ изъ сѣраго газа, вышитый серебромъ. Прощайте, дорогая. Изумительно, изумительно!

М-ссъ Вандердекенъ очень гордилась своей побѣдой. Она, конечно, знала заранѣе, что Зара произведетъ сенсацію, но ей было пріятно, что ея ожиданія оправдались. Всѣ гости ушли, и въ комнатѣ остались только хозяйка, Зара и лордъ Криссъ. Онъ продолжалъ стоять около дѣвушки, мечтательно глядя на ея нѣжное, блѣдное лицо и алыя губы. Вдругъ онъ опустилъ руку въ карманъ и вынулъ маленькую записную книжку.

— Я долженъ сейчасъ же воспользоваться моимъ вдохновеніемъ,—сказалъ онъ.—Слова и музыка вотъ здѣсь.

Онъ коснулся пальцемъ лба и подошелъ къ роялю. Сѣвъ на табуретъ, онъ сталъ медленно брать аккорды, звучавшіе очень странно и нѣсколько фальшиво. Дѣвушка быстро поднялась и подошла къ м-ссъ Вандердекенъ, которая усѣлась въ низкое, глубокое кресло и подложила себѣ подъ голову мягкую шолковую подушечку золотистаго цвѣта.

— Тс... помолчи!—сказала она.—Онъ теперь пишетъ музыку. Это по истинѣ изумительно. Онъ совершенно отчаявался, у него не было идеи.

Она взяла дѣвушку за руку и отъ времени до времени смотрѣла ей въ лицо, по мѣрѣ того какъ подвигалась работа композитора. Несмѣлыя и неправильныя сочетанія звуковъ постепенно становились болѣе опредѣленными, слова и музыка сливались въ странную гармонію.

Зара тоже заинтересовалась, и стала вслушиваться въ пѣсню о бѣломъ мотылькѣ, который кружится вокругъ горящей свѣчи, привлеченный губительнымъ для него пламенемъ, какъ чистая душа, которая жаждетъ пламенныхъ поцѣлуевъ, приносящихъ ей смерть. Пламя сжигаетъ и мотылька, и чистую душу.

Проигравъ законченную имъ композицію и прочтя слова пѣсни, лордъ Криссъ обернулся къ своимъ слушательницамъ.

— Это озарило меня какъ молнія сверкающей радугой гармоній! Я увидѣлъ передъ собой нѣчто, состоящее изъ облачно-бѣлой чистоты и гранатно-алой страсти. Я посвящаю мое твореніе вамъ, о, волшебница! Вы будете пѣть эту пѣсню. Спойте

ее теперь же, въ волшебный часъ ея зарожденія, вдали отъ слѣпого и глухого міра, не знающаго, чѣмъ обновить свою тоскливую жизнь.

— Пойди, Зара, — сказала м-ссъ Вандердекенъ, выпуская руку дѣвушки.—Лордъ Криссъ объяснитъ тебѣ свою музыку, и ты исполнишь его романсъ на твоемъ концертѣ.

Дѣвушка нѣсколько неохотно подошла къ роялю.

— Я несовсѣмъ поняла мелодію вашей пѣсни, mein Herr,— сказала она.—А слова, какой ихъ смыслъ?

Онъ передалъ ей записную книжку со словами и музыкой, и пока она вчитывалась въ то, что тамъ было написано, онъ сыгралъ интродукцію.

Ей трудно было сразу пѣть съ нотъ мало понятныя слова, и она попросила позволенія пропѣть музыку безъ словъ, какъ сольфеджіо.

— Нѣтъ, пойте непремѣнно со словами!—воскликнулъ композиторъ.—Они важнѣе всего. Я прочту ихъ вамъ медленно. Въ нихъ очень изысканная образность, я знаю, но технически они не трудны... Повторяйте за мной:

О, бѣлый мотылекъ!
О, чистая душа!

М-ссъ Вандердекенъ тихо поднялась и вышла изъ комнаты. Она обѣдала въ этотъ день въ гостяхъ, въ восемь часовъ, и ей необходимо было прилечь, прежде чѣмъ приступить къ сложному и трудному вечернему туалету.

Лордъ Криссъ и Зара не замѣтили ея исчезновенія; они заняты были судьбой мотылька, охваченнаго безуміемъ.

— Ну, теперь прочтите стихи сами,—попросилъ лордъ Криссъ,—продекламируйте ихъ. У васъ удивительный голосъ. Я бы изъ-за васъ хотѣлъ быть нѣмцемъ, хотя моя душа ненавидитъ Вагнера и его произведенія. Васъ совсѣмъ не нужно учить. Будьте вѣрны себѣ, дитя мое. Пусть міръ узнаетъ, что искусство не нуждается въ учителяхъ, что оно должно быть свободно, что оно совершенно въ своихъ вдохновеніяхъ.

Дѣвушка смотрѣла на него, совершенно не понимая смысла его словъ. Ей казалось, что онъ лишился разсудка. Онъ такъ странно глядѣлъ на нее, такъ странно улыбался. Онъ былъ необычайно красивъ и нравился ей,—но почему онъ такъ непонятно говоритъ? Его музыка противорѣчила всѣмъ установленнымъ правиламъ, но въ ней была какая-то своеобразная красота, привлекавшая Зару. Она нѣсколько разъ повторила за-

труднявшія ее мѣста, потомъ, усвоивъ мелодію и слова, пропѣла всю пѣсню полнымъ голосомъ подъ аккомпаниментъ автора.

— Теперь вѣрно, nicht wahr?—спросила она.—Я спою вашъ романсъ на моемъ концертѣ, какъ говорила м-ссъ Вандердекенъ.

— Я самъ буду вамъ аккомпанировать,—сказалъ лордъ Криссъ, поднимаясь и откидывая голову. Онъ протянулъ обѣ руки дѣвушкѣ, и она дала ему свои. Но когда онъ сдѣлалъ попытку привлечь ее къ себѣ, она воспротивилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, это совершенно лишнее.

— Такъ принято въ нашей сектѣ,—сказалъ онъ.

— Въ какой сектѣ?—спросила она.—Я не знаю ни о какой сектѣ.

— Но вы узнаете,—сказалъ онъ страстно.—Вы должны вступить въ секту. Вы покорили меня, Зара, и потому примкнете къ этой дивной общинѣ, которая стремится къ великимъ цѣлямъ и удивитъ еще міръ въ будущемъ. Почему у васъ такой изумленный видъ, дикое дитя горъ? Я вамъ не причиню зла. Вѣдь вы навѣрное чувствуете то же, что я? Не можетъ быть, чтобы моя душа тщетно призывала вашу!

— Душа?—проговорила она, глядя на его взволнованное лицо.—Я ничего не знаю о душѣ. Меня этому не учили. Я училась только музыкѣ, моему искусству, и люблю во всемъ красоту. А что же такое душа, которую вы призываете?

Лордъ Криссъ замолчалъ на минуту. Онъ почувствовалъ себя въ положеніи охотника, передъ которымъ очутилось дикое и безстрашное лѣсное существо; охотникъ знаетъ, что оно въ его власти, но озадаченъ его полнымъ непониманіемъ опасности своего положенія. Онъ посмотрѣлъ на Зару, машинально приводя въ порядокъ свои спутавшіеся золотистые волосы.

— Что такое душа?—переспросилъ онъ, и снова замолчалъ.—Есть вещи, которыя трудно выразить словами,—и трезвое объясненіе казалось ему грубымъ сравнительно съ неопредѣленной полнотой ощущеній. А къ тому же эта дѣвушка была такая странная; ея большіе дикіе глаза проникали ему въ душу и въ то же время удаляли его отъ себя. Его охватило желаніе понять эту сложную натуру, и кромѣ того красота Зары опьяняла его.

— Хорошо,—сказалъ онъ наконецъ,—я вамъ отвѣчу на вашъ вопросъ. Но только сядемъ. Объясненіе будетъ длинное.

— Я ненавижу сидѣть,—рѣзко сказала она.—Начните объяснять.

— Душа,—началъ онъ,—это обладаніе способностью понимать и цѣнить то, что невѣдомо внѣшнему міру. Мы окружены грубыми, пошлыми, почти циничными трагедіями, разыгрываемыми съ большимъ или меньшимъ эффектомъ. Это называется жизнью. Отдѣляя себя отъ грубой реальности такихъ драмъ, погружаясь въ полусознательный трансъ самобытныхъ художественныхъ ощущеній, мы тѣмъ самымъ удаляемся отъ житейской пошлости и живемъ въ своемъ собственномъ храмѣ,—куда открытъ доступъ только родственной душѣ, которая думаетъ какъ мы, которая раздѣляетъ наши вѣрованія и наши экстазы. Таинственное сродство двухъ душъ соединяетъ духовнымъ бракомъ жизнь видимую съ невидимой. И никто третій не можетъ помѣшать ихъ союзу, никакой глупый человѣческій законъ не можетъ расторгнуть этотъ бракъ. Я становлюсь своимъ собственнымъ закономъ, и душа, съ которой я вступаю въ бракъ, служитъ тому же закону. Чисто личная, но изысканно прекрасная жизнь наполняетъ наши тихіе часы, и самая волшебная изъ тайнъ открывается намъ во внутреннемъ сознаніи. Мы окружаемъ себя ощущеніями и съ презрѣніемъ относимся ко всему реальному. Нѣтъ ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ ощущенія. Мы созерцаемъ себя, и зрѣлище вашего внутренняго міра болѣе увлекательно, чѣмъ „Гедда Габлеръ“. У васъ такой удивленный видъ... Можетъ быть, я слишкомъ неопредѣленно выражаюсь? Можетъ быть, вы никогда не слыхали о Генрикѣ Ибсенѣ?

— Никогда,— отвѣтила дѣвушка.

— Какъ вы оригинальны! Культурность и образованность современныхъ людей—пустыня сравнительно съ нетронутой простотой вашей души. Вы—дикая птица, созданіе лѣсовъ и рѣкъ, безстрашное горное существо. Моя душа взываетъ къ вамъ. Слышите вы ея голосъ?

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтила она.—И вы, mein Herr, всетаки не объяснили мнѣ словами, что такое душа; я слышу только слова, лишенныя всякаго смысла.

— Вы жестоки, волшебное дитя, или, можетъ быть, недостаточное знаніе англійскаго языка ограничиваетъ ваше пониманіе.

— Нельзя ли... говорить попроще, пояснѣе?—замѣтила она.

Онъ слабо улыбнулся.

— Ясная рѣчь неэстетична—какъ уродливая женщина. Я бы никогда не рѣшился прибѣгнуть къ ней,—но повѣрьте, дорогая фрейлейнъ Зара, что придетъ день, когда вы будете чувствовать,

а не спрашивать, и поймете все безъ словъ. Ощущенія и влеченіе—пробный камень вдохновенія—будутъ вашими учителями, и я...

Глубокіе дикіе глаза опять пытливо устремились на него, и на минуту лицо его поблѣднѣло; какая-то невѣдомая сила остановила потокъ его претенціозныхъ рѣчей.

— Я,—пробормоталъ онъ,—буду у вашихъ ногъ, или вы—у моихъ.

II.

Зара Эбергардъ вошла въ спальню м-ссъ Вандердекенъ за нѣсколько минутъ до того, какъ ей доложили, что карета подана.

Камеристка стояла, держа въ рукахъ нарядную sortie de bal, и оправляла складки платья, которое подчеркивало чрезвычайную тонкость фигуры м-ссъ Вандердекенъ. М-ссъ Вандердекенъ никогда не позволяла себѣ казаться старше тридцати лѣтъ по вечерамъ—ни лицомъ, ни фигурой, но она еще не открыла средства придать молодость выраженію глазъ, а поэтому и вечеромъ не казалась моложе, чѣмъ при рѣзкомъ дневномъ освѣщеніи.

Она ласково обернулась къ своей protégée.

— Ты будешь обѣдать у себя въ комнатѣ,—сказала она по-нѣмецки.—Займись музыкой, или почитай что-нибудь. Я вернусь не поздно. Ты подождешь меня?

— Конечно,—отвѣтила дѣвушка.—Время быстро пройдетъ; мнѣ нужно выучить романсъ вашего друга, — я не могу запомнить его имя. Онъ очень странный молодой человѣкъ.

— Что же въ немъ страннаго?—спросила м-ссъ Вандердекенъ, накидывая на свои тонкія плечи мантò изъ кружева и мѣха. Но вѣдь ты до сихъ поръ не встрѣчала мужчинъ, mein Liebling, кромѣ своихъ учителей; а всѣ они—старики. Послѣ концерта ты вступишь въ жизнь, и сможешь лучше судить о мужчинахъ. Мой пріятель занимаетъ очень видное положеніе въ обществѣ. Онъ чрезвычайно талантливъ—прямо на рѣдкость.

— Какъ это вы его зовете?

— Криссп. Его настоящее имя—Христофоръ Камелотъ, но у насъ принято называть другъ друга уменьшительными именами. Ну, а теперь мнѣ пора. Я ненавижу обѣды, потому что нужно являться вò-время. Ну, прощай, дорогая.

Она послала воздушный поцѣлуй Зарѣ и вышла изъ комнаты, окруженная облакомъ кружевъ и душистаго шолковаго газа. Зара промедлила нѣсколько минутъ въ роскошной спальнѣ и съ любопытствомъ оглядѣла ее. Все въ этой комнатѣ казалось

ей чудомъ красоты. Блѣдно- и темно-розовые тона составляли основной цвѣтъ мебели. Пологъ надъ большой постелью, также какъ и покрывало на ней, были изъ шолка и кружева. На туалетѣ сверкали серебряныя и хрустальныя принадлежности, на полу лежали мягкіе бѣлые ковры. Въ каминѣ горѣли дрова, и электрическій свѣтъ нѣжно озарялъ комнату изъ-подъ причудливыхъ блѣдно-розовыхъ абажуровъ. Черезъ раскрытую дверь видна была уборная, гдѣ помѣщались шкафы съ пышными туалетами и роскошной lingerie. Дверцы шкафовъ и ящики шифоньерокъ были раскрыты, и оттуда виднѣлись кружева, дорогіе мѣха и удивительные пеньюары—все, что необходимо для свѣтской женщины, тратящей много тысячъ на свой туалетъ. Зара въ первый разъ въ жизни видѣла такую роскошь. Она недавно пріѣхала въ Лондонъ и жила тамъ очень замкнуто, выходя изъ дому только для ежедневныхъ прогулокъ въ отдаленныхъ частяхъ Гайдъ-Парка или отправляясь къ музыканту-венгерцу, который училъ ее пѣть національныя пѣсни. Роскошь и красота открывавшейся ей теперь новой жизни производили на нее сильное впечатлѣніе.

Вернувшись въ свою комнату, она была еще подъ обаяніемъ всего видѣннаго. Она подошла къ роялю и стала наигрывать мелодію пѣсни лорда Христофора. Какія странныя слова онъ говорилъ, и какъ странны его стихи! „Мотылекъ и душа"—трепещущее насѣкомое, которое бьется крылышками вокругъ манящаго его пламени, и страстная душа, сгорающая отъ напрасной любви,—что это,—аллегорія? Зарѣ приходилось много пѣть о любви и страсти, но душа ея была невинна. Любовь была для нея чѣмъ-то смутнымъ, не-реальнымъ. Можетъ быть, когда-нибудь она все узнаетъ и испытаетъ, но она ждала этого безъ всякаго нетерпѣнія. Она была увѣрена, что дѣйствительность не такъ волшебна, какъ рисуется воображенію.

Лакей принесъ обѣдъ; она машинально съѣла его и принялась изучать новую оперу, отдавшись всей душой музыкѣ. Она рада была провести вечеръ въ одиночествѣ, и немного жалѣла свою покровительницу, которую навѣрное утомитъ длинный парадный обѣдъ и непрерывное стараніе сказать что-нибудь новое и интересное.

Но на этотъ разъ нечего было жалѣть м-ссъ Вандердекенъ. Она наслаждалась сознаніемъ своего сенсаціоннаго открытія. Среди гостей на обѣдѣ она обратила особое вниманіе на очень красивую, блестящую женщину, въ возрастѣ между тридцатью и сорока годами,—настолько живую и остроумную, что ею заинтересовался даже лордъ Христофоръ. Сначала м-ссъ Вандерде-

кенъ приняла ее за иностранку по необыкновенной звучности голоса, не свойственной англичанкамъ. Когда послѣ обѣда дамы перешли въ гостиную, оставивъ мужчинъ за дессертомъ, она подошла къ хозяйкѣ дома, лэди Бодезаръ, и спросила ее, кто эта интересная женщина. Лэди Бодезаръ иногда, по своему легкомыслію, вводила въ ихъ кругъ очень странныхъ людей.

— Вы спрашиваете, кто она?—отвѣтила лэди Бодезаръ.— Ахъ, милая, это цѣлая исторія! Я горю нетерпѣніемъ разсказать вамъ ее. Я вчера зашла купить перчатки, и со мной былъ Омаръ Хаямъ—моя черная собачка. Она усѣлась на стулѣ, съ своимъ очаровательно кроткимъ видомъ, и ждала, пока я кончу свои покупки. Вдругъ я слышу голосъ, который говоритъ: „Ахъ, какая дивная душа у этого существа!“ Я обернулась. Какая-то женщина съ восторгомъ глядѣла на моего любимца. Наши глаза встрѣтились.

— Вы принадлежите къ нашему союзу?—спросила я.—„Да“, —отвѣтила она. Мы сейчасъ же вступили въ разговоръ. Она сказала мнѣ, что у нея есть прелестная ангорская кошка. Я отправилась посмотрѣть на нее. Она хороша, какъ мечта! Моя новая знакомая угостила меня чаемъ, и я пригласила ее сегодня къ обѣду, чтобы познакомить ее со всѣми вами. Вотъ и все.

— Все?—повторила м-ссъ Вандердекенъ.—Да этого болѣе чѣмъ достаточно, милая. Неужели, Адель, вы дѣйствительно пригласили къ обѣду и ввели въ нашъ кругъ женщину, о которой вы ничего не знаете?

— Но, милая Тротти, вѣдь мы всѣ ищемъ новыхъ ощущеній—это одно изъ нашихъ правилъ. А она мнѣ доставила, по истинѣ, новое и пріятное ощущеніе. Она очаровательна. И напрасно вы думаете, что я не знаю, кто она, хотя насъ оффиціально и не представляли другъ другу. Она—тетка Джоржа Морфи.

М-ссъ Вандердекенъ поблѣднѣла,—насколько это позволяли румяна на ея лицѣ.

— Вы съ ума сошли, Адель!—сказала она.—Вы знаете, что я никогда не довѣряла этому молодому человѣку. Я увѣрена, что онъ насъ вышучиваетъ. На нашемъ послѣднемъ собраніи онъ надѣлалъ столько непріятностей своими нелѣпыми вопросами. Да и вообще, совершенно достаточно съ насъ одного ирландскаго сочлена,—напрасно вы вводите къ намъ еще одного.

— Ахъ, милая,—возразила лэди Бодезаръ,—вы сами будете очарованы, когда познакомитесь съ ней. Позвольте представить ее вамъ прежде, чѣмъ придутъ мужчины.

— Хорошо,—со вздохомъ сказала м-ссъ Вандердекенъ,—я поговорю съ ней. Но я совершенно увѣрена, что она не принадлежитъ къ сектѣ. Вы введены въ заблужденіе. Какъ ея фамилія?

— Кажется, О'Бради—или, можетъ, быть О'Конoръ. Во всякомъ случаѣ, она—тетка Джоржа Морфи. Какъ жаль, что онъ сегодня не пришелъ—онъ приглашенъ въ другое мѣсто. Вѣдь все-таки, Тротти, онъ очаровательный представитель своей несчастной родины. Долли безумно влюблена въ него, а что касается Крисса...

М-ссъ Вандердекенъ нетерпѣливо остановила свою пріятельницу.

— Познакомьте меня съ этой женщиной, Адель,—сказала она.—Я вижу, что вы увлеклись ею. Жаль, что наша предсѣдательница уѣхала. Она бы намъ сказала, дѣйствительно ли эта ирландка—нашъ сочленъ. Во всякомъ случаѣ, я все выясню въ разговорѣ съ нею.

Адель Бодезаръ направилась къ группѣ дамъ, смѣявшихся громче, чѣмъ полагалось возвышеннымъ душамъ. Она тоже стала улыбаться, приближаясь къ нимъ: веселость такъ заразительна. Потомъ она коснулась ослѣпительнаго плеча м-ссъ Бради.

— Я хочу познакомить васъ съ одной моей пріятельницей,—сказала она.—Можно увести васъ на минуту?

— Конечно.—М-ссъ Бради поднялась и весело кивнула головой сидѣвшимъ около нея дамамъ. — Я сейчасъ вернусь къ вамъ,—сказала она,—и разскажу еще одну исторію.

Лэди Бодезаръ взяла подъ руку свою новую пріятельницу и увела ее.

— Кто эта дама, съ которой вы хотите меня познакомить?—спросила м-ссъ Бради съ нѣкоторой тревогой.—Она тоже членъ?

Адель кивнула головой.

— Разумѣется; она, кажется, собирается допрашивать васъ.

М-ссъ Бради нагнулась, чтобы поднять упавшій на полъ носовой платокъ, кружево на ея юбкѣ зацѣпилось за блестки пышнаго платья маркизы Бодезаръ.

— Осторожно, милая, вы разорвете вашъ воланъ,—сказала Адель, когда м-ссъ Бради стала отдергивать свое платье.—Это, кажется, старое ирландское кружево?

— Да; оно переходитъ въ нашей семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе,—отвѣтила м-ссъ Бради, забывъ о дублинскомъ магазинѣ, которому еще не уплатила за это кружево.—А какъ зовутъ вашу пріятельницу?—спросила она.

— М-ссъ Вандердекенъ-Тротти. Вѣдь вы слыхали о Тротти?

— Конечно,—поспѣшила отвѣтить м-ссъ Бради.—Она вѣдь очень замѣчательная особа.

— О, да. Она занимаетъ второе мѣсто послѣ предсѣдательницы. Онѣ обѣ и основали секту.

— А есть у нея любимая собачка?—спросила м-ссъ Бради.

— Есть: удивительный молдавскій пудель. Онъ имѣетъ отдѣльную комнату, отдѣльную прислугу—и поразительный гардеробъ. Моя бѣдная собачка не можетъ соперничать съ нимъ. Даже его носовые платочки заказываются въ Парижѣ. А что касается дорожныхъ костюмовъ, то никакой принцъ не имѣетъ болѣе роскошныхъ, чѣмъ „Эльдорадо“.

Онѣ подошли къ низкому дивану, на которомъ полулежала м-ссъ Вандердекенъ, прислонивъ къ мягкимъ шолковымъ подушкамъ свою великолѣпно-убранную голову. Лицо ея казалось очень свѣжимъ, благодаря нѣжности искусственнаго румянца и тщательно разглаженной массажемъ кожѣ; но тѣмъ болѣе выдѣлялось на этомъ фонѣ старое выраженіе глазъ, когда она пристально взглянула въ улыбающіеся, вызывающіе голубые глаза ирландки. Она томно протянула руку, которую м-ссъ Бради пожала съ большой сердечностью.

— Я такъ счастлива, такъ польщена,—проговорила она.

М-ссъ Вандердекенъ указала ей мѣсто около себя на диванѣ.

— Вы принадлежите къ нашему союзу?—спросила она.

— Да, всѣмъ сердцемъ и всей душой, — прошептала м-ссъ Бради.—Какая удивительная идея, и какъ она выполнена!

— Да, я горжусь удачей нашего предпріятія, — отвѣтила м-ссъ Вандердекенъ. — Его не легко было осуществить. Нужно было придумать, какимъ образомъ посвященные могли бы всегда узнать другъ друга, при какихъ бы обстоятельствахъ и гдѣ бы они ни встрѣтились. Кстати,—съ кѣмъ вы состоите въ духовномъ союзѣ?

— Въ духовномъ союзѣ?—переспросила упавшимъ голосомъ м-ссъ Бради. — Вы, надѣюсь, не осудите меня, если я признаюсь...

Она скромно опустила глаза.

— Что вы нашли родственную душу въ мужчинѣ? Ничуть. Вы говорите, конечно, о Жоржѣ? Я такъ и подумала, когда узнала, что вы—его тетка.

— Да, о Жоржѣ, — сказала м-ссъ Бради. — Какъ онъ талантливъ! Его послѣдняя рѣчь въ этомъ ужасномъ процессѣ произвела сенсацію.

М-ссъ Вандердекенъ оживилась, услышавъ свое любимое слово.

— Да, онъ теперь очень на виду,—сказала она.—Надѣюсь только, что успѣхъ не испортитъ его. Но зачѣмъ онъ живетъ въ Тэмплѣ и такъ обременяетъ себя работой? Онъ, кажется, готовится къ парламентской карьерѣ? Надѣюсь, что онъ откажется отъ этой мысли. Вы должны употребить свое вліяніе на него.

— Я, конечно, постараюсь отговорить его,—сказала м-ссъ Бради.—Я имѣю нѣкоторое вліяніе на Жоржа.

— Жаль, что вы не привели его сегодня съ собой,—сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Но вы, вѣроятно, не живете въ Тэмплѣ?

— Нѣтъ, я наняла квартиру въ Моунтъ-Стритѣ. Мое ирландское помѣстье, увы, въ очень плохомъ положеніи. Вы едва ли представляете себѣ, до чего теперь разорены всѣ земельные собственники въ Ирландіи!

— Адель, навѣрное, выручитъ васъ,—сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Она замѣчательно умѣетъ устроивать базары и сборы для нуждающихся.

М-ссъ Бради покраснѣла до корней своихъ черныхъ волосъ.

— Что вы? Я вовсе не въ такой крайности,—сказала она.

— А я полагала... Адель мнѣ намекала... но вѣдь вы знаете, какъ она увлекается и все преувеличиваетъ. Она вдругъ привязывается къ людямъ и не чаетъ въ нихъ души, а черезъ недѣлю забываетъ о нихъ и переноситъ свои симпатіи на другихъ. У меня совсѣмъ другой характеръ. Я очень постоянна. Любовь для меня важнѣе всего на свѣтѣ!

— Какъ счастливъ долженъ быть вашъ мужъ,—сказала умиленнымъ голосомъ м-ссъ Бради.

— Мой мужъ?

Если бы она сказала: „мой лакей“, то не могла бы выговорить это слово болѣе презрительно.

— У меня нѣтъ мужа. Онъ умеръ три года тому назадъ. Мнѣ казалось, что всѣ это знаютъ.

— Ахъ, да, простите, я и забыла. Я спутала васъ съ Аделью.

— Съ Аделью?—М-ссъ Вандердекенъ приподнялась съ кушетки, и ея усталые глаза сверкнули.—Да вѣдь она развелась со своимъ мужемъ!

Въ эту минуту открылась дверь и вошли мужчины.

„Слава Богу!—подумала м-ссъ Бради.—Они меня спасутъ“.

III.

Мужчины, во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, вошли въ залу, слегка возбужденные отъ выпитаго вина и развеселенные пикантными анекдотами, разсказанными за дессертомъ. Лордъ Криссъ направился къ Адель, а вошедшій рядомъ съ нимъ высокій, красивый человѣкъ сѣлъ рядомъ съ м-ссъ Вандердекенъ. За обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ м-ссъ Бради, и она показалась ему интересной.

— Хотѣлъ бы я знать, о чемъ женщины говорятъ послѣ обѣда,—сказалъ онъ.

— Мы хотѣли бы это знать и относительно васъ,—быстро возразила м-ссъ Бради. — Признаніе за признаніе, м-ръ Варендеръ. Если вы намъ скажете, о чемъ вы, мужчины, бесѣдуете за виномъ, я открою вамъ содержаніе нашихъ разговоровъ за чашками кофе.

Базиль Варендеръ слабо улыбнулся.

— Кто бы изъ насъ посмѣлъ?

— Это очень характерно для вашихъ разговоровъ. Я бы не боялась разсказать про насъ.

— Я бы тоже не боялся,—отвѣтилъ онъ,—если бы у насъ съ вами были одинаковые взгляды.

— А можетъ быть оно и такъ, — сказала м-ссъ Бради. — Чувствовать себя достойной откровенности очень пріятно.

Онъ быстро взглянулъ на нее.

— Это что же, вызовъ? Тротти, вы слышите, что говоритъ эта предательница? Неужели женщины говорятъ о такихъ невинныхъ предметахъ? Вы не боитесь выдать себя?

М-ссъ Вандердекенъ томно обмахивалась большимъ вѣеромъ изъ перьевъ.

— Вы требуете, чтобы я отвѣтила за другихъ или за себя?

— Конечно, за другихъ. Развѣ можно просить женщину, чтобы она сказала правду о самой себѣ.

— Мы обыкновенно бесѣдуемъ объ искусствѣ въ связи съ новыми модами, или ругаемъ мужей за ихъ мелочность.

— Но если у васъ нѣтъ мужей?

— То мы радуемся своей свободѣ, возможности дѣлать все, что вздумается, и тратить—сколько хочется.

— Это звучитъ слишкомъ невинно для того, чтобъ быть правдой,—сказалъ Базиль Варендеръ. Онъ былъ знаменитый художникъ, и за нимъ очень ухаживали свѣтскія дамы, желавшія,

чтобы потомство восторгалось ими. — Но вы правы, — продолжалъ онъ:—пріятно, должно быть, не стѣсняться въ расходахъ и не бояться разсчетныхъ дней. Сроки платежей страшны только для художниковъ и ирландскихъ помѣщиковъ—не правда ли, м-ссъ Бради?

— Что касается послѣднихъ, — простодушно созналась ирландка,—то это совершенная правда. И вѣдь намъ приходится имѣть въ виду не только своихъ кредиторовъ, м-ръ Варендеръ, но и арендаторовъ, которые могутъ платить, но не хотятъ, а также бѣдняковъ, которые хотѣли бы заплатить, да не могутъ.

— Я люблю ирландцевъ,—сказалъ Варендеръ.—Они такъ очаровательны своей непослѣдовательностью. Поэтому они, вѣроятно, такъ часто бываютъ хорошими адвокатами.

— Да и англичане тоже склонны рѣшать каждый вопросъ на-двое—сказала м-ссъ Бради,—и дѣлать тѣ выводы, которые имъ наиболѣе удобны.

— Вы дѣлаете намъ большой комплиментъ,—сказалъ онъ.— Но мнѣ хотѣлось бы узнать конецъ исторіи, которую вы начали мнѣ разсказывать за столомъ. Послушайте и вы, Тротти, вамъ это будетъ особенно интересно. Вотъ у васъ есть знаменитая собачка, а героиня м-ссъ Бради избрала своимъ любимцемъ поросенка, будто бы поразительно умнаго.

— Поросенка?—съ удивленіемъ спросила м-ссъ Вандердекенъ.

— Да, у старой лэди Деланэ былъ любимый поросенокъ,— отвѣтила м-ссъ Бради. — Она взяла его къ себѣ, какъ только онъ родился, и онъ оказался удивительно смышлёнымъ, благовоспитаннымъ и очень разборчивымъ въ ѣдѣ. Ему отведена была особая комната, онъ спалъ на мягкой, нарядной постели, съ полотняными простынями, подъ шолковымъ одѣяломъ и на подушкахъ, которымъ могъ бы позавидовать не одинъ человѣкъ. Всѣ приходили любоваться имъ, когда онъ спалъ, положивъ голову на бѣлоснѣжную наволочку, обшитую кружевами. Его отправляли два раза въ день гулять по парку въ сопровожденіи ливрейнаго лакея. Это былъ очень аристократическій поросенокъ; онъ зналъ всѣхъ членовъ семьи и ложился спать въ опредѣленное время; лэди Деланэ сама обмывала ему мордочку на ночь, укладывала его въ постель, прощалась съ нимъ, и онъ спокойно лежалъ, пока она утромъ не будила его. Но когда онъ выросъ, то очень облѣнился, и его трудно было заставить ходить гулять.

— А что сталось потомъ съ этимъ интереснымъ животнымъ?—спросилъ Базиль Варендеръ.

— Насколько я помню, кто-то имѣлъ жестокость донести о затѣѣ лэди Деланэ обществу покровительства животнымъ, и оно потребовало, чтобы поросенка вернули къ тому, что они называютъ „естественными условіями его жизни".

— Бѣдное животное!—воскликнула м-ссъ Вандердекенъ.— Я бы ни за что не разсталась съ нимъ. Такого рода привязанности не могутъ сообразоваться ни съ какими законами. Подумайте, какъ бы я возмутилась, еслибы какой-нибудь дерзкій представитель закона пришелъ ко мнѣ справляться объ Эльдорадо.

— Эльдорадо вѣдь будетъ поменьше поросенка, — замѣтилъ Базиль Варендеръ.

— Ахъ, я слышала, что это очаровательное животное! — воскликнула м-ссъ Бради:—самый прелестный изъ всѣхъ пуделей на свѣтѣ. Вы, кажется, устроиваете дневные пріемы для него во время сезона, м-ссъ Вандердекенъ?

— Да; два очень торжественныхъ пріема въ годъ,—сказала м-ссъ Вандердекенъ съ воодушевленіемъ. — О нихъ бываютъ отчеты въ газетахъ. Ко мнѣ приходятъ въ эти дни всѣ члены „Кеннель-Клуба". Но меня очень заинтересовала ваша исторія, м-ссъ Бради. Какъ странно избрать своимъ любимцемъ поросенка!

— Въ Ирландіи это не кажется страннымъ,—замѣтилъ Базиль Варендеръ.—Тамъ эти животныя поразительно умны и очень цѣнятся.

— Вотъ какъ!—проговорила м-ссъ Вандердекенъ.—Значитъ, мы просто не привыкли къ этому, т.-е. не привыкли видѣть поросятъ у себя въ комнатахъ, а потому и удивляемся. Я вѣдь никогда не была въ Ирландіи,—такъ что ужъ вы меня простите.

Она поднялась.

— Я должна переговорить съ Криссй о нашемъ вечерѣ для бѣдныхъ уличныхъ торговцевъ, — объяснила она. — Мы хотимъ устроить вечеръ въ ихъ пользу на Рождествѣ. Можетъ быть, и вы примете участіе, м-ссъ Бради?

— Съ наслажденіемъ, — отвѣтила ирландка, хотя въ сущности не знала, въ чемъ могло бы выразиться ея участіе.

„Значитъ, они занимаются тоже благотворительностью,—подумала она,—а не только заботами о нелѣпыхъ и дорогихъ собачкахъ".

Базиль Варендеръ откинулся въ креслѣ и посмотрѣлъ на нее смѣющимися глазами.

— Все это нѣсколько ново для васъ, я полагаю,—сказалъ

онъ.—Я, кажется, не встрѣчалъ васъ до сихъ поръ на этихъ собраніяхъ.

— Можетъ быть, вы не на всѣхъ бываете,—отвѣтила она, не желая выдать себя.

— Это правда; а знаете ли, я уже нѣсколько минутъ думаю о томъ, могу ли я предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Вы, кажется, любите предлагать вопросы,—значитъ, любопытство свойственно не однимъ только ирландцамъ.

— Вы такъ умѣете заинтересовывать собой. Я хотѣлъ бы узнать, что вы думаете о сродствѣ душъ... Оно играетъ большую роль въ организаціи vie intime.

— Я полагаю, что это—вопросъ времени и естественнаго подбора.

— По-моему, скорѣе—неестественнаго.

Онъ сказалъ это какимъ-то особеннымъ тономъ, и она удивленно взглянула ему въ лицо, но ничего не смогла прочесть на немъ.

— Встрѣча съ вами въ этомъ обществѣ даетъ право говорить откровенно, не обижая васъ этимъ, — продолжалъ онъ.— Вѣдь вы здѣсь только зрительница,—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Что касается сродства душъ, то я надѣюсь, что ваши привязанности будутъ болѣе разумны, чѣмъ у большинства этихъ женщинъ. Онѣ такъ увлечены своей страстью къ необычайному, что доходятъ до положительнаго уродства. Не могу себѣ представить, чѣмъ это все кончится.

М-ссъ Бради такъ покраснѣла, когда онъ это сказалъ, что ея собесѣдникъ нѣсколько удивился.

— Надѣюсь, вы не обидѣлись?—спросилъ онъ.

— Ничуть, ничуть!—быстро сказала она. — Но почему вы осуждаете другихъ, хотя сами ведете такую же жизнь, какъ они?

— Почему?.. Потому что и я только зритель. Они ухаживаютъ за мной, какъ за ихъ излюбленнымъ портретистомъ; мои портреты льстятъ ихъ тщеславію, хотя, съ чисто художественной точки зрѣнія, они неинтересны.

— Такіе портреты хорошо оплачиваются, я полагаю.

— Очень хорошо. А такъ какъ жизнь намъ навязывается безъ нашего согласія, то мы должны вознаграждать себя, какъ умѣемъ.

— И вознагражденіе, кажется, не дурное, — сказала она, медленно обводя взоромъ группу дамъ, собравшихся вокругъ Адель Бодезаръ.

— Да. Я имѣю возможность нанимать мастерскую въ Лонъ-

Стритѣ, и располагать всѣми удобствами жизни. За это я пишу портреты. Они не имѣютъ художественной цѣнности, но даютъ мнѣ возможность очень хорошо обѣдать.

— А вы—не членъ ихъ секты?—спросила она съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Нѣтъ, и если меня не обманываетъ мое психологическое чутье,—и вы не принадлежите къ ней.

— Но они васъ считаютъ своимъ сочленомъ?—спросила она, избѣгая прямого отвѣта на его вопросъ.

— Конечно, и они думаютъ, что я только жду появленія кого-нибудь, съ кѣмъ я вступлю въ „интимный союзъ", выражаясь на ихъ языкѣ. Это слово, кстати сказать, очень растяжимо. Но я не думаю, что это когда-нибудь случится, и даже не особенно желаю этого.

— Но вѣдь они занимаются не только пустяками? У нихъ есть, кажется, и серьезныя задачи?

— О, да, они увлекаются благотворительностью. Но больше всего имъ хочется быть оригинальными. Они вѣчно толкуютъ о красотѣ и искусствѣ, хотя ничего въ этомъ не смыслятъ. Вотъ, напримѣръ, лордъ Криссъ: его считаютъ геніальнымъ музыкантомъ, но, Боже, что это за музыка и что за стихи! А вотъ еще одна знаменитость,—Тони Шевени, который написалъ книгу, вдохновившись скандальнымъ процессомъ, и выпустилъ теперь второе изданіе въ ста экземплярахъ. Это совсѣмъ свихнувшійся юноша. Его родители имѣютъ прекрасную виллу за-городомъ; туда гости пріѣзжаютъ по субботамъ и остаются до понедѣльника. Я тоже разъ былъ у нихъ. Тони явился къ обѣду, на которомъ присутствовало человѣкъ двадцать, въ женскомъ бальномъ платьѣ. И никто не возмутился. Они всѣ заняты только потворствомъ своимъ капризамъ, и не признаютъ законовъ совѣсти — и даже простого приличія. Все прощается во имя сенсаціонности и новизны ощущеній.

— О, да, я это знаю. Въ этомъ—основа ихъ ученія. Для нихъ ощущенія гораздо важнѣе поступковъ.

— Мы, кажется, будемъ ладить съ вами,—сказалъ Базиль Варендеръ, улыбаясь.—Но такъ какъ вы пустились плавать по этимъ темнымъ водамъ, то позвольте напомнить вамъ, что въ нихъ есть опасныя теченія и мели, и что можно потерпѣть крушеніе.

Онъ всталъ, и она послѣдовала его примѣру. Ей становилось не по себѣ въ этомъ странномъ мірѣ, куда ее завелъ случай, и хотѣлось поскорѣе уѣхать домой.

Группа, обсуждавшая благотворительный вечеръ съ большимъ оживленіемъ, распалась при ея приближеніи. Къ ней подошелъ лордъ Криссъ.

— Вы вѣдь согласны читать на вечерѣ?—спросилъ онъ.— Тротти сказала, что вы обѣщали. Я собираюсь написать разсказъ изъ жизни уличныхъ торговцевъ—болѣе трагичный и болѣе правдивый, чѣмъ все, что было написано до сихъ поръ.

— Но вѣдь вы навѣрное понятія не имѣете объ ихъ жизни! —воскликнула м-ссъ Бради.

— Я погружусь въ глубины народной жизни для наблюденій,—отвѣтилъ онъ.—Истинный художникъ всегда готовъ приносить жертвы. Вы улыбаетесь, Базиль? Но вѣдь и вы, достигшій славы, которая прельщаетъ пошлую толпу,—и вы приносили жертвы.

— Да, но не такія, о какихъ вы говорите, Крисси.

Лордъ Криссъ поглядѣлъ на него съ тихой грустью. Онъ былъ въ нѣжномъ поэтическомъ настроеніи, навѣянномъ музыкой „Мотылька и души“.

— Какъ люди насъ не понимаютъ!—сказалъ онъ.—Я иногда страстно жажду жертвы, и хотѣлъ бы найти алтарь для самопожертвованія.

— Въ такомъ случаѣ,—холодно сказалъ Варендеръ,—я бы на вашемъ мѣстѣ, дѣйствительно, отправился въ бѣдные кварталы. Тамъ вы найдете алтарь.

— И сможете насытиться самопожертвованіемъ,—прибавила м-ссъ Бради.

— Кто хочетъ насытиться?—спросила Адель, быстро оборачиваясь къ говорящимъ. — Вы голодны, Крисси? Съѣшьте поджаренныя телячьи ножки передъ уходомъ; я велѣла подать ихъ въ столовую. Хотите, мы всѣ закусимъ вмѣстѣ съ вами.

— Что касается меня, Адель, то я благодарю, — сказала усталымъ голосомъ м-ссъ Вандердекенъ. — Я всегда выпиваю чашку бульона передъ сномъ, и не могу заснуть всю ночь, если съѣмъ что-нибудь другое.

— А я пойду смотрѣть, какъ поднимается заря надъ Уайтчэпелемъ,—сказалъ лордъ Криссъ. — Едва ли поджаренныя телячьи ножки приведутъ меня въ подходящее для этого настроеніе.

— Съѣшьте лучше простой бифштексъ и выпейте стаканъ пива для разнообразія, Крисси,—предложилъ ему Базиль Варендеръ. — Это гораздо питательнѣе. Кстати, когда этотъ вечеръ долженъ состояться?

— Въ сочельникъ,—сказала лэди Бодезаръ.—Запишите это

себѣ на память, Базиль. У васъ удивительная способность все забывать. Я три раза назначала часъ, когда приду къ вамъ въ мастерскую, и васъ каждый разъ не было тамъ, или вы были чѣмъ-нибудь заняты.

— Простите, вы каждый разъ являлись не въ назначенный день.

— Неужели? Ахъ, вы не знаете, сколько времени отнимаютъ массажистка, manicure и pedicure, портные и все, что нужно дѣлать и видѣть; не успѣваешь управиться въ теченіе всего дня.

— Почему бы не превратить два дня въ одинъ и спать только разъ въ два дня?—предложилъ лордъ Криссъ.

— Со мной это случалось,—сказала м-ссъ Бради,—но это было въ Ирландіи, за игрой въ карты. Мы начинали съ вечера, и продолжали играть цѣлый день и слѣдующую ночь, вообразивъ, что это одинъ и тотъ же вечеръ. Только такъ и пріятно играть.

— Теперь я понимаю, почему ирландскимъ помѣщикамъ приходится уѣзжать иногда въ Англію, — замѣтилъ Базиль Варендеръ.

IV.

— Милая тетя, что васъ привело ко мнѣ въ такой ранній часъ? Вы завтракали?

— А почему ты, Жоржъ, не явился ко мнѣ вчера вечеромъ, несмотря на мою телеграмму?—Нѣтъ, я не завтракала; я только выпила чашку чая. Ахъ, ты, лѣнтяй! Теперь десять часовъ, а ты только-что всталъ. Какъ же ты справляешься съ своей работой?

— Приблизительно такъ, какъ вы справляетесь съ жизнью, тетя,—я полагаюсь на свое счастье и на милость Господню. Но что васъ привело ко мнѣ? Не пытайтесь сдѣлать у меня заемъ, потому что у меня нѣтъ ни гроша, и я не знаю, придется ли мнѣ сегодня обѣдать.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупо, Жоржъ. Кажется, тебѣ нечего безпокоиться объ обѣдѣ. Весь свѣтъ теперь у твоихъ ногъ, а ты живешь затворникомъ. Почему ты такъ непрактиченъ? Почему ты не пришелъ вчера къ лэди Бодезаръ? Она такая очаровательная женщина и такая хорошенькая. Всѣ ея гости справлялись о тебѣ.

— А позвольте мнѣ спросить васъ, тетя Перенна, какъ это вы попали къ лэди Бодезаръ?

— Мы случайно познакомились въ перчаточномъ магазинѣ. Я ей, кажется, понравилась, и она пригласила меня къ обѣду. Я встрѣтила тамъ очень фешенебельное общество, Жоржъ, и мнѣ было досадно, что ты не пріѣхалъ. Адель Бодезаръ такъ просила меня привезти тебя съ собой, а другая дама—ее зовутъ, кажется, Долли Лодердаль—была очень разстроена твоимъ отсутствіемъ.

— Я именно изъ-за нея не поѣхалъ. Я ее терпѣть не могу.

М-ссъ Бради широко раскрыла глаза.

— Какъ это глупо! Она красива, богата и могла бы во многомъ оказать тебѣ поддержку.

— Отъ такой поддержки избави меня Господь! Я вообще не люблю пользоваться протекціей женщинъ, — холодно сказалъ молодой адвокатъ.—Но позвольте предложить вамъ чашку кофе; эти поджаренныя почки тоже, кажется, недурны. А теперь скажите мнѣ, какъ вы попали въ Лондонъ въ такое время года?

— Ты хочешь, чтобы я тебѣ сказала правду, Жоржъ?

— Конечно; мы всегда откровенны другъ съ другомъ.

— Я пріѣхала изъ-за тебя. Ты не писалъ, я стала безпокоиться. До меня дошли слухи, которые меня тревожили. Да, кромѣ того, я часто собиралась побывать въ Лондонѣ въ осенній сезонъ,—продолжала она; — говорятъ, что онъ болѣе интересенъ, чѣмъ главный лѣтній сезонъ, а расходовъ вчетверо меньше. Я знала, что на іюнь и іюль не попаду въ этомъ году, и случайно узнала о дешево сдающейся меблированной квартирѣ на два мѣсяца; я ее наняла и пріѣхала.

— Но какъ же это вы попали къ лэди Бодезаръ? Неужели она не знала ничего о васъ до знакомства у перчаточника?

— Ничего. Я сама завязала знакомство,—то-есть, собственно, насъ познакомила ея собачка, а потомъ мы разговорились. Она принадлежитъ къ какому-то странному тайному обществу, и вообразила себѣ, что я тоже состою тамъ членомъ. Такъ началось наше знакомство. Вчера вечеромъ я встрѣтила у нея даму, которая, кажется, нѣчто въ родѣ верховной жрицы у нихъ—м-ссъ Вандердекенъ. Она сказала мнѣ, что знакома съ тобой. Да и всѣ они встрѣтили меня съ раскрытыми объятіями, когда узнали, что ты—мой племянникъ.

— Вы знаете что-нибудь о прошломъ лэди Бодезаръ?

— Нѣтъ. Я думала, что у нея есть мужъ. Вообще, я попалась относительно мужей. Оказалось, что м-ссъ Вандердекенъ—вдова, а Адель Бодезаръ—въ разводѣ со своимъ мужемъ.

— Да, она настояла на разводѣ. Это былъ очень скандаль-

ный процессъ, который разбирался при закрытыхъ дверяхъ. До его окончанія мужъ лэди Бодезаръ умеръ. Это спасло ея репутацію и ея состояніе, но, кажется, отразилось на ней самымъ пагубнымъ образомъ. Она стала теперь самой эксцентричной женщиной въ Лондонѣ.

— Она очень красива и, кажется, очень добра.

— Какъ бы она удивилась, что ей приписываютъ такую буржуазную добродѣтель! Весь ихъ кругъ хочетъ казаться необычайно порочнымъ.

— Но вѣдь они на самомъ дѣлѣ лучше, чѣмъ кажутся.

— Это дѣйствительно ихъ нѣсколько оправдываетъ; но они хотѣли бы, чтобы это не было извѣстно.

— Разскажи мнѣ еще что-нибудь о нихъ. Кто этотъ лордъ Крисси и молодой поэтъ, Тони Шевени, съ лицомъ молодой дѣвушки? Ты слыхалъ, что онъ явился на парадный обѣдъ въ дамскомъ туалетѣ? Мнѣ объ этомъ разсказывалъ м-ръ Варендеръ. Неужели это правда, Жоржъ? Неужели они способны на такія выходки?

— Они способны еще на гораздо большее легкомысліе,— отвѣтилъ онъ.—Поэтому, можетъ быть, нечего удивляться, что они всѣ почувствовали симпатію къ вамъ, тетя Перенна.

— Ты не особенно любезенъ, Жоржъ, и въ виду дружбы, которую я всегда выказывала тебѣ...

— Знаю, тетя, знаю. Не считайте меня неблагодарнымъ. Я хочу только предостеречь васъ. Вы сразу окунулись въ жизнь общества, о которомъ вы ничего не знаете. Конечно, въ этомъ сказалось ваше обычное легкомысліе. Но вопросъ въ томъ, куда это васъ влечетъ. Дѣло не только въ матеріальныхъ средствахъ, въ возможности тратить деньги безъ счета на эксцентричныя моды и капризы, но, говоря откровенно, — и въ нравственной распущенности всѣхъ этихъ господъ.

Она весело разсмѣялась.

— Неужели ты думаешь, милый другъ, что я прожила на свѣтѣ вотъ уже около сорока лѣтъ, совершенно не зная жизни? Нѣтъ, Жоржъ, меня не пугаетъ распущенность этихъ людей. А что касается расточительности, то она у насъ въ крови, и нужно только получить возможность не отставать отъ другихъ. Весь этотъ кругъ гонится за новизной и за всѣмъ сенсаціоннымъ, и повѣрь, что я способна на разныя выдумки не хуже ихъ. Но...

— Все дѣло въ этомъ „но“,—сказалъ Жоржъ, вставая изъ-за стола.—Въ наше время ничего нельзя добиться безъ денегъ.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами.—Чѣмъ

можно быть, что можно предпринять, не имѣя достаточно средствъ? Вы думаете, что мнѣ пріятно вращаться среди этихъ безсмысленныхъ, пустыхъ людей? Я попалъ въ ихъ компанію черезъ лорда Христофора Камелота. Онъ восхищался моими, по его словамъ, блестящими способностями, и обѣщалъ мнѣ свою протекцію. Вы знаете, что меня привлекала парламентская дѣятельность,—и мнѣ казалось, что все, къ чему я стремился, достижимо. Но для медленной и упорной работы, для долгаго выжиданія, я не созданъ. Мнѣ хотѣлось быстро добиться успѣха, и я пользовался всѣми средствами, какими могъ располагать. Я—пользовался помощью лорда Крисса, и очень многимъ ему обязанъ. А онъ вовсе не особенно пріятный кредиторъ. Ахъ, Господи, какое истинное проклятіе деньги! Подумайте—я работаю какъ волъ, и затѣмъ еще долженъ дрожать надъ каждымъ золотымъ. У меня хорошее положеніе въ обществѣ,—и я не имѣю средствъ поддержать его. Вотъ въ чемъ мое несчастіе.

— И мое тоже, Жоржъ!—горестно воскликнула м-ссъ Бради.

— Я знаю, а потому и сожалѣю о томъ, что вы попали въ этотъ кругъ. Будьте увѣрены, что этимъ людямъ что-нибудь нужно отъ васъ, иначе они бы никогда не звали васъ къ себѣ. Скажите, лэди Бодезаръ очень любезна?

— Чрезвычайно. Она вчера всячески за мной ухаживала, а сегодня утромъ я опять получила приглашеніе пріѣхать къ ней къ lunch'у. Они устроиваютъ какой-то благотворительный вечеръ, и хотятъ меня привлечь. Я никогда въ жизни не читала съ эстрады, но вѣроятно съумѣю прочесть не хуже другихъ. Они, кажется, дѣлаютъ много добра, Жоржъ?

— Да, они прикрываютъ благотворительностью разные свои грѣхи,—отвѣтилъ онъ.—И вы увидите, какъ они рекламируютъ себя. Ну, да что объ этомъ говорить! Вы не дурочка, тетя Перенна, и меня тоже не легко провести. Будемъ же бороться, какъ съумѣемъ, съ этими притворщицами. Что касается „нерва войны"...

— Я полагала, что ты теперь много зарабатываешь, Жоржъ?

— Ахъ, тетя, на адвокатскіе доходы можно купить корку хлѣба уже тогда, когда не останется зубовъ, чтобы грызть ее.. Иногда я жалѣю, что избралъ свободную профессію. Въ наше время можно сдѣлать карьеру только финансовой дѣятельностью. Теперь все подчинено власти денегъ. Деньги въ большей силѣ, чѣмъ талантъ и умъ. Ничего нельзя достигнуть, не имѣя состоянія, и ничѣмъ нельзя бороться противъ всемогущества богатства. Мои жалкія сотни фунтовъ или даже ваши тысячи—

ничто съ точки зрѣнія милліонера. Вамъ приходится жить весь годъ въ Ирландіи, чтобы имѣть возможность провести осенній сезонъ въ Лондонѣ. А я—не могу даже сдѣлать себѣ два вечернихъ костюма въ годъ.

— Это очень печально, я знаю,—сказала со вздохомъ м-ссъ Бради. — Но вѣдь держались же мы кое-какъ до сихъ поръ, Жоржъ; авось и теперь устоимъ. Вѣдь ты можешь найти себѣ богатую невѣсту.

— Нѣтъ, тетя,—прервалъ онъ ее,—такъ низко я еще не палъ. Я не продавалъ своей совѣсти и не собираюсь продавать себя. Я, конечно, очень легкомысленъ — это черта у меня наслѣдственная,—но на гадость я не способенъ, чье бы благополучіе отъ этого ни зависѣло.

— Твое благородство дѣлаетъ тебѣ честь, Жоржъ, и я очень горжусь тобой. Но все-таки высокія чувства не помогутъ тебѣ въ твоемъ теперешнемъ положеніи. А съ финансовой стороны оно, кажется, весьма плохое.

— Да, хуже не бываетъ,—сказалъ онъ со смѣхомъ.—Но вѣдь это вѣрный знакъ близкой перемѣны къ лучшему,—весело прибавилъ онъ, видя, что у м-ссъ Бради на глазахъ слезы.— Не тужите же, милая тетя. Вы хотите попытать счастья въ этомъ кругу:—я помогу вамъ, насколько смогу. Было бы забавно, еслибы мы одурачили всѣхъ этихъ людей и потомъ объяснили, зачѣмъ это сдѣлали.

— Но не нужно наживать себѣ враговъ, Жоржъ,—возразила м-ссъ Бради.—Мы не можемъ позволить себѣ такой роскоши. Ты говорилъ о силѣ денегъ. Но кромѣ того есть еще сила общественнаго положенія. Передъ нею чувствуешь особенно свою безпомощность.

— Куда дѣвалась ваша ирландская стойкость, тетя? Трудность борьбы должна дѣйствовать возбуждающимъ образомъ.

— Да я ничего не боюсь. Мнѣ почти нечего терять. Но ты, Жоржъ?..

— А я еще меньшимъ рискую, чѣмъ вы.

V.

М-ссъ Вандердекенъ сняла свой вечерній туалетъ и надѣла шолковый капотъ, отороченный бѣлымъ мѣхомъ. Она легла передъ каминомъ на низкой кушеткѣ и отпивала меленькими глотками бульонъ изъ тонкой фарфоровой чашки. Рядомъ съ ней, на ни-

зенькой табуреткѣ сидѣла у камина Зара Эбергардъ. На ней былъ широкій красный капотъ, такого цвѣта, какъ ея алыя губы, и распущенные черные волосы покрывали ее какъ мантія. Она сидѣла, опершись щекой на руку, и съ выраженіемъ досады въ большихъ темныхъ глазахъ смотрѣла на горящія дрова. М-ссъ Вандердекенъ читала ей наставленія, а она этого не любила. У нея была сильная, свободолюбивая душа, а въ словахъ м-ссъ Вандердекенъ ей слышалась угроза ея независимости; она чувствовала, что на нее хотятъ наложить какія-то цѣпи, поработить ее.

— Вы мнѣ говорили, что мой голосъ прославитъ меня,— сказала она, — что я могу зарабатывать много денегъ и жить самостоятельно. Почему же вы не позволяете мнѣ переговорить съ этимъ импрессаріо?

— Нѣтъ, милая, — сладкимъ голосомъ возразила ей м-ссъ Вандердекенъ, — тебѣ нѣтъ никакой надобности вести съ нимъ переговоры. Я не могу *отдать* тебя свѣту — или, во всякомъ случаѣ, пока еще не уступлю тебя. Я хочу только показать тебя, чтобы возбудить общее любопытство.

— Но вѣдь я пріѣхала сюда, въ этотъ огромный, туманный городъ, чтобы выступать передъ публикой. Иначе я бы ни за что не перемѣнила вольную жизнь въ лѣсахъ и горахъ на все, что можетъ дать городская жизнь.

— Ты такъ говоришь, потому что въ своей очаровательной простотѣ совершенно не знаешь жизни. Въ этомъ большомъ мрачномъ городѣ спрятанъ, какъ въ шкатулкѣ, драгоцѣнный, дивный алмазъ. Никто не владѣетъ этимъ сокровищемъ, также какъ короли или королевы этой страны не владѣютъ неограниченно королевской короной. Но всѣ знаютъ о существованіи сокровища, видятъ лучи, исходящіе отъ него. Наша корона— наслажденіе, и невзрачность шкатулки усиливаетъ красоту и блескъ заключеннаго въ ней сокровища.

— Ахъ, Господи! опять непонятныя слова!—Дѣвушка нетерпѣливымъ жестомъ откинула свои тяжелые волосы.—Почему вы всѣ такъ странно говорите? Ich kann nicht verstehen.

— Ты когда-нибудь поймешь,—томно сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Не торопись жить, Зара. Молодость и красота быстро проходятъ;—не успѣешь оглянуться, какъ ихъ не станетъ. Блескъ твоихъ волосъ, яркость твоихъ алыхъ губъ, сіяніе твоихъ чудныхъ глазъ—все это потускнѣетъ или исчезнетъ, а вѣдь это— неоцѣнимыя сокровища. Ты думаешь, твой талантъ имѣлъ бы какое-либо значеніе, еслибы ты не была такъ красива? Никакого.

На тебя никто бы не обратилъ вниманія. Красота безъ таланта въ десять разъ больше цѣнится, чѣмъ талантъ безъ привлекательной внѣшности. Но тотъ, кто владѣетъ и тѣмъ, и другимъ — и красотой, и талантомъ — можетъ достигнуть вершинъ славы.

Она выпила бульонъ и отставила чашку на маленькій мозаичный столикъ.

— Есть много выдающихся людей, которые сразу покоряютъ міръ, но ты, Зара, выше ихъ всѣхъ, потому что у тебя непроснувшаяся душа, потому что ты чужда всякой культуры — и только твой талантъ получилъ полное развитіе. Я бы опасалась за успѣхъ моего начинанія, еслибы ты не была такъ удивительно хороша и еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ твое сердце не было такъ холодно. Единственное, чего я боюсь, это—непосредственности твоей натуры.

— Непосредственности? — иронически повторила Зара. — Впрочемъ, вы правы. Сердце у меня не деревянное и не каменное. У меня есть чувства, я знаю, чего хочу, — и съумѣю найти пути къ достиженію моихъ желаній.

— Но чего же ты хочешь, mein Liebling? — ласково спросила м-ссъ Вандердекенъ. — Неужели чего-нибудь, чего бы я не могла тебѣ доставить? Развѣ ты теперь не счастлива, развѣ твоя теперешняя жизнь не удовлетворяетъ тебя?

— Нѣтъ, — рѣзко отвѣтила дѣвушка.

— Подожди немного, — всѣ твои желанія исполнятся со временемъ.

Зара встала и стала быстро ходить по комнатѣ, заплетая свои роскошные волосы въ двѣ косы. Глаза ея сверкали на матово-блѣдномъ лицѣ.

„Еслибы кто-нибудь изъ мужчинъ увидѣлъ ее теперь!“ — подумала слѣдившая за ней взоромъ м-ссъ Вандердекенъ. И при этой мысли лицо ея вспыхнуло; что-то жестокое мелькнуло у нея въ глазахъ. — „Но никто ее не увидитъ, — закончила она свою мысль, — если мнѣ только удастся предотвратить это“.

Дѣвушка вдругъ остановилась и взглянула въ лицо своей покровительницѣ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, — спросила она, — что значитъ имѣть душу?

М-ссъ Вандердекенъ опустила глаза и стала разглядывать драгоцѣнныя кольца на своихъ пальцахъ. Наступила короткая пауза.

— Почему ты это спрашиваешь? — сказала она наконецъ. — Что ты такое слышала?

— Я не поняла всего, что мнѣ говорили. Одинъ изъ вашихъ друзей, тотъ, который сочинилъ для меня пѣсню, разсказалъ мнѣ о вашемъ ферейнѣ. Что̀ это собственно такое?

— Это вовсе не ферейнъ,—отвѣтила м-ссъ Вандердекенъ,— и тебѣ еще рано знать про это. Такъ вотъ о чемъ Крисси говорилъ съ тобой. Надѣюсь, онъ не объяснялся тебѣ въ любви?

— Въ любви?—медленно спросила Зара.

— Ахъ, дитя, не можетъ быть, чтобъ ты была до того невинна. Даже въ тиши, гдѣ ты жила, иногда слышится голосъ природы. Тебѣ скоро и, вѣроятно, очень часто будутъ говорить о любви, Зара,—но ты не слушай, не вѣрь. Пусть восторгаются твоей красотой, но ты оставайся безстрастной. Любовь прекрасна, пока она—мечта, грёза о чувствахъ, еще замкнутыхъ въ тайникахъ души. Когда эта грёза осуществляется, чары ея исчезаютъ на вѣки,—и вся красота любви гибнетъ.

— Вы все говорите о красотѣ. Но я хочу жить, чувствовать, знать.

— Неужели ты этого такъ хочешь, Зара?—спросила м-ссъ Вандердекенъ. — Вѣдь ты еще такъ недавно была ребенкомъ, любила только лѣса и воды. Неужели же ты хочешь идти по той же дорогѣ, какъ и я, извѣдать то, что̀ я извѣдала, испытать такія же тяжелыя муки разочарованій?

Въ голосѣ ея слышалась глубокая печаль. М-ссъ Вандердекенъ никого такъ не жалѣла, какъ самоё себя, и на этотъ разъ ей было особенно тяжело, потому что она говорила о страданіяхъ, которыя приноситъ утрата молодости, и о мукахъ ревности.

— Но вѣдь вы счастливы, nicht wahr?—спросила Зара.— Въ вашей жизни столько красоты, у васъ много друзей и вы можете дѣлать все, что̀ хотите.

— Да, я могу дѣлать все, что̀ хочу, Зара, не спрашивая ни у кого позволенія и не боясь ничьего осужденія. Но я все-таки не удовлетворена, потому что я слишкомъ критически ко всему отношусь. Я познала всѣ глубины жизни, всѣ ея тайны, вкусила весь ея тонкій ядъ—и знаю всѣ противоядія. Но все же я не нашла, чего искала. Я пережила всѣ свои желанія, и теперь жажду только ощущеній, чтобы все-таки чувствовать, что я еще жива. Мнѣ не нужно болѣе личныхъ ощущеній. Я хочу только возбуждать восторги въ другихъ. Моя душа загорается, когда я вижу отраженіе созданнаго мною восторга въ глазахъ другихъ людей. Вотъ, напримѣръ, я ожила съ тѣхъ поръ, какъ знаю тебя. Я привезла тебя сюда, чтобы снова пережить свои

прежніе успѣхи, свои прежнія радости. Я тоже пережила краткія минуты торжества, Зара, я была красива когда-то.

— Вы и теперь красивы,—сказала дѣвушка.

— Ты очень добра, дорогая. Но, увы, это уже не красота чистой, неприкрашенной юности. Мнѣ уже не предстоитъ ничего радостнаго въ жизни. А у тебя—все впереди.

— Но вы все говорите, что еще не пришло время...

На блѣдныхъ губахъ м-ссъ Вандердекенъ показалась загадочная улыбка.

— Подожди, пока пройдетъ твой концертъ. Подожди, пока ты вкусишь первую радость успѣха, пока обращенные на тебя взоры мужчинъ будутъ полны любви, а женщины будутъ завистливо хвалить тебя,—пока имя твое будетъ на всѣхъ устахъ. Но это будетъ только начало. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда восторги передъ толпой достигнутъ высшаго предѣла, ты исчезнешь. Самые блестящіе метеоры—мимолетны. Нужно сначала возбудить любопытство, а затѣмъ удивить всѣхъ своимъ исчезновеніемъ. Все это будетъ, Зара, и я буду гордиться тѣмъ, что открыла тебя. Это удовлетворитъ меня.

Зара быстро подошла къ м-ссъ Вандердекенъ и обняла ее.

— Вы такъ много сдѣлали для меня,—воскликнула она,—и я не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность и любовь! Не думайте, что я неблагодарна, хотя я и кажусь неудовлетворенной. Вы всегда требовали отъ меня откровенности,—поэтому я и говорю вамъ о томъ, что думаю и чувствую.

Усталые глаза м-ссъ Вандердекенъ пристально глядѣли на красивое лицо молодой дѣвушки.

— Долго ли ты будешь такъ искренна со мной, Зара? Мнѣ, конечно, тяжело разстаться съ тобой. Когда ты прославишься, я потеряю тебя. Ты такъ обаятельна, что всѣ будутъ поклоняться тебѣ. Зачѣмъ же мнѣ уступать тебя другимъ?

Она приподнялась на кушеткѣ, и лицо ея странно поблѣднѣло. Дѣвушка отступила, изумленная этой блѣдностью и страннымъ выраженіемъ въ глазахъ м-ссъ Вандердекенъ.

— Но вы должны это сдѣлать,—сказала она.—Вы обѣщали. Довольно съ меня призраковъ. Я хочу дѣйствительности. Я хочу жить,—хочу все знать.

Она стала ходить по комнатѣ, вся дрожа отъ волненія.

М-ссъ Вандердекенъ снова улыбнулась.

— О, дочь Евы! — проговорила она. — Значитъ, и ты засмотрѣлась на запрещенный плодъ,—и рай закроется для тебя. Ты не избѣжишь ни змѣи, ни пламеннаго меча, какъ и я, какъ

и всѣ женщины. Ну, что же, благодари меня—или, можетъ быть, прокляни. Я не поставлю стражей у твоего невѣдѣнія. Иди, узнай, что такое жизнь. Но помни, что твои иллюзіи разобьются и что дни твоего спокойствія сочтены!

Она сказала эти слова безъ своей обычной напыщенности. Она убѣдилась, глядя въ лицо Зары, что, несмотря на свое знаніе жизни и на свое разочарованіе въ ней, въ душѣ ея еще не умерло влеченіе къ тому, что жизнь можетъ дать и чего она уже ей никогда не дастъ.

VI.

М-ссъ Бради завтракала у Адель Бодезаръ и оживленно говорила съ нею о разныхъ пустякахъ. Лэди Бодезаръ не напускала на себя важности, и старалась казаться забавной, считая это болѣе интереснымъ, чѣмъ притворяться разсудительной и серьезной. Ей очень нравилась м-ссъ Бради, и она съ интересомъ слушала ея разсказы о свѣтской жизни въ Ирландіи. Ей казалось удивительнымъ, что въ Ирландіи можетъ существовать свѣтская жизнь. Она путешествовала по всему міру, но ей никогда не приходила въ голову мысль побывать въ столь близкой и столь не-фешенебельной странѣ, какъ Ирландія.

Послѣ искусныхъ разспросовъ, м-ссъ Бради пришла къ заключенію, что лэди Бодезаръ почти такъ же мало освѣдомлена о сущности новой секты, какъ и она сама. Насколько она могла убѣдиться, обязанность членовъ заключалась въ томъ, чтобы любоваться собой и отыскивать родственную душу для взаимнаго обожанія. Никто не имѣлъ права критиковать какія бы то ни было проявленія родства душъ. Тѣхъ, кто имѣлъ безтактность констатировать факты, всѣ избѣгали, если только они не были необычайно богаты. Всякія эксцентричности требуютъ большихъ расходовъ,—и кто-нибудь долженъ же былъ оплачивать ихъ.

— Какъ бы ни быть богатымъ, все-таки не хватаетъ денегъ,—жаловалась лэди Бодезаръ, когда онѣ сѣли пить кофе въ ея будуарѣ, около камина.

День былъ пасмурный, холодный и туманный, но въ комнатѣ было тепло и уютно. Лэди Бодезаръ рѣшила не выѣзжать днемъ и не отпускала м-ссъ Бради.

— Да, это правда,—сказала со вздохомъ красивая ирландка.—Все такъ дорого стоитъ.

— А богатые люди—дѣйствительно богатые—такъ несносны. Хотѣлось бы съ ними не знаться, но это, къ несчастію, невоз-

можно. Поэтому, пріятно хоть иногда быть подальше отъ этихъ ужасныхъ людей, которые считаютъ себя столпами общества. Мы должны принимать ихъ въ нашихъ гостиныхъ, но не пускаемъ ихъ въ будуаръ.

— Я очень польщена, — проговорила м-ссъ Бради, оглядывая изящный, обитый шолкомъ будуаръ и не понимая, почему Адель такъ необычайно любезна съ нею.

— Вы мнѣ понравились съ первой минуты, — продолжала хорошенькая mondaine. — Кстати, какъ ваше имя? Такъ глупо постоянно говорить „миссисъ“ и „лэди“. Зовите меня Адель. А мнѣ какъ васъ звать?

— Мое имя—Перенна. Но меня обыкновенно зовутъ „Перъ“. Жоржъ всегда...

— Ахъ, какой онъ милый, Жоржъ! Какъ жаль, что ему приходится съ такимъ трудомъ пробивать себѣ дорогу! Криссп говоритъ, что это потому, что онъ не любитъ женщинъ. Но я этому не вѣрю.

— Дѣйствительно, онъ бы не былъ настоящимъ ирландцемъ, еслибы не любилъ женщинъ! — воскликнула м-ссъ Бради. — Но онъ очень гордъ и хочетъ сдѣлать свою карьеру безъ посторонней помощи.

— Но все-таки я не понимаю, зачѣмъ ему такъ много работать?—сказала лэди Бодезаръ, гладя свою собачку. — Всегда можно найти кого-нибудь, кто поможетъ пробиться въ жизни. А онъ, къ тому же, такъ красивъ. Вотъ, напримѣръ, Базиль Варендеръ. Онъ былъ бѣденъ, какъ церковная мышь, до тѣхъ поръ, пока Долли Лодердаль не занялась имъ и не стала рекламировать его. Она—милліонерша и очень вліятельная особа. Она бы съ радостью сдѣлала то же самое и для Жоржа, но онъ почему-то избѣгаетъ ея. Вы бы повліяли на него.

— Я постараюсь,—сказала м-ссъ Бради; она не могла понять, почему Жоржъ говорилъ съ такой ненавистью о расположенной къ нему вліятельной дамѣ.

— Интересно знать, видалъ ли онъ эту пѣвицу, которую открыла Тротти,—продолжала Адель Бодезаръ.—Она, дѣйствительно, очень мила и достаточно оригинальна, чтобы расшевелить стоячія воды лондонскаго музыкальнаго міра. Вѣдь англичане, по моему, не понимаютъ музыки, и, къ тому же, ужасно консервативны. Одно и то же поется и исполняется на всѣхъ концертахъ изъ сезона въ сезонъ. Постоянно приходится слушать тѣ же оперы, тѣхъ же старыхъ пѣвцовъ. Мнѣ все это страшно надоѣло. Кстати, я открыла удивительнаго пьяниста.

Я хочу, чтобы Тротти пригласила его въ концертъ, который она устроиваетъ. Но она такая эгоистка, и я никакъ не могу добиться ея согласія. Хорошо, еслибы онъ сегодня зашелъ сюда. Я предоставила ему свободный входъ въ мой домъ, и онъ иногда проводитъ цѣлые дни въ залѣ за роялемъ, а затѣмъ исчезаетъ на цѣлую недѣлю. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ играетъ Шопена... Это—истинное откровеніе. Кстати, видѣли вы эту молодую венгерку?

— Нѣтъ. Я еще не была съ визитомъ у м-ссъ Вандердекенъ.

— Такъ поѣдемъ къ ней какъ-нибудь вмѣстѣ. А какъ она вамъ нравится?

— Она, кажется, очень умна. Вы съ ней въ большой дружбѣ?

— Такъ себѣ. Мы вѣчно ссоримся. Она такая странная. Она ничего такъ не любитъ, какъ удивлять людей чѣмъ-нибудь. Мы всѣ не понимали, почему она такъ убѣждала насъ покупать билеты на концертъ, а потомъ, вдругъ, на своемъ пріемѣ, она показала намъ эту дѣвушку. Оказывается, что она открыла ее уже много лѣтъ тому назадъ и воспитывала ее въ своей школѣ, въ Шварцвальдѣ; эту школу она содержитъ исключительно на свои средства для бездомныхъ, одинокихъ дѣвушекъ, которыя имѣютъ возможность готовиться тамъ къ какой угодно профессіи. До сихъ поръ эта школа не дала блестящихъ результатовъ. Но Зара Эбергардъ, повидимому, составляетъ исключеніе. Она, дѣйствительно, очень красива. Въ ней есть какое-то особое очарованіе; мужчины, навѣрное, будутъ съ ума сходить по ней. Вы должны пойти на этотъ концертъ и привезти Жоржа. Надѣюсь, однако, что онъ не влюбится въ эту замѣчательную нѣмку.

— Вы, кажется, сказали, что она венгерка?

— Развѣ? Ну, да это все равно. Она говоритъ по-англійски съ иностраннымъ акцентомъ. У меня еще есть нѣсколько билетовъ, которые Тротти поручила мнѣ продать. Возьмите два. Я дамъ вамъ мѣста около меня.

Она поднялась и подошла къ письменному столику. Въ эту минуту раскрылась дверь и вошла м-ссъ Вандердекенъ.

— Адель, милая!—воскликнула она.—Мнѣ сказали, что васъ нѣтъ дома, но я знала, что вы здѣсь. А, здравствуйте, м-ссъ— простите, я забыла ваше имя. Но я такъ взволнована. Знаете, что случилось, Адель? Вышло какое-то недоразумѣніе, зала въ Queen's Hall занята, и я должна или отложить концертъ Зары, или дать его въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Я сейчасъ же

рѣшила обратиться къ вамъ, дорогая; я знаю, какая вы добрая. Разрѣшите устроить этотъ концертъ въ вашемъ домѣ. Особенно большой возни у васъ не будетъ. Я ограничу число билетовъ, и рецензентовъ мы не позовемъ.

— У меня! — воскликнула Адель. — Ахъ, Тротти, вѣдь это ужасно хлопотливо! А почему вы не хотите, чтобы концертъ былъ у васъ?

— Паркъ-Лэнъ гораздо аристократичнѣе Лонъ-Стрита, и ваши комнаты втрое больше моихъ. Согласитесь, милая, не будьте такой эгоисткой! Нужно сейчасъ же рѣшить, чтобы успѣть всѣмъ написать. Къ счастью, у меня есть списокъ тѣхъ, кому я давала билеты, и если вы согласитесь, то сейчасъ же все будетъ сдѣлано.

— Что же дѣлать — придется согласиться, — сказала Адель. — Только помните, Тротти, — не болѣе двухсотъ человѣкъ. И кромѣ того, мой піанистъ долженъ сыграть нѣсколько пьесъ.

М-ссъ Вандердекенъ задумалась.

— Но вѣдь программы уже отпечатаны, — сказала она.

— Ничего, онъ будетъ играть сверхъ программы. Еслибы вы слышали его, Тротти, — вы были бы въ безумномъ восторгѣ. Его игра не уступаетъ голосу вашей Зары.

— Но я вовсе не желаю, чтобы у нея былъ соперникъ при первомъ же дебютѣ.

— Онъ ей не повредитъ, и кромѣ того вечеръ будетъ теперь имѣть частный характеръ, — рецензентовъ не будетъ. Мой юноша не стремится играть передъ большой публикой; для него гораздо важнѣе понравиться родственнымъ душамъ.

— Развѣ онъ дѣйствительно хорошо играетъ?

— Я говорю вамъ, что онъ великолѣпенъ.

— Хорошо, я готова вѣрить вамъ, — хотя вы часто увлекаетесь.

Адель Бодезаръ засмѣялась.

— На этотъ разъ я не ошибаюсь. Билеты, конечно, по гинеѣ?

— Конечно. Кто не можетъ столько платить, пусть не приходитъ.

— М-ссъ Бради взяла два билета. Она приведетъ Жоржа.

— Помните, что Зарѣ нужна уборная. Она мѣняетъ туалетъ для второй половины концерта. Первый циклъ пѣсенъ — „Невинность“; второй — „Страсть“. Я увѣрена, что это будетъ имѣть большой успѣхъ. Вашъ піанистъ можетъ сыграть свой нумеръ въ промежуткѣ между двумя частями. Я хотѣла пригласить мало-

лѣтняго скрипача, но это уже надоѣло; теперь развелось слишкомъ много „вундеркиндовъ“.

— Ребенокъ, который былъ бы просто ребенкомъ, можетъ быть, показался бы теперь оригинальнымъ,—замѣтила м-ссъ Бради.

М-ссъ Вандердекенъ задумчиво склонила голову набокъ.

— Вы, можетъ быть, правы,—сказала она.—Нужно объ этомъ подумать. Спасибо, Адель, что вы меня выручили. А какъ же насчетъ рояля?

— Я предоставлю вамъ мой Стэнвей. Оскаръ къ нему привыкъ.

— Вы позволяете ему всегда играть на вашемъ роялѣ?—спросила м-ссъ Вандердекенъ съ удивленіемъ.

— Почему же нѣтъ? онъ страшно бѣденъ, а я обожаю геніевъ, преслѣдуемыхъ судьбой.

— Какъ его имя?

— Его настоящее имя—Оскаръ Джонсъ, но онъ выступаетъ какъ Herr Позеревичъ. Это имя выдумала я.

— Я такъ и думала. Оно звучитъ по иностранному, а это самое важное. А всѣ геніи болѣе или менѣе позёры,—по необходимости; иначе никто не станетъ вѣрить въ нихъ.

— А что, если оба генія влюбятся другъ въ друга?—сказала м-ссъ Бради.—Это было бы очень романтично.

М-ссъ Вандердекенъ быстро взглянула на нее и перевела взглядъ на Адель Бодезаръ.

— Это было бы очень нелѣпо, — холодно сказала она.— Артисты никогда не должны вступать въ бракъ. Это ихъ портитъ.

— Но если ваша protegée такъ красива и талантлива, то въ нее навѣрное будутъ влюбляться,—продолжала м-ссъ Бради.

— Зара ненавидитъ мужчинъ,—раздраженно сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Она предана всей душой искусству, и ни о чемъ другомъ не думаетъ.

— Оскаръ такой же,—сказала Адель.—Онъ живетъ въ мірѣ грёзъ, и ничто грубое или пошлое не интересуетъ его. Его слѣдовало бы помѣстить въ большомъ прохладномъ храмѣ—бѣломъ съ золотомъ—и чтобы онъ игралъ тамъ за стеклянной ширмой. Онъ весь такой свѣтлый, и у него прелестныя бѣлыя, нѣжныя руки—точно лиліи. Можетъ быть, нехорошо съ моей стороны, что я позволяю ему выступать, но вѣдь, все равно, его когда-нибудь откроютъ,—почему же не мнѣ первой создать ему успѣхъ?.. Ахъ, милая Перъ, я навѣрное надоѣла вамъ своей болтовней. Знаете, Тротти, м-ссъ Бради и я поклялись другъ другу въ вѣч-

ной дружбѣ. Ее зовутъ Перенной. Правда, красивое и оригинальное имя?

— Мнѣ пора идти,—сказала м-ссъ Вандердекенъ, очевидно совершенно равнодушная къ красивымъ ирландскимъ именамъ вообще и къ ирландкѣ, носящей имя Перенны, въ частности...

— Отчего вы такъ торопитесь, милая? Посидите съ нами;—вы ужъ слишкомъ отдаетесь заботамъ о концертѣ.

Но м-ссъ Вандердекенъ не захотѣла долѣе оставаться. Послѣ ея ухода, Адель облегченно вздохнула, снова сѣла на свое кресло у камина и взяла на колѣни собачку.

— Я сама не могу рѣшить, люблю ли я Тротти, или нѣтъ,—сказала она.—А какого вы о ней мнѣнія? Вы умѣете судить о людяхъ? Удивительно, до чего вы не похожи на ирландку. Я сначала думала, что вы—иностранка. Да и Жоржъ ничѣмъ не проявляетъ своего ирландскаго происхожденія и говоритъ безъ всякаго акцента.

— Онъ уже давно живетъ въ Англіи,—сказала м-ссъ Бради.

— А вы давно здѣсь?

— Нѣтъ. Я пріѣзжаю только на время сезона. Теперь я останусь два мѣсяца. Я хотѣла бы, чтобы Жоржъ жилъ со мной, но онъ не хочетъ оставить комнатъ въ Тэмплѣ.

— Я ненавижу Лондонъ зимой,—воскликнула Адель.—Мы всѣ уѣдемъ сейчасъ же послѣ Рождества, а нѣкоторые изъ насъ—еще раньше. Тротти уѣзжаетъ въ Каиръ, а я собиралась-было на Ривьеру, но раздумала. Всѣ теперь туда ѣдутъ. Въ сущности, если хотѣть быть оригинальной, слѣдовало бы оставаться у себя дома.

— Я часто это дѣлаю,—созналась м-ссъ Бради,—по необходимости. Я очень мало путешествовала, — за недостаткомъ средствъ.

— Какъ хорошо бы было, еслибы вы поѣхали со мной въ Египетъ,—сказала лэди Бодезаръ.—Съ вами навѣрное интересно путешествовать. Вы, кажется, никогда не скучаете?

— Никогда,—сказала она.

— Боже мой, какъ я вамъ завидую! Вы вѣроятно никогда не загромождали свой умъ ненужными знаніями и сохраняли душу для впечатлѣній.

— Да, это вѣрно,—сказала м-ссъ Бради очень убѣжденнымъ тономъ, хотя въ дѣйствительности никогда не заботилась о свѣжести впечатлѣній.

— Какъ это мудро съ вашей стороны! А я получила слишкомъ хорошее образованіе, и не могу отъ этого отдѣлаться. Я

хотѣла бы опорожнить свою душу отъ всего усвоеннаго, но это мнѣ не удается. Я съ первой же минуты нашей встрѣчи подумала, что вы—самая оригинальная женщина изъ всѣхъ, кого я знаю. Я предвижу, что мы будемъ большими друзьями.

— Надѣюсь,—сказала м-ссъ Бради.—Но я не такая идеалистка, какъ вы.

— Ахъ, милая Перъ, какая я идеалистка! Я только слѣдую модѣ. Въ сущности же я ни во что не вѣрю. Да развѣ можно во что-нибудь вѣрить послѣ всего, что я испытала въ замужествѣ! Вы, конечно, знаете исторію моего брака?

— Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я жалѣю васъ!

— Не жалѣйте, милая. Самый счастливый моментъ въ моей жизни былъ тотъ, когда я освободилась отъ Бодезара.

VII.

Вернувшись домой, м-ссъ Бради стала размышлять о новомъ положеніи, въ которомъ она очутилась. У нея была любовь къ приключеніямъ; до сихъ поръ она испытала больше неудачъ, чѣмъ заслуживала, но относилась къ нимъ съ большимъ легкомысліемъ. Недостатокъ средствъ сильно ее стѣснялъ, но она старалась все-таки пользоваться жизнью и, извлекая пользу изъ другихъ людей, пробивать себѣ путь въ обществѣ. Теперь у нея опять складывался цѣлый планъ кампаніи, и ея удачный дебютъ въ новой средѣ удвоилъ ея энергію. Ей казалось, что на этотъ разъ счастье ей улыбается.

Сидя въ своей удобной спальнѣ, м-ссъ Бради углубилась въ свои планы на будущее. Она привезла съ собой горничную-ирландку — очень смышлёную и находчивую особу, которую называла французскимъ именемъ. М-ссъ Бради знала по опыту, что всякая особенность произношенія сходитъ въ Англіи за иностранный выговоръ, и потому выдавала свою горничную за француженку.

Эжени Флавенъ привыкла къ тому, что ее называли „mademoiselle“, и, чтобы еще болѣе казаться француженкой, часто вставляла въ разговоръ усвоенныя ею французскія слова и фразы. Она была очень предана своей госпожѣ, была посвящена во всѣ ея дѣла и тайны, принимала живое участіе во всѣхъ ея попыткахъ создать себѣ общественное положеніе, утѣшала ее въ тяжелыя минуты и радовалась ея удачамъ.

Въ этотъ вечеръ она вошла въ спальню, чтобъ причесать

волосы м-ссъ Бради на ночь и выслушать отчетъ обо всемъ, что произошло за день.

— Не очень мнѣ все это нравится, ma'am,—замѣтила она, когда м-ссъ Бради разсказала ей о завтракѣ, о бесѣдѣ въ будуарѣ и о приходѣ м-ссъ Вандердекенъ.—И что это за странное имя у нея! Дѣйствительно ли она аристократка?

М-ссъ Бради разсмѣялась.

— На этотъ счетъ не сомнѣвайтесь, Эжени. А что касается лэди Бодезаръ, то она очаровательна, и такая удивительно добрая женщина!

— Она вдова, ma'am? Можетъ быть, она годится для мистера Жоржа?

— Онъ съ ней знакомъ, но почему-то не любитъ ни ее, ни все это общество.

— Это на него похоже,—съ досадой сказала Эжени.—Его трудно будетъ женить и поставить на ноги. А вы, ma'am, послушайтесь моего совѣта: воспользуйтесь знакомствомъ съ этими знатными господами и устройте, наконецъ, прочно свои дѣла. Если одна изъ этихъ графинь привязалась къ вамъ, такъ вы ужъ не выпускайте ее изъ рукъ. Докажите ей, что вы ни въ чемъ ей не уступаете. Нужно дѣйствовать на людей смѣлостью и апломбомъ. Вы говорите, что въ этомъ обществѣ больше всего цѣнится оригинальность—будьте оригинальны; вамъ это будетъ не трудно. Для этого нужно только дѣлать какъ разъ противоположное тому, что они дѣлаютъ. Эти графини и герцогини устроиваютъ ужины при ослѣпительномъ свѣтѣ, а вы устройте имъ вечеръ въ полутемной комнатѣ. У нихъ сервируютъ на фарфорѣ, а у васъ пусть ѣдятъ на глиняныхъ тарелкахъ. У нихъ угощаютъ шампанскимъ, а вы предложите имъ молочный пуншъ. Увѣряю васъ, что всѣ будутъ въ восторгѣ.

М-ссъ Бради разсматривала въ зеркалѣ свое хорошенькое личико.

— А это хорошая мысль, Эжени. Имъ, навѣрное, надоѣли подражанія и подражатели. Вотъ, напримѣръ, что я могу устроить. Адель (такъ зовутъ лэди Бодезаръ) сказала мнѣ, что теперь въ модѣ устроивать обѣды и завтраки не дома, а въ ресторанѣ. Эта глупая мода пришла изъ Америки. Ну, а я устрою обѣдъ у себя дома. Приглашу небольшое, но самое избранное общество. Но главное, чтобы все, до малѣйшей подробности, отличалось новизной и шикомъ. Это будетъ стоить дорого, но щедрость становится иногда очень цѣннымъ качествомъ.

Эжени въ глубинѣ души пожелала, чтобы эта щедрость про-

явилась и относительно жалованья, которое она получала, но она была искренно предана своей госпожѣ, и утѣшалась тѣмъ, что еслибы она на другомъ мѣстѣ и получала большее жалованье, то была бы менѣе свободна, и ей не жилось бы такъ весело.

— Да, щедрость—дѣло хорошее; противъ этого не сталъ бы спорить ни одинъ ирландецъ и ни одна ирландка,—сказала она.

— Я хочу попытать счастья въ этотъ сезонъ. Еслибы мнѣ только удалось женить Жоржа, то все было бы хорошо, и я была бы довольна.

— Нѣтъ; вполнѣ довольной вы никогда не будете, ma'am. Вамъ всегда захочется чего-нибудь новаго. Но если вы такъ хотите женить м-ра Жоржа, то почему бы вамъ самой тоже не подыскать себѣ мужа? Можетъ быть, случится хорошая партія.

— Глупости, Эжени. Я не хочу выходить замужъ. Я хочу быть свободной. Къ тому же, мнѣ нуженъ былъ бы богатый мужъ. А богачи обыкновенно стары и ищутъ молодыхъ женъ.

— Почему же вамъ не влюбить въ себя молодого человѣка, и притомъ богатаго? Вы такая умница, что кого хотите поймаете въ свои сѣти.

— Оставьте говорить вздоръ, Эжени. Кончайте скорѣе чесать волосы. Мнѣ ужасно хочется спать. Я сейчасъ лягу и буду обдумывать планъ обѣда.

Эжени ушла. Въ противоположность своей госпожѣ, ей совсѣмъ не хотѣлось спать; она была возбуждена перспективой предстоящихъ семейныхъ удачъ. Она вооружилась цѣлой грудой еженедѣльныхъ газетъ, посвященныхъ свѣтской жизни, и усѣлась читать ихъ въ своей маленькой комнатѣ. Это было ея любимымъ чтеніемъ, и она сейчасъ же погрузилась въ описанія того, что происходитъ въ высшемъ обществѣ. Она обратила вниманіе на то, что сообщаемыя свѣдѣнія относились часто къ подробностямъ частной жизни аристократическихъ дамъ. „Какъ это все попадаетъ въ печать?"—подумала она. Она встрѣтила нѣсколько разъ имена лэди Бодезаръ и м-ссъ Вандердекенъ. Ей хотѣлось бы видѣть и имя своей госпожи на ряду съ ихъ именами, но она его не находила.

Уставъ, наконецъ, читать о томъ, что лэди А. имѣла изящный видъ въ такомъ-то костюмѣ, а м-ссъ В. въ другомъ, что эти дамы дѣлали покупки на Бондъ-Стритѣ въ такой-то день, или посѣтили такой-то вечеръ, или же ужинали въ „Карльтонъ-Отелѣ", или же что ихъ замѣтили выходящими изъ знаменитаго косметическаго магазина, она стала разсматривать объ-

явленія. Вдругъ ее что-то поразило, и она нѣсколько разъ перечла одно объявленіе.

— Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло!—воскликнула она и вскочила въ необычайномъ волненіи.—Такъ вотъ въ чемъ ихъ секретъ! Что жъ, и я попытаюсь играть въ ту же игру. Это, навѣрное, очень выгодно.—Но вѣдь выдумаютъ же!..

Она снова сѣла и перечла поразившее ее слѣдующее объявленіе:

„*Требуются свѣдѣнія о свѣтской жизни.* Приглашаютъ дамъ, имѣющихъ хорошія связи, собирать свѣдѣнія о жизни въ свѣтскихъ кругахъ. Не нужно никакой опытности. Эта работа можетъ быть исполнена всякой дѣвушкой лѣтъ двадцати, которая хочетъ заработать лишнія деньги на булавки. Обращаться со вложеніемъ конверта съ маркой къ гг. Ф. и В., на Трафальгеръ-Сквэрѣ“.

— Я предложу имъ свои услуги! — воскликнула Эжени. — Когда м-ссъ Бради ближе сойдется со всѣми этими графинями и герцогинями, я буду все знать изъ первыхъ рукъ. При помощи французскаго словаря, я отлично съумѣю все описать,— да къ тому же въ объявленіи сказано, что опытности не требуется. Каждую недѣлю могу посылать имъ самыя свѣжія новости. Жаль, что сегодня слишкомъ поздно послать письмо, но я пошлю его завтра и сообщу всѣ подробности о предстоящемъ концертѣ. Вотъ благодать-то! Вѣдь этимъ можно нажить груду денегъ, — а моя семья всегда отличалась литературными вкусами. Дѣдъ мой умеръ съ газетой въ рукахъ, а дядя Денисъ О'Ги, братъ матери, сдѣлалъ надпись въ стихахъ на могилѣ солдатъ своего полка, убитыхъ въ Индіи. Я сама всегда отличалась умѣньемъ писать, когда училась въ деревенской школѣ. Напишу письмо сегодня, и отошлю его завтра утромъ. Да здравствуетъ старая Ирландія и миссъ Эжени Флавенъ, сотрудница фешенебельныхъ лондонскихъ газетъ!

Письмо, надъ составленіемъ котораго она провела болѣе получаса, было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь! Нижеподписавшаяся, mademoiselle Эжени Флавенъ, имѣла удовольствіе прочесть ваше объявленіе въ „Осѣ“. Она готова сообщать вамъ новости о свѣтской жизни и о всѣхъ, кто принимаетъ въ ней участіе. Мадемуазель Флавенъ можетъ упомянуть, en passant, что въ высшемъ свѣтѣ много говорятъ о концертѣ, который долженъ состояться черезъ недѣлю, въ одномъ частномъ домѣ на Паркъ-Лэнѣ, а также объ удивительной молодой пѣвицѣ иностраннаго происхожденія, ко-

торая будетъ пѣть на этомъ концертѣ. Всякія свѣдѣнія такого рода могутъ быть доставлены вашему журналу нижеподписавшейся, которая проситъ извѣстить ее объ условіяхъ. Съ почтеніемъ—Эжени Флавенъ".

— Чудесно! — воскликнула Эжени, перечитывая свое произведеніе.—Если я не получу приглашенія со вложеніемъ банковаго билета въ пять фунтовъ стерлинговъ, то Лондонъ не таковъ, какъ имъ я его себѣ представляю.

VIII.

Со свойственнымъ ирландскому характеру оптимизмомъ, Эжени Флавенъ не сомнѣвалась въ успѣхѣ своего предпріятія, и когда черезъ два дня получилось письмо съ приглашеніемъ явиться въ контору „Гг. Ф. и В.", она отнеслась къ этому очень спокойно. Она легко получила у м-ссъ Бради позволеніе отлучиться, и явилась въ назначенный часъ по указанному адресу. Ей пришлось подождать нѣсколько минутъ, потому что, какъ ей сообщилъ клэркъ, мистеръ Ф. былъ занятъ, а мистера В. не было дома.

Когда дверь въ кабинетъ, наконецъ, открылась, оттуда вышелъ стройный молодой человѣкъ, съ длинными вьющимися свѣтлыми волосами; его внѣшность сразу обличала профессіональнаго артиста. Онъ прошелъ черезъ контору, направляясь къ выходу, и бѣгло оглядѣлъ изящно одѣтую молодую даму, которая тамъ ждала своей очереди. Молодая дама тоже взглянула на него острыми, проницательными глазами, которые много видятъ и мало выдаютъ.

„Я его гдѣ-то видѣла,—подумала Эжени,—но не помню, гдѣ".

— Пожалуйте, миссъ!—пригласилъ ее клэркъ.

И она, въ свою очередь, проникла въ кабинетъ, за дверями котораго занимались раскрытіемъ свѣтскихъ тайнъ. Эжени твердо рѣшила скрывать свой ирландскій акцентъ, маскируя его полуфранцузскимъ жаргономъ. Она была одѣта по послѣдней модѣ, такъ какъ пользовалась гардеробомъ своей хозяйки, и вполнѣ полагалась на свое умѣнье держаться. Единственной трудностью новой роли, которую она взяла на себя, была необходимость сдерживать свою національную экспансивность.

М-ръ Ф., молодой человѣкъ съ длиннымъ, худощавымъ лицомъ, внимательно взглянулъ ей въ лицо и пригласилъ ее сѣсть.

— Миссъ Флавенъ, я полагаю?

— Madermerselle,—поправила Эжени, искусственно мѣняя свой голосъ.

— Простите, я забылъ.

Онъ указалъ на письмо, лежавшее на столѣ, и внимательно посмотрѣлъ на Эжени изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ. — Вы француженка?

— Mais wee, certainmang,—сказала Эжени съ достоинствомъ истой парижанки.—Mongsure получилъ мое письмо?

— Да,—сказалъ редакторъ,—получилъ. Вы, вѣроятно, камеристка?

— Companong,—поправила Эжени. —Companong de voyage и довѣренный другъ madame де Бради, у которой много знакомыхъ среди дамъ de la monde aristocratick; напримѣръ madame де-Бодезаръ и madame де-Вандердекенъ.

Мистеръ Ф. взглянулъ ей прямо въ лицо.

— Вы знаете этихъ дамъ?—спросилъ онъ.

— Конечно!—величественно отвѣтила Эжени.

— Вы знаете Адель Бодезаръ?

— Ну, да; она—armée particulaire madame де-Бради.

— Послушайте, не лучше ли намъ говорить прямо по-англійски, — замѣтилъ редакторъ. — Мнѣ время дорого, и я бы хотѣлъ скорѣе столковаться. Я готовъ покупать у васъ свѣдѣнія, если вы можете предложить ихъ мнѣ. Но говорите прямо. Я предложу вамъ нѣсколько вопросовъ, и вы отвѣчайте только „да“ или „нѣтъ“.

— Daymanday dong!—произнесла Эжени трагическимъ голосомъ.

— Во-первыхъ, у кого вы въ услуженіи, т.-е. при комъ вы состоите?

— При madame де-Бради. У нея есть помѣстья въ Ирландіи и peed de terre—въ Лондонѣ, гдѣ мы теперь и живемъ.

— Она знакома съ лэди Бодезаръ и м-ссъ Вандердекенъ?

— Wee, wee. Я вѣдь вамъ уже это сказала.

— Могли бы вы черезъ вашу бар... т.-е., я хочу сказать, черезъ м-ссъ Бради, доставлять мнѣ свѣдѣнія объ этихъ дамахъ, объ ихъ туалетахъ, образѣ жизни, о томъ, съ кѣмъ онѣ видятся и т. д.

— Конечно.

— Но могу ли я положиться на достовѣрность вашихъ сообщеній? Какія ручательства вы можете мнѣ представить?

— Боже мой! почему вы мнѣ не вѣрите? Развѣ я сама не внушаю вамъ довѣрія?

— Вы говорите не особенно правильно по-англійски, —сухо замѣтилъ молодой человѣкъ. — Ну, да это не важно. Адресъ

м-ссъ Бради вы сообщили вѣрный. Что жъ, я попробую. Мнѣ нужны непосредственныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дамахъ изъ общества, т.-е., вѣрнѣе, объ извѣстномъ кругѣ общества. Ваше письмо обѣщаетъ эти свѣдѣнія. Мое изданіе выходитъ по понедѣльникамъ, и мнѣ нужны въ субботу вечеромъ послѣднія новости относительно этихъ дамъ и ихъ друзей. Сообщайте все до мелочей. Я буду платить вамъ по десяти шиллинговъ за каждое сообщеніе. Многое мнѣ, вѣроятно, придется пропустить, потому что нужно остерегаться быть привлеченнымъ къ суду за клевету. Мнѣ нужны также точныя описанія драгоцѣнностей, имѣющихся у этихъ дамъ... Это иногда очень полезно. Вы знаете, часто случаются кражи брилліантовъ у этихъ графинь и герцогинь, причемъ не всегда извѣстія о кражѣ вѣрны. Иногда кражу выдумываютъ для сенсаціи, для того, чтобы дать публикѣ описаніе драгоцѣнностей той или другой дамы; вѣдь потомъ всегда можно помѣстить опроверженіе. Во всякомъ случаѣ, намъ нужны перечни драгоцѣнностей аристократическихъ дамъ. Можете вы намъ доставить это?

— Я это не считаю невозможнымъ,—съ важностью сказала Эжени.

— Ну, и отлично, — сказалъ редакторъ. — Въ моемъ объявленіи я, конечно, имѣлъ въ виду не такую особу, какъ вы. Но я вижу, что вы можете доставлять свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ людей, которыми я особенно интересуюсь. М-ссъ В., какъ мы будемъ ее называть, знаменита своей эксцентричностью, и въ обществѣ очень интересуются ею и основаннымъ ею обществомъ. А лэди Б. считается законодательницей модъ и славится своимъ шикомъ. Свѣдѣнія о нихъ могутъ быть очень полезны моей газетѣ. Онѣ очень осторожны и мало кого посвящаютъ въ свои тайны; но можетъ быть, если м-ссъ Бради ихъ интимный другъ, то она можетъ все вывѣдать, а черезъ нее и вы сможете давать намъ интересныя свѣдѣнія. Я буду увеличивать вашъ гонораръ, сообразно съ интересомъ сообщаемыхъ вами фактовъ. Ну, что же, вы согласны?

— Согласна,—сказала Эжени, послѣ короткаго размышленія,—если предложенныя вами условія только временныя. Сознаюсь, что я ожидала болѣе значительнаго гонорара, суммы plus arprоppo для газеты, распространенной въ bow monde; но когда mongsure увидитъ, какія важныя свѣдѣнія я могу доставить, то я надѣюсь, что мой трудъ будетъ лучше оплачиваться.

— Конечно, — отвѣтилъ онъ, — все зависитъ отъ цѣнности доставляемаго вами матеріала. А теперь—честь имѣю кланяться.

Эжени поднялась и граціозно раскланялась.

— Кстати,—сказала она на прощанье,—слыхали вы о большомъ концертѣ, который состоится въ домѣ лэди Бодезаръ?

— Какъ, развѣ онъ состоится не въ Queen's Hall?

— Lays arrangeymans теперь измѣнились,—сказала новая сотрудница „Осы“. — Всѣ подробности относительно концерта и программы, также какъ и лицъ, принимающихъ участіе въ концертѣ, можетъ вамъ доставить одна особа.

— Кто же это?

— Та, которая теперь даетъ вамъ возможность получить эти свѣдѣнія... посредствомъ... нѣкотораго аванса.

— Ахъ, вотъ какъ!—сказалъ онъ со смѣхомъ.—Да вы молодецъ, какъ я вижу! Хорошо. Продиктуйте мнѣ нѣсколько строкъ о томъ, что вы знаете.

Онъ вынулъ изъ кошелька банковый билетъ и, развернувъ его, положилъ около себя, на столъ. Лицо Эжени выражало проснувшійся интересъ къ литературной дѣятельности.

Редакторъ взялъ листъ бумаги и сказалъ:

— Говорите, что знаете.

Когда Эжени Флавенъ вышла изъ редакціи черезъ четверть часа, она стала богаче на банковый билетъ въ пять фунтовъ стерлинговъ.

IX.

Лордъ Криссъ и Базиль Варендеръ курили въ мастерской художника. Базиль стоялъ передъ мольбертомъ съ кистью въ рукахъ, а его другъ критиковалъ его работу.

Мастерская была изящно убрана восточными коврами, японскими драпировками и множествомъ оригинальныхъ художественныхъ предметовъ. На мольбертѣ стоялъ полуоконченный портретъ м-ссъ Вандердекенъ, написанный со свойственнымъ Базилю умѣньемъ льстить своимъ заказчицамъ. Художникъ изобразилъ на лицѣ состарившейся красавицы то выраженіе, которое она хотѣла бы имѣть, но въ дѣйствительности не имѣла, т.-е. странную смѣсь одухотворенности и чувственности.

Теперь онъ заканчивалъ свою работу, смягчая рѣзкія линіи щекъ, и съ улыбкой выслушивалъ замѣчанія лорда Крисса.

— Правда въ искусствѣ! Ахъ, милый Криссъ, вѣдь вы сами знаете лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что искусство очень далеко отъ правды. Кто бы посмѣлъ изобразить на полотнѣ грубыя, рѣзкія краски природы, какова она въ дѣйствительности?

Получилось бы нѣчто ужасное. Какъ бы критика ни ругала импрессіонистовъ, но они, по крайней мѣрѣ, не такъ вульгарны, какъ реалисты.

— Все теперь становится вульгарнымъ, — сказалъ лордъ Криссъ, закуривая папиросу.—Газеты вполнѣ правы, утверждая это. Всѣ мы слишкомъ шумны, слишкомъ занимаемъ собой общественное мнѣніе. Насъ бы больше уважали, еслибъ не такъ часто читали о насъ въ газетахъ.

— Эти проклятыя газеты виноваты во всѣхъ нелѣпостяхъ, которыя говорятъ о насъ,—ворчливо сказалъ Базиль Варендеръ.— Живешь точно за стеклянными стѣнами. Все, что мы говоримъ или думаемъ, сейчасъ же узнается по телефону или телеграфу и попадаетъ въ газеты. Кто насъ предаетъ? Я положительно этого не понимаю.

— Наши ближайшіе друзья и наши домашніе,—медленно произнесъ лордъ Криссъ. — Я, напримѣръ, увѣренъ, что мой слуга Траверсъ сотрудничаетъ въ газетахъ. Онъ всегда набрасывается на нихъ, какъ только приходитъ почта. И у него при этомъ всегда самодовольный видъ журналиста, пользующагося успѣхомъ. Вы, вѣроятно, наблюдали такое выраженіе на лицахъ мелкихъ журналистовъ?

— Еще бы!—сердито сказалъ Варендеръ.—Но почему вы посвящаете Траверса въ свои дѣла?

— Что за наивный вопросъ!—сказалъ лордъ Криссъ, чуть не уронивъ папиросу отъ изумленія.—Да развѣ можно скрыть что-нибудь отъ домашнихъ шпіоновъ? Кто открываетъ наши письма и знаетъ ихъ содержаніе прежде, чѣмъ мы сами? Кто роется въ нашихъ бумагахъ, знаетъ о нашихъ дѣлахъ и нашихъ долгахъ столько же, сколько мы сами; кто, какъ не шпіоны, которыхъ мы сами содержимъ для домашнихъ услугъ? Это—безсердечные предатели, для которыхъ мы только безразличные атрибуты избранной ими профессіи. Какъ бы газеты узнавали подробности о бракоразводныхъ процессахъ и о разныхъ скандалахъ, еслибы наша прислуга не доставляла имъ свѣдѣній? Принцы, милліонеры, аристократы и проходимцы—всѣ раздѣляютъ ту же участь. Всѣхъ насъ пресса выставляетъ на-показъ для забавы публики. Неудивительно поэтому, что мы притворяемся еще болѣе нелѣпыми, чѣмъ мы въ дѣйствительности. Это—единственный способъ мстить за вниманіе, удѣляемое намъ.

— Я, къ счастью, не окруженъ свитой скрытыхъ газетныхъ репортеровъ,—замѣтилъ Базиль.

— Однако о васъ говорятъ въ газетахъ?

— Этимъ я, вѣроятно, обязанъ камеристкамъ моихъ прекрасныхъ заказчицъ.

— Не будьте на это въ претензіи,—замѣтилъ лордъ Криссъ въ утѣшеніе ему.—Газетныя сплетни, въ наше время,—самый вѣрный путь къ славѣ. Гораздо выгоднѣе, чтобы васъ назвали въ числѣ гостей на свѣтскомъ обѣдѣ, чѣмъ чтобы „Times“ посвятилъ цѣлый столбецъ разбору вашихъ картинъ.

— Это совершенно вѣрно,—сказалъ Базиль.—Я въ этомъ убѣдился. Никакой художественный критикъ не можетъ ни создать, ни уничтожить моей славы. Мое положеніе создалось помимо ихъ, и мнѣ нѣтъ надобности посылать картины на выставки, хотя я все-таки это дѣлаю.

— А это вы пошлете?—спросилъ лордъ Криссъ, указывая на портретъ м-ссъ Вандердекенъ, изображенной въ своей любимой позѣ, полулежащею на тигровой шкурѣ, съ подушечками золотистаго цвѣта, подложенными подъ ея тщательно убранную голову, съ блѣднымъ, загадочнымъ лицомъ.

— Нѣтъ... Она не хочетъ.

— Странно. Тротти обыкновенно любитъ обращать на себя вниманіе общества. Кстати: видѣли вы открытое ею новое чудо?—спросилъ лордъ Криссъ.

— Венгерскую пѣвицу? Нѣтъ. Я слышалъ о ней, конечно. Но я уже давно не былъ у Тротти, а сюда она приходитъ всегда одна. Что же, это, дѣйствительно, чудо?

— Дѣйствительно,—медленно отвѣтилъ лордъ Криссъ,—и, къ тому же, красавица, какой я еще никогда не видалъ.

— Похвала женщинѣ—изъ вашихъ устъ?

— Это рѣдкій случай, сознаюсь. Но похвала, на этотъ разъ, вполнѣ заслуженная. Эта дѣвушка не только прекрасна, но имѣетъ поразительный голосъ.

Базиль оставилъ работу и пристально поглядѣлъ на своего пріятеля.

— Что она собирается предпринять съ этой дѣвушкой?—спросилъ онъ.

— Она, кажется, хочетъ удивить ею міръ. Зара выступитъ въ концертѣ, который состоится у Адель. Она будетъ пѣть, между прочимъ, пѣсню, которую я написалъ для нея. Она поетъ ее какъ истинная художница.

— Женщины никогда не бываютъ истинными художницами,—возразилъ Базиль.—Онѣ слишкомъ заняты собой и обращаютъ слишкомъ много вниманія на декоративную сторону въ искусствѣ. Выступая на эстрадѣ, женщина больше занята своимъ туалетомъ, чѣмъ программой, которую она исполняетъ. Муж-

чина—другое дѣло. У него нѣтъ выбора въ костюмѣ, и его духъ свободенъ. Онъ одѣваетъ фракъ—и дѣло съ концомъ. Если онъ настоящій артистъ, то можетъ даже носить потертый фракъ, потому что таланту прощается бѣдность. Но представьте себѣ женщину, выступающую въ первый разъ передъ публикой въ поношенномъ платьѣ. Пусть она поетъ какъ ангелъ—никто не повѣритъ ея таланту. Туалетъ рѣшаетъ на половину ея судьбу. Онъ даже можетъ оправдать фальшивую ноту или выборъ слишкомъ вольнаго романса въ современномъ духѣ.

— Мои композиціи всѣ въ современномъ духѣ, Базиль.

— И та, которую вы написали для этой чудо-дѣвицы?

— О, это—возвышенно-чистая пѣснь. Ее могутъ слушать, не краснѣя, наши бабушки.

Базиль Варендеръ разсмѣялся.

— Кажется, наши бабушки однѣ только еще и умѣютъ краснѣть. Барышни, въ наше время, уже не обладаютъ этой способностью.

— Вотъ вы услышите, сколько возвышенной чистоты можетъ быть въ пѣніи современной дѣвушки, на концертѣ Зары. Когда она пропѣла мнѣ мою balladine, мнѣ казалось, что мечта о родственной душѣ осуществилась для меня. Но она такъ холодна и сдержанна; она избѣгаетъ меня. Можетъ быть, Тротти оберегаетъ ее, а можетъ быть она просто занята предстоящимъ концертомъ.

— Я не хочу видѣть ее до концерта,—сказалъ Варендеръ.

— Это, можетъ быть, благоразумно съ вашей стороны.

Наступила короткая пауза; Базиль продолжалъ работать.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—вдругъ спросилъ лордъ Криссъ.

— Что я сдѣлалъ?

— Вы коснулись кистью глазъ—и измѣнили выраженіе.

Художникъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и посмотрѣлъ издали на портретъ.

— Странно, что случай сдѣлалъ именно то, чего я добивался. Я одинъ только разъ подмѣтилъ это выраженіе въ ея глазахъ.

— Такое выраженіе въ глазахъ есть еще у одной женщины,—сказалъ лордъ Криссъ.—Я видѣлъ такія глаза на старомъ портретѣ, въ какомъ-то римскомъ дворцѣ.

— Чей это былъ портретъ?—спросилъ Базиль.

Лордъ Криссъ посмотрѣлъ на него съ загадочной улыбкой.

— Императрицы Поппеи,—сказалъ онъ.

Съ англ. З. В.

АМАЛІЯ РИЗНИЧЪ

въ

ПОЭЗІИ А. С. ПУШКИНА.

Изслѣдователи и любители поэзіи Пушкина обратили, конечно, вниманіе на вышедшую недавно книгу проф. И. А. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина". Эта книга даетъ много новаго и для Пушкинскаго текста, и для біографіи поэта; ей принадлежитъ видное мѣсто въ Пушкинской литературѣ. Правда, выводы и сообщенія проф. И. А. Шляпкина не всегда могутъ быть приняты спеціальной критикой и нуждаются въ исправленіяхъ и дополненіяхъ. Въ нашемъ очеркѣ мы касаемся лишь одного недоумѣнія, возбуждаемаго трудомъ проф. И. А. Шляпкина и связаннаго съ важнымъ вопросомъ о біографическомъ элементѣ въ стихахъ Пушкина, съ вопросомъ о правильности нашихъ утвержденій о посвященіи тому или другому лицу различныхъ стиховъ Пушкина. Это—одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Пушкинскаго творчества.

I.

„Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье—бурная мечта
Ожесточеннаго страданья".

Этимъ прекраснымъ стихотворенiемъ открывается книга проф. И. А. Шляпкина. До сихъ поръ мы знали изъ него только четыре первыхъ строки; издатели относили ихъ къ 1826 году. На автографѣ этого стихотворенiя, принадлежащемъ проф. И. А. Шляпкину, находимъ точную дату: „1825 Триг. 23. Тригорск. 22“.

Къ кому относится это стихотворенiе? Чьей памяти поэтъ приноситъ въ жертву всѣ драгоцѣнные порывы своей души? П. А. Ефремовъ, въ изданiи 1882 года (т. II, стр. 398) высказалъ предположенiе, что эти стихи вызваны воспоминанiемъ объ одесской знакомой Пушкина, г-жѣ Ризничъ. Проф. И. А. Шляпкинъ полагаетъ, что въ виду даты: „1825 годъ“, раньше неизвѣстной, окончательно падаетъ предположенiе П. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится къ извѣстной Аннѣ Петровнѣ Килнъ. То или иное рѣшенiе вопроса о томъ, къ кому относятся различныя стихотворенiя Пушкина, имѣетъ важное значенiе для бiографiи поэта. Несомнѣнными являются указанiя его самого, но они рѣдки, и приходится дѣлать одни предположенiя,—а между тѣмъ, въ собранiяхъ сочиненiй, даже самыхъ новѣйшихъ, мы встрѣчаемъ не мало такихъ догматическихъ „усвоенiй“ стихотворенiй Пушкина тому или другому лицу,—усвоенiй, которыя какимъ-то невѣдомымъ путемъ повысились изъ догадокъ на степень достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Въ особенности мало достовѣрны и спутанны указанiя при стихотворенiяхъ, связанныхъ съ семьей Раевскаго и съ пребыванiемъ Пушкина на югѣ, при посланiяхъ кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихахъ, посвященныхъ Амалiи Ризничъ. Попытаемся разобраться въ томъ, кому же именно посвящено стихотворенiе: „Все въ жертву памяти твоей“, и т. д.

Относится ли оно къ А. П. Кернъ? Объ ея отношенiяхъ къ Пушкину, по крайней мѣрѣ, въ тотъ 1825-ый годъ, къ которому относятъ это стихотворенiе, мы можемъ судить по письмамъ къ ней А. С. Пушкина, напечатаннымъ во всѣхъ изданiяхъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ отношенiй, отмѣтимъ только общiй, чувственный характеръ увлеченiя Пушкина. Невозможно допустить, чтобы Пушкинъ и „мщенье — бурная мечта ожесточеннаго страданья“—принесъ въ жертву той, которую онъ называлъ „вавилонской блудницей“, которой онъ писалъ въ такомъ легкомъ тонѣ: „Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! Divine!.. et puis: „ахъ, мерзкая“! Pardon, belle et douce, mais c'est comme ça“, и т. д. Врядъ ли бы сталъ Пушкинъ выражаться: „все въ жертву *памяти твоей*“, въ то время, какъ Кернъ была такъ недалеко отъ него, въ Тригор-

скомъ, или въ Ригѣ, или въ С.-Петербургѣ (съ момента встрѣчи въ 1825 году, Huернъ только въ этихъ мѣстахъ и была въ этотъ годъ). Всѣ эти соображенія приводятъ къ слѣдующему выводу отрицательнаго характера: предположеніе о посвященіи стихотворенія А. П. Кернъ не можетъ быть допущено. И этотъ выводъ имѣетъ свое значеніе.

Прежде, чѣмъ обратиться къ предположенію П. А. Ефремова, остановимся на комментаріяхъ проф. И. А. Шляпкина, которые могутъ послужить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать комментаріи. Разборъ ихъ поможетъ намъ вникнуть въ содержаніе стихотворенія, а выясненіе содержанія имѣетъ существенное значеніе для нашей цѣли. Высказавшись предположительно о посвященіи стиховъ А. П. Кернъ, проф. И. А. Шляпкинъ безъ оговорокъ распредѣляетъ партіи: „на Е. Н. Вульфъ намекаетъ поэтъ, когда говоритъ о слезахъ воспаленной дѣвы. „Трепетъ ревности моей"—конечно, намекъ на А. Н. Вульфа, уѣхавшаго съ А. П. Кернъ въ Ригу". Необходимо указать, что подобные комментаріи могутъ опошлять стихи Пушкина и лишать ихъ всякаго художественнаго смысла. Стихотвореніе прекрасно именно по глубокому чувству, его проникающему: поэтъ приноситъ въ жертву памяти о любимой женщинѣ все самое цѣнное для его души, и слезы воспаленной любовью дѣвушки, всякой дѣвушки, и мученія ревности, всякія мученія, и блескъ славы и т. д. И. А. Шляпкинъ низводитъ стихотвореніе почти до эпиграммы:—увы, поэтъ готовъ пожертвовать памяти любимой имъ только слезы Евпраксіи Николаевны Вульфъ; поэтъ готовъ ради памяти отказаться ревновать ее къ Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Но правъ ли П. А. Ефремовъ, утверждая, что это стихотвореніе относится къ Ризничъ? Эпизодъ одесскаго увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ принадлежитъ къ интереснѣйшимъ и запутаннѣйшимъ пунктамъ біографіи поэта.

Всѣ фактическія данныя о г-жѣ Ризничъ исчерпываются всего двумя сообщеніями. Первое принадлежитъ проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось въ 1856 году въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" и тогда же было перепечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ" [1]. Проф. Зеленецкій заявилъ себя какъ осторожный изслѣдователь, и на достовѣрность его сообщеній можно полагаться, но необходимо обратить вниманіе на особенность источника его свѣдѣній: онъ разузналъ о Ризничъ отъ одесскихъ старожиловъ,—а слѣ-

[1]) Перепечатано въ книгѣ проф. В. А. Яковлева: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи". Одесса, 1887. Добавленіемъ къ этой статьѣ являются нѣкоторыя данныя въ „Замѣткѣ о Пушкинѣ" въ „Библіографическихъ Запискахъ", 1858, стр. 137.

довательно, узналъ то, что *говорилось* о ней въ Одессѣ. Второе сообщеніе принадлежитъ проф. Халанскому: оно появилось въ „Харьковскомъ университетскомъ Сборникѣ“ 1899 года. Со словъ проф. Стечковича, г. Халанскій передаетъ разсказы мужа Ризничъ. По этимъ двумъ сообщеніямъ исторія Ризничъ выясняется въ слѣдующихъ чертахъ.

Иванъ Ризничъ, сынъ богатаго сербскаго купца, человѣкъ отлично образованный въ итальянскихъ университетахъ, сначала имѣлъ банкирскую контору въ Вѣнѣ, а потомъ переселился въ Одессу и занялся хлѣбными операціями. Съ Ризничемъ Пушкинъ познакомился въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Одессу изъ Кишинева. Въ 1822 году, Иванъ Ризничъ уѣхалъ въ Вѣну жениться и весной 1823 года возвратился съ молодой женой. Въ началѣ іюня этого года Пушкинъ переселился на жительство въ Одессу. Тогда же начинается его знакомство съ женой негоціанта. Кто же была она? Пушкинъ и его одесскіе современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкій сообщаетъ, что она—дочь вѣнскаго банкира Риппа, полунѣмка, полуитальянка, съ примѣсью, быть можетъ, еврейской крови. Стечковичъ со словъ мужа Ризничъ утверждаетъ, что она была итальянка, родомъ изъ Флоренціи. Нѣтъ основаній не вѣрить словамъ Стечковича. Относительно необыкновенной красоты г-жи Ризничъ всѣ современники согласны: высокаго роста, стройная, съ пламенными очами, съ шеей удивительной формы, съ косой до колѣнъ. Она ходила въ необыкновенномъ костюмѣ: въ мужской шляпѣ; въ длинномъ платьѣ скрывались большія ступни ногъ. Среди одесскихъ женщинъ она была поразительнымъ явленіемъ. Д. И. Туманскій писалъ въ 1824 году изъ Одессы своей пріятельницѣ объ одесскихъ дамахъ: „недостатокъ свѣтскаго образованія чувствителенъ въ одесскихъ дамахъ. Женщины—первыя создательницы и истинныя подпоры обществъ. Слѣдовательно, имъ непростительно упущать всякую малость, способствующую выгодамъ сего новаго отечества. Всѣ приманки ума, ловкости просвѣщенія должны быть употреблены, дабы внушить въ мужчинѣ и охоту къ свѣтскимъ удовольствіямъ, и сердечную признательность къ дамамъ. У насъ ничего этого нѣтъ,—замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей“, и т. д. Ризничъ, очевидно, подходила къ тому идеалу женщины, который рисуетъ Туманскій. Амалія Ризничъ не была принята въ высшемъ одесскомъ обществѣ, которое и сосредоточивалось-то въ одномъ домѣ графини Воронцовой. Что преграждало ей доступъ въ высшій свѣтъ: эксцентричность одежды,

необыкновенность поведенія или соціальное положеніе, или, наконецъ, другія обстоятельства, о которыхъ глухо говоритъ проф. Зеленецкій? На этотъ вопросъ мы отвѣтить не можемъ. Поклонники ея собирались въ домѣ Ризничъ. Ихъ было не мало: среди нихъ особенно настойчивымъ былъ Пушкинъ. По выраженію мужа Ризничъ, Пушкинъ увивался около Амаліи, какъ котенокъ (као маче,—по-сербски). Одесскіе старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкинъ встрѣтилъ соперника въ польскомъ шляхтичѣ Собаньскомъ. Иванъ Ризничъ называетъ князя Яблоновскаго. Пользовался ли Пушкинъ взаимностью Амаліи Ризничъ? Молва утверждаетъ, а Ризничъ, приставившій къ женѣ для наблюденія стараго своего слугу, отрицаетъ. Ризничъ пробыла въ Одессѣ недолго; мужъ говоритъ, что она разстроила свое здоровье и уѣхала лечиться. 30 апрѣля 1824 года, изъ одесскаго городского магистрата было выдано свидѣтельство на право выѣзда за границу г-ну Ивану Ризничу съ семействомъ, а въ первыхъ числахъ мая г-жа Амалія Ризничъ, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Александромъ, слугою и двумя служанками выѣхала въ Австрію, Италію и Швейцарію. 30-го іюня Пушкинъ уѣхалъ въ Михайловское. Въ Одессѣ разсказывали, что вскорѣ послѣ отъѣзда Ризнича выѣхалъ и соперникъ Пушкина, Собаньскій; за границей онъ догналъ ее, проводилъ до Вѣны и бросилъ. Мужъ Ризничъ говоритъ, что за Ризничъ послѣдовалъ во Флоренцію князь Яблоновскій и здѣсь добился ея довѣрія. Ризничъ недолго прожила на родинѣ. По всей вѣроятности, въ началѣ 1825 года, она умерла, „кажется, въ бѣдности, призрѣнная матерью мужа“, какъ говорили въ Одессѣ. Но, по словамъ мужа, она не получала отъ него отказа въ денежныхъ средствахъ во время жизни въ Италіи. Этимъ ограничиваются всѣ наши фактическія свѣдѣнія объ Амаліи Ризничъ.

Амалія Ризничъ имѣетъ всѣ права на вниманіе по тому вліянію, которое оказала она на душу поэта и, слѣдовательно, на его творчество. Быть можетъ, когда-нибудь мы будемъ имѣть настоящую біографію поэта,—не фактическую исторію внѣшнихъ событій его жизни, а исторію сокровенныхъ движеній его души, ея жизни. И будущій біографъ долженъ будетъ опредѣлить, что внесла въ эту жизнь Ризничъ, и выяснить, въ чемъ была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопросъ, на которомъ нужно остановиться—вопросъ о томъ, какія же произведенія Пушкина вызваны этой женщиной. Тутъ царитъ большая путаница: съ именемъ Ризничъ связываютъ различныя стихотворенія, иногда прямо противоположныя по со-

держанію: Анненковъ создалъ даже „трехчленную лирическую пѣснь“ изъ стихотвореній: Элегія 1825 („Подъ небомъ голубымъ“), „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальной“—и связалъ эту пѣснь съ именемъ Ризничъ. Впрочемъ, онъ осторожно замѣтилъ, что трехчленная лирическая пѣснь обращена къ одной или двумъ особамъ, умершимъ за границей. Осторожныя замѣчанія Анненкова были расширены и перетолкованы позднѣйшими изслѣдователями, и Амалія Ризничъ получила исключительное значеніе въ жизни Пушкина; комментаторы и біографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вѣчную любовь къ ней. Для рѣшенія поднятаго въ началѣ нашей замѣтки вопроса о томъ, можно ли отнести къ Ризничъ отрывки „Все въ жертву памяти твоей“,—необходимо разобраться въ путаницѣ различныхъ пріуроченій поэтическаго матеріала къ Амаліи Ризничъ. Намъ представляется далеко не лишней попытка опредѣлить характеръ отношеній поэта къ женѣ одесскаго негоціанта и выяснить, какія именно стихотворенія Пушкина запечатлѣны ея вліяніемъ.

II.

Намъ кажется, что внимательный анализъ стихотвореній Пушкина поможетъ намъ разобраться въ біографическихъ вопросахъ, вызываемыхъ ими. Начнемъ съ элегіи: „Подъ небомъ голубымъ“; относительно этого стихотворенія можно съ достовѣрностью сказать, что оно относится къ Амаліи Ризничъ. Обратимъ вниманіе на обстоятельства, при которыхъ оно написано.

Амалія Ризничъ выѣхала изъ Одессы за границу въ первыхъ числахъ мая 1824, а Пушкинъ отправился въ ссылку 30 іюля,—должно быть, раньше, чѣмъ распространились слухи о томъ, что вслѣдъ за Ризничъ отправился его соперникъ. Послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Одессѣ мысли Пушкина были заняты другой женщиной. Въ стихотвореніи „Къ морю“, написанномъ непосредственно передъ отъѣздомъ, въ іюлѣ, поэтъ обращается къ морю:

„Ты ждалъ, ты звалъ... Я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я“.

Эти строки никакъ нельзя считать свидѣтельствомъ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которая въ это время была за грани-

цей: еслибы онъ былъ окованъ могучей страстью къ Ризничъ,—незачѣмъ было бы оставаться у береговъ! Изъ этого можно было бы сдѣлать слѣдующій выводъ: увлеченіе Ризничъ нужно отнести къ начальному періоду пребыванія Пушкина въ Одессѣ. Въ стихотвореніяхъ 1830 года „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальной“ поэтъ рисуетъ слѣдующими чертами разлуку съ неизвѣстной намъ женщиной, въ которой комментаторы видятъ Ризничъ.

„Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой“. („Заклинаніе“.)

„Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой,
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой;
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страстнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала“, и т. д.

Но если принять во вниманіе, что поэтъ въ это время былъ очарованъ могучей страстью, приковывавшей его къ берегамъ Чернаго моря, если вспомнить, что вслѣдъ за Ризничъ уѣзжали и соперники поэта, то придется усомниться въ томъ, что оба эти стихотворенія вызваны воспоминаніемъ о разлукѣ съ Ризничъ.

Еслибы моментъ разставанія поэта съ Ризничъ соотвѣтствовалъ описанному въ этихъ строкахъ, то мы вправѣ были бы предположить, что и въ Михайловскомъ въ своихъ воспоминаніяхъ поэтъ обращался все къ той же Амаліи Ризничъ, страсть къ которой была такъ могуча. Но въ это время,—пишетъ Анненковъ,—настоящая мысль поэта постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ—далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ: Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онѣгина“ онъ дѣлаетъ приписку: „1 сентября 1824 года—Une lettre de***. Сестра поэта, О. С. Павлищева, разсказывала Анненкову, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата,—послѣдній за-

пирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе „Сожженное письмо", 1825 года. Къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Михайловскомъ относится элегія „Ненастный день потухъ". Она и самимъ поэтомъ отнесена, въ изданіи стихотвореній 1826 года, къ 1823 году—и всѣми издателями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержанія даетъ несомнѣнныя указанія на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первой строфѣ поэтъ рисуетъ обстановку, которая окружаетъ его:

„Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой,
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ".

Пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный, и въ 1823 году поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противополагаетъ слѣдующую картину:

„Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ *время*: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами,
Тамъ, подъ *завѣтными* скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна"...

Нѣкоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничъ, но это невѣрно, потому что Ризничъ въ это время была въ Италіи, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина „завѣтныхъ" скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одессѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горъ, а скалы гротовъ. Г-нъ Морозовъ дѣлаетъ совершенно неосновательное предположеніе, что „она"—это Марія Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 года кн. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, декабристъ, писалъ изъ Петербурга Пушкину: „имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Маріей Николаевной Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ счастіи". Врядъ ли можетъ быть отнесено къ М. Н. Раевской это стихотвореніе, въ особенности заключительныя его строки:

„Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна...
Одна... Никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... Ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда-ль: ты одна? ты плачешь? Я спокоенъ.
. . . .
Но если. . . . .“

Точки поставлены самимъ Пушкинымъ; рукопись этого стихотворенія намъ неизвѣстна. Итакъ, этой элегіи нельзя отнести ни къ М. Н. Раевской, ни къ Амаліи Ризничъ; относится она къ той особѣ, о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ.

Среди стихотвореній, написанныхъ въ Михайловскомъ, мы встрѣтили еще одно, которое также даетъ доказательство того, что не Ризничъ владѣла мыслью поэта въ его уединеніи, что не она была могучей страстью Пушкина въ Одессѣ. Это — „Желаніе славы“ (7 іюля 1825 года); лицо, къ которому обращено это стихотвореніе, опять-таки мы должны искать не въ Тригорскомъ, а тамъ, гдѣ поэтъ былъ до ссылки въ Михайловское; стихотвореніе заключаетъ, по нашему мнѣнію, важное автобіографическое свидѣтельство, указаніе на обстоятельства, сопровождавшія разлуку поэта съ этой особой, и намекъ на какую-то связь этой любви поэта съ его высылкой изъ Одессы.

„Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ призваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: „Скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?“
А я стѣсненное молчаніе хранилъ;
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ; я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... *И что же? Слезы, муки,*
Измѣны, клевета, — все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,

Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья".

Не объ этой ли минутѣ разлученья идетъ рѣчь въ отрывкѣ, который находится въ одесской тетради Пушкина среди набросковъ писемъ начала 1824 года и который, слѣдовательно, можетъ быть датированъ вообще 1824 годомъ, безъ ближайшаго опредѣленія?

„Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
Произношу я горестныя пени.
Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя (роптаніемъ) преслѣдовать не буду
(И невозвратное), быть можетъ, позабуду.
(Я зналъ: не для меня) блаженство,
Не для меня сотворена любовь..
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты"...

И въ этомъ, и въ предъидущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, внѣшнихъ обстоятельствъ. „Послѣднія моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья" перваго стихотворенія („Желаніе славы") напоминаютъ „горестныя пени" отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ внѣшнихъ событій... „Слезы, муки, измѣны, клевета", все вдругъ обрушилось на голову поэта. Въ отрывкѣ, тоже по какимъ-то причинамъ, любимая поэтомъ разрываетъ свои интимныя отношенія съ нимъ.

Та особа, къ которой летѣла мысль поэта въ Михайловскомъ и о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ,—жена начальника по одесской службѣ Пушкина, графиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова; отношенія ея къ Пушкину совершенно не обслѣдованны біографами поэта. Такому разслѣдованію долго мѣшало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только въ 1880 году. „Преданія эпохи, — писалъ въ 1874 году Анненковъ, — упоминаютъ еще о женщинѣ, превос-

ходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой она управляла мыслью и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головки, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни". Особа, многочисленные портреты которой находятся въ тетрадяхъ Пушкина, — гр. Е. К. Воронцова [1]). Вотъ о комъ вспоминалъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Изъ написанныхъ въ Михайловскомъ въ 1824—1825 гг. стихотвореній Пушкина къ ней нужно относить „Сожженное письмо", и врядъ ли къ кому-либо другому—элегію „Ненастный день потухъ", стихотвореніе „Желаніе славы" и отрывокъ. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ одновременно лелѣялъ дорогія ему воспоминанія о двухъ женщинахъ.

III.

Одесскія новости доходили до Пушкина очень туго; онъ постоянно жалуется въ своихъ письмахъ изъ Михайловскаго на ихъ отсутствіе и проситъ ихъ. Не много зналъ онъ и о Ризничъ. 21 августа 1824 года, А. Н. Раевскій сообщалъ Пушкину о мужѣ Ризничъ, о томъ, что онъ „опять принялъ бразды театральнаго правленія, и актрисы ему одному повинуются". Профессору Зеленецкому разсказывали люди, близкіе къ Ивану Ризничу, что онъ былъ въ перепискѣ съ Пушкинымъ; трудно повѣрить этому извѣстію: что же было общаго между обманутымъ мужемъ и любовникомъ его жены? Не къ кому другому, какъ къ Амаліи Ризничъ, можетъ быть отнесенъ отрывокъ изъ описанія Одессы въ „Евгеніи Онѣгинѣ":

„А только ль тамъ (въ Одессѣ) очарованій?
А розыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ, красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,

---

[1]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова. 1903, т. II, стр. 356.

И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ „фора!“ закричитъ,
Зѣвнетъ — и снова захрапитъ“ [1]).

Съ этимъ-то мужемъ врядъ ли бы сталъ переписываться Пушкинъ, и не изъ его писемъ узналъ Пушкинъ о смерти Амаліи Ризничъ за границей. Ризничъ умерла въ первой половинѣ 1825 года: во всякомъ случаѣ, къ іюлю 1825 года въ Одессѣ уже знали о ея смерти и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти: говорили и о томъ, что Иванъ Ризничъ предоставилъ ей умереть въ нищетѣ (мы видѣли, что самъ Ризничъ, въ разговорѣ съ Стечковичемъ, отрицалъ это). Подпись: „іюль 1825“, мы встрѣчаемъ подъ сонетомъ одного изъ поклонниковъ Ризничъ, В. И. Туманскаго: „На кончину Р.“ Этотъ сонетъ напечатанъ въ альманахѣ Раича и Ознобишина: „Сѣверная лира на 1827 годъ“ (цензурное разрѣшеніе на печатаніе дано 1 ноября 1826 года) съ посвященіемъ А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ прочелъ этотъ сонетъ только въ печати. Пушкинъ переписывался съ В. И. Туманскимъ: до насъ дошло по нѣскольку писемъ того и другого, между прочимъ, и письмо Пушкина къ Туманскому, отъ 13 августа 1825 года. Анализируя содержаніе этого письма, мы не найдемъ въ немъ ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина къ Туманскому—не первое, имъ писанное. Между прочимъ, Пушкинъ писалъ въ немъ [2]): „Объ Одессѣ, кромѣ газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю, напиши мнѣ что-нибудь“. Послѣдняя фраза даетъ основаніе думать, что отвѣтъ Туманскаго былъ первымъ его письмомъ къ Пушкину. Вполнѣ естественно предположить, что Туманскій подѣлился съ Пушкинымъ своимъ стихотвореніемъ,

---

[1]) Совершенно не понимаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Брюсовъ въ своей статьѣ „Изъ жизни Пушкина“ („Новый Путь“, 1903, іюнь) сообщаетъ: „Когда въ Михайловскомъ приходили письма отъ Ризничъ, Пушкинъ запирался у себя въ кабинетѣ и старался весь день не видаться ни съ кѣмъ“. Не приписываетъ ли тутъ г. Брюсовъ—совершенно ошибочно—Ризничъ тѣхъ писемъ, которыя Пушкинъ получалъ отъ графини Воронцовой?

[2]) Первыя строки этого письма (Сочин. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. III, стр. 206) для насъ несовсѣмъ понятны: „буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда“. Замѣчательно, что эти строки дословно совпадаютъ съ началомъ чернового наброска письма къ Княжевичу, написаннаго въ концѣ ноября, въ началѣ декабря 1824 года. Это письмо тамъ же, стр. 136. И въ этомъ набросокѣ поэтъ жадно проситъ вѣстей изъ Одессы: „Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами“ и т. д.

написаннымъ на смерть Ризничъ и посвященнымъ Пушкину. Свое стихотвореніе онъ долженъ былъ сопроводить нѣкоторыми фактическими разъясненіями, безъ которыхъ не все въ немъ было бы понятно Пушкину. Вотъ что писалъ Туманскій о Ризничъ:

„Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо юга.

Къ твоимъ стопамъ съ горячностію друга
Склонялся міръ — твои оковы несъ,
Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга.

И гдѣ жъ теперь поклонниковъ твоихъ
Блестящій рой? Гдѣ страстныя рыданья?
Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,

Ужъ новый огнь волнуетъ души ихъ;
И для тебя *сей голосъ струнъ чужихъ* —
Единственный завѣтъ воспоминанья!"

Посвящая Пушкину это стихотвореніе, не думалъ ли о немъ Туманскій, когда писалъ о разсѣявшихся поклонникахъ, которыхъ уже къ другимъ красавицамъ влекутъ желанья, и души которыхъ волнуетъ новый огнь? Если думалъ, то вѣдь онъ разумѣлъ подъ новыми увлеченіями поэта не увлеченія сельца Михайловскаго, а одесскія увлеченія, которыя одни только и могли быть ему извѣстны. Въ стихахъ Туманскаго необходимо отмѣтить легкій оттѣнокъ сожалѣнія, укора, обращеннаго къ умершей.

Отвѣтомъ на извѣстіе о смерти Ризничъ, полученное поэтомъ или отъ Туманскаго въ концѣ 1825 года, или отъ кого-либо другого (мы больше склонны къ первому предположенію), была извѣстная, прекрасная элегія: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной она томилась, увядала". Уже первыя строки показываютъ, что поэту была извѣстна одесская версія разсказа о смерти Ризничъ, въ бѣдности, брошенной и любовникомъ, и мужемъ.

„Увяла, наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть;
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я".

Намъ необходимо запомнить то впечатлѣніе, съ которымъ

поэтъ принялъ извѣстіе о смерти когда-то любимой имъ женщины. Онъ былъ равнодушенъ; въ его сердцѣ уже не было любви къ ней. Въ этихъ стихахъ обращаетъ вниманіе выраженіе: „изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть“; эти слова хочется сопоставить съ той характеристикой, которую даетъ своему сонету Туманскій: „сей голосъ струнъ чужихъ“. Но откуда же такое полнѣйшее равнодушіе у Пушкина, который когда-то былъ страстно увлеченъ Ризничъ? Ея образъ запечатлѣлся въ его представленіи; не затмили ли его тѣ свѣдѣнія, которыя сообщилъ ему или Туманскій, или кто-нибудь изъ одесскихъ пріятелей, по слухамъ, циркулировавшимъ въ Одессѣ?

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени“.

Какое тяжелое осужденье тому, кто былъ такъ любимъ прежде! Бѣдная легковѣрная тѣнь! Легковѣрная, потому что легко вѣрила въ клятвы любви... Трудно повѣрить, что на Пушкина такъ подѣйствовало только одно сообщеніе о томъ, что его соперникъ уѣхалъ вслѣдъ за Ризничъ: было что-то и другое, для насъ исчезнувшее.

Итакъ, эта элегія, несомнѣнно относящаяся къ Ризничъ, даетъ немногочисленныя, правда, но опредѣленныя указанія на характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ и свидѣтельство о судьбѣ его отношеній къ ней послѣ отъѣзда изъ Одессы. Опираясь на эти данныя, можно уже прямо выбрасывать изъ цикла Ризничъ тѣ стихи, въ которыхъ мы найдемъ противорѣчащую характеристику Ризничъ; но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору, остановимся еще на разобранной элегіи. Когда написана она? Въ изданіи 1829 года элегія отнесена самимъ поэтомъ къ 1825 году; драгоцѣнныя указанія поэта можно измѣнять только съ вѣскими фактическими данными въ рукахъ, а между тѣмъ положительно во всѣхъ новѣйшихъ изданіяхъ (во всѣхъ изданіяхъ подъ ред. П. А. Ефремова и г. Морозова и др.) элегія помѣщается подъ 1826 годомъ. Издатели относили элегію къ этому году, очевидно, на основаніи сообщаемыхъ Анненковымъ свѣдѣній о рукописи этого стихотворенія, до насъ не дошедшей; они приняли за дату имѣющуюся на рукописи помѣту

„26 іюля 1826 года“ [1]). Но дѣло все въ томъ, что эту помѣту нельзя считать датой. Помѣта находится не подъ стихотвореніемъ, а надъ стихотвореніемъ (Анненковъ даже называетъ ее оглавленіемъ). А это—два разныхъ дѣла; во всякомъ случаѣ, безъ всякихъ оговорокъ выдавать эту помѣту за дату, и, на этомъ основаніи, печатать элегію подъ 1826 годомъ, тогда какъ самъ Пушкинъ напечаталъ ее подъ 1825 годомъ, не представляется необходимымъ. Мы предпочитаемъ оставить безъ объясненій эту помѣту, тѣмъ болѣе, что въ рукописи Пушкинъ нерѣдко отмѣчаетъ дни, чѣмъ-нибудь для него замѣчательные. Въ рукописи этого стихотворенія находятся еще двѣ помѣты: „Усл. о см. 25“ и „У. о с. П. Р. М. М. К. Б. 24“. Послѣдняя читается слѣдующимъ образомъ: „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 іюля“; первая помѣта читалась и какъ „услышалъ о смерти (Ризничъ) въ 1825 году“, и какъ „услышалъ о смерти 24 іюля“. Приведенныя выше данныя не допускаютъ предположенія о томъ, что Пушкинъ до іюля 1826 года ничего не зналъ о смерти Ризничъ, даже отъ Туманскаго. Наконецъ, самъ онъ печаталъ элегію подъ 1825 годомъ. Поэтому, первую помѣту можно читать только въ одной редакціи: „услышалъ о смерти Ризничъ въ 1825 году“. Чтобы покончить съ исторіей этого стихотворенія, нужно указать, что Пушкинъ въ рукописи сообщилъ его Туманскому; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 2 марта 1827 года, В. И. Туманскій писалъ Пушкину: „Одна изъ нашихъ новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестрѣ Собаньской, Виттовой любовницѣ. Въ приданое за ней получилъ Ризничъ въ будущемъ 6000 черв., а въ настоящемъ—Владимірскій крестъ за услуги, оказанныя одесскому лицею. Надобно знать, что онъ въ лицеѣ никогда ничего не дѣлалъ. Новая м-мъ Ризничъ, вѣроятно, не заслужитъ ни твоихъ, ни моихъ стиховъ по смерти: это—малютка съ большимъ ртомъ и съ польскими ухватками“ [2]). Очевидно, тутъ говорится объ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“, потому что никакихъ другихъ мы не знаемъ. А эта элегія появилась въ печати лишь въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 годъ“. Пушкинъ отослалъ ее Дельвигу только при письмѣ отъ 31 іюля 1827 года. (Соч., ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 280). А то, что Туманскому была извѣстна эта элегія въ рукописи, не

---

[1]) Анненковъ не совсѣмъ точно прочелъ помѣту: во II-мъ томѣ своего изданія (стр. 409) онъ сообщаетъ „26 іюля 1826“, а въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ (Спб., изд. 2-е, 1873, стр. 188)—даетъ другую дату.

[2]) А. С. Пушкинъ. Изд. Бартенева, II, М. 1885, стр. 127.

служитъ ли косвеннымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что и сонетъ Туманскаго былъ извѣстенъ Пушкину тоже въ рукописи.

IV.

Еще разъ остановимся на той строфѣ элегіи, которая рисуетъ характеръ увлеченія Пушкина Ризничъ. Въ 1828 году Пушкинъ писалъ о себѣ:

„Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой!“

Но всякая любовь индивидуальна.

Какой же характеръ нашла любовная схватка Пушкина въ 1823 году? Страсть къ Ризничъ оставила глубокій слѣдъ въ сердцѣ Пушкина своею жгучестью и муками ревности.

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!“

Тяжелое напряженье любви, нѣжная, томительная тоска, безумство и мученье—вотъ характерные признаки увлеченія Пушкина, его страсти.

Послѣднее—вѣрнѣе. Современники разсказывали проф. Зеленецкому, что Ризничъ любила быть окруженной толпой поклонниковъ, что Пушкину приходилось соперничать изъ-за ея любви. Яркое изображеніе своихъ мукъ Пушкинъ оставилъ въ элегіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Многочисленные намеки на дѣйствительность объясняются только при предположеніи, что элегія обращена къ Ризничъ; проф. Зеленецкій въ своей статьѣ доказалъ это вполнѣ убѣдительно [1]).

[1]) Г. Морозовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. I, стр. 652) отказывается признать это стихотвореніе относящимся къ Ризничъ, на томъ основаніи, что въ немъ говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а г-жа Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ. Какъ разъ это обстоятельство и даетъ лишній мотивъ относить элегію къ Ризничъ, потому что, какъ указываетъ проф. Зеленецкій, первые шесть мѣсяцевъ по отъѣздѣ въ Россію при Ризничъ находилась ея мать. Кстати, это сообщеніе даетъ указаніе и на время страсти Пушкина къ Ризничъ.

„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
И всѣхъ дaритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
Мной овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣдѣ чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
Что жъ онъ тебѣ? Скажи: *какое право*
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?..
Въ нескромный часъ, межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?..
Но я любимъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю“.

Это стихотвореніе было написано въ 1823 году и напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 годъ, съ многочисленными опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Булгарина, въ „Литературныхъ Листкахъ“ (февр. 1824 г., № 4, стр. 134). Здѣсь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имѣющія автобіографическое значеніе и набранныя у насъ курсивомъ. Въ черновой рукописи подробнѣе обрисованъ соперникъ:

„Предательски тобой ободренный
Соперникъ мой надменный,

Всегда, всегда преслѣдуетъ меня.
Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
Являюсь я—блѣднѣетъ онъ...
Иль иногда предупрежденный мной"....

И въ самомъ стихотвореніи, и въ наброскахъ — яркая картина мукъ ревности, мукъ томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображеніе страсти въ элегіи „Подъ небомъ голубымъ" набросаны однѣми и тѣми же красками. Въ нашемъ воображеніи вырисовывается образъ обольстительной женщины, которая приковывала къ себѣ властью своей красоты и чувственнаго влеченія. Она умѣла возбуждать чувства ревности, могла измучить человѣка и хотѣла овладѣть всѣми. Первые мѣсяцы пребыванія Пушкина въ Одессѣ ознаменовались „безумными волненьями" любви къ Амаліи Ризничъ, и только подъ конецъ его пребыванія новая страсть, непохожая на эту, вытѣснила образъ Ризничъ изъ сердца Пушкина. Но періодъ увлеченія Ризничъ остался памятнымъ. Въ 1826 году Пушкинъ окончилъ въ Михайловскомъ шестую главу „Онѣгина"; въ ней мы находимъ слѣдующія строфы, въ печати выброшенныя. XV-я строфа ясно рисуетъ отношенія Пушкина къ чувству ревности:

„Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно, какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадки,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ, кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ, конечно, безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ".

Это описаніе ревности говоритъ о томъ, что поэту были хорошо знакомы ея муки. Слѣдующая строфа посвящена памяти той, которая заставила поэта перенесть всѣ терзанія, всю болѣзнь ревности:

„Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ, о, ты, которой
Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ!..

Какъ учатъ слабое дитя,
Ты, душу нѣжную мутя,
Учила горести глубокой;
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
Почій, мучительная тѣнь!"

Эта строфа является какъ бы комментаріемъ къ элегіи 1823 года: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты". Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что эти строфы вызваны воспоминаніями о Ризничъ.

V.

Къ Ризничъ принято относить стихотвореніе „Иностранкѣ" (Въ альбомъ):

„На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу,
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну
Въ разлукѣ, чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя!
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая".

Подъ этими стихами въ рукописи стоитъ слѣдующая помѣта: „Veux-tu m'aimer? 18, 19 mai 1824 Pl. s. D'.". Ризничъ получила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и, по справкѣ проф. Зеленецкаго, выѣхала въ первыхъ числахъ мая. Съ нѣкоторой натяжкой можно было бы первыя числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность относить эти стихи къ Ризничъ. Но этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т.-е. того времени, когда о Ризничъ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кишиневской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ предназначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть можетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризничъ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только

какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приспособлять къ моменту свои старые стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризничъ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно [1]).

Намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ опредѣлился совершенно ясно. Можемъ ли мы относить къ Ризничъ стихотворенія 1830 года: „Заклинаніе", элегію „Для береговъ отчизны дальной" и „Разставаніе"? Всѣ эти произведенія написаны Пушкинымъ осенью 1830 года, когда поэтъ сидѣлъ, окруженный карантинами, въ своемъ Болдинѣ, вдали отъ своей невѣсты, Н. Н. Гончаровой. Настроеніе Пушкина въ этотъ періодъ было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что передъ свадьбой онъ обращался мыслью не къ будущей своей женѣ, а къ памяти другой, умершей женщины. Несомнѣнно, по психологическимъ соображеніямъ, что всѣ три стихотворенія обращены къ одному лицу и составляютъ превосходную лирическую трилогію. „Заклинаніе" написано 17 октября; элегія—27 ноября; „Разставаніе", представляющее по содержанію своему какъ бы эпилогъ къ двумъ первымъ, имѣетъ помѣту 5 (8?) октября 1830; но есть нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ пріурочивать созданіе этого стихотворенія къ ноябрю [2]). Первая строфа „Разставанія" рисуетъ отношеніе поэта къ неизвѣстной намъ женщинѣ, вдохновившей его на трилогію:

„Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать".

Нечего и говорить о томъ, что тутъ поэтъ говоритъ не о Ризничъ. Никоимъ образомъ не могъ Пушкинъ вспоминать съ нѣгой робкой и унылой опустошительную страсть къ Ризничъ. „Заклинаніе" и элегія—изображеніе мистической, загробной любви Пушкина:

„О, если правда, что въ ночи
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,

---

[1]) Соч. Пушкина, ред. Морозова, 1903, т. I, стр. 656—658.
[2]) Сочиненія Пушкина, ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 503.

О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
. . . .
Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того . . . . .
. . . .
. . . . но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что я все твой.
(„Заклинаніе".)

Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ—за тобой!.."
(„Для береговъ отчизны дальной".)

Возвышенный и мистическій оттѣнокъ этой любви Пушкина никакъ не подходитъ къ той совершенно опредѣленной характеристикѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которую мы выше сдѣлали. Кромѣ того, признаніе этихъ стихотвореній за посвященныя Ризничъ прямо противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы получили, на основаніи анализа элегіи 1825 года „Подъ небомъ голубымъ". Въ послѣдней поэтъ говоритъ о своемъ равнодушіи къ памяти этой женщины, а въ стихахъ 1830 года—о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконецъ, мы уже указывали, что описанія разлуки въ „Заклинаніи" и элегіи „Для береговъ отчизны дальной" совершенно не соотвѣтствуютъ моменту разставанія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ Ризничъ и Пушкина. Если вѣрно предположеніе, что замѣтка „Иностранкѣ" находится въ альбомѣ Ризничъ, то это только подкрѣпляетъ наше мнѣніе. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отрицать мнѣніе объ отношеніи этой поэтической трилогіи 1830 года къ Амаліи Ризничъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго о характерѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, мы можемъ придти къ тому выводу, что и стихотвореніе, которымъ начинается

---

[1]) Нѣкоторое основаніе относить къ Ризничъ элегію „Для береговъ отчизны дальной ты покидала край чужой" даютъ первыя строки стихотворенія. Извѣстно, что Пушкинъ, отдавая въ печать свои стихи, всегда стремился уничтожить всѣ намеки, которые могли бы помочь добраться до дѣйствительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указаніе Анненкова на то, что рукопись элегіи начиналась такъ: „Для береговъ чужбины дальной ты покидала край родной".

наша замѣтка, „Все въ жертву памяти твоей“, написанное въ 1825 году, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Амаліи Ризничъ [1]).

Остается еще сказать объ одномъ стихотвореніи, которое связываютъ съ именемъ Ризничъ. Это—извѣстное „Воспоминаніе“ (1828), доставляющее много хлопотъ біографамъ поэта. Поэтъ съ грустью и тоской вспоминаетъ свои „утраченные годы“:

„Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
    На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
    Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
    Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
    Мнѣ ангела во дни былые.
Но оба съ крыльями и пламеннымъ мечомъ,
    И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
    О тайнахъ вѣчности и гроба!..“

Біографамъ поэта хочется во что бы то ни стало разузнать, кто эти двѣ тѣни. Если понимать стихотвореніе, какъ поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тѣнями оказываются лишними. Анненковъ считаетъ весьма правдоподобнымъ, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ госпожу Ризничъ. Мы знаемъ, чему научила Ризничъ поэта: ее-то онъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не могъ взять въ ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спроситъ читатель, если не эти тѣни, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогію 1830 года и которая и за гробомъ владѣла мыслями поэта? При современномъ состояніи нашихъ данныхъ о Пушкинѣ, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, это далеко не единственный вопросъ въ исторіи внутренней жизни поэта, который мы не можемъ рѣшать.

---

[1]) Въ своихъ замѣчаніяхъ объ этомъ стихотвореніи П. А. Ефремовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. VII, стр. 150) пишетъ: „мое будто бы „падающее“ мнѣніе основано на замѣчаніяхъ Анненкова, *знавшаго* дату 1825 (а не 1826 г.) и, тѣмъ не менѣе, отнесшаго стихи къ трилогіи: „Подъ небомъ голубымъ“, и т. д. Тутъ кроется недоразумѣніе: Анненковъ не высказывался по поводу отрывка „Все въ жертву памяти“. На стр. 347 перваго изданія „Матеріаловъ“, на которую ссылается П. А. Ефремовъ, Анненковъ предположительно относитъ къ трилогіи не этотъ отрывокъ, а другой (XII): „Все кончено“, и т. д. Мы видѣли, насколько справедливо мнѣніе Анненкова.

Подводя итоги нашимъ разысканіямъ, мы можемъ утверждать, что циклъ Ризничъ въ творчествѣ Пушкина обнимаетъ слѣдующія произведенія поэта: элегію 1823 года („Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты"); элегію 1825 года („Подъ небомъ голубымъ") и XV—XVI строфы шестой главы „Онѣгина", оставшіяся въ рукописяхъ. Всѣ же остальныя стихотворенія, связывавшіяся съ именемъ Ризничъ, не могутъ быть относимы къ ней.

П. Щеголевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—ПѢСНИ ВЪ КАМЫШАХЪ.

Изъ Ленау.

1.

Солнце красное зашло,
Засыпаетъ день тоскливо;
Тамъ, гдѣ тихій прудъ глубокъ—
Надъ водой склонилась ива.

Какъ безъ милой тяжело!
Лейтесь, слезы, молчаливо,
Грустно шепчетъ вѣтерокъ,
Шелестятъ камышъ и ива.

Грусть—тиха и глубока,
Свѣтитъ образъ мнѣ далекій:
Такъ звѣзду межъ ивняка
Отражаетъ прудъ глубокій.

2.

Сумракъ, тучи... Гнется ива,
Дождь шумитъ среди вѣтвей,
Плачетъ вѣтеръ сиротливо:
— Гдѣ же свѣтъ звѣзды твоей?—

Ищетъ онъ звѣзды сіянья
Глубоко на днѣ морей.
Не заглянетъ въ глубь страданья
Кроткій свѣтъ любви твоей.

3.

Къ берегамъ тропой лѣсною
Я спускаюсь въ камыши,
Озаренные луною,—
О тебѣ мечтать въ тиши.

Если тучка набѣгаетъ—
Вѣтра вольнаго струя
Въ камышахъ въ тиши вздыхаетъ
Такъ, что плачу, плачу я...

Мнится мнѣ, что въ дуновеньѣ
Слышу голосъ твой родной,
И твое струится пѣнье,
И сливается съ волной.

4.

Заклубились тучи
    Солнечный закатъ...
Вѣтеръ убѣгаетъ.
    Трепетомъ объятъ.

Свѣтомъ блѣдныхъ молній
    Сводъ изборожденъ,
Образъ ихъ летучій
    Влагой отраженъ.

Мнится, что стоишь ты
    Смѣло подъ грозой,
И играетъ вѣтеръ
    Длинною косой...

5.

Надъ прудомъ луна сіяетъ,
И въ вѣнокъ изъ камышей
Розы блѣдныя вплетаетъ
Серебро ея лучей.

То оленей вереница
Пробѣжитъ въ ночной тиши,
То, проснувшись, вздрогнетъ птица
Тамъ, гдѣ гуще камыши...

Тихій трепетъ умиленья
И покорности судьбѣ,
Какъ вечернее моленье,
Въ сердцѣ—память о тебѣ.

II.—ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ.

1.

Отъ стужи воздухъ весь застылъ,
Хрустѣнье снѣга—подъ ногами,
Морозъ дыханье захватилъ,
Иду—поспѣшными шагами.

Молчитъ торжественно просторъ,
И—словно самъ себя хоронитъ—
При лунномъ свѣтѣ старый боръ
Къ землѣ устало вѣтви клонитъ.

Морозъ, мнѣ сердце остуди
Съ его волненіемъ и зноемъ!—
Пускай заснетъ оно въ груди,
Объято мертвеннымъ покоемъ.

2.

Чу! Воетъ волкъ въ лѣсной глуши.
Какъ дѣти—мать въ родномъ жилищѣ,
Онъ будитъ ночь въ ея тиши
И требуетъ кровавой пищи.

Отчаянно, чрезъ ледъ и снѣгъ,
Несутся вѣтры въ вихрѣ дикомъ,
Какъ будто бы ихъ грѣетъ бѣгъ...
Проснись, о, сердце, съ дикимъ крикомъ!

Пускай мученій темный рой,
Пусть призраки твои проснутся
И съ вьюгой сѣверной несутся—
Безумной тѣшиться игрой!

III.—ИЗЪ ЛИЛІЕНКРОНА.

1. Различными путями.

Мы разошлись не съ нынѣшнихъ временъ,
Твой стягъ—иной: я добивался съ бою
Лишь обладанья вражескихъ знаменъ,
Ты—благъ мірскихъ, и міръ—одно съ тобою.
Ты праотцевъ оберегаешь сонъ,
А я судьбу кую своей рукою,
Ты—вѣтеркомъ, я—бурей вдохновленъ,
Моя—борьба, ты обреченъ покою.

2. Послѣдній призывъ.

Изъ-подъ десятковъ копій, пронзившихъ грудь героя,
Роландъ освобождаетъ одну изъ мощныхъ рукъ
И рогъ къ устамъ подноситъ, и здѣсь, въ долинѣ боя,
Предсмертною мольбой несется рога звукъ...

Но нѣтъ вождю отвѣта: всѣ выбыли изъ строя...
И падаетъ онъ снова среди предсмертныхъ мукъ.
Такъ гибнущимъ я видѣлъ не одного героя,
И слышался изъ мрака послѣдній рога звукъ.

3. Крикъ.

О, еслибы теперь, въ глухую осень,
Умчаться въ лѣсъ, гдѣ свищетъ ураганъ,
Гдѣ на меня изъ-за кольчуги сосенъ
Несется въ пѣнѣ загнанный кабанъ!

О, еслибъ я на кораблѣ корсаровъ
Былъ рулевымъ при шумѣ волнъ ночныхъ!
Блеститъ гарпунъ, готовый для ударовъ,
И ждетъ толпа товарищей моихъ...

О, еслибъ я, рукою стягъ сжимая,
На взмыленномъ конѣ былъ впереди,
Побѣдный путь свободѣ пролагая,
Хотя стрѣла дрожитъ уже въ груди!

Какъ тягостно мнѣ пѣть, какъ безполезно
Для мелкихъ душъ, погрязшихъ въ суетѣ!
Пусть жаворонокъ рвется къ высотѣ,—
Могилою поэта будетъ бездна.

4. Мертвая зыбь.

До самыхъ нѣдръ пучину ураганъ
Перевернулъ,
До тѣхъ высотъ, гдѣ—звѣздный караванъ,
Волной плеснулъ.

Вихрь-исполинъ лишь слабымъ вѣтеркомъ
Съ зарею сталъ,
И отъ него зыбь ходитъ ходуномъ,
Какъ прежде—валъ...

Безумствовалъ отъ счастья иль тоски
Морской просторъ?
„Зыбь мертвая“—такъ молвятъ рыбаки
Съ давнишнихъ поръ.

Въ тебѣ, поэтъ, покуда кровь кипитъ
И жгутъ тебя
Восторгъ, любовь, отчаянье иль стыдъ—
Ты—внѣ себя.

Но пылъ и гнѣвъ съ ихъ бурною волной—
Смѣняетъ дрожь...
Въ крови волненье стихнетъ, и покой
Ты обрѣтешь.

Какъ садоводъ, лелѣять станешь ты
Цвѣтовъ ростки,
Твоихъ поэмъ волшебные листы—
Твои вѣнки.

О. Михайлова.

ЗАДАЧИ
ГОРОДСКОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА
въ Западной Европѣ.

Всякій городъ, претендующій на репутацію благоустроеннаго, долженъ выполнить цѣлый рядъ требованій, разрѣшить нѣсколько трудныхъ задачъ, отъ которыхъ зависятъ здоровье и благоденствіе гражданъ; всѣ эти задачи давно и благополучно разрѣшены городами на Западѣ. Въ настоящее время, когда въ столицѣ, начиная съ Новаго года, вводится новое Положеніе 8 іюня 1903 г., съ цѣлью, надобно думать, оживленія самодѣятельности городского общественнаго управленія,—будетъ не излишне перечислить тѣ главнѣйшія задачи, которыя предстоитъ рѣшить ему и которыя такъ долго и напрасно ожидали своего разрѣшенія при порядкахъ, установленныхъ—особенно послѣднимъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года. Съ другой стороны, небезполезно будетъ показать, какъ разрѣшались и какъ теперь уже разрѣшены такія задачи въ западно-европейскихъ городахъ.

I.

Наиболѣе элементарнымъ изъ всѣхъ требованій, какимъ должны удовлетворять города, является устройство мостовыхъ и уходъ за ними. Вопросъ, изъ какого матеріала дѣлать мостовыя, несмотря на свою кажущуюся простоту, не можетъ быть рѣшенъ однообразно даже для одного города. Не говоря уже о состояніи финансовъ, величины города, интенсивности движенія по той или другой улицѣ, даже го-

родской климатъ заставляетъ выбирать для мостовыхъ различные матеріалы. Такъ, въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ значительная часть мостовыхъ сдѣлана изъ литого асфальта. Такая мостовая на ряду съ торцовой производитъ мало шума. Но торцовая мостовая на Западѣ распространяется и вытѣсняетъ каменныя мостовыя медленнѣе, чѣмъ асфальтовыя, ибо лѣсъ тамъ сравнительно дорогъ. Наиболѣе же распространеннымъ матеріаломъ для мостовыхъ до сихъ поръ еще является граненый камень, имѣющій передъ нашимъ булыжникомъ преимущество правильной и ровной формы. Хотя мостовая изъ граненаго камня обходится дешево, тѣмъ не менѣе она считается на Западѣ невыносимо шумной и изнашивающей массу шинъ и обуви. Потому она, какъ мы уже замѣтили, вытѣсняется другимъ матеріаломъ, кромѣ асфальта и торца—еще слѣдующимъ. Съ недавняго времени въ Соединенныхъ-Штатахъ стали распространяться травяныя мостовыя. Трава, употребляемая для производства мостовой, собирается на солончаковыхъ лугахъ, составляющихъ побережье Атлантическаго океана. Она насыщается смолистымъ масломъ и камедью и, образовавъ плотную массу, рѣжется на небольшіе пласты. Такая мостовая эластична, ни жары, ни дожди не оказываютъ на нее вліянія, и ремонтировать ее приходится только черезъ пять лѣтъ.

Однако, недостаточно выбрать и построить мостовую, нужно также умѣть уничтожать ложащуюся на нее пыль. Борьба съ пылью—боевой лозунгъ почти всѣхъ городовъ Россіи. Самымъ распространеннымъ средствомъ противъ нея, какъ въ Россіи, такъ и за границей, является поливка улицъ водой. Но даже за границей, гдѣ, вслѣдствіе обилія зелени и частоты дождей, въ общемъ гораздо меньше пыли, чѣмъ у насъ,—одной водой не удовлетворяются. Въ небольшихъ городахъ, деревняхъ и на большихъ дорогахъ, гдѣ мостовыя обыкновенно состоятъ изъ битаго камня, ихъ стали поливать разжиженной смолой. Такъ, во Франціи, въ департаментѣ Гаронны, осмаливаніе улицъ шириною въ четыре метра обходится въ 300 франковъ за километръ, что не дорого, если принять во вниманіе рѣдкость такой поливки. Въ Женевѣ и Монако нѣкоторыя улицы поливаются разъ въ мѣсяцъ дегтярнымъ растворомъ. Послѣдняго достаточно тамъ для того, чтобы не было пыли и мостовыя не впитывали въ себя дождевой воды. Во многихъ городахъ Калифорніи улицы поливаютъ нефтью. Этотъ способъ поливки оказался тамъ выгоднымъ: онъ даетъ экономію до 40% по сравненію съ расходами на поливку улицъ водой. Поливка нефтью производится въ Калифорніи по мѣрѣ возникновенія пыли: въ общемъ не часто. Нефти требуется до 5.000 литровъ на одинъ километръ. Ясно, что поливка такого рода примѣнима только тамъ, гдѣ нефть добывается или крайне дешева.

Однако, на городскихъ улицахъ лежитъ не только пыль, но и мусоръ. Для уничтоженія уличнаго, двороваго и домашняго мусора придумано новое средство, Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ городахъ не ограничиваются только вывозомъ его за предѣлы города, а строятъ мусоросжигательные заводы, которые болѣе распространены въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ. Въ виду новизны и значенія этихъ заводовъ остановимся на нихъ нѣсколько дольше.

Мусоросжигательные заводы открыты въ четырехъ частяхъ Лондона. Населеннѣйшею изъ нихъ является Уайтчэпель—293.548 жителей. Заводъ Уайтчэпеля сжигаетъ мусоръ не всего населенія, а лишь 80.000 жителей. Печь имѣетъ 12 отдѣленій, сжигающихъ девяносто возовъ мусора въ день. Вышина трубы равняется 130 футамъ. Теплота, получающаяся при сжиганіи, утилизируется въ качествѣ силы, двигающей двумя вентиляторами. Электрическій заводъ для освѣщенія также пользуется частью этой силы. Другой приходъ—Уандсвортъ (232.032 жителя) имѣетъ мусоросжигательный заводъ съ печью въ четыре отдѣленія. Она сжигаетъ мусоръ 73.000 жителей въ количествѣ 340 тоннъ еженедѣльно. Теплота отъ сжиганія превращается въ электричество, которое приводитъ въ движеніе вентиляторъ и освѣщаетъ заводъ съ прилегающими къ нему улицами. Труба возвышается на 150 футовъ. Приходъ Фельгэмъ, насчитывающій 137.285 жителей, сжигаетъ ежедневно до 120 возовъ мусора. Теплота идетъ на производство электричества. Лондонскій же приходъ Шордичъ—118.705 жителей—сжигаетъ въ своей печи съ двѣнадцатью отдѣленіями около 90 тоннъ мусора въ день. Ежедневный расходъ на рабочихъ, служащихъ и починку достигаетъ 2 шиллинговъ 7 пенсовъ съ тонны мусора. Къ этому нужно еще прибавить $11^1/_2$ пенсовъ на тонну для погашенія долга и для процентовъ на капиталъ. Оцѣнивая тонну каменнаго угля въ 28 шиллинговъ 6 пенсовъ, высчитываютъ, что экономія отъ сжиганія мусора равняется въ годъ 5.578 фунтамъ стерлинговъ. Теплота, развиваемая мусоромъ, идетъ на производство электрической силы и свѣта и равняется приблизительно 112 лошадинымъ силамъ на тонну сжигаемаго мусора. Муниципальныя бани, прачешныя и библіотеки Шордича освѣщаются и отапливаются этимъ электричествомъ.

Въ дѣлѣ утилизаціи мусора нѣкоторые другіе муниципалитеты мало уступаютъ столицѣ. Ливерпуль сжигаетъ на своемъ заводѣ мусоръ 150.000 жителей. Сила, получающаяся отъ этого, идетъ главнымъ образомъ на электрическіе трамваи. Утверждаютъ, что сжиганіе мусора вмѣсто угля даетъ ежегодное сбереженіе въ 2.500 фунтовъ стерлинговъ. Другой большой городъ, Бирмингэмъ, сжигаетъ на своемъ заводѣ около 60 тоннъ мусора въ день. Теплота идетъ на паровую

машину, двигающую вентиляторъ, ускоряющій сжиганіе, и въ генераторы электричества для освѣщенія завода и конюшенъ.

На континентѣ Европы мусоросжигательные заводы имѣются только въ Брюсселѣ, Гамбургѣ и Монако. Въ Цюрихѣ такой заводъ строится стараніями извѣстнаго намъ проф. Ѳ. Эрисмана. Брюссель даетъ, въ среднемъ, за годъ около пятидесяти милліоновъ пудовъ всякихъ отбросовъ. До постройки печи всѣ эти отбросы частью зарывались за городомъ въ землю, частью служили удобреніемъ для городскихъ полей орошенія, частью же продавались на удобреніе. Въ настоящее время почти всѣ городскіе отбросы сжигаются. Остатки отъ сжиганія городское управленіе намѣрено утилизировать такимъ образомъ, чтобы печь не только окупалась, но даже приносила городу доходъ. Остатки эти являются въ видѣ акалины, содержащей въ себѣ известь и другія вещества. Ихъ размельчаютъ и приготовляютъ изъ этого цементъ. Въ Гамбургѣ, гдѣ уже сравнительно давно дѣйствуетъ мусоросжигательный заводъ, городъ не въ силахъ удовлетворить всѣ поступающія требованія цемента. Брюссельскій мусоросжигательный заводъ обошелся, на наши деньги, въ 450.000 рублей.

II.

При изложеніи сущности раціональнаго уничтоженія сухихъ отбросовъ, настойчиво просится на очередь вопросъ объ удаленіи жидкихъ отбросовъ. Это — коренной вопросъ городского хозяйства и разрѣшается только путемъ устройства канализаціи. Какъ бы великолѣпенъ ни былъ городъ, но если въ немъ нѣтъ каналнзаціи, онъ не имѣетъ права считаться благоустроеннымъ. Канализація—это основа здоровья гражданъ. Многочисленныя наблюденія показали, что, по введеніи канализаціи, смертность стала сразу понижаться. Наиболѣе здоровымъ въ Германіи городомъ считается, помимо небольшого предмѣстья Берлина, Шёнеберга,—Шарлоттенбургъ. Шарлоттенбургъ—самый здоровый городъ; несмотря на то, что онъ самъ значителенъ,—онъ слился съ еще болѣе значительнымъ, міровымъ городомъ Берлиномъ. На тысячу жителей въ Шарлоттенбургѣ умерло за 1900 годъ 15,1, а за 1902—только 13,1. Смертность въ Шарлоттенбургѣ такъ низка отъ того, что онъ является однимъ изъ самыхъ чистыхъ городовъ въ Германіи, обладая, какъ и Берлинъ, отличной канализаціей. Послѣ Шарлоттенбурга меньше всего смертность (14,3 на тысячу за 1902 г.) наблюдается во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, обладающемъ одною изъ лучшихъ канализацій. Въ Гамбургѣ смертность на тысячу равнялась за 1902 годъ 16,4; въ 1900 году она равнялась 17,5. Въ Берлинѣ умирало въ 1900 г. 19 человѣкъ изъ тысячи, а въ 1902 г.—только

16,1 [1]). Благодаря хорошему устройству (поля орошенія и густота сѣти) канализаціи, столица Германіи здоровѣе многихъ небольшихъ городовъ и деревень. Наибольшею смертностью отличаются въ Германіи — Регенсбургъ, Гейдельбергъ, Боннъ, Бойтенъ, Кёнигсгютте, Кёнигсбергъ и Бреславль. Смертность въ этихъ городахъ колеблется между 26,1 и 22,4. До устройства канализаціи въ Мюнхенѣ, т.-е. въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, смертность равнялась тамъ, въ среднемъ, 38 на тысячу; въ 1882 году она понизилась до 30,3, въ 1885 г.—29,1, въ 1890—27 и, наконецъ, въ 1902 году—дошла до 21,4. Въ Лондонѣ, несмотря на его гигантскую величину, за 1902 годъ приходилось только 17,1 смертей на тысячу, между тѣмъ какъ за предъидущій годъ ихъ было 18,6. Въ томъ же 1902 году смертность была среди столицъ ниже лондонской только въ Амстердамѣ, Брюсселѣ, Стокгольмѣ и Берлинѣ. Изъ значительныхъ городовъ Италіи низкою смертностью отличается хорошо канализированный Туринъ (20,4 на тысячу за 1900 г.), между тѣмъ какъ лишенныя правильной канализаціи Флоренція (24,1) и Генуя обладаютъ высокою смертностью [2]).

Наиболѣе совершенной канализаціей является и болѣе предпочитаемая канализація съ полями орошенія. До признанія ея наиболѣе совершенной—практически дошли еще римляне. Устройство подземной канализаціи въ Римѣ было начато при Тарквиніѣ Древнемъ. Почвенныя воды и городскія нечистоты вмѣстѣ съ атмосферными осадками стекали по сѣти подземныхъ каналовъ въ главный коллекторъ—Cloaca maxima, а изъ него въ Тибръ. Однако городскіе отбросы скоро настолько загрязнили рѣку, что вызвали въ высшей степени важное, съ санитарной точки зрѣнія, измѣненіе въ удаленіи нечистотъ, а именно употребленіе ихъ на поливку садовъ и окружающихъ городъ полей. Германскій городъ Бунцлау обладалъ сплавной канализаціей еще въ XVI-мъ столѣтіи. Поля орошенія занимали 15 гектаровъ и на нихъ росли кормовыя травы и овощи [3]). Въ настоящее время изъ всѣхъ городовъ континентальной Европы наиболѣе обширной канализаціей съ полями орошенія обладаютъ Парижъ и Берлинъ. Послѣдній купилъ для своихъ полей орошенія 10.000 гектаровъ земли. На нихъ произрастаютъ травы, рожь, овесъ, свекла, клубника и пр. Почва берлинскихъ полей, состоящая главнымъ образомъ изъ песка, мѣстами изъ глины, очень подходяща для орошенія, такъ какъ легко пропускаетъ воду и воздухъ, вслѣдствіе чего грязныя воды очищаются

[1]) Geburten und Sterbefälle in deutschen Städten. München. Statistisches Amt, 1903.

[2]) Resoconto dell' aministrazione communale. Milano, 1901; стр. 168.

[3]) Dr. von Kahlden. Die Verwärtung städtischer Abfalstoffe in der Landwirthschaft. Dresden, 1903, стр. 5.

быстрѣе и лучше. Есть значительные и вмѣстѣ съ тѣмъ чистые города, которые обладаютъ хорошей сплавной канализаціей и направляютъ нечистоты не на поля орошенія, а въ рѣки. Такіе города—мы имѣемъ въ виду нѣкоторые прирейнскіе, затѣмъ Мюнхенъ и Туринъ,—загрязняя рѣки, подвергаютъ большой опасности здоровье всѣхъ прибрежныхъ жителей. Благодаря жалобамъ многихъ прирейнскихъ городовъ и деревень, германское правительство обязало Кельнъ, Дюссельдорфъ, Майнцъ, Мангеймъ и Франкфуртъ освѣтлять нечистоты до спуска ихъ въ рѣку. Но приборы для освѣтленія грязныхъ водъ при своей дороговизнѣ плохо справляются со своей задачей. Мюнхенъ и Туринъ, ссылаясь на быстроту теченія Изара и По, спускаютъ свои нечистоты неосвѣтленными, чѣмъ уничтожаютъ рыбное богатство рѣкъ, дѣлаютъ воду вредною для питья и опять-таки распространяютъ заразу. Доказано, что бациллы тифа, въ огромномъ количествѣ спускаемыя въ воду вмѣстѣ съ нечистотами, очень долго не умираютъ, уносимыя далеко теченіемъ рѣкъ. Такимъ путемъ, наиболѣе чистыя, наиболѣе многоводныя рѣки быстро подвергаются загрязненію, и вода ихъ становится негодной не только для питья, но и для купанья. Къ счастью, въ Западной Европѣ коллективное чувство самосохраненія, стремленіе къ чистотѣ, съ одной стороны, и законодательство, съ другой—положило и кладетъ конецъ дальнѣйшему загрязненію рѣкъ всякими отбросами. Не далѣе какъ въ серединѣ прошлаго столѣтія Темза была такъ загрязнена, что парламентъ прерывалъ свои засѣданія отъ зловонія. Почти такъ же загрязнена была до устройства полей орошенія Сена. Теперь Темза, несмотря на то, что на ней стоитъ величайшій городъ міра Лондонъ, не будетъ грязнѣе нашей Волги, въ которую совершенно свободно и въ огромномъ количествѣ валятъ всякую гадость.

III.

Загрязненіе рѣкъ и было главной причиной проведенія водопроводовъ изъ озеръ, ключей и подпочвы внѣ предѣловъ города. Какъ рѣчная вода, такъ и подпочвенная въ чертѣ города почти всегда загрязнена; потому рѣчные водопроводы, а тѣмъ болѣе колодцы сплошь и рядомъ являются источниками болѣзней, а городу очень важно имѣть чистую питьевую воду. Хорошій водопроводъ такъ же необходимъ, какъ чистый воздухъ. И вотъ за границей въ послѣднее время почти всѣ значительные города покинули рѣчные водопроводы, а если не совсѣмъ покинули, то на ряду со старыми рѣчными водопроводами провели воду изъ горныхъ источниковъ. Такъ сдѣлали Кёльнъ и Парижъ. Но наиболѣе благоустроенные города берутъ воду или изъ гор-

ныхъ источниковъ, или изъ большихъ, чистыхъ озеръ. Провели воду изъ горныхъ источниковъ большіе города: Вѣна, Мюнхенъ, Туринъ, Цюрихъ; изъ озеръ берутъ ее—Берлинъ, Ливерпуль и Гласго. Миланъ получаетъ подпочвенную воду при помощи электрическихъ машинъ, качающихъ воду за городской чертой на глубинѣ въ 30 саженъ. Интересно водоснабженіе въ сициліанскомъ городѣ Термини-Имерезе. Этотъ городъ издревле снабжался водой посредствомъ римскаго водопровода, полуразрушеннаго въ 1338 году. Обновленный муниципальный водопроводъ устроенъ въ 1866 году. Вода проведена изъ горныхъ источниковъ Брукато и настолько здорова, что въ холерный 1885 годъ, когда въ сосѣднемъ Палермо умерло около 1.000 человѣкъ, въ Термини-Имерезе насчитывалось всего пять случаевъ зараженія. Вода, проведенная изъ горъ, отличаясь бо̀льшей чистотою, чѣмъ озерная, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ истощаться, и потому, пожалуй, правильнѣе проводить воду изъ озеръ, особенно если они велики. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Петербургъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, можетъ получать воду изъ огромнаго Ладожскаго озера.

Въ связи съ обиліемъ чистой воды находится устройство муниципальныхъ бань и купаленъ. Не достаточно очищать городскія улицы, дворы и дома,—нужно, чтобы и сами граждане могли часто мыться и купаться. А это возможно только тогда, когда имѣются дешевыя бани и купальни. Въ этомъ отношеніи, кромѣ англійскихъ городовъ, особенно отличаются Мюнхенъ, Туринъ и Цюрихъ. Входная плата въ бани и купальни колеблется въ этихъ городахъ между 2½ и 20 копѣйками. Въ мюнхенской купальнѣ можно купаться и даромъ. Муниципальныя бани въ Миланѣ, Болоньѣ, Феррарѣ ничего не берутъ со школьниковъ, а въ Термини-Имерезе и въ Кальяно-ди-Баньи—съ бѣдныхъ. Въ Германіи бани устроиваются при самихъ народныхъ школахъ и безвозмездно предоставляются учащимся. Такія безплатныя бани встрѣчаются такъ же часто, какъ и кормленіе бѣдныхъ дѣтей въ школахъ завтраками. Чудными купальнями обладаютъ еще Вѣна и Кёльнъ. Въ Англіи мало купаленъ, но зато очень много муниципальныхъ бань, иногда соединенныхъ съ городскими прачешными.

IV.

Послѣ воды, снабженіе горожанъ доброкачественнымъ мясомъ является столь важной общественной службой, что на Западѣ городъ почти всегда самъ устроиваетъ бойни. Образцовыми бойнями считаются въ Европѣ мюнхенскія. На бойняхъ города Мюнхена скотъ убивается электричествомъ. При бойнѣ имѣется огромный ледникъ, гдѣ мясники сни-

маютъ отдѣленія для продолжительнаго храненія своего мяса. Вообще, устройство и чистота мюнхенскихъ боенъ—удивительная. Разъ городъ имѣетъ бойню, то вполнѣ естественно, что онъ строитъ и рынокъ. Но мало убивать скотъ и строить помѣщенія для продажи мяса и другихъ продуктовъ,—въ интересахъ гражданъ нужно также контролировать торговлю съѣстными припасами. Для этого въ благоустроенныхъ городахъ учреждаютъ лабораторіи для изслѣдованія доброкачественности пищевыхъ продуктовъ, назначаютъ спеціальную инспекцію, устанавливаютъ таксы на хлѣбъ и на мясо. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ и это оказывается недостаточнымъ для уничтоженія злоупотребленій торговцевъ. Поэтому, нѣкоторые города сами взялись за торговлю важнѣйшими жизненными припасами: хлѣбомъ, мясомъ и молокомъ. Примѣры муниципальной торговли хлѣбомъ и мясомъ имѣются также въ Россіи. Одесса открыла нѣсколько хлѣбныхъ лавокъ, Тифлисъ и Батумъ завели мясныя. Особенно же распространены хлѣбныя лавки въ Италіи. Городъ Катанія въ Сициліи захватилъ въ свои руки чуть ли не всю торговлю хлѣбомъ. Муниципальныя хлѣбныя лавки открыты, кромѣ того, въ Римини, Мантуѣ, Кремонѣ и въ нѣсколькихъ другихъ, менѣе значительныхъ пунктахъ. Въ Англіи—Честерфильдъ и Гласго торгуютъ хлѣбомъ. Манчестеръ торгуетъ и хлѣбомъ, и мясомъ. Гёддерсфильдъ продаетъ одно мясо. Города С.-Эленсъ, Ливерпуль, Нотингемъ, Вестъ-Гемъ, Гейтъ, Аштонъ, Эдинбургъ и, наконецъ, Гласго стали торговать стерилизованнымъ молокомъ, исключительно для того, чтобы уменьшить дѣтскую смертность.

V.

Всякій согласится, что чрезвычайно важно предоставлять людямъ чистый воздухъ, воду и пищу,—но необходимъ также и свѣтъ, раціональное освѣщеніе городскихъ улицъ и домовъ. Тьма содѣйствуетъ преступленіямъ, а потому нужно бороться и съ нею. Но тутъ возникаетъ вопросъ, какое освѣщеніе наиболѣе полезно? Несомнѣнно—электрическое и ацетиленовое. Газовое тоже во много разъ превосходитъ устарѣвшее керосиновое. Газовое освѣщеніе держится въ многочисленныхъ городахъ Европы, потому что въ нѣкоторыхъ городахъ муниципальный газъ служитъ не только для освѣщенія улицъ и домовъ, но и для отопленія. Въ Брюсселѣ, Женевѣ, Берлинѣ и во многихъ англійскихъ городахъ муниципальный газъ отпускается на нужды освѣщенія и кухни по очень дешевой цѣнѣ. Въ Брюсселѣ кубическій метръ газа стоитъ 10 (въ среднемъ) сантимовъ ($3^1/_2$ коп.). Но несомнѣнно, что газу не подъ силу долго конкуррировать съ болѣе ра-

ціональнымъ и даже практичнымъ — электричествомъ. Извѣстно, что газъ добывается изъ каменнаго угля,—между тѣмъ, есть страны (достаточно указать на Швейцарію, Данію, Италію), гдѣ каменнаго угля почти нѣтъ, или гдѣ онъ, какъ въ Россіи, дорогъ. Въ то же время большинство этихъ странъ обладаетъ горными рѣчками и водопадами, какъ бы напрашивающимися на эксплоатацію электрической силы для освѣщенія и приведенія въ движеніе трамваевъ и фабрикъ. Даже въ Англіи, гдѣ каменноугольныя копи разбросаны повсюду, а горныхъ потоковъ мало, многіе городскія управленія, послѣ газоваго освѣщенія, ввели электрическое. Бредфордъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Больтонъ, Эдинбургъ, Гласго, Гёддерсфильдъ, Дублинъ и до двухсотъ другихъ городовъ построили электрическія станціи. Недалеко то время, когда послѣднихъ будетъ въ Англіи больше, чѣмъ газовыхъ заводовъ. Разъ въ Англіи электрическое освѣщеніе встрѣчается, то еще болѣе открыта ему дорога въ Швейцаріи, Италіи, Австріи, Франціи и южной Германіи, гдѣ масса горныхъ потоковъ и рѣкъ. Особенно отличается въ этомъ направленіи городское управленіе Женевы. При помощи своихъ быстро текущихъ рѣкъ Роны и Арвы, она добываетъ массу электрической силы, идущей на освѣщеніе, мастерскія, фабрики и заводы. Электрической силой Женевы пользуются въ качествѣ свѣта еще 17 сосѣднихъ коммунъ. Въ Германіи болѣе сорока городовъ воздвигли собственныя электрическія станціи. Производство электричества при помощи горныхъ рѣкъ въ Австріи распространеннѣе многихъ другихъ муниципальныхъ предпріятій. Оно встрѣчается въ городахъ: Амштеттенѣ, Цнаймѣ, Прерау, Готчекъ, Иббсъ, Клостернейбургъ. Городскія управленія Боцена и Мерана совмѣстно потратили въ 1897 году одинъ милліонъ гульденовъ на постройку общей электрической станціи. Но еще болѣе, если не практически, то пока теоретически, занимаетъ вопросъ объ эксплоатаціи гидравлической силы Италіи. „Бѣлый уголь“, т.-е. вода, долженъ замѣнить черный, т.-е. каменный—вотъ лозунгъ итальянскихъ городскихъ и общественныхъ дѣятелей. Вычислено, что если эксплоатировать теченіе всѣхъ горныхъ рѣкъ Италіи, то получится 5 милліоновъ лошадиныхъ силъ, изъ которыхъ въ настоящее время утилизируются частными фабриками, заводами и городскими управленіями только 300.000 силъ. Лошадиная сила, произведенная углемъ, обходится въ Италіи, среднимъ числомъ, въ 1.000 лиръ (франк.), лошадиная же сила, произведенная паденіемъ воды, стоитъ, по крайней мѣрѣ, вдвое дешевле [1]. Этою дешевизною уже пользуются нѣкоторыя городскія управленія врознь и вмѣстѣ. Примѣръ совмѣстнаго устройства электрической станціи представляютъ небольшіе города Ананьи

---

[1]) P. Ghio. Notes sur l'Italie. Paris, 1901, стр. 45.

и Пальяно, эксплоатирующіе рѣчку Аньене для полученія свѣта и двигательной силы.

VI.

Удобные пути сообщенія теперь почти такъ же необходимы, какъ освѣщеніе. Значеніе ихъ все увеличивается съ ростомъ городовъ. Дешевые и быстрые трамваи и метрополитэны являются однимъ изъ способовъ разрѣшенія квартирнаго вопроса. Съ проведеніемъ трамваевъ уничтожается необходимость селиться въ переполненномъ и дорогомъ центрѣ города. Разъ окраины соединены съ центромъ трамвайными линіями, то люди недостаточные занимаютъ болѣе дешевыя квартиры вдали отъ центральной части и живутъ лучше. Городъ получаетъ еще бóльшую возможность расширяться, массовая же постройка новыхъ домовъ на окраинахъ часто ведетъ къ удешевленію небольшихъ квартиръ. Изъ значенія трамвая, какъ регулятора квартирныхъ цѣнъ, вытекаетъ то, что онъ, также какъ вода и свѣтъ, долженъ находиться въ собственности городского управленія [1]). Мюнхенскіе трамваи, приводимые въ движеніе муниципальнымъ электричествомъ, являются одними изъ самыхъ дешевыхъ и удобныхъ въ Германіи. Любой конецъ, съ одной или даже съ двумя пересадками, стоитъ 10 пфенниговъ, т.-е. 5 копѣекъ. Миланскій трамвай еще дешевле: конецъ стоитъ 10 чентезимовъ (сантим.), а съ 6 до 8 часовъ утра—5 чентезимовъ, т.-е. 2 копѣйки: утренніе часы удешевлены ради рабочихъ и служащихъ. Въ Туринѣ трамваи принадлежатъ двумъ акціонернымъ компаніямъ, изъ которыхъ одна—бельгійская. Несмотря на это, городское управленіе принудило ихъ понизить цѣны до 10 и 5 (утромъ) чентезимовъ. Примѣръ Милана увлекъ не только Туринъ, но и Марсель, гдѣ трамвай — частный. Бывшій соціалистическій магистратъ заставилъ марсельскую трамвайную компанію ввести однообразный тарифъ въ 10 сантимовъ. Низкій тарифъ обыкновенно не понижаетъ доходности трамваевъ. Вообще, изъ всѣхъ городскихъ службъ трамваи даютъ, пожалуй, наибольшую прибыль. Потому можно сказать, что городскія управленія Петербурга и Москвы съ пріобрѣтеніемъ трамваевъ могутъ много выиграть. Желательно только, чтобы они обставили ихъ такъ же хорошо, какъ въ Мюнхенѣ или въ англійскихъ городахъ.

Недавно въ руки нѣкоторыхъ муниципалитетовъ стало переходить другое средство сношенія—телефонъ, ставшій для многихъ почти столь же нужнымъ, какъ трамвай. Въ Англіи до десяти городовъ, въ

---

[1]) Къ сожалѣнію, даже въ Англіи, этой классической странѣ муниципализаціи, огромное большинство трамваевъ принадлежитъ и управляется частными компаніями.

числѣ которыхъ находятся Гласго, Герней и Гёддерсфильдъ, муниципализировали телефонъ съ цѣлью пониженія стоимости пользованія имъ. Это не мѣшаетъ муниципалитетамъ получать съ телефоновъ значительную прибыль. Амстердамъ, Роттердамъ и Арнгемъ въ Голландіи, Христіанія и Трондгеймъ въ Норвегіи тоже имѣютъ дешевые городскіе телефоны. Плата за годичное пользованіе телефономъ колеблется въ Гернси между 14 рублями 50 копѣйками и 47 рублями, а въ Трондгеймѣ цѣна однообразная—33 рубля.

VII.

Мы только-что указали на то, что трамвайный вопросъ тѣсно связанъ съ квартирнымъ. И дѣйствительно, развитая сѣть трамваевъ регулируетъ до нѣкоторой степени квартирныя цѣны. Но еще болѣе понижающе на квартирныя цѣны дѣйствуетъ постройка домовъ самимъ городомъ. Она особенно въ ходу въ Англіи, гдѣ муниципалитеты содержатъ даже собственные отели. Муниципальные дома обыкновенно сдаются въ наемъ недостаточнымъ или малоимущимъ. Въ Гласго одно муниципальное зданіе предназначено для сдачи исключительно вдовамъ съ дѣтьми. Казалось бы, что дома съ дешевыми квартирами устраняютъ необходимость строить ночлежные дома, а на самомъ дѣлѣ не такъ. Въ томъ же благоустроенномъ Гласго—7 ночлежныхъ домовъ, изъ которыхъ одинъ исключительно для женщинъ. Эти ночлежные дома или, если хотите, отели, ибо они совершенно непохожи на наши „ночлежки", снабжены всѣми удобствами. При нихъ имѣются бани, общія столовыя и читальни. Плата колеблется между 3 и $4^1/_2$ пенсами въ сутки, т.-е. между 12 и 18 копѣйками въ сутки. Манчестеръ построилъ нѣсколько зданій для рабочихъ. Одно изъ этихъ зданій, въ пять этажей, раздѣлено на массу маленькихъ квартиръ, въ двѣ комнаты каждая, и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 800 душъ. Въ томъ же зданіи устроены баня, прачешная и сушильня. Въ настоящее время до 50 англійскихъ муниципалитетовъ построили дома для рабочихъ, что не мало содѣйствовало разрѣшенію квартирнаго вопроса. Въ дѣлѣ постройки домовъ для рабочихъ нѣкоторое сравненіе съ Англіей могутъ выдержать только Германія и Швейцарія. Къ сожалѣнію, многіе германскіе города строятъ небольшіе дома для того, чтобы дать рабочимъ возможность пріобрѣсти ихъ въ собственность путемъ взносовъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Это ведетъ часто къ спекуляціи и другимъ злоупотребленіямъ со стороны пріобрѣтателей домовъ, построенныхъ муниципалитетами. Къ такого рода городамъ принадлежитъ Ульмъ, построившій наибольшее количество домовъ въ собствен-

ность рабочимъ, но имѣющій также неотчуждаемое зданіе, въ которомъ живутъ муниципальные рабочіе и служащіе. Квартира въ три комнаты стоитъ въ этомъ домѣ максимумъ 240 марокъ въ годъ. За подобныя же квартиры городское управленіе Нюрнберга взимаетъ максимумъ 260 марокъ, а Карлсруэ—200 марокъ, т.-е. менѣе 100 рублей въ годъ за три комнаты съ кухней, водой, газовымъ освѣщеніемъ, теплымъ клозетомъ, погребомъ и чердакомъ. Такія удобства, при очень низкой платѣ, не слыханы у насъ въ Россіи.

Англійскіе муниципалитеты, строя новые дома для неимущихъ, предварительно покупаютъ наиболѣе старые, тѣсные и грязные кварталы и разрушаютъ ихъ. Этимъ городскія управленія „убиваютъ сразу двухъ зайцевъ“: понижаютъ квартирныя цѣны и дѣлаютъ городской воздухъ болѣе чистымъ. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно назначать квартирныя инспекціи, предписывать высоту и вообще величину комнатъ, ширину дворовъ и улицъ, а нужно, по мѣрѣ средствъ, вырывать зло съ корнемъ. Разрушить грязный кварталъ—это значитъ спасти жизнь сотнямъ человѣческихъ существъ. Иногда бываетъ такъ, что на мѣстѣ разрушеннаго квартала разводится садъ, расширяются „легкія“ города, ибо развести садъ—это не значитъ только украсить городъ, а и очистить его воздухъ. Тутъ мы видимъ, какъ важно имѣть городу свою свободную землю, на которой можно построить и дома, и которую можно обсадить деревьями. Покупка земли обходится англійскимъ муниципалитетамъ въ милліоны, русскія же городскія управленія, имѣющія массу своей земли, вовсе не строятъ на ней домовъ, и лишь изрѣдка разводятъ сады.

VIII.

Очень важною областью дѣятельности является забота нѣкоторыхъ городовъ о безработныхъ, о людяхъ, ищущихъ занятій. Муниципальныя бюро для прiисканія занятій—явленіе очень распространенное въ Германіи и Швейцаріи. Частная дѣятельность въ этой области служитъ обыкновенно цѣлямъ эксплоатаціи, и тамъ, гдѣ она распространена (Россія, Франція), можно желать только ея скорѣйшаго уничтоженія. Можетъ быть, бюро для найма прислуги въ Петербургѣ—первый шагъ для устраненія частныхъ предпринимателей,—шагъ, за которымъ скоро послѣдуютъ другіе. Не ограничиваясь пріисканіемъ занятій, нѣкоторые швейцарскіе города, напримѣръ Бернъ, дѣлаютъ попытки страхованія отъ безработицы. Германскіе же города обыкновенно затѣваютъ въ этомъ случаѣ общественныя работы, давая такимъ образомъ возможность существовать страдающимъ отъ

кризиса и безработицы. То же дѣлаютъ многіе города въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ. Въ такомъ же зачаткѣ, какъ страхованіе отъ безработицы, находится городское страхованіе отъ пожаровъ. Первый примѣръ этого рода подалъ Гласго, рѣшившій самъ застраховать себя и избавиться отъ частныхъ компаній. За нимъ послѣдовалъ Рочдэль [1]).

Ясно, что недостаточно еще заботиться вообще о рабочихъ,—муниципалитетъ долженъ ставить въ благопріятныя условія и тѣхъ, руками которыхъ поддерживается порядокъ въ городѣ, т.-е. муниципальныхъ рабочихъ и служащихъ. Такихъ рабочихъ съ каждымъ днемъ становится все больше и больше, ибо число городскихъ службъ все увеличивается и увеличивается. Нѣкоторые города начали уже строить дома съ дешевыми квартирами для своихъ рабочихъ и служащихъ. Швейцарскія и англійскія городскія управленія не только дѣлаютъ это, но и сокращаютъ рабочій день и увеличиваютъ заработную плату. Восьмичасовой трудъ введенъ въ Цюрихѣ. Въ Лозаннѣ установленъ минимумъ заработной платы въ 5 франковъ въ день. Въ Цюрихѣ этотъ минимумъ равняется 4 франкамъ. Минимумъ заработной платы установленъ еще въ Винтертурѣ и Билѣ. Въ Гёддерсвильдѣ и другихъ англійскихъ городахъ трамвайные служащіе пользуются восьмичасовымъ рабочимъ днемъ. Въ Германіи мюнхенскій муниципалитетъ опредѣлилъ максимумъ рабочаго дня въ $9^1/_2$ часовъ. Вспомогательныя и пенсіонныя кассы для муниципальныхъ рабочихъ и служащихъ имѣются въ 40 городахъ Германіи.

Всѣ вышеприведенныя службы и предпріятія такъ важны, что должны вестись самимъ городомъ. Исключеніе могутъ составлять хлѣбныя и мясныя лавки, но не потому, что они хорошо ведутся частными предпринимателями. Они ведутся частными предпринимателями сносно только тогда, когда есть сдерживающее начало, конкуррентъ-регуляторъ. Такимъ конкуррентомъ, и притомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ муниципалитетъ, являются потребительныя общества, занимающіяся производствомъ и продажей хлѣба, мяса и другихъ продуктовъ первой необходимости. Предпріятія потребительныхъ обществъ, во-первыхъ, распространеннѣе муниципальныхъ, а во-вторыхъ, они не носятъ бюрократической окраски, болѣе гибки и жизненны. Они лучше конкуррируютъ съ частными предпріятіями, а если рискуютъ, то за страхъ группы гражданъ, добровольно образовавшихъ потребительное общество. Городское же управленіе отвѣтственно за убытки передъ всѣми гражданами и имѣетъ слишкомъ много дѣлъ для того, чтобы успѣвать и въ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ, упомянутыя торговыя предпріятія

---

[1]) „Municipal Journal“. London, отъ 12 января 1900 года.

не имѣютъ по природѣ своей монопольнаго характера: это не водопроводъ, не освѣщеніе, не трамвай. Двухъ трамваевъ на одной и той же улицѣ не проведешь, и потому, когда трамвай находится въ рукахъ частной компаніи, послѣдняя чувствуетъ себя единственнымъ хозяиномъ положенія и дѣлаетъ болѣе или менѣе все, что хочетъ. Въ торговлѣ же мясомъ, напримѣръ, конкуррируетъ между собой масса мясниковъ, и если съ ними, въ свою очередь, конкуррируетъ потребительное общество, то можно быть увѣреннымъ, что цѣны не поднимутся выше нормальнаго. Другое дѣло—когда хлѣбныя и мясныя лавки открываются городомъ съ чисто благотворительною цѣлью, какъ въ Италіи. Тогда они имѣютъ полное право на существованіе рядомъ съ потребительными обществами, которыя не могутъ отпускать хлѣба въ убытокъ или даромъ. Даже нѣкоторыя изъ другихъ муниципальныхъ предпріятій должны въ ближайшемъ будущемъ превратиться въ даровыя. Въ Англіи огромная прибыль, получаемая городами съ муниципальныхъ промышленныхъ предпріятій, идетъ пока на сокращеніе налоговъ, и только Гласго достигъ того, что тамъ совсѣмъ нѣтъ муниципальныхъ налоговъ. Со временемъ же, когда города избавятся отъ огромныхъ долговъ и уничтожатъ налоги, можно будетъ сдѣлать даровыми сначала канализацію и воду, а затѣмъ—освѣщеніе и т. д. Вѣдь уже теперь въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи и Италіи бани и купальни предоставляются публикѣ даромъ. Кромѣ бань, какъ мы уже упомянули, въ Италіи, Франціи и Германіи практикуется кормленіе завтраками въ народныхъ школахъ. Отъ безвозмездности для нѣкоторыхъ категорій лицъ до общей безвозмездности предметовъ первой необходимости разстояніе не особенно великое. Въ Италіи это уже начинаютъ понимать. Вода отпускается всѣмъ жителямъ почти задаромъ въ городѣ Нарни, гдѣ водопроводъ былъ построенъ еще римлянами. Въ Беневенто и Губбіо она предоставляется совсѣмъ даромъ. Мессина открыла въ январѣ 1901 года помѣщенія въ шести частяхъ города, гдѣ можно было даромъ насыщаться хлѣбомъ. Но такихъ примѣровъ пока еще очень мало. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ муниципалитеты могутъ теперь только понижать цѣны. Примѣровъ пониженія, напротивъ, много. Въ Англіи, сравнительно, подешевѣли вода, освѣщеніе и трамвай съ тѣхъ поръ, какъ городскія управленія стали или выкупать эти службы у частныхъ компаній, или строить сами. Во Франціи городъ Туркуэнъ понизилъ цѣну газа, послѣ его выкупа у частной компаніи, съ $22^1/_2$ до 12 сантимовъ за кубическій метръ. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ электричество отпускается муниципалитетомъ на 20% дешевле, чѣмъ въ Гамбургѣ, гдѣ хозяйничаетъ акціонерная компанія. Въ Барменѣ рабочимъ трамвай обходится только въ 5 пфенниговъ, т.-е. 2 копѣйки, между тѣмъ какъ цѣны на част-

ныхъ трамваяхъ никогда не бываютъ ниже 10 пфенниговъ за самый маленькій конецъ.

Изъ нашего очерка явствуетъ одно, что примѣромъ городского благоустройства и сложными соціальными экспериментами нынѣ отличаются Англія, Швейцарія, Германія и Италія; мы же стоимъ далеко, далеко ниже ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Гдѣ же искать причину такого отсутствія благоустройства русскихъ городовъ? Она заключается, главнымъ образомъ, въ коренномъ юридическомъ различіи между заграничнымъ *самоуправленіемъ* и нашимъ городскимъ *управленіемъ*. Тамъ избирательными правами пользуются всѣ неопороченные граждане, и такимъ образомъ городское хозяйство безъ труда направляется въ интересахъ городскихъ массъ. У насъ же городское управленіе—до самаго послѣдняго времени—было въ рукахъ небольшой части населенія, огромная же масса горожанъ оставалась, да и теперь еще остается вовсе лишенною избирательнаго права. Первый шагъ къ допущенію пока небольшой части обывателей (такъ-называемыхъ квартирантовъ, живущихъ по крайней мѣрѣ въ тысячной квартирѣ) только-что сдѣланъ въ Петербургѣ, и надобно думать, что онъ послужитъ къ дальнѣйшему расширенію избирательнаго права—и къ дальнѣйшему распространенію послѣдней реформы городского самоуправленія на всѣ, безъ исключенія, города имперіи.

В. Тотоміанцъ.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ

И

ЕГО СУДЬБЫ

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Выпускъ V и VI. Изданіе департамента окладныхъ сборовъ. Спб. 1903.

„Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи“ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о продажѣ и куплѣ земли въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи, составленныя на основаніи оглашеній переходовъ имуществъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

Выпускъ I „Матеріаловъ“, заключающій въ себѣ данныя за 1893 г., изданъ былъ въ 1896 г.[1]); затѣмъ вышли выпуски II и III (свѣдѣнія за 1894 и 1895 гг.)—въ 1898 г., и вып. IV—въ 1901 г.; въ послѣднемъ сгруппированы данныя за тридцатилѣтіе 1863—92 гг., т.-е., начиная со времени учрежденія въ Россіи нотаріата. Первые четыре выпуска, составленные по порученію министра финансовъ, вышли подъ редакціей члена совѣта министерства финансовъ А. Е. Рейнбота; при этомъ, начиная съ II-го выпуска, при обработкѣ данныхъ были введены нѣкоторыя улучшенія, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ томъ, что сдѣлки о продажѣ и куплѣ земель, группировавшіяся въ I-мъ выпускѣ по срокамъ оглашенія,—начиная съ II-го стали разработываться по годамъ утвержденія ихъ старшими нотаріусами. Для большей сравнимости данныхъ за 1893 годъ съ таковыми за остальные годы, вы-

---

[1]) Отзывы о выпускѣ I „Матеріаловъ“ былъ помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

пускъ I-ый въ переработанномъ видѣ изданъ въ 1903 г. (вып. V); наконецъ, въ VI-мъ выпускѣ, вышедшемъ также въ нынѣшнемъ году, помѣщены свѣдѣнія за 1896 годъ. Разработка свѣдѣній, помѣщенныхъ въ послѣднихъ двухъ выпускахъ, производилась сначала подъ руководствомъ того же А. Е. Рейнбота, затѣмъ—В. В. Святловскаго. Такимъ образомъ, выпуски II-ой—VI-ой „Матеріаловъ" заключаютъ въ себѣ данныя по движенію земельной собственности въ Россіи за 34 года, т.-е. почти за весь пореформенный періодъ. Это одно уже дѣлаетъ изданіе „Матеріаловъ" не только интереснымъ, но и весьма важнымъ для цѣлей какъ научныхъ, такъ и практическихъ.

Обращаясь къ содержанію „Матеріаловъ", видимъ, что въ большинствѣ выпусковъ (во II, III и VI) случаи продажи-купли земель, количество самыхъ земель и стоимость ихъ—распредѣлены по размѣрамъ продаваемыхъ имѣній, по продавцамъ, покупателямъ, по губерніямъ и уѣздамъ. Такимъ образомъ пользующійся „Матеріалами" имѣетъ возможность прослѣдить движеніе землевладѣнія и стоимость земли по каждому виду владѣнія (дворянскаго, купеческаго, крестьянскаго и др.) и по каждой губерніи (въ поуѣздныхъ таблицахъ приводятся основныя данныя, сгруппированныя только по размѣрамъ проданныхъ участковъ). Къ сожалѣнію, при разсмотрѣніи своднаго (IV-го) выпуска, такой полной картины не получается, такъ какъ въ немъ приведена группировка данныхъ не по каждой губерніи, а по группамъ губерній. Самыя же группы губерній (районы), принятыя въ IV-мъ выпускѣ, на нашъ взглядъ, не вполнѣ удачно составлены. Такъ въ одну группу соединены губерніи: псковская, с.-петербургская, новгородская, олонецкая, вологодская, вятская и пермская, т.-е. вся сѣверная полоса Европейской Россіи (исключая архангельской, свѣдѣнія о которой совсѣмъ не вошли въ „Матеріалы"). Одинъ этотъ перечень губерній уже указываетъ на непримѣнимость соединенія данныхъ экономическаго характера, каковымъ является и движеніе земельной собственности, по столь разнороднымъ въ географическомъ, климатическомъ, этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ мѣстностямъ, какъ Пріуралье и Сѣверо-западъ коренной Россіи — Псковской край. Думается—пополнить IV-ый выпускъ погубернскими свѣдѣніями не представитъ затрудненій въ техническомъ отношеніи; если же работа эта уже произведена при подсчетѣ порайонныхъ итоговъ, то весь вопросъ сводится къ размѣру самаго выпуска, который, вмѣсто 133 страницъ настоящаго своего объема, разросся бы до 500 страницъ, т.-е. былъ бы нѣсколько полнѣе обычнаго размѣра остальныхъ погодныхъ выпусковъ.

Въ выпускѣ V-мъ (передѣлка свѣдѣній за 1893 г.) имѣются однѣ сводныя погубернскія таблицы; отсутствуютъ же подробности какъ

по каждой губерніи въ отдѣльности, такъ и по уѣздамъ, что не даетъ возможности сравнивать данныя за этотъ годъ съ данными за последующіе 1894—96 гг. Будетъ ли выпускъ V-й дополненъ и сравненъ по объему содержанія съ остальными погодними выпусками—изъ предисловія къ нему не видно.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній объ исполненіи самыхъ „Матеріаловъ" приведемъ нѣкоторые выводы, которые можно получить при разсмотрѣніи ихъ.

За 34-лѣтній періодъ—съ 1863 по 1896 г.—въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи (въ „Матеріалы" не вошли данныя о губерніяхъ царства польскаго, прибалтійскихъ, кавказскихъ, архангельской и астраханской, а также по вел. княж. финляндскому) поступило въ продажу свыше 93 милліоновъ десятинъ земли, что составляетъ, въ среднемъ, около 3 милл. десятинъ въ годъ. Особенной напряженности продажа земель достигла въ десятилѣтіе 1873—82 гг., когда, въ среднемъ, ежегодно продавалось свыше 3.300.000 десятинъ; въ 1879 г. цифра эта достигла 4.600.000. Въ общемъ, за 34 года, результатѣ, около 70% всѣхъ обращенныхъ въ продажу земель—свыше 65 милліоновъ десятинъ — принадлежало дворянамъ; изъ этого количества вновь куплено дворянами же 37½ милліоновъ десятинъ, а остальные почти 28 милліоновъ перешли къ владѣльцамъ-недворянамъ [1]). Убыль дворянскаго землевладѣнія, въ среднемъ, составляетъ 818 тыс. десятинъ въ годъ; менѣе чѣмъ на полмилліона десятинъ сокращалось дворянское землевладѣніе въ 1863, 1864, 1866 и 1877 гг. (въ 1877 г. оно сократилось всего на 266 тыс. десятинъ); свыше милліона десятинъ дворянство утрачивало въ 1865, 1879, 1880, 1881, 1884, 1885 и 1893 гг.; при этомъ необходимо оговориться относительно 1879 г., когда убыль достигла громадной цифры 2½ милліоновъ десятинъ, тогда какъ слѣдующія максимальныя цифры (въ 1865 и 1885 гг.) не превышаютъ 1½ милліона десятинъ. Въ 1879 году, за счетъ дворянскаго землевладѣнія особенно сильно возросла группа разносословныхъ совладѣльцевъ, въ число которыхъ вошли и дворяне; группа эта пріобрѣла свыше 1.600.000 десятинъ, которыя цѣликомъ падаютъ на пять сдѣлокъ въ районѣ сѣверныхъ губерній и, судя по низ-

---

[1]) Въ дѣйствительности убыль дворянскаго землевладѣнія нѣсколько меньше, такъ какъ нами не принята въ разсчетъ группа разносословныхъ союзовъ и товариществъ, въ составъ которыхъ входятъ и дворяне. Эта группа за разсматриваемый 34-хъ-лѣтній періодъ пріобрѣла свыше одного милліона десятинъ. Какая доля этого количества приходится дворянамъ—опредѣлить нельзя. Во всякомъ случаѣ, при исключеніи этихъ данныхъ изъ разсчета, ошибка составитъ не болѣе 4%,—слѣдовательно, не измѣнитъ общаго характера движенія землевладѣнія среди различныхъ группъ владѣльцевъ.

кой продажной цѣнѣ (20 руб. за 1 десятину), — въ какой-либо изъ окраинъ Европейской Россіи—въ какой именно—изъ выпуска IV опредѣлить нельзя, по причинамъ, выясненнымъ выше. Если считать, что ко времени уничтоженія крѣпостного права во владѣніи дворянъ, за вычетомъ площади, отошедшей въ надѣлъ крестьянамъ, было 79 милліоновъ десятинъ земли [1]), то оказывается, что въ пореформенный періодъ (не считая первыхъ двухъ лѣтъ послѣ 19 февраля) по 1896 г., за 34 года, сословіе это утратило около 35%, или болѣе одной трети своего земельнаго богатства.

Недворянскаго землевладѣнія въ дореформенное время, можно сказать, совсѣмъ не существовало—оно цѣликомъ выросло въ четыре послѣднія десятилѣтія и притомъ цѣликомъ за счетъ землевладѣнія дворянскаго. За разсматриваемые 34 года, 28 милліоновъ десятинъ отошедшей отъ дворянъ земли куплены были, главнымъ образомъ, крестьянами и купцами. Крестьяне (считая въ томъ числѣ казаковъ и другихъ „сельскихъ обывателей") за 34 года пріобрѣли около 12½ милліоновъ десятинъ, что, въ среднемъ, составляетъ по 366 тысячъ десятинъ въ годъ. Купцы скупили за то же время свыше 10 милліоновъ десятинъ, или по 300 тысячъ въ годъ; остальные пять съ небольшимъ милліоновъ десятинъ бывшей дворянской земли перешли во владѣніе различныхъ учрежденій и лицъ другихъ сословій (почетныхъ гражданъ, мѣщанъ, разносословныхъ товариществъ и др.).

Въ первые годы разсматриваемаго въ „Матеріалахъ" періода за счетъ дворянства развивалось, главнымъ образомъ, землевладѣніе купцовъ, ростъ котораго, въ среднемъ, равнялся 400 тыс. десят. въ годъ, тогда какъ крестьянское увеличивалось всего по 155 тыс. десятинъ. Затѣмъ, скупка земель крестьянами, возростая количественно, почти сравнялась съ купеческою, и во второе десятилѣтіе, въ среднемъ, ими прикупалось (считая окончательный результатъ движенія землевладѣнія, т.-е. разницу между куплей и продажей) по 340 тыс. десятинъ въ годъ; купцы же за это десятилѣтіе увеличивали свое землевладѣніе по 380 тыс. десятинъ. Въ третье десятилѣтіе (1883—1892 гг.) крестьяне, по количеству пріобрѣтаемой земли, заняли первое мѣсто—свыше 550 тыс. десятинъ ежегодно, противъ 172 тыс.—прироста купеческаго землевладѣнія [2]).

---

[1]) А. А. Рихтеръ: „Цифровыя данныя о поземельной собственности въ Европ Россіи". Спб. 1897.

[2]) На усиленіе роста крестьянскаго землевладѣнія до нѣкоторой степени вліяло открытіе въ 1883 г. крестьянскаго банка. При содѣйствіи этого учрежденія въ первое десятилѣтіе его существованія пріобрѣтено крестьянами 1.891.000 дес. земли (см. отчеты крестьянскаго банка за разные годы), что составляетъ 34% всего роста крестьянскаго землевладѣнія за тотъ же періодъ (5.542.000 дес.).

Въ годы особенно сильной убыли дворянскаго землевладѣнія (исключая 1879 годъ, о которомъ сказано выше) главными покупщиками являлись въ первое время купцы, а впослѣдствіи—крестьяне, что, какъ мы уже видѣли, совпадаетъ съ общимъ движеніемъ роста того и другого владѣнія. Такъ, въ 1865 г. изъ 1.496.000 десятинъ земли, отчужденной путемъ продажи отъ дворянъ, пріобрѣтено купцами 1.278.000 дес., крестьянское же землевладѣніе за этотъ годъ увеличилось всего на 43 тыс. дес. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1885 г., изъ 1.415.000 дес. отчужденной отъ дворянъ земли перешло къ купцамъ 329 тыс., къ крестьянамъ же—704 тыс. дес.; наконецъ, въ 1893 г. изъ 1.131.010 дес. убыли дворянскаго — увеличилось землевладѣніе купцовъ всего на 148 тыс., крестьянское же—на 602 тысячи десятинъ.

Нотаріальныя данныя о продажныхъ цѣнахъ на землю принято у насъ, въ Россіи, считать за малодостовѣрныя. Лица, совершающія сдѣлки на земли, обыкновенно, въ видахъ сокращенія расходовъ по утвержденію крѣпостныхъ актовъ, уменьшаютъ продажную цѣну противъ дѣйствительной, вслѣдствіе чего и среднія цѣны на землю по даннымъ нотаріата выходятъ преуменьшенными. Замѣчено также, что преуменьшеніе это почти всегда стоитъ въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными цѣнами данной мѣстности; вслѣдствіе этого, нотаріальныя данныя, мало достовѣрныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, все-таки представляютъ если не прямой, то относительный интересъ, особенно при изученіи движенія цѣнъ на землю за различные періоды времени и при сравненіи цѣнъ одной мѣстности съ цѣнами другой.

Въ „Матеріалахъ“ вообще не имѣется выводныхъ данныхъ; нѣтъ въ нихъ и среднихъ продажныхъ цѣнъ на землю, но они даютъ возможность вычислить послѣднія за нѣкоторые годы по каждой губерніи и даже по уѣздамъ, для большинства же (за тридцатилѣтіе 1863—1892 гг.)—по районамъ, состоящимъ, какъ было замѣчено выше, изъ ряда губерній. Пользуясь этими данными, видимъ, что средняя по Россіи (для 45 губерній) продажная цѣна одной десятины земли въ первое десятилѣтіе (1863—72 гг.) равнялась 17 руб., во второе (1873—82 гг.)—21 руб., въ третье (1883—92 гг.)—36 руб., и наконецъ, за послѣдніе 4 года (1893—96 гг.), входящіе въ изслѣдованіе, она колеблется между 41 и 44 рублями. Цѣны обнаруживаютъ склонность рести изъ года въ годъ: въ первое десятилѣтіе слабѣе, чѣмъ во второе и послѣдующіе годы. Такъ, въ первый годъ введенія нотаріата, въ 1863 г., средняя продажная цѣна одной десятины рав-

нялась 20 руб.; затѣмъ она колеблется между 10 (въ 1865 г.) [1] и 17 руб., въ 1869 г. снова достигаетъ 20 руб. и держится на этой нормѣ до конца десятилѣтія. Во второмъ десятилѣтіи (1873—82 гг.) средняя цѣна 1 дес. возросла до 26—28 руб.; въ третьемъ (1883—1892 гг.) она ни разу не падала ниже 29 руб., и къ концу десятилѣтія достигла 43 руб. (въ 1889 г.) и 42 руб. (въ 1892 г.) [2]; на той же высотѣ она держалась и въ послѣднее четырехлѣтіе разсматриваемаго періода (41—44 руб.).

Просматривая „Матеріалы", можно привести изъ нихъ еще немало интересныхъ данныхъ и, на основаніи заключающихся въ нихъ свѣдѣній, сдѣлать много выводовъ, но для ознакомленія съ самымъ изданіемъ, думаемъ, и сказаннаго достаточно.

Оканчивая настоящую замѣтку, позволимъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы департаментъ окладныхъ сборовъ (къ которому перешло завѣдываніе изданіемъ „Матеріаловъ") позаботился о скорѣйшемъ выходѣ въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ за ближайшій къ нашему времени періодъ. Это особенно важно, во-первыхъ, потому, что данныя „Матеріаловъ" могутъ пролить свѣтъ на процессъ, совершающійся на нашихъ глазахъ—на необычайный ростъ цѣнъ на землю въ Россіи. Во-вторыхъ, выходъ дальнѣйшихъ выпусковъ весьма желателенъ и какъ матеріалъ для работающей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте (иниціатора и самого изданія „Матеріаловъ") Высочайше учрежденнаго Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. Наконецъ, желательно, чтобы выпуски IV (сводный за 30 лѣтъ) и V (за 1893 г.) были расширены въ указанномъ выше смыслѣ, что, выражаясь словами предисловія къ VI выпуску, сдѣлало бы всю массу свѣдѣній, собранную въ „Матеріалахъ", „вполнѣ сравнимыми, а слѣдовательно, и пригодными для статистическихъ цѣлей",—чего, къ сожалѣнію, о нихъ нельзя сказать въ настоящее время...

---

[1]) Низкая цѣна на землю въ 1865 г. (въ среднемъ 10 руб. за 1 дес.) особенно выступаетъ, потому что за всѣ остальные годы она ни разу не падаетъ ниже 15—17 рублей. Паденіе средней цѣны въ 1865 г. объясняется заключеніемъ крупныхъ сдѣлокъ (свыше 1 милл. дес.) на дешевыя земли (въ среднемъ—по 70 коп. за 1 дес.) въ сѣверной полосѣ Россіи. Исключая эти сдѣлки изъ разсчета, средняя цѣна 1 дес. земли за 1865 годъ повысится до 16 рублей.

[2]) На ростъ нотаріальныхъ цѣнъ, начиная съ 1883 г., должна была повліять дѣятельность открытаго въ этомъ году крестьянскаго банка, среднія цѣны по сдѣлкамъ котораго имѣютъ бо́льшую достовѣрность сравнительно съ остальными нотаріальными данными. При сравненіи цѣнъ по покупкамъ при помощи банка (взятыхъ изъ отчетовъ этого учрежденія) съ средними нотаріальными, первыя, за исключеніемъ нѣсколькихъ годовъ, вообще выше вторыхъ, и разница эта достигаетъ почти 80% (въ 1883 и 1885 гг.).

PS.—Настоящая замѣтка была уже сдана въ печать, какъ вышли еще два выпуска „Матеріаловъ"—VII и X. Выпускъ VII составляетъ 2-ю часть выпуска IV-го и содержитъ въ себѣ группировку сдѣлокъ за 1863—1892 гг. по ихъ размѣрамъ, по годамъ совершенія и по принятымъ въ вып. IV группамъ губерній. Выпускъ X заключаетъ въ себѣ болѣе подробныя, чѣмъ въ прежнихъ выпускахъ, данныя объ отчужденіяхъ подъ желѣзныя дороги за 1897 и 1898 гг. Кромѣ того, выпускъ VII снабженъ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ, кромѣ краткаго обзора „Матеріаловъ", приведены нѣкоторые выводы общаго характера. Выпуски VII и X состоятъ частью изъ разработки данныхъ, помѣщенныхъ въ прежнихъ выпускахъ, частью изъ новыхъ свѣдѣній по отчужденіямъ подъ желѣзныя дороги за годы, по которымъ основныя данныя еще не опубликованы, и которыя по своимъ незначительнымъ размѣрамъ (въ 1897 г. подъ желѣзныя дороги отчуждено всего 8.393 дес., а въ 1898 г.—7.554 дес.) не могутъ оказать существеннаго вліянія на общіе выводы по мобилизаціи земельной собственности въ Россіи. Въ виду всего вышесказаннаго, вновь вышедшіе выпуски не могутъ измѣнить тѣхъ замѣчаній, которыя высказаны нами по поводу ранѣе вышедшихъ „Матеріаловъ".—Д. Р.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1904.

Начало новаго періода преобразованій.—Отношеніе ихъ къ общественному настроенію.—Типичныя черты двухъ главныхъ законопроектовъ.—Составъ губернскихъ совѣщаній.—Способы опроса крестьянъ.—Гласные отъ сельскихъ обществъ и земскіе начальники. — Земскій избирательный цензъ. — Земскія ходатайства. — Датскій законопроектъ, возбуждающій ликованіе реакціонной прессы. — Двѣ правительственныя мѣры.

Минувшій годъ ознаменованъ приступомъ къ двумъ преобразованіямъ, настоятельная необходимость которыхъ давно уже стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ законченъ пересмотръ законодательства о крестьянахъ и намѣчены основныя черты новаго строя губернскихъ учрежденій. Проектъ крестьянскаго положенія предполагается внести на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, при участіи выборныхъ отъ земства и дворянства. Весьма вѣроятно, что по тому же пути будетъ направленъ и проектъ губернской реформы. Отъ того или иного разрѣшенія поставленныхъ на очередь вопросовъ зависитъ, въ значительной степени, ближайшее будущее Россіи. Аналогичные моменты русское общество, за послѣднее полустолѣтіе, переживало два раза: въ эпоху „великихъ реформъ“ (1861—65) и, двадцать-пять лѣтъ спустя, въ эпоху ихъ коренной передѣлки (1884—94). Реформы императора Александра II-го были велики именно потому, что онѣ отвѣчали несомнѣннымъ, вполнѣ назрѣвшимъ потребностямъ народа, вели его впередъ, къ самодѣятельности и свободѣ, разсчитывали на его здравый смыслъ, на его способность къ быстрому развитію и, сообразно съ этимъ, уменьшали различіе между сословіями, замѣняли обветшалыя рамки новыми, благопріятствующими движенію. Правительственныя мѣры находили одобреніе и поддержку въ широкихъ кругахъ; недовольныхъ было сравнительно мало, и неудовольствіе чаще коренилось въ недостаточности, чѣмъ въ чрезмѣрной смѣлости преобразованій. Перемѣны восьмидесятыхъ годовъ происходили

при условіяхъ прямо противоположныхъ. Сочувственно отнеслось къ нимъ только небольшое меньшинство, разсматривавшее ихъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія личныхъ или корпоративныхъ интересовъ. Другое меньшинство, также небольшое, но чуждое сословныхъ тенденцій, видѣло въ „контръ-реформахъ“ глубоко прискорбное возвращеніе къ прошлому, осужденному опытомъ. Между обѣими крайними группами стояла индифферентная, апатичная толпа, удрученная предшествовавшими событіями и потерявшая, на время, всякую отзывчивость на общее дѣло. Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ—и среди не всегда замѣтной, но упорной и непрерывной борьбы мнѣній выросло и окрѣпло настроеніе, напоминающее, отчасти, эпоху великихъ реформъ. Мы говоримъ: *отчасти*, потому что рядомъ съ сходствомъ существуетъ и различіе, выражающееся всего яснѣе въ степени распространенности настроенія. Несравненно шире теперь кругъ лицъ, слѣдящихъ за ходомъ государственной машины, понимающихъ смыслъ ея оборотовъ и принимающихъ къ сердцу ея направленіе. Несмотря на всѣ задержки и преграды, толчокъ, данный въ шестидесятыхъ годахъ, не прошелъ безслѣдно. Въ инертную и темную массу внесенъ свѣтъ, пока еще слабый, но позволяющій ей видѣть путь, по которому она идетъ, и обстановку, которая ее окружаетъ. Народъ продолжаетъ быть *объектомъ* заботъ и думъ—но становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ихъ *субъектомъ*: онъ самъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ элементовъ, выступаетъ на историческую сцену. Болѣе чѣмъ когда-либо, поэтому, прочный успѣхъ преобразованій, непосредственно касающихся народной массы, возможенъ лишь подъ условіемъ ея сочувствія къ нимъ, согласія ихъ съ ея взглядами, все болѣе и болѣе вырисовывающимися на фонѣ прежняго безразличія и равнодушія. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что эти взгляды совпадаютъ, въ существенномъ и главномъ, съ стремленіями, господствующими среди образованнаго общества. Какъ ни несовершенна была форма „народнаго опроса“, произведеннаго, въ 1902 г., чрезъ посредство уѣздныхъ и губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, общій смыслъ отвѣта опредѣлился съ достаточною ясностью. Возможно бо̀льшая равноправность сословій, возможно бо̀льшая обезпеченность правъ, основанныхъ на законѣ, возможно бо̀льшій просторъ для личной и общественной инициативы—таковы пожеланія, высказанныя въ самыхъ различныхъ сферахъ на всемъ пространствѣ государства. Они повторяются каждый разъ, когда къ тому дается поводъ; новое выраженіе ихъ мы видѣли еще недавно, въ запискѣ земскихъ членовъ „коммиссіи о центрѣ“.

Въ другую сторону—насколько можно судить по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать—идутъ законопроекты, упомянутые нами выше. Пересмотръ положеній о крестьянахъ не уменьшаетъ, а увеличиваетъ

юридическую обособленность народной массы; реформа губернскаго управленія несетъ съ собою расширеніе дискреціонной административной власти. Остановимся на нѣкоторыхъ характерныхъ деталяхъ, по которымъ можно стоставить себѣ понятіе о цѣломъ. Если вѣрить „Новому Времени“ (№ 9974), преобразованіе волостного суда намѣчено въ слѣдующемъ видѣ: члены суда, въ числѣ четырехъ, назначаются уѣзднымъ съѣздомъ, по выслушаніи заключенія мѣстнаго земскаго начальника, на три года, изъ числа избираемыхъ сельскими обществами кандидатовъ. Ближайшій и непосредственный надзоръ за движеніемъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ и отправленіемъ судьями ихъ обязанностей возлагается на земскихъ начальниковъ, которые, наравнѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и членами губернскаго присутствія, имѣютъ и право ревизіи волостныхъ судовъ. Второй инстанціей является особый волостной судъ, составленный изъ предсѣдателей мѣстныхъ волостныхъ судовъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго земскаго начальника или уѣзднаго предводителя дворянства. Третьей инстанціей по прежнему служитъ губернское присутствіе. Итакъ, громадное большинство крестьянскихъ дѣлъ остается изъятымъ изъ вѣдѣнія общихъ судовъ, а слѣдовательно, по всей вѣроятности, не подлежащимъ дѣйствію общихъ законовъ. Зависимость волостныхъ судей не уменьшается, а увеличивается, такъ какъ выборъ ихъ уступаетъ мѣсто назначенію, а надзору земскаго начальника прямо подчиняется „отправленіе судьями ихъ обязанностей“, т.-е. вся судейская ихъ дѣятельность. „Особый волостной судъ“, образующій вторую инстанцію, еще меньше гарантируетъ правосудное рѣшеніе дѣлъ, чѣмъ нынѣшняя вторая инстанція—уѣздный съѣздъ: въ составъ послѣдняго входятъ лица юридически образованныя и независимыя отъ мѣстной администраціи (уѣздный членъ окружного суда, городской судья), а особый волостной судъ предполагается составить изъ тѣхъ же волостныхъ судей, самостоятельности которыхъ присутствіе въ ихъ средѣ земскаго начальника благопріятствовать, безъ сомнѣнія, не будетъ. Мысль объ апелляціонной инстанціи, составленной изъ волостныхъ судей, заимствована, по всей вѣроятности, изъ прежнихъ земскихъ проектовъ или изъ узаконеній, дѣйствующихъ въ остзейскомъ краѣ: но въ послѣднемъ предсѣдателемъ верхняго крестьянскаго суда состоитъ юристъ, не имѣющій никакой власти надъ членами суда, а земскими проектами предсѣдательство предоставлялось мировому судьѣ, т.-е. опять-таки лицу, не облеченному начальническими правами по отношенію къ волостнымъ судьямъ. Прибавимъ къ этому, что кассаціонной инстанціей надъ верхними крестьянскими судами является въ остзейскомъ краѣ съѣздъ мировыхъ судей, черезъ посредство котораго въ общую судебную іерархію вво-

дятся и волостные суды—а „особые волостные суды" предполагается оставить подчиненными губернскому присутствію, стоящему совершенно внѣ судебнаго вѣдомства и отводящему очень мало мѣста судебнымъ элементамъ. Сохраненіе, въ главныхъ чертахъ, нынѣ дѣйствующей организаціи крестьянскаго суда равносильно сохраненію для крестьянъ особыхъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, особыхъ проступковъ, особыхъ наказаній—другими словами, сохраненію одной изъ главныхъ перегородокъ, отдѣляющихъ народную массу отъ высшихъ, привилегированныхъ общественныхъ классовъ. Менѣе чѣмъ когда-либо такое рѣшеніе вопроса можетъ быть признано цѣлесообразнымъ въ настоящее время, послѣ обнародованія новаго уголовнаго уложенія, наканунѣ завершенія новаго гражданскаго кодекса, въ составъ котораго ничто не мѣшало бы включить все, что есть цѣннаго въ такъ-называемомъ обычномъ крестьянскомъ правѣ.

На сколько типичны для проекта новаго законодательства о крестьянахъ правила о волостномъ судѣ, на столько же знаменательны двѣ особенности проекта губернской реформы: предоставленіе губернатору права производить нѣкоторые обязательные, по его мнѣнію, расходы за счетъ общественныхъ установленій и введеніе архивныхъ коммиссій въ составъ губернскихъ правленій. Первая изъ этихъ мѣръ равносильна, de facto, увеличенію, властью губернатора, земскихъ или городскихъ расходовъ, которое, по дѣйствовавшимъ до сихъ поръ законамъ, можетъ быть допущено только государственнымъ совѣтомъ. Единоличное распоряженіе мѣстнаго администратора ставится, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ рѣшеніемъ высшаго коллегіальнаго учрежденія имперіи. Вторая мѣра замѣняетъ свободную научную дѣятельность канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ [1]). Обѣ одинаково проникнуты недовѣріемъ къ самостоятельной работѣ, личной и коллективной. Отмѣтимъ еще одну отличительную черту проекта—стремленіе къ такому сосредоточенію власти, которое, превосходя способности и силы одного лица, неминуемо должно понизить или обезцвѣтить результаты, достигаемые спеціальными отраслями администраціи. Какими послѣдствіями грозитъ даже неполное подчиненіе фабричной инспекціи губернатору—объ этомъ мы имѣли случай говорить еще недавно [2]); понятно, что къ обращенію фабричной инспекціи въ отдѣленіе губернскаго правленія все сказанное нами примѣнимо въ еще большей мѣрѣ. Столь же опасно было бы расширеніе губернаторской власти въ другихъ обла-

---

[1]) Губернскія ученыя архивныя коммиссіи, учрежденныя въ 1884 г. по мысли директора археологическаго института, Н. В. Калачова, состоятъ до сихъ поръ въ вѣдѣніи института; губернаторы считаются только ихъ попечителями, а предсѣдателя коммиссія выбираетъ изъ своей среды.

[2]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

стяхъ, теперь подвѣдомственныхъ министерству финансовъ, напримѣръ — созданіе въ составѣ губернскаго присутствія должности непремѣннаго члена по дѣламъ крестьянскаго банка или усиленіе вліянія губернатора на податное дѣло. Изъ любопытной статьи г. Еропкина: „Проектъ губернской реформы" („С.-Петербургскія Вѣдомости", № 337) мы узнаемъ, что между прямолинейными сторонниками полновластія циркулируетъ даже мысль о совершенномъ изъятіи податного дѣла изъ вѣдѣнія податной инспекціи и о передачѣ его всецѣло земскимъ начальникамъ. Признавая неудобства двойственности, внесенной въ эту сферу закономъ 1898-го года, г. Еропкинъ совершенно правильно стоитъ за разрѣшеніе вопроса въ смыслѣ прямо противоположномъ, т.-е. за устраненіе земскихъ начальниковъ отъ всякаго участія въ податномъ дѣлѣ.

Мѣсяцъ тому назадъ, заканчивая нашу „Общественную Хронику", мы успѣли только упомянуть о губернскихъ совѣщаніяхъ, на предварительное разсмотрѣніе которыхъ предположено внести проектъ новаго положенія о крестьянахъ. Вѣрная своей привычкѣ одобрять, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, рѣшенія власти, реакціонная печать, еще недавно такъ горячо стоявшая за *приглашеніе* свѣдущихъ людей [1]), не возражаетъ противъ *избранія* земскихъ членовъ совѣщаній, разъ что оно допущено правительствомъ, но старается доказать, что самый выборъ долженъ быть предоставленъ не губернскимъ, а уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Аргументы, приводимые въ пользу этой мысли, давно извѣстны: это все та же „неблагонадежность" губернскихъ гласныхъ, все то же недостаточное, будто бы, ихъ знакомство съ мѣстными людьми и мѣстными дѣлами, все та же односторонность ихъ состава. Другая, также не новая пѣснь реакціонныхъ сиренъ указываетъ на необходимость введенія въ губернскія совѣщанія крестьянскаго элемента—введенія не только факультативнаго, т.-е. зависящаго отъ усмотрѣнія губернатора, но безусловно обязательнаго. Чѣмъ объяснить такую заботливость о крестьянахъ со стороны людей, систематически враждебныхъ интересамъ массы? Какъ совмѣстить довѣріе къ здравому смыслу и дѣловитости крестьянъ съ проповѣдью вѣчной надъ ними опеки? Можно ли въ одно и то же время отстаивать зависимость цѣлаго сословія отъ усмотрѣнія должностныхъ лицъ—и ожидать отъ его представителей полезныхъ совѣтовъ по одному изъ самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ? Всѣ эти противорѣчія разрѣшаются, въ сущности, очень просто. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ голоса крестьянъ, надлежащимъ образомъ дисциплинированыхъ и направлен-

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ предъидущей книжкѣ нашего журнала.

ныхъ, могутъ обезпечить большинство за „благонадежными“ кандидатами въ свѣдущіе люди; въ губернскихъ совѣщаніяхъ извнѣ внушенныя или навязанныя положенія, пройдя черезъ уста крестьянъ, удобно могутъ быть выдаваемы за народную мудрость, „за гласъ народа“. Иными словами, крестьяне и тамъ, и тутъ могутъ стать орудіемъ оптическаго обмана, крайне желаннаго для престидигитаторовъ съ Страстного бульвара. При другихъ условіяхъ—напр. при дѣйствіи Положенія 1864-го года,—обращеніе къ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ имѣло бы за себя очень многое; теперь оно представляется намъ до крайности опаснымъ, въ особенности какъ *замѣна* обращенія къ губернскимъ собраніямъ. Не даромъ же послѣднихъ такъ боится реакціонная печать: она знаетъ, что именно въ нихъ—хотя не всегда и не вездѣ—находятъ лучшее свое выраженіе общественныя силы созрѣвшей и широко развившейся провинціи.

Въ одномъ лишь отношеніи — по совершенно другимъ, конечно, мотивамъ—мы приходимъ къ тому же выводу, какъ и „Московскія Вѣдомости“: мы также признаемъ желательнымъ *обязательное* участіе крестьянъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ, если только удастся установить такія условія, которыя обезпечивали бы дѣйствительное представительство ими крестьянскихъ интересовъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всего проще и правильнѣе было бы предоставить гласнымъ отъ сельскихъ обществъ (отдѣльно по каждому уѣзду) избрать изъ своей среды—или вообще изъ среды мѣстныхъ крестьянъ-домохозяевъ—одного члена губернскаго совѣщанія. На самомъ дѣлѣ, однако, такой способъ разрѣшенія вопроса едва ли могъ бы привести къ желанной цѣли. Кандидатами въ гласные отъ сельскихъ обществъ избираются, въ большинствѣ случаевъ, лица, угодныя земскому начальнику, отъ котораго, de facto, зависитъ и призывъ тѣхъ или другихъ изъ ихъ числа въ составъ земскаго собранія (припомнимъ, что число гласныхъ отъ крестьянъ почти всегда меньше числа волостей, изъ которыхъ каждая выбираетъ одного кандидата въ гласные). Сплошь и рядомъ, притомъ, въ гласные попадаютъ волостные старшины, сугубо зависимые отъ начальства. Такіе гласные, хотя бы и выдѣленные въ особую группу и, слѣдовательно, изъятые изъ-подъ непосредственнаго вліянія земскаго начальника, все-же, за рѣдкими исключеніями, будутъ творить волю пославшаго ихъ или выражать свои собственныя мнѣнія „съ оглядкой“, съ опасеніемъ за послѣдствія полной откровенности. Примѣры этому мы видѣли въ совѣщаніяхъ уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, практика которыхъ удостовѣряетъ, что съ большей или меньшей свободой крестьяне говорили только тамъ, гдѣ имѣли основаніе разсчитывать на безпристрастіе и поддержку уѣзднаго предводителя дворянства. Всего лучше, поэтому, было бы въ

каждомъ уѣздѣ предоставить каждому волостному сходу избрать, *не изъ числа должностныхъ лицъ* и не въ присутствіи земскаго начальника, по одному уполномоченному, съ тѣмъ, чтобы всѣ избранные, собравшись въ уѣздномъ городѣ подъ предсѣдательствомъ одного изъ ихъ среды и потолковавъ между собою, послали отъ себя одного представителя въ губернское совѣщаніе. Зависимость крестьянъ отъ власти въ настоящее время такъ велика, что вполнѣ устранить ея результаты не могъ бы и предлагаемый нами порядокъ; но только при немъ была бы хоть сколько-нибудь вѣроятна смѣлая и правдивая рѣчь крестьянъ въ защиту дѣйствительныхъ интересовъ народной массы. Меньше всего достигло бы этой цѣли *приглашеніе* крестьянъ, отъ кого бы изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ оно ни исходило.

Еслибы въ сказанномъ нами о зависимомъ положеніи гласныхъ отъ крестьянъ кто-нибудь усмотрѣлъ ошибку или преувеличеніе, мы могли бы подтвердить наше мнѣніе ссылкою на „достовѣрное свидѣтельство" одного изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей". Вотъ что пишетъ въ этой газетѣ (№ 325) графъ Павелъ Камаровскій: „приходится признать фактъ, что присутствіе гласнаго волостного старшины рядомъ съ гласнымъ земскимъ начальникомъ крайне неудобно; невольно первый находится подъ вліяніемъ своего прямого начальника". Правда, дѣйствіе яда, заключающагося въ этихъ словахъ, редакція „Московскихъ Вѣдомостей" спѣшитъ парализовать противоядіемъ, увѣряя, въ передовой статьѣ, что вліяніе земскаго начальника на гласныхъ-крестьянъ ничѣмъ не отличается отъ вліянія всякаго другого „просвѣщеннаго помѣщика" и коренится исключительно въ „довѣріи и уваженіи крестьянъ къ представителямъ помѣстнаго дворянства"; но развѣ можно отнестись серьезно къ подобнымъ увѣреніямъ? Развѣ для всякаго, даже самаго наивнаго читателя не очевидно, что вліяніе, основанное на довѣріи и уваженіи и принадлежащее, поэтому, не цѣлому сословію, а отдѣльнымъ лицамъ, заслужившимъ его всею своею жизнью, не имѣетъ ничего общаго съ вліяніемъ, основаннымъ на страхѣ передъ дискреціонною властью? Никому не приходитъ на мысль утверждать, что независимости гласныхъ крестьянъ вообще и волостныхъ старшинъ въ особенности угрожаетъ всякій сидящій рядомъ съ ними представитель помѣстнаго дворянства — но всякому безпристрастному наблюдателю ясна степень свободы подчиненныхъ, дѣйствующихъ подъ надзоромъ „отца-командира". Скажемъ болѣе: еслибы между гласными отъ сельскихъ обществъ не было ни одного волостного старшины, еслибы они вступали въ собраніе исключительно путемъ выбора, а не назначенія, еслибы даже доступъ въ гласные былъ закрытъ для земскихъ начальниковъ (какъ онъ закрытъ для полицейскихъ чиновниковъ), то и тогда независимость

гласныхъ-крестьянъ была бы ограждена далеко не вполнѣ, пока за стѣнами собранія оставалось бы въ прежней силѣ полновластіе земскихъ начальниковъ.

Сторонникамъ рутины и регресса, охотно прикрывающимъ свои настоящія вожделѣнія благозвучнымъ словомъ *порядокъ* и не чуждающимся слова *право*, когда оно означаетъ преимущество или привилегію, ужасно не нравится соединеніе этихъ двухъ словъ: *правопорядокъ*. И это понятно: *правопорядокъ* предполагаетъ господство порядка, въ поддержаніи котораго никакой роли не играетъ произволъ, и права, которое не составляетъ монополію меньшинства. Особенно непріятно поражаетъ нашихъ „охранителей" примѣненіе ненавистнаго слова къ деревнѣ, которую они взяли подъ свою спеціальную опеку и тщательно ограждаютъ отъ новыхъ вѣяній, идущихъ въ разрѣзъ съ традиціями безвозвратно миновавшей „патріархальной" эпохи. Какіе софизмы пускаются въ ходъ противъ нарушителей мнимой святыни— объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ [1]). „Для деревни требуютъ права, т.-е. закона; но развѣ деревня не имѣетъ закона? Развѣ мы живемъ въ безсудной странѣ"? Здѣсь смѣшиваются, прежде всего, два различныхъ понятія: законъ и право. Законъ создаетъ объективное право — но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ отказывать въ субъективныхъ правахъ, самыхъ существенныхъ и важныхъ. Крѣпостное право было въ свое время основано на законѣ—но кто же сомнѣвается въ томъ, что оно никогда не было *правомъ* въ истинномъ смыслѣ этого слова? Конечно, деревня *отчасти* управляется закономъ; но слѣдуетъ ли отсюда, что ея обитатели, въ отдѣльности взятые, обладаютъ хотя бы минимумомъ правъ, свойственныхъ совершеннолѣтнему гражданину культурнаго государства, и что аналогичными правами облечена деревня, разсматриваемая какъ одно цѣлое? Закономъ ли, далѣе, регулируются имущественныя отношенія крестьянъ? Обычай, во многомъ заступающій мѣсто закона, отличается ли достаточною точностью и опредѣленностью, устанавливается ли, въ каждомъ данномъ случаѣ, съ достаточною осмотрительностью и безпристрастіемъ? Подсудность волостному суду не равносильна ли иногда фактической „безсудности"? На всѣ эти вопросы едва ли могутъ быть два различныхъ отвѣта... „Законы"—читаемъ мы дальше въ той же газетной статьѣ,—„законы, создающіе семью, ограждающіе честный трудъ и собственность, устанавливающіе гражданскую свободу, личную и имущественную безопасность, въ основѣ своей въ деревнѣ такіе же, какъ и въ городѣ". Нужно ли доказывать, что эти слова далеки отъ

---

[1]) См. передовую статью въ № 317 „Московскихъ Вѣдомостей".

истины? Развѣ семейные раздѣлы подчинены въ городахъ тѣмъ же стѣсненіямъ, какъ и въ деревнѣ? Развѣ зависимость сыновей отъ отца и въ городахъ продолжается послѣ достиженія ими гражданскаго совершеннолѣтія? Развѣ личность крестьянина, котораго земскій начальникъ можетъ безъ суда арестовать и оштрафовать, ограждена въ той же мѣрѣ, какъ и личность живущаго въ деревнѣ помѣщика или купца? Развѣ дворянское общество имѣетъ надъ своими членами такую же власть, какъ сельское общество—надъ принадлежащими къ нему крестьянами?... Утверждая, что подъ защитой правопорядка скрывается, въ сущности, не что иное, какъ походъ противъ института земскихъ начальниковъ, московская газета пугаетъ своихъ читателей картиной безобразій, господствовавшихъ въ деревнѣ до 1889-го года—безобразій, возстановленіе которыхъ и составляетъ, будто бы, затаенную цѣль земской агитаціи. Да, институтъ земскихъ начальниковъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, несовмѣстимъ съ истиннымъ правопорядкомъ; но это еще не значитъ, чтобы рѣчь шла только о возвращеніи къ порядку, созданному въ шестидесятыхъ годахъ. Этотъ порядокъ, имѣвшій, съ самаго начала, лишь временное значеніе, санкціонировалъ обособленность крестьянъ, создавалъ для нихъ отдѣльное управленіе я отдѣльный судъ, сохранялъ въ ихъ средѣ своеобразныя нормы права. Теперь, по убѣжденію, все болѣе и болѣе распространяющемуся въ ширь и глубь, настало время для сліянія народной массы съ остальными классами общества, для дарованія ей настоящаго суда, для замѣны крайне несовершенныхъ формъ волостного и сельскаго самоуправленія другими, обнимающими собою цѣлую территоріальную единицу, изъ кого бы населеніе ея ни состояло... „Пускай въ деревнѣ"—такъ резюмируютъ „Московскія Вѣдомости" пожеланія своихъ противниковъ —„опять царствуютъ волостные и сельскіе писаря, пусть творитъ судъ и расправу прежній кабацкій волостной судъ"! Въ этихъ словахъ добросовѣстность нашихъ газетныхъ реакціонеровъ проявилась въ полномъ блескѣ. Они знаютъ какъ нельзя лучше, что не о господствѣ писарей и кабацкихъ судей мечтаютъ сторонники мирового суда и мелкой земской единицы—и знаютъ также, что такое господство сплошь и рядомъ идетъ рука объ руку съ порядкомъ, нынѣ дѣйствующимъ въ деревнѣ.

Большой интересъ возбуждалъ и возбуждаетъ въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ вопросъ о пониженіи избирательнаго ценза. Многія земства широко раздвинули его рамки, указавъ на общее несовершенство дѣйствующей избирательной системы. Земскія собранія не всегда шли, въ этомъ отношеніи, такъ далеко, какъ зем-

скія управы и спеціально выбранныя коммиссіи. Въ симбирской губерніи, напримѣръ, губернская земская управа предлагала понизить земельный избирательный цензъ до ста десятинъ (въ настоящее время онъ составляетъ, смотря по уѣздамъ, отъ 200 до 250 дес.), соединить всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ въ одно избирательное собраніе, безъ различія сословій, предоставить сельскимъ обществамъ право избранія хотя бы по одному гласному отъ волости, съ устраненіемъ существующаго порядка назначенія гласныхъ, крестьянъ, и опредѣлить число уѣздныхъ гласныхъ въ зависимости отъ числа владѣльцевъ, количества земли и цѣнности другихъ недвижимыхъ имуществъ. Голоса въ собраніи раздѣлились почти поровну: значительное меньшинство высказалось за возвращеніе, въ главныхъ чертахъ, къ Положенію 1864-го года, но большинство отклонило предложенія управы, ограничившись пожеланіемъ, чтобы по отношенію къ цензовымъ земельнымъ нормамъ были приняты во вниманіе постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній (изъ которыхъ одни стояли за сохраненіе прежнихъ нормъ, а другія находили цѣлесообразнымъ пониженіе ихъ до 100 или даже до 75 десятинъ). Консерватизмъ, выказанный большинствомъ симбирскаго губернскаго земства, составляетъ, однако, далеко не общее правило. Итоги послѣдней сессіи еще не подведены, не вездѣ даже она закончена; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на сторонѣ застоя окажется меньшая часть собраній. Слишкомъ ясно, что повсемѣстному, иногда весьма сильному повышенію цѣнъ на землю должно соотвѣтствовать пониженіе земельнаго ценза. Та степень обезпеченности, которую представляло собою, въ началѣ шестидесятыхъ или даже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, владѣніе, напримѣръ, 200—250 десятинами, достигается теперь при владѣніи гораздо меньшемъ. Значительно увеличившійся, несмотря на рестриктивныя мѣры, кругъ земской дѣятельности требуетъ привлеченія къ ней значительно большаго числа дѣятелей [1]). Усиливающійся абсентеизмъ грозитъ уменьшить и безъ того уже крайне ограниченное число лицъ, являющихся на земскіе выборы. Что же противопоставляется, обыкновенно, всѣмъ этимъ безспорнымъ фактамъ, такъ громко говорящимъ за пониженіе ценза? Указываютъ, иногда, что мелкіе землевладѣльцы не вовсе отстранены отъ участія въ земской жизни, такъ какъ могутъ являться на избирательные съѣзды и посылать своихъ уполномоченныхъ въ избирательное собраніе; но кому же неизвѣстно, что такіе косвенные выборы, при которыхъ каждому избирателю принадлежитъ

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что на земскія должности, по ст. 116 Полож. о земск. учр. 1890-го года, могутъ быть избираемы, кромѣ гласныхъ, только лица, имѣющія право голоса на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ (но не на избирательныхъ съѣздахъ).

только дробь, иногда небольшая дробь голоса, не имѣютъ притягательной силы, и съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ именно потому посѣщаются весьма слабо? Говорятъ, далѣе, что земское дѣло и при нынѣшнемъ составѣ избирателей идетъ хорошо и не нуждается въ новыхъ силахъ; но развѣ оно не могло бы идти еще лучше? Кто рѣшится утверждать, что ему не вредятъ такія явленія, какъ признаніе гласными, безъ выборовъ, всѣхъ явившихся въ избирательное собраніе, или избраніе въ гласные все однихъ и тѣхъ же лицъ, за невозможностью освѣжить составъ собранія? Отъ времени до времени слышится повтореніе старой пѣсни, признающей степень интереса къ земскому дѣлу прямо пропорціональной высотѣ платимаго земскаго сбора; но опытъ показалъ уже давно, что индифферентизмъ особенно распространенъ между крупными землевладѣльцами. Влечетъ и привязываетъ къ земской дѣятельности сознаніе ея важности, подкрѣпляемое непосредственнымъ ощущеніемъ ея хорошихъ и дурныхъ сторонъ — ощущеніемъ, особенно острымъ именно у людей небогатыхъ. Въ послѣднее время пущенъ въ ходъ еще одинъ доводъ: земства, высказываясь за расширеніе избирательнаго права, этимъ самымъ, будто бы, провозглашаютъ свою несостоятельность, свою неспособность справиться съ возложенной на нихъ задачей. Изобрѣтатели этого довода упускаютъ изъ виду, что существуетъ чувство долга—могущественное чувство, вынуждающее и отдѣльныхъ лицъ, и учрежденія дѣйствовать вопреки собственному интересу или внушеніямъ самолюбія. Подъ вліяніемъ этого чувства земскіе дѣятели, обсуждая занимающій насъ теперь вопросъ, думаютъ, бо̀льшею частью, не о томъ, какой аттестатъ они подпишутъ самимъ себѣ, если выскажутся за пониженіе ценза, а о томъ, соотвѣтствуетъ ли такая мѣра правильно понятымъ интересамъ мѣстнаго населенія. И аттестатъ, впрочемъ, получается вовсе не столь дурной, какъ насъ хотятъ увѣрить. Признать, что другой можетъ исполнить извѣстную задачу не хуже, чѣмъ я, вовсе не значитъ выдать самому себѣ testimonium paupertatis: это значитъ только быть безпристрастнымъ. Признаніями или „уступками“ этого рода полна исторія: ихъ требуетъ на каждомъ шагу простая справедливость—и пониманіе новыхъ условій, создаваемыхъ теченіемъ жизни.

Наряду съ пониженіемъ ценза выдающееся мѣсто среди земскихъ пожеланій занимаетъ коренное измѣненіе порядка крестьянскихъ выборовъ и тѣсно связанное съ нимъ увеличеніе числа гласныхъ отъ крестьянъ. О необходимости и первостепенной важности этой мѣры мы говорили часто и много. Положеніе 1890-го года уничтожило, фактически, *представительство* крестьянъ въ земскомъ собраніи; гласныхъ, свободно избранныхъ населеніемъ, замѣнили ставленники администраціи, и притомъ въ числѣ совершенно несоотвѣтствующемъ раз-

мѣрамъ крестьянскаго землевладѣнія и значенію крестьянъ для земства и земства для крестьянъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, большой перемѣной къ лучшему было бы даже простое возвращеніе къ положенію 1864-го года. Стремленіе назадъ, равносильное, въ данномъ случаѣ, стремленію впередъ, заставило вспомнить объ одной особенности прежняго положенія, уничтоженной въ 1890-мъ году. Не только передовые земскіе дѣятели (какъ напр. Н. Н. Львовъ, бывшій предсѣдатель саратовской губернской земской управы), но и сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей“ (упомянутый нами выше гр. П. Камаровскій) высказываются за предоставленіе крестьянамъ избирать гласныхъ не изъ своей среды. Правда, въ воображеніи гр. Камаровскаго рисуется при этомъ совершенно фантастическая картина представительства отъ крестьянъ, составленнаго исключительно изъ не-крестьянъ—но характерно уже и то, что въ перегородкѣ, раздѣляющей сословія, старается пробить брешь сторонникъ сословности [1]. Болѣе послѣдовательная, редакція московской газеты спѣшитъ выразить свое несогласіе съ мнѣніемъ гр. Камаровскаго—и, по обыкновенію, не стѣсняется при этомъ въ выборѣ аргументовъ. Она утверждаетъ, что при дѣйствіи положенія 1864-го года въ гласные отъ сельскихъ обществъ весьма часто попадали наименѣе достойные изъ среды личныхъ землевладѣльцевъ, забаллотированные на своемъ избирательномъ съѣздѣ—и попадали, притомъ, съ помощью недостойныхъ пріемовъ (напр. спаиванія водкой). Возможность такихъ случаевъ мы не отрицаемъ—но рядомъ съ ними встрѣчались явленія противоположнаго свойства, тщательно замалчиваемыя московской газетой: въ гласные отъ крестьянъ избирались вполнѣ достойные дѣятели, забаллотированные на землевладѣльческомъ съѣздѣ только потому, что интересы массы были, въ ихъ глазахъ, важнѣе интересовъ привилегированнаго меньшинства. Таково, напримѣръ, было избраніе (въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи) барона Н. А. Корфа, пораженіе котораго на землевладѣльческомъ съѣздѣ было вызвано именно тѣмъ, что доставило ему всероссійскую славу—энергичной и умѣлой работой на пользу начальной школы. Немало шуму надѣлалъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, выборъ въ гласные на крестьянскомъ съѣздѣ двухъ землевладѣльцевъ елецкаго уѣзда (орловской губерніи), въ то время не нравившихся своему сословію. Изъ-за него возникъ судебный процессъ, направленный не противъ самихъ избранниковъ, но противъ крестьянъ, наиболѣе способствовавшихъ ихъ побѣдѣ. Чтобы избавиться отъ гласныхъ, не-

---

[1]) Крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ гр. Камаровскій предлагаетъ включить въ число гласныхъ „по праву“, т.-е. помимо выборовъ.

желательныхъ для господствовавшей землевладѣльческой партіи, было пущено въ ходъ обвиненіе въ подкупѣ избирателей; но, благодаря защитѣ В. Д. Спасовича, оно блистательно провалилось на судѣ. Немало было и другихъ случаевъ, въ которыхъ избиратели-крестьяне возстановляли справедливость, сознательно нарушенную личными землевладѣльцами. И все-таки мы не рѣшились бы, *въ настоящую минуту*, подать голосъ за возвращеніе къ порядку, существовавшему при дѣйствіи положенія 1864-го года. Слишкомъ велика теперь зависимость крестьянъ отъ своего начальства; слишкомъ незначительны, поэтому, шансы такого исхода крестьянскихъ выборовъ, къ какому они нерѣдко приводили двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ. Избраніе, номинально идущее отъ крестьянъ, на самомъ дѣлѣ слишкомъ легко могло бы оказаться предписаннымъ извнѣ и направленнымъ къ цѣли, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительными интересами народной массы. Расширенію, въ указанномъ выше смыслѣ, избирательнаго права сельскихъ обществъ долженъ предшествовать общій подъемъ юридическаго положенія крестьянъ, сближающій или уравнивающій ихъ съ другими сословіями.

Какъ и слѣдовало ожидать, губернскія земскія собранія не остались безучастными зрителями работы, совершающейся въ правительственныхъ сферахъ. Тверское губернское земское собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ четырехъ (двухъ гг. Трубниковыхъ, г. Столпакова [1]) и представителя духовнаго вѣдомства), постановило возбудить ходатайство о томъ, чтобы проектъ законоположеній о крестьянахъ, прежде, чѣмъ онъ станетъ закономъ, былъ переданъ на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній. За возбужденіе аналогичнаго ходатайства высказалось единогласно и черниговское губернское земское собраніе. Нижегородское губернское собраніе, выслушавъ докладъ „о командировкахъ предсѣдателя и членовъ губернской управы по вызову высшаго правительства“, выразило пожеланіе, чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, сообщались предварительно земскимъ собраніямъ, мнѣніе которыхъ и было бы, затѣмъ, поддерживаемо вызванными въ Петербургъ представителями земства. Орловское губернское земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать, чтобы впредь, при вызовѣ въ правительственныя коммиссіи представителей земствъ, таковые вызывались отъ всѣхъ земствъ и избирались земскими собраніями, которымъ предварительно сообщался бы

[1]) Эти три лица съиграли главную роль въ извѣстномъ постановленіи тверского уѣзднаго земства, направленномъ противъ земской начальной школы.

предметъ совѣщанія. Такія же, приблизительно, постановленія состоялись въ губернскихъ собраніяхъ курскомъ и тамбовскомъ. Въ средѣ газетныхъ добровольцевъ, мнящихъ себя охранителями благочинія и порядка, по этому поводу поднята тревога. „Что значатъ"—восклицаетъ одинъ изъ нихъ—„эти одновременныя ходатайства, далеко выходящія изъ отмежеванной земствамъ сферы дѣятельности? Ужъ не возвратъ ли это къ эпохѣ несбыточныхъ мечтаній, разъ навсегда осужденной съ высоты престола?.. Всѣ земскія попытки въ этомъ родѣ должны быть разъ навсегда пресѣчены". Не слишкомъ ли усердствуетъ литературная полиція, не беретъ ли она на себя роль, не предусмотрѣнную уставомъ о пресѣченіи преступленій? Ходатайства о передачѣ того или другого вопроса на обсужденіе земскихъ собраній или о привлеченіи земскихъ дѣятелей къ участію въ подготовкѣ того или другого законопроекта—далеко не новое, не исключительное явленіе въ земской жизни. Въ данномъ случаѣ одновременное возбужденіе ихъ многими земствами свидѣтельствуетъ о томъ, что очень ужъ близко затрогиваютъ земство преобразованія, поставленныя на очередь. И дѣйствительно, можетъ ли земство оставаться равнодушнымъ къ преобразованію губернскаго управленія, неминуемо влекущему за собою перемѣны въ организаціи и компетенціи земскихъ учрежденій,—къ пересмотру положеній о крестьянахъ, т.-е. къ установленію новыхъ условій народной жизни, такъ неразрывно связанной съ земскою? Кого, кромѣ боязливыхъ рутинеровъ или закоснѣлыхъ враговъ общественной дѣятельности, можетъ устрашить рядъ ходатайствъ, вызванныхъ неизбѣжнымъ въ проснувшемся обществѣ желаніемъ сказать свое слово о важномъ для всѣхъ дѣлѣ?... Попытка затормазить движеніе вноситъ новую постыдную страницу въ столь богатую ими лѣтопись реакціонной печати.

Привыкнувъ вторить только другъ другу и нигдѣ, кромѣ своего тѣснаго круга, не находить сочувствія и поддержки, наши газетные реакціонеры ликуютъ, встрѣтивъ неожиданнаго союзника... въ *радикальномъ* министерствѣ! Это министерство—датское, внесшее въ парламентъ, при всеобщемъ, будто бы, одобреніи, законопроектъ о введеніи тѣлеснаго наказанія за „уличный разбой". Не зная текста законопроекта, мы не можемъ опредѣлить, какъ широка сфера предусматриваемыхъ имъ преступленій: распространяется ли онъ на всѣ проявленія такъ называемаго „хулиганства", т.-е. на всѣ ничѣмъ не вызванные проступки противъ личности, театромъ которыхъ служатъ улицы и вообще публичныя мѣста, или только на болѣе важныя преступленія, въ родѣ „гарротерства", за которое въ Англіи въ шестидеся-

тыхъ годахъ установлено наказаніе плетьми. Если и допустить, что рѣчь идетъ только о послѣднихъ, примѣръ Даніи отнюдь не можетъ быть признанъ заслуживающимъ подражанія. Недалеко еще то время, когда у насъ широко примѣнялась плеть, а розга была самымъ обычнымъ орудіемъ кары, исправленія, внушенія, не только въ области судебно-уголовной, не только въ сферѣ дисциплинарныхъ взысканій, но и въ педагогическомъ мірѣ. Кто же изъ помнящихъ это время рѣшится утверждать, что нравы были тогда менѣе грубы, права личности цѣнились выше и ограждались лучше? Кто рѣшится утверждать, что теперь личная неприкосновенность больше защищена въ деревнѣ, гдѣ еще возможно тѣлесное наказаніе по судебному приговору, чѣмъ въ городѣ, гдѣ оно, de jure, недопустимо? Западно-европейскія государства—за исключеніемъ Англіи, гдѣ еще недавно плеть свободно гуляла по спинамъ солдатъ и матросовъ, а въ школахъ до сихъ поръ не вывелось сѣченіе,—успѣли забыть, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ господство тѣлесныхъ наказаній. До извѣстной степени, поэтому, понятны—хотя и неизвинительны—надежды, возлагаемыя тамъ на возстановленіе старинныхъ каръ. Иное дѣло—у насъ, въ Россіи, гдѣ онѣ только недавно, и то не вполнѣ, вышли изъ употребленія. Другое различіе между Россіей и западной Европой заключается въ томъ, что въ послѣдней тѣлесное наказаніе, еслибы оно было вновь введено, примѣнялось бы только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и только по суду, т.-е. съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ гарантій, ограждающихъ права подсудимаго,—а у насъ увѣренности въ соблюденіи закона быть не можетъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тѣлесное наказаніе, однажды внесенное въ уголовный кодексъ, быстро выступило бы за его предѣлы и вошло бы въ обиходъ полицейской практики, которой оно, какъ извѣстно, не чуждо и въ настоящее время. Не даромъ же „Гражданинъ“, громче всѣхъ проповѣдующій сѣченіе „хулигановъ“, предоставляетъ эту функцію полицейскому суду; не даромъ же „Московскія Вѣдомости“, въ статьѣ о „коллективныхъ преступленіяхъ“, предлагаютъ включить ихъ въ кругъ дѣйствій „административно-карательной“ власти губернатора. Замѣчательно, что вожделѣнія этихъ газетъ встрѣтили отпоръ даже со стороны единомышленнаго съ ними обыкновенно „Свѣта“. „Мы не можемъ“—читаемъ мы въ газетѣ г. Комарова—„отрѣшиться отъ своей ненависти къ попранію тѣлесной неприкосновенности лица. Насиліе не лечится насиліемъ. Безобразіе не искореняется безобразіемъ. Датскій законъ доказываетъ только озлобленную потугу исправить горькое настоящее и опасное будущее возвратомъ къ забытому прошлому, но законъ этотъ руководствомъ служить не можетъ“... Въ на-

шихъ глазахъ эти слова имѣютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ менѣе симпатиченъ, вообще, источникъ, изъ котораго они исходятъ.

28-го ноября Высочайше повелѣно приступить къ пересмотру положенія о промысловомъ налогѣ. Нужно надѣяться, что при этомъ будетъ исполнена задача, болѣе пяти лѣтъ тому назадъ возложенная государственнымъ совѣтомъ на министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ—усиленіе мѣстнаго обложенія промышленности и торговли, въ видахъ увеличенія средствъ земскихъ и городскихъ учрежденій и облегченія податного бремени, тяготѣющаго на поземельной собственности. Кругъ дѣйствій земскаго и городского самоуправленія постоянно растетъ, а источники доходовъ, предоставленные въ ихъ распоряженіе, остаются неподвижными или даже изсякаютъ: на недвижимыхъ имуществахъ, въ особенности земельныхъ, накопляются недоимки, болѣе или менѣе, по разнымъ причинамъ, безнадежныя ко взысканію. *Въ принципѣ* давно уже рѣшено предоставить земствамъ и городамъ участіе во всѣхъ видахъ государственнаго промысловаго налога. Осуществленіе этого принципа позволило бы отмѣнить предѣльность обложенія, такъ тяжело отзывающуюся на земской дѣятельности.

8-го декабря Высочайше утверждено положеніе Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которымъ опредѣлено: „1) разослать труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ полныхъ экземплярахъ министрамъ и главноуправляющимъ, генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, губернскимъ предводителямъ дворянства и губернскимъ земскимъ управамъ, а равно въ высшія государственныя учрежденія, министерства и главныя управленія, въ числѣ экземпляровъ, опредѣляемомъ предсѣдателемъ Особаго совѣщанія; систематическіе же своды трудовъ послать, кромѣ перечисленныхъ учрежденій и лицъ, также уѣзднымъ предводителямъ дворянства и въ уѣздныя земскія управы. 2) Предоставить предсѣдателю Особаго совѣщанія, по ближайшему его усмотрѣнію, разсылать труды комитетовъ и своды ихъ въ высшія учебныя заведенія, главнѣйшія ученыя общества и установленія, въ библіотеки, отдѣльнымъ ученымъ и изслѣдователямъ и другимъ, не поименованнымъ въ пунктѣ первомъ, учрежденіямъ и лицамъ“. Чтобы дать понятіе объ объемѣ работъ, доводимыхъ этимъ путемъ, до свѣдѣнія общества, достаточно замѣтить, что подлинные труды комитетовъ составляютъ 58 томовъ (около 1.800 печатныхъ листовъ, свыше 28 тыс. страницъ), а систематическіе своды—18 томовъ. Печатаніе первыхъ почти закончено; печатаніе послѣднихъ будетъ приведено къ концу въ началѣ 1904-го года. Въ 49 губернскихъ и 482 уѣздныхъ коми-

тетахъ участвовало, какъ видно изъ постановленія Особаго совѣщанія, до 11 тысячъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстной администраціи, дворянамъ-землевладѣльцамъ, земскимъ дѣятелямъ, крестьянамъ и другимъ общественнымъ группамъ. По словамъ совѣщанія, „значительное большинство членовъ комитетовъ состояло изъ лицъ, по своему служебному положенію или по роду своей дѣятельности близко знакомыхъ съ вопросами, касающимися положенія и нуждъ нашей сельско-хозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда, благодаря чему труды комитетовъ пріобрѣтаютъ большую цѣнность какъ для Особаго совѣщанія, такъ и для всѣхъ учрежденій и лицъ, которымъ приходится заниматься указанными вопросами. Комитеты, въ общемъ, съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ возложенной на нихъ задачѣ и по многимъ вопросамъ представили цѣнный матеріалъ. Такимъ образомъ, независимо отъ того значенія, которое имѣютъ работы комитетовъ для Особаго совѣщанія въ смыслѣ согласованія его трудовъ съ дѣйствительными условіями жизни, работы эти получаютъ большое практическое и научное значеніе; поэтому весьма желательно, чтобы данными, собранными усиліями мѣстныхъ людей, могли воспользоваться интересующіяся экономическою жизнью нашего отечества учрежденія и отдѣльныя лица“. Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ Особаго совѣщанія позволяетъ надѣяться, что отъ его вниманія не ускользнетъ ни одна сторона дѣятельности комитетовъ.

СЕЛЬСКАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ СТРАЖА.

Письмо въ Редакцію.

Новый законъ о сельской полицейской стражѣ съ одной стороны—новое пріобрѣтеніе для провинціи. Для улучшенія порядка и безопасности въ сельскихъ мѣстностяхъ правительство не остановилось передъ столь большой жертвой, какъ 10 милліоновъ ежегоднаго расхода. Но и само правительство не увѣрено, что его заботы вылились въ безошибочную форму. Новая стража вводится только временно до вновь возвѣщенной реформы мѣстнаго управленія. Именно въ виду возможности перемѣнъ въ этомъ законѣ и подвергается здѣсь критикѣ начало, положенное въ его основаніе.

Улучшить въ сельскихъ мѣстностяхъ порядокъ и безопасность—у правительства было два пути. Оно могло: или устроить казенную сельскую стражу, или поручить полицейскую дѣятельность на мѣстахъ организованнымъ мѣстнымъ силамъ, превративъ нынѣшнюю крестьянскую волость, уже обладающую полицейскими обязанностями, во всесословную. Общественное мнѣніе, поднявшее въ послѣдніе годы вопросъ объ этой волости, подъ названіемъ — мелкой земской единицы, очевидно работало въ этомъ направленіи. Если же въ первоначальныхъ проектахъ объ этихъ земскихъ единицахъ полицейская власть имъ не присвоивалась, и онѣ оставались внѣ связи съ общей администраціей, то это объяснялось не существомъ дѣла,—обществу казалось трудно придумать такую комбинацію правительственной администраціи съ общественнымъ учрежденіемъ, которая гарантировала бы послѣднему самостоятельность.

Завѣдываніе порядкомъ и безопасностью на мѣстахъ самими организованными мѣстными людьми было исконнымъ, живымъ явленіемъ на Руси. Не говоря уже объ удѣльномъ періодѣ, когда общественныя учрежденія были *всѣ* на мѣстахъ; даже централистическое московское правительство губными грамотами и введеніемъ земскаго самоуправленія—взамѣнъ намѣстническаго кормленія—предоставляло обществу широкую полицейскую власть:—сыскъ воровъ и разбойниковъ, огражденіе себя отъ нихъ и даже ихъ казнь. Въ петербургскомъ періодѣ то же явленіе продолжало выражаться въ возложеніи на дворянство функцій уѣздной полиціи, полицейской же стражи (сотскіе, организованные Екатериной и теперь уничтоженные) — на крестьянство.

Сюда же принадлежало право сельскихъ общинъ ссылать своихъ порочныхъ членовъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе всей исторіи Россіи мы видимъ, что полицейская власть оставалась въ рукахъ самого населенія, и фактически порядокъ въ деревенской Руси поддерживался не номинальными органами правительства, а самимъ обществомъ, а потому послѣднее надо считать достаточно опытнымъ и умѣлымъ въ этой отрасли управленія.

Однако порабощеніе однихъ классовъ другими, сословность общества, а потому его разрозненность и весь крѣпостной его строй—мѣшали правильной дѣятельности полицейскихъ органовъ населенія. Помѣщики, какъ полицейскіе начальники, эксплоатировали власть въ своихъ интересахъ и въ лучшемъ случаѣ дѣйствовали односторонне; тѣмъ же грѣшили капитанъ-исправники и нижніе земскіе суды. Крестьянская же полицейская стража, оторванная отъ культурнаго воздѣйствія другихъ сословій, задохлась въ своей ограниченности и приниженности, и превратилась въ крѣпостныхъ домашнихъ слугъ казенныхъ полицейскихъ чиновъ.

Видя такую неудовлетворительную дѣятельность общества и не будучи въ состояніи дѣйствовать въ корень, возсоединить разрозненное общество,—правительство стало понемногу отнимать полицейскую власть у общества. Такъ, въ 1837 г. учреждаются становые, коронные пристава, хотя участіе дворянства въ ихъ назначеніи остается. Въ 1861 году—коронные исправники и ихъ помощники; въ 1878 году—урядники; въ этомъ же году реформа довершается казенной сельской стражей.

Замѣчательно, что всѣ эти реформы общество встрѣчало несочувственно, хотя всѣ онѣ клонились къ водворенію лучшаго порядка и безопасности, т.-е. первѣйшей потребности самого же общества. Въ этомъ настроеніи можетъ быть смутно выражалось сознаніе, что правительсто идетъ не по историческому пути. Однако разъ былъ сдѣланъ шагъ и въ послѣднемъ направленіи. По Положенію 19 февраля 1861 г. волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ была дана полицейская власть, и новые полицейскіе начальники стали гораздо дѣйствительнѣе и дѣятельнѣе предупреждать преступленія и охранять безопасность, чѣмъ спеціальные полицейскіе чины. Можно даже сказать, что въ современной деревнѣ земскій миръ поддерживается именно первыми, а не послѣдними. Такимъ образомъ удалась скромная попытка общественной полиціи, предпринятая въ эпоху паденія главнаго тормаза общественнаго единенія, тогда какъ учрежденія Екатерины потерпѣли неудачу.

Полицейская власть у общественныхъ крестьянскихъ властей

остается и при новомъ законѣ; оставлены и десятскіе, оставлена и спеціальная общественная полиція—торговая. Все это показываетъ, что при русскихъ условіяхъ невозможно послѣдовательно провести принципъ казенной полиціи. При невозможности же разграничить компетенцію общественныхъ и правительственныхъ агентовъ, ихъ отвѣтственность раздѣляется, а потому ослабляется.

Одна изъ ближайшихъ причинъ трудности подобрать у насъ удовлетворительную казенную стражу въ селахъ, это—плохой составъ ея непосредственнаго начальства. Въ деревнѣ понятіе становаго чаще связывается съ злоупотребленіемъ, чѣмъ съ понятіемъ водворенія порядка. Это—мелкій русскій уѣздный чиновникъ, имѣющій всѣ знакомыя намъ его свойства, т.-е. менѣе всего думающій о дѣйствительномъ дѣлѣ. Какое воздѣйствіе и какой контроль можетъ онъ имѣть на подначальную стражу?

Къ этой обычной некультурности уѣздныхъ полицейскихъ чиновъ надо присоединить фактическую ихъ безнаказанность. Губернаторы слишкомъ отъ нихъ далеки и обременены дѣлами. Они могутъ только наружно казаться грозными и требовательными. Правителей уѣздовъ—предводителей дворянства, при переживаемомъ этою должностью кризисѣ, во многихъ уѣздахъ не оказывается на лицо.

При осложнившихся условіяхъ жизни, скученности населенія въ городахъ, капиталистическомъ строѣ и розни классовъ, когда общественныя связи порываются, коронная полицейская стража имѣетъ преимущества передъ мѣстной; но не таковы условія Россіи съ простотой ея сельскаго быта и легкою возможностью возстановить прежнюю связь всѣхъ классовъ для общей работы [1]).

Отъ нашихъ историческихъ и современныхъ условій переходимъ къ общимъ соображеніямъ.

Если даже идея отдѣленія судебной отъ административной властей въ кругу мелкихъ дѣлъ обыденной жизни можетъ быть оспариваема, то такія возраженія еще болѣе усиливаются при отдѣленіи заботъ благосостоянія отъ заботъ о безопасности. Проф. М. Свѣшниковъ въ своемъ сочиненіи „Предѣлы и основы самоуправленія" (стр. 219) говоритъ по этому вопросу слѣдующее:

„Переберемъ всѣ категоріи дѣлъ, входящихъ въ компетенцію общины и земства, и мы увидимъ, что созданіе особой сѣти органовъ полиціи безопасности совершенно отдѣльно отъ органовъ полиціи благосостоянія, каковыми являются органы самоуправленія,—является весьма вреднымъ для успѣшности дѣйствій администраціи. Пять глав-

---

[1]) Во всякомъ случаѣ, для такой бѣдной страны, какъ Россія, культурныя требованія которой не находятъ средствъ для удовлетворенія, коммунальная стража во всякомъ случаѣ имѣетъ громадное преимущество—дешевизну.

нѣйшихъ категорій дѣлъ обыкновенно считаются входящими въ компетенцію самоуправленія,—это забота о живни и здоровьѣ, питаніи, призрѣніи, духовной жизни населенія и о путяхъ сообщенія. Въ общепринятой терминологіи это будетъ народное здравіе, продовольствіе, общественное призрѣніе, образованіе и дорожная часть. Если теперь мы возьмемъ какой-либо предметъ, входящій въ область заботъ о народномъ здравіи, напр. принятіе различныхъ санитарныхъ мѣръ, то сейчасъ же увидимъ, что на ряду съ попеченіемъ о благосостояніи является настоятельная необходимость въ охраненіи безопасности. При полномъ раздѣленіи полиціи безопасности и благосостоянія—выходитъ, что органы первой не въ силахъ ни остановить, ни задержать нарушителя порядка, а должны отправляться къ органу полиціи безопасности. Подобный порядокъ не въ состояніи привести къ благотворнымъ результатамъ; то же самое можно сказать о заботахъ по народному продовольствію, ибо трудно рѣшить, къ какой отрасли полиціи благосостоянія или безопасности принадлежитъ охрана хлѣбнаго магазина. Еще труднѣе это раздѣленіе провести въ области общественнаго призрѣнія, такъ какъ тамъ, гдѣ общественное призрѣніе попадало въ свѣтскія руки, вездѣ оно возникало благодаря, главнымъ образомъ, требованію безопасности. Точно такъ же при заботахъ о народномъ образованіи, при охранѣ школы, при наблюденіи за обязательною присылкою учениковъ въ школу, мы не въ состоянія отдѣлить заботы благосостоянія отъ нѣкоторой доли принудительности, которая должна быть у органовъ школьнаго дѣла; другими словами, и эти органы не въ состояніи обойтись безъ полицейской власти. Наконецъ, послѣдняя изъ намѣченныхъ нами отраслей вѣдомства, дорожная часть, въ вопросахъ объ охранѣ дорогъ, заставъ, водныхъ путей и т. п., вызываетъ еще чаще на практикѣ необходимость прибѣгать къ органамъ полиціи безопасности, что было бы проще возложить на органы самоуправленія, заботящіеся объ этомъ"...

И проф. Свѣшниковъ приходитъ къ общему заключенію, что тамъ, гдѣ правительство выдѣляетъ полицію безопасности изъ-подъ власти органовъ самоуправленія,—тамъ это происходитъ не ради административныхъ соображеній, а ради политическихъ.

У насъ въ Россіи такія соображенія понятны для окраинъ, но не для центра, особенно для деревенскаго центра. Здѣсь союзъ общества и государства не только крѣпокъ, но государство и общество—почти синонимы, такъ какъ тѣхъ же началъ, которыя должны охранять правительство, держится здѣсь и общество.

Явленія нѣкоторой смуты, переживаемыя нами въ настоящее время, не представляютъ также достаточнаго основанія къ существованію особой правительственной полиціи. Эти явленія развиваются у насъ,

благодаря нравственнымъ пустырямъ нашего быта, и не полиція можетъ съ ними бороться. Напротивъ, первые шаги къ связности всего общества и къ органическому соединенію его съ правительствомъ должны способствовать ихъ исчезновенію.

Но именно потому, что передача полиціи безопасности будущимъ органамъ нашего самоуправленія дастъ имъ большую интенсивность, такая передача не должна совершиться безъ установленія контроля, и даже контроля административнаго, разъ имъ передается часть административныхъ функцій. Эти органы должны быть поставлены въ условія, обезпечивающія какъ интересы отдѣльныхъ лицъ, такъ и само государство и общество, отъ всякихъ посягательствъ и незаконныхъ дѣйствій. Поэтому можетъ быть допущено оставленіе казеннаго исправника, не только какъ полицейскаго начальника всего уѣзда, но и какъ инспектора будущихъ общинныхъ полицій. Мы пошли бы дальше—по старому нашему началу передачи губныхъ правъ самимъ общинамъ только по ихъ челобитьямъ—мы бы предложили такую систему и теперь. Условія Россіи многообразны. Такъ, въ иныхъ мѣстахъ, какъ исключеніе, могутъ сложиться болѣе благопріятныя условія для казенной стражи, чѣмъ для общинной, тѣмъ болѣе, что, будучи общественною, она во многихъ мѣстахъ останется наемною.

Л. Дашкевичъ.

Кирсановъ, тамб. г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1904.

Политическія событія истекшаго года.—Роль Японіи, какъ великой державы.—Восточно-азіатскій кризисъ.—Македонскій вопросъ и балканскія государства.—Политическія дѣла Австро-Венгріи, Германіи, Франціи и Англіи.

Общее международное положеніе измѣнилось къ худшему въ теченіе послѣдняго года, и предъ нами все рѣзче выступаютъ опасности, которыя еще недавно казались почти невозможными. Годъ тому назадъ не было и рѣчи о войнѣ, и политическія обстоятельства были для насъ безусловно благопріятны; въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ замѣчалось раздраженіе противъ Германіи, которая вовлекла лондонскій кабинетъ въ крайне непопулярное предпріятіе противъ Венецуэлы,—и англійская печать, какъ и американская, настойчиво поддерживала мысль о прочномъ соглашеніи съ Россіею по всѣмъ спорнымъ вопросамъ текущей политики. Теперь и въ Англіи, и въ Америкѣ, повторяются толки о предстоящихъ, будто бы, кровавыхъ событіяхъ на дальнемъ Востокѣ; англійскія и американскія газеты ведутъ дѣятельную агитацію противъ Россіи, обвиняя ее въ завоевательныхъ планахъ, въ недобросовѣстности и лицемѣріи. Какъ и почему произошла эта метаморфоза—понять трудно. Русская дипломатія осталась прежняя; цѣли и пріемы ея не могли сдѣлаться другими, чѣмъ они были раньше; извѣстное всему свѣту миролюбіе Россіи не имѣло повода уступать мѣсто воинственнымъ порывамъ, и тѣмъ не менѣе существовавшее довѣріе къ нашей политикѣ ввезапно пошатнулось, или даже смѣнилось враждебнымъ чувствомъ, насколько можно судить по отзывамъ иностранныхъ газетъ.

Самое любопытное въ новѣйшемъ восточно-азіатскомъ кризисѣ—это роль Японіи, какъ великой державы, отъ голоса которой зависитъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Общественное мнѣніе Европы и Америки съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за извѣстіями о томъ, что думаютъ въ Токіо и какія рѣшенія ожидаются отъ японскихъ министровъ и японскаго парламента. Переговоры съ Россіею о Кореѣ и Манчжуріи тянулись довольно долго, безъ опредѣленнаго результата; говорятъ, что задержки происходили больше съ нашей стороны, и будто мы вообще не торопились отвѣчать на предложенія или требованія Японіи. Японцы стали обнаруживать нетерпѣніе и нервность, которыя усиливались по мѣрѣ того, какъ приближался моментъ откры-

тія парламентской сессіи. Парламентъ собрался 10 декабря (нов. стиля) въ помѣщеніи верхней палаты; императоръ лично прочелъ тронную рѣчь, въ которой, по обыкновенію, обрисовано положеніе дѣлъ въ оптимистическомъ тонѣ. Относительно внѣшняго кризиса было упомянуто только, что „министрамъ поручено заботливо вести важные переговоры для обезпеченія мира и для поддержанія правъ имперіи". Парламентъ не удовлетворился такимъ заявленіемъ, и тотчасъ по уходѣ микадо состоялось засѣданіе нижней палаты для принятія соотвѣтственной резолюціи. Единогласно одобренъ былъ палатою проектъ отвѣтнаго адреса, заключавшій въ себѣ прямое осужденіе политики правительства. „Въ такое критическое время, какъ настоящее, когда рѣшается судьба имперіи, — говорилось въ этомъ отвѣтѣ на тронную рѣчь,—мѣропріятія министровъ не отвѣчаютъ важности обстоятельствъ, такъ какъ кабинетъ занятъ только внутренними дѣлами и упускаетъ благопріятные случаи во внѣшнихъ отношеніяхъ. Дипломатія кабинета ошибочна, и мы усердно просимъ ваше величество обратить на этотъ предметъ свое просвѣщенное вниманіе". На слѣдующій же день, 11 декабря, было объявлено о распущеніи палаты, и назначены новые выборы на 1 марта. Очевидно, настроеніе парламента представлялось опаснымъ для мира, сохраненіемъ котораго было озабочено правительство микадо, и послѣднее предпочло довести до конца начатые переговоры безъ участія и контроля народныхъ представителей. Министрамъ ставилось въ упрекъ, что они не воспользовались благопріятнымъ случаемъ разрѣшить спорные вопросы силою, пока Россія не успѣла еще докончить свои военныя приготовленія на дальнемъ Востокѣ; но японское правительство не имѣло въ виду воевать, и потому не считало возможнымъ предпринимать такія дѣйствія, которыя привели бы къ столкновенію съ Россіею, хотя бы для этого существовали благопріятные моменты съ точки зрѣнія японскихъ патріотовъ. Серьезный разладъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Японіи по вопросу о войнѣ и мирѣ избавилъ страну отъ рискованнаго шага и въ то же время предупредилъ или отсрочилъ катастрофу, которую съ упорною настойчивостью возвѣщали англійскія и американскія газеты. Однако тотъ фактъ, что миръ на дальнемъ Востокѣ зависитъ уже не только отъ Англіи или Россіи, но еще и отъ Японіи, сохраняетъ все свое политическое значеніе для настоящаго и еще болѣе для будущаго. Японія чего-то требуетъ отъ Россіи, добивается отъ нея какихъ-то уступокъ, говоритъ и дѣйствуетъ какъ могущественная держава, располагающая достаточными силами для подкрѣпленія своихъ требованій; она имѣетъ внушительный военный флотъ и огромную армію, отлично вооруженную и дисциплинированную по европейскому образцу; она пользуется притомъ поддерж-

кою Англіи, съ которою находится въ формальномъ союзѣ, и британскіе имперіалисты охотно берутъ на себя роль закулисныхъ подстрекателей по отношенію къ японскимъ шовинистамъ. Всего нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Японія вступила на путь своего національнаго пробужденія и обновленія; еще недавно она вызывала лишь снисходительное любопытство иностранныхъ путешественниковъ, а теперь приходится считаться съ нею, какъ съ равноправнымъ культурнымъ государствомъ. Для Японіи шестидесятые годы дѣйствительно были началомъ новой эры, а не только свѣтлымъ эпизодомъ, о которомъ принято съ грустью вспоминать въ позднѣйшую эпоху реакціи; японскіе правители не останавливались на полдорогѣ и не обращались пугливо вспять при первой вспышкѣ оппозиціоннаго духа въ населеніи; они сознательно и твердо шли впередъ, не смущаясь временными недоразумѣніями и противорѣчіями,—такъ какъ дѣло шло о всей будущности Японіи, а не объ интересахъ и чувствахъ того или другого общественнаго класса, той или другой придворной или общественной группы. Японія не уклонялась отъ избранной разъ дороги и послѣдовательно преобразовывала весь свой политическій бытъ сообразно условіямъ и потребностямъ современной культурной жизни; и въ сравнительно короткій періодъ достигнуты были поразительные результаты, важность которыхъ лучше всего опредѣляется новѣйшею ролью Японіи въ восточно-азіатскомъ кризисѣ. Англичане, необыкновенно чуткіе къ вопросамъ о національной выгодѣ, отбросили свою традиціонную гордость въ сношеніяхъ съ чужими расами и не усомнились вступить въ близкія политическія связи съ новою японскою державою; а теперь печать всего міра прислушивается къ тому, что скажетъ правительство или парламентъ Японіи. Этотъ быстрый прогрессивный ростъ японской націи не могъ не повліять на умы ея патріотовъ, возбудивъ въ нихъ склонность къ преувеличенному самомнѣнію и задору; это самомнѣніе японцевъ, быть можетъ, даетъ себя чувствовать русскимъ дипломатамъ, дѣйствующимъ на дальнемъ Востокѣ, и служитъ отчасти матеріаломъ для рѣзкихъ практическихъ выводовъ въ нѣкоторой части нашей печати,—но оно, конечно, не должно отражаться на характерѣ и направленіи нашей политики. Принципы миролюбія и разсчетливости не позволяютъ намъ ссориться съ Японіею изъ-за пустыхъ препираній и придирокъ; мы можемъ совершенно не обращать вниманія на тонъ японскихъ публицистовъ и стоящихъ за ними англо-американскихъ друзей, если у насъ нѣтъ намѣренія тратить народныя силы и средства на безцѣльную борьбу изъ-за китайскихъ земель. Въ подобныхъ случаяхъ высказывается иногда желаніе „проучить" задорныхъ сосѣдей,—хотя мнимый урокъ былъ бы въ то же время тяжелымъ наказаніемъ для

самихъ учителей. Международные уроки, принимающіе форму войны, имѣютъ, къ сожалѣнію, особое свойство—вредить одинаково обѣимъ сторонамъ. Было бы слишкомъ нелѣпо—проливать свою кровь только для того, чтобы пріучить другихъ къ скромности. Не дѣло государства—брать на себя учебно-карательную миссію относительно чужихъ народовъ; и само собою разумѣется, что наша дипломатія смотритъ на возникшій конфликтъ исключительно съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, безъ всякой примѣси международной педагогіи.

Обстоятельства, приведшія къ обостренію восточно-азіатскаго кризиса, намъ въ точности неизвѣстны; никакихъ авторитетныхъ разъясненій по этому предмету сдѣлано не было, а иностранные источники оказываются черезчуръ пристрастными и несправедливыми. Повидимому, сначала происходили споры по поводу ограниченія торговыхъ правъ иностранцевъ въ занятой нами Манчжуріи, причемъ главными нашими оппонентами были англичане и американцы; потомъ, лѣтомъ истекшаго года, выступила на первый планъ Японія, и разногласія касались уже не только Манчжуріи, но и Кореи; постепенно корейскій вопросъ дѣлался все болѣе жгучимъ и запутывалъ также манчжурскія дѣла; удаленіе русскихъ войскъ изъ Манчжуріи становилось все болѣе проблематичнымъ, чѣмъ настойчивѣе требовали этого противники и чѣмъ сильнѣе обнаруживались японскія притязанія на Корею. Крайняя трудность вопроса заключается именно въ томъ, что дѣло сводится къ требованію односторонней уступки или даже отступленія Россіи; а добровольно уступать или отступать не принято между великими державами, да и невозможно въ томъ случаѣ, когда уступчивость служитъ предметомъ враждебныхъ домогательствъ и угрозъ. Въ свое время наше правительство оффиціально заявило о своемъ намѣреніи очистить Манчжурію и возвратить ее Китаю при соблюденіи извѣстныхъ условій; что же касается Кореи, то она торжественно признана была независимой имперіей, на которую никакія постороннія державы не могутъ заявлять свои притязанія. Обязательство относительно Манчжуріи осталось неисполненнымъ и превратилось въ ядовитое оружіе иностранной дипломатіи противъ Россіи; объ очищеніи китайской территоріи хлопочетъ уже не Китай, а Японія, и та же Японія претендуетъ на преобладаніе въ Кореѣ, гдѣ и у насъ нашлись какіе-то важные промышленные интересы. Какимъ образомъ манчжурскій вопросъ подвергся столь радикальному превращенію, и почему Корея, объявленная независимымъ государствомъ, сдѣлалась объектомъ формальнаго спора между Японіею и Россіею,—это остается неяснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дипломатія прошла длинный и сложный путь, прежде чѣмъ дошла до нынѣшней печальной путаницы, и на этомъ сложномъ пути допущено было, по всей вѣроятности, не

мало ошибокъ, которымъ суждено занять свое опредѣленное мѣсто въ ряду интересныхъ дипломатическихъ тайнъ. Въ японскомъ парламентѣ говорилось о японскихъ ошибкахъ, но едва ли пришлось бы упоминать о нихъ, еслибы имъ не предшествовали погрѣшности и упущенія съ нашей стороны. Можно надѣяться, что русскимъ представителямъ на дальнемъ Востокѣ удастся найти мирный выходъ изъ существующихъ затрудненій, не связанныхъ вообще съ жизненными политическими нуждами Россіи.

Другое печальное наслѣдіе истекшаго года—македонскій вопросъ, еще болѣе далекій отъ разрѣшенія, чѣмъ манчжурскій. Противъ скромной программы турецкихъ реформъ, предложенной Австро-Венгріею и Россіею, вооружились мусульманскіе фанатики, преимущественно албанцы, пользовавшіеся издавна особымъ благоволеніемъ Порты; они долго совершали разныя безчинства и насилія надъ христіанскимъ населеніемъ, отчасти въ союзѣ и при содѣйствіи регулярной арміи, подъ предлогомъ усмиренія непокорныхъ. Убійство турецкими солдатами двухъ русскихъ консуловъ, Щербины и Ростковскаго, въ мартѣ и іюлѣ, нисколько не повліяло на политику державъ относительно Турціи и турецкаго режима. Отъ имени Европы продолжала говорить и дѣйствовать Австро-Венгрія, опираясь на дипломатическое соглашеніе съ Россіею. Австрійскіе принципы примѣнялись въ балканскихъ дѣлахъ съ суровою прямолинейностью: всѣ права были на сторонѣ турокъ, какъ полноправныхъ распорядителей страны; имъ предоставлено было безпощадно расправляться съ отрядами возставшихъ македонцевъ и собирать войска противъ Болгаріи для удержанія ея отъ скрытаго или явнаго содѣйствія бѣдствующимъ соплеменникамъ; главнѣйшія дипломатическія усилія и заботы кабинетовъ направлены были не къ тому, чтобы побудить Порту сдѣлать какія-либо уступки въ пользу христіанъ, а къ тому, чтобы обезпечить Турцію отъ вмѣшательства Болгаріи и помѣшать послѣдней оказывать помощь и поддержку злосчастнымъ македонцамъ.

Вѣнскій кабинетъ постоянно выставлялъ болгарское княжество, какъ главный источникъ броженія и безпорядковъ въ Македоніи, и тотъ же рутинный взглядъ высказанъ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Голуховскимъ, въ недавнемъ годичномъ обзорѣ внѣшней политики, въ засѣданіи венгерской делегаціи, 16 декабря (нов. ст.). Послѣ тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыя приняты были державами и Портою съ цѣлью изолировать и парализовать Болгарію, дальнѣйшія обвиненія противъ нея представлялись бы уже въ сущности неумѣстными, такъ какъ княжество фактически вы-

нуждено было соблюдать строгій нейтралитетъ и рѣшительно не допускало организаціи вооруженныхъ отрядовъ на своей территоріи. Но если возможно было заставить софійское правительство держаться спокойно, то никакая дипломатія не могла достигнуть той же безучастности со стороны болгарскаго населенія. Говоря о Болгаріи, австрійскій министръ, очевидно, имѣетъ въ виду болгарскій народъ, который, вопреки всѣмъ оффиціальнымъ преградамъ и запрещеніямъ, стремился въ той или другой формѣ помочь или выразить сочувствіе освободительному движенію въ Македоніи. Многія тысячи македонскихъ болгаръ, спасшихся отъ турецкой расправы и нашедшихъ пріютъ въ предѣлахъ княжества, были живыми свидѣтелями неразрывной стихійной связи, соединяющей Болгарію съ родственнымъ ей населеніемъ Македоніи. Свѣдѣнія и разсказы объ этихъ „бѣженцахъ" естественно возбуждали раздраженіе болгаръ противъ европейской дипломатіи, защищающей турецкое владычество, и враждебное чувство къ Австро-Венгріи невольно переносилось и на ея союзниковъ. Старые противники Россіи, бывшіе сотрудники и единомышленники Стамбулова, воспользовались угнетеннымъ настроеніемъ болгаръ, чтобы вернуть себѣ власть и популярность, вытѣснить со сцены руссофильскую партію и пріобрѣсть большинство въ народномъ собраніи; министерство Петрова-Петкова, которое, впрочемъ, не можетъ быть названо руссофобскимъ, укрѣпило свое положеніе, но не успѣло убѣдить публику въ превосходствѣ своей програмы. Болгарія должна пока отказаться отъ самостоятельной активной политики, въ ожиданіи дальнѣйшаго развитія балканскаго кризиса. Возстаніе въ Македоніи подавлено и почти прекратилось. Державы расширили кругъ своихъ реформаторскихъ предположеній и включили въ нихъ установленіе международнаго надзора за проведеніемъ реформъ; при генеральномъ инспекторѣ Хильми-пашѣ будутъ состоять два иностранныхъ ассистента, австрійскій и русскій, для наблюденія и контроля; во главѣ мѣстной жандармеріи предполагается иностранный генералъ; но дѣйствительная правительственная власть останется за турецкими начальниками, администрація не выйдетъ изъ турецкихъ рукъ, войско сохраняетъ свой особый мусульманскій характеръ, и христіанское населеніе получитъ только возможность надѣяться на болѣе правильное и постоянное заступничество иноземныхъ представителей. Такого рода гарантія едва ли достаточна для обезпеченія мѣстныхъ христіанъ отъ беззаконій, присущихъ турецкому режиму. Даже и эти результаты были достигнуты съ большимъ трудомъ, послѣ упорныхъ и продолжительныхъ переговоровъ съ Портою; македонскій вопросъ не разрѣшенъ, а отложенъ на неопредѣленное время,

Національныя стремленія болгаръ потерпѣли неудачу, но болгары

могутъ по крайней мѣрѣ сознавать, что они съ своей стороны сдѣлали все зависѣвшее отъ нихъ для возбужденія и защиты македонскаго дѣла. Сербіи не привелось играть такую же активную роль при охранѣ интересовъ сербской народности въ пограничныхъ турецкихъ земляхъ. Сербское королевство держалось въ сторонѣ отъ общаго балканскаго кризиса, подчиняясь всецѣло руководству и покровительству вѣнскаго кабинета; австрійское вліяніе утвердилось особенно съ конца семидесятыхъ годовъ, при королѣ Миланѣ, и сдѣлалась уже обязательной традиціей для дома Обреновичей при королѣ Александрѣ. Сербія переживала тяжелый внутренній кризисъ въ то время какъ происходили волненія въ Македоніи и Старой Сербіи. Король Александръ все болѣе замыкался въ свой особый міръ, избѣгалъ общенія съ народомъ, обнаруживалъ подозрительность и недовѣріе къ окружающимъ, удивлялъ страну своими неожиданными и непонятными рѣшеніями, частыми государственными переворотами и министерскими перемѣнами, и наконецъ оттолкнулъ отъ себя армію неумѣреннымъ возвеличеніемъ братьевъ королевы, простыхъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ готовился даже получить титулъ наслѣдника престола. Въ мартѣ король внезапно отмѣнилъ конституцію, чтобы измѣнить личный составъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и вслѣдъ затѣмъ возстановилъ ту же отвергнутую конституцію, съ новымъ штатомъ сановниковъ; эти перемѣны, какъ предполагалось, должны были способствовать осуществленію страннаго проекта, относившагося къ брату королевы Драги, поручику Никодиму Луневицѣ. Престолонаслѣдіе не было, однако, утверждено за фамиліей Луневицы, такъ какъ въ ночь на 29 мая король Александръ и его супруга погибли подъ ударами офицеровъ-заговорщиковъ. Домъ Обреновичей окончилъ свое существованіе; погибли также оба брата королевы, нѣкоторые изъ министровъ и приближенныхъ. Назначенное заговорщиками временное правительство, съ бывшимъ министромъ Авакумовичемъ во главѣ, тотчасъ приняло мѣры для призванія на престолъ князя Петра Карагеоргіевича, проживавшаго въ Женевѣ. Новый король съ самаго же начала очутился въ крайне щекотливомъ положеніи: обязанный своимъ трономъ офицерамъ-заговорщикамъ, онъ не могъ отдѣлиться отъ нихъ и вынужденъ былъ мириться съ фактическимъ господствомъ ихъ въ высшей администраціи и при дворѣ, а между тѣмъ иностранные кабинеты требовали или ожидали отъ него не только удаленія, но и формальнаго осужденія убійцъ. Министръ-президентъ, генералъ Савва Груичъ, съумѣлъ во многомъ облегчить трудную задачу короля Петра; но виновники кроваваго переворота опираются на патріотическое чувство, не допускающее иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла страны, и съ этой точки зрѣнія всякая попытка устранить за-

говорщиковъ была бы истолкована въ смыслѣ трусливаго подчиненія иноземнымъ вліяніямъ. Такъ какъ Сербія есть самостоятельное королевство, а не вассальное княжество, подобно Болгаріи, то требованія чужихъ правительствъ, хотя бы и самыхъ дружественныхъ, не могутъ быть исполнены безъ ущерба для національнаго достоинства и для авторитета короны; оттого упомянутые офицеры до сихъ поръ занимаютъ видныя оффиціальныя должности, и вызванный этимъ обстоятельствомъ демонстративный отъѣздъ иностранныхъ дипломатовъ изъ Бѣлграда въ отпускъ на неопредѣленное время остался также безъ серьезныхъ практическихъ послѣдствій. Развязка этого своеобразнаго кризиса достигнется вѣроятно сама собою, когда она перестанетъ занимать иностранные кабинеты.

Австро-Венгрія представляетъ собою наглядное опроверженіе того стараго правила, что для хорошей внѣшней политики требуется благополучіе во внутреннихъ дѣлахъ. Австрійская дипломатія дѣйствуетъ образцово, преслѣдуетъ свои цѣли съ замѣчательною настойчивостью и достигаетъ блестящихъ результатовъ, безъ всякихъ жертвъ и безъ риска; она одновременно опирается на союзъ съ Германіею и Италіею для поддержанія своего престижа, пользуется содѣйствіемъ Россіи для неуклонной охраны своихъ интересовъ и своего первенствующаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, прочно водворяетъ австрійское господство въ Босніи и Герцеговинѣ, успѣшно проводитъ свои требованія въ Константинополѣ, рѣшительно поднимаетъ свой голосъ въ Бѣлградѣ и въ Софіи,—и все это при самомъ запутанномъ внутреннемъ состояніи австро-венгерской монархіи.

Безнадежный хроническій кризисъ былъ прежде удѣломъ только одной изъ половинъ имперіи, Цислейтаніи, гдѣ непримиримая національная борьба между нѣмцами и славянами тянется однообразно изъ года въ годъ, охватывая всѣ стороны политической жизни и не давая правильно дѣйствовать парламенту; казалось, что Венгрія избавлена отъ этихъ непрерывныхъ волненій и замѣшательствъ, что она образуетъ болѣе цѣльное и сплоченное государство, и что сознательная мадьярская энергія справится и съ оппозиціею непримиримыхъ националистовъ, и съ недовольнымъ населеніемъ Хорватіи. Въ послѣдніе годы обѣ части монархіи сравнялись по части кризисовъ; но кабинеты чаще мѣняются и министерскіе посты труднѣе замѣщаются въ Венгріи, чѣмъ въ Австріи, такъ какъ венгерскіе министры больше зависятъ отъ парламента, чѣмъ австрійскіе; въ обоихъ представительныхъ собраніяхъ, въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ, практикуется въ широкихъ размѣрахъ обструкція. Цислейтанскій министръ-президентъ,

въ качествѣ довѣреннаго органа и совѣтника короны, можетъ управлять и помимо парламентскаго большинства; поэтому глава министерства, фонъ-Керберъ, держится на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вопреки оппозиціи, тогда какъ его венгерскій коллега, графъ Кюнъ-Гедервари, назначенный преемникомъ Селля, долженъ былъ отказаться отъ принятой на себя миссіи, подъ напоромъ враждебныхъ парламентскихъ группъ. Однимъ авторитетомъ короны нельзя ничего достигнуть въ Будапештѣ; напротивъ, личное оффиціальное вмѣшательство императора Франца-Іосифа въ возбужденные спорные вопросы наиболѣе обострило кризисъ и сдѣлало невозможнымъ положеніе правительства, обязаннаго считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны, —ибо по конституціи венгерскій король руководствуется совѣтами мадьярскихъ министровъ и сообразуется съ желаніями національнаго парламента, а не высказывается подъ вліяніемъ чужихъ совѣтниковъ, пребывающихъ въ Вѣнѣ. Венгрія не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы мадьярскія войска подчинялись нѣмецкой командѣ, а единство нѣмецкихъ командныхъ словъ составляетъ для австрійцевъ и для императора Франца-Іосифа необходимое условіе внѣшняго единства имперской арміи. Въ сущности употребленіе нѣмецкаго языка въ австрійскихъ войскахъ сохранилось только по традиціи и потеряло разумный смыслъ со времени образованія особой германской имперіи, имѣющей свою нѣмецкую армію и производящей почти неодолимое притягательное дѣйствіе на родственные нѣмецкіе элементы австрійскихъ земель; трудно также предположить, чтобы полезнымъ объединяющимъ началомъ служилъ языкъ, вызывающій непріятныя и тяжелыя воспоминанія среди различныхъ крупныхъ и мелкихъ народностей, которыя нѣкогда чувствовали на себѣ гнетъ нѣмецкихъ централистовъ. Единство арміи зависитъ отъ ея духа и отъ общаго характера государственной жизни, и, конечно, духъ австрійской арміи не можетъ поддерживаться тѣмъ, что раздражаетъ главнѣйшія племенныя массы, входящія въ ея составъ,—славянъ и мадьяръ. Этотъ споръ о языкѣ военной команды связывается венгерскими патріотами съ общимъ вопросомъ о болѣе полной политической самостоятельности мадьярскаго государства. Партія независимыхъ, во главѣ которыхъ стоитъ сынъ знаменитаго революціоннаго диктатора, Францъ Кошутъ, пользуется большою популярностью въ странѣ; она допускаетъ извѣстные компромиссы только подъ условіемъ признанія основныхъ національныхъ требованій мадьяръ, и только на этой почвѣ могъ образоваться новый кабинетъ графа Стефана Тиссы.

Венгерское министерство, каково бы оно ни было, всегда имѣетъ несравненно болѣе общаго съ своими парламентскими противниками, чѣмъ съ австрійскими оффиціальными дѣятелями. Антагонизмъ между

Австріею и Венгріею ярко освѣщается любопытнымъ обмѣномъ публичныхъ заявленій между обоими министрами-президентами, фонъ-Керберомъ и графомъ Тиссой. Керберъ въ австрійскомъ парламентѣ коснулся вопроса объ единствѣ арміи и выразилъ мнѣніе, что не можетъ быть рѣчи объ уступкахъ, нарушающихъ это единство; вслѣдъ затѣмъ, въ венгерской палатѣ графъ Тисса объяснилъ, что отзывъ фонъ-Кербера о мадьярскихъ требованіяхъ есть только сужденіе „знатнаго иностранца", не имѣющее никакого значенія для Венгріи, и вся палата съ восторгомъ встрѣтила эти слова министра-президента, который такимъ образомъ неожиданно привлекъ на свою сторону оппозицію и упрочилъ свое положеніе въ парламентѣ. Керберъ вторично произнесъ рѣчь въ австрійской верхней палатѣ, гдѣ доказывалъ, что соглашеніе 1867 года съ Венгріею сохранило единство имперіи; графъ Тисса опять-таки возражалъ въ венгерскомъ парламентѣ, ссылаясь на тотъ общеизвѣстный фактъ, что сдѣлка 1867 года замѣнила прежнее единство системою дуализма, въ которой Австрія и Венгрія въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ суть совершенно независимыя государства. Очевидно, австрійскій министръ проникнутъ еще иллюзіями стараго централистическаго режима, давно уничтоженнаго для Венгріи и тщетно пытающагося удержаться въ Австріи хотя бы въ болѣе мягкихъ либеральныхъ формахъ. Чехи по прежнему борются противъ притязаній австрійскихъ нѣмцевъ и прибѣгаютъ къ парламентской обструкціи для противодѣйствія враждебнымъ правительственнымъ начинаніямъ; въ другихъ областяхъ имперіи волнуются итальянцы, румыны, хорваты, требующіе также автономіи и равноправности, и всѣ эти составныя части монархіи или расползутся въ разныя стороны, или же организуютъ федерацію, о которой пока еще не думаютъ такіе государственные люди, какъ фонъ-Керберъ.

При полномъ внутреннемъ разбродѣ національностей нынѣшняя Австро-Венгрія сохраняетъ все свое политическое вліяніе во внѣшнихъ отношеніяхъ именно потому, что отдѣльные ея народы и элементы свободно пользуются всѣми благами разумнаго законнаго управленія, подлежащаго гласному общественному контролю и отвѣтственности; и если различныя племена ведутъ между собою мирную легальную борьбу въ парламентахъ и въ печати, то это происходитъ въ силу стихійныхъ причинъ и условій, которыя при другомъ режимѣ прорывались бы наружу иначе, въ болѣе грубыхъ и рѣзкихъ фактахъ. Монархія не отвѣчаетъ за то, что дѣлаютъ подвластные ей народы, свободные отъ всякихъ ненужныхъ стѣсненій; и она можетъ открыто смотрѣть на міръ, съ поднятымъ челомъ, не опасаясь ни скрытыхъ уколовъ, ни неудобныхъ разоблаченій.

Въ Германіи отчасти улеглось увлеченіе отдаленными колоніальными предпріятіями; экспедиція въ Венецуэлу, затѣянная совмѣстно съ Англіею, возбудила сильное неудовольствіе въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и закончилась февральскимъ соглашеніемъ, которое, конечно, далеко не соотвѣтствовало первоначальнымъ замысламъ нѣмцевъ. Потребовалось много усилій, чтобы положить конецъ непріятнымъ англо-американскимъ нападкамъ на нѣмецкую внѣшнюю политику; вскорѣ газетныя обвиненія направились въ другую сторону, противъ Россіи, и грѣхи германскихъ предпринимателей были забыты. Предпріимчивость ослабѣла или пріостановилась, отчасти, быть можетъ, по случайнымъ причинамъ, въ виду болѣзни императора Вильгельма II.

Внутренняя политическая жизнь Германіи движется по широкому національному пути, при обстановкѣ, внушающей бодрую вѣру въ будущее. Въ іюнѣ происходили парламентскіе выборы, доставившіе крупный успѣхъ соціально-демократической партіи, которая все болѣе теряетъ свой сектантскій характеръ и становится самою дѣятельною активною силою имперскаго сейма. Энергическій старый вождь этой партіи, Бебель, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ германскаго парламента, выступаетъ часто съ горячими филиппиками противъ правительства, призывая къ отвѣту отдѣльныхъ министровъ и самого канцлера; и каждая рѣчь его привлекаетъ общее вниманіе, даетъ поводъ къ полезнымъ фактическимъ разъясненіямъ и комментаріямъ, а иногда позволяетъ и противникамъ одерживать легкія побѣды, въ родѣ тѣхъ, которыя недавно еще приписывались графу Бюлову расположенными къ нему газетами. По меньшей мѣрѣ два раза въ годъ происходятъ интересные парламентскіе турниры между представителями двухъ противоположныхъ міросозерцаній—имперскимъ канцлеромъ, просвѣщеннымъ консерваторомъ по натурѣ и положенію, и предводителемъ германской соціальной демократіи, убѣжденнымъ выразителемъ идей и надеждъ трехъ милліоновъ нѣмецкихъ интеллигентныхъ рабочихъ. Въ январѣ Бебель и Бюловъ столкнулись въ парламентѣ по поводу вопросовъ общей политики; въ концѣ года, въ декабрѣ, они вновь доставили публикѣ удовольствіе своими взаимными словесными нападеніями и изобличеніями. Бебель не любитъ красивыхъ фразъ; онъ сыплетъ фактами, приправленными ядовитымъ и отчасти угловатымъ остроуміемъ; онъ называетъ вещи по именамъ, ставитъ ребромъ самые щекотливые вопросы, не избѣгаетъ рѣзкихъ и грубыхъ эпитетовъ, и дѣлаетъ парадоксальные выводы изъ положеній и обстоятельствъ, признаваемыхъ и оппонентами. На этотъ разъ онъ осуждалъ и безпринципную полицейскую услужливость правительства по отношенію къ нѣкоторымъ иностраннымъ кабинетамъ, и чрез-

мѣрную расточительность военнаго вѣдомства, и замкнутый сословный характеръ прусскаго офицерства, и страшныя систематическія насилія и злоупотребленія относительно солдатъ; онъ указывалъ на странную угодливость властей при встрѣчѣ такихъ лицъ, какъ американскій милліардеръ, Вандербильтъ, рядомъ съ полнымъ невниманіемъ или пренебреженіемъ къ массѣ скромныхъ тружениковъ, своихъ и иностранныхъ. Графъ Бюловъ подробно отвѣчалъ Бебелю, пользуясь слабыми сторонами его рѣчи, недосказанностью или неполнотою нѣкоторыхъ его доводовъ, неясностью или кажущеюся противорѣчивостью его требованій,—и изящныя, плавныя разсужденія канцлера имѣли обычный успѣхъ. Въ засѣданіи 14 декабря Бебель говорилъ вторично, чтобы опровергнуть отдѣльныя замѣчанія противника; затѣмъ опять говорилъ Бюловъ, и по увѣренію многихъ, превосходство краснорѣчія и убѣдительности осталось за канцлеромъ. Военный министръ, генералъ фонъ-Эйнемъ, защищалъ свое вѣдомство отъ обвиненій Бебеля, но въ дѣйствительности не отрицалъ справедливости этихъ обвиненій, обѣщая непремѣнно уничтожить всякіе поводы къ нимъ въ будущемъ.

Такого рода ораторскіе турниры носятъ уже нѣсколько другой характеръ во Франціи: принципіальные дебаты по общимъ вопросамъ возбуждаются довольно рѣдко, не приковываютъ къ себѣ общаго интереса и ведутся вообще съ чувствомъ невольной скуки, такъ какъ при республикѣ заступаются за свободу и справедливость представители наименѣе популярныхъ общественныхъ элементовъ, сторонники клерикальной и всякой иной реакціи, бонапартисты и іезуиты. Горячая защита духовныхъ конгрегацій во имя свободы и справедливости никого не соблазняла, потому что всѣ отлично понимали, какую цѣну имѣютъ эти громкія слова въ устахъ клерикаловъ. Министерство Комба исполняло свое назначеніе съ холодною прямолинейностью, истребляя цѣлую массу религіозно-воспитательныхъ учрежденій среди общаго равнодушія, при слабыхъ и отчасти фиктивныхъ протестахъ набожной части населенія. Борьба съ клерикализмомъ вступила какъ будто въ періодъ рутины; правительство и оппозиція повторяли давно извѣстные аргументы, и практическія мѣры слѣдовали одна за другою, вызывая обычную безплодную критику. Парламентскія засѣданія оживлялись, когда говорилъ Жоресъ объ эльзасскомъ вопросѣ или о дѣлѣ Дрейфуса, или когда Делькассé давалъ отчетъ о блестящемъ ходѣ и положеніи внѣшней французской политики. Иностранныя дѣла Франціи процвѣтали, какъ это доказывалось и пріѣздами королей Англіи и Италіи въ Парижъ, и заключеніемъ съ этими государствами новыхъ конвенцій о международномъ третейскомъ судѣ.

Для Англіи главнымъ политическимъ событіемъ истекшаго года было удаленіе Чемберлена изъ состава кабинета и превращеніе его въ дѣятельнаго вольнаго проповѣдника новаго таможеннаго союза съ цѣлью упроченія единства великой британской имперіи. Поразительный ростъ имперіалистскаго движенія въ Англіи и перспектива кровавыхъ конфликтовъ на дальнемъ Востокѣ при усердномъ участіи англо-американскихъ вдохновителей Японіи—обѣщаютъ намъ мало хорошаго въ ближайшемъ будущемъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1904.

I.

— Великій Князь Николай Михаиловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи Императора Александра I. Томъ третій. Спб. 1903.

Мы говорили уже о замѣчательномъ трудѣ великаго князя Николая Михаиловича, вносящемъ въ высокой степени любопытныя и важныя данныя въ историческую разработку эпохи императора Александра I. Этотъ трудъ законченъ въ настоящемъ третьемъ томѣ. Мы говорили раньше, какъ важно было—не всѣмъ доступное—изученіе, кромѣ государственнаго, и фамильныхъ архивовъ, которые дѣйствительно доставили множество интересныхъ матеріаловъ, содѣйствующихъ болѣе точному и многостороннему объясненію эпохи, которая, при всей важности ея историческаго значенія, въ прежнее время была, къ сожалѣнію, слишкомъ долго закрыта отъ безпристрастнаго изслѣдованія.

Наибольшая доля настоящаго тома занята историческими документами. Здѣсь находятся—въ продолженіе второго тома—отдѣлъ XV: дипломатическая переписка по Лондонской миссіи гр. П. А. Строганова, изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ; отдѣлъ XVI: письма графовъ С. Р. и М. С. Воронцовыхъ гр. П. А. Строганову, изъ Строгановскаго архива; отдѣлъ XVII: письма Н. Н. Новосильцова гр. Строганову, изъ того же архива; отдѣлъ XVIII: письма гр. В. П. Кочубея, ему же, изъ того же архива; отдѣлъ XIX: переписка гр. Строганова съ женой, изъ того же и Марьинскаго архива кн. Голицыныхъ; отдѣлъ XX: письма кн. П. И. Багратіона гр. Строганову, изъ Строгановскаго архива; отдѣлъ XXI заключаетъ изложеніе военныхъ подвиговъ Строганова (въ войнѣ съ Франціею въ 1806—1807 г., въ шведской войнѣ 1808—1809, въ турецкой войнѣ 1806—1812, въ отече-

ственной войнѣ 1812, въ войнѣ 1813 и 1814 годовъ) по оффиціальнымъ донесеніямъ, изъ военно-ученаго архива главнаго штаба.

Въ началѣ книги обширное предисловіе, гдѣ авторъ, отчасти резюмируя выводы о характерѣ и дѣятельности гр. Строганова, дѣлаетъ также цѣнныя историческія замѣчанія. Такъ, благодаря обильнымъ архивнымъ источникамъ, авторъ могъ обнародованіемъ ихъ „разоблачить досадную напраслину", которая взведена была на имп. Александра по поводу заключенія парижскаго мира 1806 года и, оставаясь неопровергнутой, получила уже право гражданства въ исторической литературѣ,—напр. даже въ книгѣ Шильдера.

Весьма цѣнныя замѣчанія авторъ дѣлаетъ о двѣнадцатомъ годѣ, „кульминаціонномъ пунктѣ въ исторіи того времени".

„Славная эпопея „священной памяти двѣнадцатаго года" произвела значительно бо́льшій переворотъ въ умахъ и чувствованіяхъ современниковъ, чѣмъ въ государственномъ и военномъ строѣ европейскихъ державъ. Этотъ внутренній переворотъ менѣе замѣтенъ, труднѣе поддается опредѣленію, чѣмъ чисто внѣшній передѣлъ странъ, произведенный вѣнскимъ конгрессомъ. Вѣроятно этимъ именно объясняется многосторонняя и во многихъ отношеніяхъ довольно полная разработка „войны 1812 года", между тѣмъ какъ умственный переворотъ, произведенный нашествіемъ „двунадесяти языкъ", до настоящаго времени мало еще изслѣдованъ.

„Современники видѣли, чувствовали, страдали отъ военной грозы, разразившейся надъ Россіею и такъ или иначе откликнувшейся во всей Европѣ. Они не только наблюдали, они сами переживали всѣ „ужасы войны"... Они не могли, однако, сознавать, тѣмъ менѣе оцѣнить смыслъ тѣхъ внѣшнихъ явленій, которыя вызывали и содѣйствовали внутреннему перерожденію общества, отъ государей до поселянъ. Переворотъ, произведенный 1812 годомъ даже въ императорѣ Александрѣ I, до настоящаго времени еще не опредѣленъ, несмотря на многіе труды, посвященные этому вопросу; о впечатлѣніи же, сдѣланномъ этою войною на народныя массы, историки 1812 года почти не упоминаютъ. Между тѣмъ, данныя для обрисовки этого впечатлѣнія заключаются въ тѣхъ же источникахъ—въ показаніяхъ современниковъ,—изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія для опредѣленія внѣшняго хода войны. Собрать данныя, рисующія этотъ переворотъ, конечно, труднѣе, чѣмъ опредѣлить марши и контрмарши отдѣльныхъ частей арміи; но несомнѣнно, что данныя этого рода освѣтили бы въ значительной степени и исторію самой войны.

„Читая записки и письма современниковъ, даже участниковъ войны 1812 года, какъ бы присутствуешь при этомъ внутреннемъ перерожденіи автора, мѣняющаго мало-по-малу, по мѣрѣ развитія военныхъ

дѣйствій, свои взгляды и, сообразно этому, свой языкъ. Сравнивая первое письмо гр. П. А. Строганова, отъ 30 іюля (1812), съ однимъ изъ послѣднихъ, отъ 17-го декабря, трудно думать, что они писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ третьемъ томѣ Mémoires du général Marbot, посвященномъ 1812 году, послѣднія страницы настолько разнятся отъ первыхъ, что происшедшая въ авторѣ перемѣна бросается въ глаза. Ярче всего, однако, эта перемѣна сказывается въ дипломатической перепискѣ, особенно же шифрованной.

„Для изученія той нравственной революціи, которою сопровождалась Отечественная война, могутъ послужить матеріалы, помѣщенные въ этомъ томѣ. Невоенная сторона войны 1812 года, полной контрастовъ и въ своемъ ходѣ, и въ своихъ послѣдствіяхъ, особенно поучительна какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ".

Авторъ говоритъ далѣе:

„Лѣтомъ 1812 года Наполеонъ перешелъ границы Россіи, ведя за собою необозримое войско... Въ началѣ сентября по Европѣ пробѣжала вѣсть о пожарѣ Москвы—въ Берлинѣ и Вѣнѣ ее поняли въ томъ смыслѣ, что французы разрушили побѣжденную столицу Россіи. Затѣмъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ни слуха, ни вѣсти. 2-го декабря Наполеонъ появился въ Дрезденѣ, одинъ, безъ полководцевъ, безъ войска, и спѣшилъ въ Парижъ... Совершился небывалый Божій судъ надъ страшною армадою...

„За громкими военными побѣдами, одержанными народнымъ воодушевленіемъ, вскорѣ послѣдовало политическое пораженіе, олицетворенное тупою реакціею. За Лейпцигской bataille des géants, въ которой гр. Строгановъ принималъ участіе, за взятіемъ Парижа послѣдовали, одно вслѣдъ за другимъ, такія печальныя явленія, какъ Священный союзъ и конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ, съ ихъ неестественною système de stabilité.

„Графъ П. А. Строгановъ не дожилъ до этихъ печальныхъ событій. Онъ умеръ въ 1817"...

Въ концѣ, авторъ отвѣчаетъ на замѣтку г. Бартенева, написанную по поводу первыхъ двухъ томовъ книги. „Надѣюсь, что по прочтеніи настоящаго третьяго тома, авторъ замѣтки сознаетъ всю легкомысленность своего увѣренія, ни на чемъ не основаннаго, будто гр. П. А. Строгановъ былъ „своей землѣ чужеземцемъ".

Какъ мы указывали раньше, говоря о первомъ томѣ этой книги, авторъ ея точно предвидѣлъ подобныя, будто бы патріотическія, нареканія противъ П. А. Строганова съ его „французскимъ воспитаніемъ", и достаточно объяснилъ, что это воспитаніе нимало не помѣшало (въ дѣйствительности, въ тѣхъ условіяхъ даже способствовало) развиться у гр. Строганова самой предапной любви къ отечеству: въ

самомъ дѣлѣ, воспитаніе сообщило ему только болѣе широкій идеалистическій взглядъ и на нравственныя и матеріальныя нужды отечества, и на требованія нравственно-національнаго достоинства...

Одинъ нѣмецкій историкъ выражалъ недавно удовольствіе, что благодаря новымъ пристальнымъ изысканіямъ, широкимъ и детальнымъ (emsige Klein- und Grossarbeiten), „становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе въ обстановкѣ великихъ дѣятелей исторіи". Для русской исторіографіи мы можемъ очень порадоваться появленію настоящей біографіи гр. П. А. Строганова, которая есть вмѣстѣ и детальная и общая работа. Большой заслугой былъ здѣсь уже подборъ множества документовъ изъ государственныхъ и фамильныхъ архивовъ,—послѣдніе до сихъ поръ оставались почти недоступными. Было исполнено интереса и лицо, которому посвящена біографія, до сихъ поръ мало выясненная личность одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ имп. Александра I, въ первые годы его царствованія. Многое въ этихъ первыхъ годахъ царствованія получаетъ здѣсь впервые яркое освѣщеніе и раскрываетъ иногда очень привлекательныя черты эпохи. Біографія, трудъ обыкновенно детальный, становится и Grossarbeit, такъ какъ дѣйствительно даетъ много любопытнѣйшаго матеріала для историческаго изслѣдованія эпохи императора Александра I. Приведенныя выше замѣчанія автора о нравственномъ значеніи двѣнадцатаго года, очень вѣрныя, привлекутъ вниманіе читателя съ серьезнымъ историческимъ интересомъ, и можно желать, чтобы привлекли также вниманіе людей, спеціально работающихъ надъ вопросами русской исторіи: это—важная и очень любопытная задача.

Наконецъ, колоритъ эпохи переданъ въ книгѣ цѣлымъ рядомъ фамильныхъ портретовъ, прекрасно воспроизведенныхъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.—А. П.

II.

— К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Книгоиздательство Скорпіонъ. М. 1903.

— Онъ же. Только любовь. Книгоиздательство Грифъ. М. 1903.

Воспитавшись дома на поэзіи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, я пріобрѣлъ великое довѣріе къ родному художественному слову. Въ твореніи истиннаго поэта (такъ думалъ я раньше) это слово являлось могучимъ средствомъ, во-первыхъ, *правдиво* отражать жизнь и, во-вторыхъ, призывать общественную мысль и чувство къ работѣ по ея послѣдовательному усовершенствованію и просвѣтлѣнію. Въ задачу послѣдняго входило, думалось мнѣ, какъ непремѣнное условіе, посте-

пенное *очеловѣченіе* общества въ томъ смыслѣ, чтобы облегчать ему борьбу съ атавистическими проявленіями низменныхъ животныхъ страстей и звѣрскихъ инстинктовъ.

Изъ этого читатель можетъ судить, насколько взгляды мои были противоположны нынѣ господствующимъ, и какимъ бы я былъ уродомъ, съ современной точки зрѣнія, еслибы продолжалъ держаться ихъ и теперь.

Но, къ счастію, этого не случилось. Хвала г. Бальмонту, завершившему выработку моего нѣсколько запоздавшаго міросозерцанія, а также и тѣмъ обстоятельствамъ моего развитія, которыя подготовили въ моей душѣ торжество идей моего „великаго", „свѣтлаго бога".

Такихъ обстоятельствъ было довольно много, но я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ, внутренняя связь которыхъ съ благотворнымъ вліяніемъ Бальмонтовской поэзіи несомнѣнна. Какъ водится у порядочныхъ людей, меня отдали, послѣ патріархальной домашней „учёбы", въ катковско-толстовскую гимназію. Въ ней, благодаря усердію учителя словесности, моя любовь къ Пушкину подверглась сильной опасности превратиться въ непримиримую ненависть, какъ и къ другимъ наукамъ этого заведенія, гдѣ девизомъ учебной мудрости было— „то хорошо, что скучно и ненужно". Въ университетѣ было вольнѣе, а главное — являлась возможность почти ничего не дѣлать, что я, по мѣрѣ силъ, и исполнялъ, исходя изъ принципа, что, по словамъ одного профессора, которому я не имѣлъ причины не вѣрить, наука несовершенна, а съ несовершенствомъ не могъ примириться мой идеально настроенный духъ. Но, чтобы не показаться отсталымъ, я разсуждалъ съ большимъ жаромъ о марксизмѣ по Вересаеву, о Нитцше—по Максиму Горькому... когда же приходилось говорить о современныхъ событіяхъ, я принималъ грустно-озабоченный видъ и говорилъ, что дѣйствительность тускла, сѣра, и что мастерское изображеніе ея можно найти у Чехова. Профессора финансоваго права не соглашались съ моими опредѣленіями экономическихъ теченій, но въ средѣ своихъ пріятелей я слылъ передовымъ. Въ то же время я былъ истинный спортсменъ въ душѣ и на экзаменахъ бралъ препятствія съ такимъ успѣхомъ, какъ будто подо мной былъ не жесткій стулъ, поставленный у экзаменаціоннаго стола, а рѣзвый скакунъ благородной арабской крови. Стоило только зажмуриться и представить себѣ, что я на ипподромѣ, какъ рука сама собой тянулась къ одному изъ первыхъ билетовъ, бывшему предѣломъ моего познанія. Побивъ рекордъ на всѣхъ энциклопедіяхъ и философіяхъ права, я съ гордостью могу заявить, что не вынесъ изъ университета никакихъ опредѣленныхъ принциповъ, замороженныхъ категорій и неизмѣнныхъ (ибо это вздоръ!) убѣжденій. Было удобно: не предви-

дѣлось никакой ломки и перемѣны взглядовъ, и я, подобно многимъ любезнымъ моимъ современникамъ, вступалъ въ жизнь съ трогательной кротостью невиннаго агнца, которому равно прекрасны всѣ впечатлѣнія бытія.

Могу сказать—съ тѣхъ поръ „я не жилъ—я горѣлъ“. Много испыталъ увлеченій современными теоріями: вчера потрясалъ основы, сегодня утверждалъ, горячился на тему о значеніи мелкой земской единицы въ педагогическомъ отношеніи, доказывалъ, вопреки Дарвину, что не человѣкъ отъ обезьяны, но обезьяна произошла отъ человѣка въ эпоху одичанія...

Но случилось одно неожиданное обстоятельство. Спустивъ свое состояніе, я принужденъ былъ, по волѣ рока, искать легкой, но денежной службы. Друзья, зная мои художественныя наклонности, живо устроили меня въ новоорганизованное, по почину одного писателя-народолюбца, акціонерное общество по изготовленію механическихъ дѣятелей печатнаго слова. То-то забилась во мнѣ исконная литературная жилка! Я былъ и редакторомъ, и вдохновителемъ, и убѣжденнымъ плагіаторомъ, и собственнымъ критикомъ, словомъ—душой всего дѣла. Успѣхъ необычайный. Привѣтствія, улыбки, адресы, деньги,—все падало къ моимъ ногамъ, какъ невольная дань признательности и удивленія. Вѣсъ я пріобрѣлъ необычайный и уже начиналъ говорить символами. Когда спрашивали у меня, читалъ ли я Софокла, я говорилъ: „О, что Софоклъ! вы въ душу мнѣ взгляните: тамъ весь античный міръ покоится на днѣ“. Когда совѣтовались, что дать изъ Боккаччіо прочесть подростающей дѣвицѣ, я наставительно произносилъ: „Мудра природы книга,—ее прочесть сумѣетъ и безъ книгъ“... И всѣ восхищались мной.

Но съ нѣкоторыхъ поръ, должно быть, отъ переутомленія, во мнѣ стало образовываться какое-то странное раздвоеніе. Образы и впечатлѣнія далекаго дѣтства стали приходить на память, и по временамъ я началъ испытывать нѣчто въ родѣ укоровъ со стороны—странно сказать—нѣкогда горячо любимыхъ мною писателей. Дѣло доходило до галлюцинацій, я слышалъ голоса, шумные споры, перемежаемые бранью и скрежетомъ зубовъ. И однажды—это было такъ недавно—я понялъ, что въ моей душѣ шла непримиримая борьба „старыхъ“ и „новыхъ“ боговъ, и я узнавалъ ихъ голоса: Тургеневъ не мирился съ Чеховымъ, Салтыковъ не выносилъ Максима Горькаго, Достоевскій съ ненавистью отворачивался отъ напрасныхъ потугъ Леонида Андреева. Я понялъ, что эта борьба „двухъ міровъ“—болѣзнь, и рѣшился вылечиться безъ врачей, которымъ, послѣ извѣстной книги Вересаева, конечно, не могъ довѣрять. Закрывъ свои блѣдныя ноги, по указанію г. Валерія Брюсова, я сталъ вводить въ себя, съ осторожностью увели-

чивая дозу, сладострастные стихи нашихъ дорогихъ поэтессъ и, питаясь исключительно разсказами г. Андреева, достигъ, наконецъ, того, что вытравилъ безповоротно въ своей душѣ слѣды „звуковъ сладкихъ и молитвъ", и привелъ себя въ состояніе того особаго ожиданія, въ какомъ чувствовали себя герои въ періодъ Овидіевыхъ превращеній: меня не удивило бы, еслибы я превратился въ какого-нибудь козла, осла, фіалку иль сардинку...

Настроенная столь символически, душа моя ждала... и дождалась. Сошелъ мой богъ въ чертогъ мой златотканный, и сѣверныхъ цвѣтовъ разнесся ароматъ... Появились стихи г. Бальмонта и сразу стали катехизисомъ моей жизни. Я не разставался съ ними, цѣловалъ книги, молился имъ,—и, наконецъ, прозрѣлъ, и восхотѣлъ, чтобъ было явнымъ все тайное, что въ жизни дѣлалъ я (простите, рѣчь моя сбивается невольно на бѣлые и блѣдные стихи)...

Я захотѣлъ быть какъ солнце, а раньше, читая Чехова, я думалъ, что я—ничтожный и жалкій червякъ. Я захотѣлъ быть какъ солнце,—и сталъ какъ солнце. Дѣлалъ все, что велѣлъ мнѣ вдохновенный поэтъ, и друзья вскорѣ не узнали меня: одни говорили, что я началъ жить „по-Бальмонту", другіе,—что „по-скотски". Но что мнѣ за дѣло было до ихъ отзывовъ! Мой высшій судъ и авторитетъ былъ онъ, сладкогласный, солнцемъ вѣнчанный пѣвецъ.

„Будемъ какъ солнце!"—о, сколько смѣлости и счастья звучало для меня въ этомъ призывѣ! Будемъ какъ солнце, повторялъ и я, будемъ непосредственны, наивны и наги, какъ боги... Будемъ какъ солнце... и тогда? Согрѣемъ и оживимъ міръ? создадимъ золотой вѣкъ на землѣ?.. О, нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ: „плюнемъ" на идеалы и преданія отцовъ и станемъ служить любви, „одной любви", перестанемъ бояться быть чревоугодными, распутными, наглыми, нашу волю, инстинкты поставимъ выше всего...

Сѣмена упали на добрую почву. Скоро я зналъ оба сборника наизусть и руководствовался ими при всякомъ случаѣ жизни. Когда со мной заговаривали о людяхъ и родинѣ, я надменно отвѣчалъ:

„Я ненавижу человѣчество,
Я отъ него бѣгу, спѣша.
Мое единое отечество—
Моя пустынная душа..."
(*Только любовь*, *стр. 108*).

Чтобы не отстать отъ философическаго духа времени, я создалъ свою философію и назвалъ ее „бальмонтизмомъ". Она представляла собой утонченный синтезъ двухъ основныхъ системъ—„оргіазма" и „вакхизма", которымъ суждено было сыграть столь роковую роль въ исторіи человѣчества. И когда, проповѣдуя ее, я сталъ проводить

мою систему въ жизнь, весь міръ для меня измѣнился и ожилъ. Все опрокинулось вверхъ дномъ: боги, бѣсы, люди, скоты—все завертѣлось въ какомъ-то калейдоскопѣ. Окруженный вѣчностью, я плавалъ въ безконечности, вокругъ плясали млечности, и я визжалъ въ безпечности, а друзья мои хоромъ пѣли торжественную кантату.

„Есть безгласность и тишь у преддверія Вѣчности.
Есть слова, что живутъ, *но* безъ рѣчи, *не* тутъ.
Есть полетъ облаковъ, переливы ихъ млечности.
Есть минутный восторгъ, есть покой Безконечности,
И красивы цвѣты, что весною цвѣтутъ".
(Только любовь, стр. 151).

Потомъ начиналась общая пляска, въ которой все смѣшивалось: голубыя вѣдьмы и желтые альковы, и „зловонно-мягкія тѣла", и „чуждыя голубоглазья вѣры—односторонне-зрячія химеры", и демоны всевозможныхъ видовъ и названій и—„ласки, мысли, звуки и цвѣты". Пляска переходила въ какой-то вихрь, съ воемъ и визгомъ, и всѣ, кто могъ, бросались тушить огни, въ то время, какъ другіе пѣли:

„Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межъ колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночнаго шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Былъ не страшенъ Огонь".
(*Будемъ какъ солнце, стр. 11*).

Наконецъ, все исчезало... до завтра. Божественное солнце снова давало мнѣ силы, и къ вечеру я опять повторялъ дивный завѣтъ моего маэстро:

„Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Изъ сочныхъ гроздій вѣнки свивать,
Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать".
(*Будемъ какъ солнце, стр. 158*).

Я привелъ бы и дальше это безподобное, по истинѣ музыкальное стихотвореніе, но, говорятъ, цитировать его здѣсь, въ здравомъ умѣ, неудобно. О, люди, люди! не есть ли то, что, по вашему, здравый умъ—по моему—глупость? И что такое—глупость? что такое ваша мораль, какъ не боязнь тайное сдѣлать явнымъ, не ширмы вашего фарисейскаго благодушія? „Будьте какъ солнце"—вотъ завѣтъ, будьте открыты—вотъ мудрое правило, которому училъ меня великій учитель, когда говорилъ:

„Я полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты.
Въ глухихъ провалахъ безразсудства
Цвѣтутъ безумные цвѣты“.
(*Будемъ какъ солнце, стр. 76*).

Я слѣдовалъ его завѣтамъ. Но соціальныя условія нашего времени не такъ удобны для служенія культу безпутства, какъ это было, напримѣръ, въ древней Греціи или и теперь кое-гдѣ на Востокѣ, гдѣ рабынь можно покупать, смотря по надобности, и однажды, сдѣлавъ попытку сорвать одежды съ одной горожанки, не раздѣлявшей воззрѣній моего культа, я подвергся жестокимъ палочнымъ ударамъ и даже заключенію въ части. Это было, конечно, непріятно, но я утѣшалъ себя прелестными стихами моего несравненнаго:

„Переломаны кости мои.
Я въ застѣнкѣ. Но чу! Въ забытьи,
Слышу, гдѣ-то стремятся ручьи...“
(*Будемъ какъ солнце, стр. 79*).

Въ другой разъ мнѣ пришлось быть жестоко избитымъ, когда, презирая брачные уставы, мѣшавшіе любви, я заявилъ женѣ своего сосѣда:

„Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья въ одно сольемъ“...
(*Будемъ какъ солнце, стр. 158*).

Она же пожаловалась мужу, а мужъ привелъ меня въ такое состояніе забытья своими побоями, что я только черезъ двѣ недѣли post factum могъ декламировать:

„Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловѣщей горой,
И, горячею кровью облитъ,
Я еще и еще былъ избитъ“...
(*Будемъ какъ солнце, стр. 78*)

Послѣ этихъ попытокъ я оставилъ тѣхъ, кого брачные уставы держатъ въ неволѣ, и обратился къ прелестнымъ и милымъ созданіямъ, которыхъ люди въ своей зачерствѣлой мѣщанской морали называютъ падшими. Онѣ свободно открыли передо мной свои багряно-пышные и свѣтло-пурпурные альковы, и не прошло двухъ недѣль, какъ я имѣлъ уже полное нравственное право повторять:

„Есть поцѣлуи — какъ сны свободные,
Блаженно-яркіе, до изступленія,
Есть поцѣлуи — какъ снѣгъ холодные,
Есть поцѣлуи — какъ оскорбленіе“.
(*Будемъ какъ солнце, стр. 153*).

И какихъ только сладкихъ грезъ не рождалось въ головѣ у меня въ это время! То мнѣ казалось, что я, какъ нѣкій духъ, перелетаю съ планеты на планету, то я умилялся при мысли, что я цвѣтокъ, которому „счастье аромата" самой судьбою суждено, то иногда, въ чаду изступленія, я видѣлъ себя огнепоклонникомъ на Лысой горѣ, и я лепеталъ въ бреду несвязныя рѣчи, которыхъ, къ сожалѣнію, не позволяютъ здѣсь привести...

Или же, пресытившись, я отдыхалъ въ сладкой истомѣ и, чтобы заглушить нѣчто похожее на совѣсть, что поднималось во мнѣ всякій разъ, когда я приходилъ въ себя, я говорилъ въ философическомъ духѣ:

„Отпаденія въ міръ сладострастія
Намъ самою судьбой суждены.
Намъ невѣдомо высшее счастіе.
И любить, и желать — мы должны".
(Будемъ какъ солнце, стр. 141).

Но всякая иная философія, кромѣ моей собственной, служила мнѣ въ моемъ положеніи весьма одностороннимъ утѣшеніемъ. Она врачевала душу, но была совершенно безсильна уврачевать тѣло, которое начало приходить въ нѣкоторый упадокъ. Тутъ я увидѣлъ, что недуги бываютъ плѣнительными только у поэтовъ, на дѣлѣ же они далеко не такъ сладки. Порою доходило до того, что мысли о смерти являлись сами собой, и я уже рисовалъ картины загробнаго міра. Тамъ, вѣроятно, со мной распорядились бы, не особенно справляясь съ моими желаніями, но я, боясь, чтобы меня не отправили въ рай, тѣмъ не менѣе повторялъ:

„Я ненавижу всѣхъ святыхъ,
Они заботятся мучительно
О жалкихъ помыслахъ своихъ,
Себя спасаютъ исключительно.
За душу страшно имъ свою,
Имъ страшны пропасти мечтанія,
И ядовитую Змѣю
Они казнятъ безъ состраданія.
Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткою,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкою".
(Будемъ какъ солнце, стр. 180).

Подчасъ мнѣ казалось, что я царствую, блаженствую, горю; я впадалъ въ жаръ и въ холодъ, падалъ и поднимался, леталъ и плавалъ, смѣялся и плакалъ, метался и кусался, и все забывалъ на свѣтѣ, кромѣ божественныхъ стиховъ моего неподражаемаго Виргилія:

„Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на Міръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ, и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ".
(Только любовь, стр. 13).

Послѣ этого я въ одно прекрасное утро исчезъ для самого себя, и долго меня не было. Когда я очнулся, мнѣ показалось, что я плаваю въ эѳирѣ, но затѣмъ, мало-по-малу, я пришелъ въ себя и увидѣлъ, что я—въ больницѣ. Надъ постелью висѣла дощечка съ угрюмой надписью: „Decadentemania, № 6.666". Сталъ я припоминать, что было со мной въ этотъ промежутокъ времени, и не могъ вспомнить ровно ничего, кромѣ смутнаго напѣва на слова вакхическаго гимна:

И вѣдьма разсмѣялася своимъ беззубымъ ртомъ:
„На морѣ жить нельзя тебѣ, а здѣсь твой вѣрный домъ".
И вѣдьма разсмѣялася, какъ дьяволъ егозя:
„Вода морская горькая, и пить ее — нельзя".
(Будемъ какъ солнце, стр. 186).

Вошелъ лекарь и сталъ задавать вопросы. Я рѣшилъ выдержать роль до конца и отвѣчалъ, стихами маэстро, что я—„безчувственное великое ничто", и богъ и дьяволъ, что „моя душа—глухой, всебожный храмъ". Лекарь качалъ головой и спрашивалъ, не помню ли я чего о своемъ дѣтствѣ. И я открылъ ему:

„Я не былъ никогда такой, какъ всѣ.
Я въ самомъ дѣтствѣ былъ уже бродяга,
Не могъ застыть на узкой полосѣ".
(Будемъ какъ солнце, стр. 240).

Тогда лекарь позвалъ служителя, и когда тотъ подходилъ ко мнѣ, чтобы вылить на голову ушатъ холодной воды, я гордо продолжалъ:

„Не для меня законы, разъ я геній.
Тебя я видѣлъ, такъ на что мнѣ ты?
Для творчества мнѣ нужно впечатлѣній"...
(Будемъ какъ солнце, стр. 241).

Прошелъ мѣсяцъ, можетъ быть годъ, можетъ быть даже нѣсколько вѣчностей, которыми умѣлъ мгновенья я считать, а я все еще былъ въ больницѣ. Однажды лекарь пришелъ ко мнѣ и, положивъ руку на плечо, повелъ такую рѣчь:

— Вы были очень больны, милый другъ, но теперь вамъ лучше. Взглянувъ въ зеркало, вы будете поражены перемѣной. Вы слишкомъ служили любви, она же — „какъ демонъ, коварна и зла". Волосики ваши — вонъ, посмотрите—вылѣзли, зубки расшатались, сами — какъ мертвецъ. Не удивляйтесь, если иной, встрѣтившись съ вами, скажетъ:

„старый распутникъ"... Но все еще это поправимо, если вы одумаетесь и встряхнетесь. Болѣзнь ваша извѣстна: вы слишкомъ упились обаяніемъ Бальмонтовскихъ стиховъ, не замѣтивъ, какой ядъ и разложеніе внесли они, подъ внѣшней красивостью формы, въ ваши мысли и чувства. Я не отрицаю въ немъ поэтическаго таланта, но надѣюсь, что теперь вы сами понимаете, что его поэзія не будитъ ни одного возвышеннаго порыва, и въ общественномъ смыслѣ значеніе ея сводится къ нулю. Ея роль—вызывать улыбку на заплывшемъ лицѣ пресыщеннаго сластолюбца; тѣхъ же, кто дѣйствительно томится духовной жаждой или неустойчивъ, какъ вы, она отравляетъ ароматомъ своихъ ядовитыхъ чаръ...

И пока онъ говорилъ это, я думалъ, съ грустью, прелестными стихами моего наставника:

„Я былъ, какъ всѣ, красивъ и молодъ,
Но торжествующій цвѣтокъ
Въ свой должный мигъ воспринялъ холодъ,
И больше нѣжнымъ быть не могъ".
(Только любовь, стр. 148).

— Обращали ли вы вниманіе, — продолжалъ лекарь, — насколько безсодержательна и безжизненна его поэзія? Напримѣръ:

„Все счастіе, вся сладостная ложность
Живыхъ цвѣтовъ и травъ
Въ безмолвную замкнулась невозможность,
Блаженство потерявъ".
(Только любовь, стр. 87).

Или:

„Я чувствую какія-то прозрачныя пространства,
Далеко въ безпредѣльности, свободной отъ всего;
Въ нихъ нѣтъ ни нашей радуги, ни звѣзднаго убранства,
Въ нихъ все хрустально-призрачно, воздушно и мертво.
Безмѣрными провалами небеснаго эѳира
Они какъ бы оплотами отъ насъ ограждены
И, въ центрѣ мірозданія, они всегда внѣ міра,
Свѣтлѣй снѣговъ нетающихъ нагорной вышины.
Нѣжнѣй, чѣмъ ночью лунною дрожанье паутины,
Нѣжнѣй, чѣмъ отраженіе перистыхъ облаковъ,
Чѣмъ въ замыслѣ художника рожденіе картины,
Чѣмъ даль навѣкъ утраченныхъ родимыхъ береговъ.
И только тѣ, что въ сумракѣ скитанія земного
Объ этихъ странахъ помнили, всегда лишь ихъ любя,
Оттуда въ міръ пришедшіе, туда вернутся снова,
Чтобъ въ царствіи Безвѣтрія навѣкъ забыть себя".
(Будемъ какъ солнце, стр. 40).

— Нужно особое искусство—не правда ли?—чтобы заключить въ шестнадцать звучныхъ строкъ столько всевозможныхъ безграничностей, обрывковъ неуловимыхъ образовъ, намековъ на нѣчто непостигаемое, и не сказать при этомъ ровно ничего, обманувъ и воображеніе, и чувство! Объять необъятное невозможно, и поэтическій порывъ превращается въ смѣшной и жалкій мыльный пузырь: глазу мелькнетъ на мгновеніе, а въ душу не проникнетъ. И такихъ стиховъ много въ сборникахъ г. Бальмонта. Если ихъ читать подрядъ (отчего очень остерегаю людей слабонервныхъ и расшатанныхъ), то можетъ, дѣйствительно, показаться, что г. Бальмонтъ владѣетъ какимъ-то особеннымъ прозрѣніемъ, что ему вѣдомы міровыя тайны, и что онъ—братъ солнца и луны, племянникъ вѣтра, правнукъ океана"...

Я слушалъ его молча и думалъ: какъ мелки и ничтожны ваши нападки, что онѣ значатъ для поэта, царящаго на неприступныхъ высотахъ! Не вамъ ли онъ бросилъ свое вѣщее слово:

„Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой, радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко... Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову!"
(*Только любовь, стр. 48*).

Но развѣ вразумишь людей, не желающихъ понять, что значитъ „быть какъ солнце"! Ихъ застарѣлые предразсудки говорятъ имъ, что писать стихи затѣмъ только, чтобы влагать въ нихъ „мимолетности",—занятіе недостойное общественнаго вниманія,—они все еще ставятъ какія-то жизненныя задачи поэзіи, какъ будто и сама жизнь есть что-то серьезное... Отсталые чудаки!

III.

— Хохловъ, Г. Т. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство". Съ предисловіемъ В. Г. Короленко. Спб. 1903.

Это путешествіе, совершенное въ послѣдніе годы XIX в., съ цѣлью найти миѳическое „Бѣловодское царство", открываетъ новую и весьма любопытную страничку исторіи нашего старообрядчества. У одной изъ мелкихъ отраслей его, называющихъ себя „никудышниками", т.-е. не принадлежащими ни къ одному изъ „поповскихъ" старообрядческихъ согласій, живетъ наивная вѣра, что гдѣ-то на востокѣ суще-

ствуетъ христіанское Бѣловодское царство, въ которомъ сохранилась особенная, „настоящая" іерархія, съ благодатью, преемственной отъ самихъ апостоловъ, и догматами и обрядами „древняго", до-никоновскаго православія. Искання этой іерархіи восходятъ къ первымъ же десятилѣтіямъ послѣ начала раскола, когда не принявшее „никоніанской прелести" населеніе стало оставаться безъ паствы и должно было такъ или иначе рѣшать вопросы іерархической преемственности, что и повело къ дробленію старообрядчества на различныя теченія. Одни изъ старообрядцевъ, „бѣлопоповцы", стали „окормляться" священниками, переманенными отъ той же „никоніанской ереси", но надлежащими мѣрами очищенными отъ налета „никоніанской прелести". Другіе, послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ „правильной церкви", согласились принять и признать законною іерархію поставленія бывшаго босно-сараевскаго митрополита Амвросія, который самъ былъ „исправленъ" въ бѣлокриницкомъ старообрядческомъ монастырѣ по чину „принятія отъ ереси", черезъ миропомазаніе. Такъ возникла бѣлокриницкая или австрійская іерархія, наиболѣе распространенная среди раскольниковъ. Третьи, находя и тотъ, и другой источникъ іерархіи „мутнымъ и исполненнымъ скверны", идутъ подъ крыло греко-россійской церкви, оставляя за собою право употреблять при богослуженіи свои обряды и старопечатныя книги; это—единовѣрцы. Но значительная часть (хотя далеко не самая многочисленная — вопреки предположенію г. Короленко) раскольниковъ осталась, при всемъ разнообразіи толковъ, вѣрна прежнему отрицанію іерархіи и надеждамъ на какія-то идеальныя, „чистыя" іерархическія формы.

Именно эта вѣра отличаетъ уральскихъ „никудышниковъ". „На почвѣ этой жгучей духовной жажды,—говоритъ г. Короленко въ предисловіи,—которой, при всей ея исключительности, нельзя отказать въ большой искренности и глубинѣ, и возникла легенда о сказочномъ „Бѣловодскомъ царствѣ", въ которой пламенная мечта непримиримаго старообрядческаго міра получила якобы осуществленіе въ качествѣ живой дѣйствительности".

И вотъ, въ 1898 г. состоялся въ Кирсановскомъ поселкѣ съѣздъ „никудышниковъ" и постановилъ отправить трехъ человѣкъ для отысканія „этихъ странъ, процвѣтающихъ древнимъ благочестіемъ". На расходы было собрано 2.600 р., и выборные отправились. Они проѣхали чрезъ Одессу въ Константинополь, гдѣ подали прошеніе константинопольскому патріарху съ вопросными пунктами, оттуда въ Палестину, Коломбо, Сингапуръ, Сайгонъ, Гонгъ-Конгъ („Бѣлая вода въ морѣ и новыя гаданія о Бѣловодіи"), Нагасаки, Владивостокъ, Айгунъ, Благовѣщенскъ и вернулись домой чрезъ Читу, Иркутскъ, Красноярскъ. Объ этомъ путешествіи узналъ, въ бытность свою на Уралѣ, В. Г. Ко-

роленко и предложилъ одному изъ участниковъ, казаку Г. Т. Хохлову, описать его, тѣмъ болѣе, что у Хохлова сохранился веденный имъ краткій дневникъ.

Такъ создалось описаніе, напечатанное, въ настоящемъ изданіи, въ XXVIII т. Записокъ И. Русскаго Географическаго Общества. Нѣкоторыя страницы этой любопытной работы живо передаютъ настроеніе убѣжденныхъ, но постигнутыхъ разочарованіемъ искателей миѳическаго царства.

Въ Сингапурѣ послѣ долгихъ поисковъ путешественники нашли русскихъ, которымъ и стали объяснять цѣль своего странствія. „Мы разыскиваемъ,—говорили они,—русскій народъ, который вышелъ изъ Россіи давнымъ-давно, ста два лѣтъ и болѣе тому назадъ. Нѣтъ ли гдѣ на этихъ островахъ русскаго православнаго народа?"

— „Я въ этой странѣ нахожусь уже семь лѣтъ, — сказала женщина,—получаю свѣдѣнія и вѣдомости съ прочихъ островов, но не слыхала, чтобы здѣсь, на островахъ, проживали русскіе, кромѣ того, какъ и мы, гдѣ двое, гдѣ трое. Не токмо быть здѣсь православнымъ, но даже нѣтъ и вѣрующихъ въ Распятаго, кромѣ острова... (названіе ему я запамятовалъ). На немъ есть армяне. А вотъ гдѣ есть православные: противъ Адена,—зашедшіе лѣтъ пять тому назадъ, объ нихъ у насъ есть свѣдѣнія. Этимъ христіанамъ доставлены были изъ Россіи церковныя принадлежности.

— „Мы разыскиваемъ не тѣхъ людей, которые изъ Россіи вышли по одиночкѣ лѣтъ 10—20 тому назадъ, но мы хотимъ напасть на слѣдъ тѣхъ людей, о которыхъ въ Россіи между старообрядцами распространенъ слухъ, будто бы уже два вѣка и болѣе тому назадъ вышедшія изъ Россіи сотни людей съ духовными лицами теперь обитаютъ на восточныхъ индо-китайскихъ островахъ и имѣютъ до сорока церквей русскихъ. На этихъ-же-де островахъ находится на сирскомъ языкѣ множество народу и церквей; имѣютъ епископовъ даже и патріарха антіохійскаго постановленія.

— „Чего вы разыскиваете, здѣсь этого нѣтъ,—отвѣчали имъ собесѣдники. — Не токмо 40 церквей, — если бы была одна церковь православная, и о той было бы извѣстно. Если на которомъ островѣ мы сами не были, то людей со всѣхъ островов часто видимъ и спрашиваемъ, какіе люди тамъ проживаютъ и какихъ вѣроисповѣданій. Если на какомъ островѣ есть одинъ человѣкъ русскій, и онъ намъ извѣстенъ. Развѣ, какъ вы объясняете, что уже два вѣка тому назадъ зашедшіе, то изъ нихъ уже старые померли, а молодые соединились въ одинъ типъ съ мѣстными жителями и теперь признать ихъ невозможно".

— „А религія и церкви-то гдѣ?"—сказали мы.

— „Да, это должно быть при нихъ... Но нѣтъ, о православныхъ здѣсь и слуху нѣтъ".

Конечно, наблюдательность казаковъ направлялась преимущественно на то, что совпадало съ ихъ собственными исканіями. Въ этомъ отношеніи ихъ замѣчанія не лишены интереса; они показываютъ, какъ много сравнительно вынесли эти неученые люди изъ своего путешествія въ чуждую далекую страну. Остановимся на описаніи религіи китайцевъ.

„По религіознымъ вѣрованіямъ китайцы—буддисты; религія ихъ признаетъ сотни боговъ.

„Китайскіе боги — это тѣ же люди, но живущіе въ загробномъ мірѣ, люди со всѣми достоинствами и недостатками. Китайцы говорятъ, что здѣсь не люди созданы по подобію божію, но боги — по образу и по подобію людей. Въ губернскихъ городахъ Китая есть храмы богу солнца, небу, землѣ, но простому народу до нихъ нѣтъ дѣла,—имъ служатъ чиновники. Боги простого народа—это духи его отцовъ и дѣдовъ; въ загробномъ мірѣ они исполняютъ тѣ же должности, что и люди; ихъ можно подкупать и задабривать, имъ приносятъ въ жертву деньги (бумажки подъ видомъ денегъ), сожигая ихъ на блюдѣ. Деньги не настоящія, но китайцы вѣрятъ, что, сожженныя съ должными обрядами, въ загробномъ мірѣ эти деньги превратятся въ истинныя. Есть боги шпіоны, какъ и на землѣ,—гдѣ за дѣятельностью каждаго чиновника слѣдитъ шпіонъ. Каждый околодокъ имѣетъ такого бога, который доноситъ старшему богу обо всемъ происходящемъ.

„Есть богъ, который управляетъ дождемъ. Когда бываютъ засухи, китайцы начинаютъ молиться и просить его, чтобы далъ дождя и влажности. Если въ продолжительное время просьба не ублаготворяется, тогда всходятъ къ нему въ кумирницу, берутъ бога за шею, вытаскиваютъ изъ кумирницы на площадь, сѣкутъ его плетьми и обратно втаскиваютъ въ кумирницу, но ставятъ его уже не на почетное мѣсто. Такъ стоитъ безъ призрѣнія, пока не будетъ дождя; послѣ дождя его снова становятъ на возвышенное мѣсто и жгутъ передъ нимъ хлопокъ, чтобы обратилъ на нихъ вниманіе.

„Есть богъ и въ кухнѣ каждаго домохозяина, только кухонный богъ большой ябедникъ: онъ доноситъ обо всемъ, происходящемъ въ семьѣ. Каждый новый годъ, чтобы онъ не болталъ слишкомъ много, ему передъ отправленіемъ (?) ротъ замазываютъ кашей; послѣ новаго года кашу отмываютъ теплой водой, а когда нужно обратить на себя его вниманіе, передъ нимъ тоже жгутъ хлопокъ.

„Невѣжественный и дикій, полный суевѣрія, деревенскій народъ соблюдаетъ всѣ эти церемоніи".

На островѣ Сайгонѣ путники долго не могли найти человѣка, который могъ бы поговорить съ ними и сообщить свѣдѣнія о миѳическомъ городѣ Левекѣ. Встрѣчные туземцы смотрѣли на нихъ, какъ на какихъ-то чудовищъ; нѣкоторые „осмѣливались", подходили, щупали бороды, оглядывали со всѣхъ сторонъ—„и дивились". За городомъ встрѣтили обезьяну, въ которую одинъ изъ казаковъ бросилъ грецкимъ орѣхомъ. Обезьяна схватила, стала разгрызать, не могла, попробовала разбить камнемъ, но орѣхъ все не поддавался. Тогда обезьяна положила его въ воду, чтобы размочить, и, вынувъ затѣмъ, стала грызть. „Подивились мы ея смыслу,—пишетъ Хохловъ,—и пошли своимъ путемъ"...

Наконецъ, нашли на пароходѣ русскаго, который зналъ французскій языкъ и могъ навести справки; но то, что онъ сообщилъ казакамъ, было неутѣшительно. „Куликовскій былъ радъ намъ, такъ какъ русскихъ давно не видалъ. Спросили мы, какъ страна эта называется и народы какого вѣроисповѣданія. Страна эта называется въ простомъ нарѣчіи: Восточно-Китайскій полуостровъ, мѣстные жители—малаккцы, буддійскаго вѣроисповѣданія. Мы обрадовались. Думаемъ себѣ, что достигли до Бѣловодіи, на которую мѣстность указывали часть рукописныхъ маршрутовъ, и Аркадій, архіепископъ, въ своемъ разсказѣ упоминалъ этотъ полуостровъ.

„— Есть ли здѣсь городъ Левекъ?—спросили мы.

„— Не слыхалъ я названія такого города. На что же онъ вамъ?

„— Мы ѣздимъ, разыскиваемъ русскихъ людей, по распространившимся между старообрядцами рукописнымъ маршрутамъ, подъ именемъ инока Марка (Топозерской обители). Онъ, будто бы, съ двумя товарищами путешествовалъ на востокъ, черезъ Сибирь, въ Китайскую имперію. Пройдя городъ Пекинъ, достигъ страны Восточно-Индокитайскаго полуострова, гдѣ и находится Бѣловодія, по островамъ большимъ и малымъ, въ окрестностяхъ Японіи. На тѣхъ островахъ народы обитаютъ христіанскаго вѣроисповѣданія, частью отъ проповѣди апостола Ѳомы, но есть и выходцы изъ Сиріи, зашедшіе отъ гоненія папы римскаго и бѣжавшіе изъ Россіи отъ временъ патріарха Никона. Всѣ эти народы имѣютъ епископовъ и архіепископовъ, до сорока церквей русскихъ, а сирскихъ—до семидесяти церквей, и имѣютъ патріарха антіохійскаго поставленія. Двое спутниковъ инока Марка пожелали остаться навсегда въ этой странѣ, а Маркъ возвратился въ Россію и свое путешествіе подтверждаетъ съ клятвою. На эту же страну указываетъ и Аркадій архіепископъ, подъ названіемъ Бѣловодскій, который явился въ Россію лѣтъ тридцать-пять тому назадъ, принявъ архіепископство отъ тамошняго патріарха. Мы проѣхали острова Цейлонъ, Суматру, Сингапуръ и проч., обогнули Ма-

лаккскій полуостровъ, но не только русскихъ сорока церквей, но даже и людей русскихъ мало видали, и тѣ лѣтъ семь выѣхали изъ Россіи. Спрашивали ихъ мы о русскихъ людяхъ и какіе люди находятся на Филиппинскихъ островахъ. Они намъ сказали, что-де нѣтъ на этихъ островахъ православнаго народа, ни церквей, ни русскихъ людей. Теперь, гдѣ же городъ Левекъ и гдѣ православный народъ съ духовенствомъ и церквами?

„— Я вамъ истинно говорю: нѣтъ здѣсь города Левека, и не бывали православно-русскіе народы. Не желаете ли посмотрѣть карту въ пространной чертѣ этого полуострова?

„— Очень желаемъ,—отвѣтили мы и пошли вмѣстѣ съ г. Куликовскимъ смотрѣть карту, на которой надписи по-французски. Куликовскій прочиталъ всѣ города и урочища. Нѣтъ города Левека.

„— Не вѣрно ли говорилъ я вамъ, что города Левека нѣтъ, и въ этой мѣстности никогда не бывали русскіе люди? И теперь русскіе пароходы сюда не заходятъ, и здѣшніе народы русскихъ никогда не видали.

„— Что же такое? Неужели это все ложное?—сказалъ Максимычевъ:—какъ письменные маршруты подъ именемъ инока Марка, такъ, въ особенности, архіепископъ Аркадій? Этотъ человѣкъ и теперь живъ и находится въ Пермской губерніи, временно пріѣзжалъ и къ намъ на Уралъ. Что же заставляетъ его врать и носить на себѣ чинъ самозванства?

„— Это очень просто, — говорилъ Куликовскій. — Однажды ему взбрела дурная такая мысль принять на себя чинъ самозванный, и онъ выдалъ себя ложно за бѣловодскаго архіепископа. Теперь ему уже трудно говорить правду, когда онъ привыкъ врать".

Въ Гонгъ-Конгѣ у казаковъ въ послѣдній разъ мелькнула надежда найти Бѣловодію: они увидѣли, что цвѣтъ морской воды сдѣлался бѣлый и непрозрачный. Имъ объяснили, что бѣлая вода идетъ „отъ великой рѣки Кіанга", но что ни православныхъ христіанъ, ни русскихъ людей тамъ не было. Мечта оказалась мечтой, наступило разочарованіе, едва-ли, впрочемъ, способное погасить тревожную работу пытливой мысли въ средѣ, гдѣ люди не могутъ жить безъ вѣры...

IV.

— К. I. Храневичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 1904. Изданіе товарищества „Литература и наука".

Послѣднія десятилѣтія выдвинули въ польской литературѣ цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе далеко за

предѣлами своей родины. Многочисленные переводы служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что и въ русскомъ обществѣ пробудился интересъ къ польской литературѣ, особенно если принять во вниманіе популярность среди русскихъ читателей такихъ именъ, какъ Сенкевичъ, Ожешко, Пржибышевскій, Конопницкая и др. Въ своихъ очеркахъ г. Храневичъ дѣлаетъ интересную попытку охарактеризовать тѣ общественныя и художественныя направленія, къ которымъ принадлежатъ наиболѣе видные польскіе писатели.

Сдѣлавъ краткій очеркъ того, чѣмъ была польская литература въ періодъ отъ 63-го до 80-хъ годовъ, когда, послѣ крайняго нервнаго напряженія, въ польскомъ обществѣ наступила реакція съ своими обычными спутниками, апатіей и уныніемъ, авторъ переходитъ къ послѣдующей, позднѣйшей эпохѣ и останавливается на появленіи въ литературѣ положительныхъ результатовъ. Въ общественномъ настроеніи укрѣпилась та мысль, вселяющая энергію и бодрость, что бытіе народа утверждается не только политической самостоятельностью, но и культурной работой на поприщѣ развитія духовныхъ силъ и способностей до высочайшей, доступной ему ступени. „Cogito, ergo sum"—стало девизомъ „молодой" Польши. Авторъ такъ характеризуетъ интересы выдающихся дѣятелей этого періода: „То поколѣніе, которое выступило на поприще дѣятельности съ начала 80-хъ годовъ, выросло подъ впечатлѣніемъ разочарованія, овладѣвшаго „отцами", въ виду неосуществившихся надеждъ въ 60-е годы. Разочарованные „отцы" старались внушить идущему на смѣну поколѣнію, что позитивизмъ въ наукѣ, утилитаризмъ въ практической жизни—вотъ основы программы, внѣ которой нѣтъ спасенія. Программа эта имѣла нѣкоторыя видоизмѣненія въ Варшавѣ, Краковѣ и Львовѣ, но сущность осталась одинаковою: всякій полетъ духа считался крайне вреднымъ, а благословлялся трезвый практицизмъ. Однако, нигдѣ еще не бывало такъ, чтобы „дѣти" съ слѣпымъ послушаніемъ стали исполнять программу, завѣщанную отцами. Не замедлилъ обнаружиться разладъ между „отцами и дѣтьми" и въ Польшѣ. Окрѣпнувшій къ 80-мъ годамъ капитализмъ (въ Привисляньи—фабрично-заводскій, въ Галиціи—земледѣльческій), сопровождавшійся параллельнымъ возрастаніемъ пролетаріата, далъ мыслямъ молодежи направленіе совсѣмъ не въ ту сторону, куда тянули ее отцы. Со стороны молодежи начинаетъ выростать протестъ противъ клерикализма, узкаго націонализма и пр., нарождаются въ Краковѣ два изданія—„Nowa Reforma" (1882 г.) и „Przyszłość" (1883 г.) съ программой не вполнѣ ясной, но, безспорно, оппозиціонной. На настроеніе впечатлительнаго молодого поколѣнія не безъ вліянія остаются струйки, просачивающіяся въ Польшу отъ сосѣдей".

Очерки г. Храневича не могутъ претендовать на исчерпывающую полноту и глубину историко-литературнаго изслѣдованія; они разсчитаны на широкую публику и первоначально были помѣщены въ „Новомъ журналѣ иностранной литературы". Но они съ успѣхомъ могутъ дать читателю общее понятіе о писателяхъ упомянутаго періода и вызвать желаніе познакомиться съ ними поближе. Клеменсъ Юнõша (Шанявскій) введетъ читателя въ среду сѣренькихъ, будничныхъ людей, мелкопомѣстныхъ шляхтичей, юркихъ евреевъ съ ихъ гешефтами и гандлемъ: въ этомъ мірѣ онъ—свой человѣкъ, и разсказъ его нарисуетъ вѣрную, хотя подчасъ и грустную картину дѣйствительности. Буржуазія и средній помѣщичій классъ дали разнообразный матеріалъ художнической наблюдательности Михаила Балуцкаго, драматическія произведенія котораго обошли всѣ польскія сцены и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Въ очеркѣ о Маріи Конопницкой читатель встрѣтитъ характеристику основныхъ мотивовъ ея поэзіи, которая вся проникнута вѣрою въ конечное торжество знанія и правды. Затѣмъ, очерки г. Храневича посвящены Казиміру Тетмайеру, который является выразителемъ современнаго нервнаго поколѣнія, съ его скорбями и тоской объ исчезнувшемъ счастьи, Артуру Грушецкому, изобразителю страстной политической борьбы между славянствомъ и силезскими нѣмцами, вліятельному публицисту и драматургу Александру Свентоховскому. Но характеристики Генрика Сенкевича и Пржебышевскаго страдаютъ значительной неполнотой, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ ихъ имена, изъ числа польскихъ писателей, принадлежатъ къ наиболѣе популярнымъ въ настоящее время.

V.

— Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. I. Второе исправленное изданіе. М. 1903.

Второе изданіе цѣнной библіографической работы г. Языкова встрѣтитъ несомнѣнное сочувствіе со стороны всѣхъ, кому приходится работать по историческимъ и историко-литературнымъ вопросамъ. Полнота и точность, составляющія основныя качества всякаго библіографическаго труда, были причинами, почему первое изданіе „Обзора" быстро разошлось и давно уже сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Настоящій выпускъ посвященъ русскимъ писателямъ и писательницамъ, умершимъ въ 1881 году. „Эта первая часть нашего труда,—говоритъ авторъ по поводу предъидущаго изданія (1885 г.),—была задумана по самому широкому плану: съ одной стороны, мы

внесли въ свой „Обзоръ“ по возможности всѣхъ русскихъ авторовъ, умершихъ въ означенномъ году, хотя бы они участвовали только въ періодическихъ изданіяхъ; съ другой стороны, отмѣтили не только отдѣльно изданныя ими книги или брошюры, но также журнальныя и даже газетныя статьи; наконецъ—главное—при послѣдующихъ выпускахъ своего труда мы указывали всѣ дополненія къ первому изъ нихъ, такъ что нашъ „Обзоръ“ до послѣдняго времени давалъ самыя подробныя свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности каждаго, названнаго нами, покойнаго писателя“.

Читатели найдутъ въ этомъ „Обзорѣ“, между прочимъ, обстоятельную хронологическую канву творчества Достоевскаго съ литературой о немъ, доведенной до 1902 г., затѣмъ Н. И. Пирогова, А. Ѳ. Писемскаго, археолога и этнографа кн. Кострова, но—что важнѣе—свѣдѣнія о такихъ писателяхъ, память о которыхъ затерялась бы въ безконечномъ бумажномъ морѣ безъ кропотливой работы библіографа. — Евг. Л.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алибеговъ, И. Г.—Народное образованіе на Кавказѣ. Тифл. 903.

Андреевъ, В.—Шарлатанство въ бухгалтеріи. Необходимая книга для тѣхъ, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ счетоводству, или желаетъ слышать о немъ правдивое слово. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Анучинъ, В.—По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ искателей приключеній въ Сибири. Спб. 904. Ц. 60 к.

Блиновъ, Н. Н.—На нивѣ народной. Разсказъ съ 7 рис. 3-е изд. М. 903. Цѣна 10 к.

——— Для воскресныхъ школъ. Букварь. М. 903. Ц. 15 к.

Божеряновъ, И. Н.—Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Т. I. Вып. 2. Спб. 904. Ц. за 8 вып., по подпискѣ, 12 руб.

Брусянинъ, Вл.—Ни живые—ни мертвые. Очерки петербургской жизни. Кн. II. Спб. 904. Ц. 1 р.

Вальтеръ, В.—Опера М. И. Глинки: „Русланъ и Людмила“. Съ портрет. М. Глинки. Спб. 903. Ц. 80 к.

Вандервельде, Э.—Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Съ франц., п. р. Д. Горшкова, съ предислов. проф. А. Фортунатова. М. 904. Ц. 1 р.

Величко, В. Л.—Арабески. Новыя стихотворенія. Съ портретомъ автора. Спб. 904. Ц. 2 р.

Готлихъ, Ал.—Начатки геометріи. Составл. по Кэру. М. 903. Ц. 75 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Томъ девятый: Начало русскаго государственнаго права. Ч. III. Органы мѣстнаго управленія. Съ біографическимъ очеркомъ и съ портретомъ автора. Спб. 904. Ц. 4 р.

Гривскій, И.—Записки рабочаго. Спб. 904. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я.—Философія и общія ея задачи. Сборникъ статей. П. р. Московск. психол. общества. Спб. 904. Ц. 2 р.

Додель, А.—Жизнь и смерть (Aus Leben und Wissenschaft). Съ нѣм. П. Быстрицкій. Съ 51 рис. Сарат. 904. Ц. 1 р.

Ждановъ, Левъ.—Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ 3-хъ частяхъ. Спб. 904.

——— Санкт-Питербурхъ. Историческая пьеса въ 5 д. и 10 карт. Спб. 904. Ц. 50 к.

Зѣлинскій, Ѳ.—Древній міръ и мы. Лекціи, читанныя ученикамъ выпускныхъ классовъ спб. гимназій и реальныхъ училищъ, весной 1903 г. Спб. 903. Ц. 80 к.

Илличъ-Свитычъ, В. С.—Старый молитвенникъ. Повѣсть. Владив. 903.

Іонинъ, А.—По Южной Америкѣ. Въ обработкѣ для юношества. Е. Лазаревской. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

Кабардинъ, Н. К.—Уставъ-образецъ для трудовыхъ артелей. 3-е изд. Спб. 903. Ц. 20 к.

Карасевъ, А. П.—Безплатныя вечернія школы хорового пѣнія. Вятка. 903.

Киштенинъ, И.—Смыслъ пьесы Горькаго „На днѣ". Криминальные намеки въ пьесѣ „На днѣ". Од. 903. Ц. 20 к.

Коварскій, Г.—Какъ защитить себя отъ заразныхъ болѣзней? Вильна. 903. Ц. 25 к.

Компейре, Г.—Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. Перев. Л. В. Степановой („Педагог. Библ.", п. р. А. П. Нечаева, вып. 1). Спб. 903. Ц. 50 к.

Краинскій, В. Е.—Экономическія и техническія основы для организаціи среднихъ и мелкихъ хозяйствъ. Ч. II: Техника организаціи. Черниг. 903.

Ландэзенъ, фонъ-, Э. Э.—Борьба съ огнемъ. Руководство для устройства пожарныхъ обществъ, дружинъ и командъ и способы тушенія пожаровъ. Съ 308 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р.

——— „Къ вопросу о борьбѣ съ пожарами въ Имперіи. Спб. 902. Ц. 45 к.

Левенстинъ, А. А.—Харьковскій судебный округъ. 1867—1902. Харьк. 903.

Лика.—Гирлянда розъ и др. разсказы. М. 903. Ц. 50 к.

Лохвицкая (Жиберъ), М. А.—Стихотворенія. Т. V: 1902—1904. Спб. 904. Ц. 2 р. 40 к.

Луговой, Ал.—Безумная. Пьеса въ 4 д. Спб. 903. Ц. 1 р.

Марксъ.—Большой Всемірный настольный Атласъ, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго. 62 главныхъ и 148 дополнительныхъ картъ и 53 большихъ двойныхъ таблицы in-folio. Всего 12 вып., ц. 12 р. Выпускъ I. Спб. 904.

Мартинъ, Ф.—Три царства природы: Зоологія—Ботаника—Минералогія. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Перев. съ нѣм. И. Эйзена, п. р. проф. А. М. Никольскаго, съ 54 табл., печатанн. красками и содержащ. 1,125 рис. и 305 гравюръ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Стр. 1167, ц. 8 руб.

Маршаль, М., и *Герстъ*, Г.—Младшій курсъ практической зоологіи. Съ англ. перевелъ Н. Богоявленскій. М. 903. Ц. 65 к.

Минчиловъ, С. Р.—Въ грозу. Историческая повѣсть изъ эпохи Петра Великаго. Спб. 903. Ц. 1 р.

Могилянскій, Мих.—Тина. Драма въ 3 д. Спб. 903.

Монковскій, С. А.—Объ отвѣтственности строителей и домовладѣльцевъ за поврежденіе сосѣднихъ построекъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Нансенъ, Фритьофъ.—На крайнемъ Сѣверѣ. Сокращ. перев. О. Н. Поповой. Спб. 903. Ц. 30 к.

Н., К.—Помяловскій и Горькій. Критическая параллель. Спб. 903. Ц. 15 к.

Петровская, В. И.—Дѣти-герои. Разсказы—быль. Съ рис. Спб. 902.

Потонье, Г.—Палеонтологія растеній или палеофитологія. Перев. съ нѣм. М. Залѣсскаго. Екатериносл. 903. Ц. 1 р.

Пріютянинъ, Ѳ. Г.—Счастье и горе сѣренькихъ людей. Вып. I. Херс. 904. Ц. 8 к.

Пругавинъ, А. С.—Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Вып. 1 и 2. Спб. 904. Ц. 1 р.

Рагозина, З. А.—Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидской державы. Съ 90 рис. и 1—5 картами. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Рафаловичъ, Сергѣй.—Противорѣчія (разсказы). Спб. 903.

Реклю, Элизе.—Исторія горы. Перев. Д. Коропчевскаго. М. 903. Ц. 50 к.

Риккертъ, Г.—Границы естественно-научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историческія науки. Съ нѣм. А. Воденъ. Спб. 904. Ц. 3 р.

Ристори, Аделаида.—Этюды и воспоминанія. Перев. Ек. Б—вой. Спб. 903. Ц. 1 р.

Риттихъ, А. А.—Зависимость крестьянъ отъ общины и міра. Спб. 903.

Рушъ, Г. Б.—Обученіе первоначальной геометріи и составленіе несложныхъ проекцій и ремесленныхъ чертежей, при помощи техническаго рисованія и рѣшенія графическимъ способомъ геометрическихъ задачъ. М. 903. Цѣна 1 р. 50 к.

Саблеръ, С. В., и *Сосновскій*, П. В.—Къ десятилѣтію Комитета Сибирской желѣзной дороги: 1893—1903. Сибирская желѣзная дорога въ ея прошломъ и настоящемъ. Историческій очеркъ. Подъ гл. ред. ст.-секрет. Куломзина. Съ 9 фототип., 32 автотип., 2 карт., 6 діаграм. профил. пути и графиками. Спб. 903. Ц. ? р.

Сергѣевскій, Н. Д.—Русское право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 5-е, съ дополненіями проф. А. А. Жижиленко. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Сили, проф., Дж. Р.—Расширеніе Англіи. Два курса лекцій въ Кембриджскомъ университетѣ. Перев. съ англ. В. Я. Герда. Спб. 904. Ц. 2 р.

Соболевъ, И.—Популярный очеркъ системы вотчинныхъ книгъ. Радомъ. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Срезневскій, В. И.—Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1902 г. Спб. 903.

Столпянскій, П. И.—Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Вып. I: Опытъ библіографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствов. имп. Екатерины II. Оренб. 903.

Страсбургеръ, Эд.—Краткій практическій курсъ практической гистологіи. Руководство для самостоятельнаго изученія микроскопической ботаники и введеніе въ микроскопическую технику. Съ 128 рис. Перев. съ 4-го нѣм. изд. В. Буткевича, съ предисловіемъ К. Тимирязева. М. 904. Ц. 3 р.

Танонъ, Э.—Эволюція права и общественное сознаніе. Перев. бар. А. П. Фитингофъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Тарновскій, А.—Учительница народнаго училища. Оренб. 903.

Темниковскій, Евг.—Къ вопросу о канонизаціи святыхъ. Яросл. 903. Ц. 50 к.

Тищенко, Ѳ. Ѳ.—Какъ учитъ писать графъ Л. Н. Толстой? Съ 6-ью новыми письмами Л. Н. Толстого о писательствѣ. М. 903. Ц. 20 к.

Толстой, гр., Л. Н. I. Ассирійскій царь Ассархадипъ. II. Три вопроса. Двѣ сказки. Съ 9 илл. Н. И. Живаго. М. 904. Ц. 20 к.

Турутинъ, С.—О значеніи и дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Курганъ. 903. Ц. 20 к.

Уайзменъ, кардин.—Фабіола или Церковь въ Катакомбахъ. Съ англ. пер. А. Каррикъ. Ц. 80 к.

Фридманъ, М.—Общества сельскихъ хозяевъ въ деревнѣ. П. р. Озерова. М. 903. Ц. 6 к.

Циммерманъ, Э. Р.—Путешествіе вокругъ свѣта. Для русскаго юношества. 2-е изд. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Шмейль, проф., О.—Человѣкъ. Основы ученія о человѣкѣ и его здоровьѣ. Съ нѣм., п. р. В. Н. и В. В. Половцовыхъ. Съ 31 рис., изъ нихъ 8 въ краскахъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Шмидтъ, П. Ю.—Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Сказка. Съ 28 рис. Спб. 904. Ц. 40 к.

Шнитцлеръ, Артуръ.—Пьесы: Въ погонѣ за легкой добычей.—Завѣщаніе.—Съ нѣм., перев. О. Н. Поповой. Спб. 903. Ц. 2 р.

Щегловъ, Ив.—Въ защиту народнаго театра. Замѣтки и впечатлѣнія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Энгельгардтъ, Н.—Очеркъ исторіи русской цензуры, въ связи съ развитіемъ печати 1703—1903 г. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Якорь.—Воспоминанія давнихъ лѣтъ. Сызрань. 903. Ц. 50 коп.

A. S.—Uebungsstoffe für technische Uebersetzungen. St.-Petersb. 904.

De Roberty, Eugène.—Nouveau programme de Sociologie. Esquisse d'une Introduction générale à l'étude des sciences du monde surorganique. Par. 904. Pr. 5 frcs.

Frey, H., général. — L'Armée chinoise: l'armée ancienne; l'armée nouvelle; l'armée chinoise dans l'avenir. Avec une carte en couleur des régions d'l'Extrême-Orient. Par. 904.

— Варшавское семиклассное Коммерческое Училище. Warszawska sedmioklassowa Skoła Handlowa. Составилъ Директ. Уч. Ю. Ю. Цвѣтковскій и Секр. Педаг. Комит. Ѳ. Ф. Никлевскій. Варш. 903.

— Всемірные свѣточи. Разсказы изъ жизни великихъ людей. Шекспиръ и его время. Составлено по Тику и Беккеру. М. Гранстремъ. Съ 68 рис. Спб. 903.

— Изданія кн. магазина П. В. Луковникова: 1) Актея, повѣсть изъ древней римской и греческой жизни. Ц. 50 к. 2) Сервантесъ, Донъ-Кихотъ, сокращ. переводъ для юношества. Ц. 50 к. 3) Необыкновенная исторія о воскресшемъ Помпейцѣ, В. Авенаріуса. Ц. 60 к. 4) Его же, Создатель русской оперы, М. И. Глинка. Съ 20-ю портр. и рис. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 903.

— Земскій Сборникъ Черниговской губерніи. 1903. Октябрь-Ноябрь. Черниг. 903.

— Къ завѣтной цѣли. Литературный сборникъ. Изд. кружка писателей изъ народа. М. 904. Ц. 75 к.

— Къ 25-лѣтію Глазовской женской гимназіи. 1876—1901 г.г. Вятка. 902.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VII: Купля-продажа земель въ Европейской Россіи. 1853—1892 г.г. Вып. X: Отчужденія и продажи желѣзнымъ дорогамъ въ 1897 и 1898 г.г. Спб. 903.

— Народное образованіе въ Глазовскомъ уѣздѣ, со времени введенія земскихъ учрежденій по 1901 годъ. Вятка. 903.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи, по сообщеніямъ корреспондентовъ, за 1902 годъ. Съ 6-ю картограм. Годъ XVII. Полт. 903.

— Отчетъ государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ за 1902 годъ. Спб. 903.

— Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губерніи за 1902 годъ. Тамб. 903.

— Оцѣнка земель Моложскаго уѣзда (Ярослав. губ.). Яросл. 903.

— Памяти М. В. Духовского. М. 903.

— Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей. Спб. 904. Цѣна 1 р. 50 к.

— С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе курсы—за 25 лѣтъ: 1878—1903 г.г. Очерки и матеріалы. Съ планами зданій курсовъ, видами аудиторій, кабинетовъ, библіотеки, обсерваторіи, комнатъ въ общежитіи, столовой и пр. Спб. 903.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ 1901 г. Спб. 903.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. Вып. 12. Яросл. 903.

— Тысяча-903-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV: Урожай хлѣбовъ; урожай фруктовъ. Съ 2 раскраш. картинами. Спб. 903.

ЗАМѢТКА.

Индивидуализмъ и творчество.

— „Когда мы мертвые пробуждаемся", драма Г. Ибсена.

Въ настроеніи, которымъ отмѣчено все новое символическое направленіе въ искусствѣ, есть что-то мистическое; оно сказывается въ неясности и блѣдности формы, въ культѣ молчанія, зловѣщаго, холоднаго молчанія, ограждающаго одиночество души, въ загадочности и мрачности символовъ.

Такимъ же настроеніемъ проникнуты почти всѣ символическія произведенія Ибсена, и въ его послѣдней драмѣ: „Когда мы мертвые пробуждаемся",—оно воплощается въ символѣ смерти, выражающемъ въ то же время идею драмы.

Чувство страха является передъ тайной всего неизвѣстнаго и непознаваемаго; смерть—самая глубокая и страшная тайна, и, объединяя идею драмы съ символомъ смерти, Ибсенъ раскрываетъ источникъ того мистическаго ужаса, который воплощается и въ опредѣленныхъ образахъ, и въ неуловимомъ настроеніи современнаго искусства. Этотъ источникъ кроется въ тяжеломъ сознаніи душевной пустоты и холодности, въ стремленіи замѣнить живую дѣйствительность мертвеннымъ міромъ призраковъ, въ признаніи истины, что мертвые въ этомъ мірѣ не пробуждаются.

Въ послѣднемъ актѣ на сценѣ—ночь, гроза и буря въ горахъ. Молнія, вспыхивая, ежеминутно озаряетъ бѣлую снѣговую вершину, глубокую черную разселину въ скалахъ и перекинутый черезъ нее мостикъ. На мостикѣ, прижавшись къ скаламъ, стоятъ двѣ человѣческія фигуры. Они пришли сюда въ тайной надеждѣ, что эта ночь возвратитъ имъ силу любви и жизни; они пришли ждать своего воскрешенія изъ мертвыхъ. Ирена не вѣритъ: „Мы умерли оба. И ты, и я. Умерла любовь, воплощающая въ себѣ земную жизнь, чудесную, восхитительную земную жизнь, таинственную земную жизнь. Жажда жизни умерла во мнѣ, Арнольдъ".

Но онъ полонъ этой жажды, онъ вѣритъ, что для нихъ наступила минута пробужденья, и зоветъ Ирену „на верхъ, на свѣтъ, на вершину горъ, къ яркимъ солнечнымъ лучамъ, для жизни и счастья".

Эта минута не могла наступить для нихъ, и въ ту же ночь, спѣша на встрѣчу жизни, они навсегда разстаются съ нею, погребенные подъ снѣгомъ обрушившейся лавины.

Мертвая снѣговая глыба выростаетъ на мѣстѣ обвала, когда по мостику, висящему надъ пропастью, пробѣгаетъ черная тѣнь діакониссы. Она пришла за Иреной и не дала бы совершиться ея обновленію, еслибы Ирена не ушла теперь въ недоступный для нея міръ. Гроза утихаетъ. На снѣжныхъ вершинахъ загораются первые солнечные лучи, которые озаряютъ одинокую темную фигуру на воздушномъ мостикѣ.

Это—земная тѣнь Ирены, тѣнь всего скорбнаго и мрачнаго, которую она оставляетъ на землѣ, „чтобы пробудиться въ день воскрешенія въ высшихъ, свободныхъ, свѣтлыхъ областяхъ, послѣ долгаго сна смерти безъ сновидѣній“. Такъ представляетъ себѣ день воскрешенія профессоръ Рубекъ, и своимъ художественнымъ произведеніемъ отвѣчаетъ на вопросъ... „когда мы мертвые пробуждаемся“... Онъ изобразилъ воскрешеніе въ образѣ чистой дѣвушки, которая пробуждается отъ смертнаго сна преображенная и просвѣтленная, но не измѣнившаяся. Въ созданіи этой картины успокоилась его жажда творчества, воплотились его душевныя силы. Но это было воскрешеніе въ далекомъ будущемъ, воскрешеніе въ мечтахъ, воскрешеніе для невѣдомой жизни.

„Ты поэтъ, Арнольдъ,—говоритъ Ирена,—ты убилъ мою душу и создалъ картину. Но я была человѣкомъ тогда. И у меня также открывалась впереди жизнь, которую я должна была прожить, человѣческая судьба, которую я должна была выполнить“. Но профессоръ Рубекъ боялся, что соприкосновеніе съ жизнью осквернитъ чистоту мечты. Любовь подняла ихъ на высоту новыхъ чувствъ, страданья, счастья и вдохновенья, и съ той высоты ей уже не было возврата на землю.

Эта мысль часто встрѣчается у Ибсена. Въ „Комедіи любви“, Свангильда говоритъ, разставаясь съ Фалькомъ: „Мы дѣти весны, пусть за ней никогда не приходитъ осень... Пусть счастье рушится, пусть оно потонетъ въ глубинѣ пучины. Наша любовь будетъ, слава Богу, спасена и избѣгнетъ крушенія“... И Фалькъ отвѣчаетъ ей: „Да, только этимъ путемъ я могу приблизиться къ тебѣ. Подобно тому, какъ къ утренней зарѣ жизнь ведетъ черезъ могилу, такъ и любовь только тогда обручается съ жизнью, когда, избавившись отъ всякихъ страстей и желаній, она погружается, освобожденная, въ духовный міръ воспоминаній. Ирена отдала Рубеку свою душу, и, исчезнувъ изъ его жизни, отняла у нея все содержаніе; но онъ утѣшаетъ себя мечтою, что, потерявъ свое временное счастье, они пріобрѣли его въ вѣчности. И

только тогда, когда профессоръ Рубекъ встрѣчаетъ Ирену—и въ его душѣ поднимаются живыя, а не призрачныя чувства волненія и воспоминанія, это утѣшеніе теряетъ всю свою силу, и они пробуждаются оба на одинъ мигъ, но только для того, чтобы сознать свою душевную пустоту. „Когда мы, мертвые, пробуждаемся,—говоритъ Ирена,—мы замѣчаемъ, что никогда не жили". И они, дѣйствительно, никогда не жили, а только жаждали жить, и если день воскрешенія и наступитъ когда-нибудь для нихъ, то, во всякомъ случаѣ, та жизнь, о которой говоритъ Ирена, „чудесная, восхитительная земная жизнь, таинственная земная жизнь" прошла вдали отъ нихъ и навсегда утрачена ими.

Блеснувшая гдѣ-то въ далекомъ прошломъ, искра жизни разгорѣлась въ одно яркое воспоминаніе, въ которомъ слились всѣ ихъ мысли, чувства, страданія и порывы къ счастью. Но каждый разъ, когда Ирена и Рубекъ готовы отдаться ему, появляется черная тѣнь діакониссы, какъ роковой символъ ихъ духовной смерти.

Жена профессора Рубека, Майя, и охотникъ на медвѣдей вносятъ въ это мертвое оцѣпенѣніе сна не струю жизни, а только струю житейской пошлости и грубаго стремленія къ свободѣ.

Идея Ибсена выражена вполнѣ опредѣленно и ясно. Профессоръ Рубекъ предпочелъ свою поэтическую фантазію дѣйствительному чувству и, воплотивъ въ Иренѣ свой идеалъ художника, пренебрегъ ею, какъ живымъ человѣкомъ. Отказавшись изъ эгоистическаго заблужденія отъ призыва жизни и любви Ирены, Рубекъ убилъ въ ней жизнь сердца, а въ себѣ самомъ—способность творчества, такъ какъ, разставшись съ Иреной, онъ испортилъ свое лучшее произведеніе и не создалъ ни одного новаго. Въ этой идеѣ нѣтъ ни отрицанія свободы искусства, ни подчиненія его чувству любви. Идея Ибсена заключается только въ неразлучной связи искусства и жизни, въ единствѣ жизненныхъ и творческихъ силъ.

Но, кромѣ этой идеи, въ драмѣ Ибсена есть еще другая, которая является самой глубокой отличительной идеей времени; Рубекъ самъ сознательно убиваетъ въ себѣ живое чувство любви къ Иренѣ, и драма Ибсена интересна и характерна тѣмъ, что въ этой сознательной духовной смерти выражена та связь, которая объединяетъ все современное направленіе искусства и философіи и заключается въ нарушеніи жизненной гармоніи мысли и чувства. Душевная пустота и холодность не убиваютъ еще жажды чувства и стремленія къ нему; желаніе охватить жизнь какъ можно шире и полнѣе остается и выражается въ крайнемъ развитіи идеи индивидуализма, которая создаетъ новыя, искусственно-утонченныя ощущенія.

Отказываясь отъ любви Ирены съ тѣмъ, чтобы сохранить всю

яркость и красоту своего чувства, Рубекъ является представителемъ этой идеи и ея требованій.

Идея индивидуализма есть стремленіе къ безконечной полнотѣ жизни, и такъ какъ свобода и сила—главныя условія духовнаго развитія и счастья, то первая цѣль этого стремленія — неограниченная свобода личности. Достиженіе этого идеала свободы, счастья и красоты жизни представляется, по теоріи индивидуализма, въ полномъ обособленіи своего личнаго міра. Связь съ жизнью остается, но отношеніе къ ней мѣняется. Человѣкъ хочетъ взять отъ жизни все, что она можетъ дать, и сдѣлать ее источникомъ личной силы и личнаго развитія, не отдаваясь ей въ чувствѣ любви и состраданія, а подчиняя ее своимъ эгоистическимъ цѣлямъ и стремленіямъ. Эта идея убиваетъ душу Ирены и Рубека, убиваетъ его творческій даръ и проявляется въ странномъ безуміи Ирены. Профессоръ Рубекъ жертвуетъ всѣмъ ради полной свободы души, ради красоты личной духовной жизни, въ которой онъ надѣется найти постоянный источникъ вдохновенія для своей работы.

Ирена протестуетъ своею страдающею и неудовлетворенной любовью противъ такого духовнаго одиночества, но сама увлекается мечтами Рубека, восторженно говоритъ о его скульптурѣ „Воскрешеніе", какъ о живомъ созданіи ихъ любви, и дѣйствительно достигаетъ желанной духовной свободы, освобождаясь порой отъ своихъ страданій, но только въ ложномъ мірѣ своей безумной фантазіи. Стремленіе къ сознательному и утонченному развитію личной жизни приводитъ только къ экзальтаціи мысли и чувства, такъ какъ одна эгоистическая цѣль наслажденія не имѣетъ еще въ себѣ необходимаго содержанія ни для жизни, ни для художественнаго произведенія, которое является ея отраженіемъ. Развивая въ себѣ искусственное возбужденіе, съ цѣлью найти въ немъ постоянный источникъ красоты и вдохновенія, художникъ теряетъ дѣйствительную искренность чувства, необходимую для творческой работы. Искусство требуетъ всей полноты душевныхъ силъ, культъ же индивидуализма, какъ полное ограниченіе личной жизни, неизбѣжно является въ искусствѣ началомъ смерти; безмѣрная сосредоточенность на своемъ внутреннемъ мірѣ воплощается въ блѣдности настроенія, гордость мысли—въ безуміи фантазіи. Въ признаніи духовной смерти Ирены и Рубека Ибсенъ выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и осужденіе идеи индивидуализма, которая погружаетъ человѣка въ мертвое духовное одиночество и не можетъ быть источникомъ художественнаго творчества и вдохновенія.

Но это осужденіе выражено именно въ такой формѣ, которая носитъ въ себѣ всѣ отличительные признаки современнаго искусства и того разъединенія съ жизнью, которое мѣшаетъ художнику воплотить

свою идею въ живые и яркіе образы. Вліяніе индивидуализма чувствуется не только въ образахъ Ирены и Рубека, но и въ безсознательной близости художника къ этимъ образамъ и въ его невольномъ сліяніи съ поэтическими фантазіями своихъ героевъ.

Фантазіи Ирены и Рубека достигаютъ иногда такой силы и яркости, что онѣ замѣняютъ имъ отчасти недостатокъ жизни и пополняютъ ея пустоту. Ирена изображена безумной, но даже и это безуміе нисколько не раздѣляетъ ее съ Рубекомъ и не мѣшаетъ ихъ взаимному пониманію, такъ какъ такой эгоистическій культъ своей внутренней жизни, нарушающій чувство связи съ другими людьми, какъ у профессора Рубека, есть уже своего рода безуміе. Но духовное одиночество не отдѣляетъ людей отъ всего остального міра, потому что оно создаетъ новый источникъ страданія, въ которомъ заключается хотя и неполное, но самое глубокое познаніе жизни. Эта послѣдняя связь съ жизнью почти совершенно исчезаетъ въ томъ ложномъ, призрачномъ мірѣ, которымъ окружены герои Ибсена и въ которомъ живыя чувства Ирены и Рубека борются съ ихъ отвлеченными разсужденіями. Рисуя образы мертвыхъ людей, Ибсенъ не раскрываетъ ихъ мучительную душевную драму; она только слегка намѣчена въ рѣдкихъ моментахъ борьбы, столкновенія чистой мечты художника съ эгоистическимъ разсчетомъ наслажденія, стремленія къ жизни—съ непобѣдимымъ душевнымъ одиночествомъ. Но отъ этихъ моментовъ герои Ибсена постоянно переходятъ къ холодной и болѣзненной экзальтаціи и дѣлаются безжизненными и блѣдными призраками. Въ сознаніи душевной пустоты и холодности—та единственная капля жизни, которая согрѣваетъ Ирену и Рубека, но она не можетъ оживить ихъ, потому что надъ этимъ сознаніемъ постоянно торжествуетъ чувство фантазіи, которое гораздо живѣе въ нихъ стремленія къ истинной жизни.

Чтобы жить въ мірѣ фантазіи, находить въ немъ полное удовлетвореніе и забвеніе всего окружающаго, нужна постоянная сосредоточенность на своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ, которая охраняетъ отъ всякаго сильнаго чувства и вполнѣ гармонируетъ съ идеей индивидуализма, требующей такого же исключительнаго самоуглубленія. Эта идея очень часто отражается въ содержаніи современной литературы, въ формѣ философскаго міросозерцанія, въ появленіи новаго типа героевъ и въ откровенной проповѣди индивидуализма, но вліяніе его кроется гораздо глубже—въ холодности настроенія, въ отвлеченности образовъ, въ преобладаніи идеи и фантазіи надъ жизнью и дѣйствительностью. Въ этой же формѣ выразилось вліяніе этой идеи и у Ибсена—въ формѣ холодной символичности его драмы и въ его отношеніи къ той жизни, которую онъ изображаетъ и которою онъ

живетъ не какъ художникъ, отражающій въ ней свою душу, а какъ мечтатель, воплощающій въ ней свои фантазіи и пренебрегающій, какъ профессоръ Рубекъ, красотою жизни ради красоты мечты.

Изображая своихъ героевъ, Ибсенъ не даетъ полнаго развитія ихъ характеровъ, а выбираетъ только извѣстное душевное настроеніе, которое находитъ откликъ въ его собственной душѣ, и, отдаваясь этому настроенію, онъ создаетъ изъ жизни красивую фантастическую сказку. Психологическій анализъ съуживается, и чтобы сохранить интересъ своего произведенія, художникъ долженъ перенести его изъ внутренняго міра своихъ героевъ въ идеальный міръ своей поэтической фантазіи. Въ драмахъ Ибсена также ярко выступаетъ этотъ идеальный міръ самого художника, проявляясь не въ силѣ созданныхъ имъ образовъ, а въ глубинѣ мысли, въ утонченной сложности чувствъ и въ красотѣ символовъ и настроеній.

Такимъ образомъ, сила Ибсена заключается, главнымъ образомъ, въ развитіи той идеи, которую онъ проводитъ въ своихъ пьесахъ, и весь интересъ его драмъ сосредоточивается не на психологіи дѣйствующихъ лицъ, а на тѣхъ моментахъ, гдѣ особенно ярко выступаетъ глубина затронутаго имъ вопроса, гдѣ этотъ вопросъ близится къ своему разрѣшенію, и гдѣ живые люди стушевываются и становятся символами для выясненія основной идеи.

Но ни глубина идеи, ни оригинальность сюжета, не могутъ замѣнить въ драмѣ отсутствіе живыхъ дѣйствующихъ лицъ, и, несмотря на свои поэтическія красоты, драма Ибсена производитъ весьма смутное и странное впечатлѣніе, какъ будто и надъ ней тяготѣетъ тотъ же символъ смерти, та же черная тѣнь діакониссы, какъ и надъ душою Ирены и Рубека.—О. П.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

M. Maeterlinck. Joyzelle. Pièce en 5 actes. Paris, 1903 (Librairie Fasquelle).

Послѣдняя драма Метерлинка, „Жуазель“, ближе подходитъ къ типу его прежнихъ произведеній, чѣмъ „Монна Ванна“, въ которой Метерлинкъ сдѣлалъ попытку—и весьма удачную—создать реальную психологическую драму. Въ „Жуазели“ Метерлинкъ возвращается къ сказочнымъ сюжетамъ, но вноситъ въ фантастическій замыселъ болѣе опредѣленную, осязательную идею, чѣмъ въ свои прежнія символическія пьесы. Начиная съ своей второй философской книги „Sagesse et Destinée“ (первой была „Trésor des humbles“, гдѣ поэтъ былъ далекъ отъ реальной дѣйствительности и видѣлъ истину только въ самопознаніи), Метерлинкъ сталъ моралистомъ, проповѣдникомъ активной любви, служенія добру и справедливости, жизни не созерцательной, а дѣятельной, ведущей къ просвѣтлѣнію и счастью людей. Источникомъ силы, которая можетъ преобразовать жизнь людей и водворить счастье на землѣ, онъ считаетъ внутренній міръ человѣка, и учитъ пользоваться мудростью, почерпнутой изъ самопознанія, для цѣлей самой жизни. Общій характеръ морали Метерлинка—оптимистическій, какъ это ни странно послѣ его первыхъ символическихъ драмъ, рисующихъ грозную и таинственную власть судьбы надъ человѣкомъ. Но путь, которымъ онъ пришелъ къ болѣе свѣтлому и гармоничному пониманію жизни, вполнѣ ясный. Углубляясь въ изученіе внутренняго міра человѣка, онъ пришелъ къ заключенію, что, упражняя свою способность пониманія и воздѣйствія на жизнь, человѣкъ можетъ побѣдить ужасъ передъ судьбой и исключительно своей волей создать себѣ свѣтлую и радостную жизнь. Совершенствуясь въ пониманіи логичности всего совершающагося въ мірѣ и—главное—внося въ жизнь любовь и вѣру въ достижимость счастья и радости, человѣкъ становится какъ бы выше судьбы и выходитъ побѣдителемъ изъ всѣхъ ея испытаній.

Эта мысль лежитъ въ основѣ новой драмы Метерлинка. Сюжетъ ея—сказочный, и нѣсколько напоминаетъ „Бурю“ Шекспира. Событіями, происходящими въ драмѣ, управляетъ, какъ и въ „Бурѣ“, добрый волшебникъ, привлекающій на свой островъ людей, судьбу

которыхъ онъ хочетъ направить къ благу. Роль Шекспировскаго Просперо и его служебнаго духа Аріеля играетъ въ „Жуазели“ Мерлинъ и облеченный въ женскій обликъ духъ Arielle. Но Метерлинкъ ограничиваетъ элементъ чудеснаго въ своемъ вымыслѣ, и обставляетъ своего волшебника ясными для разума основами власти надъ людьми. Мерлинъ только кажется кудесникомъ, внушая страхъ своимъ могуществомъ. На самомъ же дѣлѣ онъ—мудрецъ, познавшій силы, которыя, по словамъ Метерлинка, „спятъ въ душѣ всякаго человѣка, невѣдомо для него“. Силы эти—власть просвѣтленнаго разума надъ порабощающими человѣка инстинктами. Мерлинъ побѣдилъ инстинкты и сталъ властелиномъ надъ судьбой. Его внутренняя сила представлена для большей наглядности въ фантастическомъ образѣ служебнаго духа, печальной и покорной его волѣ Аріэли. Прежде, когда Мерлинъ былъ самъ во власти инстинктовъ, Аріэль вела его за собой, куда хотѣла, т.-е., другими словами, онъ слѣпо повиновался капризу чувствъ и былъ въ зависимости отъ случая, приносящаго или радость, или горе. Но, умудренный разумомъ, онъ разбудилъ въ себѣ спящую силу—и Аріэль повинуется ему, исполняетъ его велѣнія, помогаетъ ему осуществить высшіе законы жизни, составляющіе источникъ счастья людей. Аріэль неотступно находится при Мерлинѣ, но она незрима для другихъ, ибо она—только образъ его просвѣтленнаго разума. Силу, которая ему дана, или, вѣрнѣе, которую онъ самъ завоевалъ, прозрѣвъ духовно, Мерлинъ направляетъ на то, чтобы создать счастье своего любимаго сына Лансеора. Онъ знаетъ, что счастье достигается путемъ любви, но что любовь спасительна лишь тогда, когда она такъ вѣритъ въ ожидающее ее, незримое для другихъ, таинственное счастье, что чужда всякихъ сомнѣній и колебаній, не допускаетъ мысли объ измѣнѣ, не видитъ ея тамъ, гдѣ она кажется очевидной другимъ, а идетъ съ улыбкой на встрѣчу счастью, готовая даже достигнуть его путемъ преступленія. Тотъ, кто такъ любитъ и такъ любимъ, будетъ жить счастливой и прекрасной жизнью, побѣдивъ всѣ злыя и враждебныя силы судьбы. Другими словами, воля къ счастью служитъ залогомъ его достиженія. Счастье было бы удѣломъ всѣхъ людей, еслибы они познали этотъ законъ всевластной, увѣренной въ себѣ героической любви, но счастье рѣдко на землѣ, потому что немногіе умѣютъ такъ любить. Мерлинъ знаетъ, что его самого ждетъ печаль, потому что онъ не исполнилъ закона любви, и мудрость его заключается только въ примиреніи съ неизбѣжнымъ, въ пониманіи законности имъ самимъ созданныхъ страданій. Но для сына его счастье возможно, если въ его жизнь войдетъ любовь, способная преодолѣть всѣ испытанія, восторжествовать надъ всѣми препятствіями и сомнѣніями. Мерлинъ считаетъ Жуазель способной на

такую любовь, и устроиваетъ встрѣчу между нею и Лансеоромъ съ цѣлью дать имъ возможность проявить чувство, которое должно опредѣлить ихъ судьбу. По волѣ Мерлина Аріэль поднимаетъ на морѣ бурю, выбрасывающую сначала Жуазель, а потомъ Лансеора на берега пустыннаго острова, подвластнаго Мерлину. Они встрѣчаются, и съ первой минуты любятъ другъ друга. Рѣшительный характеръ Жуазель проявляется съ первыхъ же ея словъ. Она разсказываетъ Лансеору, что родители предназначали ее въ жены человѣку, котораго она не любитъ, и на вопросъ юноши, покорится ли она всетаки волѣ родныхъ, она просто и рѣшительно отвѣчаетъ: „нѣтъ". Лансеоръ не такъ твердъ. Онъ покоренъ волѣ отца, котораго считаетъ умершимъ, и цѣль его путешествія—найти дѣвушку, которую отецъ предназначилъ ему передъ смертью. Лансеоръ выросъ вдали отъ отца и никогда его не видѣлъ, но волю мертвыхъ онъ считаетъ священной—и потому поѣхалъ исполнять свой долгъ. Буря его сбила съ пути, и онъ очутился на невѣдомомъ островѣ, о властелинѣ котораго Жуазель разсказываетъ ему, какъ о заботливомъ и добромъ старикѣ, который, однако, внушаетъ ей необъяснимый страхъ. Сцену первыхъ нѣжныхъ признаній между Жуазель и Лансеоромъ прерываетъ своимъ появленіемъ Мерлинъ, который сразу входитъ въ свою роль разлучника. Онъ обвиняетъ Лансеора въ коварствѣ, въ томъ, что крушеніе его было только мнимое, а на самомъ дѣлѣ онъ явился соглядатаемъ, съ цѣлью передать островъ во власть враговъ. Мерлинъ убѣждаетъ Жуазель не довѣрять обманчивой наружности чужеземца и остерегаться его, какъ злѣйшаго врага, но Жуазель твердо заявляетъ, что она вполнѣ вѣритъ Лансеору и любитъ его. Тогда Мерлинъ говоритъ Лансеору, что ему отведена башня съ прилегающимъ къ ней садомъ, изъ-за рѣшетки котораго онъ не долженъ выходить подъ страхомъ величайшихъ бѣдствій для себя и для Жуазель. Такъ какъ дѣло идетъ объ опасности для Жуазель, то Лансеоръ обѣщаетъ повиноваться Мерлину, но на вопросъ волшебника, подчинится ли она его рѣшенію, Жуазель отвѣчаетъ: „нѣтъ". Первое, сравнительно легкое, испытаніе Жуазель сдѣлала съ непоколебимой твердостью. Ея любовь преисполнена вѣры, которую не могутъ поколебать клеветы Мерлина на ея избранника. Но ей предстоятъ болѣе тяжелыя сомнѣнія и печали. Жуазель видитъ Лансеора за рѣшеткой его тюрьмы; не взирая на его опасенія, она открываетъ рѣшетку и впускаетъ юношу въ дикій садъ, гдѣ она бродитъ одна, предаваясь своей печали. Забывъ волшебника, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, Жуазель и Лансеоръ полны радостью свиданія и говорятъ нѣжныя слова любви. Но садъ, въ которомъ они очутились,—волшебный садъ любви; онъ расцвѣтаетъ, когда любящіе говорятъ въ немъ

о своихъ чувствахъ, и они къ ужасу своему видятъ, что, вмѣсто прежнихъ заглохшихъ и дикихъ растеній, ихъ окружаютъ пышно расцвѣтшіе кусты и деревья, на вѣтвяхъ которыхъ поютъ райскія птицы. Они понимаютъ, что тайна ихъ раскрыта, и ими овладѣваетъ страхъ предъ неизбѣжной карой. Издали появляется Мерлинъ, и Лансеоръ прячется за высокій цвѣтущій кустъ. Но Жуазель напрасно пытается скрыть отъ Мерлина присутствіе Лансеора. Расцвѣтшій садъ любви и пѣніе птицъ выдаютъ ея тайну, и Мерлинъ обличаетъ ее, обѣщая ей, однако, простить ея ослушаніе. Лансеоръ же уже наказанъ. Раздается крикъ изъ-за кустовъ, и Лансеоръ появляется съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ; его ужалила змѣя, скрывавшаяся въ кустахъ. Жуазель въ ужасѣ; она молитъ Мерлина спасти ея возлюбленнаго, который впалъ въ забытье и лежитъ безъ движенья на скамьѣ. Мерлинъ говоритъ, что ядъ, попавшій въ его кровь, очень опасный, но что онъ постарается спасти юношу; онъ требуетъ, чтобы Жуазель удалилась, предоставивъ Лансеора его попеченіямъ. Послѣ ея ухода Мерлинъ готовитъ ей новое испытаніе. Онъ мѣняетъ на время любящую душу Лансеора, наводитъ на него туманъ слѣпыхъ инстинктовъ и отдаетъ его во власть чарамъ Аріэли. Лансеоръ просыпается отъ забытья и видитъ вдали, у ручья, Аріэль, принявшую образъ прекрасной дѣвушки, распустившей свои длинные золотые волосы; онъ бѣжитъ къ ней, увлекаетъ ее за собой въ садъ, говоритъ ей о ея красотѣ и объ охватившей его любви къ ней и цѣлуетъ ее. Она въ эту минуту исчезаетъ, но передъ Лансеоромъ появляется Жуазель. Она видѣла, какъ онъ поцѣловалъ невѣдомую женщину, и у нея вырывается мучительный крикъ. Лансеоръ сначала лжетъ, отрицая свою явную измѣну, потомъ еще болѣе терзаетъ Жуазель, отрицая и свою любовь къ ней, и ея любовь къ нему. Жуазель не понимаетъ перемѣны въ Лансеорѣ, но не упрекаетъ его, и говоритъ, что чѣмъ бы ни было вызвано его поведеніе и его ложь, она во всякомъ случаѣ ему прощаетъ. Явная измѣна не поколебала ее. Она вѣритъ въ „таинственное, скрытое счастье любви“ и идетъ къ нему, не останавливаясь передъ непонятными препятствіями. Только послѣ ея ухода, Лансеоръ приходитъ въ себя; онъ въ ужасѣ отъ своего мгновеннаго ослѣпленія, которое, какъ онъ думаетъ, отняло у него Жуазель, и падаетъ на землю, охваченный раскаяніемъ, не понимая самъ, какая сила вовлекла его въ преступленіе противъ святости любви.

Лансеоръ не можетъ оправиться отъ своихъ душевныхъ мукъ. Онъ страшно измѣнился; волосы его посѣдѣли, лицо утратило свою юность, и онъ лежитъ въ замкѣ Мерлина, обезсиленный и мрачный. Около него — Жуазель, озабоченная только его болѣзнью, которую она считаетъ слѣдствіемъ укуса змѣи. Она говоритъ ему, что никогда не

сомнѣвалась въ его любви, и продолжаетъ любить его по прежнему, такъ какъ для любви нѣтъ сомнѣній и никакая видимость не можетъ разрушить ея упованій. Но Лансеоръ не можетъ успокоиться, говоритъ своей возлюбленной, что онъ тогда обманывалъ ее, что онъ дѣйствительно цѣловалъ невѣдомую женщину и забылъ о Жуазель въ эту минуту. Вѣрность Жуазель ободряетъ его, и Жуазель надѣется на его спасеніе. Но Мерлинъ продолжаетъ испытывать твердость любви Жуазель. Говоря съ ней въ саду, онъ доказываетъ ей, что Лансеоръ—измѣнникъ и что, несмотря на свое мнимое раскаяніе, онъ продолжаетъ быть ей невѣрнымъ. Жуазель твердо говоритъ: „нѣтъ"; она не хочетъ вѣрить въ измѣну, и потому измѣны нѣтъ. Мерлинъ настаиваетъ, увѣряетъ дѣвушку, что стоитъ ей обернуться, чтобы увидѣть, какъ, въ кустахъ, Лансеоръ снова говоритъ о любви той же невѣдомой женщинѣ и обнимаетъ ее. Но Жуазель говоритъ: „нѣтъ, это—неправда", и не поворачиваетъ голову. Она не хочетъ видѣть того, что видятъ люди; вся ея воля направлена на незримое для другихъ счастье любви, и на всѣ убѣжденія Мерлина убѣдиться самой въ измѣнѣ, она отвѣчаетъ: „нѣтъ". Мерлинъ говоритъ, что понимаетъ высоту и святость ея чувства, спасающагося въ своей вѣрѣ отъ разочарованій, но что это не измѣняетъ факта измѣны. Жуазель еще разъ говоритъ: „нѣтъ", настаивая на вѣрности своего возлюбленнаго; она уходитъ, не повернувъ головы, измученная борьбой противъ сомнѣній, но твердая и свѣтлая. Она выдержала одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, но ей предстоитъ еще самое тяжкое.

Лансеоръ смертельно боленъ и лежитъ въ тяжкомъ забытьи. Мерлинъ предупреждалъ, что ядъ дѣйствуетъ медленно, но вѣрно, и Жуазель увѣрена теперь въ гибели возлюбленнаго. Она умоляетъ Мерлина спасти его, и тогда онъ предлагаетъ ей страшное условіе: онъ спасетъ Лансеора, но только въ томъ случаѣ, если Жуазель согласится отдаться ему, такъ какъ онъ любитъ ее грѣховной страстью. Жуазель—въ ужасѣ. Она теперь понимаетъ свой инстинктивный страхъ предъ старикомъ, который, казалось, относился къ ней съ нѣжностью отца. Она умоляетъ его о пощадѣ, но, въ виду его непреклонности и въ виду того, что каждая минута промедленія увеличиваетъ опасность для Лансеора, она даетъ согласіе явиться въ тотъ же вечеръ къ Мерлину. Онъ предупреждаетъ ее, что если она не исполнитъ своего слова, то Лансеоръ погибнетъ, и, пробудивъ отъ тяжкаго забытья юношу, уходитъ. Лансеоръ, къ радости Жуазель, просыпается съ воскресшими силами, юный и прекрасный, какимъ былъ до болѣзни; въ первую минуту она забываетъ о томъ, какой цѣной куплено его спасеніе и раздѣляетъ его свѣтлую радость. Она говоритъ ему, кому онъ обязанъ своимъ спасеніемъ, и только когда онъ въ своемъ

невѣдѣнiи восхваляетъ безкорыстную доброту властителя острова, она вспоминаетъ о данномъ ею обѣщанiи, и уже не можетъ улыбаться въ отвѣтъ Лансеору. Онъ не можетъ понять, чѣмъ вызвана ея неожиданная печаль, и уходитъ отъ нея, чтобы пойти принести благодарность своему спасителю.

Въ послѣднемъ актѣ Жуазель даетъ послѣднее доказательство своей героической любви; она готова на преступленiе въ своемъ неуклонномъ стремленiи достичь счастья, въ которое она вѣритъ наперекоръ всѣмъ превратностямъ судьбы. Жуазель идетъ къ Мерлину, выполняя данное ею слово,—но идетъ съ кинжаломъ въ рукахъ. Убить его ей кажется меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ осквернить святыню любви. Мерлинъ ждетъ ее, притворяясь спящимъ; Жуазель, подошедшая къ нему съ твердой рѣшимостью убить его, останавливается въ ужасѣ. Она не предвидѣла этого,—убить спящаго почти выше ея силъ. Въ ней происходитъ душевная борьба, но она убѣждаетъ себя, что всякое колебанiе малодушно, что ничто не должно стоять на ея пути къ счастью любви. Она вторично подходитъ съ кинжаломъ къ Мерлину,—но онъ встаетъ радостный, славитъ ее за неуклонность ея любви и объявляетъ ей, что всѣ испытанiя кончились. Жуазель такъ поражена неожиданными словами Мерлина, что никакъ не можетъ понять переворота въ своей судьбѣ, пока не приходитъ Лансеоръ, которому Мерлинъ уже объяснилъ до того цѣль своихъ мнимыхъ преслѣдованiй. Жуазель узнаетъ, что Мерлинъ—не злой волшебникъ, а любящiй отецъ Лансеора, и что, испытывая любящихъ, онъ только хотѣлъ ихъ счастья. Лансеоръ, однако, не знаетъ, въ чемъ состояло послѣднее испытанiе, и спрашиваетъ объ этомъ Жуазель и отца; но Мерлинъ ничего не говоритъ, а Жуазель, проснувшаяся отъ тяжкаго кошмара, утверждаетъ, что она все забыла, и знаетъ только, что она теперь счастлива. Мерлинъ благословляетъ восторжествовавшую надъ всѣми испытанiями любящую чету на долгую и прекрасную, свѣтлую жизнь, и прощается съ ними. Онъ долженъ слѣдовать зову своей печальной спутницы Арiэли и разстаться съ своими дѣтьми.

Эта сказка о любви, торжествующей надъ судьбой, нѣсколько наивна по конструкцiи; въ ней все совершается такъ, какъ по писанному; психологiя дѣйствующихъ лицъ прямолинейна, и эксперименты Мерлина, играющаго роль строгаго, но справедливаго рока, лишены для зрителя и читателя всякаго трагизма, благодаря своей придуманности. Но эти недостатки искупаются въ значительной степени поэтичностью замысла, прекрасно задуманнымъ образомъ героини, нѣжной и въ то же время непреклонно стойкой Жуазель, а также глубокими мыслями о любви и о судьбѣ, высказываемыми въ пьесѣ. Избравъ любовь, какъ пробный камень душевной силы, отъ

которой зависитъ счастье, Метерлинкъ изобразилъ дѣйствительно героическую любовь, тѣмъ болѣе привлекательную, что она не сознаетъ величія своихъ подвиговъ, а съ полной простотой слѣдуетъ только своимъ влеченіямъ, которыя и ведутъ ее къ торжеству.

II.

Henri de Regnier. Les Vacances d'un jeune homme sage. Стр 276. Paris, 1903. (Société du Mercure de France).

Анри де-Ренье́—одинъ изъ наиболѣе выдающихся французскихъ поэтовъ младшаго поколѣнія. Въ его поэзіи эстетизмъ настроеній преобладаетъ надъ лиризмомъ жизненныхъ страстей и чувствъ; живое и неживое, природа и искусство, прошлое и настоящее человѣчества, впечатлѣнія минуты и созерцаніе мертвой старины сливаются для него въ общую симфонію формъ и красокъ, возбуждающихъ въ немъ только художественныя эмоціи. Его поэзія въ значительной степени описательная, и пластичностью, красочностью, также какъ изысканностью описаній, Ренье́ сродни поэтамъ парнасской школы, въ особенности Леконту-де-Лилю. Но въ немъ нѣтъ холодной объективности парнассцевъ. Арабески бытія, въ которыя живое и неодушевленное, настоящее и минувшее вплетаютъ свои краски и свои формы, вызываютъ въ немъ смѣну разнообразныхъ ощущеній, и эти чисто субъективныя настроенія онъ передаетъ въ своей поэзіи. Поэзія изысканныхъ ощущеній вполнѣ въ духѣ современныхъ французскихъ символистовъ, и Ренье́ признанъ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей этой школы. Но онъ отличается отъ другихъ модернистовъ строгой выдержанностью традиціоннаго французскаго стиха. Онъ не вводитъ никакихъ новшествъ въ стихосложеніе, не пользуется вольнымъ стихомъ, какъ другіе; оставаясь въ предѣлахъ правильнаго французскаго стиха, онъ придаетъ ему, однако, большую выразительность и пластичность. Нѣкоторыя его стихотворенія, какъ, напр., „Надписи къ семи воротамъ города“, считаются классическими по формѣ, будучи въ то же время глубокими и оригинальными по содержанію. Эта вѣрность духу національной поэзіи и выработаннымъ вѣками формамъ привлекаетъ на сторону Ренье симпатіи даже такихъ ортодоксальныхъ критиковъ, какъ Брюнетьеръ.

За послѣдніе годы Ренье́ составилъ себѣ также большую извѣстность своей прозой, романами и повѣстями. Общій характеръ его прозы—такой же, какъ и его поэзіи. Ренье́ описываетъ то современную дѣйствительность, то эмоціональную жизнь старой Франціи, вель-

можъ XVIII-го вѣка, анализируя различныя формы жизни и разнообразныя проявленія чувства любви въ разныя эпохи. Ренье относится съ такимъ же интересомъ къ легкомысленному донъ-жуанству вельможъ старой Франціи, для которыхъ любовь сводилась къ забавѣ, къ тому, что они называли „le bon plaisir“, какъ и къ болѣе сложнымъ проявленіямъ того же чувства въ другія времена, къ психологіи современныхъ людей, то разочарованно-порочныхъ, то чистыхъ и ожидающихъ отъ любви высшихъ радостей, душевнаго обновленія. Ренье не отдаетъ предпочтенія какой-либо изъ этихъ формъ любви, не учитъ, чѣмъ любовь должна была бы быть, а только разсказываетъ, какъ люди жили и живутъ, какъ любили и любятъ, какъ всякая эмоція кажется безконечно важной въ данную минуту и утрачиваетъ свою значительность въ воспоминаніи. Ренье не оцѣниваетъ поступковъ и влеченій съ точки зрѣнія морали, и въ его повѣстяхъ было бы лишнимъ искать опредѣленныхъ взглядовъ на цѣли жизни и на нравственный долгъ человѣка; но какъ художникъ, умѣющій мастерски возсоздавать самые различные états d'âme, Ренье очень интересенъ.

Изъ его чисто психологическихъ повѣстей, несмотря на всю ихъ кажущуюся объективность, выясняется, однако, философское отношеніе автора къ жизни,—примиренно - скептическое. Онъ—пессимистъ, и не вѣритъ въ святость и правоту человѣческихъ поступковъ, какими бы побужденіями они ни были вызваны; поэтому разнообразіе жизни сводится для него къ разнообразію ощущеній, и въ чемъ бы эти ощущенія ни проялялись, они для него равноцѣнны. Онъ возсоздаетъ узоры жизни, ея минутныя радости, съ грустной улыбкой сожалѣнія о томъ, что внѣ ускользающихъ формъ нѣтъ ничего оправдывающаго „трудъ жизни“. При такомъ міросозерцаніи не можетъ быть трагическаго отношенія къ чему бы то ни было: если мимолетны ощущенія радости и наслажденія, то столь же недолговѣчны печали, и то, что волнуетъ въ данную минуту, остается въ воспоминаніи какъ слѣдъ ощущенія, вплетающагося въ узоръ жизни. Ренье говоритъ въ своихъ повѣстяхъ о жизни безпечальныхъ людей, занятыхъ впечатлѣніями минуты,—но въ его разсказахъ чувствуется грусть и разочарованность въ жизни. Это роднитъ Ренье отчасти съ Мопассаномъ, отчасти съ Анатолемъ Франсомъ. Пессимизмъ Мопассана, конечно,—болѣе глубокій, такъ какъ онъ всесторонне обнимаетъ жизнь; Ренье же прячетъ свое основное настроеніе за снисходительностью ко всякаго рода безпечному коротанію жизни; но впечатлѣніе отъ его слегка гривуазныхъ разсказовъ—такое же печальное, какъ отъ Мопассановскихъ описаній житейской грязи и человѣческихъ страданій.

Главное достоинство повѣстей и разсказовъ Ренье—художественность ихъ изложенія. Ренье хочетъ воскресить искусство старыхъ

французскихъ conteurs'овъ, художниковъ слова, не задававшихся никакой нравоучительной цѣлью, а увлекавшихъ только самимъ повѣствованіемъ. Ренье не обладаетъ ихъ жизнерадостностью, дѣйствительность не удовлетворяетъ, не радуетъ его, но то, что онъ въ ней наблюдаетъ, онъ передаетъ съ тонкостью, художественностью и спокойствіемъ разсказчиковъ стараго времени. Какъ и въ техникѣ стиха, Ренье вѣренъ національнымъ традиціямъ и въ своей прозѣ, въ манерѣ и тонѣ своихъ повѣстей.

Новый романъ Ренье, „Les Vacances d'un jeune homme sage", такъ же типиченъ для его художественной манеры, какъ и предъидущіе, „Le bon plaisir", „Mariage de Minuit" и др. Цѣльной фабулы нѣтъ въ этомъ разсказѣ объ испытаніяхъ юноши за нѣсколько мѣсяцевъ лѣтнихъ каникулъ. Въ романѣ почти ничего не происходитъ, ничто не мѣняетъ жизнь героя—и даже всѣ его переживанія происходятъ какъ бы на порогѣ возможныхъ, но не осуществляющихся событій. А между тѣмъ въ душѣ его накопляются ощущенія, которыя и составляютъ для Ренье содержаніе жизни. Интересъ романа не исчерпывается психологіей героя. Вокругъ него группируется цѣлый рядъ людей, старыхъ и молодыхъ, и каждый изъ нихъ представляетъ своимъ образомъ жизни, своими интересами, занятіями, своей особой манерой воспринимать явленія, ярко опредѣленную индивидуальность; контрасты всѣхъ этихъ существованій, различныхъ, хотя и сливающихся въ однообразной сѣрости провинціальной жизни, составляютъ главный сюжетъ романа.

Юный Жоржъ Делонъ не выдержалъ экзамена на баккалавра, и смущенъ своей неудачей, которая лишаетъ его возможности предаваться полному досугу лѣтомъ, — ему придется готовиться во время каникулъ ко вторичному экзамену въ ноябрѣ. Самый экзаменъ описанъ въ романѣ особой манерой, составляющей отличительное свойство художественныхъ пріемовъ Ренье. Онъ говоритъ только объ ощущеніяхъ дѣйствующихъ лицъ—о мысляхъ, мелькающихъ въ головѣ Жоржа за экзаменаціоннымъ столомъ, объ его вѣрѣ въ примѣты, объ усталости экзаменаторовъ, которымъ хочется скорѣе пойти домой завтракать, но всѣ эти подробности очень жизненно возсоздаютъ картину провала Жоржа и чувство обиды, съ которымъ онъ уходитъ изъ Сорбонны. Неудача не представляетъ для него ничего трагичнаго — Ренье описываетъ всегда жизнь не со стороны ея трагизма, а какъ смѣну разнородныхъ ощущеній, одинаково суетныхъ въ перспективѣ времени, какъ бы они ни волновали радостью или печалью въ самый моментъ переживанія. Жоржъ идетъ домой, обдумывая послѣдствія своей неудачи, но его мысли принимаютъ вскорѣ другое направленіе. Проходя мимо одного изъ кафѐ Латинскаго квартала, онъ видитъ сво-

его товарища, Максима Плантэля, который подзываетъ его къ себѣ. Максиму судьба благопріятствовала—онъ наканунѣ удачно выдержалъ экзаменъ, и теперь празднуетъ свое торжество. Онъ знакомитъ Жоржа съ молодой, красивой женщиной, сидящей рядомъ съ нимъ; это—подруга его старшаго брата, офицера. Жоржъ чувствуетъ себя неловко въ присутствіи Нини, которая ему кажется необыкновенно красивой и шикарной, и удивляется развязному обращенію съ ней своего товарища. Оказывается, что полкъ Фернанда, брата Максима, стоитъ лѣтомъ вблизи того мѣста, гдѣ Жоржъ проведетъ лѣто у своей старой тетки, и что онъ сможетъ такимъ образомъ встрѣтиться опять лѣтомъ съ очаровательной Нини, которая очень любезна съ робкимъ школьникомъ. Вниманіе Нини льститъ самолюбію Жоржа; ему пріятно, что къ нему относятся какъ къ взрослому юношѣ, несмотря на неудачу въ Сорбоннѣ. Онъ возвращается домой въ болѣе приподнятомъ настроеніи, и отношеніе родителей къ его провалу еще болѣе примиряетъ его съ судьбой. Мать увѣрена, что ему помѣшала только его излишняя скромность и застѣнчивость,— въ знаніяхъ же его она не сомнѣвается. Отецъ Жоржа слишкомъ занятъ своими дѣлами, чтобы входить въ интересы сына, и очень равнодушно принимаетъ извѣстіе о его неудачѣ. Жоржъ поэтому быстро забываетъ о пережитыхъ непріятныхъ впечатлѣніяхъ, и радъ предстоящему отъѣзду въ провинцію и свободѣ отъ занятій на нѣкоторое время. Онъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ матерью къ старикамъ де-ла-Булери, въ Риврэ, маленькій городокъ близъ Валена, и попадаетъ тамъ въ общество провинціальныхъ аристократовъ; они описаны Ренье съ большимъ умѣньемъ индивидуализировать людей, ничѣмъ, казалось бы, не выдѣляющихся въ окружающей ихъ сѣрой жизни, ведущихъ мирное, однообразное существованіе, не нарушаемое никакими событіями. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ характеровъ въ романѣ—старикъ Ла-Булери, представитель отжившихъ традицій французскаго дворянства прежнихъ временъ. Въ немъ нѣтъ чванства своимъ знатнымъ происхожденіемъ, нѣтъ презрѣнія къ „черной кости“, но знатность рода ему все-же кажется самымъ цѣннымъ даромъ судьбы, и потому онъ посвятилъ свою жизнь геральдическимъ изысканіямъ, изученію генеалогіи аристократическихъ семей своей провинціи. Свой родъ онъ прослѣдилъ до половины XVI вѣка, и сокрушается, что не смогъ, при всемъ стараніи, найти болѣе отдаленныхъ предковъ; крайне добросовѣстный въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ никогда бы не рѣшился присвоить своему роду сомнительныя связи съ болѣе древними домами. Но зато онъ съ любовью собралъ всѣ архивныя свѣдѣнія о каждомъ изъ членовъ своей все-же очень старинной семьи. Всѣ эти точныя фамильныя данныя собраны имъ въ его книгѣ, надъ

которой онъ трудился много лѣтъ, и которую дополняла столь же обстоятельная генеалогія семейства его жены, принадлежащей къ знатной авиньонской семьѣ. Закончивъ этотъ трудъ, онъ занялся изученіемъ другихъ аристократическихъ родовъ въ своей провинціи. Онъ счастливъ, если ему удается прослѣдить исторію каждаго изъ нихъ, какъ можно далѣе углубляясь въ глубь вѣковъ, и его печалитъ нравственный долгъ—не исполнить его онъ не считаетъ себя въ правѣ — сообщить одному изъ своихъ пріятелей, графу де-ла-Виньере, что въ его гербѣ неправильно изображены фамильные знаки другого знатнаго рода, съ которымъ, по точнымъ изслѣдованіямъ старика, Виньере не состоялъ въ родствѣ. Никакого практическаго значенія всѣ эти геральдическія тонкости не имѣютъ, но Ла-Булери живетъ всецѣло этими отжившими свой вѣкъ интересами. Живая дѣйствительность только пугаетъ его; онъ видитъ всюду опасности, думаетъ, что буржуазное общество преслѣдуетъ его, какъ потомка древняго рода, не выѣзжаетъ изъ своего городка, боится желѣзныхъ дорогъ, не ѣздитъ въ колясках, безпокоится за каждаго члена семьи, выходящаго изъ дому, вѣчно рисуя себѣ въ воображеніи всякія катастрофы, — живая жизнь его страшитъ; онъ весь принадлежитъ прошлому, стариннымъ привычкамъ спокойной, степенной и простой жизни. Его жена тоже патріархальна въ своихъ жизненныхъ привычкахъ, но безъ аристократическихъ причудъ. Она враждебно относится къ „теперешнимъ людямъ" не потому, что въ нихъ нѣтъ уваженія къ родовитости, а потому, что ихъ жизнь кажется ей ненужно сложной, преждевременно подтачивающей здоровье и нарушающей душевное спокойствіе. Зачѣмъ бѣдному хилому Жоржу мучить себя работой и добиваться университетскаго диплома? Вѣдь Ла-Булери не баккалавръ,—а чѣмъ его жизнь не образцовая? Она пытается убѣдить мать Жоржа въ томъ, что здоровье мальчика важнѣе всего другого, и протестуетъ противъ всякихъ занятій Жоржа. И другимъ она тоже проповѣдуетъ простую и здоровую жизнь, подавая сама примѣръ не утраченной среди безмятежнаго существованія жизнерадостности. Каждый изъ другихъ членовъ общества, въ которое попали Жоржъ и его мать, имѣетъ свои обособленныя радости, интересы и вкусы. Одинъ любитъ ѣзду на велосипедѣ и коллекціонируетъ чучела птицъ и звѣрей. Эти разнородныя занятія настолько его поглощаютъ, что онъ разсѣянно относится ко всему окружающему, и такъ смотритъ на людей, разговаривающихъ съ нимъ, точно соображаетъ, не могли ли бы они пригодиться для его коллекціи. Кромѣ того, онъ не можетъ никакъ объединить свои двѣ причуды—и когда съ нимъ говорятъ о велосипедномъ спортѣ, думаетъ о своихъ чучелахъ, и наоборотъ. Другой стремится прослыть донъ-Жуаномъ, имѣющимъ успѣхъ у жен-

щинъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ немолодъ, очень непривлекателенъ, и всѣ его галантныя приключенія—мнимыя. Онъ нарочно уѣзжаетъ каждую недѣлю въ опредѣленный день въ сосѣдній большой городъ, и доволенъ, что объ этихъ поѣздкахъ всѣ говорятъ съ особой усмѣшкой. Манія донъ-жуанства обуреваетъ и другихъ мирныхъ отцовъ семейства въ городкѣ, описываемомъ въ романѣ. Всѣ они на самомъ дѣлѣ въ подчиненіи у своихъ строгихъ женъ, но по четвергамъ отправляются вмѣстѣ въ извѣстный часъ въ Валенъ—и тамъ расходятся на вокзалѣ въ разныя стороны, чтобы придать таинственность своимъ отлучкамъ, по существу очень невиннымъ. Эти люди по своему правы, слѣдуя своимъ вкусамъ и капризамъ, и создавая себѣ тѣ ощущенія, которыя дѣлаютъ имъ жизнь пріятной. Авторъ не отдаетъ предпочтенія никому изъ нихъ, считая образъ жизни каждаго изъ нихъ равноцѣннымъ, т.-е. одинаково суетнымъ.

Жоржу скучно среди этихъ старыхъ людей. Онъ бродитъ по городу, читаетъ книги, раздобытыя тайкомъ у школьныхъ товарищей, и питаетъ ими свое любопытствующее отношеніе къ возможнымъ радостямъ жизни. Онъ ближе сходится съ однимъ изъ друзей своего дяди, де-Гальбансомъ, занимающимъ мѣсто въ городской администраціи, часто бываетъ у него, и тотъ ведетъ съ нимъ довольно легкомысленные разговоры. Жоржъ знакомится понемногу съ городскимъ обществомъ, встрѣчается съ молодыми дѣвушками и, участвуя въ ихъ шалостяхъ и играхъ, безотчетно радуется жизни. Среди лѣта онъ начинаетъ учиться, сначала поступаетъ въ школу рисованія, въ виду проявленныхъ имъ художественныхъ способностей, но долженъ оставить школу: она посѣщается преимущественно дѣвицами, и мать одной изъ нихъ, вліятельная дама въ городѣ, считаетъ безнравственнымъ общеніе барышенъ во время уроковъ съ взрослымъ юношей. Жоржъ гордится до нѣкоторой степени тѣмъ, что его общество считаютъ опаснымъ, и не печалится о прерванныхъ урокахъ. Ему нужно готовиться къ осеннему экзамену, и ему находятъ репетитора въ Валенѣ; онъ ѣздитъ туда каждый день, къ ужасу дяди, который боится несчастныхъ случаевъ. Старикъ также противъ того, чтобы оставлять мальчика безъ присмотра, и ему мерещатся всякія опасности. Жизнь въ домѣ Ла-Булери становится болѣе оживленной съ пріѣздомъ ихъ родственницы, молодой вдовы, о красотѣ которой уже заранѣе много разсказывалъ Жоржу Гальбансъ. Мадамъ д'Эскларагъ очень привѣтлива съ Жоржемъ, беретъ его съ собой на прогулки, причемъ Жоржъ нѣсколько удивляется тому, что куда бы они ни пошли, они какъ бы нечаянно встрѣчаютъ Гальбанса. Но Жоржъ не задумывается объ этихъ встрѣчахъ, и не замѣчаетъ также флирта молодой вдовы съ другими членами городского общества, потому что онъ занятъ другимъ. Отправ-

ляясь ежедневно въ Валенъ, онъ ждетъ встрѣчи тамъ съ Нини, и дѣйствительно встрѣчаетъ ее однажды на улицѣ. Она узнаетъ его, разсказываетъ, что Фернанда нѣтъ въ городѣ—онъ уѣхалъ на маневры,—и приглашаетъ его зайти къ себѣ. Предстоящій визитъ къ молодой женщинѣ очень волнуетъ Жоржа, и онъ готовится къ нему съ замираніемъ сердца, стараясь придать какъ можно больше изящества своей внѣшности. Попросивъ учителя отпустить его раньше обыкновеннаго, чтобы успѣть побывать у Нини до поѣзда, съ которымъ онъ долженъ вернуться домой, Жоржъ отправляется къ ней въ назначенный часъ. Но ему приходится долго сидѣть одному въ гостиной, потому что Нини занята примѣркой платья. Наконецъ она выходитъ къ нему въ шляпѣ и накидкѣ, извиняется за то, что заставила его ждать, и предлагаетъ ему пойти погулять вмѣстѣ въ городской садъ. Жоржъ смущенно соглашается, и они, мирно бесѣдуя, отправляются гулять. Но, къ несчастью Жоржа, его видитъ сидящимъ на скамейкѣ въ дружеской бесѣдѣ съ Нини одинъ изъ знакомыхъ его дяди; на слѣдующій же день онъ приходитъ къ старику и сообщаетъ ему о позорномъ поведеніи его племянника. Ла-Булери—въ ужасѣ. Онъ увѣренъ, что мальчикъ погибъ, что онъ уже такъ рано началъ вести порочный образъ жизни, и съ отчаяніемъ разсказываетъ собравшейся семьѣ о томъ, что онъ узналъ. Его жена не такъ трагично относится къ происшедшему, но матери Жоржа становится грустно. Она много страдала отъ легкомыслія своего мужа, и теперь ей тяжело думать, что сынъ пошелъ по слѣдамъ отца, и что уже такъ рано у него есть тайны отъ нея. Но всѣхъ ихъ успокоиваетъ м-мъ д'Эскларадъ, говоря, что она поговоритъ съ мальчикомъ и наставитъ его на путь истины. Она уводитъ къ себѣ Жоржа—и такъ убѣдительно говоритъ съ нимъ, что онъ сначала исповѣдуется передъ ней, а потомъ обѣщаетъ не возвращаться къ Нини, такъ какъ молодая вдова съумѣла доказать ему, что ея общество сулитъ ему больше удовольствія, чѣмъ знакомство съ подругой Фернанда. Всѣ въ домѣ успокаиваются, считая, что опасность соблазна миновала съ отмѣной поѣздокъ въ Валенъ,—и никто не подозрѣваетъ, что теперь только эта опасность и наступила.

На этомъ заканчивается романъ; его интересъ—не въ развитіи цѣльной фабулы, а въ изображеніи всякаго рода ощущеній, переживаемыхъ различно настроенными людьми въ ихъ незамѣтной жизни, заполняемой каждымъ по своему. Въ описаніяхъ Реньé много жизненной правды и тонкихъ психологическихъ наблюденій. Какъ ни суетна жизнь, которую онъ описываетъ,—въ ней столько же внутреннихъ переживаній, какъ и въ болѣе сложномъ существованіи людей, живущихъ широкими интересами,—и въ художественномъ разсказѣ Реньé мелодія жизни звучитъ очень полно—и очень печально. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1904.

Предстоящее открытіе новой с.-петербургской городской думы.—Вѣроятный исходъ выборовъ на городскія должности.—Настоящая и будущая группировка гласныхъ.—Дѣленіе избирателей на разряды и на участки.—Тверское губернское земство въ его отношеніяхъ къ уѣздному.—На чьей сторонѣ справедливость и забота о народномъ благѣ?—В. Н. Герардъ и А. В. Евреиновъ †.

Черезъ нѣсколько дней откроются засѣданія новой с.-петербургской городской думы. Пройдетъ не менѣе мѣсяца, пока закончатся выборы на различныя должности, и дума получитъ возможность приступить къ завѣдыванію городскими дѣлами. Отъ замѣщенія должностей —въ особенности тѣхъ, которыя имѣютъ наиболѣе важное значеніе (предсѣдателя думы и его замѣстителя, городского головы и его товарища или товарищей)—зависитъ, конечно, очень многое; но большой ошибкой было бы считать его рѣшающимъ моментомъ въ дѣятельности думы. Весьма возможно, что первыя мѣста въ новомъ городскомъ управленіи достанутся на долю лицъ, имена которыхъ, извѣстныя изъ лѣтописей прежней думы, не предвѣщаютъ, сами по себѣ, перемѣны къ лучшему въ ходѣ дѣла; но отсюда нельзя еще будетъ заключить, что такая перемѣна, при настоящемъ составѣ думы, не состоится вовсе. Раздѣленіе избирателей, по количеству платимыхъ ими сборовъ, на два разряда, привело къ тому, что побѣду на выборахъ одержало сначала одно, потомъ другое теченіе. Выборы по первому разряду, на которыхъ *двумъ-стамъ восьмидесяти-шести* лицамъ предстояло избрать цѣлую треть общаго числа гласныхъ (54 изъ 162), провели въ думу многихъ изъ числа старыхъ дѣятелей, вмѣстѣ съ тѣсно примкнувшими къ нимъ новичками. Наоборотъ, выборы по второму разряду,—на которыхъ *двѣнадцать-тысячъ* лицъ должны были избрать остальныя двѣ трети, т.-е. сто-восемь гласныхъ,—въ восьми частяхъ города (изъ двѣнадцати) дали большинство элементамъ, вновь введеннымъ въ составъ избирателей; но меньшинство здѣсь настолько велико, что, въ соединеніи со всѣми или почти всѣми избранниками перваго разряда, оно легко можетъ составить больше половины общаго числа гласныхъ и, слѣдовательно, предрѣшить исходъ выборовъ. Движеніе впередъ будетъ этимъ значительно затруднено, но не перестанетъ быть возможнымъ. При извѣстной выдержкѣ и настойчивости меньшинства гласныхъ, во всякомъ случаѣ весьма значительнаго, при неустанномъ его вниманіи ко всѣмъ отраслямъ городского управленія,

при готовности его членовъ нести безвозмездный трудъ въ подготовительныхъ и исполнительныхъ коммиссіяхъ, оно можетъ предупреждать нежелательныя рѣшенія, проводить отдѣльныя мѣры, согласныя съ дѣйствительными интересами населенія, регулировать, путемъ контроля, дѣятельность городской управы. Скажемъ болѣе: оно можетъ, мало-по-малу, обратиться въ большинство, сначала случайное, потомъ постоянное. Для него, поэтому, нѣтъ надобности стремиться къ немедленному участію въ исполнительныхъ органахъ, если такое участіе можетъ быть пріобрѣтено только цѣною компромиссовъ. Оно не должно слѣдовать девизу мольеровскихъ докторовъ: „passez-moi la rhubarbe, je vous passerai le séné", —не должно вступать въ соглашенія, имѣющія цѣлью распредѣленіе должностей между различными группами гласныхъ. Лучше полное пораженіе, чѣмъ такая частичная побѣда, налагающая тяжелыя обязательства и грозящая цѣлымъ рядомъ фальшивыхъ положеній. Намъ случалось слышать разсужденія въ родѣ слѣдующаго: новые избиратели послали въ думу новыхъ гласныхъ не для отстаиванья, на словахъ, необходимыхъ хозяйственныхъ мѣропріятій, а для активнаго участія въ нихъ; нужно, слѣдовательно, обезпечить за собою во что бы то ни стало возможность такого участія, т.-е. извѣстное число мѣстъ въ городской управѣ и исполнительныхъ коммиссіяхъ. Отвѣтъ на это разсужденіе очень простой: не вина новыхъ элементовъ, если вліяніе, предоставленное закономъ прежнимъ избирателямъ [1], оказалось на столько сильнымъ, что парализовало собою, на первое время, дѣйствіе новизны; искусственными сдѣлками помочь дѣлу нельзя, а повредить можно, съ самаго начала поколебавъ общественное довѣріе, особенно цѣнное именно для меньшинства.

Есть ли, однако, основаніе говорить о двухъ группахъ въ средѣ думы, только-что избранной и ни въ чемъ еще себя не проявившей? Намъ кажется, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ заранѣе данъ предвыборнымъ движеніемъ. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, составлялись кандидатскіе списки, взаимно исключавшіе другъ друга; не на личной почвѣ велась борьба, захватившая не маленькіе кружки, а цѣлыя сотни избирателей. Правда, программы различныхъ группъ не во всемъ рѣзко отличались одна отъ другой — но даже повторяя, повидимому, одно и то же, онѣ имѣли, въ сущности, далеко не одинъ и тотъ же смыслъ. Главное различіе между ними, не всегда прямо выраженное, но стоящее внѣ всякихъ сомнѣній, коренилось въ отношеніи къ старой думѣ — отношеніи, дружественномъ у однихъ, рѣшительно неблагопріятномъ у другихъ. Держаться традицій, про-

[1]) Въ составъ избирателей перваго разряда вошли исключительно лица, и прежде обладавшія избирательнымъ правомъ.

битыхъ путей, испытанныхъ пріемовъ—къ этому сводилось настроеніе одной группы; отличительною чертою другой была вражда къ рутинѣ, къ тому, что нѣмцы называютъ „der alte Schlendrian“. Само собою разумѣется, что этого мало для образованія партій, хотя бы въ самомъ скромномъ смыслѣ слова; но этого вполнѣ достаточно для предупрежденія коалиціи, которая была бы, въ сущности, отреченіемъ отъ предвыборнаго образа дѣйствій новой группы. Агитація была одинаково сильна въ средѣ обѣихъ группъ; но одна изъ нихъ, которую мы, для краткости, назовемъ отходящимъ въ прошлое именемъ „стародумской“, работала, большею частью, въ тайнѣ и тишинѣ, вербуя сторонниковъ путемъ личныхъ сношеній, уговоровъ, вліяній [1]), а другая—сразу вышла на свѣтъ, созывала собранія (на которыя, обыкновенно, приглашала сначала *всѣхъ* избирателей даннаго участка, безъ различія партій), установляла кандидатскіе списки путемъ предварительной баллотировки, охотно допускала оглашеніе ихъ въ печати. Послѣдовательный со стороны „стародумцевъ“, закулисный союзъ съ противниками на предметъ выборовъ былъ бы совершенно не къ лицу новой группѣ.

Та демаркаціонная черта между группами, которая оказалась достаточною во время предвыборной агитаціи и можетъ сослужить такую же службу при выборахъ на должности по городскому общественному управленію,—неизбѣжно должна уступить мѣсто другой,

---

[1]) Напомнимъ, въ видѣ примѣра, что въ одномъ участкѣ избирателямъ разсылался, наканунѣ выборовъ, списокъ кандидатовъ вмѣстѣ съ визитной карточкой одного лица, выдающагося по своему богатству и общественному положенію. А вотъ что сообщалось въ „Свѣтѣ“ (органѣ г. Комарова, одного изъ избранниковъ перваго разряда) о составленіи стародумскаго кандидатскаго списка перваго разряда, *при пособіи* управленій обществъ взаимнаго кредита (городского и уѣзднаго), камско-волжскаго банка и городского кредитнаго общества: „Изъ городского кредитнаго общества вступили: Н. А. Тарасовъ, В. Ѳ. Пруссакъ, К. С. Строгоновъ, А. И. Ковшаровъ; отъ уѣзднаго земскаго кред. общ.— И. П. Рыбкинъ, И. И. Пироговъ; отъ камско-волжскаго банка — И. А. Костылевъ, И. Ф. Мухинъ; отъ с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита—А. Н. Никитинъ. Этотъ союзъ пригласилъ изъ крупнаго петербургскаго купечества Г. Г. Елисѣева, В. А. Ратькова-Рожнова, И. С. Крючкова, Н. И. Брусницына, П. П. Лелянова, М. С. Самсонова, П. И. Глазунова и др.; отъ дѣловой думской интеллигенціи—П. П. Дурново, В. В. Комарова, П. А. Рѣзцова, В. А. Тройницкаго, И. П. Медвѣдева, графа А. А. Бобринскаго, А. Н. Кабата и др. Союзъ пригласилъ большинство представителей министерствъ, какъ серьезную связь будущей думы съ серьезными сферами: И. Н. Азарьева (отъ морского м—ва), К. А. Митинскаго (отъ Ал.-Невской лавры), Ѳ. Э. Ландезена (отъ м—ства вн. дѣлъ), В. И. Шемякина (отъ св. синода). Остальныя мѣста заполнились избирателями перваго разряда, изъ которыхъ каждый, конечно, принесъ свой голосъ, а нѣкоторые и два“.—Откровенность „Свѣта“ тѣмъ болѣе похвальна, чѣмъ меньше она соотвѣтствуетъ общему характеру „стародумской“ предвыборной агитаціи.

когда настанетъ моментъ организаціи болѣе прочныхъ, болѣе постоянныхъ партій. Какъ онѣ сложатся, сколько ихъ будетъ, какимъ образомъ распредѣлятся между ними гласные—этого теперь нельзя предвидѣть. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что произойдетъ перегруппировка: шедшіе вмѣстѣ во время городскихъ выборовъ могутъ разойтись въ разныя стороны, бывшіе противники могутъ оказаться союзниками.

Поводомъ къ „новообразованіямъ" легко можетъ послужить, прежде всего, вопросъ объ увеличеніи какъ числа платныхъ должностей, такъ и размѣровъ связаннаго съ ними содержанія. Худшаго начала для дѣятельности новой думы мы не могли бы себѣ и представить. Суммы, получаемыя теперь городскимъ головою и членами городской управы, вовсе не такъ незначительны, чтобы можно было ставить на первый планъ ихъ возвышеніе. Умноженіе числа платныхъ должностей было бы, по меньшей мѣрѣ, преждевременно; новая дума должна сначала ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ городской управѣ и выяснить возможность или невозможность такого сокращенія дѣлопроизводства (въ особенности бумажнаго), которое позволило бы управѣ, безъ увеличенія ея состава, правильно исполнять лежащія на ней обязанности. Яблокомъ раздора, съ той же точки зрѣнія, можетъ стать и вознагражденіе членовъ исполнительныхъ коммиссій. Дальнѣйшій ходъ занятій думы не можетъ не вызвать новыхъ принципіальныхъ разногласій, какъ въ опредѣленіи ближайшихъ, наиболѣе неотложныхъ задачъ городского самоуправленія, такъ и въ выборѣ способовъ ихъ осуществленія. Придется рѣшить, можно ли, и въ какой степени, заботиться о пріятномъ, пока нѣтъ необходимаго—производить, напримѣръ, расходы на украшеніе города, пока не удовлетворены насущныя нужды массы городского населенія. Легко могутъ возникнуть, далѣе, недоразумѣнія между городскимъ общественнымъ самоуправленіемъ и администраціей — недоразумѣнія, къ которымъ едва ли будутъ одинаково относиться всѣ члены думы. Все это вмѣстѣ взятое вызоветъ тотъ процессъ разъединенія и объединенія, результатомъ котораго явится новая группировка гласныхъ, существенно отличная отъ неопредѣленныхъ очертаній, наблюдавшихся до и во время городскихъ выборовъ.

Въ исторіи петербургской думы нетрудно замѣтить одну оригинальную черту: существованіе партійной дисциплины—при отсутствіи партій. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это—самый худшій видъ дисциплины. Единство дѣйствій, достигаемое путемъ постоянно возобновляющихся соглашеній или даже путемъ добровольнаго подчиненія свободно избраннымъ вождямъ—явленіе понятное въ широко развитой политической жизни. Ради высокой, важной цѣли можно пожертвовать нѣкоторой долей личной свободы — но при отсутствіи

такой цѣли самоограниченіе слишкомъ легко можетъ обратиться въ самоуниженіе. Организація, существовавшая въ Петербургѣ лѣтъ 10—15 тому назадъ и руководившая, въ значительной степени, дѣятельностью думы, не имѣла никакой raison d'être, потому что не преслѣдовала никакихъ серьезныхъ задачъ и интересовалась исключительно личными вопросами. Въ началѣ 90-хъ годовъ она исчезла, но не исчезли ея традиціи: не прекратились частныя совѣщанія, рѣшенія которыхъ, хотя и не объединенныя общимъ стремленіемъ, общею мыслью, считались болѣе или менѣе обязательными для участниковъ. Отголоскомъ такихъ совѣщаній является, повидимому, тотъ „союзъ“, о которомъ мы, со словъ „Свѣта“, упомянули выше. Союзъ этотъ — читаемъ мы въ газетѣ г. Комарова, — „настолько силенъ, что пригласилъ въ составъ думы извѣстнѣйшаго ретрограда, за которымъ почему-то неправильно установилось понятіе, какъ о консервативномъ столпѣ, князя В. П. Мещерскаго, который не внесъ въ списокъ ни своего голоса, ни своего авторитета. Тѣмъ не менѣе товарищество союза было столь прочно, что прошелъ и князь Мещерскій и ради него *никто* не передѣлалъ своего списка“. *Никто*—это, кажется, сказано слишкомъ сильно: редакторъ „Гражданина“ получилъ значительно меньше голосовъ, чѣмъ почти всѣ его товарищи по „стародумскому“ списку; тѣмъ не менѣе избраніе его несомнѣнно служитъ яркимъ доказательствомъ сплоченности и дисциплинированности „союза“. Для новыхъ гласныхъ или для новой партіи это можетъ, однако, послужить урокомъ только—a contrario, показавъ еще разъ, какъ *не* слѣдуетъ дѣйствовать. Уже во время предвыборной агитаціи въ средѣ новой группы было заявляемо неоднократно, что кандидатскіе списки, составленные разными бюро и одобренные большинствомъ на предварительныхъ собраніяхъ, не должны стѣснять ничьей свободы и имѣютъ только значеніе коллективныхъ указаній, принятіе или непринятіе которыхъ зависитъ всецѣло отъ каждаго отдѣльнаго избирателя. Между лицами, совмѣстно и согласно дѣйствующими въ думѣ, можетъ, конечно, установиться болѣе тѣсная связь, чѣмъ между избирателями, сходящимися на предвыборныя собранія; но эта связь, въ особенности въ первое время, не должна налагать на нихъ никакихъ обязательствъ. Пускай они собираются для предварительнаго обсужденія очередныхъ вопросовъ—это полезно, это даже необходимо; но пускай каждый, въ концѣ концовъ, подаетъ голосъ по собственному убѣжденію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это было бы не столько твердостью, сколько упрямствомъ. Поянимъ нашу мысль примѣромъ. На вакантную должность или для исполненія какой-нибудь работы извѣстная группа имѣетъ въ виду двухъ вполнѣ подходящихъ, одинаково достойныхъ кандидатовъ.

Большинство группы, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, останавливается на одномъ изъ нихъ. Едва ли правильно поступитъ тотъ изъ среды меньшинства, который все-таки подастъ голосъ за излюбленнаго имъ кандидата, рискуя тѣмъ самымъ доставить побѣду противной сторонѣ.

Все это—вопросы будущаго. Оглядываясь на прошедшее, мы видимъ въ немъ яркія указанія на несовершенства избирательной системы, созданной положеніемъ 8-го іюня 1903-го года. Главное изъ нихъ — обособленіе крупныхъ плательщиковъ городского сбора, съ предоставленіемъ имъ громаднаго и трудно уравновѣшиваемаго вліянія на выборы, а слѣдовательно, отчасти, и на дальнѣйшій ходъ дѣла. Неудобства такой системы выяснились съ достаточною ясностью еще при существованіи трехъ разрядовъ, перенесенныхъ къ намъ изъ Пруссіи городовымъ положеніемъ 1870-го года. Уменьшеніе числа разрядовъ (городовымъ положеніемъ 1892-го года совершенно отмѣненныхъ) нѣсколько смягчило эти неудобства, но не могло ихъ уничтожить. Съ полною увѣренностью можно сказать, что привилегированное положеніе крупныхъ плательщиковъ оказалось несовмѣстнымъ съ видами законодателя. Въ самомъ дѣлѣ, что послужило непосредственнымъ поводомъ къ изданію закона 8-го іюня? Убѣжденіе въ несостоятельности прежней думы, въ необходимости существенно обновить ея составъ. И что же? Если это обновленіе, отчасти, и состоялось, то исключительно благодаря выборамъ второго разряда. Большинство избирателей перваго разряда выдало похвальный аттестатъ руководителямъ прежней думы, присоединивъ къ нимъ ими же, большею частью, указанныхъ новыхъ дѣятелей. Во время предвыборной агитаціи цѣлесообразность такой политики мотивировалась, какъ мы слышали, слѣдующимъ образомъ. Явясь въ думу, представители новаго элемента (т.-е. квартиронанимателей), неопытные, мало заинтересованные въ сбереженіи городскихъ средствъ, полные желанія проявить свою иниціативу, неизбѣжно будутъ расположены къ быстрому и сильному увеличенію городскихъ расходовъ. И вотъ, полезнымъ противовѣсомъ этому стремленію явятся старые, опытные гласные, избранные по первому разряду. Для особенно важныхъ рѣшеній думы требуется большинство двухъ третей голосовъ—большинство, достигнуть котораго новаторамъ будетъ крайне трудно, разъ что цѣлая треть гласныхъ будетъ избрана подъ флагомъ экономіи и замедленнаго движенія. Нужно ли доказывать всю искусственность такого объясненія? Гдѣ основаніе думать, что новымъ гласнымъ будетъ свойственна расточительность во что бы то ни стало, а *разумная* бережливость думскихъ старожиловъ не будетъ имѣть ничего общаго съ неумѣстною скупостью? Гдѣ гарантія въ томъ, что систематическое противо-

дѣйствіе увеличенію смѣты не повлечетъ за собою застоя въ городскомъ хозяйствѣ? Можно ли ставить на первый планъ интересы плательщиковъ городскихъ сборовъ, когда такъ много еще остается сдѣлать для массы городского населенія?

Второй практическій выводъ, подсказываемый послѣдними выборами, заключается въ томъ, что нецѣлесообразно ограничивать свободу избирателей, допуская избраніе въ гласные такихъ только лицъ, которыя приписаны къ данному участку. Каждому наблюдавшему за предвыборнымъ движеніемъ случалось видѣть, до какой степени это требованіе затрудняло избирателей, не знавшихъ, сплошь и рядомъ, почти никого на всемъ пространствѣ своего участка. Приходилось, въ такихъ случаяхъ, принимать почти на вѣру указанія того или другого кандидатскаго списка—или, что еще хуже, писать подъ диктовку отдѣльныхъ лицъ, агитировавшихъ, по старинному, съ глаза на глазъ, путемъ упрашиванья и уговора... Съ неменьшей ясностью выборы обнаружили чрезмѣрную высоту ценза, установленнаго для квартиронанимателей. Въ отдаленныхъ, бѣдныхъ частяхъ города (выборгской, рождественской, александро-невской) послѣдніе оказались совершенно безсильными, такъ какъ сравнительно дорогихъ квартиръ тамъ очень мало. Отсюда рѣзкая противоположность между результатами выборовъ на окраинахъ города и въ такихъ центральныхъ его частяхъ, какъ московская, литейная, казанская. Еще важнѣе то, что высокій квартирный цензъ устранилъ отъ участія въ выборахъ множество людей развитыхъ, обладающихъ тѣми или другими полезными знаніями и горячо интересующихся общественными дѣлами. Человѣку небогатому, да еще, въ добавокъ, живущему гдѣ-нибудь въ глухой мѣстности, пробѣлы и недочеты городского хозяйства даютъ себя знать еще чувствительнѣе, чѣмъ обитателю дорогой квартиры. Не говоримъ уже о совершенномъ устраненіи отъ выборовъ громаднаго большинства, живущаго изо дня въ день, перебивающагося съ хлѣба на квасъ. Чтобы ввести его въ сферу городского самоуправленія, для него особенно важнаго, нужна мѣра болѣе рѣшительная, чѣмъ пониженіе избирательнаго ценза, связаннаго съ платежемъ квартирнаго налога [1]).

О многомъ другомъ, связанномъ съ городскими выборами и городской думой, мы поговоримъ въ слѣдующей хроникѣ.

Чрезвычайно интересны и характерны съ одной стороны поста-

[1]) При квартирной платѣ, составляющей менѣе 300 рублей, квартирный налогъ, какъ извѣстно, не взыскивается.

новленія тверского губернскаго собранія, вызванныя проектомъ передачи земскихъ школъ тверского уѣзда въ духовное вѣдомство [1]), съ другой—комментаріи, посвящаемые этому инциденту въ реакціонной печати. Установимъ сначала, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, сообщенныхъ въ газетѣ „Право" (№ 50), самое содержаніе предложеній, внесенныхъ въ тверское губернское собраніе редакціонною его коммиссіей и всецѣло принятыхъ собраніемъ. Вотъ буквальный ихъ текстъ: „1) если передача земскихъ школъ тверского уѣзда состоится, прекратить, съ момента такой передачи, всякаго рода кредитъ тверской уѣздной управѣ—за медикаменты, учебныя пособія, за стипендіатовъ и т. п. На 1 января 1903 г. состояло въ долгу за уѣздной кассой 64.171 р.; 2) предложить тверскому уѣздному земству, съ момента передачи школъ, возвратить немедленно полностью всѣ ссуды изъ школьно-строительнаго капитала. Договоръ по каждой такой ссудѣ былъ заключенъ между земствами, причемъ уѣздное земство гарантировало какъ исправность поступленія платежей отъ сельскихъ обществъ, такъ и употребленіе ссуды по ея назначенію—на постройку земской школы. Передачей школъ въ постороннее вѣдомство уѣздное земство нарушитъ свое обязательство и тѣмъ создастъ для губернскаго земства право требовать досрочнаго погашенія; 3) возбужденное нынѣ тверскимъ уѣздомъ ходатайство о ссудѣ для постройки школьныхъ зданій въ размѣрѣ 13 тыс. руб. удовлетворить лишь въ томъ случаѣ, если уѣздное собраніе отмѣнитъ свое постановленіе 9 ноября; 4) сообщить тверскому уѣздному земству, что школы имени императора Александра II и А. М. Унковскаго, возведенныя на средства губернскаго земства, безъ разрѣшенія послѣдняго передаваемы быть не могутъ; 5) предложить уѣздному земству принять на себя уплату эмеритальныхъ взносовъ за всѣхъ учащихъ, которые, по передачѣ школъ, будутъ уволены или перейдутъ на службу въ школы духовнаго вѣдомства". Итакъ, ни одно изъ этихъ постановленій не вступаетъ въ силу немедленно и безусловно, какъ можно было бы заключить изъ изложенія ихъ въ шумящихъ и негодующихъ газетахъ (напр. въ № 339 „Московскихъ Вѣдомостей"). Исполненіе ихъ поставлено въ зависимость отъ того, осуществится ли планъ, пока еще только намѣченный тверскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Губернское земство ограничилось указаніемъ уѣзду на возможныя послѣдствія его рѣшенія. Посмотримъ теперь, имѣло ли оно къ тому законное основаніе.

Въ самомъ собраніи законность мѣръ, предложенныхъ коммиссіей, оспаривалась представителемъ духовнаго вѣдомства въ слѣдующей

---

[1]) См. „Обществ. Хронику" въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

формѣ: „покажите статью, въ силу которой губернское собраніе можетъ пересматривать проекты уѣзднаго". Такое требованіе было бы понятно, еслибы рѣчь дѣйствительно шла о *пересмотрѣ*—т.-е. о возможномъ измѣненіи или отмѣнѣ—постановленія уѣзднаго земства; но ничего подобнаго губернское собраніе не имѣло въ виду и не допустило. Сущность рѣшенія, принятаго тверскимъ уѣздомъ, осталась неприкосновенной: губернское собраніе признало его не подлежащимъ исполненію только по отношенію къ *двумъ* школамъ (изъ *ста тринадцати*), устроеннымъ на губернскія средства. Какъ въ этой части, такъ и во всѣхъ остальныхъ, постановленіе собранія касается исключительно предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствій губернскаго земства. Нарушеніе *закона* возможно, однако, и помимо нарушенія *предѣловъ вѣдомства*. Пробѣлъ въ аргументаціи представителей меньшинства гласныхъ пытается восполнить реакціонная печать. „На какомъ основаніи"—вопрошаетъ она—„губернское земство можетъ отказать уѣздному въ существующихъ ассигнованіяхъ, въ то время какъ уѣздное земство несло и несетъ отбытіе повинностей губернскому? Можетъ ли губернское земство вдругъ, безъ всякихъ предупрежденій, потребовать возврата выданной ссуды—выданной, очевидно, на извѣстныхъ условіяхъ уплаты? Еслибы, паче чаянія, такихъ условій и не было, ужели либеральное тверское земство рѣшится поставить себя въ положеніе ростовщика, требующаго возврата денегъ за непочтительное отношеніе заемщика"? Въ другомъ мѣстѣ та же газета сравниваетъ тверское губернское земство уже не съ ростовщикомъ, а съ *грабителемъ*, усматривая въ постановленіи собранія намѣреніе „собирать налоги въ тверскомъ уѣздѣ, а расходовать ихъ внѣ его, не давая ему ни копѣйки". Всѣ эти обвиненія—не что иное, какъ рядъ вольныхъ или невольныхъ недоразумѣній. Въ практику губернскихъ земствъ давно уже вошло оказаніе пособій уѣзднымъ земствамъ (въ области медицины, народнаго образованія, агрономическихъ мѣропріятій, дорожнаго дѣла и др.), при соблюденіи послѣдними заранѣе опредѣленныхъ условій, которыя уѣздъ можетъ принять или не принять, но, однажды принявъ, долженъ считать для себя обязательными. Выдаются, напримѣръ, пособія на устройство заразныхъ бараковъ, но съ тѣмъ, чтобы они соотвѣтствовали утвержденному губернскимъ земствомъ плану; выдаются пособія на содержаніе школъ, но съ тѣмъ, чтобы школьныя зданія удовлетворяли важнѣйшимъ требованіямъ гигіены, а учащіе обладали спеціально педагогическимъ образованіемъ. Препятствій къ установленію такихъ отношеній между губернскимъ земствомъ и уѣздными до сихъ поръ, за рѣдкими исключеніями, не возникало; встрѣчавшіеся иногда губернаторскіе протесты не имѣли, обыкновенно, прицціальнаго характера

и были направлены только противъ чрезмѣрной, будто бы, величины затратъ, принимаемыхъ на себя губернскимъ земствомъ. Между тѣмъ, условное соглашеніе, нарушенное одною стороною, перестаетъ, по общему правилу, быть обязательнымъ для другой. Губернское земство, въ приведенныхъ выше случаяхъ, имѣетъ полное право отказаться отъ выдачи субсидій на постройку барака, если онъ возведенъ съ отступленіями отъ утвержденнаго плана, прекратить уплату пособія на школу, если вновь назначенный учитель не имѣетъ надлежащей педагогической подготовки. Совершенно аналогичны отношенія, установившіяся между тверскими земствами губернскимъ и уѣзднымъ при выдачѣ первымъ послѣднему ссудъ на постройку школьныхъ зданій. Въ этихъ зданіяхъ должны были помѣщаться *земскія* школы; только для *земскихъ* школъ производилась ассигновка *земскихъ* денегъ. Если на этотъ счетъ и не было сдѣлано оговорки, то, очевидно, лишь потому, что она разумѣлась сама собою: земство заключало договоръ съ земствомъ о *земскомъ дѣлѣ*, и ни одной изъ договаривающихся сторонъ не приходило на мысль, что это дѣло можетъ перестать быть земскимъ. Если, вопреки смыслу соглашенія и волѣ заключавшихъ его сторонъ, невѣроятное и именно потому непредусмотрѣнное становится дѣйствительнымъ, это должно вести къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и нарушеніе прямо выраженнаго условія. Одно изъ такихъ послѣдствій — обязанность нарушителя возвратить условно выданную ссуду, какъ только того потребуетъ кредиторъ; прежде установленные сроки уплаты теряютъ силу съ самаго момента нарушенія условія. Совершенно законнымъ представляется, поэтому, постановленіе губернскаго собранія, относящееся къ возврату уѣздомъ ссудъ на постройку школьныхъ зданій. Говорить о ростовщичествѣ здѣсь просто смѣшно, какъ потому, что оно предполагаетъ личный интересъ, совершенно отсутствующій у губернскаго земства, такъ и потому, что заемщикъ призывается къ расплатѣ не за непочтительность къ кредитору, а за уклоненіе съ пути, вѣрность которому была одною изъ главныхъ основъ соглашенія. Еще менѣе сомнѣній возбуждаютъ остальные пункты постановленія, отказывающіе уѣздному земству въ новыхъ ссудахъ на школьныя зданія и предупреждающіе его о возможномъ закрытіи кредитовъ, которыми до сихъ поръ пользовался уѣздъ. Совершенно невѣрна, наконецъ, предпосылка, изъ которой выводится обвиненіе губернскаго земства въ „грабительствѣ“ (!); изъ губернскихъ средствъ удовлетворяются, въ большей или меньшей степени, разныя нужды уѣздовъ, не входящія въ сферу народнаго образованія—и въ этомъ отношеніи постановленіе губернскаго земства ничего не измѣняетъ. Участіе губерніи въ леченіи боль-

ныхъ, въ содержаніи путей сообщенія и т. п. для тверского уѣзда, какъ и для другихъ, остается прежнее.

Какъ бы предвидя слабость аргументовъ, приводимыхъ въ доказательство *незаконности* постановленія, реакціонная печать спѣшитъ перенести атаку на другую почву и предъявить къ тверскому губернскому земству,—а заодно, и къ либераламъ вообще, — обвиненіе въ фарисействѣ, въ равнодушіи къ народному благу. Насъ увѣряютъ, что постановленіе губернскаго земства можетъ „остановить весь ходъ школьнаго дѣла въ тверскомъ уѣздѣ" или, по меньшей мѣрѣ, привести къ закрытію части школъ, къ оставленію части крестьянскихъ дѣтей безграмотными. Всѣ эти „жалкія слова", въ устахъ завѣдомыхъ враговъ народнаго образованія производящія впечатлѣніе рѣзко-фальшивой ноты, лишены всякаго основанія. Земскія школы тверского уѣзда содержались и содержатся на уѣздныя средства, остающіяся неприкосновенными и послѣ постановленія губернскаго земства. Отклонена губернскимъ собраніемъ (условно) только ссуда на постройку новыхъ школьныхъ зданій; на близкую очередь поставленъ (также условно) возвратъ ссудъ на тотъ же предметъ. Ни то, ни другое не касается текущихъ расходовъ на школьное дѣло, которые если и уменьшатся, то единственно по доброй волѣ уѣзднаго земства (въ виду сравнительной дешевизны церковно-приходскихъ школъ). По доброй волѣ уѣзднаго земства ухудшится, быть можетъ, и постановка школьнаго дѣла, которая именно въ земскихъ школахъ тверского земства достигала значительной высоты. Уѣздное земство въ правѣ находить, что церковно-приходская школа—а можетъ быть и школа грамоты—лучшая форма начальнаго обученія; но столь же безспорно право губернскаго собранія держаться противоположнаго мнѣнія и отказываться отъ участія въ расходахъ на дѣло, во всякомъ случаѣ находящееся внѣ вѣдѣнія и вліянія земства.

Само собою разумѣется, что тверской инцидентъ послужилъ для реакціонной печати поводомъ къ возобновленію кампаніи противъ двухъ ненавистныхъ ей учрежденій: губернскаго земства и земской школы. Старыя выходки повторяются въ болѣе обостренной формѣ, съ ожесточеніемъ, не знающимъ мѣры и предѣла. Съ торжествующимъ видомъ дѣлаются ссылки на недавно объявившагося союзника—профессора Бориса Станкевича, помѣстившаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, письмо о современной сельской школѣ. Чтобы оцѣнить значеніе новой опоры, пріобрѣтенной нашими „охранителями", достаточно привести небольшую выписку изъ письма г. Станкевича: „отвращеніе къ крестьянскому труду и притязаніе на барство; непочтительность къ родителямъ, къ духовенству, къ представителямъ власти, къ заслуженнѣйшимъ изъ дворянъ-

землевладѣльцевъ; равнодушіе къ Церкви и неуваженіе къ закону; наклонность къ сутяжничеству и подстрекательству односельчанъ на все недоброе,—вотъ характерныя черты, отличающія окончившихъ сельскія школы, или учившихся въ нихъ молодыхъ крестьянъ". Какимъ образомъ сельская школа, помѣщеніе которой сплошь и рядомъ не лучше обыкновенной крестьянской избы, школа часто тѣсная и темноватая, иногда холодная и сырая, въ лучшемъ даже случаѣ дающая учащимся самыя скромныя удобства, не разлучающая ихъ съ семьей, не измѣняющая ихъ домашней обстановки, можетъ возбудить „притязаніе на барство"—это секретъ автора. Столь же непонятно и то, какимъ образомъ она можетъ развить „отвращеніе къ крестьянскому труду" въ дѣтяхъ, которыхъ она, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не отрываетъ отъ сельской работы, доступной ихъ возрасту. Изслѣдованія, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, показали, что даже изъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ многіе ученики возвращаются въ свою деревню и остаются земледѣльцами; гдѣ же поводъ думать, что обыкновенная начальная школа, съ своимъ трехлѣтнимъ курсомъ, не идущимъ дальше элементарной грамотности, открываетъ горизонты, въ виду которыхъ бѣдною и скучною кажется деревенская жизнь? Мыслимо ли, чтобы цѣлыя поколѣнія охладѣвали къ труду, которымъ жили ихъ предки въ теченіе столѣтій? Когда начальныхъ школъ было мало, когда окончившіе ихъ курсъ были едва замѣтными единицами въ темной массѣ, тогда можно было, пожалуй, думать, что грамотные, рѣзко отличаясь отъ безграмотныхъ, не захотятъ слиться съ ними въ одномъ общемъ дѣлѣ; но болѣе чѣмъ странно утверждать что-нибудь подобное теперь, когда во многихъ мѣстахъ молодежь грамотна почти поголовно. Неужели, наконецъ, въ возрастѣ 11—12 лѣтъ, въ которомъ крестьянскія дѣти заканчиваютъ, обыкновенно, свое ученье, возможно усвоеніе всѣхъ тѣхъ чувствъ и взглядовъ, которые г. Станкевичъ съ такою увѣренностью приписываетъ бывшимъ ученикамъ начальной школы? Безспорно, въ современной деревнѣ далеко не все обстоитъ благополучно: грубость нравовъ еще велика, отходъ на фабрику или въ городъ часто становится источникомъ нравственной порчи, пьянство скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ; но при чемъ же тутъ начальная школа? Можетъ ли ея вліяніе, ограниченное немногими и, притомъ, ранними годами, успѣшно противодѣйствовать массѣ другихъ неблагопріятныхъ условій? Можетъ ли оно предупредить неизбѣжныя послѣдствія перехода отъ одного строя къ другому—перехода, всегда болѣзненнаго и труднаго?.. Верхомъ несправедливости, граничащей съ нелѣпостью, является попытка связать начальную школу съ ростомъ преступности и замѣнить извѣстную формулу: „чѣмъ больше вы

построите школъ, тѣмъ меньше придется вамъ строить тюремъ"—другою, гласящею такъ: „чѣмъ больше вы будете множить такія школы, какъ подавляющее большинство земскихъ народныхъ школъ, тѣмъ больше придется вамъ строить тюремъ!" [1]) Это—просто клевета, не требующая и не заслуживающая опроверженія. Не ближе къ истинѣ и другое увѣреніе, идущее изъ того же источника—увѣреніе, что тверское уѣздное земское собраніе „своимъ смѣлымъ (!?) постановленіемъ передать школы изъ рукъ *безпринципнаго, безотвѣтственнаго земства въ отвѣтственное духовное вѣдомство* доказало свою истинную заботу о благѣ народа". Безотвѣтственное земство, безотвѣтственная земская школа! Да развѣ есть учрежденія, надъ которыми былъ бы установленъ болѣе строгій, болѣе разносторонній надзоръ, которыя легче было бы привлечь къ отвѣтственности, въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ? За земскими школами наблюдаютъ и инспекція, и духовенство, и земскіе начальники, и полиція, и должностныя лица крестьянскаго управленія—наблюдаютъ иногда не безъ предвзятаго желанія найти что-нибудь требующее неблагосклоннаго вмѣшательства власти. Гораздо больше закрыты для постороннихъ глазъ школы духовнаго вѣдомства, хотя учащіе въ нихъ выходятъ, обыкновенно, изъ тѣхъ же сферъ, какъ и преподаватели земскихъ школъ. Роль священника въ церковно-приходской школѣ ничѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, не отличается отъ роли его въ земской школѣ: и тамъ, и тутъ онъ только законоучитель. Его вліяніе на религіозно-нравственное образованіе учащихся зависитъ отъ его личныхъ качествъ, а не отъ принадлежности школы къ тому или другому вѣдомству. Меньше всего, поэтому, побудительною причиной ломки, задуманной тверскимъ уѣзднымъ земствомъ, можно признать „истинную заботу о народномъ благѣ" [2]).

Безвременная, неожиданная смерть В. Н. Герарда оставляетъ большой пробѣлъ въ рядахъ нашей присяжной адвокатуры. Одинаково сильный въ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ, глубоко преданный своему сословію, которому онъ служилъ почти непрерывно, въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, какъ членъ, товарищъ предсѣдателя и, наконецъ, предсѣдатель совѣта, онъ не замыкался, однако, въ рамки

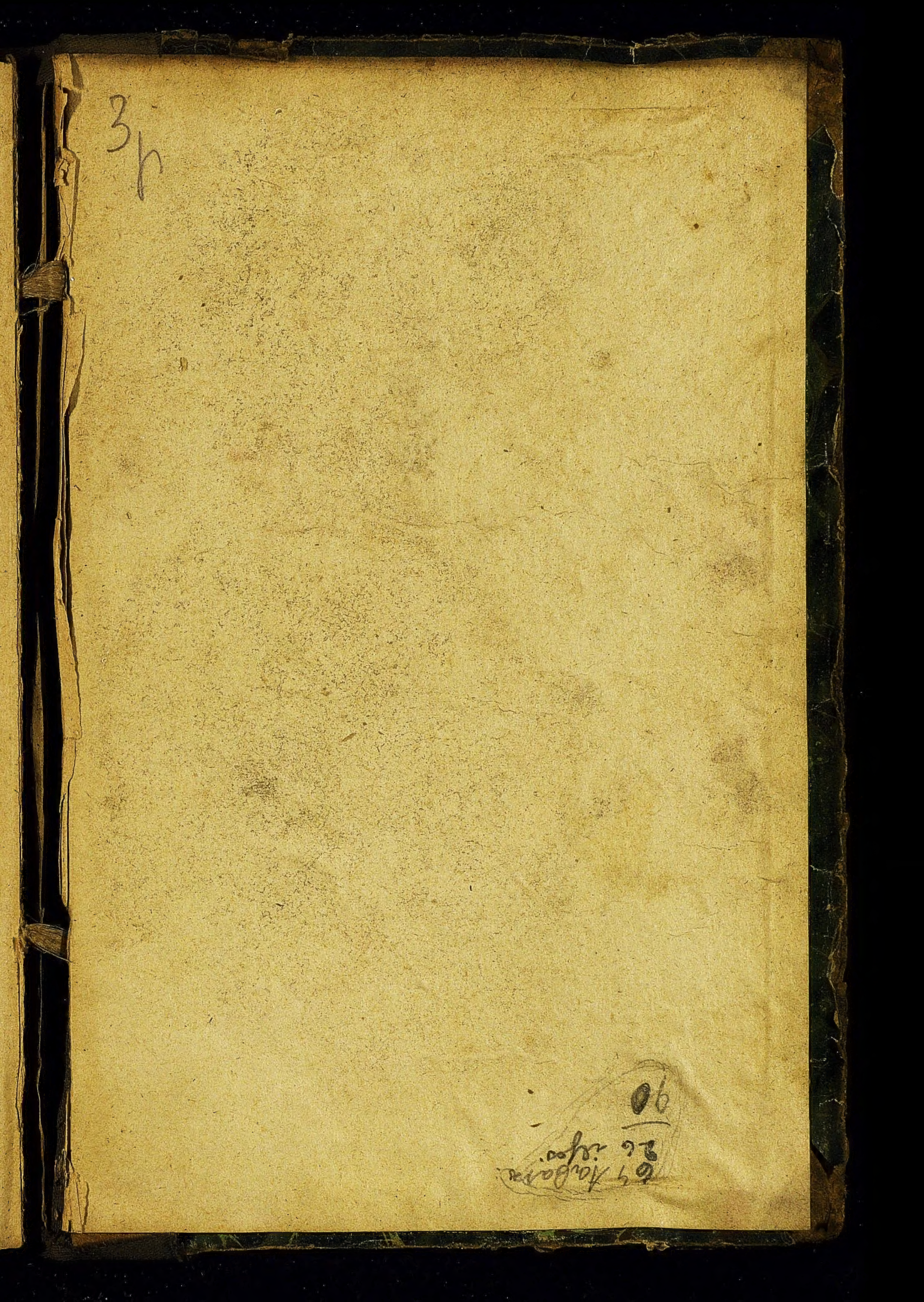
[1]) См. передовую статью въ № 332 „Московскихъ Вѣдомостей".

[2]) Любопытна справка, приведенная въ докладѣ тверской губернской управы: до сихъ поръ земствъ, передавшихъ свои школы духовному вѣдомству, было только *семь* (хвалынское и вольское—въ саратовской губерніи; одоевское и чернское—въ тульской; сольвычегодское, яренское и велико-устюжское—въ вологодской). Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. вольское) измѣнили, если мы не ошибаемся, свой взглядъ на дѣло и опять стали открывать земскія школы.

профессіональной работы и именно въ послѣдніе годы жизни очень много трудился для симпатичнаго дѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Вѣрный лучшимъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, онъ поддерживалъ ихъ вездѣ, гдѣ только могъ, своимъ краснорѣчивымъ, искреннимъ словомъ — и самъ оставался до конца убѣжденнымъ ихъ представителемъ. Такимъ онъ будетъ жить въ памяти всѣхъ его знавшихъ и въ исторіи русскаго суда.

Менѣе широка, по самому характеру и мѣсту его дѣятельности, была извѣстность скончавшагося на-дняхъ А. В. Евреинова, много лѣтъ сряду бывшаго суджанскимъ (курской губерніи) уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Добрымъ словомъ помянутъ его, однако, всѣ тѣ, кто слѣдилъ, въ 1902-мъ году, за работой уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Суджанскій комитетъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые всего шире поняли и всего успѣшнѣе исполнили свою задачу—и этимъ онъ былъ обязанъ въ особенности двумъ лицамъ: своему предсѣдателю, А. В. Евреинову, и бывшему предсѣдателю суджанской уѣздной земской управы, кн. П. Д. Долгорукову. Еще раньше соединенными ихъ усиліями земское хозяйство въ суджанскомъ уѣздѣ было доведено до такой высоты, которой оно достигаетъ не часто. Свои досуги А. В. посвящалъ иногда составленію статей, проникнутыхъ духомъ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3p
90

